

ДЖАМИЛЬ ГАСАНЛЫ

**СССР-ИРАН:
АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КРИЗИС
И НАЧАЛО ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ
(1941 – 1946 гг.)**

**МОСКВА
«Герои Отечества»
2006**

УДК 330.3
ББК Ф 66
Г 22

Научный редактор: Алиев С.М. - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Востоковедения РАН.

Рецензент: Егорова Н.И. - доктор исторических наук, зав.центром по изучению холодной войны Института Всеобщей Истории РАН

ГАСАНЛЫ Дж.П. СССР-ИРАН: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941 – 1946 гг). М.: Герои Отечества, 2006. – 560 с.

В представленной вниманию читателей монографии Азербайджанский ученый Дж.П.Гасанлы исследует малоизвестную широкому кругу читателей тему советско-иранских отношений в 40-х годах прошлого века. Изучив уникальные и ранее неизвестные материалы и документы из архивов России, США, Азербайджана, Грузии, а также анализируя изданные за рубежом труды и публикации в прессе, автор приходит к парадоксальному выводу: холодная война началась не в Европе, а в Азии! Именно советско-американо-британский кризис вокруг Иранского Азербайджана обозначил непримиримые противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции и лег в основу последующей конфронтации между Востоком и Западом.

Дж.П.Гасанлы показывает сложные перипетии использования национально-освободительного движения в Иранском Азербайджане как инструмента внешней политики СССР, отстаивание Западом интересов Ирана в противовес Москве. И тут напрашиваются прямые параллели с сегодняшним кризисом в отношениях между Ираном и США, отстаиванием Россией интересов Ирана в противовес США.

Изложение событий носит хроникально-документальный характер и порою воспринимается как политический детектив.

Книга предназначена для специалистов в области международных отношений, студентов гуманитарных вузов, всех интересующихся доселе неизвестными подробностями нашей недавней истории.

ISBN 5 – 91017 – 012 – 0

© Джамиль ГАСАНЛЫ, 2006
© Художественное оформление-
Наталья СЕМЕНОВА, 2006

*Посвящается славной памяти борцов, отдавших свою
жизнь за свободу и независимость Азербайджана*

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. Вступление советских войск в Иран и укрепление позиций СССР в Южном Азербайджане	15
ГЛАВА II. Активизация советской политики в Иранском Азербайджане	46
ГЛАВА III. Борьба за нефть и правительственный кризис в Тегеране	65
ГЛАВА IV. Решения Москвы и Иранский Азербайджан: лето 1945 года.....	84
ГЛАВА V. Образование Азербайджанской Демократической партии и идея автономии	103
ГЛАВА VI. Деятельность Азербайджанского Народного Конгресса	135
ГЛАВА VII. Образование Национального Правительства	158
ГЛАВА VIII. Иранский Азербайджан и Московская встреча министров иностранных дел	172
ГЛАВА IX. Национальное Правительство: между автономией и независимостью	190
ГЛАВА X. Начало реформ в Тебризе	208
ГЛАВА XI. Московский вояж Кавама эс-Салтане.....	241

ГЛАВА XII. Иранский Азербайджан – «яблоко раздора» холодной войны (март 1946 года)	276
ГЛАВА XIII. Приоритет нефтяной политики СССР в Иране	309
ГЛАВА XIV. Вывод советских войск: последний этап.....	337
ГЛАВА XV. Победа стратегии США	388
ГЛАВА XVI. Провал сталинской политики в Иранском Азербайджане.....	423
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	460
ИСТОЧНИКИ	492
ЛИТЕРАТУРА	544

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «Иранский Азербайджан», или «Южный Азербайджан», стало появляться в исторических текстах с начала XIX века. Возникший при Петре I особый интерес к прикаспийским областям, его известный «персидский поход» 1722-1723 годов, чуть позже - попытки России расширить свои владения за Кавказским хребтом завершились в конце концов двумя русско-иранскими войнами. Эти войны пагубно отразились на судьбе азербайджанских ханств, образовавшихся после смерти в 1747 году Надир шаха и к началу XIX века уже представлявших собой независимые государственные формирования. Приход к власти в Иране династии Каджаров и экспансионистская политика России на Кавказе явили собой угрозу существованию самостоятельных азербайджанских ханств. По условиям Гюлистанского мирного договора, подытожившего результаты первой русско-иранской войны 1804-1813 годов, Каджары официально отреклись от претензий на Карабахское, Гянджинское, Шекинское и Тальшское ханства. Вторая русско-иранская война 1826-1828 годов также завершилась поражением Каджаров. По Туркменчайскому трактату 1828 года Нахичеванское и Иреванское ханства, а также Ордубадский округ тоже перешли в руки России. Таким образом исторические земли Азербайджана оказались разделенными надвое: земли Северного Азербайджана (севернее реки Аракс) были присоединены к Российской империи, а земли южнее Аракса получил Иран. Так и возникли термины «Русский Азербайджан», или «Северный Азербайджан», и «Иранский Азербайджан», или «Южный Азербайджан».

Оба Азербайджана оказались втянутыми во внутренние процессы двух таких разных по историческому пути и общественному устройству империй и вынуждены были пройти вместе с ними более чем вековой исторический путь, приравниваясь к характеру и специфическим особенностям, социально-политическому, экономическому и культурному ритму своих метрополий. Несмотря на экспансионизм и колониальную политику царской России, Северному Азербайджану за этот период удалось добиться сравнительного прогресса. Захваченный в начале XIX века в виде отдельных феодальных ханств, Северный Азербайджан вышел

из развалин империи в 1917 году проповедуя идеалы единой родины, единого государства, единой нации, руководствуясь - впервые на Востоке - принципами республиканства. Все это было логическим результатом почти столетнего пребывания Северного Азербайджана в составе Российской империи.

Первая Азербайджанская Республика (1918-1920 гг.) сыграла важную роль с точки зрения воздействия идей независимости на общественное самосознание. Даже 70 лет советского тоталитаризма не смогли вычеркнуть идеалы независимости из мышления народа. После развала Советского Союза в 1991 году Северный Азербайджан вернул свою независимость под символами 1918 года – трехцветным флагом со звездой и полумесяцем.

Современный миропорядок, основополагающие принципы международного права гарантируют незыблемость независимости Азербайджанской Республики. Но эта независимость распространяется только на одну часть исторических территорий азербайджанского народа. Ставшее жертвой исторической несправедливости, население Южного Азербайджана в составе Ирана прошло совершенно иной путь. За две сотни лет отрыва от исторической родины Иранский Азербайджан не только не добился независимости, но и на рубеже XXI века азербайджанцы в Иране остались народом, лишенным национальных и простых человеческих прав, возможности говорить на родном языке и иметь свою культуру.

Нельзя сказать, что население там не борется за свои национальные ценности. Колыбелью конституционной революции в Иране был крупнейший азербайджанский город Тебриз. В 1908 году весь Южный Азербайджан поднялся на борьбу под руководством своего вождя Саттар хана, слава о котором гремела далеко за пределами Ирана. Он являлся беззаветным борцом за Конституцию, но если его борьба опиралась в основном на силу оружия, то в 1920 году лидер Тебризского восстания Шейх Мухаммед Хиябани в своей борьбе уже опирался на силу демократии. Если Саттар хан считал Тебриз центром, несущим Ирану свободу, то Хиябани представлял Азербайджан силой, способной демократизировать Иран. Саттар хан воспринимал свободу как идеал, а Хиябани – демократию как веру. Однако в итоге ни Азербайджан не стал свободным, ни Иран демократическим. Напротив, февральский переворот 1921 года вошел в историю Ирана как год падения династии Каджаров и появления на политической сцене командира казачьего полка Реза хана, который, захватив престол, именуя себя шахом, основал династию Пехлеви.

Диктатура Реза шаха, правившего с 1925 по 1941 годы, избрала главной мишенью Тебриз, а главной движущей силой двух революций –

азербайджанских тюрков. Именно в этом следует искать причину движения «21 Азер», развернувшегося в Иранском Азербайджане под руководством Сеид Джафара Пишевари после окончания Второй мировой войны.

С приходом в XIX веке России в Закавказье и с разделением Азербайджана ситуация отнюдь не стабилизировалась. С этого момента взяла старт длительная борьба великих держав за влияние на Иран. В 1907 году была заключена «Конвенция по делам Персии, Афганистана и Тибета» о разделе сфер влияния в этих регионах между Британией и Россией. По этой конвенции север Ирана, включая и Южный Азербайджан, был отдан на откуп России, а Южный Иран - Британии. С этого момента в течение 50 лет вмешательство во внутренние дела Ирана, различные государственные перевороты, организация правительственных кризисов, в том числе и ввод войск на территорию суверенного государства, стали для России и Британии обычной практикой. И даже большевистская революция 1917 года, установление советской власти не изменили сути отношения России к Ирану. Попытка провозгласить в июне 1920 года Гилянскую Советскую Республику и распространить социалистические идеи на весь Иран оказалась безуспешной, а потому Россия решила подвести под свои отношения с этой страной «правовую» базу. Договор между Советской Россией и Ираном, заключенный 26 февраля 1921 года, весьма далек от равноправия. Действительно, Советская Россия аннулировала все несправедливые договоры царской России с Ираном, и все договоры с третьими странами, имеющие статьи, идущие во вред Ирану, отказалась от всех форм собственности Российской империи в Иране, но, вместе с тем, договор 1921 года заложил основу новых неравноправных отношений. Так, статья 6 гласила, что если третьи страны будут использовать территорию Ирана как базу для нападения на Советскую Россию и ее союзников и если Иран будет не в силах устранить эту опасность, то «Российское советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые меры». Именно эта статья послужила юридическим обоснованием для ввода советских войск в Иран в августе 1941 года, ставшего, в свою очередь, отправной точкой, с которой начались судьбоносные события, явившиеся объектом исследования данной монографии.

Процесс обновления, охвативший весь мир после Второй мировой войны, не обошел стороной и Южный Азербайджан. Уже в годы войны оккупация Ирана союзниками вызвала кризис режима Реза шаха. Получили свободу политзаключенные, повысилась роль партий и прессы в стране. Вступление Советской армии в Южный Азербайджан по аналогии с присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии породило

надежду на расширение границ СССР на юге. Завершение процесса прогнозировалось к ноябрю 1941 года. Однако осложнение ситуации на советско-германском фронте вынудило СССР отложить реализацию этого плана. 29 января 1942 года было подписано трехстороннее советско-англо-иранское соглашение о территориальной целостности Ирана. Но с началом решительного перелома в ходе войны Советский Союз вернулся к этой заманчивой перспективе.

Ослабление в Иране в годы войны режима династии Пехлеви создало благоприятные условия для расширения национально-освободительной борьбы в Азербайджане. При этом фактор влияния извне весьма существенно этому способствовал. Еще были живы участники движения Хиябани и даже соратники Саттархана. Население Южного Азербайджана было недовольно политикой шахской династии, сдерживающей социально-экономическое и духовное развитие этой части иранского государства, проводящего ассимиляторскую политику по отношению к азербайджанцам. Реакционные теории, отрицающие самобытность азербайджанской нации, целенаправленная фарсизация азербайджанского языка, культуры и общественной мысли вызвали естественный протест. Этому способствовали и настроения десятков тысяч иммигрантов, высланных из Советского Азербайджана и других южных республик СССР незадолго до начала войны и обладавших достаточно развитым чувством национальной самоидентификации. Представители азербайджанской советской интеллигенции, направленные на работу в Южный Азербайджан руководством Азербайджанской ССР, сыграли важную роль в углублении процесса национального самосознания населения. В годы Второй мировой войны в Южном Азербайджане сформировалась новая генерация интеллигенции, способная оказать значимое влияние на общественные настроения, придать мощный импульс национальному движению.

С победоносным завершением войны у высшего руководства Советского Союза возникли вновь надежды на возможность активного проникновения в регионы Ближнего и Среднего Востока. Особое место в реализации планов советского экспансионизма на Восток должен был сыграть Южный Азербайджан. Руководство СССР попыталось использовать в своих целях национальные чувства азербайджанцев, однако, механизм осуществления этих намерений не был продуман до конца. Нечеткость представлений о вырисовывающихся перспективах в конечном итоге обернулась неудачей. Это послужило основанием для широко распространенного мнения, что Сталин не желал объединения Северного и Южного Азербайджана. Однако знакомство с документальными источниками и свидетельствами тех лет, говорит об обратном. Отношение к судьбе Южного Азербайджана у советского руководства определялось стратегическими планами проникновения вглубь Востока, стремлением

получить контроль над богатыми топливно-энергетическими ресурсами регионами Ирана и арабских стран. И лишь противодействие стран Запада помешало реализации этих планов. Тем не менее в годы, когда Советский Союз не оставлял планов активной экспансии на юге, национальное движение азербайджанцев в Иране приобрело особый размах. Кульминацией этого движения стало формирование Национального правительства во главе с председателем Азербайджанской демократической партии Сеид Джафаром Пишевари.

Национальное правительство Южного Азербайджана, просуществовавшее всего лишь год, проделало колоссальную работу. Его деятельность способствовала углублению процесса формирования национального самосознания азербайджанцев. Много было сделано, чтобы внести существенные изменения в политическую жизнь края, характер социально-экономических отношений, развитие культуры, использование азербайджанского языка в делопроизводстве, начать переход на обучение и издание газет на родном языке. Всему этому содействовали и представители Советского Азербайджана, активно участвовавшие в процессе строительства новой жизни на Юге. Независимо от целей советской политики, эта их помощь, по ряду свидетельств, являлась действительно бескорыстной и подвижнической. Развитие национального движения находило поддержку и в международных кругах. Например, политическая общественность и государственный департамент США советовали иранскому правительству признать национальные и культурные права азербайджанцев в целях сохранения целостности страны, причем иранское правительство само добровольно должно предоставить эти права, дабы избежать усиления советского влияния в этом регионе.

Сложная, противоречивая обстановка тех лет обусловила превращение Южного Азербайджана в испытательный полигон противоборства между СССР и странами Запада. Именно в Азербайджане был дан старт противостоянию, в результате которого бывшие союзники – СССР, США и Великобритания – из соратников превратились в соперников. Анализ новых материалов и документов, относящихся к этой проблеме, позволяет утверждать, что холодная война, в течение 50 лет державшая в напряжении весь мир, началась именно в Южном Азербайджане.

Одной из главных задач, стоящих перед данной монографией, является изучение событий, происходящих в Иранском Азербайджане, в контексте нарождающейся холодной войны. С одной стороны, это связано с углублением источниковедческой базы изучения этого глобального процесса благодаря открывающимся в последние годы архивным документам, а с другой - восстановление целого ряда эпизодов, имевших место на Ближнем и Среднем Востоке, включение их в цепочку событий

общей истории международных отношений, определение их места и роли на начальном этапе холодной войны позволяет по-новому взглянуть на проблему определения эпицентра этого исторического явления.

За последние годы достигнуты большие успехи в изучении истории холодной войны. В США, России и Европе опубликованы интересные труды. Основанные на документах, оставшихся секретными до последнего времени, теперь эти исследования освещают самые темные страницы той эпохи. Особую ценность представляют достижения российской исторической науки по данной тематике. Однако, как правило, исследования, будь то российских или американских историков, других представителей Запада построены на принципах евроцентризма. Такая концепция определена тем, что по ходу дальнейших событий именно Европа вышла на первый план и превратилась в главную арену острейших политических событий. Европа могла бы стать колыбелью холодной войны, но именно из-за пристального к ней внимания и опасности возникновения нового масштабного вооруженного противостояния заинтересованные стороны шли на уступки друг другу, и хронологически холодная война в Европе развернулась позднее. Лишь через некоторое время события в Европе заставили забыть об иранском и турецком кризисах. Открывающиеся ныне архивы позволяют пересмотреть устоявшееся мнение о географии стартовой площадки холодной войны, о самом времени старта, а главное, дают ответ на вопрос, чей же палец нажал на ее спусковой крючок. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что холодная война есть результат жесткого противодействия США и Великобритании советской политике в Иранском Азербайджане и Турции.

Естественно, тогда в политическом лексиконе еще не было термина «холодная война». Но факторы, определяющие ее суть, были налицо. К тому же в Иранском Азербайджане столкнулись именно те страны, те суперсилы, которые в дальнейшем определили международные отношения в Европе. Именно события в Иране и попытки Советского Союза укрепиться здесь взвинтили нервы соперников до предела. Немедленно после окончания Второй мировой войны и в Европе, и в Советском Союзе были разработаны секретные документы, свидетельствующие о серьезности экспансионистских намерений вплоть до противостояния с союзниками: 10 июня 1945 года СНК СССР принял решение «Об организации советских промышленных предприятий в Северном Иране», 21 июня Госкомитет обороны - «О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране», 6 июля Политбюро ЦК ВКП(б) утверждает постановление «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана». Все документы были подписаны руководителем этих трех

организаций – И.Сталиным. Для претворения в жизнь этих директив 8 октября 1945 года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР принимают решение о военном укреплении Иранского Азербайджана. Туда сразу же было направлено большое число спецагентов и диверсантов для ликвидации особо активных сторонников шахского режима. Изучение кремлевских документов лета и осени 1945 года, позволяет выдвинуть идею, что именно они дали первый импульс холодной войне.

Первый спорный вопрос в только что созданной ООН также касался проблемы Азербайджана. В январе 1946 года на Лондонской сессии Совета Безопасности, а позже и на заседаниях в Нью-Йорке обсуждалась ситуация в Азербайджане. Неоднократно Совет Безопасности рассматривал обращения Ирана, сигнализировавшего о том, что ситуация в регионе представляет, якобы, угрозу для всего мира. Советский Союз, опасавшийся санкций ООН и серьезного противостояния с США и Великобританией, вынужден был вывести свои войска из Южного Азербайджана. Но даже после этого обсуждения в штаб-квартире ООН не прекратились, и азербайджанская проблема осталась на первом месте в ряду конфликтов, которые Объединенные нации пытались загасить. Разгром национально-демократического движения, свержение правительства реформаторов в Азербайджане были оценены как победа Совета Безопасности. Первый год холодной войны ознаменовался проигрышем Советского Союза в его противоборстве с Западом. Это поражение сыграло трагическую роль в жизни тюрков Южного Азербайджана, лишившихся во второй половине XX века элементарных гражданских, национально-культурных и прочих прав.

Представленная на суд читателей книга хронологически охватывает период с 1941 по 1946 гг. В монографии на основании архивных документов, впервые введенных в научный оборот, раскрываются процесс образования и деятельности Национального правительства, особенности противоборства СССР, США и Великобритании в Азербайджане, участие Советского Азербайджана в процессах, происходивших в Южном Азербайджане, а также ряд других проблем. В работе впервые представлены документы Национального правительства, хранившиеся в архивах Азербайджанской Республики. Эти материалы позволяют по-новому взглянуть на действия советского правительства, Азербайджанской Советской Республики. В книге использованы переписка советского руководства, документы Совета Министров СССР, Министерства иностранных дел, Министерства обороны, органов государственной безопасности. Среди вновь обнаруженных документов особую значимость имеет рукопись книги премьер-министра Национального правительства С.Дж.Пишевари, озаглавленная «История демократического движения в Иранском Азербайджане». Знакомство с этим двухтомным трудом

способствовало углублению представлений о послевоенной истории Южного Азербайджана.

При работе над монографией использованы относящиеся к 1945-46 гг. и опубликованные в 1969 году в Вашингтоне документы, касающиеся ближневосточной политики США, дипломатическая переписка, материалы государственного департамента, письма, статьи, интервью и выступления президента Г.Трумэна и госсекретаря Дж.Бирнса, рапорты американского посла в Тегеране и консула в Тебризе официальным лицам США. Сравнительный анализ американских документов и советских архивных материалов позволяет прояснить целый ряд вопросов, до сих пор продолжающих вызывать споры в американской научной и политической литературе. При анализе процессов, происходивших в Иране и Азербайджане в течение первого года холодной войны, автор неоднократно обращался к мемуарам политических деятелей США, исследованиям научных и политических центров, публикациям в прессе - как американской, так и иранской.

Подбору материалов во многом содействовали руководство Национального архивного управления Азербайджанской Республики, сотрудники Государственного архива политических партий и общественных движений и Центрального государственного архива, архива Министерства национальной безопасности Азербайджанской Республики, Архива внешней политики РФ, Российского государственного архива социально-политической истории, Архива президента Грузии, а также информационная служба USIA, предоставившая возможность работать в научных центрах США. Всем им автор выражает глубокую признательность.

Автор также выражает искреннюю благодарность своим коллегам – профессору Э.Исмаилову, профессору Ш.Тагиевой, профессору Г.Алибейли, профессору И.Рзаеву, доценту Р.Акперову, оказавшим неоценимую помощь в подготовке книги.

Автор далек от мысли, что ему удалось найти ответы на все вопросы исследуемой проблемы. Естественно, что в отношении исторических процессов, оценки деятельности отдельных исторических личностей могут существовать прямо противоположные точки зрения. Пока еще закрытые фонды Архива внешней политики России, Российского государственного архива социально-политической истории и, в первую очередь, Архива президента России, архивов министерств иностранных дел Ирана и Великобритании, пока еще засекреченные материалы ряда американских государственных органов могут в будущем прояснить все еще остающиеся в тени значимые аспекты исследуемой проблемы. Учитывая все это, автор считает свою концепцию о начале холодной войны именно в Иранском Азербайджане открытой для обсуждений и обмена мнениями.

ВСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ИРАН И УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ СССР В ЮЖНОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 г. к СССР стимулировало повышение интереса Советов к Южному Азербайджану. В начале 1940 года этот регион был включен в военно-стратегические планы Москвы, что было обусловлено рядом причин. Во-первых, возможностью путем присоединения этой части Ирана к Азербайджанской ССР, а, следовательно, к СССР, вклиниться вглубь Средневосточного региона, обеспечив тем самым решающее влияние на характер развития событий в этой части мира; во-вторых, стремлением обеспечить безопасность южнокавказской части империи. Советское руководство не забыло, что проникновение в Южный Азербайджан германо-турецких войск в годы Первой мировой войны создало реальную угрозу южным границам России. И, наконец, Советский Союз опасался, что Германия может взять под свой контроль экономику Ирана, и прежде всего овладеть его нефтяными богатствами.

Эти опасения не были напрасны. Хотя Иран 4 сентября 1939 года, сразу же после начала Второй мировой войны, объявил о своем нейтралитете, сотрудничество с Германией продолжало составлять главное содержание его внешнеполитического курса. Это стало очевидным весной 1941 года после оккупации германскими войсками Югославии и Греции. Надеясь на победу Германии в предстоящей войне с СССР, Иран рассчитывал овладеть районами Южного Кавказа и Средней Азии. Советское руководство знало об этом, и правительство обратило специальное внимание на требования Ирана, прозвучавшие в 1919 г. на Парижской мирной конференции. Выяснилось, что прежние стремления Ирана совпадали с его новыми желаниями. В апреле 1940 года Наркомат иностранных дел СССР получил в свое распоряжение отпечатанную по решению иранского Меджлиса карту под названием «Новое

административно-территориальное деление государства Иран», внизу которой было сделано небольшое примечание: «Границы Ирана, за исключением границы с Турцией, не являются официальными». В ноте иранского посольства за №643 от 17 мая 1940 года, подписанной Реза шахом и министром иностранных дел и направленной в Народный комиссариат иностранных дел СССР с целью получения аккредитации для нового иранского консула в Баку, Азербайджанская ССР открыто именовалась «Кавказским Азербайджаном». В результате проверок, проведенных органами государственной безопасности, было установлено, что в персидском тексте документов, направленных в Наркоминдел генеральным консулом, последний подписался как «генеральный консул шахиншаха в Кавказском Азербайджане». Письма к уполномоченному Министерства иностранных дел в Баку генконсульство адресовало как «Представительству комиссариата иностранных дел в Кавказском Азербайджане». В своей официальной переписке иранское консульство пользовалось древним персидским названием Баку и упоминало его как «Бад Кубе» [1].

Все это давало Советам дополнительные основания для беспокойства. С осени 1939 года Советский Союз начал скрупулезно собирать военные, политические, экономические и стратегические сведения о Южном Азербайджане. В процессе высылки иранских подданных из Советского Азербайджана в 1938 году органы спецслужб СССР внедрили в Иран своих агентов. В 1940 году советская военная разведка составила картотеку всех промышленных объектов в Южном Азербайджане, в которой перечислялись технические показатели 90 промышленных предприятий и 25 электростанций [2]. 18 января 1938 года вышел указ Наркома НКВД Н.Ежова «Об арестах и выдворении иранских граждан из Азербайджана». Через день вышло Постановление ЦК ВКП (б) «О принятии советского подданства подданными Ирана» с приложением справки о наличии иранцев в Азербайджане. В Постановлении указывалось: «Всех тех граждан иранцев, которые оформят советское подданство, переселить в месячный срок в Казахстан. Все те граждане иранцы, которые откажутся от перехода в Советское подданство и пожелают остаться подданными Ирана, подлежат немедленному выселению в Иран, и в случае отказа – аресту». В приложенной к Постановлению справке указывалось, что в Азербайджане проживают 40 тысяч иранцев, из которых 15 тысяч являются подданными Ирана. Сразу после выхода Постановления первая группа из 2878 ираноподданных была отправлена в Иран.

10 июля 1939 года Политбюро поручило Наркомату Иностранных дел «предложить иранскому правительству в десятидневный срок разрешить окончательно вопрос о приеме всех, подлежащих высылке из

СССР, арестованных ираноподданных в количестве 2126 человек вместе с членами их семей» [3].

В 1940 году 5-е управление Красной Армии подготовило «Военно-географическую карту Иранского Азербайджана», при составлении которой было сделано все, чтобы не упустить ни одной существенной детали. К примеру, была указана глубина рек через каждый километр, и были такие пометки: «На участке местности между точкой слияния реки Гарасу с Араксом и горами Гараджадаг возможно применение всех видов войск. Горные вершины от Карадага до Астары, окруженные лесами и зарослями, считаются труднопроходимыми участками. За исключением горных участков, здесь невозможно использовать даже пехоту» [4].

В январе 1941 года в Москве был выпущен 216-страничный «Технико-экономический обзор по Южному Азербайджану». В обзор входили данные по Южному Азербайджану за период 1920-1940 годов, касающиеся политической, экономической, промышленной географии, сельского хозяйства, торговли и транспорта, населения, городов и пр. [5].

Отправленная М.Дж.Багировым Сталину в марте 1941 года 35-страничная «Краткая справка о Южном Азербайджане» также представляет интерес по насыщенности фактами. В этой справке содержался краткий исторический обзор, детальный анализ данных о Южном Азербайджане и его границах, населении, городах и населенных пунктах, культурном уровне населения, сельском хозяйстве, земледелии и землепользовании, торговле, национальном вопросе, умонастроениях. В частности, там отмечалось: «Шахское правительство Ирана, зная тяготение азербайджанского народа к Советскому Азербайджану, с каждым днем усиливает полицейский режим и меры репрессий» [6].

Накануне вторжения советская разведка собрала исчерпывающие сведения об иранской армии, в том числе о численности, командном составе, боеспособности и разведывательных возможностях дислоцированных в Южном Азербайджане частей. Генеральному штабу был предоставлен список офицеров, занимающихся сбором разведывательной информации об СССР. Советские спецслужбы получили детальный генеральный план города Баку, составленный иранской военной разведкой, куда были включены мельчайшие детали, вплоть до адресов иранских генералов.

В мае-июне 1941 года, перед самым вторжением советских войск, для отправки в Южный Азербайджан в Азербайджанской Советской Республике было мобилизовано 3816 гражданских лиц, из которых было сформировано 52 бригады. В их составе было 82 партийных работника, 100 сотрудников советских организаций, 200 сотрудников органов безопасности, 400 милиционеров, 70 прокурорских, 90 судебных и 150 работников типографий и издательств. Сюда входили также 245

железнодорожников и 42 геолога-нефтяника. Секретарь ЦК КП(б) Азербайджана Азиз Алиев был назначен руководителем отправляемой в Южный Азербайджан миссии Советского Азербайджана [7].

В начале июня 1941 года в Среднеазиатском военном округе с участием представителей Генштаба были проведены командно-штабные учения под названием «Сосредоточение Отдельной армии к государственной границе» [8].

Начавшаяся война с Германией, естественно, внесла существенные коррективы в советскую политику по отношению к Ирану. Советское руководство могло согласиться участвовать в оккупации Ирана и для того, чтобы подкрепить нарождавшееся политическое сотрудничество с Великобританией совместной военной акцией, что создавало важный прецедент и благоприятствовало стремлению добиться открытия второго фронта в Европе [9].

В июне-июле 1941 года дислоцированная в Закавказье 47-я армия выдвинулась к границе. Иран находился накануне грандиозных событий.

В конце июля на Закавказском фронте и в пограничных войсках была объявлена повышенная боевая готовность. С 25 июля до 5 августа шли последние уточнения деталей наступательной операции. Был утвержден план оккупации городов и населенных пунктов, захвата и уничтожения промышленных и военных объектов. 20 августа все документы, касающиеся наступления, были отправлены по назначению с пометкой «совершенно секретно». 23 августа в 05 ч. 10 мин. утра была спущена «Директива ставки Верховного Главнокомандующего №001197 командующему войсками Закавказского военного округа о развертывании Закавказского фронта и вводе двух армий в Иран». В директиве указывалось: «В целях обеспечения Закавказья от диверсий со стороны немцев, работающих под покровительством иранского правительства, а также для того, чтобы предупредить вылазки иранских войск против наших границ, советское правительство на основании ст.6 советско-иранского договора 1921 г., в силу которого советское правительство имеет право ввести войска в Иран, если поведение иранского правительства создаст угрозу для СССР, постановило ввести войска на территорию Ирана». Закавказскому фронту была поставлена задача: «С утра 25 августа 1941 года войскам 47-й и 44-й армий перейти границу Ирана и к 27.08.1941 г. подвижными частями занять районы Дильман, Тебриз, Ардебиль. В дальнейшем быть готовыми наступать в направлениях Урмии, Мехабда, Миане, Казвина, Решта, Рудесара. В случае оказания вооруженного сопротивления со стороны иранских войск всеми имеющимися средствами уничтожить войска и материальную часть противника, не допуская отхода их на юг».

В директиве в ряду других наставлений имеется и важная для нас строка: «е) исключить всякую возможность налета авиации противника на район Баку» [10]. По решению Государственного комитета по обороне и приказу военного совета Закавказского фронта стоявшие у границ Южного Азербайджана советские войска в 2 часа ночи 25 августа приступили к осуществлению военной операции. С 5 до 7 часов утра по всей линии - от Нахичевани до южного побережья Каспия - пограничные войска СССР, 44-я и 47-я армии, Каспийский флот, 8-й Закавказский авиакорпус, 132-я Евлахская авиадивизия начали боевые действия в Южном Азербайджане и на юге Каспия. Была отрезана связь иранской армии с тылом, в течение полутора часов, с 5.00 до 6.30, сопротивление передовых постов иранской армии было сломлено. Правда, в некоторых местах сопротивление продолжалось до 13 часов дня. Но в целом иранская армия сразу же капитулировала. Вопреки приказу Реза шаха об оказании сопротивления, солдаты и офицеры беспорядочно покидали позиции, бросая оружие и технику. 28 августа иранская армия официально прекратила сопротивление. Советские войска оккупировали Южный Азербайджан, Гилян, Мазандаран и Хорасан. В то же время приступившая к военной операции Британия своими 12 индийскими дивизиями вышла на линию Кирманшах, Абадан, Хоррамабад, Меджиди-Сулейманийе, Хормуз, Бендер Дейлим [11].

27 августа правительство Али Мансура ушло в отставку. На следующий день Меджлис Ирана утвердил состав нового правительства под руководством Мирзы Мухаммеда Али хана Форуги, а также решение правительства о прекращении сопротивления советским и британским войскам. В ходе скоротечной военной операции Иран потерял 106 человек, 320 человек сдались в плен. Потери Красной Армии составили 6 погибших, 18 раненых и 9 утонувших при форсировании Аракса [12]. Потери авиации составили 10 боевых самолетов [13]. Однако это было связано не с мастерством иранских военнослужащих, а с несерьезным отношением к операции советских летчиков, их незнанием местности и игнорированием метеорологических условий. В архивных материалах содержится информация о десятках фактов мародерства со стороны офицеров и солдат Красной армии в первые дни после вступления в Южный Азербайджан. В ходе оккупации большое число состоятельных людей – землевладельцев, коммерсантов, промышленников - покинули провинцию.

Из работников государственной безопасности вначале в операции принимала участие только группа чекистов из Советского Азербайджана во главе со Степаном Емельяновым. Руководивший группой чекистов из Армянской ССР заместитель министра внутренних дел Гезальян, выражая позицию руководства Армении, настаивал на необходимости раздела

оккупированной советскими войсками части Ирана на зоны влияния между Азербайджаном и Арменией. По его мнению, Тебриз должен был войти в подчинение республиканских органов Армении по той причине, что армянские оперативники якобы уже приступили там к работе. Спецслужбы Армении пытались обосновать, что эта республика больше Азербайджана заинтересована в Тебризе [14]. Информация об этом, доложенная азербайджанскими оперативниками 29 августа, заставила первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Мир Джафара Багирова действовать еще более оперативно. Он полагал, что для Южного Азербайджана уже пришло время осуществления варианта Западной Украины и Западной Белоруссии. Мобилизованная в Азербайджанской ССР «группа Азиза Алиева» должна была обеспечить реализацию этой задачи. Еще 26 августа в шифрограмме Сталину М.Дж.Багиров писал следующее: «По мере продвижения наших частей возникают вопросы, на которые прошу ваших указаний. Во-первых, появление наших частей на территории Ирана население, как правило, встречает с большим воодушевлением, но в то же время местные власти разбегаются. Наши же части не оставляют в крупных населенных пунктах своих представителей, которые обеспечивали бы порядок и нормальную жизнь. В результате имеют место факты: торговцы закрывают лавки, оставляя население без предметов первой необходимости. Во-вторых, за последнее время иранские власти усиленно вооружали кулачество и верхушки кочевых племен, а наши части, проходя через эти места, не производят изъятия оружия. Тем самым создается возможность организации всяких вооруженных выступлений в тылу наших частей. В-третьих, в связи с быстрым продвижением наших частей, военным работникам не удастся как следует вести разъяснительную работу среди населения» [15]. М.Дж.Багиров пытался как можно быстрее внедрить «группу Азиза Алиева» в Тебриз, чтобы получить контроль над ситуацией. Однако в посланной Сталиным 28 августа в Баку шифрограмме он предостерегал: «Положение в Иране пока еще неясное. Оно станет ясным через два-три дня. Через три дня получите директиву по всем вашим вопросам» [16]. В эти три дня состоялся обмен нотами между министерствами иностранных дел СССР и Ирана.

В ноте от 30 августа 1941 года указывалось, что советское правительство, так же как и правительство Великобритании, не имеет намерений против независимости Ирана или его территориальной целостности. Они вынуждены были предпринять военные меры на территории Ирана вследствие того, что иранское правительство не обратило внимания на их дружественные представления. Однако эти меры не направлены против самого Ирана. Они направлены лишь против угрозы безопасности Советского Союза, Великобритании и самого Ирана,

созданной подрывной деятельностью немцев, захвативших командные посты по всему Ирану. Если в настоящее время иранское правительство готово к сотрудничеству, то нет никаких причин к тому, чтобы продолжались военные действия.

Правительство СССР и Великобритании ждут от иранского правительства определенных гарантий в том, что оно в данное время действительно хочет удовлетворить их законные интересы.

Гарантии заключаются в следующем:

«а) иранское правительство должно отвести свои войска южнее линии, проходящей через следующие пункты с запада на восток: местечко Ушну (юго-западнее озера Урмия), Гейдарабад, Миандоаб (южнее озера Урмия), Зенджан, Казвин, Хорремабад (южное побережье Каспийского моря), Баболь, Зираб, Семнан, Шахруд и на востоке - Али-Абад.

Районы, расположенные севернее этой линии, должны быть временно заняты советскими войсками.

Иранское правительство должно также отдать приказ своим войскам отойти на север и на восток от линии, проходящей через Ханикин, Керманшах, Курамабад, Машид-и-Сулейман, Хафт-Кель, Гехсерам, Рам-Хормоз, Бендер-Дилам.

Районы, расположенные южнее и западнее этой линии, должны быть временно заняты британскими войсками;

б) иранское правительство должно выслать из Ирана в течение одной недели всю германскую колонию, за исключением состава германской миссии и нескольких специалистов-техников, работа которых не связана со средствами сообщения или с предприятиями военного значения. Список остающихся немцев, в том числе членов и сотрудников германской миссии, должен быть согласован с советским посольством и британской миссией в Тегеране;

в) иранское правительство должно взять на себя обязательство не допускать в дальнейшем немцев на территорию Ирана;

г) иранское правительство должно взять на себя обязательство не создавать никаких препятствий для провоза через иранскую территорию товаров, включая военные материалы, предназначенных для Советского Союза и Великобритании, а также облегчать доставку таких товаров или материалов по шоссе и железным дорогам или по воздуху;

д) оказывать содействие органам СССР для развития нефтяного дела в Кевир-Хуриане, согласно Советско-иранскому договору о концессии и для развития рыбных промыслов на южном побережье Каспийского моря и согласно Советско-иранскому договору о рыбных промыслах;

е) иранское правительство должно взять на себя обязательство придерживаться нейтралитета и не предпринимать ничего такого, что

могло бы каким-либо путем нанести вред советским и британским интересам в конфликте, вызванном германской агрессией.

В свою очередь, советское правительство и правительство Великобритании соглашаются:

а) помочь Ирану в удовлетворении его экономических нужд;

б) приостановить дальнейшее продвижение британских и советских войск и, как только позволит военное положение, вывести свои войска с иранской территории.

Советское правительство также соглашается:

в) продолжать уплату причитающихся Ирану концессионных взносов за эксплуатацию рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря в соответствии с Советско-иранским соглашением от 1 октября 1927 г.

Правительство Великобритании соглашается:

г) продолжать уплату причитающейся Ирану арендной платы за нефтяные участки и прочее так же, как это делалось в прошлом» [17].

В ответной ноте от 1 сентября 1941 года шахиншахское правительство Ирана выражает согласие с тем, что правительство СССР и правительство его величества английского короля никаких намерений против независимости и территориальной неприкосновенности Ирана не имеют и операции последнего времени не направлены против Ирана, и в случае, если иранское правительство готово к сотрудничеству, враждебные действия не будут продолжены. Иранское правительство рассматривает эту официальную ноту как твердое обязательство и уверено в том, что шаги, предпринимаемые правительствами двух великих держав, не нанесут никакого ущерба независимости Ирана и неприкосновенности его территории. Что же касается заявления о том, что правительство Ирана должно гарантировать соблюдение их законных прав, то оно полностью заверяет, что как не имело в прошлом, так и в будущем не будет иметь намерений нарушить законные права этих государств в Иране. Далее иранское правительство выражало согласие по всем пунктам ноты от 30 августа.

Что касается требования СССР и Британии, чтобы Иран в течение одной недели выслал из Ирана всех немцев, за исключением работников германского посольства и некоторых технических специалистов, то иранское правительство выразило готовность следовать и этому указанию. Причем поскольку путь немцев из Ирана пролегает через районы, в которых находятся вооруженные силы заинтересованных государств, само собой разумеется, будут приняты меры к тому, чтобы отъезжающие германские подданные могли проехать без затруднений и неприятностей и чтобы воинские части и служащие не подвергали их опасности.

По поводу трех важнейших моментов планируемой акции в ноте было сказано: «Требование о том, что иранское правительство должно принять

на себя обязательство оказывать содействие развитию работ на нефтеносных участках Кевир-Хуриана, согласно ирано-советскому договору об этой концессии, а также развитию рыболовных промыслов на южном берегу Каспийского моря, согласно ирано-советскому договору о рыбных промыслах, необходимо отметить, что в отношении рыбных промыслов работы производятся согласно существующим между сторонами договорам и что иранское правительство охотно воспримет каждую меру, направленную на развитие этого источника национального богатства». В отношении же нефти Кевир-Хуриана иранское правительство, выражая свое согласие на сотрудничество с СССР, обращает внимание на то, что в ирано-советском договоре не упоминается о концессии нефти Хуриана. «Если же имеются в виду другие соглашения, заключенные между иранским и советским правительством и имеющие отношение к нефти Кевир-Хуриана, то, как об этом было заявлено во время устных переговоров, иранское правительство, независимо от соглашения по этому вопросу, поскольку дело заброшено уже в течение нескольких лет и, возможно, не отвечает реальным требованиям, готово вступить в переговоры с представителями советского государства относительно заключения договора о нефти Кевир-Хуриана, с тем чтобы таким образом обе стороны смогли извлечь из этого пользу».

«...Что касается заявления о том, что иранское правительство должно принять обязательство сохранять нейтралитет и воздержаться от шагов, которые могли бы нанести ущерб интересам СССР и Англии в их нынешней борьбе с Германией, то необходимо уточнить, что, как известно, иранское правительство с самого начала войны в Европе добровольно заявило о своем нейтралитете, никоим образом не нарушало условия этого нейтралитета и не намерено делать это и в будущем. Иранское руководство никогда не допускало и не допустит, чтобы законным интересам обоих государств в Иране был нанесен ущерб. Можно надеяться, что ответственные представители обоих государств отнесутся с должным вниманием к истолкованию смысла этой фразы и проверке ее содержания на практике, с тем чтобы никаких затруднений в дальнейшем не возникало.

Иранское правительство твердо полагается на четкое обещание обоих правительств приостановить дальнейшее продвижение советской и английской армий и вывести их с территории Ирана как только позволит обстановка нынешней войны, и заявляет о том, что в этом отношении доверяет обоим правительствам» [18].

Для того чтобы ознакомиться с ситуацией в Южном Азербайджане, М.Дж.Багиров тайно выехал в Тебриз через Нахичевань. Позже он рассказывал на совещании в аппарате ЦК: «Будучи в Нахичевани, я на три-четыре часа посетил Тебриз... В нескольких местах Тебриза я встретил

семь-восемь мальчиков и девочек, захотел с ними побеседовать. Однако при виде остановившейся машины они бросились бежать. Я сказал им по-азербайджански: «Идите сюда». Услышав мою речь, они вернулись ко мне... Земля Южного Азербайджана – наша истинная Родина. Живущие на границе нашей республики граждане уже давно разлучены со своими родственниками...». Затем он остановился у висевшей на стене карты и сказал: «Когда иранское правительство делило страну на области, то указало Азербайджан вот таким (показал на карте). Это – ложь. Азербайджан расположен отсюда до сих пор (показал на карте). Если не кривить душой, то и Тегеран входит в азербайджанские земли» [19]. Наконец в первые дни сентября М.Дж.Багиров был вызван в Москву для обсуждения вопроса Южного Азербайджана. В телеграмме говорилось: «ЦК ВКП(б) вызывает вас в Москву на один день. Просим прибыть. Сталин. 05.09.41» [20]. В тот же день Багиров срочно вылетел в Москву. В ходе беседы в столице было достигнуто соглашение о начале поэтапной отправки в Южный Азербайджан мобилизованных в Азербайджанской ССР работников партийных, советских, правоохранительных, хозяйственных и культурных организаций. ЦК КП(б) Азербайджана утвердил кандидатуру третьего секретаря Алиева Азиза Мамедкерим оглу на должность руководителя отправляемой в Южный Азербайджан группы. Было решено, что «миссия Алиева» приступит к деятельности в Тебризе во второй половине сентября. Были также утверждены руководители подгрупп: Сулейман Рагимов - пропагандистской, Мейбулла Амирасланов – административно-хозяйственной, Агасалим Атакишиев – специальных операций, Мустафа Гулиев – санитарно-медицинской, Мирза Ибрагимов был назначен редактором армейской газеты, которая должна была выпускаться на азербайджанском языке.

С целью распространения влияния СССР на Южный Азербайджан и демонстрации успехов Советского Азербайджана в сфере литературы, искусства, культуры и экономики было принято решение о поставке посредством «миссии» в города Тебриз, Пехлеви, Ардебиль, Решт, Астару и некоторые другие зерна, сахара, керосина, мануфактуры и прочих товаров. В крупных городах Южного Азербайджана предполагалось осуществить постановку опер и музыкальных комедий «Кероглу», «Лейли и Меджнун», «Шах Исмаил», «Аршин мал алан», «Не та, так эта».

Из Москвы было получено согласие на доведение численности «миссии Азиза Алиева» в течение 2-3 месяцев до 2-2,5 тысячи человек. Основное ядро миссии в количестве 500 человек должно было срочно выехать в ближайшие дни. Решением Государственного комитета по обороне и приказом командующего Закавказским фронтом генерал-лейтенанта Д.Козлова от 16 сентября 1941 года полковник-комиссар Азиз Алиев был назначен членом военного совета размещенной в Тебризе 47-й

армии. В приказе говорилось: «Все командированные товарищи должны руководствоваться указаниями секретаря ЦК КП(б) Азербайджана и члена военного совета Азиза Алиева. Комиссары и военно-политические органы не могут вмешиваться в дела «группы Азиза Алиева» и не могут командовать ею. В то же время командированные не могут вмешиваться в военные дела и не могут давать указания военного характера» [21]. Однако военный совет 47-й армии обязали создать все необходимые условия для осуществления мероприятий, запланированных Азербайджанской ССР. Для того чтобы ускорить это дело и послать как можно больше людей, М.Дж.Багиров, обратившись с письмом к командованию Закавказским фронтом, уведомил о том, что все расходы на обмундирование, продовольствие, вооружение и другие затраты, связанные с отправкой людей в Южный Азербайджан, будут покрыты из средств бюджета Азербайджанской Республики. Практически каждый день с 12 по 25 сентября у М.Дж.Багирова происходили встречи с отправлявшимися в Южный Азербайджан работниками. Он напутствовал их: «В первом отряде мы посылаем 500 человек. Но, посылая малыми частями, за полтора месяца мы доведем эту цифру до 3000... Вам известно, что наша Красная Армия в короткий срок заняла большую территорию Северного Ирана. Эти территории в основном являются землями Южного Азербайджана. Так сложилось исторически, что это азербайджанские земли. Крупнейшие города Ирана – Казвин, Урмия, Миане, Марага, Тебриз, Ардебиль, Салмас, Хой, Энзели и другие были родиной наших предков. И если хотите знать правду, то и Тегеран – древний азербайджанский город» [22].

В стенограмме беседы Багирова 15 сентября с отправляющимися в Иран товарищами говорится: «Хочу еще добавить вот о чем: пока Красная Армия там, мы не можем позволить, чтобы на наших глазах сотни людей гибли от голода. Если в нас осталась хоть капля азербайджанской крови, то мы должны добиться объединения когда-то насильно разделенного народа... Для этого у нас есть силы и способности... Мы должны помочь трудящимся Южного Азербайджана, как бы это ни было трудно. К этому нас призывают долг, совесть, честь, верность... Поэтому мы обратились к нашему руководителю, товарищу Сталину, с письмом, прося его помочь трудящимся Южного Азербайджана... Мы всего 4-5 дней как начали это дело. Меня вызвали в Москву и спросили, чего я хочу. Я ответил, что мы хотим помочь нашим братьям в Южном Азербайджане, вы должны нам это разрешить. Московские товарищи разрешили нам это» [23]. Однако разъясняя директиву Москвы, М.Дж.Багиров отмечал: «...Помощь Южному Азербайджану должна осуществляться так, чтобы ни шахское правительство, ни англичане не могли обвинить нас во вмешательстве во внутренние дела Ирана. Ваша задача очень ответственна и почетна. Вы будете делать большое дело. Если вы справитесь с этой задачей, то это

будет большая заслуга перед азербайджанским народом. Справившись с этой задачей, вы осуществите вековую мечту разделенного народа. Вы соедините разбитые сердца, любовь, чувства. Это вопрос чести, верности и любви» [24].

На состоявшейся 24 сентября встрече вернувшийся из Южного Азербайджана Г.Шахгельдиев сообщал: «Мы проходили через село Туркменчай (*реплика Багирова: В этом селе большой азербайджанский народ был разделен на две части*). Мы поговорили с сельчанами, и они сказали нам: «Мы устроили здесь собрание, выбрали одного представителя и отправили его в Тебриз, с тем чтобы у нас здесь была установлена Советская власть»» [25]. На встречах с отправляемыми в Южный Азербайджан группами Багиров обязательно указывал на секретный характер данного предприятия и требовал строгого следования указаниям Азиза Алиева по всем вопросам.

Несмотря на все усилия М.Дж.Багирова, руководство страны колебалось в отношении вопроса о Южном Азербайджане. Советские спецслужбы подготовили предложения об использовании фактора курдского сепаратизма в качестве рычага давления на Иран. Однако хорошо знавший Иран советский посол Андрей Смирнов был против «заигрывания с курдским вопросом». Он писал: «Курдский сепаратизм в Иране всегда был игрушкой в руках иностранных государств. Мы должны решительно отказаться от ошибочного заигрывания с курдами. Однако это не означает, что мы должны полностью прервать с ними все связи и отказаться от их использования в собственных целях. Но наша политическая работа на севере Ирана должна опираться на азербайджанцев» [26].

Проблема Азербайджана начала серьезно беспокоить правительство Ирана. Мирза Али хан Сохейли, занимавший пост министра иностранных дел в правительстве Форуги, отдал секретное распоряжение зарубежному дипломатическому корпусу Ирана о приоритете проанглийского курса во внешней политике с целью противостояния советской экспансионистской угрозе. Послу Ирана в Анкаре он писал следующее: «Если так будет продолжаться и дальше, то мы потеряем Азербайджан» [27]. Премьер-министр Форуги всеми средствами пытался смягчить отношение СССР и Британии к Ирану. 8 сентября он подписал соглашение о размещении советских и британских войск в Иране.

Британцы, вначале не считавшие вхождение в Тегеран необходимым, опасаясь укрепления влияния Советов на иранскую столицу, очень быстро передумали. В начале сентября правительство Великобритании уведомило Москву о том, что отдало своим войскам приказ о скорейшем вступлении в Тегеран. У.Черчилль просил Сталина отдать распоряжение советским войскам в Иране, предписывающее сделать то же самое.

В то время как союзные войска стояли у ворот Тегерана, 16 сентября премьер-министр Форуги предъявил Реза шаху требование отречься от престола. В сложившейся ситуации Реза шах вынужден был принять это требование и отречься от престола в пользу своего сына Мухаммеда Реза Пехлеви. Советские войска вошли в Тегеран 17 сентября, а на следующий день прибыли и британские. В тот же день 22-летний Мухаммед Реза в Меджлисе торжественно обещал следовать Конституции и управлять страной в соответствии с законами, принимаемыми Меджлисом.

Новый шах Мухаммед Реза был объявлен наследником еще 1 января 1926 года. Он получил образование в Швейцарии, закончил офицерское училище в Тегеране. В 1938 году, возвращаясь из Европы, он побывал в Баку. В правление Реза шаха он часто принимал участие в заседаниях правительства и фактически исполнял обязанности военного министра. Занимавший в тот период пост военного министра генерал Ахмед Нахичевани в действительности являлся его помощником. 16 марта 1939 года наследник женился на египетской принцессе Фавзие [28]. Она получила образование в Великобритании, с правящими кругами которой у королевской семьи Египта существовали тесные связи. Это увеличивало надежды англичан на то, что они смогут перетянуть молодого шаха на свою сторону.

21 сентября состоялась церемония коронации. И в тот же день новый шах чисто формально представил Меджлису второй состав кабинета Форуги. Первым шагом нового кабинета было назначение 21 сентября Халила Фахими (Фахим ол-Мюлкю), выходца из древней аристократической семьи, ранее занимавшего различные министерские посты и работавшего к тому времени послом в Анкаре, на пост губернатора Азербайджана. В день, когда было объявлено об этом назначении, 21 сентября, Азиз Алиев приступил к работе в Тебризе, а руководимая им группа – на всей территории Южного Азербайджана [29].

Командированная в 1941-42 годах из Советского Азербайджана миссия выполняла крайне серьезные задачи в Южном Азербайджане. В шифрограмме Наркомата иностранных дел СССР М.Дж.Багирову запрашивалось: «Министр иностранных дел Ирана Сохейли пожаловался нашему послу товарищу Смирнову, что выпускаемая в Тебризе группой товарища Алиева на тюркском языке газета «За Родину» ведет коммунистическую пропаганду. Смирнов ответил, что газета рассчитана на красноармейцев и советских служащих в Азербайджане. Сохейли просит, чтобы ее не распространяли среди иранского населения. Просим сообщить, насколько обоснованно заявление министра иностранных дел» [30].

В телеграммах, которые Багиров направил в Наркоминдел – заместителю наркома Владимиру Деканозову и главному секретарю

комиссариата Аркадию Соболеву, он писал следующее: «Претензии Сохейли неосновательны и не случайны. Никаких шагов, затрагивающих внутренние распорядки иранского правительства, нашими работниками не делалось и не делается... Наоборот, по имеющимся у нас проверенным данным, известным также и Смирнову, за последнее время со стороны местных иранских властей в Южном Азербайджане усилились притеснения и провокационные аресты иранских граждан, «виновных» только в том, что они лояльны и с любовью относятся к красноармейским частям и выражают свои симпатии Советскому Союзу. Обо всем этом прошу вас доложить Вячеславу Михайловичу (Молотову – Дж.Г.)» [31].

На следующий день после прибытия Азиза Алиева в Тебриз – 22 сентября состоялась беседа с командированными в Южный Азербайджан работниками, по завершении которой они отправились в расположенные в разных городах воинские части. Большая часть тех, кто не получил прямого назначения, были оставлены в Тебризе. Получившие распределение в 1-ю Кавказскую дивизию пропагандистская группа Сулеймана Рагимова, хозяйственная группа Мейбуллы Амирасланова, специальная группа Агасалима Атакишиева, санитарная группа Мустафы Гулиева, редакционная группа Мирзы Ибрагимова под общим руководством Юниса Гаджиева должны были работать в Тебризе. Кроме того, из первой партии командированных работников в Маку было отправлено 16 человек, в Урмию – 22, Зенджан – 15, Пехлеви – 27, Хой – 16, Ардебиль – 15, Ношехр – 15 [32]. Было подготовлено помещение для прибывающей в Тебриз труппы оперного театра. Так как из-за вхождения советских войск в Тегеран командование и военный совет находились там, то по завершении первичных мероприятий вечером 22 сентября Азиз Алиев отправился в столицу. В течение двух дней он докладывал о прибытии азербайджанской группы командованию, советскому послу в Тегеране А.Смирнову и торгпреду Алексееву [33].

В день возвращения Азиза Алиева в Тебриз некий купец по фамилии Будагян, контролировавший в городе торговлю сахаром, дабы вызвать недовольство среди населения, запретил продажу этого продукта. Имевшийся на складах сахар и сахарный песок тайно переправлялись на юг Ирана. В связи с этим английский и турецкий консулы в Тебризе обратились к А.Алиеву с просьбой принять меры для восстановления в городе нормальных условий для жизнедеятельности. С целью прекращения этого саботажа градоначальник и начальник полиции Тебриза были приглашены в штаб войск, где им было предъявлено требование навести порядок. К тому же вечером 24 сентября в Тебриз прибыла первая партия продовольствия из Советского Азербайджана [34]. Из республиканского фонда в качестве помощи было прислано 800 тонн сахара, 360 тонн муки, 105 тонн пшеницы, 300 тысяч метров ткани. В целом до конца 1941 года в

Южный Азербайджан из Баку было отправлено 1.484.053 метров ткани, 2.548 тонн сахара, 1.371 тонн муки, 1.814 тонн пшеницы и прочих товаров общей стоимостью 2 миллиона рублей [35].

В конце сентября - начале октября группа А.Алиева конфисковала собственность немецких фирм, работавших в Южном Азербайджане. Государственный Комитет Оборона еще 4 сентября 1941 года принял решение о конфискации всех принадлежащих немцам товаров. В документе отмечалось: « 1. Предложить командованию Закавказского Военного Округа взять в свое распоряжение и считать конфискованными все грузы, принадлежащие немцам и находящиеся на территории Ирана, занятой советскими войсками. 2. Конфискованные товары, за исключением той части, которая потребуется для нужд советских войск в Иране, вывезти в СССР, как трофейное имущество». Принадлежащие фирмам «Иран экспресс», «Гесс и Ко» и «АЕГ» различные товары общей стоимостью 1247000 иранских риалов были переправлены в Советский Союз. В отделениях Национального банка Ирана в Южном Азербайджане было обнаружено 11 счетов, принадлежащих германским подданным. Находившиеся на этих счетах 923305.85 риалов были перечислены на счет 47-й армии. До 25 августа поставка немецких товаров, привозившихся иранскими купцами, была прекращена [36].

В сентябре-октябре проводилась серьезная работа среди предводителей племени шахсеванов, которые завладели оружием, брошенным иранскими войсками во время августовского отступления. Имелись опасения, что воинственные шахсеваны могут использовать это оружие против Советской Армии. В конце сентября Азиз Алиев отдал распоряжение о проведении доступной разъяснительной работы среди шахсеванов, чтобы убедить их сдать доставшееся им оружие. Было выяснено, что количество шахсеванов, живущих в 32 кланах, составляло 40020 человек, во владении которых было 21490 верблюдов, 7967 лошадей, 595200 овец, 50260 голов крупного рогатого скота [37]. Хорошо знавший предводителей шахсеванов еще по работе в органах государственной безопасности Азербайджана, М.Дж.Багиров через М.Сарыджалинского предъявил им требование о сдаче оружия [38]. Главы племен согласились с этим и получили приглашение приехать в Баку на встречу с М.Дж.Багировым. Шахсеваны были очень недовольны правительством Пехлеви и на встрече с М.Дж.Багировым в ноябре 1941 года заявили, что у них вообще нет никаких связей с Ираном, часть их народа живет в Советском Азербайджане, а сами они хотят присоединиться к Верхнему Азербайджану (в некоторых материалах так назван Северный Азербайджан – Дж.Г.) [39].

Уже 26 сентября 1941 года секретарь ЦК КП(б) Азербайджана Султан Кафарзаде сообщал Азизу Алиеву об отправке второй группы партра-

ботников в Тебриз. В первые дни октября все члены второй группы были распределены по населенным пунктам.

24 октября Азиз Алиев направил М.Дж.Багирову первый обширный отчет о работе руководимой им группы и положении в Южном Азербайджане, в котором отмечалось, что отправка в Южный Азербайджан из Баку партийных, советских, культурных и хозяйственных работников принесла большую пользу [40]. Население восприняло вхождение Советов в Иран как элемент советизации. «Но мы проинструктировали своих людей о том, чтобы они пресекали эту подброшенную какими-то сомнительными силами провокацию. Во всех городах, где расположены части Советской армии, и близлежащих селах мы приступили к широкой пропагандистской деятельности среди населения. Распространяемые брошюры и листовки оказывают сильное влияние на население. Во многих местах крестьяне открыто говорили: «Мы не допустим ухода Красной Армии из Иранского Азербайджана, если уедете, и мы уедем с вами в Советский Союз». Уже во всех областях Азербайджана население начало жаловаться нам на чинимые иранскими правительственными органами беззакония. Мы всеми возможными способами защищаем их. Мы уже выпустили два номера газеты «За Родину» на азербайджанском языке, что было тепло встречено населением. Есть большая необходимость выпускать газету на азербайджанском языке в Урмии и Пехлеви». В дальнейшем А.Алиев пишет: «В Тебризе в течение 15 лет в области науки, техники, поэзии и литературы не выпущено ни одной книги на азербайджанском языке, не было никаких условий для развития творчества писателей и поэтов, наоборот, все они подвергались преследованиям со стороны властей. Поэты и писатели Тебриза - Зейнал Генджи, Турхан Генджи, Надир Фитрет, Рухи, Садыг Нахичевани, Гейбулла Джавид и другие не могли издавать ничего из своих трудов». Анализируя ситуацию в Южном Азербайджане, А.Алиев сообщал: «В школах, как правило, руководящие должности занимают фарсы. Основная часть учительства настроена против существующего порядка и выдвигает требования коренного изменения системы народного образования, о переходе занятий в школах на азербайджанский язык... о ликвидации привилегий для фарсов» [41]. Города и села находятся в крайне антисанитарном состоянии. В настоящее время врачебные группы работают над составлением санитарных карт по районам. «6 октября была проведена встреча наших врачей и врачей гарнизона с местными врачами города Тебриза, во главе с профессором Фахри-Атамом. Имеется крайняя нужда в средних медицинских кадрах – в акушерах и врачах-женщинах для работы среди женщин, заболеваемость среди которых достигает высокой цифры, и доступ к ним врачам-мужчинам затруднителен» [42].

Акцентируя внимание на незаинтересованности иранских органов власти в нормализации жизни Южного Азербайджана, А.Алиев писал: «Губернатор Тебризского вилаета сам является покровителем саботажников. Зная, что многие промышленные предприятия не работают и часть крупного купечества уезжает в Тегеран и на территорию, занятую англичанами, губернатор, несмотря на наши требования, до последнего времени никаких мер не принимал для нормализации хозяйственно-экономической жизни и всячески от этого уклонялся. Лишь в последнее время, когда он был серьезно предупрежден о том, что вопрос о его действиях будет доведен через наше постпредство в Тегеране до сведения иранского правительства, он стал принимать более решительные меры» [43].

Далее Азиз Алиев отмечает факты воровства, пьянства, грабежа, учиняемые солдатами и офицерами 47-й армии: «В Тебризе и в других городах были случаи мародерства со стороны отдельных красноармейцев, которые по ночам, под видом обыска оружия, ходили по домам и отбирали у населения деньги. Таких фактов было много, и для предотвращения подобных явлений нами принимаются соответствующие меры». В конце доклада А.Алиев пишет: «Заместитель народного комиссара внутренних дел Армянской ССР Гезялян забрал легковую автомашину иранца как трофейную и увез. Неоднократные требования трофейной комиссии о возврате машины остаются без ответа» [44]. В то же время А.Алиев особо подчеркивал, что население порой открыто требовало: «Мы Красную Армию более двадцати лет ждем. Дождались и дальше затягивать нечего. Даешь Советскую власть» [45].

Газета «За Родину», выходящая через день тиражом 4000 экземпляров, переходила из рук в руки. В одной из заметок рассказывается: «В Тебризе один старик, взяв в руки газету «За Родину», попросил, чтобы ему почитали. Когда ему начали читать, он глубоко вздохнул и сказал: «Слава Аллаху, что сейчас мы читаем газету на своем родном языке» [46].

В связи с ростом популярности газеты «За Родину» и усилением просоветских и патриотических настроений в Азербайджане иранское правительство предприняло контрмеры: срочно увеличило число жандармов в Азербайджане до 3784 человек [47]. В конце октября министр внутренних дел Ирана Джаханбани прибыл в Тебриз. 30 октября он провел совещание с участием должностных и состоятельных лиц провинции Азербайджан. В своем выступлении он напомнил о бдительности по отношению к распространению азербайджанской идеи и просоветских настроений, о необходимости беспрекословного исполнения указаний шаха и его правительства. После министра выступил губернатор Фахими и заявил, что население не должно поддаваться на провокации Красной

Армии, советовал не участвовать в просмотре советских фильмов и спектаклей.

В то же время в иранском Меджлисе азербайджанские депутаты обвинили иранское правительство в отсутствии должного внимания к проблемам Южного Азербайджана. Они утверждали, что выделяемые Азербайджану средства расходуются не по назначению. Премьер-министр Форуги согласился с выступлениями депутатов и пообещал, что впредь приложит все усилия для обеспечения нужд Азербайджана. Он подчеркнул: «Азербайджан является одной из основных частей Ирана и всегда непосредственно участвовал в разрешении важнейших государственных вопросов» [48]. В иранской прессе была инспирирована публикация статей, в которых говорилось о значимости Азербайджана в развитии иранской государственности. В одной из публикаций цветисто декларировалось: «Азербайджан был и остается неотделимой частью Ирана, кто думает иначе, тот ошибается. Пока есть Иран и иранцы, Азербайджан будет его областью. Он является недремлющим оком этой страны» [49].

Тегеранская газета «Кушеш», освещая события, происходящие в Тебризе, писала: «Из Азербайджана получаем странные и грустные вести. Говорят, что ушедший шах заставлял народ страдать. Теперь они выражают свое недовольство путем оппозиции к центральной власти и неподчинения чиновникам из центра» [50]. Газета даже обращалась к населению: «Теперь недовольные в Азербайджане хотят отделиться от Ирана. Господа азербайджанцы! Мы, все народы Ирана, едины без различий. Благодаря вашей отваге и героизму Иран жив по сей день. Это вы всегда грудью встречали врагов Ирана и проливали свою кровь. Это вы добыли для Ирана его историческую гордость, и мы с любовью относимся к Азербайджану» [51]. Однако в Южном Азербайджане такие публикации встречали с недоверием. В одном из донесений советских информаторов о реакции на статьи в тегеранской прессе сообщалось: «Тебризские писатели и журналисты с возмущением говорили: «...Эти двуличные негодяи вчера нас называли тюркарами, а сегодня лицемерно, с целью обмана восхваляют красивыми словами Азербайджан» [52].

Особый интерес к событиям в Южном Азербайджане проявляли в Турции. Турецкие газеты «Йени сабах» и «Джумхурийет» в октябре 1941 года опубликовали пространные статьи на эту тему. Турецкий писатель и публицист Ялчын в газете «Джумхурийет» заявил, что иранское правительство не уделяет никакого внимания проживающим там тюркам и абсолютно безразлично относится к их судьбе. Он писал: «Мы не можем оставаться безразличными к тому, что турки не имеют равных юридических прав с фарсами в области просвещения, притесняются их язык и культура... Раньше, когда в Иране образовался парламент, на

собрании разрешалось выступать на турецком. Наш друг агаи Форуги когда-то был послом Ирана в Анкаре, сейчас он премьер-министр, и начал свою деятельность с того, что запретил в парламенте выступления на турецком» [53]. После этой статьи «Джумхурийет» в тегеранской прессе развернулась антитурецкая кампания. Иранские газеты стали утверждать, что тюркский язык является языком общения лишь определенных слоев населения Ирана... Живущие в Иране турки являются гражданами этой страны и пользуются всеми правами. Место, где ныне живут тюркоязычные иранцы, всегда было и сейчас является сердцем и мозгом Ирана. У Ирана есть свой государственный язык, обязательный для всех, проживающих здесь. Журналисты пытались доказать, что фарсидский язык являлся издревле родным для азербайджанцев, а язык азербайджанский был насильно привит им в XVI веке.

Статьи в иранской и турецкой прессе о Южном Азербайджане очень нервировали М.Дж.Багирова. Ознакомившись с одним из донесений Азиза Алиева, М.Дж.Багиров так выразил свою позицию: «Теперь у южных азербайджанцев появился новый хозяин, и это – турки-османы. Наверно, до них дошла такая команда, и они начали проповедовать, что жители Южного Азербайджана – их родня. Где же они были до сих пор? Кто загораживал им дорогу? Дошло до того, что Тегеран и Анкара затеяли спор. Говорят, что надо возглавить эту страну. Будто 5-миллионный азербайджанский народ до сих пор был беспризорным. Эти говорят – наше, те говорят – наше. Начали дележ. Тегеран, как видно, настолько растерялся, что кое-какие исторические факты подзабыл... Нам наши цели ясны и дорога видна... Мы, граждане Советского Азербайджана, можем сказать, что одна цель нами уже достигнута... Если и есть народ с древней государственностью и тысячелетней историей, то это азербайджанцы» [54].

10 ноября Багиров направил А.Алиеву свои отзывы и предложения. Он был доволен успехами газеты «За Родину», но предлагал сокращать материалы, посвященные развитию культуры, отдавая предпочтение политической информации: «Вы правильно взяли курс в отношении вовлечения передовой интеллигенции в работу газеты, но это надо делать осторожно, персонально изучая каждого вовлекаемого в работу» [55]. Багиров разрешил организовать выпуск газет в Хое, Пехлеви и других городах. Учитывая огромный успех постановок опер и музыкальных комедий, он разрешил продолжить гастроли бакинских артистов в Тебризе до 15-20 ноября, подчеркивая: «Надо добиться, чтобы оставить у населения самое лучшее впечатление о нашем театре, об актерском коллективе и обо всем искусстве Советского Азербайджана».

В то же время Багиров предупреждал, что надо действовать осторожнее в курдском вопросе. Он напоминал, что «курдский вопрос –

это самое уязвимое место в политике Ирана и Турции и самое излюбленное оружие в руках англичан. Этого никак забывать нельзя, в особенности в данный момент. Надо сделать все для примирения курдов с азербайджанцами Южного Азербайджана и на этой базе всеми силами и средствами приблизить курдов к нам, помогая им так же, как помогали азербайджанцам. Одним из основных моментов нашей деятельности среди курдов должно стать предотвращение попадания курдов под провокации иностранных разведок, выражающихся в призыве к вооружению курдов, неподчинении властям, к выступлениям против иранского правительства с целью создания отдельного курдского государства» [56].

В своем послании Багиров отмечал, что за последнее время в ряде районов Южного Азербайджана раздаются призывы установить в Южном Азербайджане советскую власть. Такие факты имели место в иранской Астаре, Ардебиле, Пехлеви. По его мнению, такие выступления были инспирированы немецкой разведкой, желающей внести разлад между союзниками, и это надо пресекать. Багиров предупреждал, что надо быть осторожными по отношению к деятельности различных партий и политических групп [57]. Это прежде всего относилось к деятельности иранских дашнаков. Он писал: «Имеющиеся факты говорят о том, что дашнаки стараются каким-либо путем войти в наше доверие для усиления своей подрывной работы. Не исключаю, что эти партии и организации созданы по прямому указанию зарубежных разведок». И далее: «Айсоры, например, всегда были английской ориентации и в то же время являлись агентами английской разведки, поэтому активность их на сегодня до некоторой степени является подозрительной» [58].

М.Дж.Багиров одобрял идею приезда в Баку представителей тебризской интеллигенции, вождей шахсеванских и курдских племен, но рекомендовал организовать их встречу на высоком уровне.

Следуя этому указанию, 18 ноября - вожди шахсеванских племен, 20 ноября – представители тебризской интеллигенции, 27 ноября – вожди курдских племен прибыли в Баку. Багиров принял все три делегации. В беседах участвовали видные азербайджанские советские писатели и поэты Сулейман Рустам, Сулейман Рагимов, Мирза Ибрагимов и другие.

На встрече с представителями тебризской интеллигенции сопровождавший гостей М.С.Ордубади сказал Багирову: «Когда товарищи шли сюда, у встречавших их азербайджанцев на глазах были слезы. Это слезы радости» [59]. Багиров же подчеркнул, что иранское правительство из тех богатств, что черпает в Азербайджане, хотя бы часть должно тратить на благоустройство этого края. «Поэтому мы возвысили свой голос: хватит, пятимиллионный народ дошел до крайности. Это плохо. Видно, не только азербайджанские братья, живущие в Иране, но и само иранское правительство поняло... что если будет нужно, мы снова возвысим наш

голос. Где школы, где азербайджанский язык, где учеба, где газеты и книги на тюркском языке? Мы будем ставить эти вопросы перед ними. Но сейчас пока не время... Мы хотим, чтобы азербайджанскому народу дали право распоряжаться собой. Раз мы – азербайджанцы, то мы знаем своих азербайджанцев. Мы знаем, что такое честь. Хватит быть рабами, десятилетиями, столетиями азербайджанский народ был в рабстве... Если вы будете едины в словах, делах и поступках, вы совершите большие дела... Наш долг помогать вам. Все, что вы видите здесь, – принадлежит азербайджанскому народу. Вы как дети Азербайджана имеете право требовать здесь вашу долю. Но и вы должны действовать. Кровь нации должна бурлить» [60].

После возвращения делегации домой правительственные органы Ирана старались узнать о содержании бесед в Баку. Некоторые участники визита в Баку подверглись давлению. Но жесткое вмешательство А.Алиева пресекло это беззаконие.

М.Дж.Багиров подготовил для Сталина обширный отчет о проделанной до конца 1941 года работе [61]. В отчете говорилось о материальной поддержке населения, содействии в развитии культуры и здравоохранения в Южном Азербайджане. Багиров просил Сталина разрешить открыть в Тебризе дом для беспризорных детей на 200-300 мест и вести там занятия на азербайджанском языке [62]. В отчете также отмечалось, что «в результате отсутствия должного руководства боевой и политической подготовкой в ряде войсковых подразделений и частей имели место факты дезертирства, мародерства, пьянства и бытового разложения со стороны отдельных командиров, политработников и красноармейцев. Это явилось результатом того, что командующий советскими войсками в Иране генерал-майор Новиков и военный комиссар Ярков не занимались повседневно вопросами поднятия воинской дисциплины, редко бывали в частях, проводили время на вечеринках, банкетах, пьянках и т.д. Своим поведением Новиков дискредитировал себя до такой степени, что даже один из иранских генералов в беседе с нашим работником заявил, что командующий пьет запоем и его собутыльником является член военного совета армии полковой комиссар Ярков. Новиков передал английскому командованию данные о наличии наших войск на территории Ирана и Закавказья и в бытность в Тебризе связался с известными дашнаками братьями Будагян, с которыми часто встречался на вечеринках и кутежах» [63]. Результатом настоятельного вмешательства Багирова явился отзыв Новикова из Ирана.

Однако и миссии Азиза Алиева пришлось свернуть свою деятельность. Это объяснялось тем, что в условиях тяжелой оперативной обстановки на фронте советское руководство не хотело создавать себе дополнительные проблемы, продолжая вмешательство в азербайджанские дела. Посол Со-

ветского Союза в Иране А.Смирнов 12 января 1942 года послал в Наркомат иностранных дел обширный отчет. Основные пункты отчета Деканозов изложил 17 января Багирову в телеграмме, где отмечалось о том, что местные власти и иностранные консульства хорошо осведомлены о наличии группы Алиева. Причем генконсул в Тебризе Кулаженков в своем докладе послу привел якобы даже ряд примеров ее идущей вразрез с конспирацией работы:

1) без должных оснований была закрыта газета «Голос Азербайджана» и в ее редакции был произведен обыск;

2) в начале декабря Алиев через местных жителей направил командиру советского гарнизона в Урмии полковнику Селиванову письмо с требованием не отнимать оружие у местного населения, а уже отнятое вернуть. Это письмо перехватили иранские власти и губернатор Урмии подготовил докладную записку по этому поводу;

3) заместитель Алиева Амирасланов 16 декабря арестовал в Урмии заместителя губернатора и привез его в Тебриз, где его отпустили. Причина ареста – избиение курдов. Теперь Амирасланов утверждает, что жизнь заместителя губернатора была под угрозой и его вывезли оттуда под видом ареста;

4) заместитель наркома внутренних дел Атакишиев 30 декабря в Сараве арестовал помещика, допрашивал его в жандармском управлении и предложил жандармам его арестовать. И по этому поводу губернатор подготовил докладную.

А.Смирнов писал: «Вряд ли нам полезна столь значительная расшифровка работы группы Алиева, который сам широко известен здесь как секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. Одно то, что он возглавляет эту работу, вызывает уже недоверие и боязнь у иранцев, турков и англичан. О работе группы Алиева знает не только Сохейли, но даже Буллард и турецкий посол» [64]. В конце телеграммы Деканозов сообщал, что урегулировать отношения между Смирновым и Алиевым пока не удалось и советовал им встретиться. Кроме этой телеграммы состоялась еще и телефонная беседа Багирова с Деканозовым.

В тот же день, 17 января, Багиров отправил телеграмму в Кремль и ответил на замечания Деканозова. Он писал: «После переговоров с вами Алиеву было предложено не вмешиваться в дела местной администрации, держать тесную связь со Смирновым, согласовывать с ним все мероприятия и только с его согласия ставить те или другие вопросы перед местными властями. Сегодня предложено Алиеву немедленно поехать в Тегеран и объяснить со Смирновым по всем вопросам, в том числе по существу доклада Кулаженкова. В дополнение к моим письменным и устным объяснениям считаю необходимым сообщить, что Смирнов тенденциозно освещает работу группы Алиева. Неконтактность работы

Алиева с отдельными нашими официальными работниками, в том числе и военными, может быть заключалась в том, что он вместе с ними не пьянствовал, наоборот, уговаривал их вести себя более или менее сдержанно. Видимо, все это не нравилось товарищам. Что же касается расшифровки Алиева перед английскими, турецкими и другими представителями, я боюсь, что не Алиев, не его группа себя расшифровывают, а их расшифровывают отдельные наши работники, которые частенько без разбора пьянствовали, общались с подозрительными и сомнительными людьми. Создававшаяся обстановка не дает возможности продолжать огромную положительную работу, развернутую нами с самого начала там, ликвидации которой, видимо, добивается Смирнов» [65].

Анализ документов позволяет утверждать, что идея ограничения действий посланцев Советского Азербайджана и постепенного вывода их из Иранского Азербайджана принадлежит советскому руководству. И активность Смирнова против группы А.Алиева была инициирована Наркоматом иностранных дел. Это объясняется в первую очередь тем, что в Тегеране велись тайные трехсторонние переговоры между СССР, Англией и Ираном, и Советский Союз, нуждающийся в помощи союзников, начал постепенно сворачивать «большевистский эксперимент» в Иранском Азербайджане. 16 декабря 1941 года состоялась встреча министра иностранных дел Британии А.Идена со Сталиным в Кремле. После взаимных приветствий Сталин предложил Идену проекты двух договоров – о военной взаимопомощи и о разрешении послевоенных проблем. Иден заявил, что каких-либо принципиальных возражений против такого рода договоров у него нет, но он хотел бы внимательно изучить предложенные тексты. Затем Сталин заявил, что, по его мнению, желательно приложить ко второму договору секретный протокол. Были подготовлены два проекта секретного протокола к «Договору об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией при решении послевоенных вопросов и об их совместных действиях по обеспечению взаимной безопасности после окончания войны с Германией». В пункте 9 второго протокола указывалось: «В отношении Ирана стороны условились обеспечить скорейшее заключение союзного договора с Ираном и дальнейшую свою политику по отношению к этой стране проводить в зависимости от позиции иранского правительства и честного выполнения взятых им на себя по договору обязательств» [66]. Через территорию Ирана должны были осуществлять в качестве союзнической помощи военно-стратегические поставки.

Кроме того, амнистированные после ввода советских войск в Иран и освобожденные из тюрем представители левых сил и старые коммунисты обратились осенью 1941 года в Москву с просьбой восстановить деятельность Коммунистической партии Ирана. Эта просьба была

рассмотрена в Исполкоме Коминтерна, и 9 декабря 1941 года Г.Димитров направил Сталину, Молотову, Берия и Маленкову следующую шифровку: «Группа иранских коммунистов, бывших политических заключенных, приступила к восстановлению компартии Ирана. Они создали временное бюро, выделили одного товарища (Арташес Ованесян) для связи с ИККИ и обращаются к нам за директивой. Просят также быстрее согласия отправить своего делегата к нам. По материалам Отдела кадров ИККИ и на основе сведений работников НКВД, которые на месте связаны с ними, можно считать этих иранских коммунистов вполне честными революционерами и просоветскими людьми.

Одновременно в Иране создана демократическим деятелем Сулейманом Мирза народная партия с демократической программой. Мирза уже на протяжении 30 лет ведет борьбу за демократические преобразования в Иране. В этой народной партии принимает участие и часть иранских коммунистов.

Учитывая особые условия Ирана (совместная с англичанами оккупация, демагогическая и подрывная работа гитлеристов и их агентов, настороженность и враждебность части правящих иранских кругов), мы считаем, что восстановление Иранской компартии, которая всегда была небольшой сектантской группой, вряд ли принесет в настоящее время пользу, а известные затруднения и осложнения причинит наверняка. Это усилит подозрительность и недовольство в рядах правящих кругов, даст больше возможности немецким агентам запугивать иранскую буржуазию опасностью советизации Ирана, да и самих англичан сделает более подозрительными в отношении Советского Союза, якобы стремящегося к советизации Ирана.

Поэтому полагал бы, что при нынешней ситуации не следовало бы восстанавливать компартию, а коммунисты должны работать в народной партии и проводить линию:

- 1, Борьбы за демократизацию Ирана;
2. Защиты интересов трудящихся;
3. Укрепления дружественных отношений между Ираном и Советским Союзом;
4. Полного искоренения агентуры фашизма в Иране и подавления антисоветской пропаганды.

Наряду с этим, коммунисты должны работать для создания профсоюзов и крестьянских организаций» [67].

Ознакомившись с предложениями Г.Димитрова, И.Сталин 10 декабря дал согласие на создание Иранской Народной партии (Туде). Таким образом, с декабря 1941 года партия Туде начала свою деятельность в Иране. Пользуясь этим, Иран получил от СССР гарантию своей территориальной целостности.

В конце 1941 – начале 1942 годов советское руководство посредством военных, политических, дипломатических учреждений и разведорганов различными путями стало выживать командированных из Советского Азербайджана работников, стремясь поставить М.Дж.Багирова перед фактом сворачивания их деятельности. Переход процессов в Иранском Азербайджане в плоскость национальных отношений не совсем устраивал Советы. Поэтому А.Смирнов в первую очередь поставил перед Наркоматом иностранных дел вопрос о закрытии тюркоязычной газеты «За Родину», имеющую большую популярность в Азербайджане. Как раз в это время в газете собрался замечательный творческий коллектив – Мирза Ибрагимов, Сулейман Рустам, Исрафил Назаров, Осман Сарывелли, Мехтихан Векилов, Гьлман Мусаев, Шамси Бадалбейли и другие. Багиров, возражая против закрытия газеты, писал Деканозову и секретарю аппарата Наркоминдел Аркадию Соболеву: «Нелояльное отношение к нам иранских властей в Южном Азербайджане дошло до того, что в Тебризе за последнее время открыто была начата демонстрация в кинотеатрах германских фашистских фронтовых эпизодов, а также издание под руководством тебризского губернатора явно фашистской газеты «Голос Азербайджана». Иранское правительство всех более или менее лояльно настроенных к нам провинциальных губернаторов заменяет отъявленными профашистскими элементами. В свете всего этого не только считаю неправильным прекращение распространения нашей газеты «За Родину» среди населения, а, наоборот, просил бы поручить тов. Смирнову более решительно реагировать на факты провокационных действий местных властей по отношению к нам» [68]. Багиров также предупреждал, что обо всем этом он подробно написал Сталину.

В начале 1942 года советские спецслужбы удачно использовали события, связанные с деятельностью некоего Сартибзаде. Этот Сартибзаде, в прошлом связанный с Коминтерном деятель, теперь сотрудничал с германскими спецслужбами. Совместно с переселенцами из Советского Азербайджана Агаевым и Расуловым Сартибзаде в пограничных районах Гарадага, Джульфы, Маранда формировал партизанские отряды с целью установления советской власти. В захваченных партизанами районах распускались органы власти и создавались органы местного самоуправления. Когда это началось, возвращавшийся из Баку А.Алиев был еще в Нахичевани. Нарком внутренних дел Азербайджана Мир Теймур Якубов телеграммой передал ему указание Багирова срочно ликвидировать эти «партизанские отряды». В телеграмме говорилось: «Товарищ Багиров предложил, чтобы все наши работники продолжали проводить работу по разьяснению вредности всей этой затеи... Кроме того, разьясните, чтобы немедленно вернули все отобранные деньги и оружие, которое они взяли у отдельных лиц и полиции, а также

освободили из-под стражи представителей власти». А.Алиев с группой политработников срочно выехал в Маранд и лично беседовал с собравшимися мятежниками, разъясняя им провокационный характер подобных действий. Рядовые партизаны дали слово разойтись по домам, а главари были доставлены в Джульфу и там обезврежены органами внутренних дел [69].

Тем не менее иранское правительство поспешило использовать эти события как повод для ввода войск в Южный Азербайджан. 7 января 1942 года Багиров информировал Сталина об этом, одновременно он писал в Наркоминдел, что по соглашению с англичанами иранское правительство хочет уничтожить сторонников СССР, обвиняя их в бандитизме, и таким образом уменьшить советское влияние на подконтрольной территории. В то же время нельзя соглашаться с вводом иранских войск на эту территорию. В противном случае не избежать провокаций [70].

В январе 1942 года Багиров обратился к заместителю наркома внутренних дел В.Меркулову и заместителю наркома иностранных дел Деканозову. В этом обращении содержалась информация о провокационных действиях английской разведки среди курдов. Он писал: «Англичане, не стесняясь, разъезжают целыми группами не только по территории, где расположены английские войска, но и по территории, где расположены наши войска. Причем везде они рекомендуют населению, в особенности курдам, выступать против иранского правительства, раздают оружие. Характерно, что оружие они не передают непосредственно курдам в руки, а привозят его целыми грузовиками, разбрасывают где-нибудь недалеко от населенных пунктов, а потом курдам говорят, что в таком-то месте есть оружие, почему вы его не берете. Во всей своей работе они говорят как курдам, так и азербайджанцам, что «мы не против того, чтобы вы добивались самостоятельности, даже путем вооруженных восстаний, но только мы в ваши дела не вмешиваемся, мы за иранское правительство». Этим письмом Багиров пытался рассеять тучи, нависшие над группой А.Алиева, поэтому далее он разъяснял: «В результате, как вам известно, приписывая все это нашим работникам, они делают всевозможные представления нашему послу. А товарищ Смирнов, по своей доверчивости не перепроверяя и не требуя объяснений от наших работников, информирует Москву в совершенно противоположном свете о якобы нетактичном и нехорошем поведении наших работников. Тогда как на самом деле наши работники ведут себя более чем сдержанно и скромно. Ни один из них за все это время не бывал за пределами территории, где расположены наши части. Что касается поведения некоторых наших военных работников в Иране, то исчерпывающие материалы в свое время были посланы в Москву... Все дело в том, что англичане, и не в меньшей степени турки, я уже не говорю об иранцах, страшно боятся

всевозрастающего авторитета Советского Союза среди населения Южного Азербайджана, в том числе среди курдов. Поэтому все иноразведки ни перед чем не останавливаются для того, чтобы как-нибудь помешать нашим людям там работать. Мне кажется, что всего этого некоторые наши товарищи, в частности товарищ Смирнов, недопонимают». В конце письма Багиров коснулся интересного и немаловажного вопроса. Он написал: «Еще одно обстоятельство, которое могут использовать те же англичане, турки, иранцы и другие и которое не даст положительных результатов для нас, – это параллелизм и дублирование в работе многих групп наших работников среди населения Южного Азербайджана, в особенности среди курдов, айсоров и армян. Я имею в виду работу разведуправления, работников НКВД Армении, которые, несмотря на указание Наркомата внутренних дел Союза, продолжают, видимо, вести там работу. Все они в погоне за вербовкой новых агентов, по существу, расшифровывают друг друга» [71].

Органы безопасности Азербайджана вынуждены были противостоять деятельности органов спецслужб Советской Армении и одновременно внимательно следить за активностью дашнакской партии в Иране, особенно в Тебризе [72].

Из Москвы было обещано, что посол Смирнов получит соответствующие инструкции и возникшая напряженность в отношениях с группой А.Алиева будет урегулирована. Поэтому Багиров рекомендовал Алиеву время от времени, условившись заранее со Смирновым, выезжать в Тегеран. В интересах дела рекомендовалось держать Смирнова в курсе всего происходящего.

Багиров также призывал сотрудников из Советского Азербайджана не падать духом. Он писал: «В общем, от всей той большой, плодотворной, культурной, массово-разъяснительной работы, которую мы ведем с самого начала, не отказываться, вести дальше в том же духе...» [73].

После урегулирования конфликтов в Гарадаге, Маранде, Джульфе 18 января А.Алиев вернулся в Тебриз и имел продолжительную беседу с генконсулом А.Кулаженковым по поводу его доклада Смирнову. Кулаженков категорически заявил, что он не писал никакой докладной записки, а посылал только заметки из своего дневника послу Смирнову. А.Алиев доказывал, что его действия и работа его подчиненных не являются вмешательством во внутренние дела Ирана. Чтобы прояснить обстановку, А.Алиев 21 января прибыл в Тегеран и подробно рассказал послу Смирнову о проведенных мероприятиях, а также просил указать конкретно недочеты в работе. А.Смирнов вначале ничего не сказал, а затем выяснилось, что Смирнов вообще против ведения среди населения какой бы то ни было разъяснительной работы. Он прямо сказал, что «население в Южном Азербайджане достаточно революционизированно, и нет

необходимости проводить какую бы то ни было разъяснительную работу». Смирнов предложил А.Алиеву вернуться в Баку и оттуда руководить деятельностью в Тебризе [74].

Обо всем этом А.Алиев 28 января 1942 года составил большой отчет и направил его Багирову. В отчете указывалось на ошибочность и вредность линии Смирнова и Кулаженкова на прекращение агитаторской работы среди населения. «Полагая, что мы информировали центр о его непонятном и странном поведении, тов. Смирнов всячески старается дискредитировать проводимую нами большую политическую работу и этим доказать необходимость ее ликвидации. Несмотря на то, что реакционное правительство Форуги и Сохейли (министр иностранных дел) является основным виновником задержки подписания советско-англо-иранского договора, Смирнов выдвигает перед нашим правительством вопрос о поддержке этого правительства, характеризуя его как правительство антифашистское и готовое якобы сотрудничать с нами». А.Алиев настаивает, что информация Смирнова ошибочна. Правительство Форуги готово сотрудничать не с Советами, а с англичанами, причем кабинет Форуги потерял свою социальную опору в Иране [75].

Политический прогноз Алиева оказался верным: правительство Форуги в течение семи месяцев прошло через четыре кризиса и 9 марта 1942 года пало.

В отчете от 28 января А.Алиев раскрывал и причины неудовлетворительной работы Смирнова: «За семь месяцев работы в качестве посла Смирнов не имеет ни одного проверенного источника информации. Основными источниками его информации являются Буллард – английский посол, Форуги и Сохейли, а также Белошапкин (заместитель торгпреда) и состоят из официальных встреч, кабинетных бесед и данных прессы».

Даже председатель парламентской комиссии по иностранным делам Меджлиса Экбаль 14 января 1942 года осудил Смирнова за недостаточную активность, игнорирование общественного мнения, внутренней жизни Ирана, за отсутствие поддержки демократическим элементам. Экбаль упрекал Смирнова в том, что тот допустил назначение губернатором Хорасана отъявленного фашистского агента - бывшего премьер-министра Мансура. Дело дошло до того, что на стенах домов, где проживают работники советской колонии, появляются фашистские свастика и лозунги [76].

26 января завершились обсуждения в иранском Меджлисе советско-англо-иранского союзного договора. Парламент утвердил союзный договор 89 голосами при 8 против. Иранскому правительству были даны полномочия подписать договор.

29 января 1942 года в Тегеране в 18.15 вечера был подписан Союзный договор между Советским Союзом, Великобританией и Ираном. От Советского Союза договор подписал А.Смирнов, от Британии – посол Р.Буллард, от Ирана – министр иностранных дел Сохейли. В церемонии подписания участвовал премьер Форуги. По этому поводу Сталин направил Форуги поздравительную телеграмму. В поздравительной телеграмме И.Сталина значилось: «Господин Председатель, сердечно поздравляю Вас и в Вашем лице Иранское Правительство по случаю подписания Договора о союзе между СССР, Великобританией и Ираном. Выражаю твердую уверенность, что новые, союзные отношения между нашими странами укрепят узы дружбы между иранским народом и народами Советского Союза и будут успешно развиваться в интересах наших стран» [77]. Заключение союзного договора Смирнов считал переломным моментом в истории советско-иранских отношений.

10 февраля 1942 года в связи с подписанием договора Мухаммед Реза Пехлеви и президент США Ф.Д.Рузвельт обменялись телеграммами. Шах просил Рузвельта быть гарантом территориальной целостности и независимости Ирана. [78].

Весной 1942 года в Иране и Южном Азербайджане ситуация изменилась. Москва все-таки настояла, чтобы в марте 1942 года большая группа командированных из Советского Азербайджана во главе с А.Алиевым вернулась домой. К середине 1942 года в Иранском Азербайджане оставались всего 84 человека из бакинской миссии. Из них 62 человека были политическими и типографскими работниками, а 17 - медработниками. Нарком внутренних дел СССР Л.Берия в шифрованной телеграмме от 29 марта 1942 года сообщал Багирову: «По вашей телеграмме относительно отозвания из Ирана оставшихся там партийных и советских работников и относительно прекращения издания в Тебризе и Реште газет сообщаю, что вопрос мною согласован с ЦК и получено согласие на отзыв работников и прекращение издания газет» [79]. После этой директивы в Тебризе остались лишь несколько сотрудников из Советского Азербайджана, возглавляемых М.Амираслановым.

9 марта 1942 года Мирза Али хан Сохейли образовал новый кабинет. Прозападная направленность Ирана усилилась. В мае был подписан англо-иранский финансовый договор [80]. Англия обязывалась оказать Ирану продовольственную помощь. 3 мая 1942 года США распространили право ленд-лиза на Иран. Иранский премьер, в свою очередь, провел через Меджлис закон о преследовании лиц, пропагандирующих сближение с осью Берлин – Рим – Токио. Сохейли старался угодить союзникам, но при этом в глазах соотечественников хотел выглядеть независимым политиком. Однако ухудшение материального положения населения, отсутствие обещанной англичанами помощи, распространившиеся слухи о

намерении Сохейли распустить парламент привели к отставке его кабинета.

9 августа 1942 года Кавам эс-Салтане сформировал новый кабинет и в тот же вечер выступил с правительственным заявлением. В своей программе Кавам особо отметил стремление сблизиться с Соединенными Штатами Америки. Первым шагом нового премьера стало приглашение в Иран американской финансовой миссии во главе с Артуром Милспо. Затем под разными предлогами число приглашенных американских советников увеличилось, и это стало эффективным средством контроля над правительством.

Тем временем 29 мая 1942 года в Вашингтоне состоялась встреча В.Молотова с Рузвельтом. Среди других тем было затронуто и положение в Иране. Рузвельт проявил осведомленность о беспорядках в стране, спровоцированных курдскими племенами, и о том, что советские военные приняли меры для их прекращения. «Американское правительство хотело бы знать, не может ли оно быть полезным, например, через свою миссию в Тегеране, в деле оказания помощи советским властям в борьбе с известными беспорядками в Иране», - хитро спросил президент, ищущий повод для вмешательства в иранские дела. Но Молотов, учтиво поблагодарив Рузвельта, закрыл эту тему [81].

В октябре 1942 года в Иран прибыли две американские военные миссии во главе с полковником Норманном Шварцкопфом и генералом Кларенсом Ридлом. Шеридан занял пост советника при правительстве. На пятом месяце деятельности, в ноябре 1942 года, Ахмед Кавам придал миссии Милспо официальный статус. Советское посольство в своем отчете писало: «Со второй половины 1942 года американская миссия в Тегеране усиленно начала стремиться к завязыванию связей с государственными деятелями и прессой. В Азербайджане, например, отмечается стремление американцев подчинить своему влиянию местный государственный аппарат и интеллигенцию» [82]. Одновременно посольство сообщало, что также привлекает внимание активизация Турции в Иранском Азербайджане. В июне-сентябре здесь явно усилилась турецкая агитация. Новый премьер Кавам объявил себя врагом коммунизма, готовым сотрудничать с союзниками. Почувствовав попытки США и Англии усилиться в Иране, Советское руководство для военного усиления в Иране 18 сентября 1942 года приняло секретное постановление ГКО «Об использовании иранской военной промышленности», в котором указывалось: «Признать необходимым в пределах возможности использовать иранскую военную промышленность для нужд обороны СССР. Установить, что использование иранской военной промышленности может идти как по линии размещения военных заказов для СССР, так, возможно, и по линии передачи Советскому Союзу в аренду некоторых

военных или смежных с ними предприятий иранской промышленности» [83]. И к осени 1942 года советское руководство пришло к выводу, что зря отозвало своих работников из Азербайджана.

В конце октября советский посол Смирнов пригласил М.Амирасланова на переговоры в Тегеран. В присутствии командующего советскими войсками в Иране Смирнов ознакомил Амирасланова с директивой Наркомата иностранных дел СССР. В директиве указывалось на необходимость наладить отношения с правительством Ирана, а также с его населением и решить вопрос формирования северо-западной иранской дивизии с центральным штабом в Тебризе. В документе особо подчеркивалась необходимость работы с местным населением: «Наши консульские работники и военные товарищи забыли о том, что основное население Северного Ирана - это азербайджанцы, и это население нельзя игнорировать и симпатию его следовало завоевать. Однако на деле получилось обратное, то есть наши консульские работники и военные товарищи в своих донесениях, главным образом, пишут лишь о курдах и их симпатии и сочувствии к нам... Нельзя быть такими наивными и уверенно заявлять о том, что вожаки всех курдских племен симпатизируют и сочувствуют Красной Армии и Советской власти... Среди курдских вожачков немало агентов иностранных разведок... Таким образом, основное внимание должно быть направлено на завоевание симпатий азербайджанского населения как главного и основного» [84].

После ознакомления с директивой Смирнов заметил, что военные части не ведут никакой работы с местным населением и не хотят вести. Назначенный командующим вместо Новикова генерал Антонов возразил на это, что дело нельзя поручать кому попало, к тому же работа с населением не входит в функции армии.

На этой встрече Смирнов с пафосом говорил о важности работы с населением и в качестве положительного примера привел огромный опыт деятельности группы Азиза Алиева. Посол высказал сожаление, что эта работа не была завершена и что группа Алиева была отозвана назад напрасно.

АКТИВИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ В ИРАНском АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В 1944 году политика Советского Союза по отношению к Южному Азербайджану стала постепенно меняться. Освобождение советской земли от фашистов и выход Красной Армии к границам европейских государств разожгли экспансионистские устремления СССР. Идея подобраться к иранским и ближневосточным энергетическим ресурсам вновь стала притягательной. Существенным фактором явилась также политика союзников – Британии и США на Ближнем и Среднем Востоке, их подготовка к реализации после окончания войны своих национальных интересов в данных регионах. С конца 1943 – начала 1944 гг. две американские нефтяные компании «Станфорд вакуум» и «Синклер ойл» и английская «Шелл» при поддержке посольств США и Великобритании и благосклонном отношении иранского правительства приступили к переговорам в Тегеране о предоставлении им нефтяных концессий на юге Ирана, в Белуджистане. Более того, в августе 1944 года США и Англия провели двустороннюю конференцию по нефтяным проблемам, результатом которой явилось подписанное уже 8 августа в Вашингтоне специальное соглашение, предусматривавшее дальнейшие совместные действия в области нефтяной политики [1].

Добытые англичанами на юге Ирана в 1943 году 10 млн. тонн нефти еще более раздражили советское руководство [2]. Еще в июне 1943 года советский посол в Тегеране А.Смирнов обратился к Багирову с просьбой прислать несколько нефтяников-геологов для разведки нефтяных запасов на севере Ирана. По указанию Багирова главный геолог геологоразведывательного управления Азнефти А.Н.Корнеев и сотрудник этого управления И.Г.Гасанов под видом военных инженеров были направлены 2 июля в Тегеран. Первичные исследования показали, что нефтегазовые запасы в Иранском Азербайджане, Гиляне, Мазандаране, Астарбаде, Северном Хорасане отнюдь не уступают запасам подконтрольных англичанам

районов Южного Ирана. Результаты геологоразведки были обсуждены в посольстве. В обсуждении принял участие заведующий отделом Ближнего Востока НКВД СССР Иван Садчиков. Последний сообщил, что обо всем будет доложено руководству наркомата и наверняка будут даны соответствующие указания по расширению геологоразведочных работ [3]. Тотчас торговому представителю СССР в Тегеране Мигунову было поручено обеспечить геологическую группу автомобилем. Позже в Москве было принято решение о выделении финансовых средств для поисковых работ.

В феврале 1944 года геологическая группа обнаружила в 20 км к югу от границы СССР, близ советского районного центра Ордубад, а также в Горгане, Таш-Абаде, Семинане большие запасы нефти, а на Рештской равнине - запасы газа [4].

Начиная с середины 1943 года иранские власти, в свою очередь, пытались укрепить свои вооруженные силы и жандармерию в Азербайджане. Размещенная в Азербайджане Третья северо-западная дивизия состояла из 7-й Тебризской, 8-й Урмийской, 9-й Ардебильской бригад. Общая численность дивизии составляла почти 4300 солдат и офицеров. В декабре 1943 года по программе, подготовленной американскими военными, в Третьей дивизии были организованы шестимесячные военные курсы. В 1944 году численность иранских войск в Азербайджане была доведена до 5200 человек [5]. Вначале дивизию возглавлял бригадный генерал Хосровани, а с 1944 года командование принял бригадный генерал А.Дарахшани.

В конце 1942 года по требованию советского правительства Фахим аль-Мульк был отозван с поста генерал-губернатора 3-го остана. Вместо него был назначен Г.Мугаддам. Этот был настроен лояльно по отношению к Советскому Союзу и просоветским политическим организациям, и с помощью англичан иранские спецслужбы добились его отзыва из Азербайджана. Новый генерал-губернатор Ахмеди не пользовался должным авторитетом среди населения.

Победы Советской Армии на фронте, усиление международного авторитета СССР не могли не оказать влияния на настроения в стране. Один из крупнейших купцов и фабрикантов Тебриза Хойи Рагимзаде так оценивал международное положение: «Обстановка складывается так, что мы должны сотрудничать с русскими. В противном случае они найдут какого-либо Тито или человека наподобие нашего амбала и с его помощью отберут все наше имущество. События в Югославии и польский вопрос показали, что Англия и Америка бессильны что-либо предпринять против России» [6]. Об изменении ситуации в Иране вице-консул в Тебризе Марченко послал 5 июня 1944 года заместителю наркома иностранных дел СССР Сергею Кавтарадзе доклад на 84 страницах [7].

Между тем весной 1944 года в Иране произошли важные события. Завершились начавшиеся еще в августе 1943 года выборы в иранский Меджлис 14-го созыва. Правительство Сохейли, сформированное еще в феврале 1943 года, было заменено правительством Мухаммеда Саида Марагаи (март-ноябрь 1944 года). Мухаммад Саид и вслед за ним последовательно возглавлявшие правительство Муртаза Баят (Сахам эс-Султане) и Ибрагим Хакими были азербайджанцами.

Выборы в иранский Меджлис способствовали активизации деятельности партий и обществ в Азербайджане. Шла борьба за 21 депутатское место от Азербайджана. Деятельность партии «Туде» при советской поддержке заметно оживилось, и это выразилось в том, что в середине 1944 года заново был создан Тебризский областной комитет Народной партии («Туде»). 17 человек, в том числе Садых Падеган, Ахмед Исфагани, Джафар Кавиан, Мухаммед Бирия, Давид Геворкян, Мир Гасым Чешмазар, Казым Хашимния, Салим Хашими, Таги Агнам и другие были избраны членами этого комитета. М.Нунакарани, М.Мазлуми, Г.Шамси, Б.Адалети, З.Оджагнавин, Б.Абизаде вошли в Ардебильский комитет партии «Туде»; Насрулла хан Егани, Рагим Егани, А.Зейналов, Мир Сатда, Мустафа Гасан и др. входили в Хойский комитет [8]. А.Ованесян, Али Амир Хизи, Азад Ватан и другие принимали деятельное участие в создании отделения партии «Туде» в Азербайджане.

Созданная в 1943 году под руководством Сеида Зияеддина партия «Ватан» («Отечество») вела непримиримую борьбу с партией «Туде». Странники Сеида Зия проникли и в Азербайджан и пытались создать в Тебризе филиал партии «Ватан». Советские спецслужбы в своих отчетах писали: «Мы, со своей стороны, принимаем меры, чтобы не допустить данный филиал» [9].

Но выборы в Меджлис в Азербайджане проходили в сложной обстановке. Их результаты в Хое, Маку, Сарабе, Миане, Ахаре были неблагоприятны для коммунистов. В информации советских спецслужб по поводу выборов отмечалось: «Наиболее успешно проходят выборы в Тебризе. Из числа заранее намеченного и поддерживаемого нами блока в числе 7 кандидатов – 5 имеют полные шансы на избрание. От результатов выборов в Тебризе в основном зависит оценка нашего влияния в Южном Азербайджане. При наличии 9 депутатских мест выдвинули свои кандидатуры и баллотировались свыше 300 человек, и каждый из них, с целью обеспечить свое избрание, проводил гнусную провокацию против поддерживаемых нами кандидатов. Крупный сарабский помещик Фарман Фарманиан в письмах к своим родственникам сообщал из Тегерана: «...Либо провалить поддерживаемых русскими кандидатов и обеспечить избрание желательных нам лиц, либо в случае невозможности этого во что бы то ни стало нужно спровоцировать выборы и добиться их

приостановления». Бывший генерал-губернатор Тебриза Фахим уль-Мульк писал своему знакомому помещику Лигвани: «...Я слышал, что русские твою кандидатуру больше не поддерживают. Ты этому должен радоваться, ибо в тысячу раз лучше не быть членом парламента, чем избираться при поддержке русских. Я дал установку Азуди (*уполномоченный правительства по выборам*), который или провалит навязанных нам русскими кандидатов, или, если не получится, затянет выборы до открытия нового парламента. Есть надежда на то, что парламента отменит выборы в Азербайджане. Лучше не иметь депутатов в парламенте от Азербайджана, чем иметь депутатов, избранных так позорно. Примите все меры для провала навязанных нам кандидатов».

Английский консул об успехах «Туде» в Тебризе выразился так: «Успехи выборов в пользу кандидатов Народной партии в Тебризе говорят о том, что русские пользуются большим влиянием среди городского населения. От результатов выборов в деревне зависит дальнейшая судьба Иранского Азербайджана» [10].

Мэр Тебриза Керим Ровшани, хотя и обещал помогать просоветским кандидатам, поддерживал, однако, англофилов Имами, Вагабзаде, Гасана Тагизаде.

На выборах в Азербайджане победили Фарман Фарманиан, Хойи Имами, Гусейн Ашраф Садиги, С.Гази, Бахадури, Ф.Ипекчиан, Сеид Джафар Пишевари, Абдул Гасан Садиги, Амир Нусрат Искендери, Абуль Гасан Сиггатул Ислам, Аскер Панахи, Юсиф Муштахида, Али Аскер Сартибзаде, Искендер Мугаддам, Муса Фатуги, Мехти Адл, Шейх Ленкорани, А.Ованесян и др. Восемь депутатов относились к просоветски настроенным политикам, трое вполне лояльно относились к СССР, два депутата не выражали открыто своих симпатий. В целом же выборы в Меджлис в Азербайджане можно было оценивать как успех прокоммунистических сил.

Новый Меджлис открылся 26 февраля 1944 года, а уже в июне парламента аннулировал мандаты С.Дж.Пишевари, получившего голоса 16 тысяч тебризцев, и Шейха Ленкорани [11]. Об этом С.Дж.Пишевари с восточной образностью писал: «Я знал, что не смогу ужиться с захватчиками депутатских кресел, и чувствовал, что эти разбойники не оставят меня в покое. Поэтому, пока не поздно, я воспользовался возможностью высказаться. Я перечислил нужды делегировавших меня в Меджлис 16 тысяч азербайджанцев, меня слушали внимательно, молчанием соглашаясь с услышанным. Но враги прикрывались показным сочувствием, черным покрывалом скрывая свое предательство. Как только представился случай, они сказали: «Этот азербайджанец не может сидеть спокойно, его надо удалить отсюда», и с подлостью, свойственной лисам, лишили меня мандата» [12].

В связи с изменением ситуации в Иране Москва вновь сочла возможным вернуться к азербайджанской проблеме. 6 марта 1944 г. на своем заседании правительство СССР обсудило вопрос «О мероприятиях по усилению культурной и экономической помощи населению Южного Азербайджана». В решениях по этому вопросу было сказано:

1. Учитывая, что преобладающее большинство населения Южного Азербайджана и, в частности, его крупных городов, в которых расположены части Красной Армии, является азербайджанским, целесообразно иметь в составе политработников, находящихся в контакте с местным населением, а также среди комендантов гарнизонов, работников по тылу - военнотружущих-азербайджанцев.

2. По тем же соображениям организовать при воинских частях издание армейской газеты на азербайджанском языке (не менее трех раз в неделю) с распространением ее среди гражданского населения.

3. Желательно заменить уполномоченных торговых представителей в Тебризе, Ардебиле и др. городах Южного Азербайджана работниками-азербайджанцами. То же самое касается и работников финансовых органов, советских банков в Тебризе.

4. Желательно также иметь работников-азербайджанцев в наших дипломатических органах в качестве консулов и секретарей консульств. Особенно же важно в Тебризе и Маку.

5. Целесообразно иметь работников из азербайджанцев по 1-2 человека на руководящей работе в аппаратах советского торгпредства и посольства в Тегеране.

6. С целью издания различной политической и художественной литературы для распространения среди населения, а также для издания выдающихся произведений крупнейших писателей и поэтов Южного Азербайджана создать в Тебризе специальное издательство под названием «Тебриз» с хорошо оборудованной типографией. Издательству предоставить право принимать заказы и от местного населения.

7. В мае-июне 1944 года организовать гастрольную поездку Азербайджанского государственного драматического театра им. Азизбекова в г.Тебриз и одну концертную бригаду для гастролей по другим городам Южного Азербайджана.

8. В Тебризе организовать школу типа десятилетки с азербайджанским языком обучения, причем иранский язык и литературу проходить там как предмет. Установить бесплатное обучение, педагогический состав укомплектовать из числа азербайджанских советских учителей.

9. При указанной школе открыть библиотеку-читальню, разрешая доступ туда, кроме учащихся, и остальному местному населению.

10. Для оказания практической помощи крестьянству в деле обработки земли и садоводства создать показательную агротехническую станцию (в районе Тебриза).

11. С целью предоставления работы хотя бы небольшой части безработных города Тебриза организовать трикотажно-чулочную фабрику [13].

В начале марта для работы в советских хозяйственных и военных структурах азербайджанцам – офицерам и политработникам – было выделено 33 места, а в торгпредстве 11 мест. В телеграмме из Совнаркома Багирову говорится: «Прошу дать указание подобрать соответствующие кандидатуры и направить их в Москву для оформления» [14]. На Бюро ЦК КП(б) Азербайджана 20 марта 1944 года для работы в советских дипучреждениях были утверждены и направлены в ЦК ВКП(б) кандидатуры 14 азербайджанцев. В кратчайшие сроки они получили распределение: заместитель секретаря ЦК АзКП(б) Ахад Якубов – советником в советское посольство в Тегеране, секретарь Дербендского горкома партии Али Алиев – первым секретарем посольства, начальник Саатлинского районного отдела госбезопасности Джабраил Ашумов – третьим секретарем посольства, третий секретарь ЦК АзКП(б) Гасан Гасанов – вице-консулом в Тебризское генконсульство, заместитель секретаря АзКП(б) по легкой промышленности Мирза Мамедов – секретарем генконсульства, начальник первого отдела Комиссариата госбезопасности Мустафа Мустафаев – вице-консулом в Маку, второй секретарь ЦК комсомола Азербайджана Багир Сеидзаде – секретарем консульства в Маку, начальник Кубинского районного отдела госбезопасности Паша Алекперов – секретарем вице-консульства в Урмии, заместитель секретаря Бакинского горкома партии Бандалы Мехтиев – секретарем вице-консульства в Ардебиле, начальник следственного отдела Народного комиссариата госбезопасности Шамил Назарли – вице-консулом в генконсульстве в Реште, заместитель секретаря АзКП(б) Мамед Шарифов – консулом в Горгане, ответственный работник Народного комиссариата внутренних дел Зейнал Гезалов – секретарем консульства в Казвине, начальник особого управления Народного комиссариата внутренних дел Сейфулла Сулейманов – секретарем консульства в Бендершахе, секретарь парторганизации Народного комиссариата внутренних дел Ахад Багирзаде – на должность директора Дома культуры при советском посольстве [15].

Получившие распределение имели в Москве беседу с В.Молотовым, который, подчеркнув важность и ответственность затеваемого дела, сказал: «Вникайте в каждую мелочь, ведите непосредственно черновую работу в деле усиления нашего влияния среди населения» [16].

Перечисленные лица, а также большая группа хозяйственников, работников культуры и полиграфистов весной 1944 года составили новый десант из Советского Азербайджана. В телеграмме на имя Багирова сообщалось: «Десятого апреля выпустили первый номер газеты «За Родину» тиражом 4 тысячи экземпляров, которые разошлись в течение трех часов. Наши читатели встретили выход первого номера с большой радостью. Следующий номер выпускаем двенадцатого увеличенным тиражом» [17]. Только для организации газеты «За Родину» из Баку было послано 27 типографских работников. Среди них Али Гасан Шахгельдиев, Джафар Хандан Гаджиев, Исафил Назаров, Гулам Мамедли, Гылман Мусаев, Анвер Мамедханлы, Мамед Рагим, Казым Казымзаде, Мелик Меликзаде и др. Организация новых групп этого культурного десанта стала особой заботой руководства Советского Азербайджана. В апреле на утверждение Г.Маленкова были направлены списки будущих работников Тебризской агротехнической станции во главе с Имамом Мустафаевым, чулочно-трикотажной фабрики во главе с Гусейном Бабаевым, типографии «Тебриз» во главе с Гусейном Шарифовым, преподавателей Тебризской средней школы во главе с Джебраилом Алескеровым.

В целях усиления влияния на Иранский Азербайджан в соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 6 марта 1944 года Бюро Компартии Азербайджана решением от 20 марта срочно создало Духовное управление мусульман Кавказа.

По распоряжению Генштаба Министерства обороны СССР начальник Института военных переводчиков писал в ЦК АЗКП(б): «Срочно пришлите 15-20 человек, знающих татский язык, для подготовки военных переводчиков с фарсидского языка. Есть указание отобрать нужный контингент среди татского населения сел Балаханы, Сураханы и Маштага» [18].

Наконец, для общего руководства всеми азербайджанскими работниками Багиров назначил Гасанова Гасана Мамед оглу. Вскоре Г.Гасанов и секретарь ЦК АЗКП(б) по идеологии Газанфар Мамедов представили Багирову план предстоящих мероприятий и распределения работы. По этому плану партийное руководство в Тебризе и окрестных районах поручалось Г.Гасанову, М.Мамедову и А.Шахгельдиеву, а в Казвине - А.Атакишиеву, регулирование спецопераций в Тебризе и окрестностях - А.Якубову, А.Алиеву, руководство в Ардебиле - Б.Мехтиеву, выполнение спецпоручений в Горгане - М.Шарифову, ответственными за военные, посольские и консульские дела назначались Г.Гасанов, А.Якубов и А.Атакишиев [19].

Всем руководителям миссии указывалось, что для привлечения азербайджанского населения первоочередное внимание следует уделять религии и религиозным деятелям. «Не потому, что они станут опорой

советского правительства, а потому, что посредством священнослужителей можно добиться большего».

Командированным предписывалось не делать различий между бедными и богатыми, а всех стараться привлечь на сторону Советов. Предполагалось так организовать работу, чтобы средние и мелкие предприниматели чувствовали, что и при Советской власти они останутся на своих местах. Вместе с тем с осторожностью следует относиться к политическим партиям. Особенно рекомендовалось дистанцироваться от тех лиц, которые, называя себя старыми большевиками, настаивали на установлении советской власти. Русские спецслужбы предупреждали, что большинство этих людей являются диверсантами иностранных разведок. Поэтому советовали так себя вести, будто и мысли нет насаждать здесь советскую власть. Просто советские граждане желают оказать дружескую помощь своим соседям, усилить их экономику и торговлю, открыть различные предприятия и т.д.

Главной задачей посланцев СССР было возбудить чувство национального самосознания у азербайджанцев, показать, что они не одиноки, что по ту сторону границы живут их братья, и живут намного лучше, чем они. Для этого планировалось использовать театр, концертные бригады, газеты, издательство, кино, школу, дома культуры в Тегеране и Тебризе, библиотеки и т.д.

Рекомендовалось не вмешиваться в политические и государственные интриги: «Этим пусть занимается посол, он получил соответствующее указание... В наших газетах следует возвышать истинных патриотов, культурных людей, любящих свой народ, таких как Бирия»

Работающим в Азербайджане рекомендовалось быть скромными в быту, так как спецслужбы сообщали, что за советскими работниками пристально следят английские, американские, турецкие, иранские шпионы. В то же время от советских сотрудников требовалось знать историю, экономику региона, разбираться в мельчайших нюансах уклада Азербайджана, чтобы когда решится азербайджанский вопрос, знать, с чего начинать. Если произойдет воссоединение, то существующий алфавит волей-неволей некоторое время должен сохраняться, поэтому советские работники несколько часов в день должны уделять изучению фарсидского языка и графики. Даже внешний вид совслужащих не должен давать повод англичанам или американцам сомневаться, что это не консулы, а партработники. «Ни внешне, ни действиями консулы не должны вызывать подозрений» [20].

Для претворения в жизнь решений Совнаркома СССР от 6 марта М.Дж. Багиров и Т.Кулиев вели с Москвой многостороннюю переписку. 19 мая 1944 года советское правительство разрешило открыть в Тебризе Дом культуры в качестве филиала Всесоюзного общества культурных связей

(ВОКС). Организация работы была поручена Деканозову и руководству Азербайджана. Багиров в письме председателю ВОКСа Каменеву просил ускорить открытие Дома культуры. Заместитель министра связи СССР Никула сообщил заместителю председателя Совнаркома Азербайджана А.Азизбекову, что выделил для этого три радиоприемника, десять репродукторов, пять телефонов, два патефона и т.п. Ввиду отсутствия новой мебели и кресел, Багиров распорядился из Дома культуры нефтяников в Баку выдать 400 кресел и из других бакинских клубов еще 200 кресел [21].

Для создания образцовой агротехнической станции на основании письма И.Мустафаева и распоряжения Т.Кулиева Совнарком Азербайджана выделил 15 тракторов, 5 машин, оборудование для лаборатории, инвентарь для столовой на 50 человек и т.д. Одновременно Багиров и Кулиев обратились в Совнарком СССР с просьбой разрешить открыть подобную станцию и в Маранде. В справке на имя Т.Кулиева указывалось, что для типографии «Тебриз» отправлены типографские машины, набирающие арабским шрифтом и кириллицей, 30 тонн бумаги, два деревянных киоска, книги, мебель, две пишущие машинки, масляные краски, 15 железных печек, 400 литров бензина ежемесячно – всего на сумму 652.210 рублей [22].

Еще 12 апреля 1944 года член военсовета генерал-майор Руссов писал Багирову, что в Казвине проблема питьевой воды приняла серьезный характер. Местные власти обратились к американцам. Руссов писал, что если бы можно было срочно доставить 2 буровые установки и 700 метров труб, то могли бы обойтись без американцев. Тотчас по указанию Багирова в Казвин было доставлено 2 буровые установки, нужное количество труб, сюда же прибыла бригада буровиков. За короткий срок вопреки сопротивлению городских властей в эксплуатацию были сданы 4 колодца. Общественность города направила Багирову благодарственное письмо [23].

24 июня 1944 года В.Молотов подписал постановление №13421 об открытии в Тебризе школы на азербайджанском языке, в котором указывалось: разрешить Наркомату иностранных дел в 1944/1945 учебном году открыть школу с обучением на азербайджанском языке для детей советских сотрудников и местных азербайджанцев; утвердить штат преподавателей, административно-хозяйственных работников в 36 человек и установить для них фонд заработной платы. Комиссариату иностранных дел разрешено выделить для новой школы автомобиль [24]. Открытие в Тебризе школы с преподаванием на азербайджанском языке вызвало горячий отклик у населения. До 20 сентября 812 учеников подали заявления с просьбой учиться в этой школе. Желавших было так много, что с 20 сентября вынуждены были прекратить прием заявлений. Кроме

того, 31 выпускник средних школ заявил о желании продолжать учебу в Баку.

А вот правительственные круги Ирана были обеспокоены фактом открытия этой школы. Начальник управления образования 3-го остана Салими в советском генконсульстве встретился с директором школы Джебраилом Алескеровым и сказал: «В прошлом к нам обращались представители армянского народа с просьбой организовать для них армянскую национальную школу. Иранские власти разрешили одному бизнесмену открыть для армянских детей три школы с преподаванием фарсидского языка. Армянский язык проходили в неделю два часа и платили за обучение 100 риалов в месяц с каждого ученика. В этом году армяне организовали специальную армянскую школу с охватом 700-800 детей с преподаванием на армянском языке. В результате из трех частных фарсидских школ армянские дети перешли в армянскую школу. Хозяин этих трех школ потерпел убытки» [25]. Дж.Алескеров сообщал Багирову, что господин Салими привел этот пример как предупреждение, чтобы советская школа не мешала иранским школам, и что Салими прекрасно осведомлен об отношении населения, особенно интеллигенции к новой школе и обеспокоен массовым переходом школьников из иранских школ в нее.

Весной и летом 1944 года из Советского Азербайджана в Южный было направлено более 620 специалистов разного профиля. Багиров в своем обширном докладе Сталину: «О ряде вопросов по положению в Южном Азербайджане» писал: «Выполняя ваше указание об усилении влияния Советского Союза в Южном Азербайджане, мы в последнее время осуществили ряд мероприятий. 245 человек из партийных, советских и военных кадров республики направлены нами в Южный Азербайджан. Из них 13 человек трудятся на дипломатической работе, 10 человек в торговых учреждениях, 150 человек в гарнизонных комендатурах и военных частях, остальные в хозяйственной, транспортной, образовательной сферах. Для работы по линии Комиссариата внешней торговли, здравоохранения, железной дороги и других советских и хозяйственных органов мобилизованы еще 375 человек, которые прибудут в Южный Азербайджан на днях. Командированные в Азербайджан, все без исключения, азербайджанцы» [26].

Вместе с тем, весной и летом 1944 года сторонники Сеида Зияеддина всеми путями старались усилить свое влияние в Иранском Азербайджане. Советские спецслужбы внимательно следили за ними. В специальном разведдонесении говорилось: «Вокруг него (Сеида Зия) группируются все лица, недовольные шахом и нынешним правительством, а сам он даже не скрывает своей антипатии к шаху. Например, во время посещения шахом одного из заседаний Меджлиса, все члены Меджлиса встали и приветст-

вовали шаха, а Сеид Зияеддин демонстративно остался сидеть». Военная разведка 5 мая 1944 года сообщала Багирову, что Сеид Зияеддин сговорился с высшими армейскими чинами с целью покушения на шаха и захвата власти. 70 офицеров-заговорщиков были арестованы в Тегеране [27]. В Советском Азербайджане командиром в Иран давались наставления твердо противостоять сторонникам Сеида. Хотя в сущности Сеид Зияеддин так и не смог создать себе базу в Тебризе, и это несмотря на то, что в Иране он приобрел в некоторой степени популярность. Однако интересы иранских азербайджанцев находились в полном противоречии с позицией Сеида Зияеддина и его сторонников. В информации из Тебриза отмечалось: «Многочисленные факты подтверждают, что население Иранского Азербайджана стремится к своей многовековой мечте – освободиться от гнета персов. Азербайджанцы из Северного Ирана тоскуют по своим кровным братьям. Чувства национального единства выливаются в свободомыслие, стремление получить образование на родном языке, воспитать детей в традициях любви к Родине и народу. Во главе антифашистов Ардебилля стоит молодой патриот, талантливый поэт Балаш Азероглу. Недавно были опубликованы отрывки из его поэмы «Через всю историю». Передовая часть интеллигенции высказывает свои мысли не на фарси, а на понятном народу азербайджанском языке. Население любит своих братьев, живущих в Советском Азербайджане» [28].

Регулярно выходила газета «За Родину». Ее редактор А.Шахгельдиев докладывал Багирову, что газета, кроме Тебриза, распространяется в Урмии, Хое, Маранде, Миане, Зенджане, Казвине, Сарабе и других городах. Редакция командировала в эти города Джафара Хандана и Гулама Мамедли. По поводу привлечения в газету местных журналистов Шахгельдиев сообщал, что Мухаммед Бирия держит с ним связь, делится планами на будущее. Бирия день и ночь работает над листками «Литературная страничка» и «Кулак», а также просит передать его горячую благодарность Багирову за отеческую заботу об Азербайджане [29].

17 мая 1944 года в редакции газеты «За Родину» состоялась встреча с редактором тегеранской газеты «Ажир» Сеид Джафаром Пишевари, приехавшим в Тебриз за своим депутатским мандатом. Встреча длилась четыре часа. Пишевари рассказал о действиях союзников в Иране, особенно о деструктивной деятельности англофила Сеида Зияеддина. В беседе был затронут вопрос усиления Тебризского отделения Народной партии за счет азербайджанских кадров. В то время избранный от Урмии депутат А.Ованесян возглавлял тебризское отделение партии «Туде». По этому поводу Багиров писал Сталину, что нельзя быть безучастным к тому, что в Южном Азербайджане Народную партию, состоящую в основном из азербайджанцев, возглавляет армянин А.Ованесян [30]. А вот Сеид

Зияеддин умело использовал этот факт. В своей знаменитой декларации он писал: «Мусульманский мир не будет переносить того, чтобы колыбель Шамседдина Тебризи (известный средневековый тебризский поэт – Дж. Г.) была подчинена страстям и власти армянина Арташеса» [31].

Полную информацию об успехах газеты «За Родину», о работе с интеллигенцией Иранского Азербайджана М.Дж.Багиров получил от вызванного на несколько дней в Баку Джафара Хандана. Письма Шахгельдиева также обсуждались в ЦК КП(б) Азербайджана. Редакции было рекомендовано быть предельно осторожной, чтобы не дать повод иранским властям закрыть газету. Опубликованные в ней статья «Фатали хан» и стихотворение «Что я принесу» уже вызвали негативную реакцию генерал-губернатора. Не скрываемые связи с Бирией, постоянные посещения им редакции, его открытая агитация против иранских органов власти были признаны политической ошибкой. Шахгельдиеву было указано, что «таких ценных работников, как поэт Бирия, следует использовать крайне осторожно, нельзя его подставлять» [32]. В специальной инструкции говорилось: «Ради большой политики будущего он для нас очень ценен... Бирия живет в Тебризе и имеет широкий круг общения. Несомненно, в этот круг затесались и провокаторы, выполняющие задания различных политических групп. Надо, умно и осторожно выведя его из этого круга, без усталости воспитывать в требуемом направлении» [33].

Секретарю ЦК Компартии Азербайджана по идеологии Г.Мамедову поручили, переговорив с начальником политуправления Закавказского фронта генералом Сорокиным, решить технические, бытовые, социальные проблемы сотрудников газеты «За Родину», а Шахгельдиева регулярно вызывать в Баку для инструктажа. Надзор за выполнением плана мероприятий был поручен секретарю ЦК А. Ализаде.

Гасан Гасанов, направленный в Иранский Азербайджан для общего руководства всеми политработниками, в июне 1944 года в трех письмах рассказал М.Дж.Багирову о возникающих трудностях. После обсуждения этих писем на ЦК Багиров писал Гасанову, что не стоит вмешиваться в ход партконференции и дела Народной партии. Достаточно просто отслеживать ее деятельность, изучать состав партии и ее отношения с населением. А на фабриках и заводах рабочие через свои профсоюзы сами разберутся. Что касается лиц, направляемых на работу в Иран по подложным документам, и их проблем с пограничниками, то это вина не пограничников, которые хорошо несут свою службу, а тех военных органов, которые плохо организуют свою работу. Этот вопрос будет поставлен перед командованием Закфронта. Главврачом Тебризской больницы назначена Г.З.Кулиева. Вопрос изучения русского языка должен решаться через организацию кружков при тебризском Доме культуры. Вопрос учебы в вузах Советского Азербайджана должен решать Наркомат

иностранных дел СССР. Распространение азербайджанской культуры и ее влияния может оказаться полезным в будущем для службы разведки. Вопрос использования вод Аракса для полива земель нижней Мугани может решаться соответствующими органами СССР и Ирана. Пусть иранское правительство официально обратится к советскому правительству. Вопрос открытия больницы в Ардебиле будет рассмотрен во вторую очередь, после Тебриза и Решта [34].

14 июня 1944 года советник советского посольства Ахад Якубов срочно выехал в Маку в связи с курдскими погромами в азербайджанских деревнях Хоя, Маку, Шапура, Шарафхана. 28 июня и Гасанов отправился в Урмию. Поступили сведения, что к этим погромам причастны иранские власти. Было перехвачено письмо командира 3-й пехотной дивизии генерала Джавади начальнику генштаба иранской армии, которое военная разведка переправила Багирову. Генерал Джавади писал: «Оружие 3-й, 4-й и 15-й дивизий попало в руки курдов, и, кроме того, из Тегерана нелегальным образом привозят оружие и продают курдам... Разоружение курдов сейчас не только невозможно, но и нецелесообразно. Лучшим средством в данный момент является воспрепятствование объединению курдов» [35].

Однако советские военные и дипломатические службы также были небезгрешны в своих действиях в отношении курдов. 4 июля Якубов сообщал Багирову из Маку, что до сих пор консульские и военные учреждения неверно относились к курдскому населению. Указания Молотова – быть предельно осторожными - не выполняются, поэтому курдские погромы и убийства людей вызывают раздражение и недоверие к Советам. Якубов предупреждал, что посол СССР, уже давно работающий в Иране, не желая признавать своих прошлых ошибок, отказывается принимать должные меры [36]. Сообщения, связанные с курдами, Якубов посылал и в Наркомат иностранных дел СССР. Вскоре посол А.Смирнов был отозван и на его место был назначен М.Максимов.

В начале июля 1944 г. тебризский вице-консул Г.Гасанов, ознакомившись с положением в западной части Азербайджана, подготовил обширные доклады для В.Молотова, в советское посольство и М.Дж.Багирову. Интересно, что доклад Багирову несколько отличался по содержанию от других сообщений. Гасанов писал Багирову, что в его экземпляре отчета есть информация, которую он не хотел бы передавать в Москву и Тегеран [37].

Какие же моменты Гасанов не хотел доводить до сведения Молотова и советского посольства в Тегеране? Об этом он пишет 11 июля Багирову в документе под грифом «совершенно секретно». Доклад Молотову состоял из описания общего положения в курдских районах Ирана и отношений между курдами и азербайджанцами. Гасанов сообщал, что советская опека

над курдами вызывает заметное недовольство англичан и турок. Поступали сведения о частых переговорах офицеров английской разведки с вождями курдских племен, о подстрекательской роли англичан и иранских властей в организации погромов. Вице-консул, в частности, писал: «...Выступления курдов против азербайджанцев проходили на глазах губернатора г. Резайе доктора Марзбана, против которого 7 июля выступило население, публично избило его, а также начальника жандармерии капитана Авшара... Жандармский начальник города Хой Теймури при распределении угнанного курдами скота потребовал дать ему больше голов животных, заявив, что должен выделить долю и командирам Красной Армии». Гасанов сообщал Молотову, что «такими провокациями иранские власти пытаются увеличить количество войск и жандармерии в Азербайджане и пресечь растущий интерес к Советскому Союзу» [38].

А в докладе лично Багирову Гасанов, описывая реальное положение дел в Азербайджане, подчеркивал серьезное недовольство населения иранскими властями и отмечал, что население возлагает большие надежды на Советский Азербайджан. Он писал, что население фактически гибнет, в деревнях царит ужасающая нищета. На одежде крестьян столько заплат, что невозможно определить, из какого материала она была сшита, практически все голы и босы. Зачастую мертвых хоронят без савана. Трудно представить себе более страшную картину запустения, чем азербайджанская деревня. Многие спрашивают, когда же закончатся эти адские муки. Во время встреч в западных районах ему, Гасанову, открыто говорили: «Наш народ вымирает, исчезает. Приходите, возьмите нас под свое покровительство».

Гасанов также сообщал о встречах с главами курдских племен. Некоторые из них – Готаз бек, Рашид бек, Нуру бек, Зеро бек – лично знали Багирова и заявляли, что Багиров обещал им после войны решить курдский вопрос и что они верят только ему. «Мы – ваши люди, не отделяйте нас от себя. Если не верите словам, испытайте на деле», - говорили курды. Действительно, от вступления Советской Армии в Иран курды только выиграли. При Реза шахе непокорные главари курдских племен были сосланы на юг и в другие отдаленные места Ирана. В 1941 году сосланные и арестованные курды вернулись на свои земли. Гасанов в своем докладе предлагал вне зависимости от целей СССР в Иране укреплять авторитет Азербайджана среди курдов. 30-40 курдских детей, обучающихся в Баку, могли бы, по его мнению, в будущем оказаться весьма полезны.

Далее Гасанов, говоря о провокаторе Халиле Ингилабе, а также о деятельности английского консульства, писал о важности усиления просоветской прессы и опять настаивал на личной встрече с Багировым [39].

С лета 1944 года Советы усилили свое внимание к прессе как противовесу большому количеству английских газет и журналов, выходящих в Тегеране. Советское посольство просило Багирова оказать помощь в организации издательского дела в Тегеране. С помощью переводчиков и полиграфистов, присланных из Советского Азербайджана, советское посольство начало выпускать газету «Дусте Иран» («Друг Ирана») и журнал Общества ирано-советских культурных связей «Пияме-Ноу» («Новый вестник»), первый номер которого вышел 30 августа 1944 года. Ответственным секретарем журнала был Саид Нафиси.

Новый посол Михаил Максимов писал Багирову о большой популярности бакинских концертных бригад, выступавших в Тегеране, Тебризе и других городах Южного Азербайджана.

О практических мерах по осуществлению советской политики в Южном Азербайджане весной и летом 1944 года Багиров составил большой 21-страничный отчет, который был отправлен в Кремль 14 сентября. В документе на первом месте шла речь о деятельности газеты «За Родину», ее широкой популярности в массах, умении сплотить вокруг себя местную интеллигенцию. Например, один из учителей тебризской средней школы писал: «Я купил и с большим волнением прочел первый номер газеты. Если бы за один номер этой газеты пришлось заплатить всем моим состоянием, я бы, не задумываясь, отдал. Надеюсь, что газета «За Родину», как яркая звезда, осветит тебризские горизонты» [40]. В этом же сообщении Сталину Багиров с особой гордостью называл имена южноазербайджанских поэтов Бирии и Балаша Азероглу.

Одной из серьезных проблем, поднятых в отчете, было использование исламской религии для усиления советского влияния в Иранском Азербайджане. После образования Духовного управления мусульман Кавказа в Баку был проведен первый съезд духовенства и верующих Закавказья. Принятое этим съездом обращение к мусульманам всего мира было отпечатано в 5 тысячах экземпляров на азербайджанском и фарсидском языках и отправлено в Тебриз. В «Обращении к братьям-мусульманам» говорилось: «Братья мусульмане! Палач Гитлер и его подручный Муссолини преследуют цель овладеть священными исламскими землями - Аравией и Египтом. Сотни тысяч мусульман в Ливии погибли от рук Муссолини. Три года назад этот негодяй даже мечтал стать нашим халифом... Как можем мы, священнослужители Азербайджана и всего Советского Союза, долготерпеть действия фашистов, уничтоживших сотни тысяч людей, и не объявить джихад. Гитлер, Муссолини и их сателлиты распространяют слухи, будто советское правительство оказывает давление на ислам. Большой лжи и клеветы на Земле еще не было... Мы – мусульмане Советского Союза, – объединившись, объявляем джихад фашизму. День мести настал. В

Священном писании сказано, что напавший на другого вскоре должен получить по заслугам. Мы, правоверные мусульмане Советского Союза, обращаемся к мусульманам всего мира: не жалейте германских и итальянских фашистов. Убивайте их повсюду. Это священный долг» [41]. Этот призыв съезда кавказских мусульман получил большой отклик в Южном Азербайджане. Глава Духовного управления шейх уль-ислам Ализаде наладил личные контакты с религиозными деятелями Южного Азербайджана. Основной целью было закрепить здесь влияние Советского Азербайджана.

Багиров в своем докладе перечислил и высоко оценил все предпринятые шаги: организацию радиопередач, открытие в Тебризе больницы, Дома культуры, чулочно-трикотажной фабрики, средней школы, обеспечение жителей Казвина питьевой водой, начало строительства автомобильной дороги Баку - Астара - Казвин. По его мнению, это, несомненно, усилило доверие иранцев к Советскому Союзу, а среди азербайджанцев пробудило чувство национального достоинства. Большую роль в этом сыграло направление в Иранский Азербайджан работников из Советского Азербайджана, знающих язык, бытовые и национальные особенности местного населения. Багиров писал Сталину, что высокопоставленные иранские чиновники и правительство остерегаются укрепления авторитета Советов и предпринимают меры по нейтрализации достигнутого ценой немалых усилий. Ряд бесспорных фактов подтверждает, что это поощряется и направляется англичанами.

В своем отчете Багиров не обходит стороной и деятельность сторонников Сеида Зияеддина, их антисоветскую политику. Эмиссар Зияеддина - Гусейн Этика в Тебризе и среди племени шахсеванов вел агитацию, что «русские хотят расколоть Иран и одну из частей соединить с Советским Союзом. Чтобы сохранить целостность и независимость опекаемого англичанами Ирана, надо вступить в партию единственного избавителя Отчизны - Сеида Зияеддина» [42]. Судя по информации Багирова, эти агитационные уловки активно распространяли представители английских организаций и иранских правящих кругов. Отмечалась и работа англичан на юге Каспия и среди курдов, последствием которой стали набеги на азербайджанские поселения. В результате набегов в апреле 1944 года курдских вооруженных отрядов деревни Мейланлы, Тазакенд, Гызылсулу, Гараагач, Арыхлы, Дерекенд и другие полностью разорены, три крестьянина и два ребенка убиты, угнано 6000 голов мелкого рогатого и 700 голов крупнорогатого скота. Багиров сообщал Сталину, что уже длительное время курды на глазах у советского командования грабят азербайджанское население. Военные же ничего не предпринимают, ограничиваясь лишь предупреждениями. Первый секретарь ЦК Азербайджана предлагал:

- всеми средствами добиться признания Меджлисом мандатов депутатов, избранных от Азербайджана;
- в ближайшее время добиться объединения профсоюзов, отдалить от их руководства враждебно настроенных лидеров и усилить в профсоюзах советское влияние;
- укрепить руководство партии «Хизбе-Туде» за счет влиятельных азербайджанцев, провести ряд мероприятий в этом направлении;
- принять решительные меры для ликвидации враждебных провокационных элементов, действующих в Южном Азербайджане по указке иранских властей;
- указать командованию Советской армией и дипломатическим работникам в Азербайджане, что в отношении главарей курдских племен, грабящих азербайджанцев, следует занять жесткую позицию. Добиться нормальных взаимоотношений между азербайджанцами и курдами;
- способствовать поднятию престижа советских гарнизонов, одновременно предотвращать всякого рода акции иранских властей, затрагивающие советские интересы;
- расширять разведработу и с этой целью использовать влиятельную часть населения;
- очень осторожно наращивать работу среди крестьянства [43].

Со сменой советской политики в отношении Ирана усилился интерес к его внешним связям, военному строительству. Военная разведка подготовила 15 июля 1944 года обширную информацию «О вооруженных силах Ирана», содержащую подобные сведения о генштабе, военных округах, военных училищах, личном составе, районах расположения, военно-воздушных силах и даже о боевом духе. Составленная разведкой Закавказья 20 сентября 1944 года справка-доклад «Генералитет и офицерский корпус иранской армии» была объемом в 236 страниц. Ее подготовили начальник штаба Закавказья генерал-майор Иванов и заместитель начальника управления разведки подполковник Горшков. В справке указывалась численность состава иранской армии в 123 тысячи человек, в том числе офицеров – 9 тысяч. По разведанным, в иранской армии состояли: военный министр, два его заместителя, два корпусных генерала, 17 дивизионных генералов, 34 бригадных генерала, 338 полковников, 239 подполковников, 320 майоров, 1470 капитанов, 1960 старших лейтенантов, 1247 лейтенантов, 870 младших лейтенантов [44].

Советской военной разведке было известно все о членах военного совета: не только их адреса, но и планы их квартир и поместий [45]. Сведения об иранских офицерах были представлены начальнику Генштаба Красной Армии генералу Алексею Антонову.

В октябре 1944 года советские спецслужбы подготовили досье на всех высокопоставленных лиц госаппарата Ирана со сведениями об их

политической ориентации и отношении к СССР. Подготовленная справка состояла из 219 страниц [46].

В декабре 1944 года за подписью командующего Закавказского фронта генерала армии Тюленева, секретаря ЦК КП(б) Азербайджана Багирова, члена военсовета генерал-майора Ефимова, начальника политуправления Закавказского фронта генерал-майора Емельянова была подготовлена докладная записка на имя начальника Главного политуправления Красной Армии генерал-полковника Александра Щербакова «Об усилении работы среди местного населения в Иране», в которой говорилось: «За три с лишним года пребывания советских войск в Иране нами проделана значительная работа в деле поднятия политического самосознания широких слоев населения Ирана, в особенности Южного Азербайджана... Парторганизация Азербайджана лишь за 1944 год направила в политорганы советских войск, военные комендатуры, советские торговые и транспортные учреждения и организации в Иране до 800 человек, которые проводят большую работу среди местного населения. Несмотря на то, что работа ведется в значительных масштабах, она еще не приобрела желательного размаха и глубины, поэтому для усиления и улучшения нашей пропаганды в Иране считаем необходимым: реорганизовать газету «Друг Ирана» с тиражом в 15 тысяч экземпляров; пользующуюся у населения успехом газету «За Родину» сделать 4-полосной, а тираж довести до 15 тыс. экземпляров; решить вопрос об издании иллюстрированного журнала для Ирана в нескольких параллельных изданиях со сменным фарсидским, азербайджанским, армянским, арабским и курдским текстами; в целях завоевания популярности и авторитета в различных слоях иранского общества предложить редакциям подконтрольных газет увеличить число статей иранских авторов; усилить эффективность радиоузлов в городах Иранского Азербайджана и увеличить их штаты» [47].

М.Дж.Багиров считал необходимым создание Общества культурных связей Азербайджана для расширения культурных связей с Иранским Азербайджаном. 1 ноября 1944 года в телеграмме Г.Маленкову он писал: «В связи с проводимыми нами мероприятиями в Иране наблюдается огромный рост интереса у иранской интеллигенции к достижениям и успехам науки, искусства и литературы Азербайджанской ССР. В целях еще большей популяризации за границей достижений нашей республики в централизации всех проводимых мероприятий в этой области считаем своевременной и целесообразной организацию Общества культурной связи с заграницей в Азербайджане. Председатель ВОКС товарищ Кеменов, считая также целесообразной организацию Азербайджанского Общества культурной связи с заграницей просил нас подобрать подходящую кандидатуру на должность председателя. ЦК партии Азербайджана, просит

Вас санкционировать организацию Азербайджанского Общества культурной связи с заграницей и утвердить председателем этого Общества товарища Векилова Самед Вургун Юсуф оглы, члена партии с 1940 года, дважды лауреата Сталинской премии, поэта, литератора» [48].

27 ноября 1944 года Москва разрешила открыть Азербайджано-иранское общество культурных связей для усиления культурного, научного влияния Советского Азербайджана в Южном Азербайджане. По предложению Багирова это общество возглавил поэт Самед Вургун.

БОРЬБА ЗА НЕФТЬ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС В ТЕГЕРАНЕ

К середине 1944 года близкое завершение войны стало очевидным. Союзники во Второй мировой начали задумываться о перспективах послевоенного мира, тем временем противоречий, конкуренции, недомолвок во взаимоотношениях между ними становилось все больше. Судьбы стран Восточной и Центральной Европы, Среднего, Ближнего, Дальнего Востока и Тихоокеанского бассейна превратились в тему открытых и тайных переговоров. Начиналась эпоха борьбы за мировые топливные и энергетические источники, и постепенно союзники превращались в противников. Начиная с середины 1944 года борьба за нефть стала определяющим фактором в формировании политики по отношению к Ирану. США и Англия, прежде всего руководствуясь принципом не допустить Советский Союз к ближневосточным и иранским нефтяным месторождениям, в то же время испытывали серьезные трения в отношениях между собой. Еще в начале 20-х годов президент США Гардинг отмечал, что пока Америка была занята изучением мира, общества и права, Англия прибрала к рукам все источники нефти. А это богатство составляет основу мирового господства [1].

В июле 1944 года в Вашингтоне состоялась англо-американская конференция, посвященная нефтяному вопросу. В течение 10 дней обсуждались все связанное с иранской нефтью [2]. Уже в конце 1943 года представитель американского концерна «Стандарт вакуум ойл компани» Драйнер прибыл в Тегеран и вел переговоры с министром торговли и промышленности генералом Шафаи по поводу получения нефтяной концессии в Иранском Белуджистане. В связи с этим временный поверенный в делах США в Тегеране Форд от имени посольства просил руководителей иранского правительства, чтобы они поддержали Драйнера. В апреле 1944 года американец Брейтон, назначенный заместителем Милспо по Южному Ирану, прибыл в Тегеран. Официально он должен

был находиться в Кермане и контролировать финансовые дела южноиранских провинций. Однако на самом деле Брейтон являлся представителем компании «Синклер», заинтересованной в белуджистанской нефти. Летом 1944 года другой представитель этой компании – Вильсон прибыл в Тегеран. В этот период переговоры вели также посланцы компании «Американ Истерн К^о» Ваграм Френдян и Кемпел. С прибытием в Иран в начале июля представителя правительства США, специалиста по нефтяным вопросам полковника Левела дело приняло новый оборот. 12 июля он объявил всем компаниям, стремящимся к иранской нефти, что отныне все переговоры о нефтяной концессии будут вестись от имени американского правительства. 20 июля сын бывшего президента США Гувер и Куртис были приглашены иранским правительством в качестве экспертов по нефти. Начиная с июля 1944 года руководство страны приступило к секретным переговорам с американским правительством и компаниями США [3]. Но им только казалось, что все проходит в обстановке абсолютной секретности. Советский Союз был осведомлен обо всем. Материалы о переговорах американцев по нефтяному вопросу были тайно переданы советским торговым представителем Мигуновым М.Дж.Багирову [4].

Конечно же, возросшая активность США не осталась без внимания СССР. Дипломатические, военные, специальные сотрудники СССР в Иране скрупулезно отслеживали все происходящее, поскольку Советы не меньше иных имели виды на иранскую нефть. Последовательное командирование советских работников в Южный Азербайджан в действительности было составной частью большой нефтяной политики Москвы. Однако ни посланцев Советского Азербайджана, ни ощутившее после столетие рабства национальное самосознание местное население не ставили в известность об истинных целях этих действий и настоящей цене этой политики. 16 августа 1944 года Берия направил И.В.Сталину и народному комиссару иностранных дел В.М.Молотову за своей подписью крайне важный для понимания послевоенных намерений СССР в Иране аналитический доклад Совнаркома, касавшийся вопросов мировых запасов и добычи нефти, нефтяной политики Англии и США и содержащий многочисленные выводы. В докладе отмечалось наличие англо-американской конкуренции в борьбе за нефтяные месторождения Ирана и в то же время обращалось внимание на единодушие этих держав в совместных действиях «в отношении любой третьей страны», прежде всего СССР. Берия предлагал «энергично взяться за переговоры с Ираном на получение концессии в Северном Иране». При этом он подчеркивал, что «англичане, а, возможно, и американцы, ведут скрытую работу по противодействию передаче нефтяных месторождений Северного Ирана для эксплуатации Советским Союзом». Кроме того, Берия считал

полезным участие СССР в англо-американских переговорах о нефти «для защиты интересов СССР в сфере международных нефтяных дел» [5].

Подконтрольные советским представителям отдельные газеты Тегерана начали с середины 1944 года вводить в оборот идею «северной нефти». 19 июля 1944 года в юмористическом журнале «Тоуфик» был помещен памфлет «Горе от нефти». В нем рассказывалось, что некая Иран ханум в период затруднений с нефтью запаслась несколькими банками ее. По обе стороны от нее жили два соседа, которые зарились на ее нефть. Один - богатый и надменный, другой - бедный, простой и прямой, к тому же засыпавший Иран ханум ласковыми словами. Однако этот простачок весьма бдительно следил за всем происходящем в ее доме. И как только Иран ханум собиралась дать из своих запасов больше, чем полагалось, своему первому соседу, укоризненно поглядывал в ее сторону. Но вдруг появился и третий конкурент – богач со второго этажа, который более других влюбился в нефтяные прелести Иран ханум и включился в сореживание за ее расположение. «Дай Бог, чтобы Иран ханум удалось спасти свою жизнь в этой борьбе», - завершал автор свое повествование [6].

Богатым влюбленным, появившимся в конце этой печальной истории, была, разумеется, Америка, которая успешно укрепляла свои позиции в Иране. Еще в 1942 году Британия уступила США право перевозить грузы через территорию Ирана в СССР. Под контроль США таким образом перешли порты, автомобильные и железные дороги, ведущие с юга в Тегеран. В 1944 году американцы пытались взять под контроль также каспийские порты и дороги, ведущие в Тебриз. К осени 1944 года численность американских войск в Тегеране, Хамадане, Хорремабаде, Ахвазе, Абадане, Казвине и других пунктах составляла 50 тыс. солдат и офицеров. На параде американских войск 1 августа 1944 года лично присутствовал шах, вместе с супругой и свитой он посетил американский военный лагерь в Амрабаде [7]. По информации советских спецслужб, военное присутствие США на Ближнем Востоке имело целью в случае приближения германских войск к бакинским нефтепромыслам немедленно оккупировать Закавказье, и в первую очередь Апшеронский полуостров [8].

К концу 1944 года число американских советников приблизилось к 100. Для работы в сфере просвещения были приглашены еще 60. Основной целью всей этой армии советников было противостоять влиянию Советского Союза. Журнал «Ньюсвик» писал: «Соединенные Штаты Америки твердо отстаивают независимость Ирана вопреки России и Великобритании, плетущими интриги относительно сфер влияния. Декларация об Иране является победой концепции США. Эта декларация устранила опасность того, что Россия может потребовать прямого выхода

к Персидскому заливу» [9]. Советник при военном министерстве генерал-майор Ридли в Мешхеде заявил руководителям полиции и жандармерии: «В Хорасане масса советских шпионов, а вы никакой борьбы с ними не ведете, надо усилить борьбу с советскими шпионами» [10]. В Тебризе Ридли настаивал на выделении большего объема пшеницы для армии, давая понять, что «все равно пшеницу заберут русские».

В течение 1944 года американцы пытались склонить молодого шаха на свою сторону. Летом Мухаммед Реза на американском самолете совершил вояж из Тегерана в Абадан, где правителю продемонстрировали мастерские, собирающие самолеты для СССР. Американцы пообещали шаху передать после войны Ирану все построенные ими мастерские, причалы и прочие сооружения.

Американский корреспондент «Ассошиэтед Пресс» Герман в июле посетил шаха и взял у него интервью, сопровождаемое комплиментами его величеству. Интервью было опубликовано в иранских и американских газетах.

В сентябре 1944 года шах был приглашен в Америку, однако в связи со смертью отца, последовавшей в Иоганнесбурге, он не смог воспользоваться этим приглашением [11].

Осенью 1944 года русские также намеревались получить нефтяную концессию в Северном Иране. Даже не заручившись согласием иранского правительства, к отбытию в Тегеран готовилась советская экономическая комиссия. Уже были подготовлены проекты протокола, а также концессионного договора. В справке «Нефтяная промышленность Ирана» отмечалось, что в Ираке, Саудовской Аравии и Бахрейне в год добываются 5 млн. тонн нефти [12]. При этом вся нефтяная промышленность Ближнего Востока целиком находилась под контролем британских компаний. Нефтеперерабатывающие заводы в Абадане и Керманшахе зависели от английского капитала [13]. Заведующему отделом Ближнего Востока Наркомата иностранных дел Ивану Садчикову было поручено подготовить сравнительный анализ конкурентоспособности «Советско-иранской нефтяной компании» и «Англо-иранской нефтяной компании». В подготовленной Садчиковым справке за основу брались довоенные показатели «Англо-иранской компании». В представленной 8 сентября информации отмечалось: англичане добыли в Иране за 1938 год 10.195.000 тонн нефти. Из полученных от продажи этой нефти 6.109.477 фунтов стерлингов 3.307.479 фунтов было отчислено в пользу иранского правительства. В случае образования «Совираннефти», в соответствии с проектом договора в Северном Иране, условно ожидалась добыча 10.195.000 тонн нефти, и от полученного дохода в 11.418.000 американских долларов 3.933.905 фунтов стерлингов предполагалось передать иранскому правительству. По этим расчетам, выходило, что

советская нефтяная концессия могла быть на 18-19% выгоднее для иранского правительства. В конце документа, правда, указывалось, что расчеты носят условный характер [14].

Летом 1944 года тема нефти стала главной в иранской прессе. Газета «Дамаванд» писала: «Беспорядки в Тебризе связаны с нефтяным вопросом. В Иранском Азербайджане в областях Мосул и Каркук имеются богатые нефтяные залежи. Идея пантюркизма и идея единого курдского государства тесно связаны с этими нефтеносными районами. Поэтому СССР, США, Британия и Турция имеют свой интерес в азербайджанском конфликте. Корни возникавших в прошлом армянского, айсорского, курдского вопросов также следует искать в нефтяной проблеме. Если бы не побуждения нефтяных компаний, очевидно, турки Азербайджана не выдвигали бы никаких требований» [15]. Тегеранская газета «Фарда» сообщала об изобилии Азербайджана нефтью настолько, что в некоторых местах она выходит на поверхность земли. Газета приводила слова экономиста с мировой известностью: «...Если у государства есть «черное золото», то думать о желтом золоте уже нет необходимости» [16]. А «Иране Ма» сообщила, что из числа студентов Высшей нефтяной школы в Абадане отобраны 12 иранцев для обучения в Лондоне [17]. Тегеранская «Дария» в номере от 17 июля опубликовала большую статью о желании Советского Союза получить концессию на «северную» нефть.

Для проведения консультаций по поводу нефти в Тегеран одновременно были вызваны посол Ирана в Лондоне Тагизаде, посол в Москве Меджид Ахи, посол в Каире Джам. Среди населения ходили слухи, что послов вызвали для формирования нового правительства. Интересующие Советы нефтеносные месторождения Кевир-Хуриана были некогда подарены Насреддин шахом одному иранцу. Позже иранец продал эти земли некому грузину по имени Хоштария, являвшемуся российским подданным. Когда Хоштария решил продать этот участок англо-американской нефтяной компании за 400 тыс. фунтов стерлингов, на что русское правительство немедленно заявило протест [18]. В советское время между действующим здесь акционерным обществом «Кевир Хуриан Лимитед» и Ираном были заключены договоры от 8 июля 1928 года, 7 октября 1929 года, 28 августа 1932 года [19]. Обеспокоенность Советов была вызвана тем, что еще в 1921 году иранский Меджлис вынес решение из 5 пунктов о передаче концессии на «северную» нефть компании «Стандарт ойл». Чтобы это решение признали недействительным, СССР предстояло приложить немало усилий. Активность американских компаний с 1944 года, появление в иранской печати сообщений о возможной передаче концессии на северную нефть англичанам еще более встревожили Москву [20].

10 сентября 1944 года советская государственная комиссия в составе заместителя наркома иностранных дел СССР С.Кавтарадзе (председатель), Н.Байбакова, Кумыкина (члены комиссии), Н.Гейдарова, Е.Дмитриева, М.Карасева, И.Конрадова (эксперты) прибыла в Тегеран. 11 сентября премьер-министр Саид принял комиссию на своей вилле близ Тегерана. В приветственной речи Саид говорил о взаимной дружбе правительства шахиншаха с СССР, глубоком удовлетворении от визита Кавтарадзе. В ответном слове глава советской делегации поблагодарил хозяев и отметил большую роль Ирана в деле обеспечения Советского Союза оружием и другими военными поставками. Он заявил, что установившаяся между двумя странами настоящая дружба может служить прочной базой для дальнейшего развития политических, экономических и культурных связей. Кавтарадзе также отметил необходимость своевременного вывода войск союзников в соответствии с трехсторонним договором для поднятия престижа иранского правительства внутри страны [21].

В ходе переговоров советская сторона объявила, что целью советской комиссии является ознакомление с нефтяными месторождениями на севере Ирана и подписание договора о предоставлении концессии объединению «Советско-иранская нефть». Премьер-министр обещал помочь всеми возможными средствами [22]. 16 сентября Кавтарадзе в сопровождении советского посла М.Максимова отправился во дворец Саадабад на прием к шаху [23]. С 17 по 23 сентября комиссия в полном составе в сопровождении советника посольства Якубова отправились в Северный Иран. Здесь представители Советов ознакомились с результатами нефтеразведки в Семнани, Мазандаране, Гиляне, Горгане, осмотрели грязевой вулкан, нефтяные запасы в Туркменской степи. Затем Гейдаров и Дмитриев в течение нескольких дней осматривали окрестности Ардебилля, Тебриза, Урмии и Миане, а другие вернулись в Тегеран.

Комиссия пришла к выводу, что первоочередные работы следует начать в Мазандаране. Район Сари-Шахи, наиболее богатый нефтью, расположен в 40 километрах к югу от побережья Каспия, что облегчает вывоз нефти. Вторым перспективным районом считался Горган. Бурение в Семнани, по заключению, будет сопряжено с рядом сложностей. Работы в Гиляне и Азербайджане предлагалось ограничить геологической разведкой [24].

25 сентября премьер-министру Саиду была вручена нота советского правительства с предложением предоставления концессии на разведку и разработку нефтяных месторождений Северного Ирана с включением провинций Семнан, Горган, Мазандаран, Гилян и Азербайджан. Нефтяное требование Советов вызвало живой отклик тегеранской прессы. На первом этапе переговоров почти все издания положительно расценивали идею передачи концессии Советскому Союзу. По мнению «Растахиз»,

правительство не было против иностранных концессий. Газета писала: «...Если подходить к этому вопросу с точки зрения международной политики, то следует сделать вывод, что поскольку мы отдали концессию на южную нефть Англии, то, вне сомнения, мы не можем обделить своего другого соседа. Нет никаких оснований отказывать северному соседу, а также и Америке» [25].

Предложенный советской экономической комиссией иранскому правительству «Концессионный договор» состоял из 22 пунктов, и в нем указывалось: «Правительство предоставляет объединению в пределах Ирана исключительное право транспортировать нефть и другие указанные продукты, производить работы по рафинированию, либо обработке другими способами или очистке, причем нефть и указанные продукты могут как продаваться в Иране, так и вывозиться за его пределы. Территория концессии означает... территорию, обозначенную на карте, подписанной обеими сторонами и приложенной к настоящему договору в качестве его неотъемлемой части». Договор подписывался на 60 лет и не мог быть аннулирован ранее чем через 40 лет. Иранское правительство не могло аннулировать его в одностороннем порядке, его статьи не могли быть изменены каким-либо законом или актом, принятым позднее. В случае возникновения конфликтной ситуации вопрос должен был решаться специальной комиссией, включающей по два члена от каждой стороны. Договор должен был вступить в силу после принятия его Меджлисом и подписания шахом [26].

Вместе с договором иранскому правительству были вручены «Конфиденциальный протокол между правительством СССР и правительством Ирана по вопросу об акционерном обществе «Кевир Хуриан Лимитед», в котором заявлялось, что с подписанием данного протокола ранее заключенные соглашения от 8 июля 1928 года, 7 октября 1929 года, 28 августа 1932 года теряют силу. И СССР, и Иран признавали необходимость ликвидировать акционерное общество «Кевир Хуриан Лимитед» в порядке, предусмотренном уставом общества. Этот конфиденциальный протокол мог вступить в силу после одобрения Меджлисом концессионного договора [27].

Третий документ представлял собой протокол о намерениях, состоящий из четырех пунктов. По этому протоколу «Совираннефть» должна была быть создана в Москве и в течение 60 лет способствовать развитию производительных сил на севере Ирана [28]. Премьер Мухаммед Саид обещал, что иранское правительство будет защищать «Концессионный договор» и он проведет документ через Меджлис.

С целью налаживания связей с иранским руководством, известными политическими деятелями и депутатами Меджлиса советское посольство провело два мероприятия. Во-первых, был дан прием в честь советской

правительственной делегации и организован коктейль. Иранское правительство и Министерство иностранных дел, в свою очередь, организовали прием в честь гостей. В последние дни сентября Кавтарадзе вновь встретился с шахом. Редактор газеты «Эттелаат» Масуди взял интервью у Кавтарадзе, который заявил: «Советское правительство дало полномочия возглавляемой мною делегации сделать иранскому правительству предложение о предоставлении СССР концессии на нефтеразведку и добычу. Советское правительство считает, что если объединить природные ресурсы Северного Ирана, труд иранских рабочих и инженеров и могучую советскую технику, то выиграют обе стороны, будет заложена промышленная основа Северного Ирана... По этому поводу я два раза беседовал с его величеством шахом и несколько раз с господином премьер-министром. Я надеюсь, что окажется возможным заложить фундамент этого обоюдовыгодного дела» [29].

Однако с первых дней октября издания, близкие к правительственным кругам, стали выступать против передачи концессии Советскому Союзу. Газета «Вазифа» в номере от 3 октября писала, что правительство не вправе давать концессии в военное время и при наличии в стране иностранных войск [30]. 4 октября в той же газете вышло обращение к Мухаммеду Саиду и Кабинету министров с призывом отложить вопрос о концессии до завершения военных операций. В статье «Не упускайте из рук нашу нефть» газета «Ахтар» объявила предательством передачу нефтяной концессии иностранному государству в период войны. Газета писала, что даже в случае, если Меджлис утвердит концессию, народ Ирана будет считать ее незаконной. «Наш многострадальный народ вправе взять в собственные руки свои природные богатства... Иранская нефть принадлежит иранскому народу» [31]. А в газете «Растахиз» 27 сентября была опубликована статья, прямо противоположная опубликованной за два дня до этого. Напоминая, что в связи с нефтяной концессией правительство попало в безвыходное положение, газета считала, что в предвидении более благоприятных времен правительству стоит воздержаться от раздачи концессий. Когда на повестке дня стоит вопрос передачи Америке «южной» нефти, а России – «северной» нефти, народ имеет право требовать от правительства не подписывать договоры, закрыв глаза на немаловажные детали. «Мы не должны принимать решений, пока великие державы не прояснят своей политики, и не позволять, чтобы наша страна вновь превратилась в арену международного противостояния» [32].

Несмотря на то, что прошло достаточно времени со дня передачи иранскому правительству советских предложений, премьер Саид всячески тормозил окончательное «добро» Ирана. Наконец 2 октября Саид вынес нефтяной вопрос на закрытое обсуждение правительства, а затем заявил, что кабинет не принял никакого решения. На самом же деле правительство

постановило, что вопрос о нефтяной концессии должен быть отложен до окончания войны [33]. Премьер просто не хотел объявлять это решение, пока советская правительственная комиссия находилась в Тегеране. Но никому не было известно, когда же она собирается обратно в Москву, поэтому 5 октября прошло закрытое заседание министров и депутатов Меджлиса по вопросу о концессии, о результатах которого не было официально сообщено. По другим каналам стало известно, что обсуждение прошло в неблагоприятной для Советского Союза атмосфере. 9 октября состоялось еще одно заседание Меджлиса, на котором Саид выступил с многословными рассуждениями, выражавшими отрицательное отношение правительства к советским предложениям.

Ввиду того, что официального ответа на свои предложения советская комиссия так и не получила, ее руководитель потребовал личной встречи с Саидом. 11 октября Кавтарадзе, Байбаков и Кумыкин были приняты премьером и на прямой вопрос, поставленный в категоричной форме, получили вынужденное признание, что странное поведение иранского правительства есть не что иное, как отказ Советскому Союзу в концессии в связи с желанием Ирана отложить решение по ней до окончания войны [34]. Руководители Азнефти, подготовившие отчет для Багирова о результатах поездки в Тегеран, отмечали: «В отношениях с правительственной комиссией Советского Союза премьер-министр Саид вел недостойную и нечестную игру, на словах предлагая всемерную поддержку, а на деле проваливая наши предложения» [35].

23 октября Кавтарадзе заявил шаху Мухаммеду Реза о невозможности дальнейшего сотрудничества с правительством Саида, но выяснилось, что шах поддерживает позицию премьера. По мнению советских делегатов, на поведении правительства сказывалось влияние англичан. Английские агенты распускали слухи, что целью советского правительства является не получение концессии на нефть, а отчуждение северных провинций. Поэтому они советовали давать концессии не правительству (например, советскому), а частным фирмам (например, английским и американским) [36]. По сведениям советских спецслужб, из 112 депутатов Меджлиса 90 человек и из 11 членов кабинета 9 министров придерживались английской ориентации.

Было известно также, что заведующая отделом прессы английского посольства мисс Ламитон приглашала к себе некоторых редакторов газет и инструктировала их. Газета «Иране Ма» в номере от 11 октября опубликовала большую статью «Саид и проблема «северной» нефти Ирана», за что главный редактор был приглашен на специальную беседу. Газеты «Сетаре», «Бахтар», «Кушеш», «Дад», «Рахбар» и другие посвятили северной нефтяной концессии материалы в последней декаде октября. Редактор «Сетаре» во время встречи с премьер-министром спросил, знал

ли Саид заранее о приезде советской правительственной комиссии, на что премьер ответил, что не был предварительно оповещен [37]. Глава правительства всячески пытался заверить прессу и общественность страны, будто отказ в предоставлении концессии СССР не испортит советско-иранских отношений.

Пока премьер-министр успокаивал себя и страну, советская правительственная комиссия, еще будучи в Тегеране, начала подбор кандидатов на его место. Такой кандидат нашелся сам собой. Кавам эс-Салтане еще в ходе переговоров тайно встретился с членом комиссии, заместителем комиссара нефтяной промышленности СССР Н.Байбаковым и сообщил, что Саид их обманывает и нефти не даст. Зато Кавам заверил, что если он станет премьером, то осуществит все предложения Советского Союза [38]. Спустя месяц после начала безрезультатных переговоров, 25 октября члены комиссии вернулись в Москву. Н.Байбакову этот вояж тем не менее принес пользу: через несколько дней в возрасте 33 лет он был назначен наркомом нефтяной промышленности СССР. А вот Саиду выступление против советской концессии обошлось дорого: через две недели после отъезда советской делегации ему пришлось вручить шаху прошение об отставке. Однако Каваму пришлось ждать до января 1946 года.

Получив из Тегерана сообщение о решении иранского правительства, В.Молотов 24 октября 1944 года принял иранского посла М.Ахи и заявил, что «Советское правительство рассматривает это решение иранского правительства как отговорку, за которой скрывается фактическое отклонение советского предложения о нефтяных концессиях в Иране по неизвестным мотивам». Внимательно следящие за тегеранскими переговорами Англия и США первого и второго ноября вручили Советскому Союзу ноты с уведомлением, что «стремление Советского Союза получить нефтяную концессию является вмешательством во внутренние дела Ирана и противоречит Декларации трех держав об Иране от 1 декабря 1943 года». В ответных нотах обоим союзникам В.Молотов отметил неблагоприятную позицию американской и английской сторон в отношении советского правительства и переговоров о нефтяной концессии. В ноте указывалось: «Положительное решение вопроса о нефтяной концессии для Советского Союза способствовало бы дальнейшему развитию хороших советско-иранских отношений и, вместе с тем, явились бы одним из видов оказания значительной экономической помощи Ирану» [39].

Советская комиссия еще не покинула Тегеран, а советским военным, дипломатическим и специальным учреждениям уже была дана команда способствовать падению кабинета Саида. Премьер был подвергнут бойкоту, все переговоры велись с отдельными министрами и его

заместителями. Был установлен контроль над вывозом сельхозпродуктов из районов Северного Ирана, являющегося основной аграрной базой страны. Сразу же задержали 150 вагонов продуктов для Тегерана. Была ограничена подача вагонов под грузы, не имеющие военного значения. Прервалась телеграфная связь Тегерана с северными провинциями. Это вызвало панику среди купцов и в правительственных кругах. Перед самым отъездом комиссии один из мотомеханизированных советских полков в полном вооружении проследовал по улицам Тегерана. Намерение иранского правительства увеличить свои гарнизоны в северных провинциях и Курдистане было пресечено. Запрещалось всякое передвижение иранских войск на севере страны. Было выдвинуто требование к иранскому правительству выдать пять арестованных мусаватистов и дашнаков. Состоялось совещание консулов городов Южного Азербайджана, Гиляна и других городов. Им были даны указания об организации демонстраций, отправки телеграмм и писем от населения с выражением недоверия правительству [40].

25 октября, в день отъезда советской комиссии, в Тегеране уже начались митинги и демонстрации, 26 и 27 октября их стало еще больше. В саду Гюлюстан и на площади у Ала гапы число участников митинга достигло 12 тысяч. 30 октября в антисаидовском митинге в Тебризе участвовало уже более 40 тысяч человек. Ситуация осложнилась настолько, что командующий иранской армией в Азербайджане генерал Хосровани дал команду стрелять по демонстрантам. Один демонстрант был убит, трое ранены. 31 октября на похороны погибшего собрались 50 тысяч тебризцев, здесь перед ними выступил брат Саттархана Гаджи Азим хан.

29 октября на митинг в Тегеране собрались 40 тысяч человек, на митинг в Резайе – 3 тысячи, в Мешхеде – 6 тысяч, 1 ноября в Ардебиле – 6 тысяч, в Сараве – 6 тысяч, в Казвине – 3 тысячи человек. У митингующих откуда-то появилось большое количество портретов Сталина. В течение пяти дней по всему Азербайджану митинговало 70 тысяч человек. От имени митингующих шаху отправлялись телеграммы с требованием привлечь к ответственности Саида и его министров, изгнать из страны Сеида Зияеддина. Выступивший на митинге в Тебризе Бирия заявил, что если центральное правительство не удовлетворит требование народа, в Азербайджане найдется немало достойных людей, способных возглавить правительство, независимое от Тегерана. Телеграмма с таким содержанием была послана в Тегеран.

В своей справке на имя Багирова вице-консул в Тебризе Г.Гасанов сообщал, что митинги протеста в Азербайджане проходят при активном участии советских сотрудников [41]. Наряду с дипломатами и военные коменданты в Южном Азербайджане участвовали в организации акций. Комендант города Хой Дж.Микаилов, вице-консул Маку М.Мустафаев,

секретарь консульства Б.Сеидзаде различными путями способствовали проведению демонстраций в Маку, Хое, Урмии. О выступлениях против правительства Саида М.Мустафаев и Б.Сеидзаде информировали Наркомат иностранных дел. Позднее, в отправленном М.Дж.Багирову 15 января 1945 года «Политико-экономическом отчете по консульскому округу Маку за 1944 год», 18-й раздел был озаглавлен «Кампания против кабинета Саида». В телеграмме шаху митингующие в Маку требовали: подвергнуть суду Саида и его подручных за их антинародную политику; выслать из страны Сеида Зияеддина за его враждебную Ирану деятельность; сформировать новый кабинет, который будет вести политику в интересах иранского народа, укреплять дружбу иранского и советского народов, положительно решит вопрос о предоставлении СССР нефтяной концессии.

1 ноября даже влиятельные ханы Теймури и Баят Маку писали в советское консульство, что в знак протеста против враждебной политики Саида и в знак солидарности с СССР они перечислили в фонд Красной Армии 250 тысяч риалов. Эта информация была опубликована в «Дусте Иран», «Эттелаат», «Иране Ма» [42].

В некоторых митингах непосредственно участвовали сотрудники советских дипломатических и военных учреждений. Тем не менее главным побудительным мотивом демонстраций стало недовольство населения правящими кругами. Характерной чертой выступлений в октябре-ноябре была политическая активизация крестьянства. Бывший мэра Мараги Кабири при встрече с вице-консулом Тебриза сказал, что крестьянство, составляющее большинство населения Азербайджана, готово защищать любое предложение Советского Союза. Если речь пойдет об обособлении Азербайджана и под патронажем Советов Союза превращении его в самостоятельное государство, то азербайджанские крестьяне будут на стороне такого решения. Если же речь пойдет об объединении Северного и Южного Азербайджана, то и это предложение будет благосклонно принято большинством населения Азербайджана [43].

Волна протеста против Саида, охватившая Азербайджан, стала тревожить не только иранские правительственные круги, но и англичан, которых пугала перспектива как обособления Азербайджана, так и присоединения его к Советскому Азербайджану. Они пытались через своих людей выяснить, насколько реальна эта идея, а также выведать мнение советских сотрудников по этому поводу. Для выяснения общественного мнения англичане иногда распускали ложные слухи. Например, британский консул Уолл в одной из бесед сообщал, что русские посылают главарей курдских племен в Баку. Это, конечно, не соответствовало действительности. С лета 1944 года отношение Советского Союза к курдам стало меняться. Советский вице-консул в Маку 21 ноября 1944 года сообщал в Наркомат иностранных дел СССР: «Курды, как известно, к участию в про-

водимых нами мероприятиях не были привлечены, так как они, в большинстве, в силу своего разбойничье-бандитского уклада жизни и неавторитетности как среди населения, так и в правительственных кругах не могли бы оказать какое-либо влияние или давление на ход этих политических событий. И в действительности ни при каких обстоятельствах при помощи курдов мы не добились бы таких успешных результатов, какие мы имели опираясь на основное местное население» [44].

Игнорирование интересов Азербайджана, его языка и культуры, бесправие, голод и нищета углубили противоречия между регионом и центром. Это создало благоприятные условия для советской пропаганды. Митинги, организованные в Тебризе 6-7 ноября в честь 27-й годовщины Октябрьской революции, стали последним мощным ударом по правительству Саида. 7 ноября в Тебризе на митинг пришли 30 тысяч человек.

9 ноября Саид вручил шаху прошение об отставке, и его кабинет пал. Но волна митингов не спала. Теперь народ требовал предания Саида суду, формирования дружественного Советам кабинета и изгнания Сеида Зия из страны.

Процесс формирования нового кабинета длился две недели. 17 ноября разведка донесла Багирову, что ожидается формирование кабинета Ахмеда Кавама. Кавам уже встречался с английским и советским послами, а один из кандидатов на пост министра иностранных дел - нынешний посол в Москве Меджид Ахи уже вызван в Тегеран [45]. Однако 20 ноября на закрытом заседании Меджлиса на пост премьер-министра была выдвинута кандидатура Муртазагулу Баята. 25 ноября Баят объявил состав кабинета. С разрешения шаха Меджлис на заседаниях 26-27 ноября утвердил новое правительство. Таким образом, Баят Муртазагулу (Сахам эс-Султан) стал премьер-министром, Раис Мохсун – министром иностранных дел, Адл Мустафа – министром юстиции, Малек Сеид – министром здравоохранения, Ибрагим Зенд – военным министром, Аманулла Ардален – министром финансов, Сорури – министром внутренних дел, Хидаят – министром промышленности и торговли, Надир Мирза Араста – министром почт и телеграфа, Садых Иса – министром просвещения, Насрулла Энтезам – министром путей сообщения, Фахим уль-Мульк и Али Акпер Сияси – министрами без портфелей [46].

Состав нового правительства не оправдал надежд Советского Союза. По информации спецслужб, большинство членов кабинета были друзьями Сеида Зияеддина и сторонниками Британии. Премьер-министр обладал большими земельными владениями и принадлежал к аристократии из Маку, был бессменным заместителем председателя Меджлиса в течение нескольких созывов. В 1943 году в правительстве Сохейли Баят являлся министром финансов, в кабинете Саида – министром без портфеля.

Верный сторонник Реза шаха, после событий 1941 года он создал партию «Эттихаде Милли» («Национальное единство»), но партия не стала массовой.

Позиции правительства в Меджлисе не были достаточно крепкими: из 100 депутатов 45 – проголосовали против, 5 – воздержались, 50 – поддержали Баята. Вопрос о «северной» нефти, ставший причиной правительственного кризиса, пока не был снят с повестки. С другой стороны, 2 декабря, то есть уже спустя пять дней с момента формирования правительства, Меджлис принял закон, запрещающий ведение переговоров о нефтяных концессиях. В законе говорилось: ни один премьер, министры и замещающие их заместители не имеют права в официальной и неофициальной форме с соседними и не соседними странами, а также иностранными компаниями вести переговоры о нефти. Нарушившие этот запрет подвергаются тюремному заключению на срок от 3-х до 8 лет и до конца жизни лишаются права занимать высокие государственные должности. По сведениям советских органов, автором закона о концессиях был доктор Мусаддиг. Проект закона был обсужден в очень узком кругу, состоявшем из министра двора Али Гусейна, доктора Мусаддига, Сеида Зияеддина и Саида, но при том, что закон был принят абсолютным большинством голосов, 10 депутатов в знак протеста демонстративно покинули зал [47].

При утверждении состава кабинета в Меджлисе Баят выступил с правительственной программой, предполагавшей укрепление связей с дружественными и союзными странами, обеспечение безопасности в государстве на основе исполнения законов, повышение уровня жизни, здравоохранения, образования, принятие Меджлисом закона о труде, проведение реформ в структуре госаппарата и избирательной системе, подготовку условий для постепенного перехода экономики страны с военных расходов на гражданские и т.п. Нефтяной вопрос, ставший причиной падения кабинета Саида, не был затронут вообще.

Советская сторона связывала отказ в предоставлении концессии с воздействием на правительство Сеида Зияеддина и его сторонников. 13 декабря в газете советского посольства «Дусте Иран» появилась публикация «О беседе с товарищем Кавтарадзе», в которой от имени Кавтарадзе заявлялось: «Принятый Меджлисом закон о запрещении переговоров по концессиям ошибочен. Эта ошибка – результат давления таких врагов советско-иранской дружбы, как Саид и Сеид Зияеддин. В то же время закон, запрещающий переговоры о концессиях, не учитывает реального положения дел в сфере концессий. Советское правительство считает, что Меджлис должен пересмотреть свое решение и исправить эту ошибку» [48]. Подобное же заявление сделал ТАСС.

Тем временем терпение Сеида Зияеддина, которого азербайджанские демонстранты и советское руководство неоднократно называли врагом Ирана, истощилось. 18 декабря бывший премьер выступил с заявлением, в котором отметил, что выступления Кавтарадзе, приехавшего в Иран с добрыми намерениями, а уехавшего с превратным мнением, заставляют его прояснить некоторые вопросы [49]. Он пытался напомнить о прошлых своих заслугах в налаживании советско-иранских отношений: «Я лично... встретил первого советского посла господина Ротштейна в Тегеране и принял его... О, чудеса истории! Я, который 24 года тому назад старался установить взаимопонимание с Советским Союзом, сегодня в результате недопонимания советских представителей являюсь, к сожалению, свидетелем нежелательных для добрых отношений между нашими странами событий» [50]. Сеид Зияеддин сравнивал советскую идею о «заповедной зоне» с германской идеей о «жизненном пространстве». «Если сегодня будет принят принцип, что северные районы Ирана должны считаться заповедной зоной советских границ, то завтра Тегеран и Исфаган будут считаться заповедной зоной северных районов, а послезавтра Фарс и Керман – заповедной зоной Тегерана и Исфагана, и вследствие этого иранец сможет свободно дышать только в безводных и безжизненных пустынях Аравийского полуострова, если его туда пустят» [51]. Он считал, что царская Россия более уважительно относилась к Ирану, чем советское правительство: «Сегодня, начиная от ворот Тегерана, во всех северных провинциях Ирана представители Красной Армии контролируют путешественников, а в некоторых местах, ссылаясь на то, что эти места оккупированы, даже не разрешают иранцам передвигаться по своей земле. Правительство Ирана не может по своему усмотрению послать в некоторые места войска для обеспечения безопасности и должно предварительно получить на это согласие посольства или командующих советскими войсками. Для командирования финансовых чиновников в Азербайджан, Хорасан и Гилян нужно сначала испросить из Москвы разрешения и пропуска» [52].

Политическим кругам Ирана уже было известно, что требования, выдвигаемые в газетах и листовках Народной партии Ирана, подготовлены в советском посольстве. Поэтому в декларации Сеида Зияеддина был затронут и нефтяной вопрос: «Никто из иностранцев не компетентен оценивать утверждение Меджлисом закона как ошибку. Только Меджлис имеет полномочия принимать любые решения. Заявление, что Меджлис принял закон под давлением Саида, Сеида Зияеддина и их сторонников, является результатом ошибок, промахов и угроз Ирану со стороны советских представителей. Причем напоминаю, что это решение остается в силе до тех пор, пока иностранные войска находятся в Иране». И далее: «Я с полной уверенностью и искренностью заявляю, что если бы советские

представители вели разумную политику, а газеты, известные своими связями с советским посольством, а также агентство ТАСС и московское радио не оскорбляли бы священные для Ирана принципы, то они не столкнулись бы с таким ходом событий» [53].

Декларация Сеида Зияеддина не осталась безответной. 26 января 1945 года в газете «Правда» под авторством некоего И.Волина вышла статья «Провокатор Сеид Зия-эд-Дин без маски». В статье Сеид Зия был назван дьявлом-искусителем и провокатором. Вся статья была посвящена опровержению его декларации, но аргументы были недостаточно убедительны. Газета писала: «Деяния Сеид Зия-эд-Дина вошли черной страницей в историю Ирана. Он известен тем, что совершил переворот 21 февраля 1921 года, положивший начало кровавому подавлению национально-демократического движения в стране и установлению 20-летней эпохи диктатуры Реза хана. В правительстве, созданном после переворота, сам Сеид Зия занял пост премьера, а Реза хан – военного министра. Однако два диктатора не уживались, и Сеид Зия бежал из Ирана. После долгих приготовлений 29 сентября 1943 года Сеида Зия-эд-Дина торжественно привозят в Иран и в течение двух дней избирают в Меджлис депутатом от города Иезда» [54].

Советы испытывали серьезную озабоченность отношениями Сеида Зияеддина с Западом. В решающий момент США и Англия могли его защитить. Подконтрольная Сеиду Зияеддину газета «Раад» сообщила, что президент США Ф.Рузвельт прислал письмо в поддержку антисоветской политики Саида Марагаи. А газета «Кешвар» предупредила, что споры из-за нефтяной концессии могут развалить союз СССР, США и Англии, сменив его капиталистическим блоком против СССР [55]. Третий секретарь советского посольства в Тегеране А.Качалов в январе 1945 года сообщил С.Кавтарадзе о своих секретных беседах с одним иранцем о Сеиде Зияеддине [56].

В связи с создавшимся положением руководитель политработников из Советского Азербайджана Гасан Гасанов 13 февраля 1945 года направил Багирову 67-страничную справку «О Южном Азербайджане». В конце отчета перечислялись вопросы, требующие скорейшего разрешения, и просьба внести ясность в политику Советов. Он писал: «Посланные из Советского Азербайджана работники проделали большую работу. Однако, проведя ряд мероприятий в Иране, они не знают, какие конечные цели преследует этим наше правительство. Это затрудняет развертывание их работы в полном объеме. Нашим руководящим работникам в Иране должно быть четко и ясно сказано, что мы должны оказать помощь азербайджанскому населению в деле освобождения его от векового гнета фарсов, чтобы в этом направлении вести всю работу. Весь ход исторического развития Ирана свидетельствует о том, что азербайджанский народ

должен быть освобожден от фарсидского ига, так как иранское государство находится в состоянии упадка, накануне полного развала, и правительство его не в состоянии отстаивать свою самостоятельность и независимость». Гасанов сообщал, что несмотря на террор и жесточайшее преследование всяких проявлений национальных чувств у азербайджанцев, идея выделения Азербайджана в самостоятельное государство насущна и не оставляет азербайджанский народ. Но инициатива должна исходить именно от посланцев из Советского Азербайджана. «Мы кровно в этом заинтересованы, ибо освобождение народов Южного Азербайджана избавит наших собратьев от окончательной гибели и откроет большие перспективы для развития всего азербайджанского народа. Мы считаем, что настоящий момент международной обстановки является наиболее удобным для осуществления этой важнейшей исторической задачи. Освобождение азербайджанского народа в Иране должно быть приурочено к моменту окончательного разгрома гитлеровской Германии».

В справке отмечалось: «Освобождение Азербайджана и установление в нем подлинно демократического строя или присоединение его к Советскому Азербайджану должно быть осуществлено через народные восстания, и союзники должны быть поставлены перед совершившимся фактом».

Г.Гасанов признавал, что у советского посольства в Тегеране достаточно ограниченные возможности, ибо посол должен всегда поддерживать хорошие взаимоотношения с центральной властью. «Поскольку интересы Тегерана противоречат интересам Южного Азербайджана и любое наше решительное мероприятие приводит в ярость центральные иранские власти, это усложняет взаимоотношения с посольством, и поэтому посол не всегда доволен нашими мероприятиями. Для практического руководства всей работой в Южном Азербайджане необходимо иметь в Тебризе руководящую группу товарищей, которые были бы тесно связаны с посланными сюда работниками и получали бы указания непосредственно из Баку. Для того, чтобы эти товарищи могли свободно приезжать в Баку для информирования и получения необходимых указаний, было бы целесообразно числить их на военной службе. С этой целью желательно было бы резиденцию Атакишиева перевести из Казвина в Тебриз, одного товарища иметь в должности заместителя командира корпуса и одного – в должности заместителя начальника политотдела корпуса».

В справке указывалось, что в Южном Азербайджане имеются хорошо подготовленные, честные, преданные народному делу работники как в руководстве Народной партии и профсоюзах, так и в отдельных государственных учреждениях, на которых можно было бы опираться в пропагандистской деятельности. Но их мало. «Поэтому желательно

добиться переброски из Тегерана в Тебриз ряда демократически настроенных работников-азербайджанцев: Пишевари Сеид Джафара – редактора газеты «Ажир», Шейлявара – редактора газеты, учителя Малека и других. В нужный момент придется перебросить некоторых руководящих работников из Советского Азербайджана».

В декабре 1944 года, когда Г.Гасанов был в Тегеране, посол М.Максимов намекнул ему, что есть якобы указание проводить работу в направлении установления буржуазно-демократического строя в Иранском Азербайджане. При этом ставка должна быть сделана на азербайджанских депутатов Меджлиса. Но Гасанов считал, что движение под таким лозунгом в Азербайджане будет совершенно непопулярным. Крестьянство не удастся вовлечь в борьбу за освобождение Азербайджана, пока не решен земельный вопрос. Расчет на помощь депутатов Меджлиса также нереален, так как большинство из них являются крупными помещиками, капиталистами, имеющими свои капиталы и земельные участки не только в Азербайджане, но и в других провинциях Ирана. Понятно, что они не захотят возглавить движение, цель которого выделить Азербайджан в самостоятельное государство. Гасанов отмечал, что «самый популярный лозунг в Южном Азербайджане в настоящее время – это освобождение азербайджанцев от ига фарсов, установление демократического строя и разрешение земельного вопроса» [57].

Наконец, в справке рекомендовалось делать ставку на Народную партию, которая является самой массовой организацией в Азербайджане, опирающейся на рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенцию. Для усиления работы Народной партии и укрепления ее руководства, рекомендовалось оказывать ей материальную помощь в размере 10 тысяч туманов ежемесячно.

После правительственного кризиса в Тегеране политические круги страны сделали ряд шагов для улучшения отношений с Советским Союзом. Посол Ирана в СССР М.Ахи, находясь в Тегеране в январе 1945 года, посетил советского посла и заявил, что М.Саид допустил серьезную ошибку в отношениях с Советским Союзом и, невзирая на все его оправдания, переговоры были проведены не на должном уровне. М.Ахи заверил, что по возвращении в Москву он приложит все усилия для организации новых переговоров по нефтяной проблеме и постарается найти некую взаимоприемлемую форму. Сообщая об этой встрече в Москву, посол М.Максимов предположил, что визит М.Ахи к нему был санкционирован иранским правительством, однако в беседе ни одна из сторон не раскрыла карты полностью. Советский посол также предположил, что своим визитом накануне возвращения в Союз М.Ахи дал понять, что иранское правительство сохраняет надежды на дальнейшие переговоры о нефти, причем именно через него [58].

Действительно, по возвращении в Москву М.Ахи 26 февраля 1945 года был принят народным комиссаром иностранных дел В.Молотовым, которому он заявил, что «имеет поручение правительства урегулировать вопрос о получении Советским Союзом нефти в Северном Иране», но «после принятия Меджлисом закона о непредоставлении нефтяных концессий во время войны разрешить их СССР невозможно». Но есть и обходные пути, осторожно заметил посол, например, создание смешанного советско-иранского общества по разведке и добыче нефти в Северном Иране. Однако В.Молотов категорично возразил, что «Советское правительство имеет только одно предложение, а именно, предложение о концессии в Северном Иране, так как только такое решение обеспечивает права и интересы Союза...» [59].

Иранская сторона потеряла возможность маневра. Впереди у Тегерана были тяжелые испытания.

РЕШЕНИЯ МОСКВЫ И ИРАНСКИЙ АЗЕРБАЙДЖАН: ЛЕТО 1945 ГОДА

Война в Европе завершилась в мае 1945 года. Союзники победили. 8 мая английское, иранское, советское радио объявили о безоговорочной капитуляции Германии. Эта победа с большой радостью была встречена и в Иране. Прошло почти четыре года с момента ввода в Иран войск союзников. Известие о победе союзников возбудило в иранских политических кругах надежды на скорый вывод союзных войск. В день получения этого радостного известия – 8 мая в 17.00 над зданиями госучреждений в Тегеране развевались английские, советские, иранские, американские знамена. Население вывешивало на стенах домов иранский флаг. Люди стихийно стекались к вокзалу и на площадь Топхана, чтобы поделиться переполнявшими их чувствами. В тот вечер над Тегераном не прекращались фейерверки и разносились заводские гудки. 9 мая торжества продолжались. Никто не работал, город ликовал. Все иранские газеты опубликовали текст акта о капитуляции, рядом портреты Сталина, Черчилля, Трумэна. В три часа дня шах Мухаммед Реза отправился на вокзал для вручения Трансиранской железной дороге «Ордена почета» первой степени. К 7 часам вечера на площади Топхана собралась стотысячная толпа. Бесперывно взлетающие ракеты оглушали город. Ночью иранское радио передало выступление шаха. Географическое положение Ирана не позволило его войскам непосредственно участвовать в боях с врагом, но народ Ирана внес свой вклад в эту победу, сказал он. Иран предоставил в распоряжение великих держав железные и автомобильные дороги. Иранский народ, сам терпя лишения, помогал, чем мог. Тем не менее в конце выступления властитель отметил, что в стране есть определенные группы, своими действиями ослабляющие государство, пытающиеся развалить Иран.

9 мая праздник победы отмечался во всех городах Иранского Азербайджана, и в тот же день Сеид Зияеддин заявил, что «в связи с

окончанием войны войска союзников должны срочно покинуть территорию Ирана и тем самым обеспечить его независимость и суверенитет».

Иран праздновал завершение мировой войны в обстановке правительственного кризиса. Кабинет Муртазагулу Баята в апреле 1945 года подал в отставку. Советы попытались воспользоваться моментом и привести к власти Ахмеда Кавама. С этой целью состоялись секретные переговоры в различных политических кругах. Одновременно в марте-апреле 1945 года С.Кавтарадзе подготовил два рапорта на имя В.Молотова по поводу оказания помощи Каваму в его борьбе за власть. Но осуществить эти планы не удалось [1]. После долгих обсуждений формирование нового кабинета было поручено 76-летнему Ибрагиму Хакимумульмульку (далее Хашми – Дж.Г.). Бывший врач династии Каджаров, Хакимумульмульк занял должности премьер-министра и министра внутренних дел. Вместе с Сеид Гасаном Тагизаде он был основателем партии «Прогресс». Когда формировалось правительство, С.Г.Тагизаде – посол Ирана в Лондоне руководил иранской делегацией на конференции в Сан-Франциско. По сведениям советских органов, Ибрагим Хакими был настроен проанглийски и являлся членом подпольной партии «Фракцион» с центром в Лондоне.

В новом правительстве министерские портфели распределились следующим образом: Надир Мирза Араста – министр дорог; Анушираван Сипахбуди – министр иностранных дел; Абдул Гасан Наджмул-Мульк – министр промышленности; Гулам Гусейн Рахнума – министр просвещения; Аллахъяр хан Салех – министр юстиции; Ибрагим Зенд – военный министр; Исмаил Мирзибан – министр здравоохранения; Насрулла Эхтушам-уль-Мульк – министр сельского хозяйства; Абдул Гусейн Хажир – министр финансов; Насир уль-Мульк Хидаят и Мустафа Адл – министры без портфелей. 13 мая премьер объявил в парламенте программу нового правительства. Программа, состоящая из 7 пунктов, была в основном посвящена укреплению дружественных отношений Ирана с союзниками, решению экономических, налоговых, бюджетных и т.п. задач.

В связи с формированием правительства во главе с И.Хакими заведующий ближневосточным отделом НКВД СССР С.Сычев писал С.Кавтарадзе, что этот кабинет комплектовался в период обострения борьбы между демократами и реакционерами, англофилами и сторонниками Советов, с вовлечением нейтральных слоев населения. В Меджлисе демократы и народники, фракция «Азади», группа Мосаддыка выступали против Хакими. Они поддерживали более активного Кавама. В то же время хотя в кабинет и попали несколько англофилов, в целом такой кабинет Англию не устраивал [2].

Первым политическим шагом нового правительства было вручение соответствующих нот советскому, британскому и американскому посольствам с уведомлением о необходимости вывода их войск из Ирана. В ноте министра иностранных дел Ануширавана Сипахбуди, врученной советскому послу М.Максимову 19 мая 1945 года, говорилось, что иранцы безмерно рады окончанию войны, а иранское правительство считает своим долгом поздравить доблестную Советскую армию, разбившую и заставившую капитулировать германские войска. А далее, после заверений в дружественном отношении к Советскому Союзу, иранское правительство доводит до сведения посла следующую просьбу: война в Европе официально завершена, а потому отпала необходимость сохранения в Иране особого положения и присутствия советских войск на территории страны. Иранская сторона полагает, что вооруженные силы Советского Союза должны покинуть Иран. Ноты примерно такого же содержания были направлены послам Великобритании и США. Тогда же, 23 мая, посол в Москве М.Ахи вручил текст ноты, полученной от министра иностранных дел А.Сипахбуди, заместителю главы МИД СССР С.Кавтарадзе [3]. Следует отметить, что вопрос вывода иностранных войск из Ирана впервые был поднят после Декларации Объединенных Наций от 9 сентября 1943 года. Когда посол Ирана по инструкции своего правительства 1 ноября 1943 года в Москве поднял этот вопрос, то советская сторона в своем ответе от 15 ноября 1943 года отметила, что «СССР не видит необходимости подвергать изменению соответствующие статьи союзного договора от 29 января 1942 года». Когда же Иран вновь затронул этот вопрос 19 января 1945 года, Советский Союз вновь повторил в точности свой ответ от 15 ноября 1943 года. Досрочный вывод войск был инициирован Великобританией и на Крымской конференции 1945 года. А.Иден заявил: «Нет необходимости ожидать окончания военных действий для того, чтобы начать отвод вооруженных сил, и что отвод должен начаться одновременно этапами, как это могут использовать военные соображения». Это предложение было поддержано госсекретарем США, но Советская сторона уклонилась от обсуждения досрочного вывода войск [4].

Однако политические круги Ирана ошибались, рассчитывая, что СССР так легко покинет северные области Ирана. Победа над Германией способствовала возрастанию appetitов СССР. Восточная Европа после победной эйфории уже стала объектом советской экспансии, а горячее дыхание холодной войны прежде других коснулось Ближнего и Среднего Востока, в первую очередь всего Ирана и Турции.

В рассекреченных в 1998 году документах личного досье Черчилля ключевым является датированный 22 мая 1945 года план экстренной операции под кодовым названием «Немыслимое», подготовленный

объединенным штабом планирования военного кабинета. В плане сформулированы оценка обстановки, цели операции, привлекаемые силы, направления ударов войск западных союзников и их вероятные результаты. Время, когда Черчилль дал поручение разработать план, не указано, но, учитывая сложность его подготовки, характер и объем самих документов, есть основания полагать, что задание премьер-министра было получено военными аналитиками не позднее апреля 1945 года.

Разработчики операции – а это было не что иное, как план развязывания войны против СССР с целью принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи - руководствовались целым рядом исходных установок, среди которых особенно выделим одну – «начало военных действий 1 июля 1945 года».

Привлеченные к разработке специалисты делали вывод: «а) для надежного и прочного достижения своих политических целей необходим разгром России в тотальной войне; б) результат тотальной войны против СССР непредсказуем, но ясно одно - чтобы выиграть ее, потребуется весьма длительное время».

Предполагалось, что главным театром военных действий будет не только Центральная Европа, но и важный для союзников район Персии и Ирака, и что, учитывая возможность овладеть колоссальными нефтяными ресурсами и исключительное геополитическое значение территорий этих стран, СССР почти наверняка предпримет наступление именно здесь.

Советская агентура в Англии была на этот момент одной из самых эффективных. Поэтому с большой долей уверенности можно говорить о том, что советское правительство было в курсе этих планов и учитывало их в своей внешней политике. Впрочем, в сентябре 1945 года в обстановке особой секретности встретились генерал Д.Эйзенхауэр и фельдмаршал Б.Монтгомери и, обсудив этот план, пришли к выводу, что если Советская Армия предпримет в Европе наступление, западные союзники не в силах будут ее остановить, даже невзирая на то, что 23 июня 1945 года в СССР был принят закон о демобилизации из армии и флота [5].

В июне 1945 года положение в Южном Азербайджане заметно осложнилось. В Иране углублялся очередной правительственный кризис: правительство Ибрагима Хакими подало в отставку, а новый премьер, 70-летний Мохсун Садр (Садр уль-Ашраф), никак не мог получить вотум доверия Меджлиса. Оппозиционное меньшинство Меджлиса и Народная партия не поддерживали кандидатуру Мохсуна Садра, считая его реакционером. Несмотря на старания сторонников Сеида Зияеддина и оппозиционного большинства, процесс получения вотума доверия продлился два месяца. Мохсун Садр во времена Реза шаха был министром юстиции. Он вел следствие по делу участников революционного движения в начале века. Не без стараний Садра многие из них были казнены.

В присутствии шаха во время приема представитель оппозиции меньшинства доктор Мусаддиг открыто заявил, что фракция, возглавляемая Садром в Меджлисе, саботирует работу правительства, способствует частой его смене, поэтому он от имени своих единомышленников просит шаха приказать Садру уйти в отставку [6].

В разгар правительственного кризиса в Иране народному комиссару иностранных дел Азербайджанской ССР Махмуду Алиеву было дано указание срочно составить справку о Северном и Южном Азербайджане. В этой справке объемом в 21 страницу, отправленной в Народный комиссариат иностранных дел СССР, приводились доказательства того, что в Северной и Южной частях Азербайджана живет единый народ, с единой культурой и историческим наследием, с единой моралью, бытом, самосознанием, фольклором и т.п. Особо отмечалось, что на тот момент созрели условия для освобождения Южного Азербайджана [7].

Многочисленные обращения М.Дж.Багирова в Москву весной 1945 года наконец возымели действие. 10 июня председатель Совнаркома И.Сталин подписал секретное постановление «Об организации советских промышленных предприятий в Северном Иране», в котором шла речь о создании филиалов промышленных предприятий Советского Азербайджана в Тебризе и других городах. Совнарком распоряжался открыть в Южном Азербайджане: сахарный завод – филиал Бакинской карамельной фабрики; обувную фабрику с годовой мощностью в 100 тысяч пар обуви в Тебризе – филиал Бакинской обувной фабрики; прядильно-ткацкую фабрику – филиал Бакинского текстильного комбината; трикотажно-чулочную фабрику – филиал Азербайджанского трикотажного комбината; шелкомотальную фабрику – филиал Шекинского шелкомбината. Строительство этих предприятий, обеспечение их инженерно-техническим персоналом и квалифицированной рабочей силой, а также руководящими кадрами было возложено на соответствующие комиссариаты. Поставку оборудования и материалов следовало закончить до 1 октября 1945 года.

Руководители Наркомзема Азербайджанской ССР - С.Джафаров и Наркомпищепрома Азербайджанской ССР - Адамян обязывались командировать в Иранский Азербайджан двух-трех специалистов для выяснения имеющейся сырьевой базы для сахарного завода и условий для расширения посевных площадей сахарной свеклы. Председателю СНК Азербайджанской ССР Теймуру Кулиеву было поручено командировать в Иран своих представителей, поручив им обеспечить получение земельных участков, необходимых для строительства планируемых объектов. Союзным наркоматам следовало составить проекты и сметы на эти предприятия и представить их на утверждение в Наркомфин СССР не позднее 1 августа 1945 года. Наркомпищепром СССР должен был в

месячный срок определить мощность сахарного завода и представить свои соображения в СНК СССР. Глава Наркомфина СССР Зверев обязывался обеспечивать финансирование строительства и производственной деятельности планируемых предприятий в пределах утвержденных смет. Председателю Госплана СССР Н.Вознесенскому предписывалось предусмотреть выделение в III и IV кварталах 1945 года по заявкам Совнаркома Азербайджанской ССР материалов и оборудования, необходимых для строительства и монтажных работ.

НКВД Азербайджанской ССР было разрешено по согласованию с НКГБ и ЦК КП(б) Азербайджана выдавать разрешения на выезд лицам, командируемым в Иран по делам организации и деятельности этих предприятий. Наконец, руководство организацией, строительством и производственной деятельностью создаваемых предприятий было возложено на председателя СНК Азербайджанской ССР Т.Кулиева [8].

Постановление Совнаркома СССР от 10 июня, казалось, предвещало в ближайшем будущем объединение Иранского Азербайджана с Советским Азербайджаном.

Уже было поручено Комиссариату иностранных дел СССР и ЦК КП(б) Азербайджана подготовить предложения по разрешению азербайджанского вопроса. 11 июня 1945 года был подготовлен проект постановления ЦК ВКП(б) об инициировании в Южном Азербайджане и других северных областях Ирана движения за отделение от Ирана. Проект был направлен на рассмотрение В.Молотова, М.Дж.Багирова и С.Кавтарадзе [9]. После первичных обсуждений документ был направлен и другим советским руководителям.

Одновременно Государственный комитет обороны СССР поручил Наркомату иностранных дел СССР, руководству Советского Азербайджана, Наркомнефти СССР и ответственным работникам «Азнефти» срочно представить предложения по организации геологической разведки нефтяных залежей на севере Ирана. Основываясь на полученных предложениях, 21 июня И.Сталин подписал постановление ГКО №9168 «О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране». В этом документе с грифом «совершенно секретно» постановлялось: «Организовать в составе объединения «Азнефть» Наркомнефти гидрогеологическое управление, возложив на него организацию геологической разведки нефтяных месторождений в Северном Иране. Для проведения разведочных работ в Северном Иране руководители Наркомнефти СССР и «Азнефти» обязывались укомплектовать из числа работников нефтяной промышленности необходимое количество буровых и разведочных бригад и направить их к месту работы в качестве гидрогеологического отряда, созданного при штабе советских войск в Иране (г. Казвин)» [10].

По замыслу Госкомитета обороны бригады нефтяников должны были проводить в Иране бурение, геосъемку местности и геофизическую разведку в районах Шахи, Бендер-шах, Миане, Болгар-Чай, Хой, Шахи-Бабольсер, Пехлеви и других. Надлежало до 1 сентября 1945 года перебросить необходимое буровое и разведочное оборудование для проведения работ в планировавшемся объеме и приступить с сентября 1945 года к буровым и разведочным операциям. Наркому Внешторга СССР А.Микояну было поручено выделить в июне-июле 1945 года из импортного поступления 15 тракторов-тягачей и 120 грузовых автомашин. Командующему Закавказским фронтом генералу Тюленеву было поручено выделить гидрогеологическому отряду необходимые служебные и жилые помещения в Казвине и других городах. Ему же было поручено обеспечить безопасность буровиков. Наркомфин СССР был обязан выделить в III и IV кварталах 1945 года объединению «Азнефть» 8 млн. рублей, в том числе 2.400 тысяч рублей в пересчете на иранские риалы.

Начальником гидрогеологического управления был назначен В.Мелик-Пашаев, начальником гидрогеологического отряда при штабе советских войск в Иране стал Гейдаров Н.Г., а его заместителем - Корнев А.Н. Надзор за комплектованием отряда рабочей силой, инженерно-техническими работниками, оборудованием и материалами поручался Байбакову и Везирову. В последнем, 11-м пункте постановления Госкомитета обороны записано: «Обязать секретаря ЦК КП(б) Азербайджана т. Багирова оказывать гидрогеологическому управлению объединения «Азнефть» всемерную помощь и осуществлять наблюдение за геологоразведочными работами на нефть в Северном Иране» [11].

В результате геологоразведочных мероприятий подтвердилось наличие больших нефтяных и газовых запасов в Горганской степи, Мазандаране и на Рештской равнине. В отчете, подготовленном для Багирова, отмечалось: «Внешние нефтепроявления по этому обширному району пока не известны. Однако работы отряда установили в этом районе развитие тех же пород, которые слагают турецкие, иранские и южноиранские нефтяные месторождения. Территория Иранского Азербайджана нуждается в большом и разнообразном объеме предварительных геологических исследований для выявления участков, заслуживающих практического интереса и детальной разведки» [12].

Одним из факторов, определивших поспешность решений советского правительства, стало начало топогеологических изысканий, производимых англичанами с апреля 1945 года в районах севернее и северо-восточнее Тегерана. Официально было объявлено, что работы ведутся в 16 км восточнее горы Демавенд в бассейне рек Лар и Джаджаруд с целью обеспечения Тегерана водой. К поисковым работам здесь приступила якобы приглашенная иранским правительством еще в октябре 1944 года

английская фирма «Александр Гибб и К^о». С помощью расквартированной здесь британской авиации фирма уточняла геологическую карту севернее Тегерана, а также вела буровые работы четырьмя установками. Руководил процессом крупнейший английский геолог, вице-президент Королевского общества, бывший директор департамента геологических изысканий Великобритании Эдуард Б.Бэйли. Однако советская разведка доносила, что аэрофотосъемки района Тегерана и топографические работы не имеют никакого отношения к фирме «Александр Гибб». Участие в исследованиях в долинах рек Лар и Джаджаруд подразделений британской армии и привлечение к этим работам столь крупного геолога, каким являлся Бэйли, говорит о том, что интересы англичан выходят за рамки использования водных ресурсов упомянутых рек. Советская военная разведка считала, что англичане используют изыскание полезных ископаемых в горах севернее и северо-восточнее Тегерана как предлог для проникновения к южному побережью Каспийского моря, богатому нефтью [13].

Таким образом, постановление ГКО от 21 июня 1945 года и развернувшаяся практическая деятельность по его реализации являются очевидным свидетельством того, что нефтяной вопрос превратился в главный фактор политики СССР в Южном Азербайджане и всей политики в целом в отношении Ирана. Борьба за нефть в Иране стала определяющей для СССР с июля 1945 года. В начале этого месяца секретарь ЦК КП(б) Азербайджана М.Дж.Багиров был вызван в Москву. Уже 6 июля Политбюро ЦК ВКП(б) после тщательного изучения вопроса приняло секретное постановление «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана», в котором было признано целесообразным начать подготовительную работу по образованию в составе иранского государства национально-автономной азербайджанской области с широкими правами. В постановлении предусматривалось развертывание сепаратистского движения также в Гилянкой, Мазандаранской, Горганской и Хорасанской провинциях. В целях руководства сепаратистским движением предполагалось создать демократическую партию под названием «Азербайджанская демократическая партия». Создание Демократической партии предполагалось осуществить путем соответствующего преобразования Азербайджанского филиала Народной партии Ирана и вовлечением в нее сторонников сепаратизма из всех слоев населения. Третий пункт постановления предусматривал проведение соответствующей работы среди курдов Северного Ирана по вовлечению их в сепаратистское движение за образование национальной автономной курдской области [14].

Для руководства сепаратистским движением было дано указание создать в Тебризе группу ответственных работников, обязав ее контактировать в своей деятельности с Генеральным консульством СССР в

Тебризе. Общее руководство этой группой было возложено на М.Дж.Багирова и М.Т.Якубова.

Пятым пунктом постановления от 6 июля поручалось ЦК КП(б) Азербайджана (Багирову и Ибрагимову) развернуть подготовительную работу по проведению в Южном Азербайджане выборов в иранский Меджлис 15-го созыва, обеспечив избрание депутатов - сторонников сепаратистского движения, которые должны были предложить следующую программу:

а) наделение крестьян землей за счет государственных и крупных помещичьих земель и предоставление крестьянам долгосрочного дешевого кредита;

б) ликвидация безработицы путем восстановления и расширения работ на предприятиях, а также путем развертывания дорожного строительства и других общественных работ;

в) благоустройство городов и снабжение населения водой;

г) подъем здравоохранения;

д) использование не менее 50% государственных налогов на местные нужды;

е) равноправие национальных меньшинств и племен: открытие школ и издание газет и книг на азербайджанском, армянском и айсорском языках; ведение суда и делопроизводства в местных учреждениях на родном языке; создание провинциальной администрации, в том числе жандармерии и полиции, из местных национальных кадров; образование областных уездных и городских энджуменов (органов местного самоуправления);

ж) всестороннее развитие советско-иранских отношений [15].

В этом же постановлении предусматривалось для самозащиты просоветски настроенных лиц, активистов сепаратистского движения, демократических и партийных организаций создать боевые группы, обеспечив их оружием иностранного образца. Выполнение этого пункта было поручено Н.Булгану и М.Дж.Багирову.

Следующие пять пунктов были посвящены культурно-массовым вопросам, в частности, вопросам усиления культурно-пропагандистской работы в Южном Азербайджане. Было решено создать Общество культурных связей Азербайджанской ССР с Ираном, создать в Тебризе «Общество друзей Советского Азербайджана» с филиалами во всех районах Южного Азербайджана и Гиляна. ЦК КП(б) Азербайджана было поручено организовать издание в Баку иллюстрированного журнала для распространения в Иране.

Постановление Политбюро предписывало НКВД Азербайджанской ССР под наблюдением Багирова выдавать разрешение на выезд в Иран и на обратный въезд из Ирана лицам, командируемым по делам, связанным с

проведением в жизнь указанных мероприятий. И наконец, указывалось, что для финансирования сепаратистского движения в Южном Азербайджане и для участия в выборах в иранский Меджлис 15-го созыва при ЦК КП(б) Азербайджана создается специальный фонд в размере одного миллиона инвалютных рублей. В соответствии с этим решением по указанию Багирова на специальный счет был переведен 1 млн. рублей. Директор Азербайджанской конторы Госбанка СССР М.А.Петров 17 июля писал Багирову: «Выдача валюты будет производиться мною только по вашим письменным распоряжениям, или по распоряжениям лица, которое будет вами на это уполномочено. Все операции по этому счету будут проводиться в совершенно секретном порядке» [16].

Спустя три дня после принятия этого знакового документа в газете «Правда» (9 июля) была опубликована статья Владимирова «Усиление деятельности реакционных элементов в Иране», которая отвечала идеям постановления и была своеобразной идеологической подготовкой его реализации. Публикация получила громкий резонанс в Иране. Тегеранские «Набард», «Зафар», «Рахбар», «Дад», «Фарман», «Ажир» перевели ее на фарсидский. Близкие к правительству газеты обвинили «Правду» во вмешательстве во внутренние дела Ирана, а Владимирова в том, что он единственной демократической организацией в стране считает Народную партию. Газета «Раде Эмруз» - орган партии «Народная воля» писала: «Советское правительство не вполне довольное внутренним строем Ирана. Если бы иранские газеты начали критиковать общественный строй СССР, это вызвало бы возмущение в Советском Союзе. Поэтому иранский народ может по праву возмущаться публикациями «Правды», которая подвергла критике иранское правительство. А газета «Правда» отражает позицию и политику советского правительства» [17].

Ряд реакционных газет отметил, что статья Владимирова является первым официальным ответом Советов на ноту иранского правительства об отводе советских войск из Ирана. Оппозиционные же и просоветские газеты считали статью Владимирова справедливой. Причиной подобной публикации они считали полное лукавство отношение к Советскому Союзу иранского правительства и антисоветское, провокационное выступление Сеида Зияеддина.

Газета «Ажир», редактором которой был Пишевари, заявила: «Советские круги недовольны положением дел в Иране. Они сомневаются в лояльности, искренности нынешних иранских руководителей. «Правда» была права, назвав Садра одним из главных реакционеров Ирана, принимавшем активное участие в антисоветских проявлениях. Назначение его на пост премьер-министра противоречит дружественным отношениям между Ираном и СССР. Недовольство советских кругов внутривосточным положением Ирана обосновано. После отставки

Сохейли иранское правительство не предпринимало ни малейших шагов в сторону расширения и укрепления взаимопонимания с СССР». Влиятельная газета «Кейхан» также оправдывала все положения статьи Владимира, в частности, она подчеркивала, что фраза: «Выборы в Иране в 1943-1944 гг. были далеко не демократичными» - еще довольно мягко характеризует действительность. Газета писала: «Правда» должна была сказать, что группа предателей и воров прибрала к своим рукам все права народа» [18].

Статья в центральном издании СССР взбудоражила правительственные круги Ирана. Срочно было созвано заседание Меджлиса с целью положить конец правительственному кризису. Председатель Меджлиса Таба-Табаи объяснил депутатам сложность ситуации и необходимость голосовать за Садр уль-Ашрафа. Кроме фракции Народной партии, все остальные отдали голоса в пользу Садра, и правительство получило, наконец, вотум доверия парламента. Мухаммед Реза шах принял у себя премьера Садра и его министров и обсудил с ними положение в стране.

Одним из первых шагов нового кабинета было укрепление правительственных органов в Азербайджане. Антисоветски настроенного Мохташами назначили мэром Тебриза. Таким образом правительство хотело объединить все центростремительные силы в Азербайджане и ослабить антитегеранское движение [19].

В это же время, т.е. в середине июля, в Баку обсуждался план мероприятий по реализации планов по Южному Азербайджану и северным провинциям Ирана. М.Дж.Багиров направил секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову одну за другой две телеграммы. В первой, от 14 июля, Багиров просил для расширения работ в Иранском Азербайджане назначить генконсулом в Тебризе первого секретаря советского посольства в Тегеране Али Алиева. Он писал: «В бытность мою в Москве товарищ Силин ставил вопрос о замене нашего генерального консула в Тебризе Матвеева, как слабого и не обеспечивающего работу. Он назвал несколько фамилий, в том числе фамилию первого секретаря нашего посольства в Тегеране Алиева, кандидатура которого, безусловно, подходящая»[20].

В следующей телеграмме Багиров просил Маленкова командировать в Баку на короткий срок начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрова.

Подготовленный с грифом «строго секретно» план первоочередных мероприятий включал в себя образование Азербайджанской демократической партии, обеспечение выборов депутатов в Меджлис 15-го созыва, создание «Общества друзей Советского Азербайджана», организацию энджуменов, организацию печатных органов и др. В документе на первом месте стояло: «Организовать немедленно доставку в Баку Пишевари и Камбахша для переговоров. В зависимости от

результатов переговоров иметь в виду доставку в Баку и председателя областного комитета Народной партии Азербайджана Падегана» [21]. В месячный срок необходимо было для создания оргкомитетов в центре и на местах подобрать кандидатуры из авторитетных демократически настроенных лиц как из числа интеллигенции, так и среднего купечества, мелких и средних помещиков, духовенства, состоящих в различных партиях демократической направленности, а также из числа не состоящих в партиях и вовлечь их в оргкомитеты АДП. В первую очередь оргкомитет должен был быть создан в Тебризе, чтобы через существующую демократическую печать - «Хавар ноу», «Ажир», «Джевдет» и на листовках опубликовать воззвание об организации Азербайджанской демократической партии.

С распространением возвания инициативные группы на местах выступят в печати для поддержки этого замысла и создадут комитеты АДП на базе наиболее активных организаций Народной партии и других демократических организаций и элементов. Решено было не допускать механического переименования организаций Народной партии в комитеты АДП и рекомендовать Тебризскому областному комитету обсудить воззвание АДП, одобрить его и принять самостоятельное решение о роспуске организаций Народной партии. И только после этого бывшие народники могли стать членами АДП.

Вслед за организацией оргкомитета АДП в Тебризе прежде всего намечалось создать местные комитеты партии в городах Ардебиль, Резайе, Хой, Миане, Зенджан, Марага, Маранд, Маку, Казвин, Решт, Пехлеви, Сары, Шахи, Горган, Мешхед. За это же время предполагалось организовать составление программы и устава АДП и открыть печатный орган в Тебризе под названием «Азербайджанын сеси» («Голос Азербайджана») [22].

Развитие сепаратизма в Иранском Азербайджане должно было идти под девизом борьбы за предоставление этой провинции автономии. Для создания общества «Друзей Советского Азербайджана» решено было привлечь иранцев, приглашенных в Баку на празднование 25-летия образования Азербайджанской ССР. Задействованы были также советский консул, военный комендант и работники гарнизонов в Южном Азербайджане. Чтобы привлечь в это общество широкие круги населения, следовало использовать прессу, в которой будут преподноситься достижения Советского Азербайджана в народном хозяйстве, в области науки, культуры и искусства, а также публиковаться статьи об историческом единстве азербайджанского народа, разделенного на две страны.

В конце июля в этом направлении был сделан первый шаг. ЦК КП(б) Азербайджана принял решение начиная с августа издавать общественно-

литературный иллюстрированный журнал «Азербайджан» для распространения в Иранском Азербайджане. Поэт Расул Рза был назначен ответственным редактором, Мехти Гусейн – его заместителем, Самед Вургун, Мирза Ибрагимов, Ахад Ягубов, Гасан Гасанов, Рза Кулиев – членами редколлегии. До 1 января 1946 года журналу выделили бюджет в 276 тысяч рублей. Директору «Азернешра» А.Султанову было поручено обеспечить своевременный и качественный выпуск журнала. Журнал должен был распространяться через редакцию газеты «Ветен йолунда» («За Родину») [23]. Первый номер журнала «Азербайджан» увидел свет в августе. В этом номере были опубликованы произведения С.Вургун, М.Ибрагимова, Дж.Джабарлы, М.Бахара, М.Бири, Б.Азероглу, М.Алекперзаде, Н.Рафибейли, С.Рустама, А.Вахида, И.Эфендиева, Р.Рза, Аваза Садыга, а также очень интересная статья Гейдара Гусейнова «Из истории развития научной мысли в Азербайджане» [24]. В 1945 году вышло 5 номеров этого журнала, в 1946 году – 12, причем в сравнении с первым номером в журнале все более усиливалась политическая направленность. В третьем номере ответственный редактор Расул Рза в статье «Национальное сознание и национальная гордость» писал: «Живущие в Иранском Азербайджане ученые, писатели и революционеры сыграли большую роль в развитии национального самосознания азербайджанского народа, в его борьбе за свободу и независимость». В номерах журнала публиковались такие известные писатели, как М.С.Ордубади, Фирудин Ибрагими, Исмаил Гусейнов, М.Аббаси, Дж.Хандан, Г.Нахичевани, Н.Джаханшахлы, Г.Мамедли.

В целом издававшийся в 1945-46 годах журнал «Азербайджан» оказался самым интересным и значительным национальным изданием, выходившим в Азербайджане за все годы Советской власти. Во-первых, в каждом его номере делался акцент на единство Южного и Северного Азербайджана в общественной, культурной, литературной сферах. Во-вторых, выходивший для Южного Азербайджана журнал мог избегать канонов жесткой большевистской идеологии и поднимал коренные проблемы народа, связанные с его национальными интересами, судьбой и историей. Концепция единой Родины, единого народа чувствовалась в каждом выпуске «Азербайджана». Особенно примечательными были статьи – «Национальный герой Саттархан», «Шах Исмаил Хатаи – основатель государства Сефевидов», «Видный демократ Иранского Азербайджана Шейх Мухаммед Хиябани», «Об альманахе «Азербайджан», изданном сорок лет назад», «Шамседдин Табризи и его научные воззрения», «Хатиб Тебризи и его произведения», «Мирза Мухаммед Багир Халхали», «Гаджи Мехти Шукухи» и другие. Не удивительно в связи с этим, что как только азербайджанская эпопея в Иране в декабре

1946 года завершилась неудачей, журнал «Азербайджан» немедленно прекратил свое существование.

В июле 1945 года Самед Вургун и Сулейман Рагимов были командированы в Москву для решения проблем обеспечения издательств бумагой и технической. М.Дж.Багиров в письмах в ЦК ВКП(б), Совнарком, директору российского Госиздата ссылался на решение ЦК партии о создании полиграфической базы в Южном Азербайджане и просил срочно выделить три плоскочечатных машины, 29 тонн газетной бумаги ежеквартально, 4,5 тонны журнальной бумаги, 1200 листов обложки, 1200 листов литографической бумаги и т.п.[25]. С.Вургун и С.Рагимов добились выделения и отправки в Баку требуемого оборудования и бумаги. В ответ на письмо Багирова Булганину Главное политическое управление Красной Армии направило в Иранский Азербайджан 30 радиоприемников, 15 радиодинамо, 100 репродукторов, 500 патефонов и др. технику. В то же время Генштабу было поручено послать в Иранский Азербайджан автокиноустановки со штатом обслуживания [26].

В июле произошло еще одно важное событие. По возвращении из Москвы М.Дж.Багиров тайно собрал в Баку ряд влиятельных лиц Южного Азербайджана – члена ЦК иранской Народной партии, депутата иранского Меджлиса А.Камбахша, председателя Тебризского окружного комитета Народной партии С.Падегана, писателя и публициста Шабустари, редактора газеты «Ажир» Мир Джафара Пишевари. Было принято решение поручить временное руководство новосоздающейся Азербайджанской демократической партии С.Дж.Пишевари. Отчитываясь об этой встрече, Багиров писал Сталину: «После личной беседы с ними на первое время руководство новой Азербайджанской демократической партией (АДП) поручено видному и пользующемуся большим авторитетом среди демократически настроенных кругов деятелю, редактору тегеранской газеты «Ажир» Пишевари Мир Джафару» [27]. (В дальнейшем во многих документах Пишевари именуется как Сеид Джафар – **Дж. Г.**).

О бакинских переговорах Багиров сообщил также ответственным за выполнение решения Политбюро от 6 июля кремлевским руководителям – В.Молотову, Л.Берии, Г.Маленкову. В отчете отмечалось: «Пишевари уроженец Южного Азербайджана, бывший член Коммунистической партии, долгое время занимал ответственные партийно-советские посты в Советском Азербайджане. В 1927 году Коминтерном переброшен на работу в Иран, где правительством Реза шаха был арестован и в течение 10 лет просидел в тюрьме, освобожден в 1941 году после прихода советских войск в Иран. Два его родных брата живут в Советском Союзе. Один из них служит в Красной Армии, капитан медицинской службы» [28]. Видимо, этот факт наряду с другими качествами сыграл определенную

роль при выборе Пишевари среди прибывших из Тебриза и Тегерана кандидатов.

Сотрудникам в Иранском Азербайджане было дано указание ни часу не медлить с преобразованием партии «Туде» в АДП. Советскому резиденту в Тебризе под псевдонимом «Чобан» была послана шифрограмма с указанием устранить все возможные препятствия советским инициативам на территории расположения советских войск, особенно в Тебризском генерал-губернаторстве. Рекомендовалось привлечь на сторону Советов прогрессивное духовенство, помещиков, купечество, интеллигенцию. В телеграмме указывалось: «Не допускайте никаких представителей со стороны ЦК Народной партии до опубликования всех мероприятий. Одновременно через наши организации в Тегеране сделайте все, чтобы после опубликования всех мероприятий ЦК Народной партии полностью поддержал проводимые вами мероприятия в Южном Азербайджане и Северном Иране, в частности создание Азербайджанской демократической партии» [29]. Предписывалось также доложить текст телеграммы А.Якубову, С.Емельянову, М.Матвееву, А.Атакишиеву и члену военсовета 4-й армии генерал-майору Руссову, а также информировать товарищей Мирзу Мамедова, Багира Сеид-заде, Ахада Багир-заде, Рзу Кулиева, Гусейна Шарифова и других, которые должны помогать в реализации этих мероприятий.

Неожиданный поток указаний был неприятным сюрпризом для находящихся в Иране высокопоставленных военных и сотрудников органов безопасности. Особенно для военных, которые после окончания войны в Европе с нетерпением ожидали возвращения домой, в СССР.

Вместе с тем идея создания АДП встретила сильное сопротивление со стороны членов партии «Туде», да и ЦК Народной партии старался помешать этому процессу. На бакинской встрече было решено, что Пишевари, Шабустари и Падеган в целях собственной безопасности не должны покидать Тебриз. Однако Падеган решил уладить возникшие разногласия с ЦК партии «Туде» и отправился в Тегеран. Слабая организация работы в Южном Азербайджане, сопротивление Народной партии вывели М.Дж.Багирова из себя. В телеграмме на имя С.Емельянова, Г.Гасанова, М.Ибрагимова Багиров требовал: «Видимо, А.Якубов, А.Атакишиев, генерал Руссов и Нурмамед Кулиев не понимают, что дорог каждый час и надо действовать быстро. Нет сомнений, что ЦК Народной партии будет сопротивляться нашим требованиям. Они будут нарочно инициировать конфликты, противоречия, чтобы отвести людей от нас. Об этом надо напомнить вышеназванным товарищам и потребовать от них:

- 1) срочно вернуть Падегана из Тегерана в Тебриз живым и здоровым;

2) никто из избранных нами руководителей не должен отправляться в Тегеран, независимо от того, кто их вызывает (нет гарантий, что их там не уничтожат);

3) все руководящие работники нового движения должны охраняться;

4) возможно скорее направить из Тебриза для переговоров в Ардебиль, Хой, Урмию, Марагу, Пехлеви, Решт, по возможности и в другие города и районы побольше наших людей;

5) организационные работы и документация по созданию новой партии должны быть ускорены;

6) ускорить выпуск новых газет;

7) вы сами, т.е. Г.Гасанов, М.Ибрагимов и С.Емельянов, должны ускорить подготовку порученных вам мероприятий» [30].

Иранская сторона, внимательно наблюдавшая за всеми процессами в Азербайджане, оставалась, естественно, в неведении относительно всех секретных приготовлений, но понимала, что что-то происходит. 17 июля министр иностранных дел А.Сипехбуди встретился с послом М.Максимовым и предложил обсудить азербайджанский вопрос. На вопрос посла, что же происходит в Азербайджане, министр рассказал о ежедневных митингах и собраниях, об ослаблении государственной власти. А.Сипехбуди подчеркнул, что эти выступления носят антиправительственный характер, и поэтому правительство собирается направить в Азербайджан такого правителя (вали), который мог бы успокоить кипящие в обществе страсти. Во время беседы посол заявил, что он лично поддерживает идею скорейшего назначения Дадвера правителем Азербайджана, но Сипехбуди заметил, что в Меджлисе большинство депутатов как раз выступают против этой кандидатуры. М.Максимов настаивал, что если Сипехбуди действительно является другом СССР, то должен употребить все возможности и свое влияние, чтобы отправить Дадвера в Азербайджан. Во время беседы министр иностранных дел заявил, что видит выход из создавшегося сложного положения лишь в решительных радикальных действиях правительства. Он считал, что только радикальные меры смогут изменить ситуацию в стране [31].

Июльские события в Иране пристрасно отслеживались дипломатическими и военными кругами Великобритании и США. Английское генконсульство и американское консульство в Тебризе заметно усилили свою деятельность. Несомненно, англичане узнали о секретных приготовлениях русских, поэтому они неоднократно обсуждали со своими правящими кругами ситуацию в Азербайджане. Политики в Британии и США предполагали, что может быть образовано самостоятельное государство или объединены Иранский Азербайджан с Советским Азербайджаном. Поэтому 21 июля делегация Великобритании представила на Потсдамскую конференцию Меморандум о выводе войск

союзников из Ирана, в котором говорилось: «Правительство его величества и советское правительство держат свои войска в Иране на основании англо-советско-иранского договора от 29 января 1942 года, согласно статье 5 которого эти войска должны быть выведены из Ирана не позднее шести месяцев после прекращения всех военных действий между союзными государствами и Германией с ее соучастниками. Правительство его величества предложило Советскому правительству, чтобы союзные вооруженные силы были выведены из Ирана до истечения окончательного срока договора *pari-passu* (равными переходами) и поэтапно» [32].

Правительство Великобритании рассчитывало на первом этапе вывести войска из столицы Ирана. На втором этапе предлагалось оставить английские войска в Абадане и южных нефтяных районах, а советские войска - в северо-восточном или северо-западном Иране. На третьем этапе абсолютно все войска должны быть выведены из Ирана [33].

23 июля по инициативе Британии иранский вопрос был внесен в повестку дня Потсдамской конференции. Президент Трумэн объявил о готовности вывести свои войска из Ирана. В ответ Сталин заявил, что «во всяком случае, Тегеран можно освободить». Резюмируя этот вопрос, британский премьер предложил «немедленно вывести войска из Тегерана, а последующие этапы эвакуации войск обсудить на сентябрьской сессии Совета министров иностранных дел» [34].

В решении Потсдамской конференции записано, что союзники согласны немедленно вывести свои вооруженные силы из Тегерана. Последующие этапы вывода войск из Ирана будут обсуждены на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел в сентябре 1945 года [35]. Эта сессия намечалась на 11 сентября.

Включение иранского вопроса в повестку Потсдамской конференции и принятие неопределенного решения по нему, критика режима Пехлеви левой прессой обеспокоили окружение шаха, что проявилось во время встречи посла М.Максимова с министром двора Ала в начале августа. Ала отметил, что в сложившейся в стране ситуации повинен не шах, а правительство Садра. Он уточнил, что правительство фактически не работает, а премьер Садр, как представитель старшего поколения и сам человек пожилой, не может разобраться в стремительном калейдоскопе ежедневных событий. Еще не зная, но, очевидно, догадываясь о желании Советов привести к власти Кавама, Ала сказал: «Мне кажется, что в силу этих обстоятельств Садр совершенно не подходит нам в качестве премьер-министра. Я думаю, что лучшим кандидатом на пост премьера был бы Кавам». Соглашаясь устами министра двора с предложением Советов, шах пытался ослабить нападки левых сил и нейтрализовать организуемые СССР дворцовые интриги. В конце переговоров Ала «вновь осторожно осведомился, нет ли каких-либо известий об эвакуации союзных войск из

Ирана», на что М.Максимов повторил, что не имеет сведений на этот счет [36].

Еще до завершения Потсдамской конференции заместитель британского посла в Москве Робертс писал заместителю наркома иностранных дел В.Деканозову, что, в соответствии с решением конференции, советскому послу в Иране надо дать указание по поводу вывода союзных войск из Тегерана. Сам Робертс уже дал такое указание британскому послу в Тегеране [37].

8 августа заместитель наркома иностранных дел С.Кавтарадзе подготовил справку, отражающую отношения Советского Союза к выводу войск союзников из Ирана. В ней отмечалось, что отвод войск может способствовать усилению сил реакции, развалу демократических организаций и ослаблению позиций СССР в Иране. По мнению С.Кавтарадзе, уход советских войск затормозит работы по нефтебурению в Северном Иране и поставит под угрозу срыва выполнение принятых решений по расширению движения за автономию. Он считал, что следует употребить все силы, чтобы задержать вывод советских войск. Кавтарадзе писал: «При этом следует учесть, что наша отрицательная позиция по данному вопросу и оставление союзных войск в Иране до окончания войны с Японией сильно ударили бы по престижу англичан в Иране и заставили бы иранские правящие круги больше считаться с нами, поскольку их расчеты на англичан в этом вопросе оказались бы несостоятельными» [38].

После этой справки С.Кавтарадзе советское руководство в переписке с союзниками всеми способами пыталось уклониться от темы о выводе войск. Отвечая на письмо британского посла Арчибальда К.Керра от 10 августа 1945 года о необходимости скорейшего вывода союзных войск из столицы Ирана и соответствующих инструкций советскому послу, В.Молотов 17 августа сообщал, что «9 августа советский посол в Иране информировал иранское правительство относительно решения Берлинской конференции глав трех союзных держав о немедленном выводе союзных войск из Тегерана. Что же касается вопроса о деталях отвода указанных войск, то необходимые указания советским военным командованием будут даны в ближайшее время» [39].

В тот же день С.Кавтарадзе подготовил новую справку о ситуации с выводом советских войск из Ирана. По его мнению, в связи с поражением Японии англичане на предстоящем заседании Совета министров иностранных дел в Лондоне могут поставить вопрос о выводе войск союзников из Ирана. Далее приводились уже известные аргументы из предыдущей справки, указывающие на отрицательные последствия подобного шага. Поэтому Кавтарадзе предлагал: «Согласно статье 5 англо-советско-иранского договора от 1942 года, союзные войска должны быть

выведены из Ирана не позднее 6 месяцев после прекращения военных действий против Германии и ее соучастников путем заключения мира. Поэтому мы имеем формальное основание настаивать на том, чтобы наши войска оставались в Иране до заключения мирных договоров с Германией и Японией. В крайнем случае, мы должны настаивать на оставлении наших войск в Иране еще в течение шести месяцев после капитуляции Японии» [40].

30 августа 1945 года заместитель наркома иностранных дел А.Вышинский принял иранского посла в Москве Ахи, который сообщил, что «иранское правительство поручило ему предпринять все, что он сочтет нужным, чтобы выяснить причины возникшего охлаждения отношений СССР и найти средства улучшить их». А.Вышинский ответил, что необходимо взаимное понимание интересов сторон. Если этого нет, всякие разговоры о хороших отношениях – только слова. Ахи напомнил, что «при правительстве Баята он делал предложение тов. Молотову об организации смешанной советско-иранской нефтяной компании, но, к сожалению, это предложение принято не было. Между тем вести переговоры о концессии иранское правительство не может, так как принят закон, запрещающий передачу концессий иностранцам». А.Вышинский возразил, что законы создаются людьми, и, следовательно, наличие тех или иных законов не может служить препятствием, чтобы пойти навстречу правомерным интересам Советского Союза, тем более когда «аналогичные интересы других государств не натываются на препятствия в виде законов». Тогда Ахи намекнул, что если СССР не будет настаивать на слове «концессия», то можно договориться на таком содержании соглашения, которое должно удовлетворить СССР. Вышинский ответил, что предложения СССР в свое время были ясно изложены иранскому правительству и что слово теперь за иранской стороной [41].

События и факты неоспоримо свидетельствуют, что летом 1945 года противостояние с союзниками по иранскому и особенно по азербайджанскому вопросу входило в стадию напряженности. И советское руководство решило ускорить осуществление своих намерений, связанных с Южным Азербайджаном.

Потому и М.Дж.Багиров подталкивал тебризских руководителей, подчеркивая, что дорог каждый час.

ОБРАЗОВАНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И ИДЕЯ АВТОНОМИИ

Советник советского посольства в Тегеране А.Якубов в первые дни августа 1945 года прибыл в Тебриз. Главной целью его визита было прояснить положение в Азербайджане и, следуя решению Москвы и заданию Баку, ускорить процесс создания Демократической партии. Генконсул М.Матвеев уже не успевал за ходом событий, и работу консульства фактически осуществлял Якубов. 4 августа он принял Бозоргани, заместителя директора земельного департамента третьего остана. Во время беседы выяснилось, что в сравнении с прошлым годом прогноз урожая на этот год неблагоприятный и что в борьбе с саранчой большая надежда возлагается на помощь Советского Союза. Бозоргани пожаловался, что министерство сельского хозяйства и органы власти ничего не делают для спасения урожая в Азербайджане, а все обращения в Тегеран остались безответными. Депутаты от Азербайджана, по его словам, не проявляют никакой инициативы, и ходят слухи, будто нынешние парламентарии Амир Нусрат Искендери, Фарман Фарманиан, Сигатул-Ислам, Сартибзаде, Фотуги, Муджтахиди и другие на новых выборах уже не смогут набрать голоса. В то же время Бозоргани отметил рост авторитета заместителя остандера Никчу, землевладельца М.Рафии, представителя «Фронта Свободы» Шабустари. В своем отчете об этой встрече А.Якубов писал М.Дж.Багирову и в НКВД СССР: «В конце нашей беседы Бозоргани с возмущением рассказал о том безобразном отношении, которое центральные иранские власти проявляют по отношению к азербайджанцам. По его мнению, демократические элементы должны объединиться и раз и навсегда положить конец этому недопустимому отношению к азербайджанцам. Одна третья часть всего иранского народа, являющаяся азербайджанцами, на сегодняшний день не имеет на своем родном языке ни школ, ни газет. Купечество, часть помещиков и

интеллигенции бояться перерастания демократического движения, выделения Иранского Азербайджана и воссоединения его с Советским Азербайджаном. А что касается трудящихся масс, трудовой части интеллигенции и мелкого купечества – то они искренне ведут свою работу за демократическое движение» [1].

Руководство Народной партии Ирана (НПИ – «Туде») считало непростительной ошибкой советских товарищей упразднение азербайджанской организации этой партии и образование, по инструкции из Кремля, Демпартии Азербайджана, выдвинувшей программу автономии. Это рассматривалось различными кругами в Иране как первый шаг на пути, ведущему к расколу страны. При этом ответственность за него возлагалась не на азербайджанских национальных лидеров, а на НПИ, которая имела репутацию партии, тесно связанной с политикой СССР. В итоге, однако, нависла угроза над всем демократическим движением в стране. Официальное письмо ЦК НПИ в ЦК ВКП(б), отправленное в сентябре 1945 года, пронизано сдерживавшейся в годы войны критикой некоторых действий советских ответственных лиц в Иране, которые осложняли и без того нелегкое положение партии, подвергавшейся прямым репрессиям властей. В письме И.Искендери, направленном в ЦК ВКП(б) указывалось, что «организация партии демократов и продолжение ее политики запятнает и нанесет удар популярности советской политики, несмотря даже на то, что Советская политика уважает территориальную целостность Ирана. Политика, которая осуществляется СССР в эти две последние недели, ставит под угрозу большое народное движение. Эта политика наносит ущерб не только движению иранского народа, но даже ведет к ее уничтожению. Если бы враги СССР составили план против него, то несомненно лучше того, что в данное время делается, они не смогли бы сделать» [2].

Следует особо отметить, что воспитанные Коминтерном лидеры НПИ предпочитали иметь дело со специальными представителями ЦК ВКП(б), а не с сотрудниками дипломатических представительств. В письмах члена политбюро НПИ А.Ованесяна ответственным лицам ЦК ВКП(б) содержалась настоятельная просьба прислать в Иран своих представителей, чтобы на месте разобраться и внести коррективы в создавшееся затруднительное для партии положение. А.Ованесян сообщал в Москву, что лидеры демократов дают ложные сведения советским дипломатическим учреждениям о деятельности НПИ. Он писал: «Самым худшим является то, что они вводят в заблуждение советских работников, а те в свою очередь пишут послу, а посол в Москву». Указывая на противоречие в обращении АДП, он отмечал: «В одном месте говорится о единстве Ирана, а в другом месте говорится «свободный Азербайджан». (когда пишут свободный Азербайджан здесь понимают это, как отдельный

независимый Азербайджан. Я уверен, что Москва смотрит так, что Иран должен быть единым, что Азербайджан не будет отделен от Ирана)».

А.Ованесян информировал Москву, что АДП сформирована не на классовой, а национальной основе, и не имеет серьезного лидера. Он писал: «В демократической партии ни одного хорошего, серьезного руководителя нет... И в этой партии революционер, коммунист будет сидеть вместе с помещиком-реакционером... Она ведь заявляет, что не будет заниматься классовой борьбой. Без руководства, без хорошего ядра можно потерять очень многое и особенно в данный момент. В Азербайджане нет серьезных лиц. Более того, некоторые из них – опасные люди». Он регулярно снабжал советское руководство компроматом на Пишевари, Шабустари, Бирию, Падегана и других. Например, Шабустари, якобы, вернувшись из Баку, говорил своим близким: «то, что я видел в Советском Азербайджане – ужасно. У Гитлера гораздо лучше».

В письмах А.Ованесяна, отправленных в Москву в сентябре, есть много интересных мест об отношении советского руководства к Ирану. Например, он пишет: «До отъезда в Москву посол М.Максимов заявил следующее: «После этого СССР будет вмешиваться во все дела Ирана, без нашего ведома ничего не должно происходить». Он особенно подчеркнул следующее: «Кроме нас, никто иной не имеет право вмешиваться в дела Ирана». При этих разговорах присутствовал и секретарь посольства Алиев. Провожая нас, он напутствовал: «Имейте в виду, что это не есть слова самого посла, а есть мнение Москвы и пр.».

Наконец, А.Ованесян, опасаясь сепаратистского движения в Азербайджане, писал в Москву: «Когда говорят о том, что никакого сепаратизма нет, то спрашивается: если Азербайджан – часть Ирана, то почему там должна быть только специальная азербайджанская партия и не должна быть народная партия. Этот вопрос для нас – жизненный вопрос» [3]. В конце концов даже информатор ЦК вынужден был признать плохую организацию акции с образованием ДПА. В донесении от 11 октября он писал: «Теперь можно с уверенностью сказать, что подготовка и осуществление хорошей идеи об образовании Демократической партии Азербайджана нашими работниками проведена плохо, внесены были ненужная неразбериха и нервозность».

Советское же посольство в Тегеране, между тем, выражало недовольство политикой НПИ и ее отдельных лидеров в отношении Демократической партии. Их действия, как там считали, идут вразрез с усилиями СССР. Посол М.Максимов 1 сентября 1945 года направил в Наркомат иностранных дел шифрованную телеграмму следующего содержания: «Мы имеем данные, что член ЦК Народной партии Арташес Ованесян после образования Азербайджанской демократической партии и

своего отзыва из Иранского Азербайджана занял исключительно враждебную позицию по отношению к этой партии и ее руководителям.

Несмотря на наши указания руководителям Народной партии Ованесян ведет явно провокационную деятельность, обливая грязью вместе с некоторыми своими последователями Азербайджанскую демократическую партию и буквально всех ее работников, заявляя, что эта партия незаслуженно пользуется симпатией свободолюбивых людей, так как ее руководство не годится, что ЦК Народной партии не должен оказывать ей поддержку, так как создание этой партии породило отвращение даже у левых. Одновременно Ованесян в беседе с членами ЦК обвинял и руководство посольства в поощрении деятельности новой партии, тем самым якобы в разложении Народной партии. Ованесяна пытаются поддержать такие правые, как Иредж Искандери. Наблюдая за Ованесяном, мы также получили данные о том, что он среди членов ЦК заявил, что как коммунист он имеет связи непосредственно с Москвой, помимо посольства, по другим каналам. (Ованесян связан с товарищем Козловым). Это было подтверждено депутатом Меджлиса Кашаверзом, одним из руководителей ЦК, который 27 сентября в беседе со мной по своей инициативе сообщил об этом. Ованесян на заседаниях ЦК подбивал членов ЦК на сопротивление указаниям посольства по вопросу помощи Азербайджанской демократической партии, афишировал открыто свои непрерывные связи чуть ли ни с Москвой по особым каналам. Кашаверз сказал, что он считает, что Ованесян ведет пагубную для Народной партии политику и что было бы лучше, если бы он сам ушел из Народной партии.

Ованесян подбивал членов ЦК выступить с открытым заявлением против Азербайджанской демократической партии, и только вмешательство посольства предотвратило это выступление. Мы рекомендовали тов. Козлову предложить Ованесяну прекратить свою разлагательную работу в ЦК, и, если он этого не сделает, то мы обсудим мероприятия по его изоляции». После серьезного вмешательства посольства и советских органов, ЦК НПИ направил 3 октября 1945 года в ЦК ВКП(б) письмо, в котором выражалось согласие по поводу образования АДП. В письме отмечалось: «После отправки предыдущего доклада Центральный Комитет Народной партии имел подробную беседу с тов. Максимовым и тов. Алиевым. В результате их разъяснений Центральный Комитет Народной партии убедился в необходимости и полезности Азербайджанской демократической партии для демократического движения Ирана и поэтому будет полностью ее поддерживать. Народная партия Ирана заявляет, что она будет подчиняться Всесоюзной Коммунистической Партии во всех случаях и всегда» [4].

Члены партии «Туде» в Тегеране, узнав о подготовительной работе по созданию Демократической партии в Иранском Азербайджане, также всеми силами пытались помешать этому. В начале августа в Тебриз приехали член ЦК Народной партии А.Ованесян, а вместе с ним два других функционера «Туде» - Амир Хизи и Гусейн Нури. В беседе с генеральным консулом Ованесян дал понять, что, по мнению ЦК Народной партии, наступила пора активных выступлений против помещиков. Спустя несколько дней тегеранские тудеисты провели в Тебризе совещание представителей сельских комитетов Народной партии и дали указание начать активные действия против имущих слоев. Представители местных комитетов, вернувшись с совещания, немедленно начали выполнять полученное задание. В телеграмме из Ардебилля говорилось, что участники совещания приступили к созданию отдельных групп для разоружения помещиков [5].

Председатель Шапурского комитета Народной партии Арсен Шахиян подтвердил, что по указанию А.Ованесяна они готовятся к активизации своих действий. Таким образом, угроза, о которой предупреждалось в плане мероприятий, подготовленном в Баку, и в письмах Багирова политическим работникам в Южном Азербайджане, стала реальной. И первыми в ее осуществлении стали тудеисты. Провокациями они пытались отпугнуть от АДП купцов, промышленников и особенно помещиков и тем самым сорвать попытку формирования АДП не по классовому, а по национальному признаку. Одной из таких акций с весьма тяжелыми последствиями стали события в деревне Ликван. 9 августа 1945 года Ованесяном и Амиром Хизы в Ликван для проведения митинга были направлены члены Народной партии Риза-Ризаи, Мир Абульфас Гашими и еще сто человек. В результате была спровоцирована стычка между митингующими и помещиком Гаджи Эхтишамом Лигвани, завязалась перестрелка, во время которой погибли три человека из делегированных - сам Гаджи Эхтишам, его сын и слуга. Поместье помещика было разграблено. А семья Эхтишама в период выборов в Меджлис 14-го созыва и в вопросе нефтяной концессии придерживалась просоветской позиции, помогала собирать подписи землевладельцев против правительства Саида Марагаи. Сын Гаджи Эхтишама – Иса Лигвани, бывший депутат парламента, также был близок к советской администрации.

По указанию Ованесяна тудеисты пытались и похороны погибших в Ликване превратить в митинг, и 12 августа демонстранты избili родственника Эхтишама и прокурора Тебриза. Эта акция дискредитировала Народную партию и была чрезвычайно нежелательной для советской стороны. В подготовленной комиссаром госбезопасности С.Емельяновым справке об этом инциденте говорится: «Весьма

сомнительным является то обстоятельство, что приехавшие из Тегерана члены ЦК Народной партии активно действовали против лояльно настроенных к Советскому Союзу людей в Южном Азербайджане, оставив известных реакционеров-помещиков. События в селении Ликван вызвали большую тревогу в кругах имущей прослойки и у местной интеллигенции, в том числе среди близких к нам людей» [6].

По сообщению советских спецслужб, случившееся нанесло ощутимый урон престижу Советского Союза. Например, директор Тебризского отделения Иранского национального банка Кияи говорил: «Гаджи Эхтишам был человеком русских, и он в вопросе нефтяной концессии первым подписал телеграмму за передачу нефти русским. Англичане это хорошо знали. А когда произошло это трагическое событие, всем стало известно, что у русских нет друзей, для них все безразлично. После случившегося купцы и помещики узнали русских и теперь держатся от них подальше. Мне кажется, все эти нежелательные для русских инциденты являются умелой работой англичан, и я уверен в том, что англичане имеют своих людей в «Туде» и через них устраивают провокации, чтобы подорвать доверие к русским. Если раньше русские имели 90 процентов своих сторонников в Иране, то сейчас они не составляют и одного процента» [7].

Такая непредвиденная игра народников на стороне англичан отчасти объясняется тем, что к власти в Великобритании пришли лейбористы. Это сильно смягчило отношение Народной партии к Англии и даже зародило некоторые симпатии к ней. В поздравительном письме Клименту Эттли тудеисты выражали надежду, что правительство лейбористов окажет поддержку строительству демократии в Иране [8].

Для ознакомления с положением в Азербайджане и выяснения причин происшедшего в Ликване 18 августа в Тебриз прибыла иранская правительственная комиссия в составе бригадного генерала Джаханбани, дивизионного генерала Хосровпанаха и двух офицеров. 20 августа эта комиссия встретилась в Генконсульстве СССР с М.Матвеевым, А.Якубовым и генерал-лейтенантом Глинским. Во время беседы Якубов отметил неудовлетворенность сложившейся в Азербайджане ситуацией. Он подчеркнул, что местные власти не обращают внимания на нужды населения, пост генерал-губернатора остается долгое время вакантным, исполнительный аппарат власти по существу отсутствует. Жандармерия, судебные органы безучастны к нуждам и жалобам людей, виновные в различных преступлениях не наказываются. В свою очередь, генерал Глинский отметил нелояльную к советским органам позицию, занятую командиром иранской дивизии в Азербайджане Дарахшани.

Генерал Джаханбани согласился, что в Азербайджане есть охотники учинять разные провокации и распространять всевозможные слухи. Даже в

день его приезда некие темные личности пытались закрыть базар (рынок) и тем самым показать, что здесь неспокойно. Позже выяснилось, что это была инициатива прибывших из Тегерана лидеров «Туде». Джаханбани отметил, что нужно немедленно назначить генерал-губернатора и удалить из Тебриза некоторых лиц, мешающих нормализации жизни.

20 августа Якубов вновь встретился с Джаханбани. Генерал сообщил, что его посетили представители Народной партии и рабочего профсоюза и передали ему свои просьбы о необходимости обратить внимание на нужды населения Азербайджана. Он считает эти требования справедливыми и обещал принять меры. Джаханбани одобрительно отнесся к идее замещения должностей генерал-губернатора и ответственных чиновников выходцами из Азербайджана, но выразил сомнение в том, что Тегеран согласится на это. В Иране стало традицией, что генерал-губернатора в Тебриз назначают из среды вышедших в отставку премьер-министров или министров [9].

В августе в Тегеране шли бурные обсуждения кандидатуры генерал-губернатора Тебриза. В связи с событиями весны 1945 года большая часть руководящих работников третьего остана была отозвана, а новые еще не назначены. Центральное правительство было недовольно работой губернатора Дадвара и его аппарата. Генерал-губернатор, его заместитель и глава городской администрации Гулам Рза Ильхами недостаточно твердо, по мнению Тегерана, боролись с теми, кто требовал отставки правительства Саида и выступал за предоставление нефтяной концессии Советскому Союзу. Министр внутренних дел Сорури в беседе с Ильхами обвинял его: «Не ваше дело заниматься политикой, политикой должен заниматься центр, а вы с Дадваром просто переметнулись на сторону русских» [10]. Еще весной 1945 года вызванный в Тегеран Ильхами имел беседу с премьером М.Баятом о ситуации в Азербайджане, где ему было выражено недовольство работой чиновников в Тебризе.

Глава тебризской городской администрации Ильхами во время пребывания в Тегеране получил предложение от начальника политотдела МВД Ирана Калантари занять должность генерал-губернатора где-нибудь на юге, но никак не в Азербайджане. Советник советского посольства А.Якубов посоветовал Ильхами не принимать никаких назначений, кроме как возвращение на свою должность в Тебриз. И действительно, после прихода к власти Мохсуна Садра заместитель министра внутренних дел Фирудини дал разрешение Ильхами вернуться в Тебриз к своей работе. Дадвар посоветовал ему срочно и тихо выехать в Тебриз, поскольку Ильхами официально с должности снят не был. Несмотря на то, что командующий частями иранской армией в Азербайджане генерал Дарахшани послал в Тегеран несколько секретных телеграмм, чтобы Дадвара и Ильхами не пускали в Тебриз, Ильхами 11 августа вернулся в

город и вновь приступил к работе. 16 августа Ильхами встретился с генералом Глинским, обстоятельно рассказал о тегеранских встречах и сложившейся ситуации. После ознакомления со стенограммой этой беседы М.Дж.Багиров размахисто начертил на первой странице: «Лично т.Емельянову. Все же непонятно, почему нужно было Глинскому через голову консульских работников заниматься не своим делом» [11].

М.Дж.Багиров остерегался открытого вмешательства военных в политические интриги. Попытки военных представительств контролировать проблемы Южного Азербайджана сужали возможности республиканских органов. Поэтому Багиров старался, чтобы зарождавшиеся в Тебризе процессы проходили через подконтрольные ему дипломатические каналы и службу безопасности.

Несмотря ни на какие препоны, в конце августа все же завершилась подготовительная работа по созданию АДП. Уже были определены списки лиц, которым предстояло подписать обращение, подготовленное оргбюро во главе с Пишевари. Текст обращения был одобрен в Баку и последний его вариант был отправлен в Москву. Одновременно в Москву отправили информацию о последних провокационных действиях Народной партии. В этой информации сообщалось, что тудеисты выступают против усиления национально-освободительного движения в Азербайджане. Однако некоторые сообщения, например, о захвате правительственных зданий вооруженными отрядами тудеистов, не соответствовали действительности. Призыв лидеров «Туде» к вооруженному восстанию на деле завершился рядом мелких провокационных вылазок. Хотя эти акции осуществлялись под вывеской борьбы с иранским реакционным режимом, реально они были направлены против создания новой независимой партии. В подготовленном С.Емельяновым обстоятельном докладе «О ходе реализации мероприятий по Иранскому Азербайджану» отмечалось: «Ряд членов Народной партии преследуют корыстные цели и заботятся больше о своем личном благополучии, а некоторые руководящие работники партии – А.Ованесян, Амир Хизи и др. – организуют ряд провокационных выступлений в виде экспроприации и погромов. В глазах населения подорван авторитет Народной партии. Таким образом, явно чувствуется необходимость создания новой политической партии, способной возглавить национально-освободительное движение и объединить для этого демократические силы Иранского Азербайджана» [12].

Проснувшись утром 3 сентября, население городов и поселков Азербайджана увидело на стенах приклеенные листовки с обращением, отпечатанным на азербайджанском языке. Это было воззвание Азербайджанской Демократической партии к населению, в котором объявлялось о создании партии, ее целях и задачах.

Обращение АДП, подписанное купцами, помещиками, политиками, интеллигентами, рабочими, крестьянами, священнослужителями – всего около 80 человек – в короткое время распространилось в Тегеране, Хорасане, Мазандаране, Гиляне и других местах. В обращении говорилось: «Азербайджан, прославившийся в истории как знаменосец свободы, более не может оставаться под пятой реакционного тегеранского правительства. Он должен стать свободным. Обладавший в прошлом блестящей культурой, он не может оставаться безграмотным. У азербайджанского народа есть свой замечательный, благозвучный язык. На нем должны учиться в школах, писать в учреждениях. Богатые недра Азербайджана должны принадлежать ему самому. В Азербайджане следует создать промышленные центры, он должен стать страной культурного земледелия. Рабочий не должен быть безработным, а крестьянин – безземельным. Азербайджан должен быть свободным и процветающим» [13].

Американский историк Т.Святоховский справедливо отмечает, что АДП создавалась как альтернатива «Туде». Демпартия отрицала догматизм и сектантство. В отличие от «Туде», опиравшейся только на радикальные элементы, АДП без учета классовых различий принимала в свои ряды азербайджанцев [14]. Этот принцип четко прослеживался в третьесентябрьском Обращении АДП. Все желания азербайджанских тюрок отразились в этом документе. В нем говорилось: «При условии сохранения суверенитета и территориальной целостности Ирана Азербайджан должен получить внутреннюю независимость, чтобы самому решить свою судьбу» [15].

Обращение АДП вызвало горячий отклик среди населения. Даже учитывая то, что советские учреждения сыграли в этом определенную роль, телеграмм в поддержку новой партии из городов и деревень Южного Азербайджана пришло немало. Поднялась новая волна митингов. В сообщении из Ардебилля говорилось: «3 сентября в 18 часов в Ардебиле состоялся многолюдный митинг, на котором присутствовали представители всех слоев населения. Митинг открыл член инициативной группы Молла Халил Ишраги, который заявил: «Я от имени населения Ардебилля приветствую воззвание Демократической партии Азербайджана, присоединяясь к нему от имени народа. Мы требуем для себя самостоятельности, мы хотим и должны стать хозяевами своего дома. К этому призывает нас новая Демократическая партия Азербайджана». На митинге было принято обращение к основателям партии Пишевари и Шабустари. В телеграмме, отправленной в Тебриз, говорилось: «Ознакомившись с возванием Демократической партии Азербайджана, испытываем огромную радость, так как оно содержит давние мечты и чаяния азербайджанского народа... Мы от всей души приветствуем всех азербайджанцев в связи с организацией истинно своей, демократической

партии, взявшей на себя священную задачу создать национальную автономию азербайджанцев, и просим считать нас в ее рядах» [16].

Подобные митинги прошли практически во всех больших и малых городах Азербайджана. Были получены сотни телеграмм в поддержку новой партии. Приветственные послания из Тебриза, Мараги, Ахара, Джульфы, Маранда, Ардебилля, Маку, Салмаса и других мест публиковались в течение сентября в новой газете «Азербайджан». Текст их был примерно одинаков, в нем, несомненно, отразились советские идеологические штампы.

Ко дню обнародования Обращения АДП прошли лишь сутки с момента капитуляции Японии. Это означало, что, в соответствии с заявлением Сталина на Потсдамской конференции, до окончательного вывода советских войск из Ирана оставалось шесть месяцев. Предполагалось, что этого срока должно хватить для осуществления намеченных по Иранскому Азербайджану планов. 5 сентября вышел первый номер газеты «Азербайджан», в котором Пишевари опубликовал сразу три программных статьи – «Наша партия приступила к работе», «На перепутье. Наше решающее слово», «Наша речь». В передовице говорилось: «Оставаясь сторонниками независимости Ирана, мы в то же время желаем, чтобы азербайджанский народ мог самостоятельно решать свою судьбу. С появлением книг и литературы на родном языке наш народ станет в один ряд со всеми прогрессивными народами... Партия, опираясь на волю и силу народа, добьется прогресса для страны и свободы для народа. Наша партия, являясь национальной партией, не принимает во внимание классов и социальных слоев, а созывает весь народ под свои знамена» [17].

Издание газеты «Азербайджан» дало мощный толчок партийному строительству и углублению национальных процессов. С первых же защита родного языка оказалась в центре борьбы за национальное самосознание. Игнорирование азербайджанского языка, отсутствие школ и прессы на родном языке, запрет на использование его в делопроизводстве было самым большим местом азербайджанцев. АДП в первом же обращении подняла эту проблему. Газета «Азербайджан» писала: «Несмотря на выдумки врагов, наш язык могуч и богат. Его корни в нашем сердце и крови. Мы его восприняли с молоком матери и оживили воздухом нашей Родины. Желаящие принизить его – наши настоящие враги» [18].

6 сентября в Тебризе состоялась конференция областной организации Народной партии - «Туде». Делегаты подробно информировали конференцию о проделанной на местах работе и об активизации реакционных сил в сельской местности. Фирудин Ибрагимов огласил текст обращения АДП и представил его на обсуждение конференции. В прениях участвовал 31 делегат. Присутствующие в зале с большим воодушевлением встретили воззвание. Но были и такие, кто не был

согласен с ним. Некогда высланный из Советского Союза Гахрамани, известный своими авантюристическими призывами А.Шахиян, член областного комитета «Туде», редактор армянской газеты Давид Геворкян выступили против создания АДП. Рабочий спичечной фабрики Сахманзаде в своем выступлении подчеркнул, что АДП организована в противовес Народной партии. Видя, что Народная партия усиливается, ее противники начали таким образом вести работу против нее. В свою очередь, Арсен Шахназарян высказался так: «Мы не можем вести работу с членами Демократической партии, мы ведем борьбу против них, рано или поздно мы их подавим, или они нас подавят, поэтому с ними вести совместную работу мы ни в коем случае не можем» [19]. В ответ на подобные выступления С.Падеган выступил с обоснованием целей и задач новой партии.

В ряде выступлений высказывались опасения, что АДП станет буржуазной партией, и поэтому существует необходимость сохранения Народной партии. Однако после длительных обсуждений конференция 7 сентября приняла решение, в котором, во-первых, был оглашен протест азербайджанского народа, выражаемый центру, Меджлису и реакционному правительству по поводу закрытия газеты «Азадлыг джабхаси» («Фронт свободы»); всем организациям Народной партии поручалось всесторонне разъяснить решение конференции на местах. Главным же было то, что Народная партия, ее областные и районные комитеты, в соответствии с решением конференции, вместе со всеми своими организациями вливались в АДП; областной комитет «Туде» и все другие его районные комитеты и ячейки целиком принимают устав и лозунги новой партии и для выработки объединительной программы в ближайшие дни, договорившись с руководителями Демократической партии, создают объединительную комиссию в составе пяти человек [20].

Участовавший в этой конференции в качестве представителя профсоюзов М.Бирия приветствовал это решение и прочел свое стихотворение «Азербайджан – мечта моя». Следует отметить, что в это время тегеранские газеты развернули кампанию травли М.Бирии, и заправляли этой кампанией издания, подшефные Сеид Зияеддину.

6 сентября М.Дж.Багиров писал Сталину: «Сегодня созывается пленум Тебризского областного комитета Народной партии с руководителями местных комитетов для обсуждения Обращения и принятия решения о слиянии азербайджанского филиала Народной партии с новой АДП» [21].

Опасаясь неожиданных решений конференции, советские спецорганы внимательно следили за ее ходом и в определенной степени ею управляли. Это отразилось на составе избранной комиссии. Заранее была достигнута договоренность, за кого из «надежных» делегатов голосовать. Соппротивление левых было сломлено. В объединительную комиссию были

избраны: из Тебриза Падеган и Гиями, из Маранда - Бурахани, из Сараба - Вагиф, из Ускю - Ядулла Калантари.

Во втором номере газеты «Азербайджан», вышедшем 8 сентября, была опубликована статья «Одно из больших несчастий», разъясняющая сложность ситуации. В ней отмечалось: «Наша партия изначально должна вести борьбу с деструктивными элементами и требовать от своих членов не слов, а дела... Партия не нуждается в людях, выдающих за деятельность безответственные речи, сладкие слова и пламенные выступления. Пока они не сказали о нас ничего плохого, мы их не трогаем. Но если они своим пустословием попытаются удержать народ от борьбы, мы будем считать их дезертирами с фронта свободы и предотвращать их провокации» [22].

В первые дни сентября оргбюро АДП получило из Баку денежную помощь, оборудование для двух типографий, необходимое количество типографских материалов и бумагу. В справке Азербайджанской конторы Госбанка СССР указывается, что из специального фонда А.Керимову, Г.Гасанову и М.Ибрагимову 29 августа выдано 400 тысяч риалов, 13 сентября Г.Гасанову и М.Ибрагимову выдано 210 тысяч риалов [23].

Информация об образовании АДП вызвала серьезную обеспокоенность в иранских правящих кругах и у англичан. Генеральный консул в Тебризе Уолл сообщал по поводу АДП: «Эта партия более опасна, чем Народная партия. Народная партия всем была известна как просоветская организация, там не было крупных лиц, и она не могла опираться на имущий класс, а также интеллигенцию. В состав же новой Демократической партии входят влиятельные лица; ее программа составлена очень разумно и требования ее такие, что против них трудно возразить. Если эта партия реализует свои лозунги, то ее поддержит все население Азербайджана, она преследует далеко идущие цели» [24].

Пишевари с первых дней сентября начал антибританскую кампанию. По его мнению, иранская реакция и Сеид Зияеддин повторяли слова бывшего и нынешнего министров иностранных дел Англии Эрнеста Бевина и Энтони Идена. Он писал: «Все они пьют из одного источника. Создать в Иране реакционное государство, а уздечку вручить лондонским политикам – вот их цель» [25]. М.Дж.Багиров в письме Сталину от 6 сентября связывал усиление реакции в Тегеране, закрытие просоветских газет с давлением англичан. В Тегеране и северных областях был установлен строгий военный режим. Были запрещены собрания и митинги. Арестован ряд редакторов прогрессивных газет, члены ЦК профсоюзов, а также отдельные руководящие работники Народной партии. Возможно, этим объясняется, что некоторые неустойчивые члены Народной партии не только колеблются – поддерживать ли советские мероприятия, но и постарались побывать на приеме у премьер-министра Садра и у шаха.

Багиров сообщил Сталину, что реакционные круги провоцируют столкновения народных масс с жандармерией, создают беспорядки в стране, для того чтобы на предстоящем заседании Совета министров иностранных дел союзных стран в Лондоне добиться решения о выводе советских войск из Ирана [26].

Тегеранская печать запугивала просоветски настроенных людей беспощадной расправой после ухода русских. Под влиянием этих слухов сотни семейств рабочих, беднейших крестьян и других иранских граждан пытались перейти границу Советского Союза. Этим же объясняется массовая подача заявлений иранских граждан в советское консульство о предоставлении им советского гражданства.

В это же время руководство Народной партии и офицеры-демократы попытались совершить государственный переворот, чем еще более осложнили ситуацию. В результате было арестовано около 250 офицеров и большая их часть выслана на юг Ирана, где они были переданы под охрану английских войск.

В конце августа - начале сентября в северных районах страны прошли немногочисленные антисоветские выступления. В Шахи, Бендер-шахе были разрушены новые советские буровые установки. Иранское правительство перебрасывало в северные районы оружие и переодетых в гражданскую форму полицейских. Пришлось вмешаться советским военным, и только таким образом удалось приостановить переброску дополнительных войск, полиции и жандармерии и сорвать акцию правительства.

Однако на юге Ирана англичане продолжали свою игру, прикладывая усилия для создания союза южных племен (кашкайцев, бахтияров и др.) и их вооружения. Этим они добивались действенного давления на центральное правительство. Не исключалось и дальнейшее использование этого союза на севере страны. М.Дж.Багиров подготовил ряд мер, направленных на срыв плана англичан. 6 сентября он писал Сталину: «С целью отвлечь внимание англичан и иранского правительства от наших мероприятий в северных провинциях Ирана просим вашей санкции приступить к разложенческой работе в создаваемом англичанами союзе южных племен. Считаю необходимым установить негласный контакт с оппозиционно настроенными ханами и использовать их для вооруженных выступлений против английских ставленников на юге Ирана и для создания широкого движения под лозунгами независимости южных племен от центрального правительства Ирана» [27].

В середине сентября был сделан еще один шаг по пути укрепления АДП. 14 сентября было проведено совещание учредителей партии. Состоялась дискуссия по вопросам укрепления центральных руководящих органов, расширения местных комитетов. Тайным голосованием был

избран организационный комитет под председательством Пишевари, в который вошли девять человек: Низамуддовле Рафии, Гасан Биранг, Катиби, Али Машинчи, Гулам Гусейн Фаршчи, Муаззизаде, Шабустари, Гасан Зафири. На этом же заседании в состав оргкомитета было дополнительно введено 5 человек из руководящего актива бывшего областного комитета Народной партии: Садыг Падеган, Зейналабидин Гиями, Джафар Кавиан, Калантари и М.Бурхани. Таким образом состав оргкомитета был доведен до 14 человек. Было принято решение в 20-дневный срок провести учредительный съезд АДП. Оргкомитет должен был подготовить устав и проект программы партии. Проекты этих документов были разработаны в Тебризе. В ЦК Компартии Азербайджана они были дополнены и в них были внесены некоторые изменения [28].

К 20 сентября в Демократическую партию вступило 6.767 новых членов. Большую их часть составляли крестьяне. Вместе с тем мелкие и средние землевладельцы, купцы, служащие и интеллигенция также постепенно склонялись к мысли о вступлении в АДП. До 24 сентября заявления подали еще 1000 человек. После совещания 14 сентября приток желающих заметно увеличился. Даже некоторые тудеисты, выступавшие 6-7 сентября на конференции Народной партии против слияния с АДП, теперь подали заявления о вступлении в новую организацию. 24 сентября от имени армянской общины Тебриза три представителя явились к руководству партии с поздравлением, написанным на азербайджанском языке. Давид Геворкян, рьяно выступавший против создания АДП, теперь попытался завоевать расположение ее руководства. Однако резидент советских спецслужб в Тебризе высказался против его вступления в партию [29]. В приветствии армянской общины говорилось: «Подробно и обстоятельно ознакомившись с воззванием Азербайджанской демократической партии, армянское население Азербайджана выражает свое восхищение по поводу таких справедливых требований, вытекающих из желаний и чаяний не только азербайджанского народа, но также и всех других народностей, населяющих Азербайджан... Мы, армяне, не можем быть безучастными к этим мероприятиям и готовы всеми своими силами способствовать Демократической партии в деле претворения в жизнь выдвинутых требований» [30].

Оргкомитет и бакинское руководство с настороженностью относились к вступлению армян в Демпартию. Они располагали информацией о работе некоторых из армянских политических деятелей на иностранные разведки. Бакинскому руководству было также известно, что армяне намереваются поднять вопрос о предоставлении им автономии в окрестностях Урмии. В то же время не было единого мнения и в среде самих армян. Работник английского банка, английский подданный Товмасын выразился следующим образом: «Русские, предвидя неизбежность ослабления своего

влияния в Иране в связи с уходом своих войск, партию «Туде» переименовали в Демократическую, включили туда некоторых купцов и помещиков, чтобы рассеять слухи об их связи с этой партией и сохранить в Азербайджане свое влияние». Заместитель директора английского банка Тер-Ованесян отмечал: «Присоединение армян к новой Демократической партии - дело ошибочное. Приветственное письмо, посланное этой партией от имени армян Азербайджана, с политической точки зрения является весьма опасным шагом. Наше положение как армян и как национального меньшинства щепетильное. Мы должны сознавать все это и вести себя лояльно... Может случиться даже, что в будущем, наподобие младотурок, Демпартия сама станет грозным мечом и гонителем армян» [31].

25 сентября в Тебризе состоялось закрытое собрание пожелавших вступить в АДП, на котором было решено, учитывая большое количество желающих стать членами организации, создать временный Тебризский комитет АДП. Этот комитет должен был также ускорить процесс вхождения низовых органов Народной партии в АДП. Было решено делегировать на учредительный съезд по одному человеку от каждых 60 членов партии, районным организациям предоставить 80 мандатов, а всего в съезде будут участвовать примерно 200 человек.

С каждым днем АДП превращалась во все более значимую политическую силу, контролирующую ситуацию в Южном Азербайджане. 22 сентября в помещении городской управы г. Тебриза по инициативе Демократической партии состоялось совещание, в котором приняли участие губернатор, представители административных и карательных органов и члены оргкомитета Демократической партии. Выступивший Пишевари обратил внимание присутствующих, что некоторые преступники и темные личности умышленно чинят беспорядки и совершают противоправные действия с целью нарушить общественный порядок, скомпрометировать демократические организации, выдавая себя за их членов. Есть случаи, когда члены Демократической партии задерживали и передавали местным властям таких людей, но вместо привлечения к ответственности их освобождали. Пишевари призывал усилить борьбу с преступными элементами и навести в городе порядок. Выступивший затем губернатор города Никчу поддержал Пишевари [32].

23 сентября в Ардебиле был создан местный комитет Демократической партии. Шафи Садр, Г.Джовдет, Мир Мовсум Кашани, Пир Муртуза, Махаррам Иншан, Балаш Азероглу, Молла Халил Ишраги, доктор Тагизаде и другие были избраны делегатами на учредительный съезд. 23 сентября прошли такие же выборы в Серабе, Астаре и Мешкиншехре.

Все связанное с Демократической партией превратилось в главную тему обсуждения среди населения. Агенты советских спецслужб собрали большой материал о мнении населения провинции. Купец Гаджи Гасанага

в Тебризе, например, говорил: «Требования, выдвигаемые этой партией, вполне назрели. Азербайджан в общей экономике Ирана занимает первое место. Однако все наши богатства выкачиваются отсюда, и за наши деньги благоустраиваются другие города Ирана. Наши села и города разрушены, наши дети не обучаются, а если обучаются, то на чужом языке. Наш народ в своем огромном хлебном амбаре голодает. До каких пор мы будем молчать и терпеть эти издевательства фарсов над Азербайджаном!» [33].

Комментируя концепцию обучения на родном языке в Обращении АДП, преподаватель одной из тебризских школ Багир Низами сказал следующее: «Лозунг о введении обучения на азербайджанском языке выдвигается вполне справедливо. Кто из сознательных азербайджанцев способен не поддержать этот лозунг, осуществление которого даст возможность обучать наших детей на родном языке. По-моему, это - желание всего азербайджанского народа».

Национальное движение в Азербайджане волновало население страны и далеко за его пределами. В Горгане ахунд заявил собравшимся туркменам: «Азербайджанцы правильно поступают, ведя борьбу за свои национальные права. Мы должны последовать их примеру». И в Гиляне звучали призывы, подобные этому.

Между тем нельзя не отметить, что часть интеллигенции, купцов и помещиков все же опасалась оказывать поддержку национальному движению. М.Дж.Багиров в письме Сталину от 28 сентября объяснял эти сомнения «неуверенностью в том, что мы до конца поддержим это движение» [34].

В самом начале развития событий иранские властные структуры были в растерянности и не знали, что делать. Но уже чуть спустя они вступили в жесткую борьбу с национальным движением в Азербайджане. Одиннадцатый номер газеты «Азербайджан» вышел с передовицей «Реакция поднимает голову», тогда как ряд тегеранских газет развернул настоящую войну против идеи автономии, применения азербайджанского языка в государственных учреждениях и обучения на нем в школах, создания областных губернских энджуменов. Просеидовская газета «Кишвар» в номере от 12 сентября писала: «Азербайджанские демократы желают видеть азербайджанские земли свободными и независимыми. Эти изменники не понимают, что Азербайджан является неотделимой частью Ирана, и Иран не разрешит никому превращать родину Зороастра и Шамседдина Тавризи в объект политических интриг». Далее, цитируя требования АДП о необходимости введения преподавания в школах на азербайджанском языке, газета пишет: «О, патриоты Ирана! Осознаете ли вы, что содержат эти идеи? Знаете ли вы, что этим пунктом предатели и космополиты хотят лишить сынов Азербайджана своего национального -

фарсидского языка?». В других газетах печатались примерно такие же призывы.

В связи с усилением реакции М.Дж.Багиров 17 сентября сообщил народному комиссару иностранных дел СССР А.Вышинскому, что жандармы и полиция взломали двери одного из помещений Народной партии и профсоюзной организации и выбросили все имущество на улицу. Полицейские избили находившихся там членов партии и арестовали 20 человек. Один человек был тяжело ранен. 15 сентября полиция захватила в Тегеране все помещения, принадлежавшие Народной партии и профсоюзам. 16 сентября вблизи здания Народной партии полиция сильно избила члена ЦК партии, депутата иранского Меджлиса Кешаверза. Не арестованные пока члены ЦК «Туде» перешли на нелегальное положение. 15 сентября полиция закидала камнями машину с дипломатическими номерами советского торгпредства. 16 сентября был арестован корреспондент ТАСС, отправлявший телеграмму в Москву [35].

Тегеранские события стали своеобразным знаком для реакционных элементов в Тебризе. Сеид Зияеддин дал своим людям сигнал к началу террористических актов против руководителей и активистов АДП. Министерство внутренних дел разослало указание генерал-губернаторам и губернаторам всячески препятствовать начавшемуся сепаратистскому движению в северных провинциях Ирана. Генштаб армии издал секретный приказ войсковым частям в Южном Азербайджане о применении оружия против тех, кто попытается нарушить порядок в провинции, причем применять оружие даже в том случае, «если русские попытаются препятствовать этому».

Советские спецслужбы перехватили секретную переписку командного состава иранской армии в Азербайджане. Из материалов следовало, что иранские власти тайно вооружают отдельных помещиков и глав племен. Командир иранской бригады в Ардебиле полковник Зариви получил указание из Тегерана уговорить всех землевладельцев быть более мягкими к крестьянам и держать их под своим влиянием; призывать население объединяться под знаменем ислама; проповедовать среди населения любовь к шаху и существующему строю, ибо только это является истинным патриотизмом [36]. В результате деятельности Зариви некоторые жители Ардебилля, в частности помещики, опасаясь беспорядков, отправляют свое имущество и семьи в Тегеран. Полицейским чинам Южного Азербайджана предписывалось срочно составить и направить в центр биографии ораторов и особо активных участников митингов и демонстраций. Командир иранской дивизии Дарахшани, исполняя приказ Генштаба, объявил во всех частях боевую готовность. Командирам бригад было предписано охранять города и госучреждения. Командиры полков вели беседы с солдатами о необходимости «драться до

последней капли крови и пожертвовать собой во имя Родины». В последние дни сентября центр приказал Тебризской жандармерии срочно увеличить набор молодых людей в свои ряды.

Осенью 1945 года иранское правительство целенаправленно продолжало политику экономических санкций против Азербайджана. Правительственные органы сознательно не проводили заготовку хлеба для обеспечения крупных городов провинции.

С юга Ирана десятки проанглийски настроенных реакционных духовных лиц были переброшены на север для внесения раскола в ряды национально-демократических организаций, создания параллельных структур. Например, в Зенджане крупный помещик, ярый англофил Зульфигари организовал Зенджанскую «демократическую партию», причем эта партия была категорически против национальной автономии Азербайджана, введения азербайджанского языка в школах и учреждениях, а также наделения крестьян землей. Аналогичные попытки имели место и в Резайе.

Сталина информировали, что сепаратистское движение в Азербайджане, помимо английских и американских политических кругов, вызывает особое беспокойство и у турок: «Турецкое посольство в Тегеране ориентировало свои консульства в Тебризе и Резайе, что движение на севере Ирана ставит своей конечной целью присоединение Иранского Азербайджана к Советскому Союзу. Посольство требует от своих агентов, используя белоэмигрантов из СССР, в первую очередь мусаватистов, распространять всякие небылицы о жизни в Советском Азербайджане» [37].

Положение осложняло и то, что даже после того как движение за автономию Азербайджана приняло действенный характер, центральный комитет партии «Туде» продолжал колебаться в своем отношении к АДП. Под разными предлогами тудеисты-функционеры не высказывали открыто своего мнения об АДП и национальном движении в Азербайджане.

Организация АДП заметно повлияла на настроения в курдских районах. В своих приветственных телеграммах курдские лидеры изъявляли желание организовать также и курдскую демократическую партию и, по примеру Азербайджана, создать собственную автономию. Они обратились к М.Дж.Багирову с просьбой принять представителей курдов в Баку. Вожди курдских племен просили прислать к ним несколько советских работников для оказания практической помощи на месте; открыть в Махабаде школу-семилетку по примеру советской школы в Тебризе; принять в советские военные школы 15-20 человек из молодых курдов и 20-25 человек - в гражданские школы и вузы; организовать в Махабаде больницу на 25-30 коек, обеспечив ее медперсоналом. Багиров просил Сталина дать соответствующее указание Наркомату иностранных дел.

Сепаратистские настроения курдов еще более усиливали тревогу иранского правительства и англичан, что, естественно, усиливало и их противодействие. Кабинет министров страны обратился к советскому послу с нотой. Английские и иранские спецслужбы готовили спецоперации по физическому уничтожению предводителей курдов.

В решении ЦК ВКП(б) от 6 июля предписывалось поощрять сепаратистское движение в Гиляне, Мазандаране и Хорасане. По этому поводу Багиров докладывал Сталину 28 сентября: «Сосредотачивая все свои силы и внимание на разведке нефтяных месторождений в северных провинциях Ирана, а также на работе в Южном Азербайджане и Курдистане, мы не сумели до сих пор начать работу по сепаратистскому движению в провинциях Гиляна, Мазандарана и Хорасана» [38].

Генерал Атакишиев, курировавший выполнение спецзаданий в Иранском Азербайджане, считал, что ряд зарубежных спецслужб пытается организовать восстание в советской зоне и приписать эту акцию Советам. Он поручил своим сотрудникам в Тегеране секретно собирать информацию о деятельности враждебных Советскому Союзу кругов и передавать ему. Атакишиев опасался, что против активистов АДП и просоветски настроенных лиц могут начаться массовые репрессии, что нарушит планы СССР. Поэтому в конце сентября предлагалось раздать оружие членам партии и сторонникам русских для ликвидации лиц и организаций, мешающих процессу автономизации Азербайджана. Предполагалось даже использовать в этих целях спецподразделения наркоматов внутренних дел и государственной безопасности.

28 сентября от резидента в Южном Азербайджане Багирову поступил запрос на поставку оружия, в котором отмечалось, что в связи с созданием АДП реакция резко активизировалась. В руках реакционных сил накопилось много оружия, передаваемого им полицией и жандармерией. Объединение этих сил с иранскими регулярными войсками может произойти в любую минуту, что может иметь непредсказуемо трагические результаты. А потому назрела необходимость вооружить доверенных людей из населения и членов демократических организаций, чтобы предотвратить активные действия реакции.

Учитывая серьезность положения, 8 октября 1945 г. ЦК ВКП(б) вновь вернулся к рассмотрению вопроса Иранского Азербайджана и сделал дополнение к решению от 6 июля 1945 года. В этом дополнении ЦК ВКП(б) остерегся использовать термин «сепаратизм». Главной задачей АДП определялось «добиться в составе Иранского государства национальной автономии Азербайджана». Было дано очень конкретное руководящее указание: «Для оказания помощи демократической партии Иранского Азербайджана и постоянной связи с ней создать руководящую группу (тройку) в составе следующих товарищей:

Ибрагимов М. (руководитель группы), назначив его заместителем начальника Политотдела 15 корпуса;

Атакишиев С. – член Военного Совета 4-й армии;

Гасанов Г., назначив его старшим инструктором Политотдела 15 корпуса.

В целях активной борьбы с лицами и организациями, мешающими развитию автономистского движения в Иранском Азербайджане, а также для защиты активных участников этого движения ускорить создание вооруженных отрядов, не связанных формально с демократической партией.

Обязать руководящую тройку руководствоваться в своей работе указаниями т. Багирова.

Обязать НКВД СССР (т. Берия Л.П.) и Командующего Бакинским военным округом т. Масленникова оказывать т. Багирову необходимую помощь в выполнении возложенной на него задачи.

Запретить в дальнейшем работникам посольства и консульств СССР в Иране проведение какой бы то ни было работы, связанной с деятельностью демократической партии Иранского Азербайджана по автономистскому движению.

Поручить Наркомвнешторгу СССР (т. Крутикову) совместно с т. Багировым в 10-дневный срок определить и доложить Совнаркому СССР – какие товары могут быть закуплены в Иранском Азербайджане и Северном Курдистане и какие советские товары могут быть завезены в указанные районы» [39].

В этом решении особый акцент делался на задании «ускорить создание вооруженных отрядов». В соответствии с этим Военсовету Бакинского военного округа и ЦК АзКП(б) поручили выделить оперативных работников для нейтрализации сил, сопротивляющихся движению за автономизацию Азербайджана. В Москве состоялось обсуждение экономической стороны отношений. Народному комиссару внешней торговли А.Микояну предлагалось обратить особое внимание на экспортно-импортные операции с Южным Азербайджаном. Председателю Госплана СССР Н.Вознесенскому было поручено в IV квартале 1945 года выделить Иранскому Азербайджану: пять бензовозов ЗИС-5, пять бензозаправщиков, пять грузовиков ЗИС-5. Председателю Совнаркома Азербайджана Т.Кулиеву предписывалось увеличить число торговых объектов, особенно книжных магазинов, продающих литературу на азербайджанском и фарсидском языке. Радиокomiteту при Совнаркоме СССР было поручено по заказу Азербайджанской ССР для отправки в Южный Азербайджан начиная с IV квартала 1945 года ежеквартально выпускать не менее 50 тысяч пластинок с азербайджанской музыкой [40].

Истребованное оружие иностранных марок с середины октября переправлялось Москвой в военные гарнизоны в Южном Азербайджане. 21 октября командующий Бакинским военным округом генерал армии И.И.Масленников и М.Дж.Багиров писали наркому внутренних дел Лаврентию Берия: «Во исполнение решения ЦК ВКП(б) от 8 октября 1945 года по вопросу Иранского Азербайджана и Северного Курдистана нами проведено следующее:

выделен 21 опытный оперативный работник НКВД и НКГБ Азербайджанской ССР, способные организовать работу по ликвидации лиц и организаций, мешающих развитию автономистского движения в Иранском Азербайджане. Эти же товарищи должны организовать вооруженные партизанские отряды из местного населения;

в помощь оперативным работникам подобрано 75 боевиков из числа сельских работников и колхозного актива, долгое время связанных с органами НКВД - НКГБ и проверенных на выполнении ряда конкретных боевых заданий;

оперативные работники и боевики направляются группами в первую очередь в города Тебриз, Ардебиль, Миане, Резайе и Марага, а в другие районы будут направлены в следующую очередь. В целях конспирации оперативный состав направляется на места в качестве заместителей наших военных комендантов в городах Иранского Азербайджана, а боевики в качестве рядовых при этих же комендатурах [41].

Иранская сторона надеялась, что положение в Азербайджане будет предметом обсуждений на предстоящей Лондонской сессии министров иностранных дел. Еще 8 сентября иранское посольство в Москве вручило НКВД ноту с напоминанием, что в соответствии со статьей 6 трехстороннего договора 1942 года союзники обязались советоваться с иранскими властями по всем вопросам, касающимся их страны. Ссылаясь на этот договор, официальный Тегеран напоминал, что после войны ни на одной конференции не должны обсуждаться вопросы, касающиеся Ирана, в отсутствие его представителей. Поэтому, если в Лондоне будет рассматриваться вывод войск, Иран должен быть приглашен на эту сессию [42]. Однако заведующий ближневосточным отделом НКВД СССР С.Сычев, ознакомившись с нотой, подготовил справку, суть которой заключалась в том, что на Лондонской сессии Иран может выступить с различными претензиями к СССР, особенно по вопросу ограничения передвижения иранской армии, а потому нельзя приглашать туда иранцев. Сычев предлагал вообще не допустить обсуждений иранской проблемы на Лондонской сессии [43].

Британский министр иностранных дел Э.Бевин также обратился к В.Молотову 19 сентября по этому вопросу. Он писал, что в связи с поражением Японии ситуация изменилась и дата вывода союзных войск из

Ирана определена. «Поскольку вопрос касается окончательного отвода наших войск, все что нам остается сделать – это попросить Совет (т.е. Совет министров иностранных дел (СМИД) – Дж.Г.) принять к сведению день 2 марта 1946 года как зафиксированную дату. Поэтому, когда этот вопрос встанет на СМИД, я намереваюсь предложить, чтобы оба наших правительства согласились с тем, что к середине декабря 1945 года их вооруженные силы будут выведены из всей Персии, при условии, что британские вооруженные силы смогут остаться до 2 марта 1946 года в южном нефтеносном районе к югу от Андимишка и включая его и что советские войска смогут остаться до 2 марта 1946 года в Азербайджане». Через день В.Молотов ответил, что советское правительство придерживается точки зрения, что вывод войск должен проходить в соответствии с англо-советско-иранским договором и, «если в этом будет необходимость, то план окончательного вывода советских и британских войск из Ирана мог бы быть обсужден между нами в конце указанного срока. Ввиду всего вышесказанного советское правительство не видит необходимости в обсуждении этого вопроса в Совете министров».

23 сентября Э.Бевин письменно согласился с этим предложением В.Молотова, но добавил, что из-за ошибки в переводе есть необходимость уточнить дату: «Мои коллеги рады узнать от меня о полном согласии, достигнутом между нами по вопросу о дате окончания срока отвода союзных войск, а именно 02 марта 1946 года». В.Молотов немедленно ответил, что «советское правительство придает исключительное значение тому, чтобы взятые обязательства точно выполнялись». Учитывая взаимное согласие, достигнутое в этой переписке, на 17-м заседании СМИД было решено не включать в повестку дня Лондонской сессии вопрос о выводе войск союзников из Ирана [44].

В Иране и Азербайджане ситуация перманентно осложнялась, поэтому после поспешных подготовительных мероприятий 2 октября открылся учредительный съезд Демократической партии. Углубление кризиса в стране завершилось отставкой правительства Мохсуна Сафра (Садр уль-Ашраф). В октябре 1945 года Ибрагим Хакими (Хакимумульмульк) сформировал свой второй кабинет, который за три месяца своего существования сыграл роль моста к кабинету Кавама эс-Салтане.

В связи с правительственным кризисом В.Молотов 24 октября 1945 года дал задание советскому послу в Тегеране проталкивать на пост премьер-министра Кавама. Предстояло переговорить с Кавамом о формах поддержки его кандидатуры и заручиться его согласием. Если же шансы Кавама окажутся слабыми, то следовало переговорить с Хакими, дав понять, что Советский Союз готов поддерживать его кабинет с тем лишь условием, чтобы в его правительстве были представлены люди, готовые основательно улучшить советско-иранские отношения [45].

Для обсуждения всего предпринятого в Иранском Азербайджане в конце сентября Багиров был вызван в Москву. Вместе с Молотовым, Берией и Маленковым еще раз просмотрели программу и устав Демократической партии. Сделали ряд поправок. Сочли нужным вставить в программу вопрос о создании органа представительского самоуправления. Был заслушан доклад Багирова о мероприятиях по ускорению осуществляемого в Южном Азербайджане, и, разумеется, были даны соответствующие указания.

По возвращении из Москвы Багиров немедленно сообщил в Тебриз о намеченных исправлениях и дополнениях в программе. 1 октября из фонда Южного Азербайджана Г.Гасанову и М.Ибрагимову выдали 400 тысяч риалов. Через 20 дней из того же фонда заместитель наркома госбезопасности А.Керимов получил еще 400 тысяч риалов [46].

2 октября долгожданный первый учредительный съезд АДП в Тебризе начал свою работу. В работе съезда приняли участие 237 делегатов с решающим голосом из разных городов и областей, 4 делегата с совещательным голосом и 17 гостей. Съезд длился три дня. На нем приняли программу и устав, избрали руководящие органы партии. Газета «Азербайджан», комментируя 48 пунктов программы, писала: «Вопросы национальной автономии, свободы языка и земельный вопрос горячо обсуждались» [47]. На съезде выступили представители всех областей, городов и махалов. С одобрением были встречены речи Мукаррамумльмулька из Салмаса, Мурида Баята Маку, Гасана Джовдета из Ардебилля, Хашими из Сараба, Памбеи из Миане, Нурулла хана Егани из Хоя. Г.Джовдет сказал: «Пришел долгожданный день, положивший конец тому, что азербайджанский народ долгое время был лишен политических и экономических прав. Мы давно мечтали вернуть азербайджанскому языку его исконные права, а азербайджанскому народу - самостоятельно управляться со своими собственными делами» [48]. Отвечая на клеветнические заявления тегеранских газет и реакционных элементов об азербайджанском языке, делегат Мукаррамумльмульк заявил: «Центральная власть, ее министры, заботящиеся лишь о собственной карьере и личном кармане, всегда старались держать нас во тьме, закрыть дверь культуре и науке для наших детей. Нам говорят, что азербайджанский язык – не родной нам язык, он навязан нам монголами. Но я спрашиваю, если монголы, находившиеся в нашей стране не более одного века, сумели навязать нам свой язык, то как же случилось, что фарсы, управлявшие нашей страной в течение шести столетий и применявшие в отношении нас всяческое насилие, не сумели, однако, вернуть нас к фарсидскому языку? Ясно, что мы знали, знаем и будем знать лишь один азербайджанский язык, который оставлен нам нашими предками» [49].

Все выступавшие делегаты заверяли в своей приверженности национальному движению, идеям свободы и демократии, часто вспоминали имена пожертвовавших собой на этом пути. Гашими из Сараба, обращаясь к аудитории, сказал: «Смелость и храбрость азербайджанского народа известны всем. Огонь наших очагов освещал мир. Сегодня этот же огонь может сжечь всех наших врагов. Азербайджанцы готовы повторить подвиги своих отцов – Саттархана и Багирхана» [50]. По предложению Нурулла хана Егани съезд почтил вставанием память павших за дело свободного Азербайджана.

Съезд избрал центральный комитет из 41 члена и ревизионную комиссию из 12 человек. В руководстве партии были 10 партработников, 4 рабочих, 7 служащих, 1 кустарь, 11 представителей интеллигенции, 10 землевладельцев, 4 купца, 2 фабриканта. Из числа членов ЦК были избраны члены президиума и кандидаты в члены президиума. Сеид Джафар Пишевари был избран председателем президиума, Низамуддовле Рафии, Садых Падеган, Гаджи Мирза Али Шабустари стали его заместителями, Саламулла Джавид, Гасан Зафири, Али Машинчи, Гулам Гусейн Фаршчи, Джафар Адиб - членами президиума, Гасан Биранг, Гасан Джовдет и Зейналабдин Гиями - кандидатами в члены президиума.

Сразу после учредительного съезда С.Дж.Багиров потребовал от тебризских руководящих работников отчет об итогах съезда, в котором должны были отразиться численный и социальный состав партии, сведения об уездных, окружных, городских комитетах. Главнейшей задачей партии настоятельно рекомендовалось считать организационное укрепление, определение сроков выборов в государственные органы и подготовку к этим выборам. Багиров требовал от А.Атакишиева присылать ему обзоры тегеранских и тебризских газет, выяснять мнение иранских правящих кругов об Азербайджане, если оно обнародовалось в официальной и неофициальной прессе. В этом поручении говорилось: «В мероприятиях по дальнейшему созданию опорных боевых групп, отрядов - с целью распространения влияния на государственные организации - надо все время упор делать на то, что вот мы просим то-то, а нам центр не дает, и поэтому мы вынуждены пойти на такие-то меры. И в печати это надо освещать. Не увлекаться только одним городом, где вы сидите, а главное внимание уделять остальной части района. Еще раз прошу местных людей не обижать, сделать все, чтобы они чувствовали, что они хозяева, что они руководят, а мы им только помогаем, мы только временно там находимся. Вся работа надо строить с таким расчетом, чтобы через месяца, три, максимум четыре, они могли обходиться без нашей помощи, чтобы через полгода ни одного нашего человека там не оставалось, но чтобы они имели везде и всюду своих, подготовленных людей - руководящих партийных

работников, государственных, хозяйственных, финансовых, военных, административных и т.д., а также сельских работников» [51].

20 октября Багиров отправил в Тебриз Мирзу Ибрагимова, дав ему множество поручений. В последнюю декаду октября бакинская «тройка» (Г.Гасанов, А.Атакишиев и М.Ибрагимов), тебризская «тройка» (Пишевари, Шабустари, Падеган) совместно с посланцами из Азербайджанской ССР, выполнявшими спецзадание, провели четыре совещания. Были обсуждены положение в Азербайджане, вопросы партстроительства, национальной автономии и введения родного языка. С удовлетворением отмечался успех губернских партийных конференций, а также эффективность привлечения масс в Демократическую партию. В то же время подчеркивался рост активности реакционной тебризской печати и реакционных кругов в самом Азербайджане, которые в своей агитации настаивали на том, что демократическое движение в Иранском Азербайджане является лишь прелюдией к истинной цели - объединению с Советским Азербайджаном. Так запугивали определенные слои населения провинции. Члены АДП пытались разъяснить населению, что эти слухи распространяют те, кто как огня боится объединения народа в борьбе за свою свободу [52].

Тем не менее проблемы на пути укрепления АДП и создания автономии нарастали. Слабым оставался уровень демократического движения в Карадаге. Пишевари не смог определить кандидатуру ответственного за работу в этом регионе. Ситуацию осложняло то, что здесь практически отсутствовали советские органы. Для ознакомления на месте с положением Г.Гасанов 28 октября отправился в Карадаг и Ардебиль. В конце концов было решено для усиления работы в Карадаге создать советскую комендатуру в Ахаре.

Между тем правительственные круги и реакционные чиновники, руководимые генералом Дарахшани, также не сидели сложа руки. Не ограничиваясь организацией репрессивных мер, они вели усиленную пропагандистскую работу в целях дестабилизации складывающейся в Азербайджане ситуации. Газета «Азербайджан» предупреждала правительственных эмиссаров: «В двадцатом веке нельзя покушаться на имущество, жизнь и честь народа. Прошли времена, когда клеймили железом, били до смерти, зашивали рты, отрезали губы. Мы открыто предупреждаем, что если жандармские начальники не прекратят свои бесчинства, партия не будет отвечать за столкновения и беспорядки в деревнях» [53].

Ночью 30 октября в беседе с М.Ибрагимовым и другими советскими ответработниками Пишевари заявил об опасности возникновения фракционной борьбы в партии. По его мнению, правые элементы, в душе не согласные с программными требованиями партии, не могут смириться с

открытыми выступлениями и действиями большинства в ЦК партии и выступают за более «умеренные» и «осторожные» действия. Пишевари посоветовали терпеливо и хладнокровно работать по консолидации сил и созданию монолитности в партии. Он, со своей стороны, обещал принять все меры к тому, чтобы не допустить никаких разногласий по основным программным вопросам.

29 октября в советском консульстве было организовано совещание с участием сотрудников Дома культуры и ВОКСа, посвященное созданию Общества друзей Советского Азербайджана. После всестороннего обсуждения поручили Шарифову и Багирзаде в течение десяти дней провести соответствующую работу. М.Ибрагимов, отчитываясь перед Багировым о выполнении его поручений, писал: «Во исполнение вашего указания нами создана комиссия по обзору печати, в которую вошли Рза Кулиев, Джафар Джафаров, Гусейн Шарифов, Аваз Садыхов, Гулам Мамедли. Комиссия привлечет к работе местного журналиста Аббаси Мамедли. Воссоздание истории Южного Азербайджана и сбор всех материалов по данному вопросу Пишевари поручил Фридуноу Ибрагими и Гиями. В связи с этим мы дали на перевод известный труд Надира Мирза «Об истории и географии Тебриза», написанный 100 лет тому назад на фарсидском языке. Посылаем вам 3 учебника азербайджанского языка для 1-го класса, изданные в Тебризе в 1893, 1914 и 1921 годах (учебники назывались «Тюркский язык» и «Родной язык» - Дж.Г.) [54].

В конце октября состоялась конференция Тебризской городской организации АДП, где рассматривались срочное создание областных и губернских энджуменов, пропорциональных числу жителей Азербайджана, выборы в иранский Меджлис, организация бойкота тегеранских газет и др. В своем выступлении С.Дж.Пишевари сказал: «Граждане Ирана, 20 лет гордо носившие это звание в эмиграции в Турции, на Кавказе, в результате давления государственных чиновников оказались в Афганистане. Тегеран своей политикой вновь хочет повторить эту беду. Если народ не найдет приемлемый путь, то нам грозят еще более тяжелые дни. Поэтому все должны постараться вместе разорвать цепи рабства и не просить помощи у других народов» [55].

Чтобы ослабить экономическую блокаду со стороны Тегерана, председатель Совнаркома СССР В.Молотов 4 ноября подписал решение «О расширении торговли с Иранским Азербайджаном», по которому в IV квартале 1945 года торговый оборот СССР с этой областью должен был составить 127,5 млн. риалов экспортных и 89,5 млн. риалов импортных операций. Срочно в Тебриз было отправлено 1500 тысяч метров хлопковых тканей, 1500 тонн сахара, 4880 тонн нефтепродуктов, 200 тонн хлопковой нити, 200 тонн бумаги. Советским торговым организациям было поручено закупить в районах Иранского Азербайджана 4500 голов

крупнорогатого, 50000 мелкорогатого скота, 2500 тонн стручковых бобов, 1500 тонн кураги, 500 тонн арахиса, 1000 тонн шерсти. Это решение несколько ослабило хватку Тегерана и одновременно улучшило положение Демократической партии, вдохновило ее на новые действия [56].

8-9 ноября ЦК АДП провел в Тебризе второй пленум. Кроме членов ЦК в его работе приняли участие и председатели губернских комитетов. С.Дж.Пишевари выступил с большим докладом «О политическом положении в Иране и задачах Демократической партии». Он отметил, что решение о переносе выборов в Меджлис 15-го созыва означает нарушение Конституции. Изменение сроков выборов в парламент и игнорирование статей Конституции об областных и губернских энджуменах направлено против всяких проявлений демократии и свободы. Цель АДП ясно изложена в обращении и программе этой партии. До сих пор, несмотря на то, что прошло достаточно времени, иранские власти никак не реагируют на законные требования демократов. Центральная власть направляет в Азербайджан таких чиновников, которые способны только провоцировать беспорядки и попирают права азербайджанского народа. Демократическая партия за короткое время достаточно окрепла, «она в состоянии приступить к реализации своей программы и добиться получения автономии в пределах иранского государства для Азербайджана» [57].

Немедленно после пленума, начиная с 12 ноября, Азербайджан захлестнула волна митингов и собраний. Для выполнения намеченных планов и с целью не дать развернуться реакционным силам, советские представители предприняли ряд практических шагов. В районах, где Демократическая партия была слаба, для устранения ее политических противников, соблюдая законы конспирации и опираясь на содействие местных активистов, готовили боевые группы. Выполняя решения ЦК ВКП(б), 80 оперативников-чекистов, прошедших спецподготовку, были посланы в Южный Азербайджан [58]. Они тотчас осуществили ряд террористических актов. Были убиты Инглаб Ансари – известный в Миане реакционер, организатор местного филиала партии Сеид Зияедина «Хейрия», сподвижник Махмуд хана Зульфугари в Зенджане Рахума, помещик деревни Накадуз Ахмедага Аллахъяр [59]. Экстренно стали готовить военизированные отряды из местных жителей. Всего было сформировано 30 отрядов общей численностью 3000 человек. Демократическая партия также делегировала несколько тысяч своих активистов. Для вооружения этих отрядов в Южный Азербайджан завезли оружие, бывшее в то время в ходу в Иране: 5000 винтовок «Брно», 500 револьверов, 300 автоматов и пулеметов [60]. Дополнительно в течение ноября доставили 11.500 винтовок, 1000 револьверов, 400 автоматов и пулеметов, 2000 ручных гранат, 2,5 млн. патронов [61].

14 ноября ЦК АДП официально представил иностранным консульствам в Тебризе информацию о зверствах, чинимых иранскими органами власти в Южном Азербайджане. 16 ноября вышел спецвыпуск газеты «Азербайджан», снабженный фактическим материалом и фотографиями, запечатлевшими случаи расправы с мирным населением. 500 экземпляров газеты было отправлено для распространения в советское посольство в Тегеране.

16 ноября замещающий губернатора в Тебризе Гасан Довлетшахи, командующий дивизией генерал Дарахшани, начальник жандармерии полковник Хумаюн дали телеграмму в Тегеран, в которой доложили обстановку в Азербайджане. В тот же вечер правительство собралось на экстренное заседание. Военный министр генерал Риязи доложил, что население Азербайджана вооружается и начинает восстание. В тот же день А.Якубов связался по «ВЧ» с В.Молотовым и доложил, что 16 ноября состоялось обсуждение положения в Азербайджане в присутствии премьер-министра. Военный министр отметил, что советское командование в Иране раздает азербайджанцам оружие и что якобы советские солдаты и вооруженное местное население в Мараге, Серабе, Миане и других местах разоружают иранских жандармов. Генерал Риязи подтвердил, что восстание в Азербайджане началось, и настаивал на принятии решительных мер для его подавления. Он заявил, что азербайджанский вопрос, очевидно, не может быть решен мирным путем, то есть посредством каких-либо переговоров с Советами [62].

Было решено доложить шаху, а затем все же начать переговоры с представителями советского посольства. Депутаты требовали срочно созвать заседание Меджлиса для обсуждения создавшейся ситуации. Бывший премьер Муртаза Баят был спешно назначен новым губернатором Азербайджана. В иранской армии объявили боевую готовность. Кабинет министров поручил военному министру для укрепления ряда гарнизонов послать из Тегерана в Азербайджан два пехотных батальона и одну жандармскую роту.

17 ноября генерал Риязи встретился с военным атташе в Тегеране полковником Разиным. Риязи прямо заявил, что иранское правительство испытывает серьезную тревогу по поводу беззакония, творимого в Азербайджане «подозрительными вооруженными людьми». Военный министр просил советского военного атташе дать разрешение на перемещение одной роты из Резайе в Хой, доставку в Тебриз для третьей пехотной дивизии 24 автомобильных покрышек, патронов, а также разрешить новому генерал-губернатору Тебриза М.Баяту на советском самолете добраться до Тебриза. Одновременно министр передал пожелание правительства Хакими прежде всего урегулировать дружественные отношения Советского Союза с его страной [63]. В тот же

день вечером советский военный атташе и его помощник полковник Иванов были приглашены в военное министерство. На этой встрече с участием и начальника Генштаба иранской армии иранцы заявили, что Советская Армия неоправданно усиливает свое присутствие в северном Иране. Иранская сторона еще настоятельнее просила разрешить отправку в Тебриз двух батальонов пехоты и одной роты жандармов. Был затронут и вопрос вывода советских войск из Ирана в связи с окончанием войны.

В первой половине дня 18 ноября исполняющий обязанности советского посла Ахад Якубов встретился с премьером Хаками, который поднял те же вопросы, что обсуждались в военном министерстве. На что А.Якубов заявил: «Нам не известно о беспорядках в Азербайджане, и отправка туда дополнительных войск должна быть согласована с командованием советских войск в Иране. Слух об усилении советских войск в Северном Иране не соответствует действительности, в настоящее время, согласно постановлению Президиума Верховного Совета СССР, осуществляется демобилизация в армии. Отправка Баята в Тебриз должна быть согласована с советским генеральным консулом. А вопрос вывода советских войск из Ирана находится в компетенции советского правительства» [64].

Тем не менее иранское правительство, не дожидаясь согласия Советов, направило войска в Тебриз, а военному министерству было приказано ввести войска в Азербайджан любой ценой. Однако в Шарафабаде они были остановлены. В связи с напряженной ситуацией, возникшей в Иранском Азербайджане Н.Булганин и А.Антонов 20 ноября писали И.Сталину: «18 ноября военный министр Ирана обратился к нашему военному атташе полковнику Разину с просьбой разрешить пропустить из Тегерана и Тавриз два батальона иранских войск. 19 ноября генерал Дарахшани вторично обратился к генералу Глинскому с просьбой разрешить перебросить отряды силою от одной до двух рот из Тавриза в Марага и Мияне.

В связи с указанными событиями в Иране тов. Масленников дал следующие указания командующему нашей 4-й армией в Иране:

1. Ни в коем случае не вмешиваться в дела демократической партии, не давая повода к выпадам против советских войск.
2. Избегать провокаций, могущих повлечь за собой вооруженное столкновение.
3. Военных и гражданских представителей Ирана при обращении к нашим военным властям принимать, выслушивать, но никаких объяснений происходящих событий не давать, заявляя, что «Вашу информацию и просьбу доведем до вышестоящего начальства».

4. Гарнизон районов, где происходят события, держать в полной боевой готовности и применять решительные действия лишь тогда, когда со стороны иранских войск последует нападение.

5. Никаких разрешений на переброску иранских войск, жандармов и полицейских не давать.

Мы считаем, что распоряжения, отданные тов. Масленниковым, правильны, за исключением запрещения передвижения иранских войск. Если мы не вмешиваемся во внутренние дела Ирана, то, по нашему мнению, не следует также препятствовать переброске иранских войск по просьбам иранского военного командования» [65].

После получения руководящего указания от И.Сталина, приказ начальника Генштаба генерала армии Алексея Антонова был категоричен: «Не препятствовать движению иранских войск, изначально находившихся в нашей зоне. Пресекать любые попытки иранских властей вводить в нашу зону дополнительные войска, на все подобные обращения ожидать ответ Генерального штаба Красной Армии. О всех попытках иранских войск войти в нашу зону немедленно извещать Генштаб Советской Армии» [66].

Развернувшаяся в тегеранской прессе антисоветская кампания, оскорбительные реплики в адрес И.Сталина и других советских руководителей всерьез разозлили Кремль. 14 ноября 1945 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное решение в отношении выходящей в Тегеране газеты «Садае Иран». В нем отмечалось, что в последнее время усилилась враждебная агитация против Советского Союза, причем по своему характеру она ничем не отличается от фашистской пропаганды. Опубликованная 5 ноября в газете «Садае Иран» статья – наглядный тому пример. Регулярно публикуемые на страницах тегеранских газет клеветнические материалы на руководство СССР приняли систематический характер, что крайне возмутительно. Советский Союз ожидает, что иранское правительство примет необходимые меры в отношении этой газеты. Текст решения был доведен до сведения иранского посла М.Ахи и через временного поверенного в делах А.Якубова доставлен министру иностранных дел Ирана [67]. Этот документ Политбюро придавал уверенности и еще более ожесточил командование Советской Армии и дипломатические учреждения по отношению к к Ирану.

17 ноября замещающий генерал-губернатора Гасан Довлетшахи обратился к руководству Демократической партии с пожеланием встретиться с ЦК партии. Встретившись с Пишевари, Шабустари и Рафии, Довлетшахи пытался выяснить отношении ЦК ДП к факту появления вооруженных отрядов в селах. Ему заявили, что создает эти отряды не партия, отряды возникли в ответ на беспредельную жестокость реакционных сил. К тому же Демократическая партия неоднократно

заявляла о недопустимости столь свирепого обращения с населением, но полиция и жандармерия на это не реагировала.

Все больший интерес к событиям в Иранском Азербайджане стали проявлять англичане. Заметно возросло число визитов британских дипломатов и военных в этот регион. Представители различных политических кругов и военные участвовали в мероприятиях Демократической партии, попутно собирая сведения о ее лидерах. Еще 14 ноября командующий британской армией в Иране и Ираке генерал Сейван прибыл в Казвин. На переговорах с участием командующего 4-й армией генерала Советникова и члена военсовета советских войск в Иране генерала Руссова присутствовали с британской стороны генерал Сейван, офицер разведслужбы Ягубхан и другие. Казвинский вояж британской военной миссии носил явно разведывательный характер. В самом начале азербайджанских событий посол Буллард встретился с Хакими и посоветовал ему предпринять радикальные шаги с целью отвлечь внимание народа от идеи автономизации. А иранскому правительству он рекомендовал провести ряд реформ и тем самым стабилизировать обстановку. Буллард считал, что, по примеру Египта, стоит провести раздел земель и с этой целью послать в Азербайджан правительственную комиссию.

17 ноября МИД Ирана вручил советскому посольству ноту, протестуя против того, что советские представители на местах вмешиваются в дела правительственных органов, опекают ряд курдских племен и отдельных курдских политических деятелей, вмешиваются во внутриэкономическую жизнь иранских граждан, а советская сторона стремится к одностороннему преимуществу на советско-иранских границах, и советские органы вмешиваются даже в дела иранского суда [68].

В этой ноте, врученной А.Якубову, также упоминалась деятельность различных политических групп на севере Ирана, подчеркивалось, что к событиям в Миане и Мараге прослеживается причастность Демократической партии. Иранская сторона напоминала, что все это противоречит трехстороннему договору 1942 года. В то же время Иран настаивал на своем праве посылать дополнительные войска на север Ирана.

Незамедлительно пришел ответ из Москвы. Текст ответной ноты был одобрен В.Молотовым [69]. В послании, в частности, говорилось: «Считая необходимым избежать каких-либо нежелательных как для иранского правительства, так и для советского правительства осложнений, связанных с вводом новых иранских войск в северные районы Ирана, советское правительство находит нецелесообразным осуществление этого мероприятия в настоящее время. Следует учесть, что если в эти районы будут введены новые иранские войска, кроме уже находящихся там

регулярных иранских воинских частей и жандармерии, то это вызовет в Северном Иране беспорядки и, может быть, кровопролитие, в связи с чем советское правительство будет вынуждено ввести в Иран свои дополнительные войска в целях охраны порядка и обеспечения безопасности советских гарнизонов. Между тем советское правительство считает дополнительный ввод советских войск в Иран нежелательным и в связи с этим находит нецелесообразным в настоящее время ввод дополнительных иранских войск в северные провинции Ирана» [70].

В советской ноте отрицалась правомерность всех претензий иранского МИДа по поводу деятельности советских органов в стране: «...События в северных провинциях Ирана, связанные с деятельностью политических партий, являются, разумеется, внутренним делом Ирана. Советские представители и советские военные власти не вмешивались и не вмешиваются во внутривнутриполитическую жизнь северных провинций. Поэтому советское посольство решительно отвергает попытки переложить ответственность за эти события с иранских органов на «советских военных работников», которые не имеют никакого отношения к этим событиям».

Решительный ответ СССР поставил иранское правительство в безвыходное положение.

Несмотря на все угрозы Тегерана, до 19 ноября на организованных 180 митингах и собраниях состоялись выборы в Азербайджанский народный конгресс. Тегеран был в полном смятении, а Тебриз на пороге открытия Народного конгресса...

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДНОГО КОНГРЕССА

Начиная с ноября 1945 г. М.Дж.Багиров почти ежедневно отправлял донесения в Москву – Сталину, Молотову, Берия и Маленкову. Основу их составляли отчеты сотрудников советских политических, дипломатических, военных учреждений и органов государственной безопасности в Тебризе и других городах Азербайджана. Как правило, эти документы были подготовлены исполняющим обязанности советского посла в Тегеране А.Якубовым, комиссаром азербайджанской государственной безопасности С.Емельяновым, тебризской «тройкой» из Советского Азербайджана (М.Ибрагимов, Г.Гасанов, А.Атакишиев), генеральным консулом в Тебризе А.Красных, вице-консулом Н.Кулиевым, командующим Советской Армией в Иране генералом Глинским, членом военного совета генералом Руссовым и другими. 19 ноября кремлевскому руководству было доложено об окончании начавшихся 12 ноября манифестаций, способствовавших дальнейшему революционному подъему. Об этом свидетельствовала и прокатившаяся затем в середине ноября волна демонстраций в Тебризе, Мараге, Миане, Сарабе, Ардебиле, Астаре и других местах. В Тебризе более 20 тысяч, в Ахаре – 15 тысяч, в Резайе – 5 тысяч, в Хое – 2 тысячи, Шапуре – 3 тысячи, Мараге – более 2 тысяч, Маранде – более 2 тысяч человек приняли участие в митингах. Более 150 тысяч человек подписались под петицией с требованием предоставить Азербайджану право создать выборный орган национального самоуправления.

Наиболее представительным был митинг, проведенный 18 ноября в Тебризе. До его начала Шабустари и Рафии отправились к резиденции губернатора («Ала гапы») и потребовали от государственных органов, чтобы те обеспечили безопасность митингующих. Командующий Тебризской дивизией генерал Дарахшани заявил: «Армия – слуга государства. Будут у власти демократы, армия будет служить демократам.

Будут у власти какие-либо другие группировки, армия будет служить им. Армия вне политики» [1]. В тот же час было дано распоряжение убрать воинские патрульные посты и усилить полицейские посты для соблюдения порядка. Первые успехи отрядов федаинов уже дали свои плоды. Чиновники и генералы вроде Дарахшани, Хумаюна, Довлетшахи, Варахрама, ранее не желавшие даже здороваться с лидерами Демократической партии, теперь стали заискивать перед ними. Однако бакинская «тройка» предупредила Пишевари, Шабустари и Падегана, чтобы всю эту внешнюю вежливость не принимали за чистую монету и еще более укрепили свои ряды и повысили бдительность, а также не забывали, «что только сильное народное движение может привести к желаемым результатам» [2].

Выступления отрядов федаинов не на шутку встревожили большую часть помещиков и купцов. 18 ноября известные богачи Садегиани и Мусеви явились в ЦК Демократической партии и выразили обеспокоенность тем, что в Тебризе начнутся выступления федаинов и ликвидируют частную собственность. Но им ответили, что Демократическая партия перед собой таких задач не ставит, они могут спокойно жить и работать, не бояться за свою жизнь и свою собственность. Во время разговора с представителями партии Мусеви пытался пустить в ход лесть: «Вы такие хорошие люди. Скажите мне, что вы хотите. Всего я для вас добьюсь. Хотите энджуменов? Я добьюсь разрешения на них в течение 3-5 дней. Зачем же эти отряды федаинов?» [3]. Ему ответили, что отряды федаинов возникают не по указанию АДП, а в ответ на провокационные и бесчеловечные происки реакционеров.

Несмотря на сильный дождь и ветер, на митинге в Тебризе 18 ноября собралось более 20 тысяч человек. Митинг состоялся на площади напротив здания городской управы. К собравшимся обратились Пишевари, Бирия и Ильхами. Овациями были встречены слова Мухаммеда Бирии, обращенные к солдатам, жандармам и полиции: «Солдаты, жандармы и полицейские! Вы являетесь сыновьями нашего народа, нашими родными братьями. Вы знаете, что мы боремся за неотъемлемые права нашего народа, за достойную и свободную жизнь для него. Не слушайте отдельных продажных лиц, не поднимайте ваших рук на свой народ. Знайте, мы вас не боимся, и если вы это сделаете, мы затопим вас морем нашей крови!» [4].

События 17-18 ноября испугали мелких торговцев и некоторую часть населения. Цена на батман хлеба поднялась вдвое. Однако Бирия через профсоюзы сумел договориться с хлеботорговцами, успокоить их, и стоимость хлеба снизилась до прежней цены.

19 ноября на стенах домов в Тебризе появилось обращение генерала Дарахшани, в котором говорилось: «Согласно высочайшему

распоряжению его величества шахиншаха поддержание общественного спокойствия и безопасности в Азербайджане возложено на меня. Вся жандармерия и полиция отданы под мое непосредственное командование. Соответствующие распоряжения уже изданы по военному ведомству. За последнее время в результате деятельности некоторых провокаторских элементов в Миане, Сарабе, Аджабшире, а также в результате слухов и домыслов вокруг событий в городе Тебризе, население охватило беспокойство. Напоминаю, что в целях преследования и ареста всякого рода мятежников и подстрекателей и передачи их в руки правосудия и особенно в целях восстановления спокойствия в Тебризе предпринят ряд серьезных мер, изданы соответствующие приказы и распоряжения и сделаны предупредительные шаги. Мы убедительно просим уважаемое население города Тебриза не поддаваться панике и спокойно заниматься своими повседневными делами. Моя дивизия примет меры для обеспечения общественного спокойствия» [5]. В тот же день генерал-лейтенант Глинский разрешил Дарахшани направить регулярные части в количестве 200 человек для ликвидации отряда федаинов, действующего в районе Миане. В связи с этим бакинская «тройка» писала М.Дж.Багирову: «Нам кажется, что после того как удачно прошли первые выступления отрядов федаинов, нельзя надеяться на стихийность и замедлять темпы создания новых отрядов. Вообще ликвидация, где бы то ни было, только что появившихся отрядов федаинов может очень плохо отразиться на дальнейшем развитии событий. Поэтому просим ваших указаний о немедленной доставке специальным поездом не менее 10 тысяч винтовок и других боеприпасов в Тебриз» [6].

Во второй декаде ноября большинство из 687 представителей, избранных на народных собраниях, несмотря на неблагоприятные погодные условия и отсутствие транспорта, добрались до Тебриза. 20 ноября в 10 часов утра в здании театра «Шир-Хуршид» начал работу Азербайджанский национальный конгресс. В его работе участвовали 646 делегатов, 37 гостей и представителей прессы. Практически все слои населения Иранского Азербайджана были представлены на этом собрании. Зал был украшен портретами Саттархана, Багирхана, Шейха Мухаммеда Хиябани, Гейдара Амиоглу. Первыми на сцену вышли брат Саттархана, старый демократ Гаджи Азим хан и председатель Демократической партии Сеид Джафар Пишевари. Гаджи Азим хан как самый старший из участников демократического движения начала века открыл первое заседание Азербайджанского народного конгресса. По предложению Чавуши был избран президиум Конгресса из 17 человек, в который вошли Пишевари, Рафии, Шабустари, Джавид, Бирия, Гиями, Гаджи Азим хан и другие. На первом заседании были зачитаны многочисленные поздравления со всех уголков Азербайджана.

Все выступавшие призывали Конгресс провозгласить автономию Иранского Азербайджана. Делегат из Зенджана Висуг сказал: «Наша иранская Конституция была создана ценою крови азербайджанского народа, его же усилиями она должна быть восстановлена. Я заявляю от имени населения Зенджана, что мы готовы до последней капли крови бороться за это народное дело» [7]. Делегат Ездани, поздравив народное собрание от имени населения Хойской области, рассказал об одной старушке, которая просила передать Пишевари связанные ею шерстяные носки, чтобы он, согреваясь их теплом, мог скорее покончить с насилием и грабежами жандармерии и полиции в деревнях. Принимая подарок, Пишевари сказал, обращаясь к делегатам: «Прислушайтесь к голосу истомленной и измученной матери, ищущей спасение в подвигах своих сыновей. Мы сохраним эти джорабы (носки – Дж.Г.) в нашем национальном музее как свидетельство нашей преданности завету матерей» [8]. Эти слова Пишевари были встречены бурей аплодисментов.

Первое заседание всенародного собрания прошло с небывалым подъемом. После трехчасового перерыва состоялось второе заседание под председательством Шабустари. С докладом «О текущем положении» выступил Пишевари. Его речь содержала подробный и глубокий анализ современной ситуации в Иране и, в частности, в Азербайджане. Анализируя действия реакции, установившейся в Иране после Первой мировой войны, Пишевари заявил: «Тегеранские реакционеры вели особую политику в отношении Азербайджана. Они нарушили единство азербайджанской территории, распределив ее между несколькими останами. Они старались ликвидировать родной язык азербайджанцев и подвергали их при этом бесчисленным издевательствам и пыткам» [9].

Далее, остановившись на законных требованиях азербайджанского народа, Пишевари сказал: «Мы создадим национальное правительство в Азербайджане, мы добьемся для народа условий нормальной жизни. Нашу программу мы объявим для всенародного обсуждения, все что будет одобрено – проведем в жизнь, а что будет отвергнуто, – вычеркнем из нашей программы». Сущность идеи национальной автономии Пишевари объяснял так: «Мы добьемся автономии для Азербайджана и будем стремиться не прибегать при этом к оружию и силе, и когда мы завоюем автономию для Азербайджана, мы приступим к его благоустройству, восстановим разрушенные города и села, откроем школы и высшие учебные заведения. Азербайджанское Национальное правительство справедливо разрешит споры между крестьянами и землевладельцами, мы станем примером для всего Ирана» [10].

За несколько минут до окончания доклада Пишевари в зале неожиданно погас свет. Это дало повод для заключительной реплики

Пишевари: «Пусть все знают, что сколько бы нас ни держали во тьме, мы найдем свою дорогу, ибо она освещена огнем наших сердец».

21 ноября, на третьем заседании, которое проходило под председательством Рафии, начались прения по докладу Пишевари. Выступили 20 человек, и все они поддержали главные тезисы доклада. Ораторы возмущались дезинформацией, запускаемой Лондонским радио и зарубежной прессой. Председательствующий на последнем заседании Пишевари сообщил Конгрессу, что тегеранское правительство, вместо того чтобы прислушиваться к голосу азербайджанского народа, обратилось к иностранным государствам, чтобы они оказали ему помощь в разрешении азербайджанского вопроса, а потому он считает: «Наше собрание должно заявить, что азербайджанский вопрос должен решаться здесь, в Тебризе. Судьбой Азербайджана не могут распоряжаться в Лондоне или в Турции. Наша судьба может решаться только в самом Азербайджане, только на нашем Народном собрании» [11].

Некоторые делегаты предлагали, чтобы Народный конгресс объявил себя учредительным собранием. Публицист Халил Насири в своем выступлении отметил, что данный Конгресс ничем не отличается от учредительного съезда, его делегаты представляют пятимиллионное население Азербайджана. Есть все основания объявить Народный конгресс учредительным съездом и, разработав основы национальной автономии, решить вопрос о выборах в Милли Меджлис. Это предложение было одобрено делегатами. В комиссию по подготовке резолюций были избраны Пишевари, Шабустари, Гиями, Падеган и Ибрагими.

На четвертом своем заседании Народное собрание единогласно приняло «Постановление учредительного съезда», «Декларацию к иранскому шаху, Меджлису и иранскому правительству», «Обращение к народу», «Положение о выборах в национальный парламент» (Милли Меджлис). До завершения выборов в Милли Меджлис и формирования народного правительства был избран Национальный комитет из 39 человек [12].

21 ноября состоялось заседание Национального комитета, избравшее президиум в составе: Шабустари – председатель, Рафии, Бирия, Ильхами – заместители. Был утвержден состав избирательной комиссии в количестве 19 человек под председательством Гиями и принято решение о проведении выборов в азербайджанский парламент. В отличие от иранского Меджлиса для достижения большей демократичности было увеличено число избирательных пунктов. В различных городах были образованы самостоятельные избирательные округа. Срок проведения выборов сократили до 5 дней. Впервые в Иране женщины получили право голоса. К выборам допускались граждане, достигшие 20 лет и живущие в

Азербайджане. Граждане от 27 до 80 лет, умеющие говорить и писать на азербайджанском языке, получили право быть избранными [13].

В течение двух дней после окончания работы Конгресса его решения и резолюции, декларации и обращения были обнародованы. По докладу Пишевари «О текущем положении» Конгресс принял резолюцию из 14 пунктов, в которой указывалось: «В то время как самоотверженными усилиями великих демократических стран навеки сокрушены силы тирании, насилия и расизма и для всех народов оказалось возможным добиться самоуправления и права распоряжаться своей судьбой, азербайджанский народ, выступая как единая нация, хочет собственными силами добиться своих законных исторических прав. Желая предупредить всякую попытку заведомо неправильного истолкования его истинных целей, азербайджанский народ провозглашает, что, становясь хозяином своей судьбы, он не имеет намерения отделиться от Ирана и считает своим долгом сохранить братские связи с другими народами Ирана». Далее в резолюции отмечалось, что, будучи верным принципам Конституции, азербайджанский народ для ведения внутренних дел и в целях обеспечения национальной автономии расширяет структуру областных энджуменов, преобразуя ее в национальный Меджлис и, ни в коей мере не нарушая целостность и независимость Ирана, создает свое Национальное правительство. Поэтому Национальное собрание под руководством АДП решило приступить к немедленным выборам в национальный Меджлис. «Учредительный меджлис считает необходимым немедленное образование национального правительства для непосредственного управления внутренними делами провинции».

Национальное собрание поручало Национальному комитету обеспечить во всех государственных и национальных школах обязательное обучение на азербайджанском языке и принять серьезные меры против реакционных выступлений и предательских действий всех, кто станет чинить препятствия выполнению этой национальной задачи.

Национальное собрание не намерено распускать полицейские, жандармские и армейские организации. Однако если со стороны их руководителей последуют враждебные акты, Национальному комитету предоставляется право принять самые решительные меры для пресечения этих действий [14].

Одним из важнейших документов Народного конгресса была «Декларация», опубликованная 23 ноября в газете «Азербайджан» и адресованная Мухаммед Реза шаху, председателю иранского Меджлиса Мухаммед Садыху Таба-Табаи, премьеру Ибрагиму Хаками. Этот документ аккумулировал в себе все требования азербайджанского народа к иранскому правительству. Декларация гласила:

1. Азербайджанский народ обладает своими национальными особенностями, языком, обычаями и правами, обусловленными историческим развитием. Эти особенности дают ему право, не нарушая независимости и целостности Ирана, считать себя, подобно всем другим нациям мира, свободным и правомочным определить свою судьбу на основе принципов Атлантической хартии.

2. Целя культурные, экономические и политические связи азербайджанского народа с прочими областями и губерниями Ирана, но при этом сознавая заслуги этого народа в создании нынешнего иранского государства, Народное собрание восстановлением своих законных прав на национальную автономию ни в какой степени не стремится к сепаратизму, нарушению территориальной целостности Ирана.

3. Азербайджанский народ является решительным сторонником демократического строя, узаконенного Конституцией Ирана. Подобно всем областям и губерниям Ирана, азербайджанская нация также пошлет своих представителей в иранский Меджлис и будет отчислять справедливые налоги.

4. Азербайджанский народ официально и во всеуслышание объявляет, что наравне с другими жизнеспособными нациями мира он имеет право на создание своего национального правительства и способен, не посягая на независимость и целостность Ирана, управлять своими внутренними делами при помощи национального демократического правительства.

5. Азербайджанский народ, вложивший много труда и принесший большие жертвы во имя свободы и демократии, выражает желание учредить свое автономное правительство на подлинно демократической основе. Поэтому он хочет избрать на основе одобренного Национальным собранием положения о выборах свой Национальный Меджлис, с тем чтобы собственное национальное правительство Азербайджана было образовано из числа депутатов этого Меджлиса и несло ответственность перед ним.

6. Для азербайджанского народа особенное значение имеет его родной национальный язык. Навязывание чужого языка послужило причиной отставания азербайджанского народа от каравана общечеловеческой культуры и прогресса и закрыло пути для национального просвещения. Для устранения этой исторической несправедливости и создания всех необходимых для развития Азербайджана условий Национальное собрание поручает Национальному комитету в ближайшее время ввести азербайджанский язык во всех государственных учреждениях и начать обучение на этом языке во всех учебных заведениях.

7. Национальное собрание в составе 700 депутатов по воле азербайджанской нации и на основе требований, скрепленных личными подписями 150 тысяч человек, объявляет себя учредительным собранием и

избирает для управления внутренними делами Азербайджана Национальный совет в составе 39 человек, которому предоставляет право принять все меры, необходимые для проведения в жизнь национальных требований народа, вести переговоры с правомочными органами и одновременно организовать выборы в Азербайджанский Национальный Меджлис, а также в общеиранский Меджлис [15].

Обращаясь к иранскому правительству и великим демократическим державам мира, Национальное собрание заявило, что для осуществления этих требований оно будет пользоваться исключительно средствами пропаганды и агитации и не допустит внутренних распрей и пролития братской крови. Но если центральное правительство попытается поправить законные права азербайджанского народа силой оружия, насилия и репрессий, азербайджанский народ будет вынужден любой ценой защитить свое право и продолжать борьбу за свою национальную автономию пока останется жив хоть один азербайджанец.

Документ завершался словами: «Мы преисполнены желанием довести до сведения всего демократического мира, что существует на земле нация, которая исполнена решимости всеми силами защищать свои права, что в одном из уголков Азии эта нация подняла знамя демократии во имя своего освобождения» [16].

Текст Обращения был доставлен в советское посольство в Тегеране. По каким-то соображениям начальник управления МИД СССР М.Силин отдал по телеграфу распоряжение А.Якубову, чтобы документ не публиковался в печати. Однако Багиров, заручившись по телефону разрешением Сталина, дал команду Якубову опубликовать Обращение в газетах. Текст Обращения и другие документы Национального конгресса, а также документы, связанные с выборами в азербайджанский Милли Меджлис, были переведены в Баку на русский язык и направлены кремлевскому руководству – Сталину, Молотову, Берия и Маленкову. В последней декаде ноября М.Дж.Багиров и И.Масленников ежедневно телеграммами информировали советское руководство о ходе процессов в Иранском Азербайджане. 29 ноября они писали: «В городе Тавризе состоялось нелегальное собрание крупной городской знати, где присутствовал духовный деятель Тавриза Сегат-Оль-Ислам и командир иранской дивизии генерал Дарахшани. На собрании принято предложение Дарахшани, обязывающее городскую знать немедленно получить оружие и быть готовыми к разгрому демократов в случае их выступления. Сегат-Оль-Ислам сообщил, что некоторое количество оружия он уже получил. Генерал Дарахшани в своем выступлении заявил: «Если русские вооружают народ и помогают демократической партии, то нам в борьбе с ними помогут Англия и Америка» [17].

И тут представляется уместным сказать несколько слов о книге Серго Берия «Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти». Автор вкупе с переводчиком Н.М.Стамбуляном в своих мемуарах навспоминал кучу нелепостей, неуклюже путая семейные коридоры с коридорами власти. Чего стоит, например, такой перл: «Позднее отец вспомнил о том, что первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Багиров мечтал о создании великого Азербайджана. И для этого он делал все возможное, чтобы помочь Пишевари, ссылаясь на то, что он якобы выполняет указания Сталина» [18]. Позвольте спросить, когда это «позднее»? Кому в этой стране было позволено подменять указания Сталина? А Берия куда смотрел? Как можно было о такой важной политической концепции секретаря ЦК «вспомнить позднее»? Далее Серго Берия «вспоминает» еще более интересные вещи: «Помню, как отец гневно распекал Багирова: «Ты действуешь, как последний кретин. Для того, чтобы получить крошечную территорию, ты делаешь из Ирана нашего врага на целые века. Ты бы лучше подумал о присоединении Азербайджана к Ирану!» [19]. Если следовать логике Берия-сына, то можно прийти к выводу, что «кретинизм» Багирова заключается в том, что он, как и Сталин, старался собирать земли, объединять народы. А вот Лаврентий Павлович эти самые земли хотел, от широты душевной, раздаривать. И если Берия действительно считал наполненную нефтью землю Южного Азербайджана «крошечной территорией», то возникают большие сомнения в его способностях как государственного деятеля.

А вот воспоминание очевидца. Работавший в те дни в должности секретаря ЦК Компартии Азербайджана М.Г.Сеидов пишет: «В один из осенних дней 1945 года в приемной Сталина М.Дж.Багирову встретились два члена Политбюро – А.Микоян и Л.Берия. Они оба уверяли, что вопрос с Южным Азербайджаном уже решен и скоро территория Азербайджанской ССР значительно расширится. Возможно, в шутку, а может, и всерьез, оба выразили надежду, что, возможно, теперь Багиров будет более щедрым и согласится передать Нагорный Карабах Армении и несколько районов на севере республики (Балакен, Загатала и др.) – Грузии [20].

Так где же настоящий Берия: в жизни или в «воспоминаниях» Серго? К счастью, наши сомнения рассеивает французская исследовательница Франсуаза Том – автор предисловия к французскому изданию книги С.Берия. Она, в частности, пишет: «Однако фактический материал, представленный в этих мемуарах, следует принимать с большой осторожностью. Серго Берия вырос в атмосфере лжи, и чем невыносимее была правда, тем изощреннее была ложь... К этому факту добавлялось служебное положение его «страшного» отца, о чьей деятельности почти не говорили в семье... С раннего детства оказавшись в атмосфере лицемерия,

молодой Серго отгородился от всего, что происходило вокруг него...» [21]. Что ж, с такой характеристикой ему только и пристало писать «мемуары» и вспоминать, что еще «вспоминал» отец о развитии международных отношений.

Однако, объективности ради, можно согласиться со следующей сентенцией С.Берия: «Турецкая, как и иранская, политика Советского Союза определялась единолично Сталиным. Молотов выполнял его приказы, не заставляя себя долго упрашивать и приходя в восторг от перспективы советской экспансии к теплым морям. Жданова и остальных Средний Восток не интересовал. Они просто присвоили себе идею министра иностранных дел Временного правительства Милукова, согласно которой Россия должна простираться до черноморских проливов. Любая имперская великорусская стратегия сразу же получала их поддержку» [22].

Как только события в Иранском Азербайджане приняли серьезный оборот, советских руководителей стала особо заботить проблема контроля над Пишевари и его соратниками. Это было небесспорно, он все чаще проявлял непокорность. По ряду вопросов Пишевари имел собственное мнение, и оно далеко не всегда соответствовало позиции руководителей СССР. Советские спецслужбы располагали информацией, что Пишевари считает политически бесперспективной идею обретения Азербайджаном национальной автономии в составе Ирана. Он мечтал о создании Азербайджанской народно-демократической республики под эгидой СССР, по типу Монголии, с дальнейшим воссоединением всего Азербайджана. А вот историк Ф.Шейд из Йельского университета приходит к выводу, что «главным интересом Багирова в Иране была не нефть; это было единение Азербайджана под советским управлением» [23]. Так что Пишевари и Багиров были в целом единодушны.

Однако до поры эта идея Пишевари не была озвучена и события развивались по советской программе. Для усиления контроля над азербайджанским народным лидером Москва разрешила его сыну Дариушу Джавадзаде учиться в Баку. Так как Дариуш был несовершеннолетним, было решено поселить его в семье дяди – капитана медицинской службы Мир Халила Джавадзаде, проживающего в Баку. Дяде выделили трехкомнатную квартиру в 63 кв. метра по ул. Фабрициуса, 24. Одна из комнат предназначалась для сына Пишевари [24].

23 ноября Национальный комитет издал указ о начале выборов в азербайджанский Милли Меджлис 27 ноября и завершении их в пятидневный срок. Открытие первого заседания парламента планировалось на 5 или 6 декабря. Необходимые документы и специально отобранные люди были направлены по участкам. Всюду были созданы окружные избиркомы, объявлены имена кандидатов в депутаты. Однако из

Москвы пришло указание приостановить выборы. Понимая, что это обстоятельство нанесет большой урон зарождающемуся движению, Багиров срочно связался с Москвой и сумел отстоять свое мнение: «Приостановление выборов сильно ударит по престижу партии. Считая неудобным приостановить выборы, я дал им согласие, но предупредил, чтобы работу парламента не начинали до получения вашего указания» [25].

До начала выборов федаины, все еще называемые в советских документах партизанами, добились немалых успехов. 17 ноября Намин, 23-го – Зенджан, 26-го – Герми, 27-го – Астара и Биласувар были очищены от правительственных войск, жандармов и полиции. Весь Тебриз был уже под контролем Демократической партии. Правительственные силы в городах и селах Азербайджана, как правило, сопротивления не оказывали. В своем отчете Кремлю Багиров писал: «На деятельности партизан отражается начавшаяся холодная погода и снегопад. Партизаны нуждаются в теплой одежде и деньгах. Вынуждены материально кое-чем их поддержать... Партизаны начали практику посылки предложений жандармским постам сложить оружие и разойтись по домам. В некоторых местах эта практика приносит успех... Генерал-губернатор города Ардебилля оставил город и выехал в сторону Тегерана. Ардебиль окружен партизанами. Среди офицерского состава Ардебильского гарнизона царит паника» [26].

Английский консул в Тебризе Уолл пожаловался генералу Дарахшани на отсутствие возможности своевременно посылать информацию о положении в Азербайджане в посольство в Тегеране, а посему лондонское радио, используя его информацию, передает неточные сведения об Азербайджане. Консул выразил мнение, что иранские власти реально ничего против вооруженного народа сделать не смогут, и посоветовал генералу обратиться за помощью в советское консульство. Поскольку, мол, эти события происходят в зоне советского присутствия, то русские и ответственны за порядок там. Дарахшани заметил, что к Уоллу хотя бы обратиться за помощью видные представители Тебриза, но Уолл отсоветовал это делать, заявив, что ничем им помочь не может.

А иракский консул в открытую во всех грехах винил Советский Союз, заявляя: «Русские затевают новую войну и хотят вновь ввергнуть в бедствие весь мир». Консул обвинял и Черчилля, который якобы не дал возможности немцам разгромить Россию, и теперь англичане и другие государства должны опасаться новой агрессии русских [27].

Не отставая от других дипломатов, американский консул в Тебризе Эбелинг в беседе с Дарахшани также заявил, что в иранской Конституции не предусмотрены требования, выставляемые Демократической партией. И если Азербайджан, не считаясь с Конституцией, желает добиться своих

национальных прав, то это нужно осуществить путем переговоров с Тегераном, а не путем насилия. Эбелинг заметил, что после детального изучения положения в Азербайджане он свое мнение сообщит в Вашингтон. 24 ноября по радию иранской дивизии на имя Эбелинга из американского посольства поступила телеграмма, в которой сообщалось, что событиями в Азербайджане очень интересуется американская общественность, и поэтому посольство срочно требует информацию о положении в Тебризе [28].

В день начала выборов в Азербайджане военный атташе американского посольства майор Гарвер на самолете «Б-25-У» прилетел в Тебриз, а его заместитель капитан Гагарин на автомобиле прибыл в Казвин. По указанию В.Молотова советский консул в Тегеране Качалов выдал им пропуски. Гарвер встретился с генерал-лейтенантом Глинским и обсудил с ним общие вопросы. Кроме того, военный атташе встретился с генералом Дарахшани, начальником штаба дивизии Варахрамом и начальником жандармерии Хумаюном. В беседах с ним его интересовали в основном три вопроса:

1. Откуда партизаны получают оружие и правда ли, что их вооружают русские?
2. Какая связь между ЦК Демократической партии и партизанским движением?
3. Правда ли, что 10 тысяч переодетых советских граждан, направленных из СССР, примкнули к партизанам?

Информация, полученная Гарвером, оказалась маловразумительной. Во-первых, ему сказали, что слухи о вооружении партизан русскими есть, но доказательств нет. Во-вторых, было отмечено, что газета «Азербайджан» сочувственно относится к партизанскому движению, но фактов, свидетельствующих о связи ЦК АДП с партизанами, нет. На третий вопрос Дарахшани ответил, что его аппаратом подобных слухов не зафиксировано. Американского атташе интересовало, почему демократы для осуществления своих задач прибегают к вооруженному столкновению, а не ведут переговоры с Тегераном. У официальных лиц в Тебризе на это не было ответа.

Багиров в своем отчете Сталину связывал повышенный интерес англо-американцев к партизанскому движению и источнику их вооружения с подготовкой какой-то крупной провокации против Советского Союза.

После майора Гарвера и капитан Гагарин приехал из Казвина в Тебриз и имел беседу с епископом Мелик-Тангияном, интересовался у него развернувшимся демократическим движением и положением в Азербайджане. Гагарин также выспрашивал у епископа, откуда крестьяне получают оружие, нападут ли русские на Турцию и какую работу в этом направлении русские ведут. Особо интересовался, поедут ли армяне в

Карс, Ардаган, Ван, Саракамыш, если эти области будут возвращены Советской Армении. Решение советского правительства разрешить зарубежным армянам переселиться в Советский Союз вызвало шумную реакцию в Тебризе. Армяне провели митинги и выразили маршалу Сталину свою благодарность.

После Гагарина с епископом Мелик-Тангияном имел встречу секретарь американского консульства в Тебризе Мейва Априк, который объяснил свой визит тем, что «американцы приезжали специально для изучения положения в Азербайджане, так как американское правительство требует точной, правильной и убедительной информации о событиях в Азербайджане, не доверяясь в этом иранцам и циркулирующим в Тегеране слухам...» В самом Тегеране повсюду вопят, что якобы демократы в Азербайджане арестовали всех купцов и помещиков и это стало, главным образом, причиной приезда американцев в Тебриз. Однако при проверке на месте оказалось, что все это ложные слухи. В ближайшее время ожидается приезд в Тебриз также и самого американского посла [29].

Весьма вероятно, что приказ Москвы приостановить назначенные на 27 ноября выборы в Милли Меджлис, был вызван проявлением повышенного интереса к ним США и Англии.

Английский военный атташе в Тегеране Пайбус совместно с начальником Генштаба иранской армии Арфой активно участвовал в подготовке акций против Азербайджана. Поскольку иранская пехота не допускалась в пределы Азербайджана, командующий авиацией генерал Хосровани подготовил 15 военных самолетов для подавления сепаратистского движения. В случае если самолетам не удастся сесть в Тебризе, им предписывалось сбросить 80 боевых и 100 холостых бомб на город и приземлиться в Мериванде [30]. Тудеисты, служившие в иранских воздушных войсках, узнали об этом плане и сообщили советским спецслужбам. В операции должен был участвовать народник Бахманния, который обещал помешать осуществлению этой акции. Поступила также информация, что военный министр генерал Риязи для осуществления карательных акций собирается направить в Тебриз генерала Ахмеди.

Последнюю декаду ноября Тегеран провел в большой тревоге. Азербайджанские события испугали членов Меджлиса. В эти дни депутаты собирались в парламенте и, не дожидаясь официальных заседаний, обсуждали ситуацию в Азербайджане и действия правительства. Ряд парламентариев критиковал ужесточившуюся политику руководства страны и предлагал решать азербайджанский вопрос мирным путем. 18 ноября доктор Шафаг, а 20-го – Фарман Фарманиан и Сеид Зияеддин выступили с пространными речами. Шафаг отметил, что некоторых из основателей АДП он знает лично и считает, что они патриоты и не будут выступать против своей страны. «Однако других я не знаю, не понятно,

откуда они появились и чего хотят. Эти песни, которые они поют, направлены против интересов страны» [31]. Он соглашался с тем, что по ряду проблем азербайджанцы правомерно недовольны правительством, но, по его мнению, эти проблемы существуют и в других районах страны. Борьба с имеющимися недостатками не должна наносить ущерб интересам страны. Доктор Шафаг подчеркнул тесную связь азербайджанского вопроса с советско-иранскими отношениями, в частности, он сказал: «Мы должны поддерживать дружественные отношения с Советской Россией, сотрудничать в политической, экономической, культурной областях. Уже несколько месяцев в Иране нет советского посла, многие вопросы остались нерешенными. Может быть, есть необходимость послать в Россию делегацию во главе с премьер-министром... Почему мы стремимся трактовать это по-другому. Ведь сейчас Бенеш из Чехословакии, де Голль из Франции едут в Москву решать свои проблемы» [32]. Шафаг был участником конференции в Сан-Франциско и осознавал, насколько вырос авторитет СССР во всем послевоенном мире, поэтому он предлагал созвать закрытое заседание Меджлиса и всесторонне обсудить отношения с СССР. Текст его выступления был опубликован во многих тегеранских газетах.

20 ноября Сеид Зияеддин и Сиггатул Ислам во главе с изгнанным из Азербайджана религиозным деятелем Ваизи подбили группу азербайджанцев устроить пикет перед парламентом. Ваизи и еще несколько человек выступили перед молодыми депутатами-азербайджанцами и призывали объединить усилия всего иранского народа против «иностранных аферистов и бунтовщиков». Эти выступления были столь проникновенны, что некоторые слушатели и приглашенные журналисты не удержались от слез. Газета «Кейхан» описала этот эпизод в редакционной статье под заглавием «Весь азербайджанский народ плачет над действиями парламента» [33].

20 ноября депутат от Азербайджана, крупный землевладелец Фарман Фарманиан выступил в Меджлисе с резкой критикой политики правительства Садра и антидемократической деятельности Сеид Зияеддина и поддержал ряд справедливых требований Азербайджана. Он отметил, что с 1941 года ни одно правительство не уделяло внимания этому региону. Во времена премьерства Садра Фарманиан не раз поднимал эту проблему, но безрезультатно. К примеру, только с 19 ноября нынешнего года между Тебризом и Тегераном установлена беспроволочная связь, до сих пор этого не было. На что Сеид Зияеддин с места бросил реплику, что не разрешали этого советские представители. Фарманиан, повернувшись к нему, разразился тирадой: «Почему вы придираетесь к советским представителям? Зачем вы вмешиваетесь в это, клеветаете? Почему говорите такие вещи? Вы губите страну». При новой реплике Зияеддина – «Вам это невыгодно», Фарманиан вовсе потерял выдержку и ответил: «Не

знаю, кому это невыгодно – мне или тому человеку, у которого есть лишь один чемодан и он вечно кочует» [34]. Далее, продолжая свою речь, он настаивал, что у правительства должна быть ясная и дальновидная политика. Нельзя народ запугивать армией, у армии свои функции. Во всем мире функции армии отличаются от функций полиции и жандармерии. Нельзя ей поручать решение проблем, волнующих народ. «Если речь идет о нашем доме, то мы все должны объединиться и не допустить раскола в своей среде». Фарманиан намекал на начавшуюся в тегеранских газетах кампанию против депутатов из Азербайджана. Газета «Бахтар», в частности, распространила сообщение, будто у некоего арестованного человека, прибывшего в Тегеран из Тебриза, в кармане найдены письма к Ипекчиану и Фарманиану.

Оскорбленный выступлением Фарманиана Сеид Зияеддин выступил с кратким заявлением. Затем по требованию депутатов выступил премьер-министр Хаками. Он сообщил, что в последнее время в отдельных населенных пунктах 3-го и 4-го останов произошли нежелательные события. Эти инциденты несовместимы с патриотизмом, который можно было бы ожидать от братьев-азербайджанцев. Правительство не позволит никому и нигде предьявлять свои требования к нему и Меджлису в ультимативной форме. Авантюристы пытаются запятнать честь страны. Они должны быть наказаны. Опираясь на парламент, правительство предпримет необходимые меры для восстановления безопасности страны. Братья-азербайджанцы всегда, порой ценой своей жизни, поддерживали честь своей страны. Он, Хаками, уверен, что в нынешней обстановке они вновь протянут ему руку – другу и брату [35].

Несмотря на все красивые декларации правительство Хаками видело единственное решение азербайджанского вопроса лишь в увеличении сил полиции, жандармерии и войск. С 17 по 23 ноября ежедневно заместитель министра внутренних дел Ферейдуни, начальник Генштаба Арфа и начальник Главного полицейского управления Заррани по прямой связи требовали от правительственных чиновников в Тебризе принимать жесткие меры в отношении «бунтовщиков» и оказывать им стойкое сопротивление. В Тегеране были арестованы несколько человек, симпатизирующих Демократической партии. Заместитель министра иностранных дел Хумаюн 20 ноября вел переговоры с советскими представителями, пытаясь получить разрешение на ввод в Тебриз иранских войск [36]. Иранским послам в Москве, Лондоне и Вашингтоне были направлены соответствующие установки. Газета «Эттелаат», ссылаясь на Лондонское радио, сообщила 20 ноября о встрече иранского посла в Вашингтоне Гусейна Ала с госсекретарем Джеймсом Бирнсом. Во время беседы посол объяснил причины азербайджанских событий наличием в Иране иностранных войск, открытостью кавказских границ и отсутствием

должного пограничного контроля. Он подчеркнул, что иранская сторона надеется на серьезные меры союзников, а также на то, что и Москва пожелает положить конец беспорядкам. Посол дал понять, что США могут оказать должное влияние на Москву. Иранский конфликт, таким образом, превратился в пробный камень для выяснения намерения сторон в выполнении международных обязательств. Однако во время переговоров Дж.Бирнс отметил, что «пока не получена информация от посольства США в Тегеране об иранских событиях, он не может принять какое-либо решение» [37].

После начала азербайджанских событий аналогичная встреча состоялась между послом Ирана в Москве Меджидом Ахи и В.Молотовым, который заверил посла, что Советский Союз будет с уважением относиться к суверенным правам и независимости Ирана.

20 ноября иранский посол в Лондоне Сеид Гасан Тагизаде, в свою очередь, посетил министра иностранных дел Великобритании Эрнста Бевина. На пресс-конференции по поводу этой встречи Тагизаде заявил: «Мы не имеем возможности свободно дислоцировать войска в своей стране» [38]. 21 ноября агентство Рейтер сообщило, что Бевин выступил в палате общин английского парламента и сообщил о намерении начать постепенный вывод английских войск из Ирана. В то же время, отвечая на вопросы депутатов по поводу ситуации в Иранском Азербайджане, он отметил, что некая политическая группа на севере активизировалась с целью получить автономию, они выступают с оружием в руках. Однако присутствие советских войск в этом районе создает трудности для иранского правительства в борьбе с повстанцами [39]. 24 ноября заместитель министра иностранных дел Хумаюн и 25 ноября министр внутренних дел Фахими посвятили свое выступление в Меджлисе азербайджанскому вопросу. Азербайджан постепенно выходил на первый план во внутренней политике Ирана.

В правительственных кругах связывали большие надежды с бывшим премьером М.Баятом, назначенным генерал-губернатором Азербайджана. Но он не торопился выезжать в Азербайджан, хотя советские органы не возражали против его приезда. Баят ждал, пока страсти улягутся, правительство определится, «горизонт над Азербайджаном прояснится» [40].

Тем временем усиливались антиазербайджанские выступления в самом Тегеране. 21 ноября сторонники Сеида собрали священнослужителей, чтобы они прочли молитвы и предали анафеме азербайджанских мятежников. Но вмешался премьер-министр и пресек эту акцию. В тот же день сторонники Сеида Зияеддина раздали приглашения купцам участвовать в митинге в торговой палате. Митинг состоялся, однако купцы не позволили сторонникам Сеида выступить против Азербайджана. Глава

крупной торговой фирмы Бозоркния заявил, что не нужно вмешивать деловых людей в политику. 22 ноября подобный митинг прошел на юридическом факультете Тегеранского университета. Здесь студенты потребовали от правительства принять серьезные меры против «бунтовщиков» и даже предложили свои услуги в качестве добровольцев. Подобные призывы практически ежедневно печатались в «Эттелаат» и других официальных газетах. «Иране Ма» отмечала, что митинг на юридическом факультете был организован сыном одного министра и имел целью усилить ненависть к азербайджанцам. Военный министр Риязи и начальник Генштаба Арфа принуждали премьер-министра применить репрессии против народников и демократов. Хакимульмульк уже склонялся к этому. Дошло до того, что у позволявших себе говорить по-азербайджански на улицах Тегерана проверялись документы. Через прессу все иностранцы были предупреждены о необходимости иметь при себе документы [41].

Официальная и просейдовская пресса в открытую угрожала Азербайджану. «Эттелаат» писала, что они (члены Демократической партии – Дж.Г.) прячутся под маской демократов, но «иранцы и весь мир узнали об их предательстве еще когда они выступали под другим именем», и далее: «Если правительство сочтет нужным помочь Азербайджану и объявит набор добровольцев, то все патриоты, молодежь, женщины и мужчины с оружием в руках пойдут на помощь нашим азербайджанским братьям» [42].

Газеты «Садае Иран», «Бахтар», «Иране Ноу», «Кешвар», «Саргозашт», «Арзу», «Насиме Сабах», «Недае Адалат», «Кушеш», «Сетаре», «Кесра», «Михан» обвиняли Демократическую партию в стремлении отколоть Азербайджан от Ирана, а демократическое движение называли акцией группы предателей, не поддерживаемых народом. Эти издания обвиняли также советские учреждения во вмешательстве в дела Ирана. Однако информационная база газет строилась в основном на слухах. Например, газета «Саргозашт» 22 ноября писала, что «бандиты-демократы» захватили город Миане и 19 ноября на городской площади расстреляли 14 видных деятелей Ирана [43]. Газета «Бахтар» обрушилась на правительство за сокрытие правдивой информации из Азербайджана и симпатии к Советскому Союзу. 21 ноября газета опубликовала телеграмму генерала Дарахшани из Тебриза, в которой сообщалось, что если до вечера не придет дополнительная помощь, он отказывается отвечать за порядок в Азербайджане [44]. Газета «Иране Ноу» на своих страницах сравнивала СССР с царской Россией и фашистской Германией. С начала азербайджанских событий первая страница этой газеты регулярно выходила с траурной каймой. «...Пока в Азербайджане проливается кровь наших братьев и сестер, «Иране Ноу» будет носить траур», - объясняла

газета. [45]. «Насиме Сабах» еще до азербайджанских событий сообщила, что Пишевари тайно отправился в Баку и даже получил там директиву расстрелять 15 своих противников. В то же время «Насими Сабах» возмущалась иранским послом в Москве Ахи: «За последнее время Ахи окончательно подтвердил свою беспомощность. Поэтому его нужно срочно заменить». Вместе с тем во всех публикациях выражалось требование срочно направить в Москву иранскую делегацию и разрешить все спорные вопросы [46]. 23 ноября «Сетаре» и другие газеты на первых полосах опубликовали текст Декларации по Ирану, принятой на Тегеранской конференции. Это было сделано с целью напомнить советским представителям в Тегеране некоторые ее положения. Пресса обвиняла советских представителей в Иране в неуважении к обещаниям Сталина и Молотова, пренебрежении к Уставу ООН. По мнению газет, советские солдаты и офицеры в бытность послом Смирнова вели себя несравнимо достойнее. Было растиражировано заявление Лондонского радио, что русские грузовики привозят азербайджанскому населению винтовки и пулеметы [47].

Дабы опровергнуть эти сообщения, в московской газете «Известия» 20 ноября 1945 года была опубликована статья, в которой говорилось, что, как известно, население Иранского Азербайджана до последнего времени было лишено школ, книг и прессы на родном языке. Выступающая с требованиями восстановить права народа Демократическая партия добилась заметных успехов. А Лондонское радио, распространяя клевету о «восстании сепаратистов» и «русских грузовиках», попросту пытается отвести общественное внимание от действий англичан в Палестине, Египте и Индонезии. Лондонское же радио извращает демократический, справедливый характер движения в Азербайджане. В последнюю декаду ноября в каждом номере «Правды» и «Известий» публиковалась информация о репрессиях, которым подвергаются азербайджанцы на севере Ирана.

Издающиеся в Тегеране «Неджате Иран», «Азадеган», «Дад», «Иране Ма», «Кейхан», «Дария», «Егдам» и другие газеты во всем обвиняли иранское правительство. «Неджате Иран» писала: «Многие нашли удобный повод ругать и обзывать вступивших в Азербайджанскую демократическую партию «бандитами». Министр без портфеля Хедаят заявил в Меджлисе, что все эти события – плод глупости. Но не уточнил, плод чьей глупости – Садра и его сторонников или же нынешних министров. Мы не думаем, что народом можно управлять с помощью пушек и ружей» [48]. Газета ставила в вину премьеру Хакими, что он не делает ни шага в сторону улучшения советско-иранских отношений. Обращаясь у Хакимульмульку «Неджате Иран» писала: «Вам известно, что еще во времена Садра посол Ирана в Москве заявлял правительству, что

если оно будет продолжать прежнюю политику, его пребывание в Москве будет излишним» [49].

20 ноября профессор Тегеранского университета Маликушуара Бахар выступил с большой статьей в «Иране Ма», где советовал Хакимумульмульку приступить к немедленной демократизации страны, в первую очередь - отменить военное положение, снять запреты с газет, открыть клубы для политических партий, послать в Москву дипломатическую миссию, реформировать государственный аппарат. Что касается азербайджанского вопроса, то Бахар считал нежелательным силовое решение и советовал воспользоваться мирным путем [50]. Газета «Кейхан» предупреждала Хакимумульмулька, что реакция пытается использовать его так же, как использовала во времена Хиябани Мостофи-ол-Мамалека и Муширидовла, имевших большой авторитет в народе: «Руками этих уважаемых людей подавили движение Хиябани в Азербайджане и Кичик хана в Гиляне. Как только движение улеглось, их сменили. Теперь реакция хочет так же поступить с Хакимумульмульком» [51].

И в Меджлисе, и в прессе росло недовольство правительством Хакимумульмулька. Политические круги были заняты поисками нового премьера. Частенько назывались имена Ахмеда Кавама, Али Мансура, генерала Амира Ахмеди. М.Мусаддиг прямо заявил в Меджлисе, что Хакими и его правительство, да и правительственные круги в целом, не способны разрешить внутренние проблемы страны. Они могут только рассчитывать на то, что Бевин и Бирнс, усиливая давление на СССР, сумеют остановить демократическое движение в Иране. Мусаддиг предлагал заменить правительство более сильным по составу, а в парламенте добиться аннулирования закона об отсрочке выборов. Другая группа депутатов считала необходимым отменить закон, запрещающий правительству предоставлять концессии иностранным государствам.

27 ноября заседание парламента не состоялось. Правительство объявило, что ничего нового сказать депутатам не может и попросило отсрочку для осуществления ряда мероприятий. Депутат Фархуди через президиум парламента сделал депутатский запрос: почему именно советское командование не допускает иранские войска на север страны. И сам же напоминал, что действия советского командования противоречат четвертому пункту трехстороннего договора.

В тот же день премьер-министр Хакимумульмульк пригласил для беседы исполняющего обязанности советского посла в Тегеране Ахада Якубова. Премьер настаивал, чтобы иранские войска были допущены на север страны, обещая целиком подчинить свою политику интересам Советского Союза [52]. Получив отрицательный ответ, Хакимумульмульк заявил, что вынужден в ближайшие дни уйти в отставку. Нота США от 24 ноября и нота Великобритании от 25 ноября, выражающие обеспокоенность

положением в Иране, не имели особого результата. В ответных нотах от 29 и 30 ноября США и Англии советская сторона дала характеристику действительного положения в Иранском Азербайджане и развернувшемуся там национально-демократическому движению. В обеих нотах Советский Союз считал нецелесообразным переброску иранских войск в Северный Иран [53].

Между тем нарком иностранных дел СССР В.Молотов писал послу США в СССР У.А.Гарриману: «Уважаемый г-н посол. В связи с Вашим письмом от 24 ноября, в котором было изложено сообщение правительства Соединенных Штатов по иранскому вопросу, я имею сообщить Вам следующее:

Сделанное в этом сообщении заявление о вооруженном восстании в Северном Иране, по имеющимся у советского правительства сведениям, не соответствует действительности. События, имевшие место в последние дни в Северном Иране, не только не являются вооруженным восстанием, но и не направлены против шахиншахского правительства Ирана. Теперь, когда опубликована декларация Народного собрания Северного Ирана, видно, что здесь дело идет о пожеланиях относительно обеспечения демократических прав азербайджанского населения Северного Ирана, стремящегося к национальной автономии в пределах иранского государства и имеющего свой особый язык, отличный от персидского языка. Из содержания указанной декларации Народного собрания, состоявшегося в Тавризе 20-21 ноября, видно также, что это Народное собрание обратилось с выражением своих пожеланий к шаху, Меджлису и правительству Ирана, опираясь при этом на иранскую Конституцию. Имевшиеся же в связи с последними событиями нежелательные инциденты в отдельных пунктах Северного Ирана вызваны были реакционными элементами, противящимися предоставлению национальных прав населению Северного Ирана, хотя в этих пожеланиях местного населения нет чего-либо необычного для демократического государства [54].

28 ноября, на второй день выборов в Милли Меджлис, в Тебриз на самолете «Дуглас» прибыл вновь назначенный генерал-губернатор Муртаза Баят в сопровождении пяти чиновников. Народный комиссар госбезопасности Азербайджанской ССР С.Емельянов писал Багирову: «Среди этих пяти человек имеется одно наше доверенное лицо, с которым обусловлена встреча 29 ноября» [55].

Представитель органов госбезопасности советского Азербайджана в Иране А.Атакишиев сообщал из Тебриза, что Баят хочет начать переговоры с руководителями Демократической партии, выяснить их намерения и возможность достижения с ними компромисса. О результатах переговоров Баят собирался доложить лично шаху и правительству. Новый

генерал-губернатор возмущался действиями правительств Саида и Садра – виновников обострения взаимоотношений с СССР, обвинял премьер-министра Хакимумульмулька в том, что он ввел в свой кабинет противников СССР – Хажира, Фахими и других. По утверждению Баята, шах и авторитетные правительственные круги, в том числе и сам Баят, полагают, что создавшуюся напряженную обстановку в Иране можно изменить только коренным улучшением взаимоотношений с СССР [56].

1 декабря Баят посетил Генконсульство СССР и встретился с генеральным консулом Красных. Он заявил, что имеет полномочия от правительства вступить в переговоры непосредственно с руководством Демократической партии Азербайджана и на месте разрешить вопросы, поднятые демократами, – самостоятельно или путем личных переговоров с правительством, так как и оно намерено пойти на значительные уступки.

Затем новый мэр Тебриза Ровшани позвонил Пишевари и пригласил его в резиденцию генерал-губернатора. Однако Пишевари счел унижительным для партийного лидера отправляться на поклон к губернатору. Поэтому Баят просил консула посодействовать этой встрече. Красных эту просьбу в соответствующей дипломатической форме отклонил. Несмотря на это, уходя, губернатор заметил, что он использует все свои полномочия для установления порядка в Азербайджане и улучшения отношений Ирана с Советским Союзом [57].

2 декабря начальник финансового управления в Тебризе Довлетшахи, длительное время заменявший губернатора, явился в ЦК Демократической партии и от имени Баята осведомился, где Пишевари будет удобно встретиться с ним и какие вопросы он желает обсудить. Пишевари предложил встретиться в доме известного в Тебризе аристократа Сираджа Амир Закауддовле, не входящего ни в одну партию и пользующегося большим авторитетом у населения. Спустя некоторое время Баят через Рафии сообщил, что согласен с этим предложением.

3 декабря переговоры начались при участии Пишевари и Рафии, с одной стороны, и Баята с Довлетшахи – с другой. Об этом Багиров писал Сталину, Молотову, Берия и Маленкову: «Ввиду некоторого интереса беседы Баята с Пишевари передаем полученную из Тебриза телеграфную справку без особых изменений: «Беседа проходила около двух часов. После взаимного приветствия и разговора на общие темы Баят обратился к Пишевари с просьбой рассказать о требованиях демократов Азербайджана к иранскому правительству. Пишевари подробно разъяснил Баяту основные требования азербайджанского народа, выраженные в Декларации и решениях учредительного съезда представителей народа, опубликованных в печати». Баят сообщил, что он уполномочен решать все вопросы, а в случае затруднений вопрос можно обратиться и в Тегеран. Когда Пишевари выдвинул требования политического, культурного и

экономического плана, связанные с автономией Азербайджана, Баят ответил, что в принципе он согласен с требованиями народа, но желал бы, чтобы демократы при решении подобных вопросов придерживались более мирных путей и не углубляя противоречий. Баят отметил, что решение проблемы тюркского языка и образования энджуменов не представляет затруднений. Эти вопросы он сам легко решит, но вопрос автономии ему не ясен и явно противоречит Конституции».

Пишевари дал понять, что народ Азербайджана твердо стоит на своем требовании автономии и не пойдет на уступки. Если правительство будет по-прежнему угрожать силой, народ до последнего будет отстаивать свои права. Он сказал дословно следующее: «Мы хотим, чтобы вопрос автономии решился мирным путем, и если вы думаете иначе, то нет другого выхода, как только перебить весь азербайджанский народ. Лично я не вижу другого выхода для вас». В связи с этим Пишевари сообщил о новом происшествии в Тебризе в ночь со 2 на 3 декабря, когда солдаты иранской армии из пулеметов расстреляли группу граждан, идущих в мечеть исполнять священный ритуал в месяц Мухаррам.

Баят пытался уверить Пишевари, что подобные приказы идут не из центра, и всеми силами старался придать встрече дружественный характер. Во время беседы Баят и Довлетшахи как бы в шутку затронули вопрос о возможном присоединении к Азербайджанской ССР. Пишевари в приличествующей форме отвел эти намеки [58].

Советские представители в Тебризе считали, что Баят «мирным» и «дружественным» расположением пытается усыпить бдительность лидеров демократов, ослабить движение и, главное, выиграть время. Прощаясь с Пишевари, губернатор выразил надежду на повторную встречу и официальные переговоры. Советские консультанты посоветовали Пишевари согласиться на новую встречу, но твердо стоять на требованиях Демократической партии и Народного конгресса.

Выборы в Тебризе закончились 3 декабря, в других районах чуть позже. С.Дж.Пишевари набрал 23500 голосов, М.Бирия – 23333; их соратники Гиями, Падеган, доктор Джавид, Рафии, Шабустари, Илхами, Никчу, Ипекчиан, Машинчи, Азими, собрав большинство голосов, также были избраны в азербайджанский Милли Меджлис. Хотя время, отведенное на это голосование, было в четыре раза меньше предоставленного в 1943 году при выборах в иранский Меджлис, проголосовали в 2,5 раза больше избирателей. Впервые на избирательные пункты явились женщины. Только в Тебризе голосовали 3172 женщины [59]. И в провинции голосование отличалось активностью избирателей. В Ардебиле Гасан Джовдет набрал 15825 голосов, Мамед Джалили – 13375 голосов, Гаджи Таги Вагабзаде – 12660 голосов, Меджидхан Хосрови – 12597 голосов. От Астары – председатель Демократической партии

Замани, от Намина – преподаватель Гудси, от Биласувара – землевладелец Нусрат бек Шахин, от Мешкина – доктор Рафизаде, от Герми – Нунакерани были избраны депутатами [60]. Во вновь сформированном азербайджанском парламенте были представлены посланцы всех регионов Азербайджана. Избранными оказались 95 депутатов из 100 предусмотренных. Выборы прошли очень демократично, особенно в сравнении с выборами в иранский Меджлис. Преседатель Демократической партии Пишевари в своем обращении к членам партии подчеркнул: «Национальный парламент – наша совесть, и мы не допустим, чтобы ее запятнали. Пусть будет избран не член Демократической партии, это не имеет значения, лишь бы он был избран честно, на демократических началах. Не связывайте ни в коей мере руки народу! Будьте уверены, что путь ваш правилен и цель ваша священна! Пусть народ убедится в том, что вы честно служите ему, что вы настоящие слуги народа» [61].

Оставалось получить разрешение из Москвы на открытие первой сессии азербайджанского Милли Меджлиса. С этой целью Багиров направил 2 декабря кремлевской «четверке» (Сталин, Молотов, Берия, Маленков) проект повестки сессии. Бакинская «тройка» и лидеры демократов предлагали открыть сессию 10 декабря. Обсуждению подлежали следующие вопросы:

1. Выборы председателя и его заместителей.
2. Утверждение состава кабинета министров.
3. Образование постоянных комиссий при Меджлисе.
4. Обсуждение и утверждение правительственной программы.

ЦК АДП и Национальное собрание предполагали поручить Пишевари формирование правительства. Кабинет должен был состоять из 10 министров. Систему губернаторства решили заменить соответствующими министерствами. Демократы считали, что если в Азербайджан не будут введены иранские войска, то они и сами справятся с имеющимися там полицией и жандармерией. Наконец из Москвы пришел ответ: «Баку, товарищу Багирову... В ответ на вашу телефонограмму №339 от 2 декабря сообщаю, что с предложениями Национального собрания и Центрального комитета Демократической партии можно согласиться. Молотов. 5.XII.45. Время 02.55» [62].

Однако открытие сессии пришлось отложить на два дня – до исторической даты 21 Азера.

ОБРАЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Осенью 1945 года национально-освободительное движение в Южном Азербайджане вступило в новую фазу. В те тяжелые дни С.Дж.Пишевари провозглашал: «Мы должны добиться справедливости собственной силой... Народ не боится жертв в борьбе за свои права. Народ, не готовый приносить жертвы, не достоин свободной жизни» [1].

С осени 1945 года в Азербайджане установилось двоевластие. Контролирующая ситуацию Азербайджанская демократическая партия не была представлена в официальных органах власти, в то время как официальная власть не обладала здесь реальной силой. Тегеран не решался ввести дополнительные контингенты иранской армии в Азербайджан. Посол США в Тегеране Уоллес Мюррей после встречи с начальником Генерального штаба иранской армии генералом Арфа в секретном донесении от 8 декабря на имя госсекретаря писал: «Я сожалею о подобных действиях Ирана. Это свидетельствует о том, что они соглашаются с запретом Советского Союза нападать на Тебриз. Вчера в беседе с полковником Бейкером Арфа высказал весьма пессимистические мысли по поводу сложившейся ситуации. Он заявил, что Тегеран уже находится на северной границе Ирана и с помощью русских руками «демократов» будет прерван поток продуктов в столицу. Арфа также заявил, что для отражения внезапного наступления «демократов» на Тегеран Генеральный штаб 24 часа в сутки находится в состоянии боевой готовности» [2].

Не имея возможности военным путем решить проблему, центральное правительство возлагало большие надежды на дипломатические маневры и переговоры, которые вел в Тебризе Муртазагулу Баят (Сахам ас-Султан), только что назначенный на должность вали (генерал-губернатор). Первый тур этих переговоров завершился 3 декабря, но безрезультатно. После консультаций с Тегераном Баят стал добиваться новых переговоров с

Пишевари. Прекрасно сознавая безнадежность ситуации, он рассчитывал тянуть время в ожидании действенных шагов Тегерана.

В 10 часов утра 8 декабря в доме тебризского аристократа Сираджа Зекаудовле состоялась вторая официальная встреча между М.Баятом и Хасаном Довлетшахи, с одной стороны, и С.Дж.Пишевари, Гаджи Мирза Али Шабустари, Мухаммедом Бирия - с другой. В течение полутора часов Баят старался выяснить суть предложенного демократами документа, в котором содержались требования о предоставлении Азербайджану автономии, о правах и обязанностях местного Меджлиса, о принципах взаимоотношений азербайджанского и иранского Меджлисов. Как и на первой встрече, Баят вновь пытался перевести беседу в плоскость обсуждения вопросов, связанных с созданием провинциальных энджуменов, решением языковой проблемы, получением образования на родном языке. Он заявил, что не представляет себе работу иранского Меджлиса параллельно с азербайджанским Милли Меджлисом, тем более что это противоречит и иранской Конституции. Пишевари понял, что Баят, обещая большие уступки в создании энджуменов, а также в других менее значимых вопросах, пытается уйти от обсуждения темы предоставления Азербайджану автономии. Поэтому он решительно заявил, что требования азербайджанского народа достаточно ясно изложены в опубликованном заявлении, и они должны быть полностью выполнены шахом и Меджлисом. Независимо от их решения уже избранный азербайджанский Меджлис на днях начнет свою работу. Бирия и Шабустари также поддержали категоричное заявление Пишевари об автономии. Баят раздраженно их перебил: «Вы не сможете существовать автономно» [3]. Позднее С.Дж.Пишевари, вспоминая об этих переговорах, писал: «Господин Баят, признавая наше право и отмечая правильность наших взглядов и принципов, не мог говорить об этом открыто. Он хотел словоблудием выхолостить нашу идею национальной автономии. Его слова в разладе с его совестью. Ограниченный в возможностях, он напоминал связанного по рукам и ногам человека, судорожно дергающегося на месте, ведущего длительные споры из-за пустяков, пытаясь убить время» [4].

Делегатам центрального правительства, отстаивающим тезис о том, что автономия Азербайджана противоречит Конституции Ирана, Пишевари напомнил, что за последние 25 лет изменены многие статьи этой Конституции. Например, Реза шах отменил статью, подтверждающую право династии Каджаров на престол, и включил взамен статью о собственном престолонаследии. Или же, по Конституции, шахиней Ирана может быть только персиянка, однако нынешняя шахиня родом из Египта [5].

В конце беседы Баят попросил переслать ему Декларацию и другие документы, принятые Национальным конгрессом. Весьма возможно, что он отправится в Тегеран и эти документы помогут ему при переговорах с шахом. Генерал-губернатор выразил пожелание еще раз встретиться с Пишевари. Сообщая о ходе этих переговоров председателю Совета народных комиссаров СССР И.Сталину, секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Азербайджанак Мир Джафар Багиров писал: «Вторая встреча с Баятом еще раз подтвердила, что он, действуя по заданию иранского правительства, путем бесконечных переговоров старается затянуть разрешение основного и главного вопроса - автономии Азербайджана, видимо, имея в виду перенесение вопроса об Азербайджане на разрешение иностранных правительств. Учитывая это, нами даны указания:

1. Заседание первой сессии Меджлиса больше не откладывать и провести его 12 декабря.

2. Как Меджлису, так и утвержденному Меджлисом правительству Азербайджана немедленно приступить к проведению в жизнь принятых всенародным собранием Азербайджана и первой сессией Меджлиса решений.

3. От дальнейших встреч с Баятом, до окончания работы 1-й сессии Меджлиса, воздержаться» [6].

По окончании встречи с Сахам ас-Султаном, вечером того же дня, бакинская «тройка» (Гасан Гасанов, Мирза Ибрагимов, Агаселим Атакишиев) и тебризская «тройка» (Пишевари, Шабустари, Бирия) обсудили организационные вопросы открытия азербайджанского Национального Меджлиса, выборов его руководящего состава, утверждения состава правительства.

Тем временем азербайджанский кризис уже превратился в объект обсуждения в политических кругах великих держав и в средствах массовой информации. Комментатор американского радио Стил 7 декабря пригласил бывшего редактора Иранского телеграфного агентства Резу Шахшахани выступить по радио с обзором азербайджанских событий. Шахшахани положительно оценил как национально-демократическое движение в целом, так и документы, принятые Народным конгрессом, подчеркнув правоту позиции азербайджанского народа. По его мнению, истерию вокруг этих вопросов раздувают враждебно настроенные к СССР люди, такие как посол Ирана в США Гусейн Ала [7].

Почувствовав серьезность ситуации, Великобритания через своего посла в Москве 8 декабря предложила народному комиссару иностранных дел СССР Вячеславу Михайловичу Молотову обсудить вопрос эвакуации советских и английских войск из Ирана. В своем послании британский посол ссылался на соглашение, достигнутое между Молотовым и

министром иностранных дел Британии Эрнестом Бевином в Лондоне, а также на письмо, направленное Молотовым Бевину еще 20 сентября. Действия азербайджанских партизан, разоружающих в городах полицию и жандармерию, потеря армией боеспособности вызывали в аккредитованных в Иране дипломатических миссиях серьезный, а точнее, тревожный интерес. Срочно прибывший в Тебриз пресс-секретарь американского посольства Кайлер Янг 9 декабря встретился с председателем ЦК АДП Пишевари. В процессе беседы Янг интересовался проблемой азербайджанской автономии, партизанским движением, структурой Демократической партии, ее классовым и национальным составом, документами Народного конгресса, отношением Демократической партии к вооруженным повстанцам, источниками их вооружения и т.п. Особенно много вопросов было об участии советских эмиссаров в организации национального движения. М.Дж.Багиров в донесении на имя кремлевских руководителей отмечал, что Пишевари дал обоснованные ответы на все вопросы. В частности, на замечание американца о том, что Декларация противоречит Конституции Ирана, он ответил, что Конституция есть выражение законных требований и прав народа, а у азербайджанского народа имеются исторические права и справедливые требования, такие же, какие были в свое время у американского народа, добившегося своих законных демократических прав. Американскому народу на его пути к демократии не помешала действующая тогда конституция. Азербайджанский народ рассчитывает на сочувствие демократических народов мира и надеется также на поддержку американского народа, который должен лучше понять народ Азербайджана и поддержать его справедливые желания. Под конец беседы американец неожиданно заявил, что он разделяет мнение Пишевари и согласен с его доводами, однако просит Пишевари дать ему слово, что эти его слова не появятся в газете «Азербайджан» до тех пор, пока Янг не вернется в Тегеран для доклада своему послу [8].

Накануне исторической встречи министров иностранных дел стран-союзниц в Москве посол Ирана в Вашингтоне Г.Ала, получив соответствующие инструкции из Тегерана, просил государственного секретаря Дж.Бирнса о том, чтобы на Московской встрече союзники подняли тему Ирана, особенно вопрос о немедленном выводе иностранных войск и предоставлении стране полной свободы самоуправления. Он писал: «Это позволит нам восстановить порядок в стране и пресечь действия иммигрантов (имеются в виду иммигранты из СССР – Дж.Г.) и неизвестных лиц, убивающих государственных чиновников и разрушающих государственные учреждения в Азербайджане. Если состояние паралича будет продолжаться и мы будем и впредь встречать препоны на своем пути, то силы безопасности в Иранском Азербайджане и

в северных областях будут резко ослаблены и попадут под влияние масс и деструктивных сил» [9].

Вопрос досрочного вывода иностранных войск из Ирана был принят также в ноте США Советскому Союзу от 29 ноября. Москва не приняла предложение США «вывести все войска союзников из Ирана до 1 января» [10]. Государственный департамент огласил ответную советскую ноту от 8 декабря. По мнению советского руководства, в досрочном выводе иностранных войск из Ирана нет особой необходимости. Что же касается обеспокоенности США кризисом в Южном Азербайджане, то в советской ноте отмечалось: «После опубликования Декларации Всенародного Меджлиса Северного Ирана стало очевидным, что обеспечение демократических прав азербайджанского населения, проживающего на севере Ирана, завоевание ими автономии в составе иранского государства (в сфере самоуправления и употребления национального языка) является проблемой национального волеизъявления азербайджанского народа» [11].

Пресс-секретарь американского посольства Янг спустя пять дней вернулся из Тебриза в Тегеран. В тот же день посол Мюррей направил собирающемуся в Москву госсекретарю Джеймсу Бирнсу отчет Янга о проведенных им в Тебризе переговорах с официальной делегацией Ирана, лидерами демократов, зарубежными консулами, духовными и гражданскими лидерами. В телеграмме посла говорилось: «Сегодня ожидается захват Тебриза «демократами». Вали Азербайджана Баят и командующий иранскими войсками в Тебризе генерал Алекпер Дарахшани заявили Янгу, что они не в силах защитить город и ограничатся обороной дома вали и военных казарм. В Тебризе будет проведено первое заседание «Азербайджанского Меджлиса» и на собрании будет избран кабинет из 10 министров. Собрания демократов в Тебризе охраняются людьми, одетыми в форму советских солдат. Янг лично видел, как иранские военные части, желающие покинуть Тебриз, не были пропущены через дорожный пост, контролируемый русскими. Кроме того, он ознакомился с официальным военным рапортом, только что полученным из Ардебиля. В рапорте говорится, что расположенные там советские войска перекрыли путь и вернули обратно армейскую машину, спешащую на помощь подвергнувшемуся нападению жандармскому участку. Советское командование запретило иранскому командованию передислоцировать свои войска. Все населенные пункты Азербайджана, за исключением Резайи, де-факто контролируются демократами. Иранские государственные чиновники заявили Янгу, что они уже ничего не контролируют. Государственные чиновники утверждают, что последние действия «демократов» оказались гораздо более активными, чем ожидалось» [12].

Прибывшие в Тегеран в связи с азербайджанским кризисом английские журналисты в сопровождении пресс-секретаря посольства были приняты 10 декабря премьер-министром Ибрагимом Хакими. На их вопрос о путях выхода из создавшейся ситуации премьер ответил: «Война уже давно окончена. Нет никакой необходимости для пребывания войск союзников в Иране. Если три великие державы выведут свои войска из Ирана, то правительство получит необходимую свободу действий, проведет в стране реформы и обеспечит спокойствие. Тогда Иранское правительство докажет Советскому Союзу и всему миру, что оно готово строить дружеские отношения с СССР». Британские журналисты также поинтересовались, не желает ли премьер обратиться с просьбой о направлении в Иран специальной комиссии для изучения положения на месте. Премьер ответил, что надеется на разрешение конфликта путем переговоров с Советским Союзом. В то же время он отметил, что приветствует любые проявления внимания к этой проблеме со стороны Организации Объединенных Наций [13].

10 декабря, в самый пик напряженности событий, А.Якубов в обстановке секретности встретился с Кавамом ас-Салгане, который поведал, что один близкий к английскому посольству человек, ссылаясь на источник в самом посольстве, передал ему, что там считают, будто с приходом к власти Кавама позиции Британии в Иране ослабнут. Тот же человек посоветовал ему постараться встретиться с английским послом, чтобы смягчить отношение к своей персоне. Одновременно Кавам сообщил, что 9 декабря премьер-министр пригласил его, Мотамон ол-Мулька, Али Мансура, Мосташар од-Довла и Бахар ол-Мулька для всестороннего обсуждения азербайджанского вопроса. Во время этого совещания Кавам заявил Хакими, что считает ошибочной отправку войск в Азербайджан. А затем отметил, что после прихода к власти намерен распустить парламент, который не способен стабилизировать ситуацию в стране. К тому же Кавам подчеркнул, что шансы его растут с каждым днем [14].

10 декабря с А.Якубовым встретился сотрудник МИД Ирана Гамид Сайях, который заявил, что честные политические деятели Ирана считают приход Кавама к власти необходимостью, однако английский посол Буллард решительно против его кандидатуры и через близких к нему людей агитирует против Кавама [15].

В тот же день А.Якубов встретился с американским послом в Тегеране У.Мюрреем. Посол сообщил, что число остающихся в Иране американских солдат не превышает 2500 человек и до конца декабря все они покинут страну, за исключением группы младших офицеров во главе с генералом Ридлем. Кроме того, Мюррей сообщил, что бывший сотрудник посольства господин Майнор несколько дней назад изъявил желание посетить Тебриз.

По словам посла, Майнор должен был по результатам этой поездки подготовить доклад для государственного департамента [16].

К 11 декабря уже вся территория Азербайджана находилась под контролем АДП. Федаины заняли Марагу, Сараб, Бостанабад, Маранд и Софиан. Тебриз был окружен, всякая связь с расквартированными там войсками была прервана. Завершились последние подготовительные мероприятия к открытию сессии Милли Меджлиса и формированию Национального правительства. Проект внутреннего устава Национального Меджлиса, подготовленный ЦК ДПА и Национальным комитетом, был передан М.Дж.Багировым И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия и Г.Маленкову. Устав, состоявший из 39 статей, был одобрен в Баку и в Москве без серьезных замечаний [17]. Предложение Пишевари и Шабустари об образовании парламентских комиссий по бюджету и народному законотворчеству, в дополнение к ранее согласованным комиссиям парламента, не получило одобрения в Баку. М.Дж.Багиров дал указание не создавать никаких комиссий, кроме ранее согласованных. В то же время он рекомендовал не допускать беспорядков в Тебризе во время заседаний Меджлиса.

По ходу выполнения секретного постановления ЦК ВКП(б) от 6 июля 1945 года «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других областях на севере Ирана» член бакинской «тройки» в Тебризе Мирза Ибрагимов, народный комиссар внутренних дел Мир Теймур Якубов, комиссар государственной безопасности Степан Емельянов представили М.Дж. Багирову свои предложения по дальнейшему развитию событий. В документе было записано: «Направляем проект предложений о главной задаче второго этапа национально-освободительного движения в Иранском Азербайджане, подготовленный по вашему поручению». Программа действий, выработанная по ходу обсуждений между ответработниками из Советского Азербайджана и лидерами АДП, включала открытие 12 декабря первой сессии азербайджанского Милли Меджлиса и формирование кабинета правительства автономного Азербайджана. В период с 15 по 20 декабря предусматривалось добиться подчинения реакционных чиновников новому азербайджанскому правительству и этим завершить первый этап национально-освободительного движения. В проекте подчеркивалось, что лидеры ЦК АДП и руководители Национального комитета озабочены дальнейшим ходом автономистского движения и тем, какую форму оно может принять. Результаты анализа первого этапа национально-освободительного движения показывают, что даже в случае, если шах и Иранское правительство официально признают автономию Азербайджана, вывод советских войск за пределы Северного Ирана может в корне изменить ситуацию. По мнению лидеров АДП, любое

правительство в Иране, воспользовавшись выводом советских войск, может силой оружия ликвидировать автономию Азербайджана [18].

Руководители Советского Азербайджана были согласны с таким мнением демократов. Они объясняли позицию официального Ирана тем, что правительственные круги, общественно-политические силы этой страны заражены великодержавным фарсидским шовинизмом. В документе, направленном М.Дж.Багирову, говорилось: «По их (руководителей демократов – Дж.Г.) твердому убеждению, единственной гарантией защиты национальных прав азербайджанцев, живущих в Иранском Азербайджане, может быть создание самостоятельного народно-демократического государства типа Монгольской Народной Республики». Таким образом, развитие самих событий и твердолобая позиция реакционного тегеранского правительства по отношению к требованиям азербайджанского народа само собой неизбежно приведут к созданию самостоятельного народно-демократического правительства в Иранском Азербайджане. «С целью ликвидации исторической несправедливости и удовлетворения вековой мечты и чаяний азербайджанского народа мы считаем правильными предложения Национального комитета и ЦК Азербайджанской Демократической партии по главной задаче второго этапа национальной освободительной борьбы в Иранском Азербайджане – созданию государственности типа Монгольской Народной Республики» [19].

Спустя примерно месяц в документе, озаглавленном «Требования азербайджанского народа» и подписанном лидерами Национального правительства во главе с С.Дж.Пишевари, идея независимости получила дальнейшее развитие: «Мы должны, полностью отделившись от Ирана, организовать свое независимое государство на демократических основах, т.е. создать Азербайджанскую Национально-демократическую Республику. Наша страна должна именоваться Азербайджанской национально-демократической республикой» [20]. Следующим же этапом национального движения, как неоднократно подчеркивалось в ходе обсуждений лидеров Демократической партии и руководства Советского Азербайджана, должно стать объединение всего Азербайджана. Тайно и явно боровшийся против образования АДП и независимости Азербайджана и снабжавший советское руководство секретными материалами один из лидеров партии «Туде» А.Ованесян позднее говорил: «Зародившееся в Азербайджане движение было результатом личных планов М.Дж. Багирова и С.Дж.Пишевари и разворачивалось под их диктовку. Я был полностью против этого движения. Багиров хотел объединить пятимиллионный Южный Азербайджан с трехмиллионным Северным и самолично здесь править». [21].

Примерно такой ход событий предполагали и политические и военные круги Ирана. Начальник Генерального штаба генерал Гасан Арфа в опубликованных позднее за рубежом мемуарах пишет: «Начался процесс отделения этого региона от Ирана и присоединения к его Советскому Азербайджану» [22].

Наконец, после серьезной подготовки и согласований с советским политическим руководством, 12 декабря 1945 года (21 Азера 1324 года) в 9 часов утра в тебризском кинотеатре «Дидабан» открылась первая сессия азербайджанского Милли Меджлиса. Это событие в судьбе всего азербайджанского народа – день «21 Азера» - стало достоянием истории [23]. В сообщении Азербайджанского телеграфного агентства из Тебриза отмечалось: «Памятные даты есть в биографии каждого человека, их много в истории каждого народа и государства. Для пяти миллионов азербайджанцев, живущих в Северном Иране, навсегда будет памятен день 21 Азера (12 декабря)» [24].

В первой сессии участвовали 76 из 95 депутатов, избранных в разных частях Азербайджана. Присутствовали работники советского Генконсульства, французский дипломатический представитель, он же руководитель французской католической миссии, а также чиновники генерал-губернаторства. Заседание открыл старейший депутат, крупный помещик Низамуддovла Рафии. После избрания временного президиума был поставлен на обсуждение внутренний устав Меджлиса. Наиболее оживленному обсуждению подверглась статья 35 устава, предусматривающая формирование кабинета министров из 10 министров во главе с премьер-министром. Ряд депутатов, в том числе депутаты из Миане и Маранда, требовали создать и министерство иностранных дел. Председательствующий С.Дж.Пишевари объяснил, что Азербайджан добился своей автономии, но остается в составе иранского государства, а потому в министерстве иностранных дел нет необходимости. Большинство голосов Меджлис не считал нужным создание министерства иностранных дел.

Путем голосования устав был утвержден единогласно. Затем тайным голосованием Меджлис избрал постоянный президиум в составе: Мирза Али Шабустари (председатель Милли Меджлиса), Садыг Падеган, Н.Рафии и Гасан Джевдет - заместители председателя, Миррагим Вилаи и Мухаммед Азими – секретари Меджлиса, Алиаскер Дibaиан, Садыг Дилмагани и Мурадалихан Баят Маку - члены президиума.

М.А.Шабустари, в соответствии со статьей 33 устава Меджлиса, предложил поручить формирование правительства Азербайджана лидеру Демократической партии С.Дж.Пишевари, получившему большинство голосов во время выборов.

Во время заседания явились два представителя от жандармерии города Тебриза с ответом на ультиматум о разоружении, предъявленный жандармскому управлению партизанами. Они объявили, что жандармерия приняла условия ультиматума. Парламент поручил двум депутатам – Гуламу Яхья Данешану и Вилаи официально оформить сдачу жандармским управлением оружия. На этом утреннее заседание завершилось. Собравшиеся у кинотеатра «Дидабан» жители Тебриза встретили депутатов аплодисментами [25].

Основным вопросом вечернего заседания 12 декабря было формирование Азербайджанского национального правительства. По представлению С.Дж.Пишевари кабинет министров был утвержден в следующем составе: Сеид Джафар Пишевари – премьер-министр, Саламулла Джавид – министр внутренних дел, Гуламура Илхами – министр финансов, Рза Расули – министр экономики и торговли, Джафар Кавиан – министр ополчения, Гасан Оренги – министр здравоохранения, Мирза Раби Кыбири – министр почт и телеграфа, Юсиф Азими – министр юстиции, Джавид Мехташ – министр сельского хозяйства, Мухаммед Бирия – министр просвещения [26]. Позднее Гасан Джевдет заменил Рзу Расули. На этом же заседании Зейналабдин Гиями был утвержден председателем Верховного суда, а Фирудин Ибрагими – прокурором Азербайджана. Окончив формирование кабинета, С.Дж.Пишевари представил программу правительства [27].

С.Дж.Пишевари так сформулировал задачи нового правительства: «Азербайджанское национальное правительство, будучи создано для счастья и благополучия народа, призывает всех быть деятельными, справедливыми, беречь мир и порядок, сохраняя между собой братские отношения... От каждого требуется служение народу и стране, отдача сил на благо будущего Азербайджана. А государство постарается создать ему приемлемые условия». Функционирующим в Тебризе дипломатическим правительствам было объявлено, что они могут продолжать свою деятельность в соответствии с общепринятыми международными нормами. «Национальное государство не пожалеет усилий для охраны спокойствия и имущества граждан зарубежных демократических государств» [28].

На следующее утро мэр Тебриза Ровшани известил советского генерального консула А.Красных, что М.Баят дал указание армии, полиции и жандармерии не оказывать сопротивления и подчиниться демократическому правительству, считая кровопролитие бессмысленным. Ровшани также сообщил, что Баят настаивает на необходимости считаться с национальным правительством, так как это выбор народа, и он полагает, что Баят готов сотрудничать с азербайджанским правительством как представитель центрального правительства. Вечером того же дня Баят

встретился с американским консулом и обсудил с ним сложившееся положение. 13 декабря было получено сообщение, что Баят срочно готовится к выезду в Тегеран и обратился к Красных за содействием в предоставлении ему самолета через «Интурист». Генконсул Красных отдал такое распоряжение. Мэр Ровшани от имени Баята просил также во избежание отдельных эксцессов, грабежей и беспорядков в городе не отказывать в помощи Красной Армии. Красных дал положительный ответ. По этому поводу М.Дж.Багиров писал Сталину: «Считаем ответ Красных неудачным и дали нашим военным товарищам вновь указание не вмешиваться в происходящие дела, тем более что порядок в городе обеспечен самими демократами» [29].

После образования Национального правительства пребывание вали М.Баята в Тебризе стало бессмысленным. Поэтому было принято решение направить к нему официальную делегацию с требованием покинуть пределы Азербайджана. Баят, не имея никакой поддержки, не считал возможным сопротивляться и заявил о своем согласии [30].

13 декабря, после шестнадцатидневного пребывания в Азербайджане, М.Баят вместе с шестью журналистами из тегеранских газет покинул Тебриз [31]. На аэродроме его провожали Пишевари и секретарь советского консульства. С.Дж.Пишевари потом вспоминал: «Чтобы подчеркнуть разумную непредвзятость наших отношений, мы проводили его до аэродрома. Там я лично заявил ему, что при условии принятия Тегераном наших условий мы готовы в любой момент начать переговоры с тегеранским правительством» [32].

После отъезда Баята руководители Национального правительства переехали в его резиденцию. В ночь на 12 декабря по дороге в Марагу, недалеко от Тебриза, партизанами был задержан следовавший на автомобиле английский консул в Тебризе Уолл. Очевидно, под предлогом поездки в Марагу он хотел разведать ситуацию вокруг Тебриза. На предложение вернуться в Тебриз Уолл ответил отказом и настаивал на встрече с предводителем партизанского отряда. Всю дорогу до местечка Уску Уолл через своего переводчика выпытывал, откуда у партизан оружие, много ли партизан. «Тегеран не дает автономию Азербайджану... У вас нет денег, вы не сможете существовать», - внушал он им. [33]. Командующий партизанским отрядом немедленно пропустил Уолла, и он ночью прорвался в Курдистан.

В ночь с 12 на 13 декабря завершился процесс разоружения жандармов. После вечернего заседания Меджлиса начались переговоры между представителями Национального правительства и командиром Тебризской дивизии генералом Дарахшани. Дарахшани согласился подчиниться азербайджанскому правительству. Он дал приказ войскам даже в случае проникновения феодалов в военный городок не открывать

огонь. Для окончательного решения проблемы он попросил срок до 9⁰⁰ 13 декабря. Однако к установленному сроку он не явился в правительственную резиденцию. К 12⁰⁰ его вызвал к себе лично Пишевари. На требование Пишевари принять предложение правительства о подчинении дивизии и сдаче оружия генерал попросил дать ему возможность подумать полтора часа. Пишевари согласился. По истечении срока Дарахшани вновь не явился, а по телефону просил дать ему еще сутки на обдумывание. На этот раз Пишевари категорически отказал. После окончания переговоров с Пишевари Дарахшани обратился с письмом к командиру советского корпуса генерал-лейтенанту Глинскому, в котором известил его, что город окружен большим числом вооруженных людей и в случае атаки с их стороны дивизия будет обороняться.

На вечернем заседании Милли Меджлиса Пишевари доложил о действиях Дарахшани и охарактеризовал их как шаг к кровопролитию. Срочно были подготовлены листовки, разъясняющие населению провокационное поведение иранского генерала. Депутаты дали слово быть верными правительству и делу Азербайджанской автономии. Они дали клятву на Коране, что будут беспрекословно выполнять решения Меджлиса и с честью служить своему народу. К командованию советской 4-й армии обратились с просьбой выделить для успешного разоружения дивизии в помощь командирам партизанских отрядов четырех хороших инструкторов и переводчиков. Однако командующий Бакинским военным округом генерал армии Иван Масленников запретил делать это. В его приказе отмечалось: «Никаких инструкторов не выделять. Глинскому совершенно в происходящие события не вмешиваться, заниматься руководством боевой подготовки корпуса в соответствии с моими личными указаниями. Атакишиев располагает всеми другими возможностями, и ни в коем случае без моего разрешения ни одного солдата и ни одного офицера ему не давать» [34]. Заместитель комиссара государственной безопасности Азербайджанской ССР генерал А.Атакишиев получил распоряжение не переходить к активным действиям против дивизии Дарахшани, но блокировать гарнизон, лишив его воды и продовольствия. Как считали советники, в результате солдаты сами сложат оружие. Одновременно Национальному правительству было рекомендовано привлечь к процессу разоружения гарнизона влиятельных людей и использовать все мирные средства.

Дарахшани не смог договориться с Тегераном. В телеграфном сообщении на имя премьера Хакими он сообщил, что если к 9 часам вечера 13 декабря гарнизон не сдастся, то демократы при поддержке советских войск атакуют иранские военные части. Хакими был вынужден поручить военному министру генералу Риязи подготовить вместе с начальником Генштаба Арфа приказ о сдаче дивизии. После долгих обсуждений

премьер-министр сам подписал бесславный для Тегерана приказ и направил его Дарахшани. Но он опоздал, за два часа до отправки приказа Дарахшани сдался [35].

В 8 часов вечера 13 декабря Дарахшани по телефону попросил Пишевари принять его. Он был принят в присутствии Шабустари, Джавида, Бирии и других. Дарахшани заявил о своем согласии вместе с Тебризским гарнизоном подчиниться, однако он отказался отдать соответствующий приказ командирам бригад в Резайе и Ардебиле, ссылаясь на подчинение этих бригад непосредственно Тегерану. Дарахшани также передал желание группы офицеров уехать в Тегеран и просил дать им гарантии безопасности. Такие гарантии были даны.

Пишевари и Дарахшани подписали документ о подчинении иранской дивизии в Азербайджане Национальному правительству и ее разоружении. В нем отмечалось: «Войска Тебризского гарнизона полностью подчиняются Национальному правительству Азербайджана; немедленно слагают свое оружие, отправляя его в склад под охрану партизан; без разрешения Национального правительства войска не выходят из своих казарм; офицерам, не желающим продолжать службу в Тебризе, будет разрешен выезд в Тегеран; офицерам и солдатам, остающимся служить, оружие будет возвращено после принятия присяги» [36]. Членам нового правительства Илхами и Джавиду было поручено отправиться в казармы, переговорить с офицерами и принять у них оружие. После подписания документа Дарахшани заявил, что он не хочет возвращаться в гарнизон и просил Пишевари разрешить ему переночевать в помещении, занимаемом Национальным правительством. Ему была предоставлена возможность переночевать в доме у председателя азербайджанского Меджлиса М.А.Шабустари.

Пришло распоряжение от М.Дж.Багирова, чтобы солдат дивизии не вооружать пока не будет произведено полное разоружение иранских гарнизонов, особенно бригады в городах Ардебиле и Резайе. Солдат и офицеров дивизии, желающих разойтись по домам, не задерживать, чем облегчить положение с продовольственным снабжением и материальным обеспечением [37].

Утром 14 декабря партизанские отряды организованно вошли в Тебриз. Премьер-министр С.Дж.Пишевари объявил, что все учреждения и предприятия целиком находятся в руках Национального правительства. В связи с наступлением религиозных траурных дней месяца Мухаррам Милли Меджлис приостановил работу на одну неделю.

На этом осуществленная под военной, политической, дипломатической опекой и при активном участии СССР первая стадия национально-освободительного движения в Южном Азербайджане – процесс завоевания власти – завершилась [38]. По мнению С.Дж.Пишевари, в результате

стремительного развития событий «с ликвидацией двоевластия в Азербайджане и передачей полномочий в руки народного Национального правительства не только в Азербайджане, но и во всем Иране началась новая эпоха» [39].

ИРАНСКИЙ АЗЕРБАЙДЖАН И МОСКОВСКАЯ ВСТРЕЧА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

В день открытия первой сессии азербайджанского Милли Меджлиса и образования Национального правительства премьер-министр Хакими выступил в иранском парламенте. Он заявил, что собирается поехать в Москву вместе с министром иностранных дел, чтобы прояснить множащиеся проблемы. Страна находилась во власти волнений. Не было дня, чтобы азербайджанский вопрос не обсуждался в иранском Меджлисе. Разворачивалась кампания клеветы, направленная против азербайджанских депутатов. Трибуна Меджлиса превратилась в блиндаж «защитников Отечества». Ораторы требовали от правительства решительных действий. Происходящее в Азербайджане классифицировалось как «вмешательство извне». СССР обвиняли во вмешательстве во внутренние дела Ирана. Председатель Меджлиса Сеид Мухаммед Садиг Табатабаи, доктор Мехти Абдо, доктор Ахмед Этибар, Сеид Мехти Фаррох, Насир Ардалан, Гусейн Фархуди и другие требовали от северного соседа предоставить Ирану свободу действий. Ряд депутатов считали азербайджанские события логическим продолжением царящей в стране анархии. Для изучения ситуации в Азербайджане была создана специальная комиссия из представителей разных фракций Меджлиса. Были и такие, кто предлагал послать войска на север и даже, в случае необходимости, «воевать с русскими». Мухаммед Мусаддиг видел выход из положения в немедленном проведении реформ. Представители «Туде» объясняли ситуацию в Азербайджане бестолковой политикой правительства. Тудеист Рза Радманеш заявил, что политика правительства даже самых аполитичных граждан настраивает против него. Он опроверг публикации газет, близких к Сеиду Зияеддину, где говорилось о желании СССР присоединить Южный Азербайджан к Советскому Азербайджану. Радманеш предупредал, что не только Азербайджан, но и весь Иран

нуждается в серьезных реформах. А депутат Мюзаффарзаде все проблемы объяснял бестолковой деятельностью сторонников Сеида Зияеддина. Ссылаясь на исторический опыт и сравнивая деятельность Пишевари и Сеида Зияеддина, он говорил: «Когда в 1919 году Сеид Зияеддин подписывал неравноправный договор с англичанами, Пишевари боролся против этого договора» [1]. Положительная характеристика Пишевари, данная в выступлении Мюзаффарзаде, стала причиной шумно выраженного недовольства части депутатов парламента.

14 декабря на повестке дня закрытого заседания иранского Меджлиса была ситуация в Азербайджане. Только что вернувшийся из Тебриза М.Баят сообщил, что когда он был командирован в Тебриз, там уже шли выборы в Милли Меджлис и в течение нескольких дней ему встретиться с руководством Демократической партии не удавалось. Наконец, когда эта встреча состоялась, лидеры АДП заявили, что их многочисленные обращения к центральному правительству остались безрезультатными и теперь они вправе самостоятельно принимать решения. В то же время они уверяли, что у них нет никаких сепаратистских намерений. Азербайджанское правительство обязуется перечислять 25% собранных налогов в пользу государственной казны, а 75% будет идти на нужды Азербайджана. Затем Баят обстоятельно рассказал об открытии Милли Меджлиса и образовании Национального правительства. Он обратил внимание собрания, что в правительстве Пишевари нет министров иностранных дел и обороны, а также сообщил, что сам он был приглашен на сессию, но отклонил приглашение. Он также остановился на встрече с членами правительства доктором Джавидом и Илхами и на том, как достойно Пишевари провожал его. Говоря о Тебризском гарнизоне, Баят отметил, что соединение не обладает достаточной силой, чтобы оказывать сопротивление и контролировать ситуацию в Азербайджане. Столкновение гарнизона с демократами может привести к кровопролитию [2]. Депутаты от Азербайджана – Мехти Адл, Фарман Фарманиан, Фатали Ипекчиан и другие в своих выступлениях предлагали решить проблему путем переговоров.

В тот же день редактор газеты «Фарман» Шахенде взял интервью у командира дивизии в Азербайджане генерала Дарахшани. На вопрос редактора, кто отдал приказ о сдаче гарнизона, Дарахшани или центральное правительство, генерал ответил, что это произошло по его приказу. «Я направил рапорт с отчетом о положении в Азербайджане и о новом правительстве и попросил разрешения сдать. Я считал кровопролитие трагедией для азербайджанского народа. Если бы дивизия оказала сопротивление, то пролилось бы много крови», - прямо сказал он. Дарахшани рассказал об участии всех слоев населения в азербайджанском демократическом движении и что ни он, ни его офицеры не подверглись в

Тебризе преследованиям, с солдатами и офицерами после сдачи обращались достаточно вежливо [3].

Азербайджанская тема была на первых полосах всех иранских изданий. Выходящая в Тегеране газета «Дария» посвятила азербайджанским событиям специальный номер. В этом выпуске описывались окружение демократами Тебриза, беседа Баята с советским генконсулом, разоружение полиции и жандармов вооруженными отрядами, захват государственных зданий и в то же время сообщалось, что между правительственными войсками и отрядами демократов вооруженные столкновения не наблюдаются [4]. 17 декабря газета «Иране Ма» также выпустила специальный номер. Он был подготовлен на основе материалов выходящей в Тебризе газеты «Азербайджан». Из этого выпуска население Тегерана впервые узнало о составе Национального правительства и статьях протокола, подписанного 14 декабря Пишевари и генералом Даракшани [5]. По информации тегеранской «Эттелаат», 125 офицеров и 40 сержантов капитулировавшей Тебризской дивизии в середине декабря прибыли в Тегеран. Защищающая политику премьера Хакими газета называла азербайджанский кризис не иначе как «бунт», а движущие силы именовались мятежными. «Эттелаат» старалась внушить своим читателям, что целью Демократической партии является отделение Азербайджана от Ирана [6].

Невзирая на злопыхательские выступления проправительственных изданий, ряд тегеранских газет начал публиковать подробные материалы об истинной ситуации в Азербайджане, деятельности Национального правительства, лидерах АДП и др. «Дад» в номере от 19 декабря поместила биографию главы Национального правительства Сеид Джафара Пишевари и его портрет. Одним словом, политико-информационная окраска событий в Тебризе и вокруг него в иранской прессе была весьма пестрой и неоднозначной – от косвенной солидарности с национальным движением до откровенной злобы и агрессивности. Вместе с тем глубокую озабоченность и даже тревогу проявляли официальные круги страны. О многом говорит хотя бы тот факт, что с момента создания Национального правительства только в декабре дважды премьер Хакими, один раз министр внутренних дел Халил Фахими, три раза министр финансов Абдул Гусейн Хаджир, дважды военный министр генерал Риязи выступали с отчетами по Азербайджану в иранском Меджлисе. Особо показательна речь премьер-министра 18 декабря. Он отметил, что некоторое время назад в Азербайджане небольшая группа людей начала различные провокационные выступления, их заявления противоречили Основному Закону страны, поэтому правительство не могло оставить это без внимания. Власти сначала пытались мирным путем отговорить этих людей от прямых акций, полагая, что как иранцы они не могут не считаться с

высшими интересами страны и не поставят под угрозу ее безопасность. К сожалению, эта группа не отказалась от своих зловредных идей и, даже когда правительство послало в Тебриз нового генерал-губернатора, продолжала проводить в жизнь свои планы, направленные во вред целостности страны. А недавно они представили ряд лиц в качестве министров и захватили государственные учреждения. Премьер-министр заявил, что он не хотел бы, чтобы пролилась хоть капля крови его соотечественников, но тем не менее нельзя допустить, чтобы небольшая группа людей, подняв мятеж, «подчинила себе наших азербайджанских братьев» [7].

Хаками считал все происшедшее следствием пребывания в Иране иностранных войск и выразил надежду, что эти войска вскоре покинут Иран. Он пытался уверить собрание, что случившееся не имеет к азербайджанцам никакого отношения. «Я являюсь одним из сыновей Азербайджана и воспитывался в этом крае. Всю свою жизнь я имел контакт и общение с различными слоями и представителями населения этой провинции и прекрасно знаю патриотические чувства и любовь к Ирану каждого из своих азербайджанских братьев и сестер...» [8]. В конце своего выступления премьер заявил, что через шахского посла в Москве передал советскому руководству свое пожелание посетить Советский Союз.

Стремление Хаками отправиться в Россию совпало с созывом совещания трех министров иностранных дел союзных держав в Москве. В официальных нотах, направленных 13 и 14 декабря всем трем государствам, было заявлено, что единственный и срочный вопрос, по которому ожидается благоприятное решение, это срочная и полная эвакуация со всей территории Ирана всех войск. Если помимо этого вопроса будет рассматриваться относительно Ирана какой-либо другой вопрос, то, принимая во внимание независимость и суверенитет Ирана, а также во исполнение 6-й статьи Тройственного договора и Тегеранской декларации руководителей трех держав, должно быть запрошено мнение и согласие иранского правительства [9].

Московское совещание министров иностранных дел стало важным рубежом в эскалации иранского кризиса. Иранское правительство настаивало на включении своей проблемы в повестку дня совещания и даже официально предлагало направить в Москву делегацию в составе премьер-министра и министра иностранных дел [10]. Планируя повестку дня совещания, Наркоминдел СССР не включил в нее иранский вопрос, хотя и предполагалось, что он может быть предложен другими участниками встречи. В связи с этим ответственным сотрудникам было дано поручение к 1 декабря представить свои соображения и материалы. Анализ этих документов показывает, что рекомендации советников

Молотова были крайне жесткими. В меморандуме наркомму от 13 декабря предлагалось снять поступившее 7 декабря от Бирнса как инициатора московского совещания предложение о рассмотрении иранского вопроса, если не будет принято встречное предложение СССР о выводе английских войск из Греции и американских – из Китая. А вероятное предложение Бевина и Бирнса о направлении особой комиссии союзников в Иран – отвергнуть под предлогом «вмешательства во внутренние дела» страны [11]. Эта же мысль проводилась в составленных 13-15 декабря проектах решения совещания по Ирану.

13 декабря, еще до прибытия в Москву министров иностранных дел, заведующий ближневосточным отделом НКВД СССР М.Силин подготовил обширную справку об азербайджанских событиях и о выводе союзных войск из Ирана. В справке указывалось, что английская и американская стороны постараются включить вопрос о выводе войск в повестку дня Московского совещания, и связано это с происходящим в Иранском Азербайджане. Правительство Ирана 26 ноября обратилось к Англии, США и СССР с просьбой создать условия для свободного передвижения по стране иранских войск, с тем чтобы они могли восстановить порядок в Азербайджане, а Хакими 11 декабря дал интервью английской прессе, где снова поднял вопрос о выводе союзных войск. По мнению М.Силина, Э.Бевин и Дж.Бирнс, настаивая на выводе войск, собираются аргументировать это стремлением тегеранского правительства разобраться с азербайджанскими событиями. М.Силин отмечал, что они будут требовать не только вывода войск из Ирана, но и ввода иранских войск в Азербайджан и поднимут вопрос о создании международной комиссии по изучению положения в регионе. Поэтому кремлевский дипломат предлагал вынести этот вопрос за рамки повестки дня, а если союзники не согласятся, то добиться, в свою очередь, включения в повестку вопроса о выводе англо-американских войск из Китая и Греции. М.Силин считал, что не следует брать на себя каких-либо обязательств по выводу войск. В письмах Гарриману от 29 ноября и Керри от 30 ноября уже отмечалось, что ввод иранских войск в Азербайджан вызовет нежелательный рост напряженности и вынудит СССР ввести туда дополнительные войска. Что же касается азербайджанских событий, то М.Силин предлагал «рекомендовать иранскому правительству внимательнее отнестись к национальным нуждам населения Иранского Азербайджана и разрешить этот вопрос мирным путем, без кровопролития, на основе принципов демократии».

За несколько дней до приезда в Москву министров иностранных дел США и Великобритании, 10 декабря английский посол А.Керр повторно обратился к В.Молотову по поводу вывода иностранных войск из Ирана. В ответном письме от 13 декабря В.Молотов писал: «Ваше письмо

относительно предложения Британского Правительства обсудить план отвода советских и британских войск из Ирана получено мною 10 декабря. По существу предложения я придерживаюсь прежнего мнения, изложенного в моем письме от 20 сентября с.г., что этот вопрос можно будет обсудить в конце установленного срока, то есть, например, в феврале месяце, если это окажется необходимым. В настоящее же время я не вижу необходимости в обсуждении этого вопроса» [12].

В управлении ближневосточными и африканскими делами госдепартамента США также активно готовились к обсуждению иранского кризиса в Москве. По мнению его руководителя Гендерсона, именно США предстояло «взять на себя лидерство в дискуссии по Ирану», поскольку в отличие от Англии и СССР Соединенные Штаты трудно было заподозрить в «эгоистических интересах», подобная аргументация явно расходилась с реальностью. В меморандуме от 11 декабря Гендерсон рекомендовал Бирнсу дать понять Молотову и Бевину, что для США ситуация в Иране важна не как региональная проблема, а как «испытание способности постоянных членов Совета Безопасности сотрудничать друг с другом на основе уважения суверенитета малых государств – членов Объединенных Наций» [13].

К концу 1945 – началу 1946 годов в госдепартаменте на уровне аналитических разработок была сформулирована новая геополитическая концепция американской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Интересы Англии и СССР рассматривались ее авторами по классической схеме «баланса сил»: после разгрома Германии и Японии исчезли два главных препятствия на пути «русской экспансии» на Запад и на Восток. С этой точки зрения события в Иране и Турции толковались как попытка СССР сломать последний барьер и устремиться на юг, к Индии и другим колониальным владениям Англии, которые она уже не в состоянии защитить [14]. За этими теоретическими выкладками экспертов, главным из которых являлся Гендерсон, стояла задача мобилизовать администрацию на более решительные действия, пока «Советский Союз не пошел еще дальше в Иране и Турции» [15].

14 декабря госсекретарь США Дж.Бирнс приехал в Москву. Спустя сутки сюда прибыла английская делегация во главе с министром иностранных дел Э.Бевинем. 16 декабря совещание министров иностранных дел союзников начало свою работу. В день его открытия газета «Известия» опубликовала обширную информацию под заглавием «Образование Национального правительства Иранского Азербайджана» [16]. В тот же вечер Московское радио передало большой репортаж об установлении народной власти в Южном Азербайджане, а 17 декабря ТАСС сделал достоянием гласности для широких международных кругов «Манифест Национального правительства Иранского Азербайджана» [17].

Главы иностранных ведомств США и Британии еще в период подготовки к московской встрече получили обширную информацию о событиях в Южном Азербайджане. Посол США в Иране Уоллес Мюррей за один день 13 декабря направил госсекретарю четыре донесения. В первом из них, описывая политику министерства иностранных дел Ирана в отношении Азербайджана, посол писал: «Опираясь на поддержку Америки и Британии, иранское правительство собирается продолжать свою политику в Азербайджане. Мы же отметили, что для нас очень важно, чтобы после обсуждения вопроса в Москве политическая точка зрения Ирана не изменилась» [18]. В следующем донесении Мюрреем сообщал, что иранское правительство считает действия азербайджанских демократов противозаконными. Отмечая, что азербайджанские события мешают осуществлению запланированных Хакими реформ, посол напомнил, что премьер отдает предпочтение переговорам. По его мнению, переговоры следует продолжать, хотя они пока безуспешны. Через иранского посла в Москве советскому правительству было предложено начать переговоры на уровне министров иностранных дел [19]. Наконец, в последнем донесении, отправленном вечером 13 декабря, американский посол докладывал о своей встрече с Хакими: «Сегодня премьер сообщил мне, что на его предложение приехать в Москву и участвовать в переговорах советская сторона никак не отреагировала. Теперь, если он не получит специального приглашения для участия в Московской конференции, то откажется от идеи поездки. Премьер заявил, что даже если такое приглашение поступит, то он подумывает послать туда посла Меджида Ахи» [20].

Посол Великобритании Уильям Р.Буллард также 13 декабря направил в Форин офис срочные донесения, схожие по содержанию с посланиями Мюррея. Все отчеты, отправленные в Вашингтон и Лондон, свидетельствуют о том, что не только иранское правительство, но и западные посольства под влиянием разворачивающихся в Азербайджане событий находились в состоянии растерянности и не видели выхода из создавшейся ситуации. В этом смысле очень показательна телеграмма, посланная 15 декабря Мюрреем в Вашингтон и Дж.Бирнсу в Москву. Он с тревогой писал: «Демократы» захватили контроль над всеми дорогами, деревнями и городами (включая Тебриз и Ардебиль). Они провели выборы, создали «Парламент» и назначили «Кабинет министров». Иранскому правительству не хватило сил ни подавить восстание, ни вести с ними переговоры, ни договориться с СССР дипломатическим путем. В пользу восставших говорит тот факт, что народ действительно недоволен центральным правительством. Даже сторонники правительства признают, что представители центрального правительства в провинции на фоне коррупции и взяточничества, не заботятся о простых людях и защищают

крупных земельных собственников. Если в скором времени это движение не будет взято под контроль, то такие же беспорядки произойдут и в других районах страны. Если вопрос не будет решен, мы можем ожидать вхождение северных областей в состав СССР» [21]. Ознакомившись с докладами своих тегеранского и московского послов, обеспокоенный Дж.Бирнс сообщил в Белый дом, что Советы хотят держать Южный Азербайджан под своим контролем. Газета «Нью-Йорк Таймс» уже поведала американской общественности, что Иран потерял столицу Азербайджана Тебриз. Раздосадованный действиями СССР, президент Г.Трумэн свое написанное, но не отправленное Бирнсу письмо завершает угрожающей фразой: «Я устал нянчиться с Советами» [22].

Иранское правительство, однако, не теряло надежды, что на Московском совещании министров иностранных дел ситуация разрешится в его пользу. В своей ноте от 15 декабря, направленной США, Великобритании и СССР, иранцы настоятельно просили союзников срочно вывести войска со своей территории. В ноте подчеркивалось, что пребывание иностранных войск на территории Ирана не позволяет его силам безопасности свободно действовать и обеспечивать порядок [23]. Из дипломатической переписки видно, что, пользуясь сложностью момента, США постепенно берут инициативу в свои руки, укрепляя Иран во мнении, что азербайджанская проблема порождена политикой Советского Союза. В конце декабря, в разгар событий, Роберт Россоу, только что назначенный консулом США в Тебризе, писал: «Генеральный консул Советов в Тебризе, носящий голубые петлички Красных, был вдохновителем восстания. Он контролировал городскую комендатуру, которая более подчинялась политическому, чем военному руководству, и организовывал ее работу. Большинство восставших были эмигрантами из Северного Азербайджана, несколько месяцев назад прошедших специальную подготовку и называвшихся демократами...» [24].

Попытка приписать растущее национальное движение только козням коммунистов способствовала консолидации великих держав Запада. Несмотря на то, что получающее помощь от Советского Союза Азербайджанское Национальное правительство объявило частную собственность неприкосновенной и тем самым в какой-то мере пыталось дистанцироваться от коммунистической идеологии, никто на Западе этому не верил. Выпячивание угрозы коммунизма в Южном Азербайджане использовалось американцами как способ удержать Иран под своим влиянием. Через пять дней после образования Азербайджанского Национального правительства близкий к правительственным кругам журнал «Тайм» на обложке номера от 17 декабря поместил портрет шаха Мохаммеда Реза. Под портретом было написано: «Шах Ирана. Его влиятельные друзья желают его нефти». В журнале публиковалась

большая статья об Иране и его молодом правителе. Подчеркивалось, что Сеид Джафар Пишевари прибыл из Баку явно неспроста, а разворачивающиеся тебризские события представляют собой угрозу правлению шаха. Здесь же была изображена карта с политической подоплекой. На ней Южный Азербайджан охвачен серпом, рукоятка которого упирается в Баку [25]. Этот же журнал в своем последнем декабрьском номере объявил «Человеком года» политика, желающего «спасти» Иран от этого серпа. Это был президентствующий всего несколько месяцев Г.Трумэн. Его портрет на обложке журнала был наложен на изображение взрыва атомной бомбы [26]. В эти кризисные декабрьские дни руководитель отдела Среднего Востока госдепартамента Гарольд Мейнор, анализируя ситуацию, приходит к выводу: «Единственная надежда Ирана – Соединенные Штаты» [27].

По ходу Московского совещания заместитель госсекретаря Дин Ачесон писал американскому послу в СССР А.Гарриману: «Иранский посол, позвонив в государственный департамент, взволнованно и возмущенно сообщил, что его правительство, не желающее, чтобы и другие территории, оказавшиеся под советской оккупацией, разделили судьбу Азербайджана, надеется только на помощь США, а также добавил, что Иран погибнет, если потеряет и остальные подконтрольные СССР районы» [28]. Действительно, вскоре посол в Тегеране Мюррей сообщил, что советский консул в Тебризе Красных и несколько его сотрудников, соответствующим образом проинструктированные, направлены в Мешхед, чтобы и в Хорасане организовать демократическое движение по типу азербайджанского [29]. Далее Ачесон довел до сведения Гарримана обеспокоенность иранского посла судьбой всего мира: «Он говорит не только об Иране, но и о безопасности всего мира, потому что Азербайджан – это первое звено той цепи событий, которые могут охватить Турцию и другие страны Ближнего Востока. Он добавил, что если не будут приняты действенные меры, то ООН потеряет статус гаранта мира и справедливости во всем мире. Повторятся события, случившиеся в Маньчжурии, Эфиопии, Мюнхене. Азербайджан станет очагом третьей мировой войны» [30]. Несомненно, что эта телеграмма А.Гарриману на самом деле предназначалась для сведения Дж.Бирнса в Москве.

Как нарочно 20 декабря в газете «Известия» появилась статья «О наших законных требованиях к Турции», подписанная двумя грузинскими учеными. В статье академики С.Джанашиа и Н.Бердзенишвили напоминали, что 13 октября 1921 года советские республики Закавказья уступили Турции часть своей территории: южный сектор бывшего Батумского округа, Артвинский, Ардаганский, Олтинский, Карский и Кагызманский округа и Сурмалинский уезд бывшей Эриванской губернии. К тому же академики утверждали, что смогли бы обосновать претензии по

поводу Пархальского, Тортомского, Испирского районов юго-западной Месхетии и поспорить насчет Лазистана.

Борьба азербайджанцев за автономию вынесла на повестку дня судьбу и других народов Кавказа, проживающих в Иране, в частности грузин, армян. Руководство Грузии и Армении попыталось воспользоваться моментом и обратить в свою выгоду процесс, развернувшийся в Южном Азербайджане. Например, народный комиссар иностранных дел Грузинской ССР Г.Кикнадзе писал В.Молотову, что на территории Ирана находится не малочисленное грузинское население, угнанное с родины в XVI-XVII веках во время неоднократных персидских набегов на Грузию. Только Шах Аббас I во время своих двух походов в 1614-16 гг. увел из Грузии более 100 тыс. грузин. Потомки этих грузин до сих пор живут в Иране. Большинство из них сосредоточены в отдельных поселениях. В одном лишь районе Фарейдана (Исфаган) проживает до 20 тыс. грузин, которые до сих пор не ассимилировались с иранским населением и еще сохранили свой родной язык и национальные особенности. Грузинское население Фарейдана почти полностью неграмотно. Во всей местности имеется только одна начальная школа с небольшим числом учащихся. Во всем районе нет ни одного лечебно-санитарного учреждения. Фарейданские грузины, оторванные в языковом отношении от иранцев и полностью утратившие всякие взаимоотношения с грузинским народом, ведут замкнутый образ жизни и находятся на весьма низком уровне социального и культурного развития. Эти грузины подвергаются жестоким притеснениям со стороны местной иранской администрации. В силу описанных тяжелых условий жизни грузинское население Фарейдана обречено в настоящее время на вымирание, если ему не будет оказана помощь извне.

Правительство Грузинской ССР сразу же выразило готовность оказать братскую помощь грузинам, проживающим в Иране, и считало необходимым послать в Иран комплексную экспедицию, состоящую из известных врачей, педагогов, историков, языковедов и других ученых для детального изучения на месте положения грузин в Иране. Эта экспедиция позволила бы также одновременно завязать непосредственные культурные связи Грузинской ССР с Ираном. Командированные смогли бы также сделать доклады для иранской прогрессивной общественности и рассказать о достижениях Грузии за годы советской власти. Отчет экспедиции дал бы возможность наметить в дальнейшем мероприятия по оказанию помощи проживающим в Иране грузинам на месте либо поставить вопрос об их переселении в Грузию, стремление к чему, по сведениям, у них довольно сильное. Кроме того, для систематического получения информации о грузинском населении Ирана и работе среди него Кикнадзе предлагал назначить в консульстве в Исфагане специального

сотрудника НКВД Грузинской ССР, который мог бы занимать должность вице-консула или первого секретаря этого консульства, поскольку Исфаган является местом наибольшего сосредоточения грузинского населения в Иране[31].

Кстати, этот второй вопрос решился довольно быстро, и для работы среди фарейданских грузин в консульство был направлен сотрудник НКВД Грузии. А в октябре 1946 года В.Деканов дал добро и на организацию радиотрансляции на грузинском языке для фарейданцев.

Таким образом, требования армян к Турции по поводу ее восточных провинций дополнились и требованиями грузин к Турции и Ирану. Обнародование этих претензий в правительственной газете свидетельствовало о крайней остроте проблемы [32].

В день открытия Московского совещания посол в Иране Мюррей сообщил Бирнсу: «Русское посольство в Тегеране не разрешило руководителю отдела Среднего Востока госдепартамента Г.Мейнору и заместителю военного атташе американского посольства капитану Гагарину посетить Тебриз в период с 14 по 24 декабря. Госсекретарь должен сообщить об этом Молотову. Если мы оставим эти действия без внимания, то Советы будут продолжать чинить препятствия работе нашего посольства» [33].

В первый день работы Московского совещания В.Молотов не позволил вынести на обсуждение иранский вопрос. Договорились обсудить эту проблему неофициально. 18 декабря британский министр иностранных дел Э.Бевин предложил Молотову обменяться мнениями по азербайджанским событиям. Он заявил, что британская общественность с интересом следит за политическими процессами в Иране, на что Молотов ответил, что Советский Союз не вмешивается в ход национально-освободительного движения в Азербайджане, и даже подчеркнул, что это целиком внутреннее дело Ирана. Что же касается вывода иностранных войск из Ирана, то это уже обсуждалось в Потсдаме и Лондоне и договоренность была достигнута. Нет причин снова возвращаться к этой теме.

19 декабря председатель Совнаркома И.Сталин принял Дж.Бирнса и Э.Бевина. По ходу переговоров в ряду других проблем был затронут и Южный Азербайджан. Сталин подтвердил все сказанное Молотовым, но добавил, что иранское правительство занимает неприязненную позицию по отношению к СССР. Это грозит организацией подрывных акций на нефтяных промыслах Баку. Поэтому Советский Союз продолжает держать свои войска в Иране. Сталин говорил, что СССР не имеет территориальных претензий к Ирану и, как только будет обеспечена безопасность бакинских нефтяных промыслов, советские войска покинут Иран [34].

Госсекретарю США, поинтересовавшемся, в какой мере Иран может представлять угрозу для Баку, посол Мюррей сообщил: «Заявления Советов, что «Иран создает угрозу бакинским нефтяным промыслам», абсолютно беспочвенны, и очень трудно понять, почему Советы придают этому столь большое значение».

На четвертый день Московского совещания Иран направил протест в Москву, Лондон и Вашингтон, угрожая вынести азербайджанский вопрос на обсуждение ООН [35]. После встречи со Сталиным Дж.Бирнс окончательно уверился, что проблема приобретает все более трудноразрешимые черты и настала необходимость представить ее ООН. 20 декабря Бирнс через Гарримана переслал Мюррею свои рекомендации иранскому правительству. Они заключались в следующем: «Прошу неофициально и секретно довести до сведения премьер-министра: вы рекомендуете, чтобы иранское правительство в скорейшем времени пошло на уступки и опередило требования, сформулированные азербайджанцами. Особенно считаю правильным введение преподавания на тюркском языке наравне с фарсидским и создание областных энджуменов в соответствии с Конституцией Ирана. Чтобы предотвратить обособление Азербайджана, такие шаги надо сделать непременно. Объясните премьер-министру, что вы не предлагаете ему соглашаться с созданием автономного правительства в Азербайджане. Подчеркните, что ваши предложения направлены на то, чтобы в глазах ООН и мировой общественности Иран выглядел справедливым, а иранское правительство нельзя было бы заподозрить в том, что оно пытается отнять у населения его конституционные права» [36].

Однако, даже являясь азербайджанцем по происхождению, Хаками вопреки всему пытался убедить американцев, что азербайджанский народ никогда не считал азербайджанский язык своим национальным языком и этот язык был насильно навязан ему во время монгольского нашествия. Он упорно утверждал, что азербайджанцы не участвуют в беспорядках, что два года назад в Азербайджане никто не знал лидера демократов, всю жизнь прожившего в Баку, и поэтому он и его соратники не могут представлять народ и говорить от его имени. Тем не менее премьер высказался за принятие предложений госсекретаря США. Вместе с тем он заявил американским дипломатам, что его правительство ни при каких условиях не признает парламент и правительство Азербайджана, так как они не имеют юридических оснований и созданы иностранцами, незаконно перебравшимися в Иран с Кавказа. Хаками подчеркнул, что его правительство намерено силой оружия подавить восстание в Азербайджане, как только советские войска выйдут оттуда. Докладывая о ходе переговоров с иранским руководством, Мюррей писал: «Я повторно поторопил и шаха и премьера, чтобы они решили азербайджанскую

проблему, пока не пролилась кровь. Я посоветовал создать из азербайджанцев, представленных в правительстве, комиссию и проинструктировать их для ведения переговоров с повстанцами» [37].

Несмотря на все усилия У.Мюррея советское посольство упорно задерживало выдачу пропуска на посещение Тебриза спецпредставителю Вашингтона Майнору. 22 декабря американский посол встретился с А.Якубовым и заявил, что Майнор уже 14 декабря должен был быть в Тебризе, но из-за проволочек советских органов он все еще в Тегеране. Он добавил, что Московское совещание СМВД уже началось и Майнора в любую минуту могут вызвать в Москву, а потому он обязательно должен побывать в Тебризе. А.Якубов попытался заверить посла, что это связано с его болезнью, что он несколько дней не выходил на работу, и клятвенно обещал в тот же день разобраться в этом деле [38].

23 декабря И.Сталин вновь принял Дж.Бирнса, а на следующий день и Э.Бевина. В тот же день был дан прием в честь пока еще союзников. На всех встречах и приемах в Кремле присутствовал посол Великобритании в Иране Р.Буллард. Дж.Бирнс во время второй встречи со Сталиным выразил обеспокоенность возможностью вынесения азербайджанского вопроса на январское заседание ООН и надежду на осуществление ряда мероприятий для предотвращения этого. В то же время госсекретарь напомнил о помощи Ирана Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны, а потому не согласился с мнением, что Иран враждебно настроен по отношению к СССР. И.Сталин ответил, что его страна не боится обсуждения этого вопроса в ООН, и если это случится, то пусть никто не беспокоится: «Мы не сделаем ничего плохого, отчего вам было бы стыдно» [39]. Сталин выразил удовлетворение выполнением Тегеранской декларации, но заметил, что доверия и чистосердечия заслуживало прошлое иранское правительство, а нынешнее заняло враждебную к СССР позицию и побуждает население на антисоветские акции. По мнению Сталина, иранское правительство должно выполнять свои обязательства и отказаться от недружественной политики.

24 декабря И.Сталин принял министра иностранных дел Великобритании Э.Бевина, который, после предварительных консультаций с Бирнсом, представил Сталину проект создания совместной комиссии из представителей Великобритании, США, СССР для решения азербайджанского вопроса. Британия предлагала рекомендовать правительству Ирана перестроить работу областных энджуменов и обеспечить изучение языков национальных меньшинств – тюркского, курдского и арабского. По проекту Э.Бевина, учитывая разброд мнений между центральным правительством и провинциями, иранскому правительству рекомендовалось, в соответствии с Конституцией, разрешить открытие провинциальных энджуменов [40]. По мнению

Э.Бевина, совместная комиссия должна проследить за ходом выборов в областные энджумены, одновременно разрабатывая вопрос отвода войск, и выдать практические рекомендации по осуществлению этой акции. Британские политические круги пытались с помощью этого плана фактически завоеванную Азербайджаном автономию руками СССР передать под контроль иранского правительства. Поначалу Сталин вроде бы согласился с возможностью осуществления этого предложения. Британский проект был передан для изучения в Народный комиссариат иностранных дел.

На закрытом заседании московского совещания глава английской делегации, как бы отвечая на свое обещание Сталину высказать предложения о совместных действиях трех держав, представил проект «По вопросу о компетенции трехсторонней комиссии по Ирану». Бирнс, не желавший, чтобы иранский вопрос свелся к внутривосточной проблеме, внес 20 декабря в первоначальный проект Булларда принципиальную поправку, касающуюся вывода иностранных войск с территории Ирана [41]. Вокруг нее и разгорелась дискуссия. Советская делегация предлагала заменить формулировку «комиссия должна заняться вопросом облегчения скорейшего вывода союзных войск» на «ускорение, насколько это возможно, вывода союзных войск» [42]. Однако такая неопределенность не устраивала ни Бевина, ни Бирнса. На прямой вопрос Бевина Молотову: «Вы не согласны на то, чтобы установить срок вывода войск 2 марта» - нарком так же прямо ответил: «Мы на это не согласны» [43].

26 декабря Бевин неожиданно предложил принять все замечания СССР и подготовить соглашение о создании комиссии. Такая активность и покладистость Бевина должна была свидетельствовать о стремлении лейбористского правительства учитывать общественное мнение в своей стране, внимательно отслеживающее события в Иране. Декларация иранского посла в Лондоне Сеид Гасана Тагизаде, обнародованная им после начала Московского совещания, оказала определенное воздействие на британские политические и общественные круги. В декларации говорилось: «Последние сообщения, полученные из Ирана, носят настолько важный характер, что каждый иранский подданный, как вообще и весь народ, вынужден через своих представителей довести до сведения всего мира свое отношение, выразив возмущение волнениями и сепаратистскими стремлениями в Иране... В Тройственном договоре и в Тегеранской декларации великие державы обязались уважать территориальную целостность и суверенные права иранского шахиншахского государства... Примером нарушения обязательств Тройственного договора являются всевозможные вмешательства одного из союзников во внутренние дела Ирана. Вмешательства достигли такого

предела, что приводят к отделению одной из важных провинций Ирана – Азербайджана... Это является открытым попранием целостности Ирана и его суверенных прав... Твердо веря в то, что Великобритания всегда будет строго уважать свои обязательства, иранцы возлагали и все еще возлагают большую надежду на то, что министры трех союзных держав в Москве достигнут согласованности в деле обеспечения уважения к целостности и суверенным правам Ирана и что их великий сосед и союзник - Советский Союз устранил все сомнения и подозрения путем пересечения вмешательства своих войск и представителей во внутренние дела Ирана» [44]. Однако, несмотря на подобные декларации и серьезные демарши британского министра иностранных дел Э.Бевина, в последний момент наркоминдел В.Молотов отказался продолжать обсуждения азербайджанского кризиса. И хотя Бевин неоднократно пытался вернуться к нему, Молотов неизменно ссылаясь на отсутствие этой проблемы в повестке дня совещания. В то же время он сообщил Э.Бевину, что комиссия не может быть создана без соглашения с Ираном, к тому же Советский Союз сегодня вообще не намерен обсуждать столь серьезный вопрос с иранским правительством, питающим в настоящее время неприязнь к СССР [45].

Московские переговоры и особенно иранская проблема в конце 1945 года крайне интересовали Г.Трумэна. Госсекретарь Бирнс и посол Гарриман систематически докладывали президенту информацию по Азербайджану [46]. Тем не менее Московское совещание министров иностранных дел, длившееся с 16 по 26 декабря, не приняло никаких документов по Южному Азербайджану. 27 декабря госсекретарь США Дж.Бирнс, за ним Е.Бевин и посол Англии в Иране Р.Буллард покинули Москву. Оставшись недовольным результатами конференции Бевин 28 декабря писал Молотову: «Я был весьма разочарован тем, что после дружественного обмена мнениями между мной и генералиссимусом мы не смогли достичь окончательного соглашения в отношении рассмотрения иранского вопроса, и я уверен, что мое правительство будет разочаровано в равной степени... Я считаю, что было бы неправильным не информировать иранское правительство, и поэтому я даю сэру Р.Булларду указание ознакомить иранское правительство с ходом наших переговоров в Москве, а также о предложениях, которые должны были быть представлены иранскому правительству». Он также добавил, что поставит в известность и Дж.Бирнса о содержании этого письма, чтобы и американцы могли дать соответствующее указание своему представителю в Тегеране [47].

После Московского совещания иранское правительство начало выяснять, есть ли изменения во внешней политике США, а следовательно, есть ли возможность инициировать азербайджанский вопрос в ООН. Для

уточнения ситуации посол Ирана в Вашингтоне обратился к директору управления Ближнего Востока и Африки государственного департамента Джорджу Аллену. Посла интересовало, «произошли ли какие-либо изменения в отношении США к Ирану в результате проведенных госсекретарем Бирнсом переговоров в Москве». Определяющий ближневосточную политику США Аллен напомнил, что отношение США к Ирану основано на декларации Объединенных Наций, об этом заявлено в ноте Соединенных Штатов Советскому Союзу и для изменения этой политики нет серьезных оснований. Гусейн Ала выразил удовлетворение неизменностью позиции США и осведомился, заявит ли США открыто о поддержке Ирана в случае вынесения им азербайджанского вопроса на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН. Аллен ответил, что США уже два года поддерживают суверенитет Ирана. Это открыто проявилось во время нефтяного спора в 1944 году, а также в нынешнем азербайджанской ситуации [48].

Отсутствие каких-либо решений по Ирану на Московском совещании министров иностранных дел привело иранские правящие круги в шоковое состояние. Многие газеты стали доказывать срочную необходимость выдвижения вопроса на очередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Московское совещание продемонстрировало крах политики премьер-министра Хакимульмулька, считавшего, что под давлением США и Великобритании СССР выведет из Ирана свои войска. Видя, что массированная атака прессы на Хакими увеличивает шансы Ахмеда Кавама прийти к власти, сторонники Сеида Зии развернули активную пропагандистскую кампанию против него. Однако к концу декабря все газеты в своих материалах делали вывод, что преодолеть кризис в стране, провести настоящие реформы, коренным образом изменить уровень взаимоотношений с Советским Союзом в лучшую сторону может только один государственный деятель – Кавам эс-Салтане.

Газета «Рааде Эмруз» 23 декабря опубликовала интервью Ахмеда Кавама корреспонденту английской газеты «Дейли Телеграф». Кавам обусловил кризисное состояние Ирана ошибками, допущенными предыдущими правительствами, и отметил, что если обстановка завтра еще более обострится, то причиной этому будет неверная политика нынешнего правительства. По его мнению, если в стране не будут проведены демократические реформы, если тегеранское правительство не примет экстренных мер, хаос распространится с севера на юг, запад и восток страны. Первое и главное условие преодоления кризиса он видит в защите независимости и национальных интересов Ирана. На вопрос корреспондента «Дейли телеграф»: «Как вы думаете, не являются ли азербайджанские события результатом деятельности советского правительства?» - Кавам ответил: «Ошибочная политика центрального

правительства и невнимание к законным требованиям населения провинции породили недовольство во всей стране. Будь народ доволен, не было бы и почвы для волнений». Поэтому главную причину событий на севере надо искать в недовольстве народа. И если советские представители морально поддерживают это движение, то это означает, что они считают, что оно разворачивается в русле общей стратегии союзников, поддерживающих демократию во всем мире. Сотрудник «Дейли телеграф», уводя Кавама в глубь проблемы, спросил: «Как вы думаете, раздача оружия и запрещение войскам двигаться на север могут быть расценены как моральная поддержка?» На что Кавам напомнил, что он не является ответственным лицом и не ознакомлен ни с одним официальным рапортом, однако все же заявил: «Я не знаю, насколько эти слухи верны, однако несомненно, что к уже с 1320 года хранящемуся тайно у населения, в том числе и азербайджанцев, оружию прибавилось и новое». Комментируя возможность отправки войск на север, Кавам дал несколько неожиданный для политических кругов Ирана ответ: «Если бы я был у власти, я бы до того, как послать войска, собрал делегацию из патриотов и свободолюбивых людей и отправил бы их решить этот вопрос миром» [49]. Что касается внешней политики, то Кавам подчеркнул, что является сторонником сбалансированной нейтральной политики и что нынешнее обострение отношений с Советским Союзом является результатом неверных действий правительства и нарушения баланса в международной политике.

Азербайджанский кризис способствовал приходу к власти Кавама эс-Салтане. В конце декабря 1945 года кресло премьера уже явственно отражалось в стеклах его очков. Невостребованность в период правления Реза шаха создала ему имидж демократа и вольнодумца. Перефразируя С.Дж.Пишевари, можно сказать, что изживший себя на должности премьера Хаками в последнее время исполнял роль мостика, и достаточно было бы лишь небольшой рокировки, чтобы на его месте оказался Кавам эс-Салтане или любой другой реакционер. 30 декабря 1945 года на открытом заседании Меджлиса депутат Техранчи подал председателю парламента заявление, в котором, ссылаясь на бездеятельность правительства Хаками перед лицом нынешних событий в Азербайджане и общего кризиса в стране, потребовал, чтобы Кабинет министров подал в отставку [50].

На фоне подобных демаршей для многих казалось привлекательным обещание Ахмеда Кавама решить азербайджанскую проблему мирным путем. Однако между Пишевари и Советами изначально были разногласия по поводу кандидатуры Кавама. Пишевари писал: «Мы всегда знали Кавама эс-Салтане как человека реакционных взглядов... Мы не можем забыть его реакционной роли в прошлом. Он коварно погубил одного из

лучших сынов Азербайджана - полковника Мухаммед Таги хана Песияна, отрубив ему голову и даже выбросив труп из могилы, он организовал окружение Саттархана в парке Атабека и способствовал его гибели, и, наконец, кровавые события 17 азера 1323 года вкупе с его принадлежностью к крупным землевладельцам всегда выдавали в нем ставленника реакционных кругов» [51].

Таким образом, во второй половине декабря 1945 года в Тегеране разгоралась борьба за власть, а министры иностранных дел на совещании в Москве не приняли никаких документов по Азербайджану. Тем временем события в южном регионе Ирана развивались гораздо стремительнее, чем это ожидали в Тегеране, Лондоне и Вашингтоне.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: МЕЖДУ АВТОНОМИЕЙ И НЕЗАВИСИМОСТЬЮ

В течение десяти дней после учреждения национального правительства в Южном Азербайджане был завершен процесс подчинения ему армии, жандармерии, полиции и чиновников. В соответствии с программой, принятой Милли Меджлисом, были сделаны первые шаги по формированию государственного аппарата, частей регулярной народной армии, перестройке всех устоев общества. Начало реформ во всех областях жизнедеятельности страны стимулировало активность народных масс. Национальное движение получило поддержку, прежде всего Северного - Советского Азербайджана [1].

Член лейбористской фракции британского парламента Филипп Прайс, посетивший Северный и Южный Азербайджан в это время, писал: «В этой провинции (Южном Азербайджане – Дж.Г.) население по языку, религии и истории ничем не отличается от населения, живущего в Советской Республике Азербайджан... Советский Азербайджан со времен Октябрьской революции достиг гигантского прогресса в культуре и экономике. Я недавно побывал там и теперь имею возможность сравнить современное состояние мусульман с тем, что я видел 33 года назад...». Ф.Прайс объективно сознавал, что Северный Азербайджан стал центром притяжения для южных азербайджанцев. По его наблюдениям, крестьяне Южного Азербайджана видели, что по ту сторону границы уже нет крупных феодалов-землевладельцев, орошение полей ведется в широких масштабах, землю обрабатывают тракторами. В то же время южане обрабатывают свои крохотные надельки мотыгами и сохой, отдавая при этом 50 процентов и без того небогатого урожая феодалам, проживающим в роскошных дворцах Тегерана. Вместе с тем британский парламентарий отмечал, что русские в северо-западном Иране нарушают договорные обязательства. Однако английский общественный деятель понимал, что

нелогично упрекать русских в нарушении договора с чисто юридической точки зрения, не выдвигая серьезных предположений какой-либо альтернативы иранскому политическому режиму. «Создается опасная ситуация: Россия защищает в Иранском Азербайджане реформистский режим, а мы и американцы тем временем защищаем самые реакционные силы в стране». По его мнению, ситуация приобрела такой характер оттого, что тегеранское правительство не спешило начать сколь-нибудь действенных реформ. Ни Англия, ни США не должны быть освобождены от ответственности за судьбу Ирана. «Мы сменили предыдущего шаха за его германофильство. Часть ответственности за внутреннее состояние Ирана лежит на нас. Мы могли бы спасти положение, если бы не поддерживали правительства, не способные к реформам. При таком ходе событий русская точка зрения обязательно победит», - констатирует британец.

В своей обширной публикации в газете «Манчестер Гардиан» Ф.Прайс, анализируя события в Южном Азербайджане в связи с созданием Национального правительства, допустил тем не менее и возможность осуществления русскими двойственной политики. Не делая выводов, он рассуждает: «Исходя из нынешнего развития событий можно лишь предположить, насколько далеко собираются продвинуться русские. Их политика в Иране, возможно, всего лишь игра, заключающаяся в легком потаптывании хвоста британского льва и в легком подергивании перьев американского орла в предвидении получения определенных уступок в других областях международной политики» [2].

Всем было ясно, и об этом говорил исторический опыт, что национальные революции XX века и процесс возникновения новых государств могли завершиться успехом лишь в том случае, если они опирались на откровенную или скрытую поддержку великих держав. Великобритания и США действовали в этих случаях исходя прежде всего из своих имперских интересов. Таков же был лейтмотив поддержки национального движения в Южном Азербайджане со стороны Советского Союза. Однако активное участие Северного Азербайджана в этом процессе привносило в него специфические особенности. В отличие от тегеранского правительства азербайджанские депутаты не рассматривали помощь Баку как иностранное вмешательство.

Первые шаги Национального правительства, осуществленные в середине декабря, особенно разоружение Тебризского гарнизона мирным путем, воодушевило все слои населения, подняло авторитет нового руководства и партии демократов. Большой заслугой национальных органов власти стало пресечение разгула криминальных элементов – воров, грабителей, мародеров, пытавшихся воспользоваться нестабильностью обстановки. Мирное развитие событий очень устраивало

тебризских купцов и промышленников. Даже председатель тебризской Торговой палаты А.Садагиани объявил, что передумал уезжать из Азербайджана и решил защищать новое правительство.

В своем докладе И.Сталину М.Дж.Багиров писал: «Секретарь американского консульства в Тебризе Мейва Априк в беседе заявил, что американские круги не против демократического движения в Азербайджане, но они якобы точно осведомлены об открытом вмешательстве в это дело русских» [3].

Не дожидаясь ответа из Москвы, М.Дж.Багиров через комиссара внутренних дел М.Якубова и комиссара по безопасности С.Емельянова передал ответственным за Южный Азербайджан А.Атакишиеву, М.Ибрагимову, Г.Гасанову и генералу Руссову инструкцию по соблюдению строгой конспирации. В документе указывалось: «Через военные и гражданские организации из Иранского Азербайджана «Старшему» (М.Дж.Багирову – Дж.Г.) поступила информация, что наши сотрудники, помогая местным товарищам, действуют слишком открыто. Товарищ «Старший» считает необходимым предупредить вас и ваших сотрудников, чтобы они не забывали, что находятся на чужой территории и должны соблюдать строгую конспирацию. Следует учесть, что за действиями каждого советского работника следят не только иранцы, но и англичане, американцы, турки и другие. Слишком открытое участие товарищей в делах Иранского Азербайджана, их советы и рекомендации Демократической партии, партизанским отрядам крайне нежелательны, а по многим моментам даже вредны. Товарищ «Старший» поручил нашим сотрудникам в работе с местными товарищами соблюдать осторожность и скрытность» [4].

К середине декабря процесс разоружения армии и жандармерии в Иранском Азербайджане подходил к концу. В Хое партизаны, разоружив жандармерию, захватили 200 винтовок, 2 автомата, 20 тыс. патронов и штаб батальона жандармерии. В Ахаре жандармы и солдаты, покинув свои позиции, скрылись в направлении Тебриза, однако 50 человек из них, раздумав, вернулись назад и добровольно сдали оружие демократам. А начальник полиции Ахара Ахмеди выразил желание сотрудничать с азербайджанским правительством. В Ахаре партизаны захватили 147 винтовок, 2 пулемета, 9 пистолетов, 4500 патронов. Завершился прием оружия ардебильской бригады, в Миандоабе подразделение иранской армии добровольно сдалось партизанам. В Мешкиншехре ситуация была сложнее: здесь партизаны захватили и расстреляли известных своей жестокостью реакционеров – начальника жандармерии Ардебиле, главу уезда Арбачизаде и некоторых других государственных чиновников [5].

В отличие от других районов разоружение армии и жандармерии в Резае растянулось на несколько дней. Командир иранской бригады

полковник Зенгина и начальник жандармерии Нуринбахш поначалу заявили советскому консулу, что они готовы отдать команду гарнизону сложить оружие. Однако 15 декабря бригада заняла для обороны позиции на окраине города, вывела танки и открыла стрельбу по партизанам. В самом городе демократы подверглись преследованиям, пять членов партии были расстреляны. Было решено не брать Резайе штурмом, а прислать сюда из Тебриза влиятельных людей для мирных переговоров, отключить связь гарнизона с Тегераном и другими городами и для сохранения ситуации под контролем направить сюда дополнительные силы. 19 декабря было завершено разоружение бригады и в Резайе. Таким образом, все основные города и населенные пункты Южного Азербайджана перешли под контроль Национального правительства.

В связи с победой демократов в Азербайджане американский консул в Тебризе писал госсекретарю: «С установлением контроля демократов над Резайе бои в Азербайджане завершились» [6]. А в докладе М.Дж.Багирова Сталину констатируется, что во всех городах Азербайджана, в том числе и в Резайе, наводится порядок, что особенно поднимает авторитет правительства в глазах населения [7].

18 декабря премьер-министр Пишевари выступил на собрании офицеров Третьей иранской пехотной дивизии с разъяснением характера происходящих событий, целей и задач национального правительства и призвал офицеров к сотрудничеству с новым правительством. Часть офицеров-азербайджанцев тут же заявила о желании работать под руководством своего Национального правительства.

В ознаменование достигнутой победы Национальное правительство провело в Тебризе парад партизанских отрядов, в котором участвовало до двух тысяч партизан. 19 декабря в здании Тебризского городского театра было проведено собрание Азербайджанской народной армии. Выступивший на собрании заместитель визиря народной армии Гулам Яхья призвал партизан сохранять порядок в Тебризе и в областях Азербайджана, с честью служить азербайджанской автономии. Выступление Гулама Яхьи неоднократно прерывалось аплодисментами, звучали здравицы в честь Пишевари. Были получены и опубликованы в газете «Азербайджан» поздравительные телеграммы из Тебриза, Салмаса, Мараги, Азершехра, Ахара и других мест [8]. Митинг в Ардебиле собрал более тысячи человек.

За короткий промежуток времени было разоружено 5983 солдат и офицеров, отобрано 4 пушки, 1000 снарядов, 205 пулеметов, 3577 винтовок, 22 пистолета, 6 танков, 2 миномета, 300 мин, 470 тысяч патронов. Одновременно с армией в жандармских полках в Резайе и Ардебиле было разоружено около 2800 человек, отобрано 565 винтовок, 31 тысяча патронов [9]. После завершения процесса сдачи оружия командиру

иранской дивизии генералу Дарахшани, начальнику штаба полковнику Варахраму и еще 7 офицерам было разрешено вылететь в Тегеран. Но М.Дж.Багирову не понравилось, что Пишевари лично провожал генерала Дарахшани. Через своих людей он рекомендовал Пишевари в дальнейшем держаться более уверенно и достойно [10].

И командир дивизии Дарахшани, и начальник штаба, и сопровождавшие их офицеры по прибытии в Тегеран были арестованы. Эта акция свидетельствовала о непримиримом отношении центрального правительства к Азербайджану. Возмущенный случившимся, Пишевари писал, что, арестовав Дарахшани, Тегеран еще раз продемонстрировал способность на любые преступления. «Тегеран может отнять у нас все. Мы неоднократно признавали суверенность и целостность Ирана. А Тегеран ежедневно выдумывает разные провокации для разрушения этого суверенитета. Если так пойдет и далее, то мы будем вынуждены, совершенно отделившись, создать независимое государство. Другого выхода нет... Мы вынуждены сказать: «Ваше – вам, а наше – нам». Отстаньте от нас и позвольте нам самим управлять своим домом, как нам заблагорассудится», - открыто заявил Пишевари [11].

Учитывая неопытность Национального правительства, к Баку обратились с просьбой послать хотя бы по одному неофициальному советнику в каждое министерство. Но на это нужно было разрешение Москвы. В своем письме на имя Сталина, Молотова, Берия и Маленкова от 19 декабря М.Дж.Багиров сообщал: «Национальное правительство Азербайджана приступило к практической деятельности. Учитывая, что члены правительства не имеют соответствующего опыта в государственной работе и нуждаются в советах и консультации, тебризские товарищи просят разрешения прикрепить к каждому министру неофициально по одному человеку из наших людей в качестве советников. Наше мнение – согласиться с просьбой товарищей из Тебриза. Людей для этого подберем. Просим ваших указаний» [12]. 24 декабря из Москвы пришел положительный ответ. В.Молотов писал М.Дж.Багирову: «Согласен с вашим предложением о выделении наших людей в качестве советников для помощи министрам Национального правительства Иранского Азербайджана. Обратите внимание на состав командированных и на то, чтобы они соответственно держались по приезду на место, не афишируя своего советского гражданства» [13].

Работавшие в Тебризе М.Ибрагимов, Г.Гасанов, А.Атакишиев в своем рапорте на имя М.Дж.Багирова от 26 декабря сообщали, что вопрос усиления министерств специалистами из Северного Азербайджана обсужден с Пишевари. Достигнута договоренность, что в министерство внутренних дел надо послать одного человека по линии организации работы полиции и одного по линии разведки. В министерстве финансов в

качестве специалиста экономиста-финансиста можно использовать находящегося в Тебризе тов. Мамедова. В министерстве народного ополчения – группу военных специалистов по различным родам служб, в министерстве земледелия – одного агронома-организатора, в министерстве юстиции – одного специалиста по суду и прокуратуре, в министерстве торговли – одного специалиста по организации торговли и кооперации. Для работы в министерстве просвещения и здравоохранения решено использовать работников советских школы и больницы в Тебризе. Спустя несколько дней во втором письме на имя М.Дж.Багирова сообщалось, что целесообразно подобрать и командировать в распоряжение Национального правительства 10 квалифицированных педагогов-историков для подготовки кадров из местного актива. М.Дж.Багиров дал распоряжение секретарю ЦК КП (б) Азербайджана Кафарзаде и комиссару госбезопасности Емельянову максимум в десятидневный срок подобрать людей соответствующей квалификации, всесторонне проверить их, провести собеседование, с тем чтобы не позднее 15 января они были в Тебризе и могли там оказать необходимую помощь [14].

Милли Меджлис, прервавший заседания в связи с траурными днями месяца Мухаррам, с 21 декабря возобновил свою работу. В первый день был принят закон «Об организации Азербайджанской народной армии». По закону, граждане, достигшие 20-летнего возраста, должны призываться в народное ополчение сроком на 1,5 года. В законе указывалось, что народное ополчение создано для защиты и обеспечения свободы азербайджанского народа. Воины и офицеры народной армии пользуются всеми правами наравне со всеми гражданами страны [15]. В соответствии с принятым законом Меджлис поручил правительству для обеспечения армии закупать оружие - в Иране или за рубежом.

Процесс создания и вооружения партизанских отрядов начался еще осенью 1945 года. Об этом С.Дж.Пишевари писал: «Мы прекрасно понимали, что безоружный народ подставлять под пули нельзя. Поэтому мы провели собеседование с каждым персонально и привлекли вооруженных людей, составили перечень имеющегося вооружения на местах и, таким образом, провели серьезную работу по формированию партизанских отрядов. Мы знали, что без боев и схваток дело не обойдется... Старались первыми оружие не применять. Нас заставило вооружиться тегеранское правительство» [16].

С принятием нового закона на регулярную народную армию ложилась большая ответственность. Министерство национальной армии должно было обеспечить оборону страны и свободу народа, снабдить армию необходимым оружием и боеприпасами, в пределах утвержденного Меджлисом бюджета поднять армию на современный уровень. Все проблемы армии решаются в новосозданном Высшем совете. Форма

одежды, звания офицеров, вознаграждение за храбрость в бою учреждались и выдавались по представлению Высшего совета. В соответствии со статьей 12 для материальной поддержки семей павших в боях за свободу и Родину, а также инвалидов, получивших увечья в боях, министерству Народной армии поручалось выработать и представить через Национальное правительство в Меджлис соответствующий проект. Тогда же для предотвращения преступлений против Азербайджанской автономии были созданы сроком на три дня военно-полевые суды. С целью усиления борьбы со взяточничеством и расхитителями государственной собственности были внесены соответствующие изменения в законодательство. Были приняты также два закона по налогообложению. На этом первая сессия Милли Меджлиса закончила свою работу.

21 декабря премьер-министр С.Дж.Пишевари, министр юстиции Юсиф Азими и министр внутренних дел Саламулла Джавид выступили с предложением амнистировать азербайджанцев, арестованных иранскими органами власти и содержащихся в заключении в качестве политических заключенных. По закону об амнистии, осужденные сроком на один год освобождались немедленно, осужденным же на срок более одного года заключение сокращалось наполовину, заключенным пожизненно срок сокращался до 15 лет с сохранением права на амнистию, приговоренным к смерти наказание сокращалось до 10 лет. Амнистия распространялась и на тех азербайджанцев, которые были осуждены в Азербайджане, но отбывали свой срок в Тегеране или тюрьмах других городов [17].

Спустя еще два дня был издан первый приказ министра образования М.Бирии о начале преподавания в азербайджанских школах на родном языке. Была учреждена специальная комиссия по подготовке учебников на азербайджанском языке. Комиссии было поручено организовать в течение месяца издание на родном языке всех учебников с первого по четвертый класс. Девятый пункт этого приказа гласил: «Всем директорам национальных и государственных школ поручается вплоть до получения новых учебников использовать имеющиеся учебники, но обучение вести на азербайджанском языке» [18].

Вопреки ожиданиям советское руководство неоднозначно восприняло первые законы Милли Меджлиса. На имя М.Ибрагимова по «ВЧ» через Казвин поступила информация: «По вопросу принятия Меджлисом 21 декабря законов о создании регулярных частей народного ополчения и военно-полевого суда «Хозяин» (И.Сталин – Дж.Г.) поручил передать вам, чтобы эти законы в печати не публиковать. Впредь о подлежащих принятию подобных законах Меджлисом, а также правительством каких-либо серьезных мероприятий необходимо предварительно согласовывать с нами» [19]. Скорее всего, срочный запрет на публикацию закона о

народной армии был вызван пребыванием в Москве Дж.Бирнса и Э.Бевина.

Проводимые в Азербайджане реформы были столь прогрессивны, что даже тегеранская пресса поспешила рассказать о них. Газета «Дад» назвала премьера Национального правительства С.Дж.Пишевари деятелем демократического склада и напечатала его большой портрет. Газета «Фарман» высоко оценила усилия Национального правительства по обеспечению порядка в Азербайджане. По мнению газеты, еще никогда в городах и на дорогах Азербайджана не было так спокойно. Центральное правительство, потерявшее контроль над ситуацией, срывало свою злость на представлявших объективную информацию органах печати. Во второй половине декабря были закрыты выходившие в Тегеране газеты «Дад», «Иране Ма», «Армане Милли», «Дарья», «Зафар», «Фарман», «Ахтар» и другие, считающиеся демократическими изданиями. [20].

Вместе с тем центральное правительство, следуя совету политических кругов США и Великобритании, сделало первые шаги к переговорам с Азербайджаном. По специальному поручению председателя иранского Меджлиса Табатабаи сотрудник министерства финансов передал устное предложение Пишевари войти в состав центрального правительства и принять участие в демократизации всего Ирана. Пишевари верно оценил это как маневр реакционных кругов, направленный на развал демократического движения, и отверг предложение. Чуть позже, с целью оказать давление на Пишевари, в Тебриз прибыли два влиятельных азербайджанца – генерал-лейтенант Гасан Мугаддам и Махмуд Панахи. Генерал Мугаддам, в прошлом правитель Азербайджана, обладал здесь обширными поместьями и имел авторитет среди определенных слоев населения. Лидеры демократов и советские представители были озабочены приездом тегеранских эмиссаров. Они опасались, что подобные вояжи подорвут национально-освободительное движение изнутри. В своих беседах с влиятельными местными гражданами гости проповедовали идеи о необходимости придать национально-освободительному движению характер общеиранского. Они призывали азербайджанцев, вооружившись, идти освобождать Тегеран. Снискав себе в определенное время славу просоветски настроенных, эти люди путем провокационных «задушевных» бесед пытались внести раскол в демократическое движение. Пишевари справедливо выразил недовольство работой советского консульства в Тегеране, допускавшего в Азербайджан нежелательных лиц без согласования с Национальным правительством. Советские советники же в Тебризе, возложив всю ответственность на С.Дж.Пишевари, рекомендовали ему запрещать въезд подобных личностей в Азербайджан.

23 декабря лидеры Южного Азербайджана – С.Дж.Пишевари, Гаджи Мирза Али Шабустари, С.Падеган, доктор Джавид, М.Бирия обратились к

секретарю ЦК КП(б) Азербайджана М.Дж.Багирову с пространным письмом, выглядевшим скорее как отчет и содержащим перечень проделанной работы начиная с 12 декабря. В докладе также раскрывались намерения, исходящие из первостепенных задач. М.Дж.Багирову было доложено, что идет процесс организации и усовершенствования аппарата правительства, создания народной армии, укрепления обороноспособности страны и претворения в жизнь утвержденной Меджлисом правительственной программы. При этом подчеркивалось, что иранское правительство занимает откровенно враждебную позицию по отношению к национальному движению азербайджанского народа. Ведется ежедневная, ежечасная провокационная работа с целью создать в Азербайджане хаос, помешать работе Национального правительства. В заключение говорилось: «Пятимиллионный народ Южного Азербайджана, имеющий свой язык, свою культуру, является народом, имеющим достаточно кадров и способным вершить свою судьбу. Атлантическая хартия, подписанная великими демократическими государствами мира еще три года тому назад, дала право и азербайджанскому народу на независимое существование. Мы считаем, что для защиты прав пяти миллионов азербайджанцев необходимо, в соответствии с современной обстановкой, создать в Азербайджане независимое демократическое республиканское правительство. Поэтому, наряду с разрешением азербайджанскому народу воспользоваться своими законными правами на создание независимого национального государства, просим вас оказать нам содействие и создать условия для осуществления сокровенной мечты нашего народа, состоящей в объединении в ближайшем будущем двух братских республик. При этом мы считаем необходимым отметить, что восточные и южные границы новой республики должны проходить от порта Энзели (Пехлеви), который включается в пределы границы, через Решт, Менджиль, Казвин, Хамадан, Керманшах до границ Ирака, т.к. население, проживающее в пределах указанной границы, состоит исключительно из азербайджанцев и курдов» [21].

23 декабря из Тебриза М.Ибрагимов сообщал М.Дж.Багирову: «Пишевари хочет встретиться с вами. Считаю, что в настоящее время встреча с группой местных товарищей была бы очень полезной». Пристально наблюдавший за политическими процессами в Южном Азербайджане американский консул в Тебризе, в свою очередь, сообщал госсекретарю, что с каждым днем усиливается тенденция к отрыву Азербайджана от Ирана. Он писал: «Первоначально стремление Азербайджана к автономии не выходило за пределы Ирана. Но теперь они открыто заявляют, что в случае невыполнения их требований они объявят о полном суверенитете... Тегеранское правительство должно осознать опасность появления суверенного государства под названием

Азербайджан, которое, несомненно, попадает в лапы Советов» [22]. Одновременно консул обратил внимание американских политических кругов на опасность проникновения демократического движения и в регион южного Каспия.

В рапорте И.В.Сталину от 23 декабря сообщалось, что два дня назад в Реште состоялась встреча представителей партий «Джангяли» и «Туде». Отмечалось, что вместо приглашенных 200 человек во встрече участвовали более 500 человек. В принятом здесь обращении к населению Гиляна, в телеграммах шаху, Меджлису, премьер-министру выдвигались требования ускорить выборы в энджумены, образовать демократическое правительство в Тегеране, направлять 50% собранных налогов на покрытие местных нужд.

По решению ЦК ВКП (б) от 6 июля 1945 года наряду с азербайджанским национальным движением надлежало инициировать сепаратистское движение в Гиляне, Мазандаране, Хорасане. С этой целью посольству в Тегеране, политработникам в Тебризе, сотрудникам консульств в указанных местах было поручено высказать свои предложения по перспективам народного движения в Хорасане и на юге Каспия.

В подготовленном лидерами Народной партии и озаглавленном «Политическая обстановка в Иране и мероприятия по развитию демократического движения» плане отмечалось, что международная обстановка в настоящее время благоприятствует укреплению демократического движения. Вначале тебризские лидеры не верили в перспективы движения на юге Каспия. По их мнению, положение в Иране нестабильно и обманчиво, а после вывода советских войск оно может еще более усугубиться. В этом документе, подготовленном совместно с «Туде» и отправленном в Москву и Баку, обращалось внимание на безысходность ситуации в иранских правительственных кругах. Частая смена кабинетов является верным показателем того, что правящие круги сегодня не в состоянии решить ни одной проблемы. С каждым днем все явственнее становится ненадежность армии – основной опоры правительства. Азербайджанские события зародили в правящих кругах Ирана сомнения в возможностях англо-американцев, которые фактически ничего не смогли противопоставить азербайджанским демократам. Зарубежное вмешательство Англии и США ограничилось лишь шумихой в прессе, и налицо их намерение расправиться с демократическим движением руками самих иранцев. В своей борьбе против азербайджанских демократов правящие круги пытаются парализовать экономическую жизнь, расстроить денежное обращение, торговлю. Азербайджанские события оказали значительное влияние на расширение демократических, прогрессивных сил Ирана. В стране назревает гражданская война [23].

После столь солидного обоснования предлагалось произвести демократический переворот не только в Гиляне, Мазандаране, Горгане и Туркменской степи, но и в самом Тегеране. Сообщалось, что в Мешхеде к перевороту готово 1000 сторонников «Туде». Племена хезаре и курдское объединение племен зафаранлу готовы примкнуть к народникам. Главную опасность в Хорасане будут представлять влиятельная английская агентура и иранское духовенство. Выступления народников в Гиляне, Мазандаране, Горгане и Туркменской степи должны привести правящие круги Тегерана в паническое состояние, вызвать неразбериху и замешательство в военном руководстве, деморализовать воинские части, в результате чего возникнут весьма благоприятные условия для организации демократического переворота в самом Тегеране. «Переворот должен быть приурочен к моменту, когда слухи о начале движения в этих провинциях дойдут до Тегерана и вызовут здесь соответствующее замешательство. Основная сила, с помощью которой можно организовать переворот – Народная партия и профсоюзы, насчитывающие в Тегеране 6000 человек, и еще некоторые демократические организации, ищущие контакта с Народной партией. Началу переворота должен предшествовать ряд мероприятий, которые помогут еще более дезорганизовать правительственные и военные руководящие круги» [24].

Ознакомившись с этим планом, нарком госбезопасности Азербайджанской ССР С.Емельянов сразу отверг его как нереальный. По его мнению, нет достаточных сведений о том, что имеются благоприятные условия для активизации демократического движения в Мазандаране, Хорасане и Гиляне. В этих районах и даже в самом Тегеране нет к тому же и необходимых кадров для руководства движением. Надеяться на Камбахша, Ованисяна и других людей, левацки настроенных, но не пользующихся достаточным авторитетом среди населения и снискавших славу как авантюристы, нельзя. В представленном документе внимание С.Емельянова особенно привлек один момент. Национально-освободительный характер движения за автономию Азербайджана здесь выдавался как звено общей цепи какой-то единой политики демократизации Ирана в целом. Емельянов разумно считал, что рассматривать национально-освободительное движение в Иранском Азербайджане как начало демократизации всего Ирана до предоставления автономных прав азербайджанскому народу есть не что иное, как проявление довольно опасного великоиранского шовинизма, существующего в руководстве Народной партии. Было бы целесообразно, считал он, на данном этапе развития событий работу по расширению демократического движения рассматривать не как программу действий, а как запасной вариант для отвлечения внимания центрального правительства от основной проблемы [25].

Органы безопасности Советского Азербайджана к тому времени имели достоверные материалы о препонах, чинимых лидерами иранской Народной партии азербайджанскому Национальному правительству и в целом национально-демократическому движению. Эти материалы доказывали, что ЦК партии «Туде», особенно Ардешир Ованисян, Абдулсамед Камбахш и Ирадж Искендери, опасались объединения Иранского Азербайджана с Советским.

В 1945 году вся деятельность Ованисяна была направлена против азербайджанского национального движения. Когда создавалась АДП, он в своей телеграмме бывшему советскому послу в Тегеране Максимову не скрывал своего враждебного отношения к этой партии и ее лидерам. Несмотря на предупреждение сотрудников посольства, Ованисян не прекратил кампанию клеветы на АДП. Он даже обвинил посольство в излишней опеке над азербайджанским демократическим движением и в развале Народной партии. Органы безопасности Советского Азербайджана предполагали, что эти действия Ованисяна вызваны его работой на иностранную разведку или его связями с дашнаками. По представлению спецслужб, Народный комиссариат государственной безопасности СССР вначале запретил Ованисяну вмешиваться в азербайджанские дела, а позже его вообще выпроводили из Ирана и вернули в СССР.

Что касается А.Камбахша, то его настроенность против азербайджанского демократического движения чувствовалась еще в 1945 году, когда его тайно привезли в Баку. Советские органы госбезопасности обнаружили в поведении Камбахша явное проявление великоиранского шовинизма, и его отстранили от тебризских дел, вернув в Тегеран. К тому же и С.Дж.Пишевари неоднократно высказывал сомнения в его искренности и революционности. М.Дж.Багиров писал В.Молотову, что в отношениях с Камбахшем надо быть очень осторожным [26].

Учитывая все это, с отрицательной оценкой генерала Емельянова плана расширения демократического движения в Иране полностью согласились М.Дж.Багиров, а следом и кремлевское руководство. План организации демократического движения в Гиляне, Мазандаране, Горгане и Хорасане был временно отложен, а Национальному правительству Азербайджана рекомендовалось пока не заводить речь о расширении границ.

26 января 1946 года в своем письме М.Дж.Багирову С.Дж.Пишевари сетовал, что все еще не установлены юго-восточные границы азербайджанского национально-демократического государства. По его мнению, на основании исторических, этнографических и географических данных восточные границы Азербайджана должны охватить весь Тальшский район с включением порта Пехлеви (Энзели). Затем граница должна проходить южнее Казвина и охватить Хамадан. К демократам обратилось население Тальша и Энзели и просит взять его под

покровительство Национального правительства. Лидеры АДП считали необходимым незамедлительно присоединить к Азербайджану весь Талышский район с границей до 20 километров южнее Энзели. Кроме того, начать проведение необходимой подготовительной работы в городе Хамадан и как можно скорее добиться возвращения азербайджанскому народу этой древней столицы Азербайджана. Все это, по их мнению, будет осуществлено без значительного сопротивления и особых трудностей [27].

Действующим в Тебризе советским политработникам было дано указание по вопросу установления точных границ Иранского Азербайджана и включения в состав территории Азербайджанской Республики городов Хамадан, Пехлеви и Казвина согласиться с Пишевари, но оставить его решение до более благоприятных времен [28].

С окончанием процесса захвата власти в середине декабря 1945 года на повестку дня встали серьезные финансово-экономические и социальные проблемы. С одной стороны, требовалось выплатить жалованье государственным чиновникам, с другой – обеспечить население товарами первой необходимости, поддерживать партизанские отряды, восстановить деятельность давно простаивающих заводов и фабрик, наладить торговлю. Еще до образования Национального правительства тегеранское правительство через банковскую систему заблаговременно вывезло из Азербайджана крупные денежные суммы и ценные бумаги. На момент начала работы вновь образованных структур в тебризском филиале иранского банка было всего 20 млн. риалов. При этом банк должен был государству 28 миллионов, а отдельным гражданским лицам - еще 60 миллионов риалов. В таких условиях было невозможно вести крупные торговые операции. Иранские купцы, проживающие в других провинциях, и иностранные государства приостановили свои торговые связи с Азербайджаном.

Из-за отсутствия денег у населения правительство не могло собрать налоги и, соответственно, выплачивать зарплату бюджетникам. Амбары были забиты товарами, предназначенными на экспорт, а Тегеран препятствовал поступлению в Азербайджан импортных товаров. Правительство предупредило бизнесменов, что в случае если Тегеран не вернет Азербайджану долги, то даже и те 25% налоговых поступлений, которые причитаются центру, останутся в Азербайджане [29].

После всестороннего анализа экономической ситуации М.Дж.Багиров в середине декабря доводил до сведения комиссара внутренних дел М.Якубова и комиссара госбезопасности С.Емельянова: «Судя по всему, товарищи еще не занялись вопросами экономики, финансов, транспорта, сельского хозяйства, снабжения населения и т.д. Видимо, соответствующих людей для этого еще не подобрали. Если так будет долго продолжаться, то и иранское правительство, и в особенности англичане

через беков, помещиков и других финансовых и торговых дельцов могут организовать полный хозяйственно-экономический паралич всей жизни в Иранском Азербайджане, что более опасно, чем создание 8-10 даже крупных вооруженных банд. Гораздо труднее справиться с голодным населением, которое не находит на рынке хлеба и другие съестные продукты, чем организовать ликвидацию двух-трех банд, тем более имея такое большое количество вооруженных партизан. Надо... главные силы направить на экономику, на финансы, на промышленность и сельское хозяйство» [30]. А руководителям АДП он советовал: «Что делать практически? Они готовятся, и вы готовьтесь. Они готовятся проглотить вас, а вы готовьтесь к самозащите. Нужно наряду с этим готовить мировое общественное мнение к тому, что будем требовать – автономию или отделение. Поднять шум, что вооруженные силы готовят реакцию, что мы все проделки и планы их знаем, что до последней капли крови будем драться. Но прежде всего, раньше всего надеемся на демократические страны, на прогрессивное человечество. В то время когда во всем мире идет речь о прогрессе, о демократии, оставлять средневековые порядки в Иранском Азербайджане нельзя. Кричать каждый день через тегеранскую печать, что вас душат, грабят, убивают и просить помощи мировой общественности» [31].

С целью оживить торговлю, председатель Милли Меджлиса М.А.Шабустари 23 декабря встретился с купцами и предложил им помочь правительству. Он объяснил, что нет никакой необходимости вкладывать деньги в английский банк. Предупредив тех, кто намеренно нагнетает напряженность, он посоветовал купцам требовать свои деньги у Тегерана.

Правительство дало указание Министерству торговли выявленные в амбарах и принадлежащие государству 6 тонн сахара, табак и другие товары продать, а вырученные деньги направить на покрытие расходов городского хозяйства. Вместе с тем началась подготовка к пуску фабрик и заводов. Правительство обратилось к Министерству легкой промышленности Азербайджанской ССР с просьбой передать тебризской ткацкой фабрике присланные полгода назад и неиспользованные еще станки. Эта просьба была удовлетворена. Принятыми мерами была предотвращена остановка кожевенной и спичечной фабрик. Для восстановления деятельности тебризского филиала Иранского банка были осуществлены мероприятия по линии Русско-иранского банка и советского торгпредства.

Советский Азербайджан взял на себя обеспечение Южного Азербайджана нефтью и нефтепродуктами, так как возникло опасение, что основной поставщик нефти – англо-иранская нефтяная компания прекратит свою деятельность. Тому имелись реальные причины: в последнюю декаду декабря британский вице-консул в Тебризе Ланг,

разъезжая по районам Азербайджана, интересовался работой компании. Он опрашивал специалистов, не препятствуют ли демократы реализации нефтепродуктов и других английских товаров. Наряду с этим Ланг собирал сведения о партизанах, количестве убитых жандармов и полицейских [32].

М.Дж.Багиров советовал: если англичане что-либо хотят купить, то можно по выгодной цене продавать им. Однако надо это делать через известных людей, например, Шабустари, чтобы англичане не смогли под торговой вывеской создать свою агентурную сеть.

Для решения проблем Южного Азербайджана с горюче-смазочными материалами Главнефтеснабу Азербайджанской ССР было дано указание ежемесячно выделять Южному Азербайджану 1000 тонн керосина, 150 тонн бензина, 350 тонн газойля, 300 тонн мазута и 25 тонн смазочных масел [33]. Кроме того, М.Сарыджалинскому было поручено ускорить организацию фирм среди шахсеванских племен и населения Ардебильской области, учитывая интересы как демократического движения, так и торговли. Туда было отправлено 400 тыс. метров материи из хлопка, 30 тыс. пар калош, 120 тонн сахара, 360 тонн керосина для удовлетворения потребностей шахсеванов [34].

Торговым организациям Советского Азербайджана было поручено изыскать пути возможной скупки накопившихся в Южном Азербайджане товаров. В ходе экономических мероприятий выявлялись и предотвращались провокационные вылазки. К тем, кто пытался тайно вывезти свои товары из Азербайджана вопреки чрезвычайным финансовым мерам правительства, применялись репрессивные меры. К примеру, торгующий сахаром в Тебризе коммерсант Будагян, забравший из банка единовременно 51 тысячу туменов, был предупрежден Министерством финансов, чтобы немедленно и без каких-либо отговорок вернул деньги обратно. Однако сотрудник советского посольства в Тегеране Ованесян, якобы выполняя спецзадание, явился в Тебриз. 28 декабря генеральный консул СССР в Тебризе Красных пригласил Пишевари в консульство для встречи с Ованесяном. Когда Пишевари пришел в консульство, Ованесян набросился на него с упреками за применение жестких мер к купцам, и в пример привел Будагыана. Пишевари ответил, что, если бы Будагян был азербайджанцем, за антигосударственную деятельность он был бы арестован, а затем спросил, почему сотрудник советского посольства берет под защиту такого реакционера как Будагян. Сообщая об этом факте И.Сталину и В.Молотову, М.Дж.Багиров оценил действия генконсула Красных как нетактичные и просил дать указание сотрудникам советского посольства и консульства воздержаться от вмешательства в хозяйственные и финансовые мероприятия национального правительства [35]. Не удовлетворившись этим, М.Дж.Багиров потребовал у замещающего посла

в Тегеране А.Якубов прояснить, какое спецзадание выполнял Ованесян в Тебризе. А.Якубов ответил, что Ованесян сослался на своего непосредственного начальника – А.Ашурова, но так и не сказал, в чем же заключалось его спецзадание. Далее Якубов пишет: «Никаких указаний о необходимости встречи Ованесяна с Пишевари я не давал, ибо, во-первых, в этом не было никакой надобности, во-вторых, т.Ованесян является весьма молодым работником в коллективе посольства, он ни разу не имел встреч с иранскими правительственными деятелями, а также при наличии генерального консула я вряд ли допустил бы, чтобы он непосредственно встречался с премьер-министром Иранского Азербайджана господином Пишевари» [36]. Дальнейшее расследование показало, что Ованесян вообще не имел никакого спецзадания в Тебризе, его привело туда лишь стремление помочь Будагяну.

Насыщенный значительными политическими событиями декабрь подходил к концу. Началась серьезная подготовка к запланированному на январь расширенному пленуму АДП. Большой объем работ по государственному строительству, привлечение партийных руководителей к государственным делам привело к ослаблению партийного строительства. В отправленной из Баку в Тебриз 24 декабря секретной инструкции указывалось на необходимость усиления работы по организационному укреплению низовых организаций АДП, поднятию эффективности их практической деятельности. Подчеркивалось, что обязательно надо организовать точный учет членов партии, завершить формирование филиалов и ячеек на местах, добиться твердой партийной дисциплины на началах демократического централизма. В целом все рекомендации были направлены на укрепление АДП [37]. Главной задачей стало обеспечение ведущей роли АДП в азербайджанском обществе.

Зарубежные представительства в Тебризе скрупулезно отслеживали деятельность Национального правительства и АДП. За несколько дней до нового года в Тебриз был назначен новый американский консул Роберт Россоу. В день его приезда в город газета «Азербайджан» вышла с шапкой «Мир должен признать нашу автономию».

28 декабря новый американский консул в Тебризе обратился к Пишевари с просьбой принять его. Встреча состоялась на следующий день в здании Национального правительства. Россоу заявил, что он желает победы демократии в Азербайджане, но только без кровопролития и с соблюдением принципов гуманности. Пишевари ответил, что демократы Азербайджана желают того же, доказательством чему являются абсолютно мирные события в Тебризе и других городах. Далее консул спросил, чего хотят азербайджанские демократы, каковы их цели. Пишевари объяснил, что цели и требования азербайджанских демократов ясно изложены в Декларации народного собрания, которая своевременно была вручена и

американскому консульству. Россоу выразил пожелание, чтобы азербайджанские демократы не закрывали двери для переговоров с Тегераном. На что Пишевари напомнил, что азербайджанцы неоднократно заявляли о готовности к переговорам. Твердо уверенные в своей правоте, не собирающиеся ни на шаг отступить от своих требований, азербайджанцы однако вынуждены принимать меры для своей защиты и отстаивать свои национально-демократические права. На вопрос консула, как отреагируют демократы, если шах признает автономию Азербайджана, Пишевари открыто заявил, что признание шахом автономии Азербайджана не может быть гарантией, ибо тот же шах завтра может отменить свой указ. Поэтому азербайджанский народ, зная нежизнеспособность тегеранского правительства и его привычку легко давать лжеобещания, требует реальных гарантий. Здесь нужна помощь и поддержка всех демократических стран, в том числе и США. Консул обещал поддерживать азербайджанских демократов и выразил надежду видеть Пишевари у себя в консульстве. Лидер АДП поблагодарил гостя и дал понять, что надеется на дальнейшее сотрудничество [38].

В своем рапорте об этой встрече на имя Сталина, Молотова, Берия и Маленкова М.Дж.Багиров так оценил действия американской стороны: «Нам кажется, что эта встреча американского консула преследовала двоякую цель: во-первых, выяснить, не собираются ли азербайджанские демократы пойти дальше в своих требованиях, т.е. ставить вопрос об отделении от Ирана, и, во-вторых, зондировать почву о возможных уступках со стороны демократов в некоторых своих первоначальных требованиях. Мы посоветовали Пишевари, чтобы он при дальнейших разговорах с иностранными представителями твердо стоял на всех требованиях, которые изложены в опубликованных документах Национального собрания и Меджлиса» [39].

Одновременно и Р.Россоу послал обширный доклад о своей встрече в Вашингтон госсекретарю Дж.Бирнсу. В нем отмечалось: «Сегодня утром премьер-министр провинции Азербайджан Пишевари сообщил мне о желании сохранить Азербайджан в составе Ирана, однако, не надеясь на центральное правительство, вынужден сохранять отряды милиционеров. По его словам, имеются также небезосновательные опасения, что Иран оккупирует Азербайджан и ликвидирует проведенные реформы. Пишевари доказывает намерение Азербайджана остаться в составе Ирана тем, что в его правительстве нет должности министра иностранных дел. Вместе с тем он отметил, что Азербайджан стремится оградить свои права от воздействия центрального правительства. Добавил, что не верит в гарантии и реформы, обещанные шахом, так как шах молод и неопытен и способен поменять свое мнение за одну ночь. Однако Пишевари обещал, что будет участвовать во всех конституционных конвенциях, гарантирующих права

регионов. Он неоднократно повторил, что двери для переговоров с центральным правительством всегда открыты: тегеранскому руководству самому решать, присылать или не присылать полномочного представителя для переговоров с ним. Но Тегеран пока что не обращает внимания на требования Азербайджана и занят тем, что распространяет дезинформацию о лидерах демократического движения и ситуации в Азербайджане. В целом Пишевари оставляет впечатление контактного и разумного человека, даже более чем я ожидал, и поразил меня своей открытостью. Пока Советы не изменят свою позицию, иранское правительство должно воспринимать ситуацию в Азербайджане как свершившийся факт. Альтернативой этому могут быть либо переговоры с последующими крупными реформами, либо признание независимости Азербайджана. СССР хочет расширить свое военное присутствие в Иране, ссылаясь на необходимость «защиты» Азербайджана и других провинций от агрессии деспотического Тегерана». Поэтому США должны, считает посол, способствовать национальной целостности Ирана, чтобы СССР или выполнял план эвакуации своих войск, или дезавуировал свои агрессивные намерения. Далее Россоу рекомендовал, чтобы американское посольство предложило иранскому правительству все возможные альтернативные ходы и склонило его к переговорам с Азербайджаном. Начало таких переговоров сократит вероятность отделения Азербайджана. В противном случае регион объявит о своей независимости и будет искать себе заступника [40].

Встреча Р.Россоу с С.Дж.Пишевари, несомненно, одно из знаменательных событий последних дней декабря.

Азербайджан завершил 1945 год в чрезвычайно сложной обстановке. В конце декабря премьер-министр Хакимумульк в своем интервью корреспондентам «Дейли экспресс», «Ассошиэйтед пресс» и «Рейтер» повторил заявление от 18 декабря о том, что как только иностранные войска покинут Иран, правительство шахиншаха положит конец беззакониям в Азербайджане [41]. В день опубликования этого интервью, 31 декабря, М.Дж.Багиров через М.Якубова и С.Емельянова направил запрос лидерам демократов, чтобы они аргументировано определились, хотят ли они отделиться от Ирана или намерены добиваться автономии, либо какой-то другой формы существования Азербайджана. Если произойдет отделение, то как будет называться новое государство?

НАЧАЛО РЕФОРМ В ТЕБРИЗЕ

Первые дни 1946 года ознаменовались для Ирана выводом англо-американских войск, а для Азербайджана – началом коренных реформ. Союзники, вернувшиеся с Московского совещания министров иностранных дел ни с чем, не дожидаясь 2 марта, с 1 января начали вывод своих войск, тем самым показывая пример Советскому Союзу. По мнению Джеймса Бирнса, опыт Потсдамской, Лондонской и Московской конференций показал, что самые большие трудности еще впереди. Однако союзники надеялись, что обсуждение иранского вопроса на Московской конференции должно принести какие-то результаты [1].

Первого января в своем рапорте на имя госсекретаря США посол Мюррей сообщил, что довел до сведения Мухаммеда Реза шаха и премьер-министра Ирана вопрос о создании англо-американо-советской комиссии, который обсуждался на Московской конференции. Несколько дней спустя Мюррей докладывал госсекретарю Бирнсу, собиравшемуся в Лондон на первую сессию Генеральной Ассамблеи ООН, что премьер-министр, кажется, абсолютно согласен с созданием такой комиссии, и обещал поднять этот вопрос в Кабинете министров, а о результатах доложить Мюррею. В свою очередь, шах заявил, что с уважением относится к идее создания англо-американо-советской комиссии, и считает, что участие США в этой комиссии является значимой гарантией для Ирана [2].

Шах считал, что позиция наркома иностранных дел В.Молотова по поводу создания трехсторонней комиссии не связана с «враждебной» позицией правительства Хакими к Советскому Союзу. Он вообще считал, что это тактический ход советского руководства. Посол Мюррей также сообщил Бирнсу, что новый консул Р.Россоу считает, будто после сдачи Резаи иранскому правлению в Азербайджане пришел конец. Основываясь на материалах местных газет, он сообщает, что курды помогают не иранской армии, а демократам [3]. В первые дни нового года стало также известно, что посол Ирана в Лондоне Сеид Гасан Тагизаде получил

указание внести азербайджанский вопрос в повестку дня первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Заместитель госсекретаря Дин Ачесон и посол Великобритании в Вашингтоне лорд Галифакс считали, что если СССР хочет присоединиться к трехсторонней комиссии, то должен сделать это до того, как эту проблему будет рассматривать ООН, в противном случае решения Советов опоздают.

Американский консул Р.Россоу, с интересом изучающий ход событий в Азербайджане, решил повторно встретиться с С.Дж.Пишевари. Эта встреча состоялась 4 января, на этот раз в американском консульстве. По ходу беседы консул пытался прояснить слухи по поводу подписания торгового договора между Иранским Азербайджаном и СССР. Пишевари напомнил, что между Ираном и СССР существует торговый договор, согласно которому и осуществляется товарообмен между Азербайджаном и СССР, и ему ничего не известно о заключении нового договора. К тому же Пишевари заметил, что если властные структуры Ирана прекратят торговлю с Азербайджаном, то это вынудит Азербайджан искать новые торговые связи с другими странами, так как без торговли невозможно восстановить народное хозяйство, и с юмором добавил: «Очевидно, эта новость подхвачена на тебризском базаре». Разговаривая с Пишевари, Россоу пытался выведать, что ему известно о решениях, принятых на Московском совещании. Естественно, консул обладал не меньшей информацией, чем Пишевари, но как дипломат он хотел знать степень информированности Пишевари и, особенно, его отношение к трехсторонней комиссии. Однако Пишевари дипломатично ответил, что, судя по официальной информации, иранский вопрос в Москве не обсуждался. Если же было что-то неофициальное, то консул об этом должен быть осведомлен лучше его. Как и на предыдущей встрече, Россоу заявил о своих симпатиях к Азербайджану, которые уже известны руководству в США. Пишевари поблагодарил и, в свою очередь, заверил Россоу, что Азербайджан до конца будет отстаивать свои национальные права. Газета «Азербайджан» опубликовала обширный материал о встрече консула США и премьер-министра [4].

Три дня спустя Р.Россоу посетил министра просвещения М.Бирия. Консул был осведомлен о создании Общества друзей Советского Азербайджана, а также поездках Бирии в Баку и Париж. Американскому консулу казалось, что создание общества может сыграть важную роль в воссоединении Азербайджана. Россоу также интересовался положением профсоюзов в Азербайджане, состоянием фабрик и заводов, положением рабочих и т.п. Наконец, он перешел к главному вопросу: «По имеющимся у нас сведениям, в последнее время в Тебризе создано «Общество друзей Советского Азербайджана». Что за общество, какие цели оно преследует, и является ли это шагом к воссоединению Иранского Азербайджана с

Советским Азербайджаном верно ли, что детей заставляют под угрозами записываться в это общество?» [5]. На вопросы американского консула М. Бирия ответил следующим образом: «Необходимость создания этого общества вызвана тем, что Советский Азербайджан является нашим соседом. В культурном развитии он стоит на очень высоком уровне, мы можем многому научиться, посылая туда наших студентов на учебу. Поэтому естественно создание в Тебризе «Общества друзей Советского Азербайджана». Что касается вопроса о какой-то угрозе, к сожалению, я впервые услышал это от господина консула. Напротив, до меня дошли слухи, что большое число людей добровольно и с огромной охотой записывались туда». На вопрос Бирии, кого он может назвать в связи с этими действиями, консул назвал фамилию командующего советскими войсками в Тебризе генерала Глинского, который якобы оказывает давление на людей с целью заставить их записываться в «Общество друзей Советского Азербайджана».

Далее консул спросил Бирия, известно ли ему, что скоро в Тегеране состоится совещание представителей трех великих государств с участием посланцев Ирана для разрешения азербайджанского вопроса. На это Бирия ответил, что ему ничего не известно, «а если состоится такое совещание, то азербайджанский народ надеется, что передовые демократические страны будут поддерживать законные и естественные права азербайджанского народа, ибо сам азербайджанский народ ни на шаг не отступит от своих национальных прав» [6].

Р.Россоу, не скрывавший своих симпатий к Пишевари, в своем рапорте от 29 декабря, в отношении М.Бирия придерживался другого мнения. Он ошибочно полагал, что вдохновителем всех террористических акций Советского Союза в Южном Азербайджане был именно Бирия. Еще в ходе Второй мировой войны спецслужбы США накопили достаточный материал о Бирии. Видимо, его пламенные речи на тебризских митингах против Тегерана, близость к политическим, культурным, литературным кругам Советского Азербайджана оказали соответствующее воздействие на формирование мнения о нем спецслужб. Много позже Россоу писал, что в Южном Азербайджане «руководителем террора был не Пишевари, а министр просвещения и пропаганды Мухаммед Бирия. Смуглый брюнет, маленького роста, с тонкими усиками пришел в коммунистическое движение из объединения по очистке тебризских улиц. Для проведения кампании террора Бирия создал специальное Общество дружбы с Советским Азербайджаном. Прием в общество осуществлялся сотрудниками политической полиции, а оказавший малейшее сопротивление, в лучшем случае, отделялся наказанием кнутом» [7].

Первая встреча Пишевари с консулом Россоу в конце декабря получила неоднозначные отклики. Секретарь американского посольства в СССР

Джордж Кеннан срочно оповестил государственный департамент и Посольство США в Тегеране о том, что Московское радио и ТАСС представили обещание консула «оказывать всяческую помощь Национальному правительству Иранского Азербайджана как официальное отношение США к Национальному правительству Азербайджана». Это сообщение Московского радио вызвало большой переполох в Иране. 9 января пресс-секретарь государственного департамента успокоил Тегеран, заверив, что слова Россоу были произнесены в рамках дипломатической вежливости и их суть несколько сфальсифицирована. Представитель государственного департамента заявил, что вышеприведенные слова Россоу официально не подтверждены. Консулу было дано указание поставить об этом в известность Пишевари [8]. В тот же день Россоу вновь посетил Пишевари. Он рассказал, что Московское радио представило слушателям их предыдущую встречу как официальное отношение США к Национальному правительству, в то время как визит к премьер-министру носил частный характер. Пишевари ответил, что не слышал информации Московского радио, но он имел беседу с редактором газеты «Азербайджан», которому сообщил истинное содержание их встречи. Информация об этой беседе была опубликована в газете, которая, видимо, и стала источником для Московского радио [9].

События в Южном Азербайджане очень интересовали и турецкое консульство в Тебризе. Советские спецорганы собрали большой материал по поводу внимания, проявляемого консулом Карман беем к азербайджанским делам. В частности, он заявлял, что после образования здесь русскими демократического правительства положение английского, американского и турецкого консульств стало шатким. Он считал, что по заданию русских усиливается преследование дипломатического корпуса. Турецкий консул полагал, что союзники действуют дипломатическими методами, а русские – силой и что пока русские не получают достойный отпор, они не уйдут. Далее Карман бей продолжал: «Русские здесь преследуют совершенно другие цели. Они, используя пребывание своих войск в Тебризе, силой организовали автономное правительство в Иранском Азербайджане. В результате усиленного вмешательства в дела Ирана, его правительство зашло в тупик. Уже год как оно не имеет права направлять своих чиновников в Иран». На вопрос, может ли Иранский Азербайджан остаться автономной республикой, Карман бей ответил: «Как на Тегеранской, так и на Потсдамской конференциях руководители великих держав, в том числе и русские, подтвердили свое уважение целостности Ирана и его суверенных прав. Однако на практике русские нарушают свои обязательства. Они открыто диктуют свою политику всем малым государствам, а если их не слушают, то таких называют фашистами. Так они поступают с иранским правительством. Нашу

демократию они также принимают за фашистскую, потому что мы, зная русских, не допускаем их проникновения в нашу страну. Мир дальше не может терпеть произвол русских».

Реальность международных отношений того периода была такова, что закрепление Советов в Южном Азербайджане представляло серьезную опасность для Турции. На Московском совещании министров иностранных дел, и особенно во время встречи с британским министром Э.Бевингом Сталин открыто высказал свои претензии к Турции. Как только были озвучены советские притязания на восточные провинции Турции, в Тегеране армяне издали карту, на которой оспариваемые земли были обозначены как «Турецкая Армения» [10]. Советские претензии к Турции шли, в основном, в двух направлениях: с одной стороны, советский лидер выражал свое несогласие с тем, что Босфор и Дарданеллы находятся под контролем Турции, с другой стороны, Сталин требовал возвращения целого ряда турецких провинций Грузии и Армении. Второе требование основывалось на выступлениях грузинской и армянской профессуры в московской прессе, где «научные изыскания» о принадлежности Карса и Ардагана Армении, а Трабзона с черноморским побережьем - Грузии заканчивались политическими требованиями «восстановить справедливость». Однако великие державы считали, что угрозы Сталина начать войну против Турции и его попытки обвинить в чем-либо эту страну совершенно беспочвенны [11]. Ситуация сильно осложнилась после передислокации в Болгарию осенью 1945 года 130-тысячной хорошо вооруженной группировки Советской Армии. Выступления турецких публицистов, например, Н.С.Ялчына в газете «Танин», назвавшего Советский Союз «красным фашизмом», или Джавита Арала, разоблачавшего политику не признающего международных норм Советского Союза, нашли должный резонанс в общественном мнении Турции [12]. Турецкий консул в Тебризе отмечал, что теперь, закончив с Ираном, Лаврентий Берия перешел к нападкам на Турцию. На вопрос, как реагируют проживающие в Турции армяне на решение Советского правительства вернуть армян на свою родину, Карман бей ответил, что если они пожелают вернуться в СССР, то никто не будет возражать. «Пусть СССР этим не запугивает Турцию. Мы никому ни одного клочка земли не уступим».

Комиссар по иностранным делам Грузинской ССР Г.И.Кикнадзе, посетивший Москву осенью 1945 года, писал 26 октября первому секретарю ЦК КП (б) Грузии К.Н.Чарквиани, что представил на имя Л.Берия и В.Молотова две докладные записки – «К вопросу о грузинских территориях, включенных в состав Турции» и «Об отторгнутых Турцией грузинских провинциях». Армянская и Грузинская советские республики считали возвращение Турцией этих земель настолько реальным, что уже

вели между собой жесткую борьбу за обладание ими. Г.Кикнадзе писал Л.Берия: «Наркоминдел Армянской ССР по запросу тов. Кавтарадзе С.И. уже подал в НКВД СССР докладную записку по этому вопросу. На основании этой докладной тов. Кавтарадзе С.И. послал тов. Молотову В.М. справку за своей подписью. Согласно этой справке, тов. Кавтарадзе С.И. считает, что территория, подлежащая возврату Турцией Советскому Союзу, составляет примерно 26.000 кв.км, из коих 20.500 кв.км должны войти в состав Армянской ССР, а 5.500 кв.км – в состав Грузинской ССР... Составленная нами справка, будучи аналогичной справке тов. Кавтарадзе С.И., отличается от последней тем, что в ней указано на то, что, кроме южного сектора бывшего Батумского округа и бывшего Артвинского округа, как мы считаем, должны быть воссоединены с Грузинской ССР ее исторические провинции – Ардаганский и Олтинский округа. Таким образом, предполагается, что в состав Грузинской ССР должна войти территория равная 12.760 кв. км, а в состав Армянской ССР – 13.190 кв.км» [13].

Между тем с первых дней нового года ситуация в Южном Азербайджане постепенно стабилизировалась. Решением Национального правительства со 2 января в городах Урмия, Ардебиль, Ахар, Хой, Маку, Шахпур были назначены новые вали. Член Милли Меджлиса Аташхан Баят возглавил Тебризский городской муниципалитет. В связи с тем, что владелец трехсот деревень Махмуд хан Зульфигари возглавил вооруженные банды и по ночам терроризировал активистов Демократической партии, Национальное правительство обратилось к населению Зенджана: «Ханы и ханские приспешники вроде Зульфигари пытаются вновь превратить крестьян в орудие реакции и направить их против своего Национального правительства и завоеванных свобод... Национальное правительство убеждено, что крестьяне и трудящиеся арестуют и сдадут этого предателя властям и тем самым избавятся от его преступлений» [14]. По решению Национального правительства Зульфигари был объявлен врагом азербайджанского народа. Доставившему его живым или мертвым была обещана премия. Имущество и земли Зульфигари подлежали конфискации [15]. Было дано указание Зенджанскому отделению приступить к выполнению этого решения, а к АДП обратились с просьбой оказать помощь государственным учреждениям Зенджана. Для восстановления порядка в Зенджан были направлены партизанские отряды во главе с Гуламом Яхьей.

В первые дни января по распоряжению министра финансов Г.Ильхами всем государственным служащим была выплачена зарплата за декабрь. Долги старого правительства, накопившиеся за многие месяцы, ликвидировать пока не удавалось. По распоряжению министра внутренних дел Саламулла Джавида с 4 января для отдельных лиц выезд из

Азербайджана был ограничен. Замещающий советского посла в Тегеране А.Якубов сообщал, что отдельные нежелательные лица, прибывающие из Тебриза в Тегеран, ведут здесь пропаганду против Национального правительства. Министру внутренних дел Джавиду было дано указание о том, что лицам, покидающим Азербайджан, необходимо иметь разрешение.

Многое делалось в области культурного строительства. В Южном Азербайджане среди всех слоев населения распространялся декабрьский номер журнала «Азербайджан», издаваемый с использованием арабской графики в Баку под редакцией Расула Рзы. В этом номере были опубликованы статья М.С.Ордубади «Из истории борьбы тебризцев»; стихи южноазербайджанского поэта Мухаммеда Али Махзуна; статья, посвященная памяти Говси Тебризи, и его ранее не опубликованные стихи; большая статья Мамедали Аббаси об изданном 40 лет назад альманахе «Азербайджан»; были также помещены фотографии здания Национального правительства, крепости Арк и Гей-мечети.

Одновременно появилась идея запечатлеть для истории события в Южном Азербайджане. С этой целью председатель управления кинематографии Расул Рза 5 января обратился к секретарю ЦК КП(б) Азербайджана Султану Кафарзаде с просьбой способствовать отправке в Тебриз съемочной группы [16].

За непродолжительный период в Тебризе и других городах стремительно увеличилось число газет и журналов на азербайджанском языке. Выходящие в Тебризе «Азербайджан», «Азад миллет», «Гелебе», «Адабийят сехифеси», «Свободный народ», «Победа», «Литературная страница», «Рассвет», «Собрание поэтов», «Новый Восток», а также издающиеся в других городах «Джовдет», «Урмия», «Молодежь», «Азер», «Звезда Азербайджана», «Просвещение», «Родина», «Демократ», «Солнце» и другие газеты и журналы освещали не только социально-политическую борьбу народа, но и его свободолобивые чаяния, богатый духовный мир. В организации и развитии прессы Южного Азербайджана большую роль своими публицистическими работами и деятельностью сыграли С.Дж.Пишевари, М.А.Шабустари, Х.Азербераган, С.Падеган, М.Вилайи, И.Гадири, З.Гиями, Н.Ализеде, Ф.Ибрагими, И.Шамс, А.Шамида, Г.Кендли, Х.Насирзаде, А.Панахи, М.Равенди, М.Тураби, Х.Хошгинаби. Опубликованные в различных городах Азербайджана стихи, рассказы, фельетоны, рецензии и публицистические заметки, принадлежащие перу таких авторов, как Б.Азероглу, М.Бирия, М.Этимад, О.Биллури, Г.Борчалы, М.Дирафши, Г.Гахраманзаде, М.Говси, И.Закир, С.Юзбенди, А.Камили, Дж.Кашиф, М.Гюльгюн, М.Никнам, М.Хилал Насири, Х.Саххаф, М.Наджим Тебризи, К.Сабахи, М.Пир, А.Туде, А.Фитрат, Б.Хаил, М.Чавуши, Х.Джаван, Ф.Нури, М.Аббаси, Х.Сахир, Х.Мехлин,

С.Х.Мусеви, С.Эмин, а также изданные этими же авторами книги способствовали формированию общественного сознания и патриотизма. Кроме того, здесь публиковались лучшие образцы творчества писателей и поэтов Северного Азербайджана – М.Ибрагимова, С.Вургун, С.Рустама, Р.Рзы, А.Мамедханлы, М.Рагима, О.Сарывелли, А.Джамилы, М.Дилбази, Н.Рафибейли, М.С.Ордубади, З.Халила, А.Садига, Б.Гасымзаде, О.Гошгарлы и других, время от времени посещавших Тебриз и другие города в годы Второй мировой войны и после нее. Опубликованный в газете «За Родину» цикл статей «Азербайджанский язык» М.Ибрагимова, «Тебризские стихи» С.Рустама, появившиеся в газете «Азербайджан», призывали народ к борьбе за родной язык и свою культуру. Стихотворение С.Рустама с рефреном «Не тронь!» и его же стихотворение «Не сгибайся» передавались из уст в уста. Такие писатели и журналисты, как Гулам Мамедли, Нусрет Багиров, Ибрагим Новрузов, Гылман Мусаев, молодой историк-журналист Зульфали Ибрагимов вели в Южном Азербайджане культурно-политическую работу и собирали интересные материалы о жизни края [17].

В первые дни января состоялся концерт Тебризского оркестра народных инструментов, на котором присутствовали Пишевари, председатель Меджлиса Шабустари, министры, купцы, представители интеллигенции, прессы. Среди иностранных гостей были генеральный консул Красных, американский консул Россоу, британский вице-консул Ланг, генеральный консул Турции Карман бей и другие. Художественным руководителем концерта был приглашенный Обществом культурных связей композитор Дж.Джангиров.

Премьер-министр Пишевари принял представителей духовенства Южного Азербайджана – духовного лидера шиитов Мирзу Халил Гази Мирза Багира и Табатабаи – и имел с ними часовую беседу. В то же время эмиссары из Тегерана в южных городах Ирана обвиняли азербайджанцев в предательстве идей ислама и призывали население к борьбе с ними.

В начале января большая группа поэтов, писателей, ученых, художников и композиторов из Советского Азербайджана во главе с председателем Общества азербайджано-иранских культурных связей С.Вургун посетили Тебриз, Урмию, Ардебиль, Марагу и другие города, и это стало незабываемым событием в культурной жизни Южного Азербайджана. Во время визита С.Вургун, Р.Рза, М.Дильбази, Н.Рафибейли, Г.Араслы, М.Гусейн, М.Топчубашев, А.Ализаде, С.Рустам, Г.Халилов и другие выступали с лекциями по истории, науке, культуре, литературе, искусству Азербайджана [18]. Президент Академии наук Азербайджанской ССР М.Миркасимов и академик-секретарь М.Кашкай в письме на имя М.Дж.Багирова предлагали для комплексного изучения Южного Азербайджана направить туда научную экспедицию в составе

специалистов в области геологии, ботаники, зоологии, медицины, археологии, истории и культуры. В письме указывалось, что Южный Азербайджан богат полезными ископаемыми, минералами, растениями. Также отмечалось, что здесь находятся бесценные рукописи. Изучение литературного наследия Набати, Халхали, Бахар Ширвани, сбор фольклора в деревнях, исследование тебризского периода творчества Дж.Мамедкулизаде и журнала «Молла Насреддин» способствовали бы созданию целостной картины истории азербайджанской культуры. Изучение памятников материальной культуры Южного Азербайджана, Марагинской обсерватории, Гей-мечети в Тебризе, Мавзолея Шейх Сефи в Ардебиле, многочисленных мостов, караван-сараев, крепостей будет иметь важное значение для азербайджанской истории [19].

В связи с этим М.Дж.Багиров дал указание председателю Совета Народных Комиссаров Т.Кулиеву обратить внимание на предложения академиков М.Миркасимова и М.Кашкая: «По-моему, мы могли бы сами укомплектовать здесь такую экспедицию. Думаю, что и на расходы найдем некоторые средства. Мы не имеем ясного представления по всем тем вопросам, которые затрагиваются в данной записке, а они нам нужны во всех отношениях. После договоренности с Национальным правительством Иранского Азербайджана... можно было бы направить такую экспедицию» [20].

По согласованию с Народным комиссариатом цветной металлургии СССР в конце января в Южный Азербайджан была отправлена геологическая экспедиция под руководством главного инженера Управления геологии А.Амирасланова для исследования медных руд.

6 января стало в истории национального движения Южного Азербайджана исторической датой в полном смысле этого слова. В этот день Национальное правительство приняло исторические решения: об объявлении азербайджанского языка государственным, об организации Азербайджанского государственного университета в Тебризе, о воспитании сирот и беспризорных детей. В решении правительства о языке говорилось: «Чтобы возвысить наш народ до государственного уровня и понять все его чаяния, а также чтобы устранить преграды на пути прогрессивного развития нашей культуры и национального языка, азербайджанское Национальное правительство на своем заседании от 16 дея (6 января) решило:

1. С этого дня в Азербайджане азербайджанский язык считается официальным государственным языком. Государственные постановления, объявления, а также приказы частям народной армии и проекты законов обязательно должны быть написаны на азербайджанском языке.

2. Все учреждения (государственные, торговые и общественные) должны вести делопроизводство на азербайджанском языке.

Документация, оформленная не на этом языке, будет считаться неофициальной.

3. Судопроизводство должно вестись только на азербайджанском языке, для не знающих язык должны назначаться переводчики» [21].

В тот же день закон о национальном языке был дополнен законом об учреждении в Тебризе государственного университета. В подписанном С.Дж.Пишевари документе отмечалось: «Принимая во внимание желание народа и решение Азербайджанского Национального конгресса, а также для обеспечения национального культурного развития Национальное правительство Азербайджана считает необходимым организовать государственный университет в столице Родины – городе Тебризе».

По этому постановлению министерству просвещения предписывалось в месячный срок составить смету для организации университета и представить на обсуждение кабинета министров. На первых порах университет должен был иметь три факультета: медицинский, сельскохозяйственный и педагогический, который включал в себя отделения: историческое, филологическое, литературное, философское, правовое, физическое, математическое, естествоведческое. Министерству просвещения было поручено подобрать преподавательский и административный состав университета и подготовить необходимые учебные пособия на азербайджанском языке.

Своевременные подготовительные мероприятия, начатые в январе 1946 года, позволили открыть университет в новом учебном году. Заместитель премьер-министра доктор Н.Джаханшахлу стал ректором, а член президиума азербайджанского энджумена доктор Дибаян – проректором. Они были приглашены в Советский Азербайджан для ознакомления с опытом работы его высших учебных заведений. В первый год планировалось обучение 180 студентов, из них 120 – на педагогическом, 60 – на медицинском факультетах. В университете были созданы кафедры языка и литературы, физики и математики, истории и географии, химии, анатомии и естествознания. В Советский Азербайджан была направлена просьба помочь профессорско-преподавательскими кадрами, а также оборудованием для лабораторий. Для выполнения этой просьбы министр иностранных дел Азербайджанской ССР М.Алиев обратился в Министерство иностранных дел СССР. А.Вышинский разрешил направить в Тебриз преподавателей вузов из Баку. Было намечено переиздать советские учебники арабским шрифтом в Тебризе. К началу учебного года в Тебриз были направлены преподаватели бакинских вузов: доктор филологических наук, профессор А.Демирчизаде, доктор медицинских наук, профессор А.Султанов, биологи С.Алекперов и И.Рзакулиев, физики М.Абдуллаев, А.Джафаров, математики Дж.Гасымов и А.Азизов, филологи Дж.Хандан и А.Раджабов, историк М.Мамедов, химик М.Гаджиева,

преподаватель физвоспитания Р.Бахшалиев и другие. Также предполагалось использовать потенциал уже работавших в Тебризе – историка М.Шарифли, кандидата математических наук Гаджиева, кандидата медицинских наук Кулиева и других [22].

Азербайджанский государственный университет открылся 12 июня 1946 года. С 19 января в Тебризе функционировала Высшая школа искусства и живописи.

Многолетняя политика режима Пехлеви, направленная на разграбление Азербайджана, привела к тому, что не только в деревнях, но и в таких городах как Тебриз, Хой, Маранд, Ардебиль, Марага, Резайя значительная часть населения влачила нищенское существование. Полуголодное существование, тяжелый труд в ковровых мастерских, где рабочий день продолжался, как правило, 12-14 часов, а заработки были мизерными, были уделом большинства горожан. Тысячи людей скитались по стране в поисках заработка.

Национальное правительство прежде всего было озабочено судьбой оставшихся без присмотра детей и подростков. 6 января 1946 г. было принято постановление «О воспитании сирот и беспризорных детей». Документ начинался так: «Политика реакционного режима и прогнивший общественный строй привели к тому, что большая часть наших детей, составляющих генофонд нации, остались сиротами и беспризорными. Голодные, раздетые и больные, они попрошайничают на улицах и площадях, угасают и гибнут» [23]. Согласно этому постановлению, в Иранском Азербайджане все беспризорные дети от 3 до 14 лет должны были быть собраны в организованные властями воспитательные дома. Такие дома в первую очередь намечалось открыть в Тебризе. Два дома для мальчиков и два дома для девочек должны были принять 400 детей, еще намечалось открытие яслей на 100 детей. Во всех городах планировалось открытие таких детских учреждений. Правительство поручило министерствам здравоохранения и просвещения определить смету расходов на эти цели. Было предложено создать благотворительный попечительский совет из состоятельных людей. Одновременно был проведен ряд акций по борьбе с попрошайничеством. В последнем параграфе постановления о государственном попечительстве над сиротами и беспризорниками говорилось: «Азербайджанское Национальное правительство призывает всех соотечественников бороться против попрошайничества, порочащего нашу нацию. Национальное правительство требует, чтобы все проявили активность в борьбе с этой бедой, наносящей ущерб славному имени Азербайджана».

В ходе январских реформ в области культуры перед Меджлисом был поставлен вопрос об уничтожении памятника Реза хану и сооружении памятников Саттархану и Багирхану. Без проволочек памятник основателю

шахиншахской империи Пехлеви Реза хану в тебризском саду «Гюлистан» был снесен. В постановлении, подписанном председателем Меджлиса Мирзой Али Шабустари, записано: «Памятник диктатору Реза хану, предавшему свободу иранского народа, обескровившему Азербайджан, убрать из сада «Гюлистан»; на его месте поставить памятник национальному полководцу Саттархану и переименовать сад «Гюлистан» в сад имени Саттархана. У крепости Арк – символа борьбы Азербайджана за свои права и оплота движения моджахедов – поставить памятник Багирхану» [24].

Наряду с реформами в области культуры и просвещения в стране были осуществлены правовая, административная, торговая, избирательная и законодательная реформы. 8 января Милли Меджлис принял постановления о выборах в окружные, территориальные и местные энджумены и муниципалитеты. По первому вопросу было решено организовать энджумены в вилаетах, махалах и секторах, причем выборы в вилаетах проводить через каждые 2 года, а в махалах и секторах – каждый год. Граждане страны, достигшие 20 лет, обладали правом голоса, а в возрасте 25-70 лет получали право быть избранными.

Второй раздел закона был посвящен обязанностям энджуменов. По закону о выборах в муниципалитеты, число членов энджумена в Тебризе определялось в 65 человек, в центрах вилаетов – 47 человек, в центрах махалов – 31 человек, в центрах секторов – 25 человек. В соответствии с этим, путем тайного голосования избирались исполнительные органы численностью: в столице – 17 человек, в вилаетах – 11 человек, в махалах – 9 человек, в секторах – 7 человек. Муниципальные энджумены избирали главу муниципалитета, его заместителя и двух сотрудников (уполномоченных). В обязанности энджуменов входило: работа городских служб и контроль над ними, формирование муниципального бюджета и контроль за расходами, распродажа муниципального имущества и сбор налогов [25].

В период с 14 по 18 января на выборах в 213 городах Южного Азербайджана были избраны 5971 человек. Несколько позже завершились выборы в 10 вилаетах, 21 махале и 151 секторе. В целом в 1946 году в разного рода выборные органы были избраны 39 тысяч человек. Участие такого большого количества людей в выборных органах и управлении государством было невиданным для Востока явлением [26].

В ходе январских реформ Милли Меджлис произвел изменения в финансово-налоговой сфере. Отмена феодального права в юриспруденции значительно усилила роль и авторитет судов. В новом законе говорилось: «Все законы и постановления о диванном наказании отменяются. В Азербайджане дела о преступлениях государственных и муниципальных служащих будут рассматриваться в общих судах. Государственный или

муниципальный служащий, получивший при исполнении своих служебных обязанностей взятку деньгами или товаром, должен быть осужден на срок от трех до пятнадцати лет и принудительные работы, или тюремное заключение, или смертную казнь. Сама взятка, будь то деньги или товар, конфискуется в пользу государства» [27].

Важнейшей задачей того периода была подготовка проекта Конституции и ее принятия. По этому поводу 11 января 1946 года М.Дж.Багиров дал распоряжение М.Т.Якубову, М.Ибрагимову, А.Атакишиеву и Г.Гасанову договориться с Национальным правительством через Пишевари о том, чтобы ускорить обнародование Конституции хотя бы в порядке ее предварительного обсуждения и обязательно включить в нее пункт о праве автономии вести самостоятельную внешнюю торговлю [28].

Однако Пишевари не согласился с требованием М.Дж.Багирова о скорейшем обсуждении и публикации Конституции. Он считал, что следует не спешить с публикацией текста проекта Конституции до тех пор, пока не прояснятся все вопросы второго этапа национально-демократического движения. К тому же Конституцию следовало принять на Учредительном собрании, созыв которого, по мнению Пишевари, пока преждевременен.

Еще до образования Конституционной комиссии было объявлено решение Милли Меджлиса об организации внешней торговли. Были разрешены противоречия между правительством и Английским банком. Они возникли вследствие того, что Тебризский банк в рамках межбанковских операций выписал Английскому банку чек на 17 тысяч туменов. Но руководство Английского банка отказалось оплатить этот чек, так как банк не имеет официальных отношений с Национальным правительством, а Тегеран запрещал отпускать деньги новому правительству. В связи с этим Пишевари направил руководству банка письмо, в котором объяснил, что действия банка создают экономические и финансовые проблемы для Национального правительства. Пишевари также предупредил, что снимает охрану банка и уже не будет нести ответственности за все, что может произойти с банком. Напуганный директор банка явился 9 января к министру финансов и заявил, что не питает враждебных чувств к Национальному правительству. Он попросил организовать встречу с Пишевари, которая и состоялась 11 января. Директор спросил у премьер-министра, в чем выражается враждебное отношение Английского банка к азербайджанскому Национальному правительству. Пишевари перечислил: выкачивание денег из Азербайджана, создание финансовых затруднений на рынке, непризнание подписей директоров тебризских банков и т.д., и, в свою очередь, спросил: «Чем же можно назвать все это, если не враждебным отношением». На это

директор банка ответил, что он написал письмо в Тегеран и ждет указаний. Он также пытался выяснить, что означает фраза «Национальное правительство снимает с себя ответственность за возможные последствия». Пишевари объяснил, что при возможных конфликтах банка с азербайджанскими купцами, при задержке переводов и т.д. Национальное правительство будет не в состоянии оказать какую-либо помощь, а также вынуждено будет снять охрану банка. На замечание директора, что банк охраняется полицейскими, Пишевари ответил, что эти полицейские ныне подчиняются Национальному правительству, и оно вправе в любой момент их отозвать. Далее директор интересовался, почему Национальное правительство не разрешает вывозить товары в Тегеран. Пишевари объяснил это тем, что Тегеран не платит за товары. Вывозя из Азербайджана продукты, он стремится создать здесь нехватку товаров и голод. Но Национальное правительство этого не допустит. «Дайте нам валюту - дадим вам товары любого качества и сколько хотите». Директор также жаловался, что не может получить шифровку по телеграфу и просил разрешить связь с Тегераном по шифру с условием, что о содержании каждого шифрованного сообщения будет известно Национальному правительству. Пишевари дал согласие на это [29]. Таким образом конфликт был улажен.

Нарушение торговых связей с другими районами Ирана сильно осложнило экономическое положение Азербайджана. 14 января группа купцов обратилась к Национальному правительству с предложением заключить торговый договор с Советским Союзом. В обращении указывалось, что Иран, особенно Азербайджан, на протяжении многих лет имеет тесные торговые отношения со своим ближайшим соседом – Россией. Географическое положение, близость торговых путей способствовали укреплению взаимовыгодных торговых и экономических связей двух стран, показатели импорта и экспорта между которыми всегда были сопоставимы. Торговые соглашения, заключенные между Ираном и Советским Союзом в 1927, 1931, 1935 и 1940 годах, сыграли большую роль в развитии промышленности и всей экономики Ирана. Иранский Азербайджан и его столица Тебриз связаны с Советским Союзом железной и шоссейной дорогами, а также воздушной линией. Советский Союз обеспечивал Азербайджан сахаром, мануфактурой, силикатными изделиями, транспортными средствами, нефтепродуктами, стройматериалами и т.д., в то же время оставался основным покупателем азербайджанского скота, сухофруктов, кожи, шерсти, ковров, зерна и т.п. Помимо этого, важные торговые пути, связывающие Азербайджан с европейскими рынками, проходят через Советский Союз. С учетом всего этого, купцы обратились к Национальному правительству с просьбой начать непосредственные торговые переговоры с СССР, надеясь, что

Советский Союз с пониманием отнесется к этой инициативе. Обращение подписали влиятельные купцы, промышленники и землевладельцы [30].

Подобные этому письменные и устные обращения в большинстве своем были организованы по совету первых лиц в правительстве или же советских политработников. Тем не менее, исходя из этих обращений, Национальное правительство в середине января приняло решение, в котором говорилось: «Предательская политика тегеранского правительства привела к тому, что во всех городах и деревнях развивается производственный и торговый кризис, в результате которого экономическая жизнь Азербайджана оказалась под угрозой... Нельзя приносить азербайджанский народ в жертву политическим играм тегеранского правительства. Рано или поздно экономическому кризису придет конец». С этой целью под руководством Министерства торговли предполагалось создать комиссию из высокопоставленных чиновников, поручить ей в скорейшем времени приступить к переговорам по поводу организации внешней торговли, уточнить перечень экспортных и импортных товаров, подготовить и представить в Меджлис проект закона о свободной торговле с зарубежными странами [31].

Как только стало известно об этом, Совет Народных Комиссаров СССР 15 января принял решение о поставке железных труб для улучшения водоснабжения города Тебриза. С разрешения комиссара нефтяной промышленности СССР Н.Байбакова было решено выделить из фонда «Азнефти» 25 тысяч метров труб на сумму в 430 тыс. рублей и через советское торговое представительство в Иране продать азербайджанскому правительству. По договоренности, Национальное правительство должно расплатиться в течение трех месяцев или деньгами, или товарами.

После принятия азербайджанским правительством решения о свободной внешней торговле, М.Дж.Багиров обратился к Сталину и Молотову с рекомендацией заключить торговый договор с Иранским Азербайджаном, который был бы единственным выходом из создавшегося положения. В соответствии с указаниями Сталина, переданными через Микояна, Национальному правительству было рекомендовано внести в Конституцию пункт о праве на ведение самостоятельной внешней торговли. Руководители Национального правительства обсудили этот вопрос с представителями купечества и помещиков и приняли соответствующее решение. Так как в обращении купцов был упомянут Советский Союз, полный текст этого документа в газетах не был опубликован. М.Дж.Багиров предлагал, хотя бы временно, увеличить закупки в Иранском Азербайджане, предоставить Национальному банку кредит на сумму 50-60 миллионов риалов, заключить непосредственно с Национальным правительством Азербайджана торговый договор. В то же время в документе указывалось, что президиум Милли Меджлиса принял решение

создать комиссию по разработке проекта Конституции, в которой предусмотрено право Национального правительства Азербайджана на ведение самостоятельной внешней торговли [32].

Позднее М.Дж.Багиров направил в Москву примечательную справку о борьбе с безработицей и улучшении социального положения, озаглавленную «О потребности в рабочей силе для Азербайджанской ССР», что было сделано с целью укрепить отношения между двумя Азербайджанами. В справке указывалось, что для выполнения намеченных мероприятий по подъему добычи нефти в ближайшие годы потребуется дополнительная рабочая сила численностью не менее 25-30 тысяч человек. Кроме того, ощущается большая нужда в рабочей силе на стройках, развернувшихся в республике. В частности, на строительстве Мингечаурского гидроузла требуется не менее 15 тысяч человек, в управлении «Дашкесанрудстрой» – 5 тысяч человек, в промышленном и жилищном строительстве «Азнефти» до 15 тысяч человек, Второму Бакинскому водопроводу и другим крупным коммунальным стройкам города Баку – 10 тысяч человек. Таким образом, автор справки утверждал, что в целом республике в ближайшее время потребуется до 80-85 тысяч человек. М.Дж.Багиров предлагал привлечь в нефтяную промышленность и на стройки республики свободную рабочую силу, имеющуюся в большом количестве в Южном Азербайджане. Во-первых, об этом поступили многочисленные обращения безработных, во-вторых, среди них имеются квалифицированные нефтяники, высланные некогда из Советского Азербайджана как ираноподданные. По мнению М.Дж.Багирова, использование 80-85 тысяч безработных азербайджанцев в значительной степени уменьшит безработицу в Иранском Азербайджане, а также позволит создать кадры квалифицированных рабочих, часть которых в дальнейшем можно использовать для развития промышленности в самом Южном Азербайджане [33]. Но Москва не согласилась с этим предложением.

15 января Милли Меджлис принял решение по поводу подготовки проекта Конституции. Была создана комиссия из 15 человек во главе с С.Дж.Пишевари и в составе: доктор Дибаян, Мухаммед Азима, Садиг Падеган, Фирудин Ибрагимов, Зейналабидин Гиями, ханум Шамс Джидди, Абдуллах Рахими, Исмаил Шамс, доктор Джавид, Мехташ, Аташ Баят Маку, Симон Мкртчян, ханум Афифа Тюрки, Абдулалли Панухида, Шейх Мусса Каяни. Эта комиссия должна была в течение месяца подготовить и представить в Меджлис проект Конституции, которая должна была пройти всенародное обсуждение до того, как соберется Учредительное собрание. В третьем пункте решения указывалось, что при подготовке Конституции должны учитываться национальные, культурные, политические, экономические и общественные реалии, и, вместе с тем, она должна быть

направлена на обеспечение прогресса Азербайджана. Для этого Конституция должна четко и ясно указывать на возможность свободных связей с зарубежными странами и создание особых торговых отношений [34].

Объявленные в первой половине января первичные реформы повысили политическую активность населения. Углубление реформ еще более приблизило независимость Азербайджана. За месяц с небольшим был пройден колоссальный путь. Результаты проделанной работы, суть проведенных реформ, будущая судьба страны отразились в документе, озаглавленном «Требования азербайджанского народа».

Этот документ был подписан 16 января премьер-министром Пишевари, председателем Меджлиса Шабустари, зам.председателя АДП С.Падеганом, министром просвещения Бирией, министром внутренних дел Джавидом. Вводная часть документа целиком посвящена положению Ирана, зарождению процесса обновления в послевоенном мире, участию Азербайджана в этом процессе, требованиям Народного конгресса и другим актуальным вопросам. В документе подробно проанализированы действия Милли Меджлиса и Национального правительства, многочисленные обращения к Тегерану и враждебное отношение центрального иранского правительства к Азербайджанской автономии. Этот документ, подписанный через день после создания Конституционной комиссии, пронизан духом необходимости перехода от идеи автономии к идее независимости. В нем отмечалось: «Не желая ответить на это законное требование народа, центральное правительство всегда повторяло избитую и беспочвенную мысль о том, что Азербайджан является неотъемлемой частью Ирана. Тем самым центральное тегеранское правительство лишней раз доказало, что оно, отрицая само существование и многовековую историю азербайджанского народа, старалось и поныне старается держать его под национальным гнетом, используя клевету, террор и провокации, пытается запятнать и очернить его великое национально-демократическое движение. Поэтому вполне естественно, что мы, опираясь только на собственные силы, не сумеем защитить свою национальную свободу от покушений реакционных сил Тегерана. Этого мы можем добиться лишь объединением всего нашего народа и при поддержке демократических народов мира. Азербайджанский народ был вынужден создать свое Национальное правительство без какого-то ни было участия Тегерана. Несомненным является теперь факт существования нашей национальной независимости и нашего Национального правительства. Сейчас мы являемся свидетелями коренного перелома и активной деятельности во всех уголках Азербайджана. Рушится весь старый и прогнивший государственный механизм, уступая свое место свежим, молодым силам страны... Несомненно, что при первом удобном

случае Тегеран попытается потопить в море крови нашу национальную независимость и в случае сохранения существующего положения не остановится ни перед каким преступлением для ликвидации демократического движения в Азербайджане. Поэтому мы во имя торжества идей справедливости и человечности, во имя независимости и свободы пятимиллионного народа, во имя его будущего существования и прогресса обязаны от национальной автономии Азербайджана перейти к достижению его подлинной и полной независимости. Это значит, что мы должны, полностью отделившись от Ирана, организовать свое независимое государство на демократических основах, т.е. создать Азербайджанскую национально-демократическую республику» [35]. С.Дж.Пишевари и другие лидеры, подписавшие документ, считали возможным построение независимой Азербайджанской Национальной Демократической Республики на основе следующих принципов:

«1. Наша страна должна именоваться Азербайджанской Национально-Демократической Республикой.

2. Эта республика должна быть построена на демократических основах в полном смысле этого слова, а ее государственные органы должны быть выбраны на основе прямого, равного и тайного голосования.

3. В целях выработки Основного закона (Конституции) республики в ближайшем будущем должно быть созвано на демократических началах Учредительное собрание, которое определит судьбу страны.

4. Азербайджанская национально-демократическая республика должна обеспечить всем гражданам свободу слова, печати, совести и свободу вероисповедания, зафиксировав таковые в своей Конституции.

5. В целях приближения государственных органов власти к широким народным массам, а также создания подлинно национальной власти, начиная от уездов и округов вплоть до губерний, во всем Азербайджане организовать энджумены, и таким образом работу всех государственных чиновников на местах поставить под строгий контроль народа.

6. Азербайджанская Национально-Демократическая Республика, признавая право на частную собственность во всех сферах жизни страны, должна содействовать всякому проявлению частной инициативы, имеющей целью развитие экономики страны и повышение благосостояния народа.

7. В целях улучшения условий жизни крестьян, а также перестройки земледелия на основе современной техники, все государственные земли (халисе) и земли бежавших из Азербайджана помещиков передать крестьянам.

8. В целях ликвидации все усиливающейся безработицы и улучшения положения рабочего класса, принять меры к оживлению работы

существующих промышленных предприятий и строительству новых фабрик и заводов.

9. Азербайджанская Национально-Демократическая Республика в ближайшем будущем должна принять меры по разработке всех недр страны, кои в результате недееспособности тегеранского правительства до сего времени оставались неиспользованными. Наш народ придает большое значение этому вопросу и надеется, что решение этой проблемы значительно облегчит экономическое положение страны.

10. Ввиду того, что страна в результате господства гнусного диктаторского режима на многие столетия отстала от далеко шагнувшей вперед мировой цивилизации, Азербайджанская Национально-Демократическая Республика считает приоритетным развитие науки, техники и культуры в стране.

11. Мы, руководствуясь историческими, географическими и этнографическими особенностями создаваемой нами Азербайджанской Национально-Демократической Республики, включаем в ее состав следующие основные города: Тебриз, Ардебиль, Урмия, Миандоаб, Марага, Салмас, Хой, Маранд, Миане, Энзели, Маку, Ахар, Херовабад, Зенджан, Казвин и Хамадан. Границы нашей республики мы определяем согласно прилагаемой карте, ибо население указанных на карте городов и сел в настоящее время более чем на 95% состоит из азербайджанцев.

12. Прилагаемая карта включает в себя и область Северного Курдистана, границы коего будут определены при разрешении вопроса о государственном строе Северного Курдистана» [36].

Этот документ был своеобразным ответом на рекомендации М.Дж.Багирова от 31 декабря 1945 года, среди которых было предложение окончательно определиться в выборе между автономией и независимостью.

Что касается определения границ Северного Курдистана, то 22 января 1946 года по инициативе Демократической партии Курдистана официально была объявлена автономия Курдистана в составе Ирана. Еще 14 января министр внутренних дел Аллахъяр Салех получил телеграмму о том, что русские творят в Махабаде то же, что и в Азербайджане. А в телеграмме из Решта сообщалось, что русские предпринимают попытки объявить о создании «Гилянской Республики». Вначале М.Дж.Багиров и Пишевари были против провозглашения автономии Курдистана. По их мнению, курдам могла быть предоставлена культурная автономия в составе Азербайджана. Но так как создание «Республики Курдистан» внутри Ирана входило в стратегические планы СССР, М.Дж.Багиров старался держать этот процесс под своим контролем. В политических событиях, происходящих в Махабаде, посланцы Советского Азербайджана принимали активное участие. Вплоть до весны 1946 года между

Азербайджанским Национальным правительством и «Республикой Курдистан» велись переговоры об определении форм сотрудничества в пограничной и других сферах [37].

Однако на первых порах отношения с курдами не отличались стабильностью. Мирза Ибрагимов и Гасан Гасанов 29 января писали из Тебриза М.Дж.Багирову: «Взаимоотношения между курдами и азербайджанцами являются острым вопросом, особенно в районах Урмии и Сулдуза. Отдельные курдские вожаки стремятся установить свою власть как в районах Сулдуза, где более 70% жителей составляют азербайджанцы (кара-папахи), так и в самой Урмии, где курдов вообще проживают единицы. За последнее время имелись факты, когда люди Нури бека и Зеро бека насильно заставляли жителей Урмии записываться в Курдистанскую демократическую партию... Большинство нынешних курдских вожakov, хотя и говорят «о свободе курдов», «о великом Курдистане», являются ярыми сторонниками феодально-общинного строя и заинтересованы в его сохранении.

В начале 1946 года советский вице-консул в Маку В.Соломин подготовил справку по провинции Маку, где указал, что из 85-86 тыс. населения – 18,5-19 тыс., т.е. 22%, составляют курды. Из них 2000 семей относятся к племени джелали, 1800 семей – к племени миланлы, 400 семей – к племени зиланлы [38].

Для сохранения контроля над Курдистаном бакинские представители дали ряд рекомендаций. М.Дж.Багиров указал бакинской «тройке» в Тебризе на необходимость принять меры к обузданию отдельных бесчинствующих и разжигающих национальную вражду главарей курдов. По его указанию бывший работник Министерства внутренних дел Насир Дадашев под видом торгового агента и Мелик Асланов под видом директора советской больницы были направлены в Мехабад для контроля за происходящими там процессами [39].

Большую помощь в разрешении возникающих проблем оказывали представители Советского Азербайджана, состоявшие на дипломатической службе во многих городах Азербайджана и Ирана. Ахад Багиров исполнял обязанности советского посла в Тегеране, Али Алиев был первым секретарем посольства, Джебраил Ашумов - был вице-консулом в Резайе, Мирза Мамедов – вице-консулом в Ардебиле, Багир Сеидзаде – вице-консулом в Тебризе, Бендали Мехтиев – вице-консулом в Горгане, Шамиль Назарли – вице-консулом в Реште, Мамед Шарифов – консулом в Горгане, Нурмамед Гулиев был сотрудником консульства в Тебризе, Сейфулла Сулейманов – в Бендершахе, Мамед Эфендиев – в посольстве в Тегеране. Первый народный комиссар иностранных дел Советского Азербайджана Махмуд Алиев активно участвовал в южноазербайджанских делах. Показательно письмо сотрудников советского консульства в Тебризе

Б.Сеидзаде и Н.Гулиева на имя М.Дж.Багирова: «Все ваши указания...мы приняли к руководству и исполнению... По требованию НКВД мы систематически посылаем в Москву информацию о национально-демократическом движении в Азербайджане. В своих информациях, посылаемых в Москву, мы всегда старались показать подлинно национально-освободительный характер успешно развернувшегося в Иранском Азербайджане движения и беззаветную борьбу азербайджанского народа за свою национальную независимость. Еще задолго до начала демократического движения и в последующий период эти мысли составляли основу всех наших политических информаций (особенно тех, что касались Пишевари). После создания «тройки» мы всегда стремились к тому, чтобы не было никаких расхождений между информацией «тройки» и информацией, посылаемой нами в Москву. Мы считаем своей обязанностью всеми возможными средствами поднять авторитет руководителей Национального правительства, в частности Пишевари, среди руководящих кругов и населения, зная, что этим мы поможем Национальному правительству в деле успешного проведения его мероприятий» [40].

Провозглашение курдской автономии в Махабаде воодушевило и проживающих в районе Урмии армян. Их стремление к автономии в этом регионе было составной частью большого плана, направленного целиком против Турции и частично против Южного Азербайджана. По этому поводу заместитель наркома иностранных дел Азербайджанской ССР А.С.Ализаде в своей докладной М.Дж.Багирову сообщал: «В период моего нахождения в Москве в командировке в столовой Наркоминдел СССР я встретился за столом с народным комиссаром иностранных дел Армении тов. Карапетяном. В частной беседе с Карапетяном разговор зашел о переселении армян из заграницы в Советскую Армению. Между прочим т.Карапетян затронул вопрос и о переселении армян из Ирана. Он сказал, что переселение армян будет производиться только из южных областей Ирана, причем тут же добавил, что не все армяне, проживающие на юге Ирана, подлежат переселению в Советскую Армению, а часть. Остальная же часть армянского населения во время переселения будет оседать в Северном Иране, ибо «мы здесь предполагаем создать армянскую автономию». Далее т.Карапетян, касаясь количества армянского населения Северного Ирана, заявил, что здесь проживают до 120000 армян. Когда я ему заявил, что армяне разбросаны по всему Ирану и живут только в городах, т.Карапетян ответил, что вокруг Урмии имеется несколько армянских сел и что даже название этой местности древнеармянское. Когда мы беседовали с т.Карапетяном, подошел исполняющий обязанности заведующего Средне-Восточным отделом Наркоминдел СССР т. Сычев и занял место за столом, соседним с нашим. Тов. Карапетян,

обращаясь к т.Сычеву, также сказал, что вопрос переселения армян из Ирана касается только армянского населения Южного Ирана, ибо армян Северного Ирана переселять в Советскую Армению они не дадут» [41].

Армянам не удалось осуществить этот план, так как бакинские и тебризские лидеры взяли этот вопрос под строгий контроль. Следует отметить, что сведения С.Карапetyана о проживании 120 тысяч армян в Северном Иране не совпадали с данными официальных советских источников. Секретарь Генерального консульства в Тебризе К.Б.Арушанов подготовил и направил в НКВД СССР справку об армянской колонии, в которой указал, что армянское население в Иранском Азербайджане составляет 17 тысяч. Из них 12 тысяч живут в Тебризском консульском округе, в том числе 6500 человек в городе Тебризе, 1000 человек - в Мараге, 1000 человек - в Миандоабе, 3100 человек - в Карадаге и еще в ряде мест мелкими группами [42].

В день открытия третьего расширенного пленума АДП премьер-министр С.Дж.Пишевари обратился к М.Дж.Багирову с объемным письмом, в котором говорилось о нуждах Азербайджана. Пишевари был озабочен в первую очередь формированием регулярных частей Народной армии, для чего считал необходимым опубликование соответствующего решения Милли Меджлиса, правил мобилизации, войскового устава, утверждения единой формы одежды для солдат и офицеров. Он просил М.Дж.Багирова организовать поставку 20000 пар нательного белья, 10000 пар обуви, 5000 шт.шинелей, 10000 комплектов верхнего обмундирования с последующей оплатой деньгами или товарами. В письме И.Сталину и В.Молотову М.Дж.Багиров поддержал просьбу Пишевари и просил разрешения положительно ответить на это письмо. В случае согласия Москвы он обещал выполнить эти заказы в кратчайшие сроки на фабриках Советского Азербайджана [43].

Для обеспечения армии боеприпасами и вооружением в период с октября 1945 г. по январь 1946 г. в Иранский Азербайджан были отправлены 11516 винтовок «маузер» иранского образца, 350 ручных пулеметов «Брно», 87 автоматов, 1086 пистолетов, 2000 ручных гранат, 2654000 патронов [44]. Намечалось послать в дальнейшем еще 5171 винтовок, 310 пулеметов и т.п.

Далее Пишевари акцентировал внимание на необходимости уточнения юго-восточных границ. Что касается эмблемы Азербайджанского национального государства, то он писал: «Настало время создать эмблему Азербайджанского национального государства. Мы думаем принять национальную государственную эмблему, изображающую огонь (очаг или факел), открытую книгу и два накрест расположенных меча на голубом фоне. Просим выразить ваше мнение по этому поводу». По мнению М.Дж.Багирова, государственный герб Южного Азербайджана должен был

изображать на голубом фоне два легендарных меча (меч как символ борьбы и героизма). Окаймлять герб должны лавровые листья, а понизу – красная лента – как символ победы.

В своем письме Пишевари касался также финансовых, экономических, торговых проблем, подчеркивая, что советские торговые организации не покупают азербайджанских товаров. Он также просил прислать необходимое оборудование для асфальтирования тебризских улиц, а также направить специалистов для подготовки годового бюджета, для открытия радиостанции в Тебризе. Послание завершалось в восточном духе: «Посылая вам пару ковров, просим принять их как небольшой образец искусства тебризских мастеров» [45].

В переписке с М.Дж.Багировым Пишевари уделял большое внимание выпуску азербайджанских денежных знаков. Он писал: «В связи с торговым вопросом просим вашего разрешения на выпуск собственных денег. Вам хорошо известно, что у нас мало денег. Если бы у Азербайджана были свои деньги, то и товары бы продавались. Если напечатаем 100 млн. манатов, дела наладятся. И с долгами расплатимся. Если напечатаем иранские деньги, то весь мир может нас осудить. У нас есть три банка, которые сейчас серьезно работают... Решите также вопрос, где будут печататься эти деньги. В Тебризе это невозможно» [46].

Спустя полтора месяца со дня образования Национального правительства был проведен расширенный пленум ЦК АДП. С 26 по 29 января с докладами выступили: Пишевари - «Текущий момент и задачи партии», доктор Джавид - «АДП и местные органы власти», С.Падеган - «Организационные вопросы АДП», З.Гиями - «О выборах в энджумены». Из доклада С.Падегана стало известно, что число членов Демократической партии возросло до 187 тысяч человек. Массовый приток в партию новых членов объяснялся не только ростом авторитета Национального правительства, но и серьезными нарушениями при приеме в партию. Для сравнения отметим, что в декабре 1945 г. в АДП насчитывалось 70 тысяч членов [47].

В своем докладе на январском пленуме АДП Пишевари сделал глубокий анализ пройденного пути и определил предстоящие задачи. Он показал, каких успехов добилось национальное движение за истекшие 5 месяцев. «Вначале, во время обсуждения наших задач и осуществления идей и желаний, казалось, что требуется большой период времени. Однако в течение месяца многие идеи практически осуществлены. Ныне азербайджанский народ создал свое Национальное правительство и национальный Меджлис». «Что мы хотим?» - такой вопрос поставил Пишевари в своем докладе. И ответил так: «Мы хотим, чтобы народ стал грамотным и мог пользоваться системой здравоохранения, чтобы наши города отвечали нормальным человеческим требованиям». Путем создания

энджуменов Пишевари рассчитывал привлечь к управлению страной широкие народные массы. Он считал, что мало завоевать свободу, нужно удержать ее силой. Мы приступили к созданию этой силы. Она тесно связана с народом. Государства, которые опираются на народ, живут вечно».

Вопрос благоустройства городов занимал приоритетное место в докладе Пишевари. Особенно это касалось Тебриза, в прошлом имеющего население в 800 тысяч человек, а ныне разрушенного и грязного, а потому количество жителей его уменьшилось до 200 тысяч.

Проблемы развития промышленности и торговли, просвещения и культуры также были в центре внимания АДП и созданного им правительства. О развитии сельского хозяйства Пишевари сказал так: «Я думаю, что мы нуждаемся в разрешении еще двух проблем: приобретении сельскохозяйственных машин и средств для ирригации. Кроме того, мы не ценим нашу продукцию. Например, мы сеем пшеницу, а она не убирается и гниет... Поэтому мы должны перейти на производство таких культур, которые высоко ценятся, скажем, хлопок, табак. Сейчас мы выращиваем такой сорт табака, который, кроме Ирана и Азербайджана, нигде не потребляется. Мы должны производить папиросный табак, сахарную свеклу, а в Миане и других климатически благоприятных районах посадить тутовые деревья для производства шелковицы. Мы должны вести земледелие на научной основе, используя механизацию, с тем чтобы население могло получать большой урожай с меньшими затратами труда» [48].

Пишевари подчеркнул в своем докладе, что перед правительством стоит много довольно сложных задач. Однако он заявил: «Нас не остановит то, что у нас мало педагогов и специалистов, мы будем использовать азербайджанцев, находящихся и вне Иранского Азербайджана» [49].

В день завершения пленума М.Ибрагимов и Г.Гасанов направили М.Дж.Багирову обширный материал, в котором наряду с решениями пленума был дан подробный отчет о работе Национального правительства в течение полутора месяцев. В этом документе на 11 страницах анализируется деятельность Национального правительства, указываются достижения и недостатки. По мнению авторов отчета, победа национально-демократического движения в Азербайджане покончила с колебаниями большей части сомневающихся в возможности освобождения Азербайджана от ига иранского деспотизма. Правда, непризнание автономии и враждебное отношение империалистических сил заставляют часть купечества, зажиточных людей и интеллигенции оставаться на выжидательных позициях. Но азербайджанский народ готов до последней капли крови защищать свою свободу. Твердая позиция советского

правительства вдохновляет передовых деятелей и народные массы. Лидеры демократов открыто заявляют, что освобождение Азербайджана от векового деспотизма и национального гнета может осуществиться только с помощью Советского Союза. Ненависть к тегеранскому правительству и персидскому владычеству на редкость сильна. Народные массы, интеллигенция и передовые люди из самостоятельных слоев видят будущее своей страны только в сближении с Советским Союзом, а в конечном итоге - в слиянии с Советским Азербайджаном [50].

Вместе с тем этот январь был знаменательным еще и потому, что азербайджанский вопрос был вынесен на международное обсуждение. Так как попытки иранского премьер-министра Хакими и министра иностранных дел М.Наджима наладить прямые контакты с советским руководством не увенчались успехом, начиная с первых дней 1946 года правительственные круги Ирана тщательно готовились к первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, назначенной на январь-февраль в Лондоне. В начале января посол в Лондоне Сеид Гасан Тагизаде был назначен руководителем иранской делегации, которая будет участвовать в сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Несмотря на то, что назначение Тагизаде подверглось критике и справа, и слева, шах твердо настоял на его кандидатуре.

Центральный совет «Фронта свободы», контролируемый Советами, центральный комитет Иранской народной партии в своем обращении выразили протест против избранной для участия в работе сессии ГА ООН иранской делегации и, в частности, против ее руководителя Тагизаде. В обращении «Фронта свободы» указывалось, что Тагизаде «предавал интересы Ирана в пользу одного иностранного государства и продолжает лоббировать интересы этого государства». Просоветская газета «Мардом» писала: «За участие Тагизаде в процессе выделения иностранцам концессии нефтяных месторождений на юге Ирана, в продлении сроков известного соглашения иранский народ презирает его как пособника иностранцев». Газета «Шахбаз» опубликовала письмо, написанное большой группой иранских ученых, писателей, инженеров и студентов. Это письмо было обращено против руководителя иранской делегации Тагизаде. На собрании иранского Меджлиса депутат Теймурташ протестовал против назначения Тагизаде руководителем делегации [51]. Но несмотря на все протесты был утвержден тот же состав делегации во главе с С.Г.Тагизаде [52].

10 января в Лондоне открылась сессия ГА ООН. Наряду с тем, что британский министр иностранных дел Бевин ответил положительно на предложение о создании англо-американо-советской комиссии по Ирану, премьер-министр Хакими еще 7 января дал указание Тагизаде подготовиться к вынесению на обсуждение вопроса о вмешательстве

России во внутренние дела Ирана и задержке ее войск на территории Ирана. 15 января премьер-министр, посоветовавшись с послом США Мюрреем, сообщил Меджлису, что уже дал Тагизаде такое указание. В свою очередь, посол Тагизаде в Лондоне постарался обсудить этот вопрос с Э.Бевинем и Дж.Бирнсом. Но Бевин ушел от прямого ответа, а госсекретарь США выразил сомнение в необходимости этого, так как Совет Безопасности только образовался и еще не сформировались практические процедурные правила для решения конфликтов [53]. США все еще надеялись, что иранское правительство, проявив инициативу, немного смягчит свою политику, проведет ряд демократических реформ и само решит азербайджанский вопрос. США в какой-то степени остерегались открытого столкновения с Советами по иранскому кризису. 19 января посол США в Тегеране Мюррей, еще раз встретившись с премьер-министром Хакими, посоветовал ему начать переговоры с азербайджанскими «диссидентами». Он предложил привлечь для этого трех известных членов кабинета министров. По мнению Мюррея, проведение переговоров было бы важно для проверки искренности Пишевари, склоняющегося к переговорам с центральным правительством. В то же время Мюррей, указав Хакими на возможные опасности, сказал, что если центральная власть не продвинется в урегулировании событий, то это даст повод и возможность тебризским лидерам, объявив об отделении от Ирана, попросить помощи у СССР. Хакими вначале упорствовал, ссылаясь на то, что бесполезно разговаривать с правительством, созданным на подконтрольной Советам территории, и обвинял лидеров Азербайджана в предательстве и бунте. Соглашаясь с премьер-министром, Мюррей, тем не менее, продолжал настаивать. Он подчеркивал, что правительство не должно игнорировать необходимость демонстративного предоставления азербайджанскому народу определенных уступок. В то же время, по мнению посла, это покажет всему миру приверженность Ирана демократическим принципам в решении проблемы. Даже если бы эти переговоры остались безрезультатными, все равно это дало бы положительный эффект. В конце концов премьер-министр согласился с этим и заявил, что даст распоряжение объявить в прессе и по радио о согласии центрального правительства принять делегацию из Тебриза. Хакими и Мюррей пришли к единому мнению, что проведение переговоров именно в Тегеране сделает их более конструктивными [54].

Хакумульмюльк, не имеющий четкой позиции в отношении Азербайджана, договорился с послом Мюрреем о проведении переговоров. Но несмотря на это в тот же день он дал указание руководителю иранской делегации С.Г.Тагизаде вынести на обсуждение ООН вопрос «О споре Ирана с Советским Союзом». 19 января Тагизаде, выполняя инструкции своего правительства, обратился с письмом к секретарю исполнительного

комитета подготовительной комиссии ООН Гледуину Джеббу. В письме говорилось: «После всестороннего рассмотрения иранская делегация, руководствуясь пунктом 1 статьи 35 Устава, просит Генерального секретаря ООН вынести на обсуждение Совета Безопасности вопрос «О споре Ирана с Советским Союзом» [55]. В письме указывалось, что Советский Союз, вмешиваясь во внутренние дела Ирана посредством своих официальных лиц и вооруженных сил, создает условия, ведущие к международному конфликту. В соответствии со статьей 33 Устава ООН, иранское правительство повторно пыталось путем переговоров достичь согласия, но неудачно. Иранская делегация, в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Устава ООН, просила от имени иранского правительства так довести вопрос до сведения Совета Безопасности, чтобы члены Совета могли понять всю глубину этого вопроса и указать пути его решения [56].

Несмотря на краткость и конкретность письма в адрес руководства ООН, Тагизаде в своем выступлении 15 января на сессии Генеральной Ассамблеи ООН подробно остановился на этом вопросе.

Российский исследователь Н.И.Егорова считает, что по мере рассекречивания архивов МИД еще предстоит исследовать вопрос о том, насколько оправданной является распространенная в американской историографии точка зрения, что СССР был вынужден в 1946 году вывести войска из Ирана из-за твердой позиции США в Совете Безопасности ООН. Документы, в которых освещаются двусторонние советско-иранские отношения, заставляют, однако, склоняться к выводу о решающем значении других факторов.

После того как 19 января 1946 года глава иранской делегации на собравшейся в Лондоне Генеральной Ассамблее ООН С.Х.Тагизаде передал письмо исполнявшему обязанности Генерального секретаря этой организации Х.Джеббу с требованием расследовать факты вмешательства СССР во внутренние дела Ирана, все усилия советской дипломатии были направлены на возвращение иранского вопроса в русло двусторонних отношений [57].

Через день после вручения письма С.Тагизаде Генеральному секретарю ООН - 20 января в газете «Правда» вышла статья С.Владимирова «Кто такой Сеид Зияеддин?» Статья констатировала враждебную политику Ирана в отношении Советского Союза. «Правда» писала: «В последнее время, в связи с событиями в Иранском Азербайджане, реакционные круги в Иране развязали кампанию клеветы в адрес Советского Союза. Они обвиняют СССР в том, что он хочет оккупировать Иранский Азербайджан и т.п. Конечно же, возглавляет эту враждебную агитацию против СССР Сеид Зияеддин и его группа» [58]. В статье Владимира критиковалась деятельность Сеида Зияеддина. «Правда» писала: «Ныне, как и в 1919-1921 годах, Сеид Зияеддин изо всех сил старается осложнить советско-иранские

отношения и препятствует развитию этих отношений. Печатные издания, вдохновляемые Сеидом Зияеддином и подкармливаемые зарубежными покровителями, беспрерывно клеветают на Советский Союз. Сеид Зияеддин и его сторонники, опираясь на реакционную часть Меджлиса, ведут активную борьбу в поддержку реакционной политики правительства; они стараются, чтобы в состав правительства не попал ни один министр, мало-мальски допускающий возможность улучшения советско-иранских отношений» [59]. «Правда», отражающая официальную позицию Советского правительства, таким образом продемонстрировала отношение к Сеиду Зияеддину, а фактически к правительству Хаками.

Мало хорошего о правительстве Хаками было и в рапортах, направляемых из Тегерана в Вашингтон. В информации Мюррея чувствовалась открытая неприязнь к правительству Хаками. В середине января была опубликована под грифом «для служебного пользования» брошюра «Современные зарубежные связи», в которой по поводу неудачной политики Ирана в Азербайджане говорилось: «У иранского правительства не хватило сил ни подавить восстание, ни вести переговоры с восставшими, ни достигнуть сближения позиций с СССР дипломатическим путем. Кажется невозможным восстановление авторитета центрального правительства перед Советской Армией и, возможно, этого не произойдет и после отвода советских войск» [60]. Брошюра была послана Эдуарду Стеттиниусу – постоянному представителю США в Совете Безопасности ООН. Все это формировало отрицательное мнение о правительстве Хаками в официальных кругах США.

Таким образом, азербайджанский вопрос предопределил падение еще одного кабинета в Иране. Его семидесятишестидневное правление завершилось крахом. 21 января Хаками подал шаху прошение об отставке, 26 января Меджлис принял ее. На следующий день – 27 января формирование нового кабинета было поручено Каваму эс-Салтане.

В условиях продолжающегося правительственного кризиса в Иране шли напряженные дискуссии с Советским Союзом в Лондоне. Ознакомившись с письмом С.Тагизаде, глава советской делегации на сессии ГА ООН А.Вышинский, 24 января также обратился с письмом к председателю Совета Безопасности Норманну Мейкину. 25 января Вышинский огласил текст этого письма на дневном заседании Совета Безопасности. В нем говорилось: «В связи с обращением иранской делегации в Совет Безопасности советская делегация, по указанию советского правительства, уполномочена заявить:

1. Заявление иранской делегации о вмешательстве Советского Союза через своих уполномоченных и свои вооруженные силы во внутренние дела Ирана совершенно беспочвенно и не соответствует действительности.

2. Не соответствует истине и заявление иранской делегации о том, что иранское правительство хотело вести с Советским Союзом переговоры об этом, но эти переговоры не состоялись. Приведенные выше факты показывают, что иранское правительство не только хотело, но и вело диалог по этому вопросу, чему свидетельством является нота от 1 декабря.

3. Советская делегация хочет указать, что иранское правительство пытается в качестве причины событий в Иранском Азербайджане и нарушения суверенитета Ирана использовать наличие иностранных войск в стране. В то время как присутствие советских войск на иранской земле - совершенно законная мера, и получили Советы это право по советско-иранскому договору от 26 февраля 1921 года и советско-англо-иранскому договору от 1942 года. События же в Иранском Азербайджане происходят вне всякой связи с присутствием там советских войск, об этом свидетельствуют неопровержимые факты. Это, по своей сути, внутренние события. Как известно, население Северного Ирана пытается создать национальную автономию в составе Иранского государства и мечтает о вещах, которые не могут считаться необычными в любом демократическом государстве.

4. В то же время советская делегация не может не обращать внимания на то, что в последнее время в Иране при пособничестве иранского правительства ширится волна антисоветской пропаганды. Эта пропаганда отнюдь не отличается от профашистской пропаганды времен Реза шаха. Реакционные силы, опирающиеся на влиятельные группы в правительстве и полиции, создают угрозу организации деструктивных действий – провокаций, враждебных действий, диверсий в Азербайджанской ССР, в Баку. Тем не менее советское правительство считает, что подобные взаимоотношения двух соседних стран могут и должны решаться путем переговоров между иранским и советским правительствами. Советское правительство никогда не избегало подобных путей решения вопросов между двумя союзными правительствами.

5. Руководствуясь вышесказанным и отсутствием условий, обозначенных в статьях 34 и 35 Устава ООН, советская делегация считает, что обращение иранской делегации в Совет Безопасности абсолютно беспочвенно, и решительно протестует против рассмотрения этого обращения в Совете Безопасности» [61].

После опубликования в прессе письма первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Вышинского руководитель иранской делегации С.Тагизаде направил 28 января в адрес Генерального секретаря ООН обширную объяснительную записку из 8 пунктов. Новое послание целиком было посвящено вопросам национального движения в Азербайджане, вмешательства СССР во внутренние дела Ирана, вывода иностранных войск из Ирана. К письму была приложена нота Ирана

Советскому Союзу от 17 ноября 1945 года. Тегеранская декларация и трехсторонний договор также часто упоминались в письме Тагизаде. Он пытался представить планы СССР по созданию автономного азербайджанского государства как попытку захвата Северного Ирана. Тагизаде обвинял всех советских военных и гражданских специалистов в организации азербайджанских событий и просил Генерального секретаря ООН применить действенные меры к СССР [62].

Когда стало известно, что азербайджанский вопрос все же будет обсуждаться на заседании Совета Безопасности 28 января, С.Дж.Пишевари от имени азербайджанского народа обратился к Генеральной Ассамблее. В его письме отмечалось, что «азербайджанский народ – один из древнейших в мире и имеет богатейшую историю. Сквозь века этому народу удалось пронести свой язык, традиции и обычаи. Многие века этот народ вел борьбу против иноземных захватчиков и на этом пути принес в жертву тысячи своих сыновей. Иранские захватчики, поработив Азербайджан, нещадно эксплуатировали его национальные богатства, и теперь когда-то цветущие города Азербайджана превратились в руины. Великодержавный шовинизм иранских правителей упорно отрицает наличие азербайджанской нации, азербайджанского языка. Несмотря на это азербайджанский народ ни на день не прекращал свою борьбу за национальную независимость. Победа стран демократии над фашизмом дала новый толчок национально-освободительной борьбе азербайджанского народа. Несмотря на сильнейшее сопротивление тегеранского правительства 21 Азера многовековая борьба азербайджанского народа завершилась победой. В соответствии с Атлантической хартией были сформированы азербайджанский Милли Меджлис и Национальное правительство. На истинно демократической основе было создано национальное государство, о деятельности которого известно всему миру. Пятимиллионный азербайджанский народ по своему национальному языку, национальной истории, по обычаям и традициям считает себя одним из современных народов и убежден, что никогда в будущем не попадет под иго тегеранского правительства, не потерпит владычества фарсов над другими народами Ирана. Азербайджанцы, все как один, готовы принести себя в жертву ради национальной независимости. За короткое время существования демократического государства достигнуты первые успехи в общественной, экономической, культурной областях жизни Азербайджана. В результате деятельности нового правительства некогда подневольный народ доказал свою способность создать суверенное государство, способность к самоуправлению. Азербайджанское Национальное правительство, созданное по воле народа и в соответствии с Атлантической хартией

великих держав, обещавшей свободу народам, теперь стало неоспоримым фактом.

Обращаясь к Генеральной Ассамблее ООН, азербайджанский народ просит признать фактическое существование Национального правительства и дать ему возможность определить свою судьбу без постороннего вмешательства» [63].

По ходу обсуждений на сессии ГА ООН южноазербайджанская пресса публиковала материалы о событиях в Лондоне. Газета «Азербайджан улдузу» поместила большую статью о письмах Тагизаде к Генсеку ООН.

28 января на заседании Совета Безопасности ООН приступили к обсуждению заявления иранского правительства. С.Г.Тагизаде был приглашен на это заседание, и ему предоставили слово. Он зачитал заранее подготовленный текст, в котором события в Южном Азербайджане объяснялись присутствием там советских войск. Тагизаде оценил эти события как вмешательство Советского Союза во внутренние дела Ирана и указал на отсутствие каких-либо переговоров по этому поводу несмотря на настойчивые требования Тегерана. Он отметил, что если Советский Союз согласен на прямые переговоры и Совет Безопасности также рекомендует этот путь, то Иран согласится с данным решением [64].

После иранского представителя слово взял А.Вышинский. В своем обширном заявлении он сказал: «Поднятые иранским правительством вопросы изложены в двух иранских заявлениях. Но эти вопросы не могут быть предметом обсуждения в Совете Безопасности, поскольку они не отвечают условиям, установленным для этого в Уставе. Однако я должен буду коснуться попутно некоторых фактических данных, неправильно и тенденциозно освещенных иранской делегацией...

Во-первых, необходимо установить, были или нет переговоры между иранским и советским правительствами. Во-вторых, необходимо рассмотреть результаты таких переговоров. В первой декларации, представленной иранской делегацией Совету Безопасности 19 января, иранская делегация заявляла, что иранское правительство неоднократно пыталось вступить в переговоры с советским правительством, но не достигло успеха. Сейчас, как и во втором документе, иранская делегация уже признает, что иранское правительство не только пыталось вступить в переговоры с советским правительством, но что такие переговоры действительно имели место. Таким образом, иранская делегация сама опровергла свое первое утверждение. Остается второй вопрос, а именно: каковы результаты этих переговоров...

Я воспользуюсь тем текстом ноты иранского правительства от 1 декабря, который разслала иранская делегация членам Совета Безопасности. Из текста следует, как это ни желательно отрицать иранской делегации, что иранское правительство в лице своего министерства

иностранных дел отметило с удовлетворением содержание заявлений, изложенных в советской ноте от 26 ноября. Для того, чтобы решить, какого характера были эти заявления, необходимо, разумеется, обратиться к этим заявлениям, т.е. к ноте советского правительства от 26 ноября.

Я должен отметить, что в это время, т.е. в декабре 1945 г., иранское правительство не проявило желания продолжать переговоры по данному вопросу.

Иранская делегация здесь также ссылалась на ноты, датированные более поздними числами декабря – 13 и 15 декабря. Эти ссылки иранской делегации на указанные ноты преследуют цель показать, что и после 1 декабря иранское правительство обращалось к советскому правительству с аналогичными претензиями, которые якобы не были удовлетворены. Но если обратиться к нотам иранского правительства, то окажется, что они говорят не о претензиях, с которыми ранее иранское правительство обращалось к советскому правительству, а поднимают совершенно новые вопросы о том, чтобы Московская конференция трех министров обсудила пожелание иранского правительства о выводе из Ирана иностранных войск, о том, чтобы на Московской конференции не принималось никаких решений без предварительной консультации с иранским правительством. Можно поэтому утверждать, что после 1 декабря иранское правительство не повторяло своих претензий к Советскому Союзу, и ссылка на ноты от 13 и 15 декабря не имеет никакого отношения к вопросу, поставленному иранской делегацией перед Советом Безопасности...

Я спрашиваю теперь Совет Безопасности, имеется ли какое-либо основание для рассмотрения Советом Безопасности поставленного перед ним иранским правительством Хакими и иранской делегацией вопроса. Я отвечаю: нет, такого основания не существует» [65].

После выступления А.Вышинского председательствующий Мейкин предложил сделать перерыв в обсуждениях. Несмотря на возражение советской делегации, семью голосами «за» при двух «против» было решено отложить обсуждения до 30 января.

Заседание Совета Безопасности 30 января прошло в еще более ожесточенных пререканиях. Кроме А.Вышинского и С.Г.Тагизаде, неоднократно брали слово и выступали председатель Мейкин, министр иностранных дел Великобритании Э.Бевин, постоянный представитель США при ООН Е.Стеттиниус. Причем и Вышинский, и Тагизаде подчеркивали готовность своих стран к переговорам с целью упорядочения советско-иранских отношений [66]. В результате Совет Безопасности принял следующую резолюцию: «Выслушав заявления Советского Союза и Ирана на заседаниях Совета Безопасности от 28 и 30 января, ознакомившись с документами, предъявленными обеими сторонами, и учитывая желание обеих сторон решить обсуждаемый вопрос

путем переговоров и готовность к переговорам в ближайшее время, Совет Безопасности предлагает сторонам информировать его о результатах этих переговоров. В то же время Совет Безопасности оставляет за собой право требовать отчет о ходе переговоров» [67].

Принятое в Лондоне решение стало последним в январе 1946 года, связанным с Южным Азербайджаном.

Таким образом, январь, начавшийся с коренных реформ в Южном Азербайджане, завершился международным обсуждением и межгосударственными трениями в связи с азербайджанским вопросом, а также началом деятельности нового правительства во главе с Кавамом эс-Салтане. В Иране возникла любопытная ситуация: все три великие державы проталкивали во власть Ахмеда Кавама и все три видели в нем своего человека. 31 января он начал свою деятельность в качестве премьер-министра.

МОСКОВСКИЙ ВОЯЖ КАВАМА ЭС-САЛТАНЕ

Обсуждение азербайджанского кризиса на лондонской сессии Генеральной Ассамблеи ООН, публикация в печати тревожных сообщений из Тебриза и Тегерана, особенно вышедшая в январе в «Манчестер Гардиан» большая статья Ф.Прайса, буквально всколыхнули британское общественное мнение. В начале февраля 1946 года Центральноазиатское Королевское общество даже организовало обсуждение азербайджанского вопроса. Для чтения лекции был приглашен только что вернувшийся из путешествия по обоим Азербайджанам и Ирану член британского парламента, в годы Первой мировой войны исполнявший обязанности военного корреспондента газеты «Манчестер Гардиан» в России, Филипп Прайс. Председательствовал на заседании Королевского общества генерал Джон Ши. Среди присутствовавших были лорд Хейли, леди Фишер, пресс-секретарь иранского посольства А.Х.Хамзави, генерал Фрейзер.

Ф.Прайс в своей лекции сделал сравнительный анализ положения в Южном и Советском Азербайджане, описал ситуацию в Иране и прокомментировал отношения СССР, США и Великобритании к иранским событиям. Он подчеркнул, что попал в Иран в пик азербайджанских событий, и всячески подчеркивал удовлетворение от близкого знакомства с Баку. Англичанин отмечал несравнимость развития Северного и Южного Азербайджана, приведя в качестве примера увиденные им в иранских деревнях сельскохозяйственные орудия времен Кира и Дария. Прайс заявил, что современное иранское правительство можно назвать правлением ста аристократических семей. Окружив себя богатыми купцами и помещиками, эта власть далека от мысли улучшить социальное положение своего народа. Страна впала в тяжелую депрессию, граждане не могут воспользоваться правами, записанными в Конституции Ирана. По мнению Прайса, если бы правительство своевременно отреагировало на сигналы опасности, если бы нужды народа были хотя бы частично удовлетворены, то попытки русских создать в Иранском Азербайджане

автономии столкнулись бы с большими трудностями. Из своих тегеранских встреч член британского парламента делал вывод, что движение за автономию Азербайджана было инспирировано русскими посредством иранцев, вернувшихся с Кавказа, что выборы были формальными, под угрозой русских штыков. Вместе с тем Прайс указывал: «Было бы ошибкой считать азербайджанское правительство непопулярным. Если оно начнет проводить реформы, подобно Советскому Азербайджану, оно очень скоро станет популярным» [1]. В лекции было отмечено, что если сегодня на поля Южного Азербайджана выйдут трактора, то процесс экспроприации помещичьих земель пойдет ускоренными темпами. Силы, которые раньше защищали шаха, теперь весьма благожелательно начали относиться к этому процессу. Если мероприятия нового правительства завершатся успешно, то существует большая вероятность того, что сомневающиеся вскоре станут на его сторону. В то же время Прайс подчеркнул, что и в Москве, и в Баку советские лидеры еще окончательно не решили, чем завершатся южноазербайджанские дела. Кажется, они не собираются держать большую армию в Европе или где-нибудь в Азии, так как перед ними стоят сложные задачи по восстановлению разрушенной страны, чем он окончательно убедился путешествуя по Украине и Западной России. Как и американцы и англичане, русские мечтают, чтобы их граждане вернулись домой.

В своей лекции в Королевском обществе Ф.Прайс определил три направления советской политики в Иране: «Мне кажется, что, по образцу Польши и Балкан, русские хотят видеть в Тегеране дружественное им, реформаторское правительство. Не могу сказать, насколько правильный для этого они выбрали путь. Мне кажется, они только делают попытку. Во-вторых, русские не хотят, чтобы в Иранском Азербайджане - от Урмии до Тебриза, - вблизи кавказских границ, существовала какая-нибудь зарубежная нефтяная концессия. И, наконец, самое главное: они используют Азербайджан в качестве плацдарма для большой международной дипломатической дуэли. Русская дипломатия никогда не бывает прямолинейной. Они никогда не идут к цели прямым путем. В русской истории всегда было так. Они хотят пересмотреть конвенцию по Дарданеллам и Босфору, они хотят, чтобы с ними считались по вопросам восточного Средиземноморья, они очень боятся воздушной войны, угрожающей нефтяной промышленности Кавказа. Повторяю, они никогда не выбирают прямые пути. Всегда было так. Когда после Крымской войны мы запретили им держать флот на Черном море, русские поступили точно так же. До тех пор, пока не вернули флот назад, в течение 10 лет они занимались диверсиями на Балканах. Для достижения своих целей они прекрасно используют слабые места своих соседей. Повстанцы-курды,

нуждающиеся в земле крестьяне, доведенные до крайности нищие – все льют воду на мельницу русских. Возвращаясь из Ирана, я проехал через Сирию и Египет. Арабские государственные деятели часто спрашивали меня: «Может ли Россия стать серьезной угрозой для нас?» Я отвечал: «Да, если вы не наведете порядок в своем доме. Если вы это сделаете, то нет причин бояться. Русская политика только там добивается успеха, где есть внутренняя слабость и коррупция» [2].

При обсуждении доклада лорд Хейли, высоко оценив выступление Прайса, тем не менее подчеркнул, что докладчик не высказал своего отношения к обсуждению иранского вопроса на Совете Безопасности ООН. Далее лорд Хейли сказал: «Докладчик выдвинул ряд сентенций, которые позволили нам понять истинную причину происходящих в Азербайджане волнений. Некогда целый народ – азербайджанцы - был поделен между двумя государствами простой линией границы. Нет сомнений, что рано или поздно волнения там должны были начаться. Также нет сомнений, что азербайджанцы справедливо завидуют тому уровню культуры, образования, экономики, который достигнут на советской стороне. Наблюдатели всегда подтверждали, что нынешний иранский режим не только чрезвычайно централизован, но, вместе с тем, совершенно не заинтересован в создании местных учреждений и не учитывает интересы местного населения. Я вижу, все наблюдатели правы в том, что волнения в Азербайджане есть продукт нежелательных особенностей иранского правительства» [3].

После того как член парламента Ф.Прайс ответил на вопросы, поднятые лордом Хейли, слово взяла леди Вайолет Фишер. Она сообщила, что посетила Тебриз, несколько месяцев жила на ирано-турецкой границе и пешком прошла весь Азербайджан. Она согласилась со всем, что было сказано здесь о Советском Азербайджане, но, вместе с тем, предложила организовать в Королевском обществе отдельное обсуждение по Иранскому Азербайджану.

Затем пресс-секретарь иранского посольства А.Х.Хамзави выступил с большой речью. Он заявил: «Докладчик нарисовал широкую панораму жизни Советского Азербайджана и сделал короткие заметки по поводу положения в Иране. Поэтому я хотел бы подробнее остановиться на двух-трех вопросах. Докладчик рассказал о намерениях СССР в отношении Ирана. Насколько я понял, одно из них – это создание дружественного Советам правительства. Это интересно, и для народа Ирана было бы полезно знать, чего хотят русские. Хотя мы уже много лет соседствуем с русскими, в последнее время даже сотрудничали с ними, мы должны, официально или неофициально, твердо знать, чего хочет Россия. Со слов докладчика можно сделать вывод, что нынешнее правительство Ирана не является дружественным России. Должен отметить, что начиная с 26

августа 1941 года иранское правительство посылало товары и оказывало помощь за свой счет, из-за чего испытало немало лишений. Народ своим терпением доказал союзникам, в том числе советскому народу и советскому правительству, свою дружбу. Что же касается жалобы иранских представителей в Совет Безопасности по поводу вмешательства в его внутренние дела, то это проблема не одной недели, не одного месяца и даже не одного года. В нарушение заключенного с нами договора мы терпели вмешательство в наши внутренние дела, только чтобы доказать СССР наше дружеское расположение». Далее Хамзави высказал свое мнение по поводу обвинения центрального правительства в бездарности: «В методах административного управления Ирана определенные недостатки есть, мы также не можем закрывать глаза на реальное положение дел в социальной и экономической сферах. Принимая это, я должен напомнить, что, за вычетом 20-летнего правления Реза шаха, последние 20-30 лет Иран постоянно находился под влиянием той или иной великой державы. Если нам дадут свободу действий, если не будет войск союзников, если в Северном Иране иностранная армия не будет вмешиваться в наши внутренние дела, мы уверены, что сумеем постепенно претворить в жизнь планы, подготовленные правительством. Я не возлагаю всю ответственность за наши промахи на иностранные войска в Иране, но я должен подчеркнуть, что все наши попытки продвинуться вперед натываются на препятствия. Это не пропаганда, это - правда» [4].

В то время как в лондонском Центральноазиатском Королевском обществе шло обсуждение азербайджанского вопроса, решение Совета Безопасности ООН от 30 января уже стало известно в Южном Азербайджане. 4 февраля американский консул Россоу посетил С.Дж.Пишевари с целью узнать его мнение по этому и ряду других вопросов. По ходу беседы Россоу спросил: «Согласно договору, союзные войска должны оставить Иран в начале марта. Однако мне, как бывшему военному, кажется, что к уходу войск нужно готовиться, по крайней мере, несколько месяцев. Здесь не наблюдается никакой подготовки к эвакуации советских войск. Как вы относитесь к выводу войск по договору?» На вопрос консула Пишевари ответил коротко и ясно: «Мы не приглашали эти войска. Нахождение их в Иране обусловлено отношением центрального правительства к союзникам. Но поскольку они не вмешиваются в наши внутренние дела, пребывание этой армии здесь не представляет угрозы для Национального правительства. К тому же вопрос о своевременном выводе советских войск вам легче выяснить через свое правительство».

Далее Россоу поинтересовался проблемами внешней торговли. Он напомнил, что намерение Национального правительства установить прямые связи с зарубежными странами вступает в противоречие с международным правом, что Азербайджан входит в состав Ирана и

организация зарубежных торговых связей входит в компетенцию иранского правительства. Пишевари согласился с консулом, но заявил: «Тегеранское правительство, оказывая давление на экономическую и торговую жизнь Азербайджана, хочет задушить наш народ. Поэтому для нас так важны прямые торговые связи с заграницей. Этого требуют интересы нашего народа, на этом настаивают наши купцы, наши помещики».

В процессе беседы консул заявил, что в газете «Азербайджан» опубликовано выступление Пишевари на пленуме ЦК АДП, в котором, в частности, сказано: «Иранские реакционеры с помощью некоторых империалистических наций хотят задушить независимость и свободу азербайджанского народа». В связи с этим вопрос: «Кого вы имели в виду в качестве империалистической нации? Мы, американцы, считаем империалистической нацией только немцев, и, как известно, они разгромлены». Пишевари очень удачно ответил на этот вопрос: «Мы не считаем империалистической ни одну нацию в мире. Но в некоторых странах в правительственных кругах гнездятся империалистические намерения, и у нас есть сведения об этом. Одним словом, всех тех, кто, помогая тегеранским реакционерам, хочет задушить нашу свободу и независимость, мы вправе называть империалистами, ибо наш народ хочет жить свободно».

Наконец, в конце беседы Россоу спросил: «Как вы расцениваете переговоры в Лондоне?» На это Пишевари заявил, что какие бы переговоры там ни велись, вопрос об Азербайджане должен быть решен только в Азербайджане, а не вне его и не через иностранные государства. Вынося эту проблему за пределы Ирана, тегеранское правительство совершило преступление в отношении всех народов Ирана. Азербайджан определил свою судьбу и от своего решения не отступит. Он готов на любые жертвы во имя сохранения своей национальной независимости [5].

Роберт Россоу в тот же день сообщил в Государственный департамент о проведенных с Пишевари переговорах. А 7 февраля М.Дж.Багиров доставил стенограмму этих переговоров И.Сталину и В.Молотову. Ответы Пишевари столь понравились М.Дж.Багирову, что он послал материал в Москву без комментариев и объяснений.

Отчеты и сообщения, отправляемые из Тебриза в Москву, Вашингтон, Лондон, все более свидетельствовали о том, что Южный Азербайджан постепенно превращается в главную арену противостояния СССР и Запада. Несмотря на это, вернувшийся из Лондона госсекретарь Бирнс на пресс-конференции заявил, что воздержится от комментариев по иранскому вопросу. Начиная с февраля, мир явственно ощутил, что советская угроза стала уже реальным фактом. В результате ялтинских секретных соглашений, не известных даже Г.Трумэну, бывшему тогда вице-

президентом США, Курильские острова и Южный Сахалин, Печенга (бывшая территория Финляндии), Кенигсберг (бывшая Восточная Пруссия) отошли к Советскому Союзу. В Восточной Европе и на Балканах власть перешла в руки коммунистов и стала целиком подконтрольной Советам. СССР требовал права протектората над Триполитанией (Ливия), чтобы иметь возможность контролировать Средиземное море. Направленные против Запада народные движения в Индонезии, Ираке, Сирии, Египте и других странах получали поддержку Москвы. Великие державы пока обсуждали все это как союзники.

Однако, 9 февраля произошло событие, которое еще более осложнило международное положение. В этот день И.Сталин, выступая перед избирателями, реанимировал довоенные марксистские идеи о борьбе с империализмом. Он сказал: «Марксисты не раз заявляли, что капиталистическая система мирового хозяйства таит в себе элементы общего кризиса и военных столкновений, что ввиду этого развитие мирового капитализма в наше время происходит не в виде плавного и равномерного продвижения вперед, а через кризисы и военные катастрофы. Дело в том, что неравномерность развития капиталистических стран обычно приводит, с течением времени, к резкому нарушению равновесия внутри мировой системы капитализма, причем та группа капиталистических стран, которая считает себя менее обеспеченной сырьем и рынками сбыта, обычно делает попытки изменить положение и переделить «сферы влияния» в свою пользу – путем применения вооруженной силы» [6].

В этом выступлении, подчеркнувшем особое значение марксистского взгляда на историю, обосновывалось право ведения военных действий против фашиствующих и реакционных сил. Запад пришел в сильнейшее смятение. Но, следующее заявление Сталина буквально повергло в шок западные политические круги: «Теперь речь идет о том, что советский общественный строй оказался более жизнеспособным и устойчивым, чем несоветский общественный строй, что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой общественный строй» [7].

Высказывания Сталина о военной мощи Советской Армии также взволновали мир. Угрожая всем противникам, он объявил, что «Красная Армия является не колоссом на глиняных ногах, а первоклассной армией нашего времени, имеющей вполне современное вооружение, опытнейший командный состав и высокие морально-боевые качества. Не нужно забывать, что Красная Армия является той самой армией, которая наголову разбила германскую армию, вчера еще наводившую ужас на армии европейских государств».

Первым ответным шагом США на заявление советского лидера была замена посла в Москве А.Гарримана – сторонника сотрудничества с СССР – другим послом. Решение Г.Трумэна о назначении Уолтера Смита послом в СССР было объявлено 14 февраля. Заявление Сталина, означавшее конец эры сотрудничества, взволновало руководителей внешней политики США Дж.Бирнса и его заместителя Д.Ачесона. Член Верховного суда США У.Дуглас заявил будущему министру обороны Дж.Форрестолу, что это заявление есть призыв к третьей мировой войне [8]. В те же дни Джордж Кеннан в своих тревожащих сообщениях из Москвы выдвигал концепцию, что нервная политика Кремля есть традиционная и инстинктивная русская политика, направленная на полное уничтожение соперничающих с ним государств [9].

В то время как события принимали столь жесткий оборот, советские войска все еще оставались в северной области Ирана – Южном Азербайджане. По договору, спустя шесть месяцев после окончания войны, войска должны были покинуть этот район. Однако заявление Сталина изменило ситуацию, и спустя неделю – 16 февраля из Оттавы пришла сенсационная новость [10]. 15 февраля премьер-министр Канады Кинг заявил, что военный атташе и другие сотрудники советского посольства занимаются незаконным сбором секретной военной информации. Эта сенсация подлила масла в огонь, и во всем мире заговорили о советской угрозе.

Советское правительство вынуждено было выступить с заявлением, в котором говорилось, что в конце войны сотрудники военного представительства СССР получили военную информацию от канадских граждан, не имеющую для Советского Союза большого значения. Выяснилось, что это техническая информация и что Советский Союз обладает гораздо более высокими техническими достижениями. К тому же, эти сведения уже опубликованы в различных статьях по радиолокации, а также в известной книге Г.Д.Смита «Атомная сила». Как только советскому правительству стало известно о недозволенных действиях отдельных сотрудников своего военного представительства в Канаде, эти действия были осуждены и советский военный атташе был отозван из Канады [11].

Все эти сенсации второй декады февраля, телеграмма секретаря американского посольства в Москве Дж.Кеннана от 22 февраля, состоявшая из 8 тысяч слов, ознаменовали собой вступление мира в новый период международных отношений. Телеграмма Дж.Кеннана оказала сильное влияние на формирование послевоенной внешней политики США. Он считал необходимым добиться противодействия, военным или политическим путем, расширяющемуся влиянию и растущей экспансии Советов. Кеннан предупреждал, что Советский Союз фактически

стремится ликвидировать «наш традиционный образ жизни». Поэтому он считал, что Соединенные Штаты не должны возлагать надежд на политическое сближение с советским обществом. В области внешней политики нужно рассматривать Советский Союз не как сторонника, а как соперника. По мнению Кеннана, Советская власть не способна к логическим действиям, но очень чувствительна к силовой логике. Поэтому, подчеркивал он, СССР следует заставить отступить, с ним нужно разговаривать с позиции силы [12].

Несколько недель спустя этот «рецепт» Кеннана был успешно применен в отношении Южного Азербайджана. А через год Кеннан в статье, анонимно опубликованной в «Форин афферс», теоретически обосновал идею, высказанную в «длинной телеграмме» [13].

В эти февральские дни, в период усиления противостояния, Москва разрешила опубликовать в южноазербайджанской печати официальное решение о создании партизанских отрядов и принятый Милли Меджлисом еще в декабре 1945 года закон о формировании народной армии. В решении о создании партизанских отрядов, подписанном С.Дж.Пишевари, говорилось: «Азербайджанское Национальное правительство отмечает, что честные и отважные сыновья Азербайджана, организованные в партизанские отряды, могут принести большую пользу национально-освободительному движению. Народ и земля Азербайджана никогда не забудут заслуг партизан, обеспечивших свободу ценой собственной крови, с оружием в руках, в стужу и зной боровшихся с реакцией. Чистые души и святая кровь павших в этой борьбе призывают нас сильнее любить Родину и крепить наше государство. Будущее нашей Родины и безопасность народа требуют от нас урегулировать партизанское движение. С этой целью азербайджанское Национальное правительство постановляет:

1. Организовать специальные партизанские отряды - с военной дисциплиной, вооруженные и расквартированные в определенных для этого местах. Впредь, до формирования регулярных войск, охрану границ и безопасность страны поручить этим партизанским отрядам.

2. Поручить Народной армии в пятнадцатидневный срок разработать и представить на утверждение правительства устав внутренней службы партизанских отрядов и учебно-воспитательной работы.

3. Для проведения организационных мероприятий создать на местах комиссии, состоящие из председателя местного органа власти, секретаря местного комитета АДП и командира партизанского отряда. Эти комиссии регулярно должны интересоваться каждым вновь прибывшим партизаном и открыть на каждого специальную личную карточку. Не попавшие в эти отряды партизаны впредь, до особого распоряжения правительства, должны разойтись по домам. Тем временем народная армия должна составить списки таких партизан, а также определить количество и наименование

имеющегося у них оружия. Выделить командиров для подготовки этого резерва и использования его при необходимости...» [14].

После принятия правительством этого решения в газете «Азербайджан» от 7 февраля был опубликован текст закона «Об организации Народной армии», принятого еще 21 декабря 1945 года. Таким образом, создание Национальной армии в Южном Азербайджане получило официальное подтверждение. Для комплектации армейских кадров из Бакинского военного округа в Южный Азербайджан в срочном порядке были командированы 104 офицера-азербайджанца. Среди них были Герой Советского Союза капитан Салахеддин Кязимов, Герой Советского Союза майор Хыдыр Мустафаев, генерал Тарлан Алиярбеков и другие [15]. Чуть ранее бакинский штаб 4-й армии послал в Южный Азербайджан 49 офицеров, 32 политрука, 120 офицеров-азербайджанцев для особых поручений.

В февральском донесении М.Дж.Багирова в Москву отмечалось, что в настоящее время в Иранском Азербайджане находятся 700 партийных, советских, культурных, военных работников из Советского Азербайджана. Он сообщал, что командированные работники непосредственно участвовали в организации партизанских отрядов и боевых операциях против реакционных элементов, а также рекомендовал отметить правительственными наградами 500 человек [16]. Учитывая это предложение М.Дж.Багирова, в феврале 1946 года 79 отличившихся работников были награждены орденами и медалями.

Главнейшей задачей советских военных в Южном Азербайджане была помощь в организации Национальной армии. По плану, подготовленному в феврале, создание первых частей Национальной армии должно было завершиться 10 апреля 1946 года. Министерство народного ополчения расположилось в Тебризе, штаб отдельной пехотной бригады, состоящей из 5 отдельных пехотных батальонов, отдельного артдивизиона и отдельного танкового батальона, расположился в Мараге. Первый батальон дислоцировался в г. Резайе, второй - в г. Миандоабе, третий - в Сайынкале, четвертый - в Зенджане, пятый - в Миане. Для формирования артиллерийских частей было получено 62 орудия, для создания танкового батальона выделено 6 танков марки «Чехо-Моравска». После окончания формирования всем частям было предоставлено не менее трех месяцев на боевую подготовку. По плану, к 1 июля 1946 года в Южном Азербайджане должна была функционировать боеспособная армия [17].

С помощью офицеров из Советского Азербайджана в Южном Азербайджане в кратчайшие сроки была создана 17-тысячная дисциплинированная Национальная армия. Была открыта военная школа для подготовки офицерских кадров, где было обучено около 250 офицеров

[18]. Группа молодежи для получения военного образования была направлена в Советский Азербайджан.

Первые военные операции молодая армия провела против отрядов Зульфигари в Зенджане. 11 февраля Гулам Яхья был направлен в Зенджан. В течение недели был подготовлен план операции. В сложных погодных условиях 17 февраля начались военные действия. Со стороны Национального правительства в зенджанских боях участвовали 600 федаинов. Позднее еще 200 федаинов прибыли из Тебриза в Зенджан. После создания азербайджанской Национальной армии 5 офицеров иранской армии перешли на сторону демократов и за образцовую службу получили чин генерала.

15 февраля по случаю призыва в армию в Тебризе состоялась большая демонстрация. Все слои тебризского общества, в том числе женщины, активно участвовали в этом мероприятии. Рабочий фабрики из Калкатачи Мешади Ибрагим, представитель окрестных сел Ифтихари, редактор газеты «Азербайджан» Мусеви, представитель женщин Гадири, от организации демократической молодежи - Субхи, от Министерства народного ополчения - полковник Азер, от правительства - Бирия, Шабустари, Пишевари выступили на митинге. Они говорили о необходимости создания народной армии и обеспечении ее современным оружием и военной техникой. Пишевари отметил, что, создавая армию, азербайджанский народ не стремится к войне, никому не угрожает, а хочет только защитить свои национальные ценности. По его мнению, азербайджанская армия должна воспитываться в духе защиты свободы и независимости страны. Все обратили внимание, что руководители партии и правительства участвовали в демонстрации и митинге одетыми в военную форму.

По решению ЦК ВКП(б) от 6 июля 1945 года было выделено 6 млн. риалов на проведение различных мероприятий в Южном Азербайджане, в том числе на военное строительство и выполнение спецзаданий; к 23 февраля 1946 года из этой суммы уже было потрачено 3.624.562 риала. Эти суммы с письменного разрешения народного комиссара государственной безопасности Азербайджанской ССР С.Емельянова выдавались А.Атакишиеву, А.Керимову, Садыгу Падегану, Г.Гасанову, заместителю командующего 3-й армией генералу Шафранову, Ахаду Якубову, Салману Гасымову, генералу армии Ивану Масленникову, Мирзе Ибрагимову и другим [19].

В феврале январские реформы были продолжены. После опубликования закона о народном ополчении был принят еще целый пакет законов: об экспорте из Азербайджана; о суде над правонарушителями; об учреждении медали «21 Азерб»; о разделе земель; о конфискации имущества; об исполнении законов; о культурных учреждениях; об

учреждении Верховного суда; о военно-полевых судах. Все эти акты сыграли важную роль в жизни страны.

Основополагающими из них были принятые Милли Меджлисом 16 февраля законы «О конфискации» и «О разделе халисе». В этих законах указывалось, что государственные земли и вода должны быть разделены между крестьянами безвозмездно. Пахотные земли, пастбища, вода и сады активных противников Национального правительства должны быть розданы крестьянам. На первом этапе реформы было роздано 260 тыс. гектаров земли [20]. Желая помочь развитию сельского хозяйства Южного Азербайджана, М.Дж.Багиров направил письмо в Совет Министров СССР, в котором писал: «Пишевари и Шабустари обратились с просьбой продать им для организации показательной работы в сельском хозяйстве 10 тракторов с полным комплектом сельскохозяйственного инвентаря. Учитывая, что появление в сельском хозяйстве Иранского Азербайджана тракторов будет иметь большое значение, просьбу Пишевари и Шабустари поддерживаю и прошу изыскать возможность продать 10 тракторов» [21].

В середине февраля М.Дж.Багиров решал еще две проблемы, связанные с Южным Азербайджаном: первая – это срочная организация линии связи, вторая – по просьбе Пишевари надо было закупить и установить оборудование для организации радиовещания в Тебризе. 15 февраля он направил в НКВД СССР письмо, в котором писал: «В связи с проводимыми мероприятиями в Иранском Азербайджане и необходимостью иметь повседневную связь с находящимися там нашими работниками в октябре прошлого года мы обратились к тов. Берия с просьбой дать указание организовать ВЧ-связь Баку-Тебриз. Товарищ Берия обещал разрешить этот вопрос, как только будет возможность выделить для этой цели необходимые материалы и аппаратуру. В данное время уже установлена ВЧ-связь Баку-Нахичевань. Чтобы продолжить эту линию до Тебриза, потребуется подвесить 180 км провода. Между Тегераном и Казвином имеется бездействующая бронзовая линия протяженностью 140 км, построенная в 1944 году войсками Закавказья из материалов, выделенных НКВД СССР. При условии использования этих материалов для подвески линии между Нахичеванью и Тебризом потребуется дополнительно 40 км провода. Аппаратура для станции в Тебризе также имеется в Тегеране и в Баку. Не хватает только аккумуляторов и одного зарядного двигателя. По договоренности с командованием Бакинского военного округа снимать бездействующую линию Казвин-Тегеран, а также производить подвеску ее между Нахичеванью и Тебризом будет Управление связи округа. В связи с острой необходимостью иметь в настоящее время постоянную связь с нашими работниками, находящимися в Иранском Азербайджане, убедительно просим дать указание организовать ВЧ-связь с Тебризом». 22 февраля

пришел ответ, где сообщалось, что НКВД СССР может организовать правительственную связь с Тебризом. В тот же день М.Дж.Багиров дал указание М.Якубову, согласовав вопрос с командующим Бакинским военным округом И.Масленниковым, приступить к практическим действиям [22]. В кратчайшие сроки была установлена правительственная телефонная связь между Баку и Тебризом.

Тогда же М.Дж.Багиров обратился в Москву по поводу установки радиостанции в Тебризе. Как уже было сказано, с просьбой об этом к нему обратился Пишевари. К тому времени в Тебризе действовала радиостанция «Д-400» (ленинградского производства 1924 года) силой 400 ватт. Но ею пользовались как радиотелеграфом. Для организации радиовещания с охватом всего Иранского Азербайджана и прилегающих к нему территорий Ирана, Ирака и Турции в Тебризе необходимо было построить передатчик мощностью в 10-15 киловатт, работающий на волнах 750-1500 метров. В первую очередь необходима была установка дизеля мощностью в 100 лошадиных сил. М.Дж.Багиров писал в Совет народных комиссаров СССР: «Вновь созданное правительство в Тебризе не имеет радиовещательной станции и лишено возможности проводить агитационную и массово-разъяснительную работу. К нам обратились за помощью по этому вопросу. В гор. Баку имеется возможность изготовить железные конструкции и каркасы для нового передатчика, но радиоматериалов, деталей и дизеля в 100 лошадиных сил изыскать в Баку не сможем. Исходя из важности и срочности затронутого вопроса, прошу поручить народному комиссару связи СССР т. Сергейчуку оказать необходимую срочную помощь. В первую очередь выделить необходимую аппаратуру и материалы для монтажа 10-15-киловаттного радиовещательного и 4-5-киловаттного радиотелеграфного передатчиков». М.Дж.Багиров отмечал, что строительно-монтажные работы могут производить специалисты Азербайджанской ССР [23].

В результате за полтора месяца в Тебризе была построена мощная передающая станция и студия. 7 апреля 1946 года станция впервые вышла в эфир. Специальный поверенный премьер-министра Миргасым Чешмазар был назначен председателем Азербайджанского радиокомитета.

Начавшиеся в Азербайджане крупные мероприятия привлекали внимание гостей Тебриза. В середине февраля газеты поместили большой материал о встречах пресс-атташе Югославии Павла Миовича с премьером Пишевари, председателем меджлиса Шабустари, министром просвещения Бирией и редакторами газет. В интервью редактору газеты «Азербайджан» Миович заявил: «Я познакомился здесь с народом, испытывающим чувство большой гордости, так он борется за свою свободу и права. В мире есть мало народов, столь гордящихся своим национальным движением. Я видел, какие важные шаги за короткое время предприняло Национальное

правительство в области национальной культуры. Самым большим достижением освободительного движения стало предоставление женщинам равных избирательных прав с мужчинами, как это практикуется в передовых странах. Азербайджан выходит победителем из борьбы с экономическими трудностями. Народ, достигший таких больших успехов за столь короткое время, достоин национальной независимости и свободы» [24].

В то время как в Азербайджане полным ходом шло строительство новой жизни, в Тегеране после двухнедельных обсуждений было сформировано правительство Кавама эс-Салтане. 14 февраля он представил свой кабинет шаху, а 17 февраля Меджлису. Во время первичного голосования в парламенте сторонники Сеида Зияеддина, не желая допускать Кавама к власти, выдвинули кандидатуру крупного землевладельца, старейшего члена Меджлиса Мотаминольмулька. В первом туре голосования Кавам набрал 53 голоса, а Мотаминольмульк – 52. Один из депутатов отдал свой голос экс-премьеру Хакими. Таким образом, Кавам, набравший на 1 голос больше соперника, стал премьером. В новом правительстве важнейшие посты - министров внутренних и иностранных дел - он оставил за собой. Советские спецслужбы и дипломатические учреждения в Тегеране дали задание фракции «Туде» в Меджлисе всеми силами поддерживать кабинет Кавама эс-Салтане. При поддержке депутатов «Туде» 17 февраля кабинет Ахмеда Кавама был утвержден иранским Меджлисом [25]. Можно с уверенностью констатировать, что он победил при содействии Советского Союза. В одной египетской газете английский журналист писал, что русские помогли Каваму эс-Салтане стать премьер-министром, русские усилили внимание к Ирану и стараются открыть двери в Иран и Турцию.

Выступая 18 февраля в Меджлисе с правительственной программой, Кавам заявил, что собирается строить отношения с Советским Союзом на основе взаимного уважения и доверия. Как только кабинет был утвержден в Меджлисе, Кавам сообщил, что получил от Сталина теплую поздравительную телеграмму и в ответ поставил Москву в известность, что желает во главе иранской делегации начать переговоры с СССР. В тот же день Москва дала согласие [26]. Прежний премьер Хакими также неоднократно изъявлял желание посетить Москву, но так и не был приглашен. Еще 30 января, только получив карт-бланш на формирование кабинета министров, Кавам пригласил к себе секретаря советского посольства А.Ашурова и сообщил ему о своем желании послать представительную миссию в Москву. Главной целью миссии было достигнуть взаимного компромисса, продемонстрировать Меджлису и общественности свою близость с Советским Союзом [27]. По указанию Кавама сотрудник иранского посольства в Москве Эттесами 2 февраля

встретился с заведующим ближневосточным отделом С.Сычевым и передал письмо Кавама о стремлении нормализовать ирано-советские отношения, адресованное И.Сталину. Эттесами сообщил, что Кавам очень хочет получить от Сталина многообещающий ответ, который укрепил бы позиции нового премьера в Иране. Кроме того, Кавам посылает Молотову свой искренний привет и сообщает, что очень рассчитывает на его помощь в деле улучшения советско-иранских отношений [28]. 5 февраля 1946 года Кавам объявил, что желает лично возглавить делегацию в Москву, а 17 февраля объявил в Меджлисе, что получил личное приглашение генералиссимуса Сталина [29].

Накануне визита НКВД СССР подготовил всестороннюю характеристику Кавама. В ней сообщалось, что он родился в 1878 году, образование получил в тегеранской школе «Политика», в 1910-1918 годах работал в различных министерствах, в 1917 году был министром внутренних дел, в 1918-1921 годах - губернатором области Хорасан, а в 1921-1923 годах возглавлял кабинет министров. В справке НКВД Кавам характеризовался как националист правого толка и буржуазно-демократический деятель. Также отмечалось, и это показательно, что Кавам является сторонником сохранения Демократической партии Азербайджана как партии национальной и не посягающей на Конституцию и целостность Ирана [30].

Меджлис одобрил решение Кавама и выразил надежду, что в результате переговоров советские войска покинут Иран. Срочно сформировали группу из 11 человек, включающую трех депутатов Меджлиса, руководителя Торговой палаты, четырех журналистов, бывшего посла Ирана в СССР, хорошо знающего русский язык, представителя МИД. 19 февраля Кавам в сопровождении, как говорили в Иране, двух советских шпионов, одного английского агента, нескольких мультимиллионеров, двух-трех честных политиков, а также уважаемых профессоров Тегеранского университета – одним словом, очень пестрой делегации, отправился в Москву [31].

Накануне визита в Москву Кавам совершил важный политический шаг – снял запрет с газет и политических организаций. Возобновилась деятельность органа Народной партии газеты «Рахбар» («Лидер»), органов центрального комитета профсоюзов «Зафар» и «Дад». Непосредственно по его распоряжению были открыты клубы ЦК иранской Народной партии и ЦК профсоюзов, закрытые по распоряжению прежнего правительства. Отправляясь в Москву, Кавам обязал свой кабинет до его возвращения не выносить на обсуждение Меджлиса ни одного вопроса.

В Москве Кавама эс-Салтане встречали заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР В.Молотов, заместитель министра иностранных дел В.Г.Деканозов, заместитель министра внешней торговли

В.П.Мигунов и другие официальные лица. В числе встречавших были посол Турции в Москве С.Сарпер, временный поверенный в делах Британии в Москве Ф.Робертс, временный поверенный в делах США Дж.Кеннан и другие представители дипломатического корпуса. В аэропорту Кавам заявил: «Я рад как друг посетить столицу дружественного нам государства. Мне оказали горячий прием. Надеюсь, что здесь, в Москве, нам удастся установить самые тесные дружеские отношения с великим соседом – Советским Союзом».

Визит затянулся. Иранская делегация с 19 февраля по 7 марта находилась в Москве, а с 8 по 10 марта гостила в Баку. Переговоры велись в основном между Кавамом и Молотовым. Встреча Кавама с В.Молотовым 20 февраля была краткой, всего 20 минут. Это была ознакомительная, протокольная встреча с целью уточнить время аудиенции у Сталина. Кавам выразил уверенность в необходимости улучшения советско-иранских отношений и в том, что московские переговоры откроют новую эру в этих отношениях. В.Молотов ответил, что Советский Союз тоже работает в этом направлении, и новая эра будет благоприятно воспринята в СССР. Кавам добавил, что Молотов может быть уверен в дружбе с Ираном, а Молотов, в свою очередь, оценил заявление Кавама и его политический опыт как успешное начало улучшения отношений между двумя странами. На вопрос Молотова, когда Каваму удобно, чтобы Сталин принял его, Кавам ответил, что готов к переговорам в любое удобное для Сталина время [32]. Ожидание длилось недолго. 21 февраля И.Сталин принял Кавама эс-Салтане. Кавам поднял вопросы: об эвакуации советских войск из Ирана до 2 марта, о моральной поддержке со стороны Советов в азербайджанском вопросе, о назначении нового посла в Тегеране.

По первому вопросу Сталин обосновывал пребывание советских войск в Иране договором 1921 года. Кавам отвечал, что при подписании этого договора он занимал другую должность и что договор имеет совершенно другой смысл. Тогда Сталин вспомнил враждебное отношение Ирана на Парижской конференции 1919 года. На это Кавам ответил, что в Париже иранскую делегацию возглавлял Мошавер ол-Мамалек. Требования Ирана, представленные на Парижской мирной конференции в марте 1919 года, состояли из трех частей: политической, экономической и правовой независимости; территориальные требования и вопросы контрибуции [33]. В ходе переговоров Сталин намекнул, что СССР имеет и другие интересы, требующие пребывания войск в Иране.

По поводу территориальных притязаний Сталин заявил, что азербайджанский вопрос – это внутреннее дело Ирана. Иран напрасно волнуется, поскольку азербайджанцы требуют не суверенитета, а автономии. Сталин в завуалированной форме дал понять Каваму, что так как здесь речь идет о национальных проблемах, СССР ничего сделать не

сможет. Кавам ответил, что Конституция Ирана не позволяет вводить автономию. Если уступить Азербайджану, то и другие провинции потребуют автономии.

В ходе переговоров Молотов предложил, чтобы Иран все же признал режим в Азербайджане. Кавам ответил, что не может принять это, однако вопрос может быть решен в форме, определяемой законом о провинциальных энджуменах. Выясняя уровень автономности азербайджанцев, Сталин спросил у Кавама, есть ли в Азербайджане министерства обороны и иностранных дел. Премьер-министр Ирана ответил утвердительно. Сталин сделал вид, что возмущен: «Азербайджанцы хватили через край. Это у них уже не автономия. У них не должно быть военного министра, министра внешней торговли и министра иностранных дел» [34].

В беседах со Сталиным и Молотовым был затронут и вопрос о нефтяных концессиях. Советские руководители напомнили, что Британия имеет определенные льготы, а СССР подвергается дискриминации. Кавам сослался на решение Меджлиса о непредоставлении концессий и ответил отказом. На тонкий намек Кавама, что советская политика в отношении Ирана может вызвать у великих держав отрицательную реакцию, и Сталин, и Молотов ответили одинаково: «Нас не интересует, что думают США и Британия, мы их не боимся» [35].

Наиболее примечательным был момент визита, когда обсуждался вопрос о свержении шаха и образовании буржуазной республики во главе с Кавамом. В уже упомянутой справке НКВД СССР отмечалось, что Кавам является противником шаха и сторонником образования республики в Иране [36]. Поэтому в разгар переговоров Сталин вдруг спросил Кавама, правда ли, что Кавам является сторонником республиканского режима в Иране. Кавам ответил, что у него есть два варианта: или созвать учредительное собрание, или посадить на трон Ахмед шаха. Сталин поддержал Кавама и совершенно ясно дал понять, что если советские войска покинут Иран, Кавам может быть отстранен от власти, а потому советские войска уйдут только тогда, когда укрепятся позиции Кавама. Таким образом, советский лидер прямо заявил о возможности военной поддержки попыток Кавама построить новую власть в Иране. Но Кавам отказался и заявил, что, напротив, именно наличие советских войск в Иране может стать поводом для его отставки.

Пока Кавам готовился к новой встрече со Сталиным и Молотовым, действия СССР еще более осложнили обстановку в Иране: из Москвы поступил сигнал об оглашении принятого Милли Меджлисом еще 21 декабря 1945 года закона о создании Национальной армии и формировании народного ополчения [37].

Неожиданно скорое приглашение Кавама в Москву вызвало большое беспокойство в Иранском Азербайджане. 22 февраля в газете «Азербайджан» была опубликована большая редакционная статья «Надежды азербайджанского народа». В ней подчеркивалось: «По сообщению иностранных радиостанций, в Москве идут переговоры между иранской делегацией и советским правительством о налаживании взаимоотношений между двумя странами. Азербайджанский народ с большим интересом следит за ходом этих переговоров, потому что они идут между государством, многие годы подавлявшим политические, экономические и культурные права Азербайджана, и правительством, известным в мире как защитник свободы всех народов. Очевидно, иранская делегация вынесет на обсуждение вопросы, связанные с судьбой Азербайджана. И, несомненно, постарается вновь надеть ярмо на пятимиллионный народ, ставший хозяином своей страны в результате святой борьбы за свободу. Зная о намерениях иранской делегации, мы с понятным интересом следим за московскими переговорами и надеемся, что великие демократические государства, особенно наш великий сосед – Советский Союз, не позволят нарушить права пятимиллионного азербайджанского народа, самостоятельно решающего свою судьбу, создавшего свой Милли Меджлис и Национальное правительство, объявившего на весь мир о своей национальной свободе. Азербайджанский народ уверен, что Советский Союз, отстаивающий права малочисленных народов, при обсуждении азербайджанского вопроса не забудет интересы народа, достойного свободы. Азербайджанский народ во что бы то ни стало отстоит свою свободу. Азербайджан определил свою судьбу, уяснил свою цель».

Московские переговоры встретили в Азербайджане неоднозначную реакцию. Враждебные национальному правительству силы утверждали, что Кавам очень хитрый политик, способный на различные маневры, он сумеет завершить переговоры в пользу Ирана за счет удушения Национального правительства Азербайджана. Однако лидеры демократов и широкие массы населения все же надеялись, что московские переговоры завершатся признанием Тегераном существующего положения в Азербайджане. М.Ибрагимов, Г.Гасанов, А.Атакишиев регулярно сообщали в Баку о настроениях, царящих в Южном Азербайджане в связи с московскими переговорами. Спустя три дня с начала переговоров, М.Дж.Багиров писал Молотову: «Общественное мнение Иранского Азербайджана в настоящее время приковано к поездке Кавама в Москву. Реакционные круги возлагают большие надежды на то, что Кавам в своих переговорах сумеет добиться согласия Москвы положить конец демократическому движению в Азербайджане. Основная же масса населения, являющаяся сторонницей демократии, хотя и высказывает

уверенность в том, что Советский Союз не даст возможности Каваму подавить жизненные интересы Азербайджана, тем не менее проявляет некоторую тревогу. Сами демократы, зная Каваму как душителя в прошлом демократического движения в Иране, выражают некоторое беспокойство, боясь, что Кавам может войти в доверие к Советскому Союзу. Кавам был министром внутренних дел, когда в 1908 году было задушено национально-революционное движение в Азербайджане и когда был убит вождь азербайджанского народа Саттархан. Также Кавам был у власти, когда в 1920 году было подавлено национально-освободительное движение в Гиляне и был убит руководитель движения Кучук хан» [38].

23 февраля 1946 года Кавам эс-Салтане провел очень напряженные переговоры. В начале встречи он сделал заявление о том, что очень серьезно обдумал все пункты предыдущей беседы со Сталиным, и теперь пришел к Молотову, чтобы обсудить пути улучшения взаимоотношений двух стран. Он сказал: «Прежнее иранское правительство совершило ошибку во взаимоотношениях с Советским Союзом, и я, как друг Советского Союза, готов устранить ошибки прежнего руководства». Далее Кавам добавил, что парламент, полномочия которого иссякают через два дня, принял закон, запрещающий вести переговоры о нефти, пока в стране есть иностранные войска. Ныне сложились благоприятные условия для проведения выборов в новый Меджлис, и там будут представлены его люди. На вопрос Молотова, когда состоятся выборы, Кавам ответил, что это надо согласовать. И опять отметил, что, пока есть иностранные войска, выборы проводить невозможно. В.Молотов повторил, что «войска при нынешнем положении из Ирана выведены не будут». Кавам, возвращаясь к беседе со Сталиным, напомнил, что Сталин ссылался на пункт 6 договора 1921 года, но в этом пункте речь идет об угрозе со стороны третьей державы, а не Ирана. Его страна не угрожает и не может угрожать Советскому Союзу. Угроза, по мнению Кавама, исходит со стороны второго иранского соседа. Кавам предложил вывести войска, а если возникнет какая-либо угроза для Советского Союза, то он может ввести войска в Иран вторично.

На вопрос Молотова о нефтяной концессии, Кавам ответил, что в принципе он сторонник предоставления Советам нефтяной концессии. Пусть СССР представит свои предложения, их можно будет обсудить. Тогда Молотов показал на карте Ирана территорию, которую Иран уже отдал Англии в концессию, и территорию, которую хочет получить СССР. Молотов спросил: «Все ли ясно и нет ли каких-либо сомнений?» Кавам внимательно осмотрел карту и согласился, что интересующая СССР территория гораздо меньше отданной англичанам. Но на вопрос, как осуществить эту концессию на практике, Кавам вновь ответил: «При нынешнем Меджлисе возможности предоставить нефтяную концессию

нет» [39]. В этот момент Молотов предложил перейти за другой столик и выпить чашку чая, как бы случайно добавив при этом: «Иранское правительство совершило большую ошибку, не удовлетворив своевременно требования азербайджанцев об автономии. Говоря по совести, советские руководители считают, что азербайджанцы имеют право на автономию». Кавам ответил, что автономия не соответствует Конституции, правительство не может изменить ее, он сам обязан соблюдать Конституцию и от других требовать того же. Молотов напомнил, что «иранское правительство само не соблюдало Конституцию, например, не допускало энджумены, предусмотренные законом». Кавам признал, что это была ошибка предыдущего правительства. Сам он готов предоставить право на энджумен Азербайджану. Но нынешняя ситуация в Азербайджане противоречит Конституции, которая предусматривает наличие в стране одного правительства, а их теперь два - в Тегеране и Тебризе. Молотов ответил, что и это вина правительства, которое «само толкнуло азербайджанцев на такой шаг... При правильном решении взаимоотношений с азербайджанцами и понимании правоты их требований иранское правительство могло бы разрешить вопрос в интересах Ирана». Затем Молотов поинтересовался лимитом возможностей Кавама. Премьер ответил, что согласен на энджумен со всеми правами, но министерства допустить не может. Он посоветовал, что азербайджанцы создали военное министерство, и не сегодня так завтра организуют министерство иностранных дел.

В.Молотов попросил уточнить: действительно ли Кавам согласен на выборы в энджумены и на то, что председатель энджумена будет главой всего вилайета? Кавам ответил, что вали (губернатор) области назначается Тегераном.

Затем Кавам достал из кармана какой-то документ, перелистал его и заявил: «Здесь доказывается, что тюркский язык не является родным языком азербайджанцев. Этот язык занесен сельджукскими завоевателями 900 лет тому назад. До этого азербайджанцы говорили на фапсидском языке. Пантюркисты вели большую пропаганду в Азербайджане, распространяя там в большом количестве литературу, однако эта пропаганда не имела успеха, так как пантюркисты не могли изменить естество азербайджанцев... Существует только разговорный тюркский язык, но письменности нет». Молотов резонно заметил: «Письменности нет, потому что нет грамотности - она не разрешена».

Не добившись перевеса в вопросах языкознания, Кавам поменял тему: в Иране проживает много других национальностей, и если все захотят автономии, то весь Иран будет раздроблен на части. Молотов продолжал настаивать на необходимости удовлетворить национальные интересы азербайджанцев и, в частности, предоставить им право пользоваться своим

языком. Кавам не стал возражать против обучения в школах на азербайджанском языке и ведения делопроизводства на родном языке в пределах Азербайджана. Советы могут помочь в разрешении азербайджанского вопроса: только по совету СССР азербайджанцы могут пойти на примирение, и, напротив, СССР в состоянии способствовать напряженности в регионе. Молотов ответил, что советские руководящие круги симпатизировали борьбе азербайджанцев за свои национальные интересы, но теперь другое время, и по вине тегеранского правительства дело в Азербайджане зашло очень далеко. Кавам припомнил, что в Конституции конкретно не указывается, должен ли губернатор быть из Тегерана, поэтому он предложил назначить генерал-губернатором Пишевари. Но согласиться на автономию он не может. Молотов спросил, а что будет, если Пишевари умрет или заболеет, кто тогда будет губернатором. Кавам ответил, что в таком случае можно назначить кого-нибудь из местных. Молотов заявил, что он не понимает, почему Кавам так боится автономии. В Советском Союзе существуют 15 республик, и различные народы имеют свою автономию, ничего опасного в этом нет. Кавам возразил, что СССР – могучее государство и может себе такое позволить, но Иран слаб и не может раздавать автономии. Однако обещал, что азербайджанскому энджумену будут даны широкие права. Молотов спросил, будет ли это фактической автономией. Кавам ответил, что «может пойти навстречу лишь в пределах Конституции». Он сам не против автономии и в беседе с генералиссимусом предложил даже план изменения режима в Иране [40].

Затем Кавам добавил, что Пишевари сам себя выбрал в премьеры и сам организовал выборы в парламент, нарушив конституцию. На это Молотов заметил, что это иранское правительство нарушило Конституцию, и что в Азербайджане вообще-то выборы прошли хорошо. Он поинтересовался, что плохого Кавам видит в этих выборах. Кавам ответил, что они незаконны и как пример привел предоставление избирательного права женщинам, которое Конституцией не предусмотрено.

Молотов вновь спросил, что же конкретно предлагает Кавам взамен автономии. Премьер перечислил: местные суды, просветительные органы, муниципалитеты, полиция и т.п. Но кассационные суды, финансы и оборона должны оставаться в руках Тегерана. Он добавил, что «на днях Пишевари произнес речь, в которой заявил о наборе в азербайджанскую армию, о снабжении ее танками и грозил, что армия пойдет на Тегеран. Это уже конкретный шаг к восстанию». Молотов спросил, считает ли Кавам возможным формирование в Азербайджане национальных воинских частей, как это принято в Советском Союзе. Кавам ответил утвердительно и дал понять, что возглавлять эти части смогут офицеры из местного населения.

Отвечая на прямой вопрос Молотова: «Получается, что если не изменить Конституцию, то, значит, в Азербайджане будет продолжаться война», Кавам заявил, что он не может допустить братоубийственной войны. Молотов затметил, что обещает премьер сейчас иранское правительство могло сделать в октябре прошлого года или в первой половине ноября. Но оно упорно не хотело идти навстречу справедливым требованиям азербайджанцев, и дело зашло далеко.

Кавам сделал заявление, что для улучшения сложившейся обстановки он собирается направить специальную миссию в Азербайджан, и просил советскую сторону посодействовать, чтобы азербайджанцы согласились на предложенные Кавамом уступки. Молотов ответил, что упущено много времени, и это предложение вряд ли удовлетворит азербайджанцев. И в который раз подчеркнул, что «иранское правительство сделало ошибку, затянув решение вопроса». Кавам не принял эту критику на свой счет, но отметил, что весь иранский народ ждет от Советского Союза решения азербайджанского вопроса. Молотов продолжал настаивать, что корень зла в иранской Конституции. Как пример он привел советскую Конституцию, которую страна высоко ценит, но при необходимости может вносить в нее поправки.

Разговор пошел по новому кругу: Кавам вновь объяснил, что нынешний состав парламента на изменения в Конституции не пойдет, и предложил Советскому Союзу вывести свои войска, отметив, что в случае опасности они могут вновь вернуться. Молотов ответил, что это похоже на игру, и напомнил слова Сталина, сказанные во время предыдущей встречи: «Советский Союз не может жить без Баку!»

Кавам удрученно сообщил, что в таком случае у него нет другого выхода, как возвратиться в Тегеран и поставить нефтяной и азербайджанский вопросы перед нынешним Меджлисом, который либо их примет, либо ему придется уйти в отставку. Эта угроза Кавама явно отдавала шантажом. Но Молотов не дрогнул и на провокацию не поддался. Он сказал, что «Каваму лучше знать, что ему делать, и что для урегулирования азербайджанского вопроса необходимо иметь определенные конкретные предложения».

Уже выходя из кабинета, Кавам пошел еще на одну уловку. Как будто что-то вспомнив, он вернулся и заявил Молотову, что английский посол несколько раз звонил ему и просил аудиенции. Что посоветует ему Молотов? Но Молотов вновь не отреагировал и ответил коротко: «Почему бы не встретиться?» [41].

В.Молотов подготовил для И.Сталина большой отчет о беседе с Кавамом, в котором указал, что Кавам отказался от идеи свержения шаха и установления в Иране республики, ранее согласованной в беседе со Сталиным.

Ознакомившись с этим отчетом, Сталин вместо визы написал лишь «Сволочь», и это было точным показателем уровня разочарования Сталина в Каваме [42].

После переговоров, состоявшихся 20-23 февраля, Ахмед Кавам вручил народному комиссару иностранных дел СССР памятную записку, отражавшую точку зрения Ирана по обсуждаемым проблемам. В своем письме Кавам отмечал, что советские войска не позволяют иранской армии двигаться к Гилян, а потому требовал, чтобы хотя бы жандармерии позволили беспрепятственно передвигаться. Он писал: «Как было мною указано во время нашей беседы, имевшей место 23 февраля с.г., трудности, возникшие в Иране в настоящее время, связаны, главным образом, с проведением выборов парламента 15-го созыва и с положением в Иранском Азербайджане. Решение этих вопросов, в свою очередь, тесно связано с вопросом о выводе из Ирана военных сил СССР и других наших союзников, потому что для улучшения политических и экономических взаимоотношений между двумя странами должны быть подготовлены соответствующие проекты, подлежащие представлению на утверждение парламентом. Однако, как известно, парламентом 14-го созыва был утвержден закон, согласно которому выборы на 15-й созыв не могут быть проведены до вывода войск союзников из Ирана. Таким образом, если правительство СССР действительно желает сотрудничать с нынешним иранским правительством, готово помочь ему в устранении существующих затруднений и улучшить ирано-советские взаимоотношения в рамках иранской Конституции, то оно должно вывести свои войска из Ирана, чтобы дать мне возможность провести выборы в парламент 15-го созыва и создать благоприятные условия для разрешения стоящих перед ним задач».

Касаясь азербайджанского вопроса, Кавам писал следующее: «С самого начала истории Ирана, т.е. по меньшей мере 2500 лет тому назад, азербайджанская провинция считалась неотъемлемой частью Ирана. Эта провинция, с этнографической точки зрения, а также в силу идеологии, народных обычаев и традиций всегда считалась иранской в полном смысле этого слова. В прошлом не было даже краткого периода в истории Ирана, когда в Азербайджане поднимался бы вопрос о какой-либо народности, кроме иранской. Что касается языка, то хотя народ говорит на тюркском языке, но на протяжении 2500 лет литературным языком, на котором велась письменность, был персидский. За все это время не было периода, когда население этого края написало бы что-либо по-тюркски или издавались бы какие-либо серьезные книги учебного, литературного, исторического или научного характера на тюркском языке, имелось какое-либо учебное заведение для преподавания этого языка. Азербайджан по своему историческому прошлому, а также согласно существующей иранской Конституции является неотъемлемой частью Ирана и нет

никаких исторических или законных оснований для признания автономистского движения в Азербайджане и тех противозаконных действий, которые направлены против территориальной целостности Ирана. Ряд беспрецедентных акций, имевших место в Азербайджане, как, например, объявление автономии, создание местного правительства вопреки положениям наших основных законов, разоружение и высылка правительственных войск, а также жандармерии и полиции, претензии на особую национальность и особый национальный язык для Азербайджана, взимание налогов и мобилизация войск, захват городов и селений Азербайджана, а также государственных учреждений, Национального банка и прочие насильственные акты, как то увольнение, высылка или арест ряда ответственных государственных чиновников и тому подобные действия противоречат нашим основным законам и существующим постановлениям. Продолжение подобных действий приведет фактически к расчленению страны. Подобное движение ни в коей мере не соответствует принципам независимости, территориальной целостности и Конституции Ирана». Говоря о разрешении азербайджанского кризиса, Кавам подчеркнул: «Азербайджанский вопрос, по моему мнению, может быть разрешен при условии соблюдения независимости Ирана и его территориальной целостности путем проведения нижеуказанных реформ:

1. Объявление всеобщей амнистии всем лицам, принявшим участие в автономистском движении.

2. Немедленные выборы в провинциальный энджумен с предоставлением ему нижеследующих прав:

а) права контроля над составлением местного бюджета;

б) права на введение местных налогов для местных нужд, а именно: для дорожного строительства, на цели народного образования, здравоохранения и пр.;

в) права контроля над продажей, изменениями права собственности и передачей государственного имущества в азербайджанской губернии с соблюдением существующих постановлений;

г) права высказывать свое мнение при назначении начальников некоторых государственных учреждений, а именно: городской управы, органов народного образования, полиции, здравоохранения и даже генерал-губернатора» [43].

Очередная встреча между Молотовым и Кавамом состоялась 25 февраля в 19.00 вечера. Молотов представил Каваму И.Садчикова и сказал, что советское правительство поручило передать Каваму новые, компромиссные варианты по всем трем обсуждаемым вопросам. Он заявил, что советское правительство сделало все возможное, чтобы достичь компромисса [44].

В.Молотов вручил Каваму ответный документ с изложением советской позиции по обсуждаемым проблемам, в котором о положении в Иранском Азербайджане говорилось: «Учитывая создавшееся затруднительное положение иранского правительства, вносится следующее компромиссное предложение об Азербайджане:

1. В азербайджанской провинции устанавливается автономное самоуправление, осуществляемое провинциальным энджуменом и избранным им провинциальным правительством Азербайджана, а в уездах – уездными энджуменами и их исполнительными комитетами. Выборы в энджумены проводятся в соответствии с уже принятым в Азербайджане положением о выборах. Провинциальное правительство Азербайджана имеет своего премьер-министра, министерства: земледелия, торгово-промышленное, внутренних дел (с некоторым количеством национальных отрядов, необходимых для охраны общественного порядка), финансовое, труда, просвещения, здравоохранения; управления местного транспорта, полиции, а также органы суда и прокуратуры.

2. За населением азербайджанской провинции признается право пользования своим родным языком (делопроизводство в местных учреждениях, преподавание в школах, судопроизводство и пр.).

3. Премьер-министр провинциального азербайджанского правительства является в то же время генеральным губернатором азербайджанской провинции, утверждаемым иранским правительством.

Командующий азербайджанским военным округом назначается иранским правительством по согласованию с азербайджанским провинциальным правительством. В отношении воинских частей будет применен принцип местных национальных формирований.

Связь азербайджанского провинциального правительства с центром осуществляется на персидском языке.

4. При определении налоговых поступлений и бюджетных расходов Иранского Азербайджана в бюджет азербайджанского провинциального правительства выделяется 70% поступлений по Азербайджану.

5. Иранское правительство подтверждает свободу деятельности демократических организаций в Иранском Азербайджане: Демократической партии Иранского Азербайджана, профсоюзов и проч.

6. При выборах в иранский Меджлис число депутатов от Иранского Азербайджана будет увеличено в соответствии с действительным количеством населения в Иранском Азербайджане».

По вопросу о нефтяной концессии Молотов заявил: «Идя навстречу пожеланиям иранского правительства, советское правительство считает возможным свое предложение о предоставлении Советскому Союзу нефтяной концессии в северных районах Ирана заменить предложением о создании советско-иранского смешанного общества по разведке, добыче и

переработке нефти в Северном Иране с предоставлением советской стороне – 51% акций, а 49% - иранской стороне».

По поводу советских войск в Иране Молотов писал: «Советское правительство намерено начать вывод части советских войск со 2 марта с.г. из некоторых районов Ирана. Что касается другой части советских войск, то она останется временно в Иране на основании советско-иранского договора от 26 февраля 1921 года. Советские войска будут полностью выведены из Ирана, как только иранское правительство ликвидирует все враждебные и дискриминационные меры в отношении Советского Союза, установит порядок в Северном Иране и восстановит дружественную политику в отношении Советского Союза» [45].

Ознакомившись с документом, Кавам спросил, предлагает ли советское правительство форсировать нефтяной вопрос, или оно желает отложить это на будущее. Молотов ответил, что советское правительство хотело бы форсировать нефтяные дела. Кавам опять повторил, что он не может продвинуть нефтяной вопрос, пока в Иране будут находиться войска. Молотов сообщил, что теперь СССР уже не хочет нефтяной концессии, а предлагает создать советско-иранское нефтяное общество. Кавам заметил, что и это Меджлис запрещает. Молотов уточнил, что парламент Ирана запрещает только концессию, и посол Ахи, вернувшись из Тегерана, по заданию Кавама предложил вариант совместного общества. Кавам обещал подготовить соответствующую справку. И опять спросил, частично или целиком будут выведены советские войска. Молотов повторил, что часть войск останется в различных районах Ирана, «пока не укрепится положение Кавама». Кавам одобрил это, но опять попросил уступок и спросил, останутся ли в Азербайджане правительство и министры. Молотов твердо ответил, что останутся, но, по предложению самого Кавама, премьер-министр Азербайджана будет утверждаться иранским правительством. И вновь повторил, что если бы эти переговоры состоялись в ноябре прошлого года, то и уступок было бы больше. А теперь проблема уже пустила глубокие корни [46].

Предложения Молотова оказались неприемлемыми для Кавама. Поэтому 26 февраля он направил наркому иностранных дел обширный меморандум, а днем позже и дополнение к нему, составленное на основе новой информации, полученной из Ирана. Так как московские переговоры приобретали все более жестокий характер, копии меморандума Кавама были срочно разосланы Сталину, Молотову, Берия, Маленкову, Микояну, Жданову, Вышинскому, Деканозову, Силину и Сычеву, а также, по распоряжению Молотова, – Багирову в Баку. В этом меморандуме Кавам отстаивал свою точку зрения. Он опять подчеркивал дружеский характер своего визита, необходимость устранения недоразумений между соседями, готовность установить всесторонние отношения с Советским Союзом. В то

же время отмечал такие факты, как, например, дальнейшее пребывание советских войск в Иране или создание автономии внутри Ирана, служат причиной ослабления дружеских чувств в сердцах иранцев.

Что касается Азербайджана, то Кавам вновь обращал внимание, что объявление автономии в вилайете, являющемся неотъемлемой частью Ирана, противоречит иранской Конституции. Это может вызвать столь тяжелые осложнения, с которыми не справится ни одно правительство. Центральное правительство может согласиться лишь с принципом назначения глав некоторых учреждений и даже назначения генерал-губернатора с согласия провинциального энджумена. Что касается распределения налогов и прочего, то все эти вопросы будут разрешены после создания провинциального энджумена. Кавам весьма сожалел, что советское правительство не согласно с выводом войск до 2 марта 1946 года. Он выразил несогласие со ссылкой СССР на 6-й пункт ирано-советского договора от 26 февраля 1921 года. Кавам так прокомментировал этот пункт: советское правительство лишь тогда имеет право ввести свои войска на территорию Ирана, когда какое-либо третье государство попытается использовать территорию Ирана для военных выступлений против СССР. Он писал: «Я вынужден с большим сожалением констатировать, что все мои обещания и советы, несмотря на то, что исходят от человека, представляющего всех иранских патриотов, сторонников свободы и нейтрально настроенные слои населения Ирана, привлекают внимание советского правительства в меньшей мере, чем претензии немногочисленных людей, которые, вопреки всем законам нашей страны, претендуют на создание нового азербайджанского правительства».

Меморандум от 26 февраля свидетельствовал о смягчении позиции Кавама по нефтяному вопросу. В нем отмечалось, что при разрешении проблем, касающихся Азербайджана и вывода советских войск из Ирана, этот вопрос будет решен положительно и удовлетворит обе стороны. Дав свое согласие на разрешение азербайджанского вопроса и своевременный вывод всех советских войск из Ирана, СССР может заложить основы сотрудничества в экономических вопросах и в вопросе о нефти. «По получении вашего согласия я немедленно выеду в Тегеран. После обмена мнениями с правительством переговоры будут продолжены с советским послом в Тегеране, и я глубоко убежден, что желаемые результаты будут достигнуты». В противном случае, заявил Кавам, ситуация, сложившаяся в Азербайджане, повторится и в других местах, что приведет к анархии, а тогда ни одно правительство не возьмется наводить порядок в стране. Он напомнил, что за несколько дней до его отъезда в Москву Пишевари в своем объявлении о мобилизации уже обратился к населению

Азербайджана с призывом подготовиться к походу против Тегерана для низвержения центрального правительства [47].

Кавам был прав. Действительно, в своем выступлении на митинге по поводу мобилизации, Пишевари высказал такую идею. Он сказал: «Мы должны создать Национальную армию. Эта армия защитит нашу свободу и внутреннюю безопасность. До сих пор этим занимались федаины. Но если реакционное правительство Тегерана захочет задушить свободу Азербайджана, азербайджанский народ раздавит это правительство и постарается создать такое правительство, которое признает Азербайджан. Перед нами две дороги: или должно быть равноправие, чтобы мы могли свободно выполнять свои экономические, образовательные и национальные функции, или, если нам будут мешать, мы будем вынуждены двинуться на Тегеран, захватить его, создать свободное демократическое правительство и таким образом обеспечить национальную свободу народов... Пусть мы вынуждены будем продать последнее, но мы вооружим нашу армию и сохраним свободу. Если будет нужно, то разрушим бастион реакции в Тегеране» [48]. Эту ошибку Пишевари, Кавам очень удачно использовал в Москве.

27 февраля премьер-министр обратился с письмом к советскому руководству, в котором сообщал, что пока он здесь, в Москве, ищет пути к улучшению отношений между двумя странами и ведет переговоры с высоким советским руководством, пришла телеграмма с вестью о том, что азербайджанские вооруженные отряды перешли в наступление в направлении Гиляна и захватили деревню Хаштбар, а затем на двух грузовиках направились к деревне Карганруд и захватили ее [49].

Сей меморандум Кавама встретил, естественно, жесткий отпор советского руководства. Стало ясно, что несмотря на всяческие изъявления дружелюбия, почтения, готовности сделать все рекомендуемое советскими лидерами, Кавам оказывает жесткое сопротивление попыткам Советов политически и экономически закрепиться в Иране.

В конце февраля московские руководители еще более усилили нажим на Иран. Новый посол в Иране Иван Садчиков вручил Каваму 1 марта 1946 года меморандум, скорее напоминающий ультиматум, так как документ был полон угроз. В частности, заявлялось: «Советское правительство... сочло возможным заменить предложение о нефтяной концессии предложением об учреждении смешанного советско-иранского нефтяного общества... Однако иранская сторона в своей записке от 26 февраля не дала согласия на это компромиссное предложение советской стороны. Ввиду того, что иранская сторона, как это выяснилось теперь, не имеет желания считаться с интересами Советского Союза и ставит Советский Союз в положение явно дискриминируемой стороны, Наркоминдел сим заявляет, что после доклада премьер-министру И.В.Сталину решено снять

компромиссное предложение советской стороны и вернуться к официальному предложению, сделанному в 1944 году, о предоставлении Советскому Союзу нефтяной концессии в Северном Иране на началах, аналогичных с английской концессией в Южном Иране». По поводу азербайджанского вопроса в меморандуме было записано: «Советская сторона считала и продолжает считать азербайджанский вопрос внутренним вопросом Ирана. Однако ввиду просьбы премьер-министра Ирана взять советской стороне на себя посредничество и выработать модус соглашения между Иранским Азербайджаном и иранским правительством советская сторона согласилась удовлетворить просьбу иранской стороны и представила соответствующий модус. Как видно из записки иранской стороны от 26 февраля, иранская сторона отклоняет представленный модус, считая его неудовлетворительным. Тем самым вопрос о посредничестве СССР отпадает».

В меморандуме, представленном Садчиковым, необходимость присутствия советских войск в Иране была обоснована гораздо полнее и доказательнее, чем в предыдущих документах. Советская сторона заявляла: «Советское правительство исходит из того, что среди правящих кругов Ирана имеются довольно видные государственные деятели, которые строят свою политику на стремлении вызвать осложнения между Советским Союзом и другими великими державами и, используя возможные осложнения между ними, захватить Советский Азербайджан, Баку, Советский Туркменистан. Еще в 1919 году был представлен на Парижской конференции меморандум иранского правительства Самсама эс-Салтане, за подписью министра иностранных дел Мушавера ол-Мемалек, с требованием передать Ирану Советский Азербайджан с городом Баку, Советский Туркменистан с городами Ашхабад, Мерв, часть Советской Армении с городом Ереван и тому подобное. Несмотря на эту захватническую политику иранского правительства, советское правительство с первых же дней образования советского государства заявляло о дружеском отношении к Ирану, а в феврале 1921 года заключило договор, согласно которому в знак своей дружбы добровольно и безвозмездно передало Ирану принадлежавшие России железнодорожные линии, шоссе, пристани, порты, пароходы, баржи, товарные склады, банки, телеграфные и телефонные линии, острова.

Советское правительство рассчитывало, что иранские правящие круги правильно поймут и оценят этот дружественный акт Советского Союза, беспрецидентный в истории отношений между двумя государствами.

Однако через несколько месяцев после заключения этого договора, в том же году, иранское правительство предоставило концессию иностранному обществу «Стандарт Ойл» в Северном Иране, у самых

границ Советского Союза, недалеко от Баку, с явным намерением ущемить интересы Советского Союза. Правда, этот договор ввиду протеста Советского Союза был аннулирован в следующем году.

В 1937 году иранским правительством вновь была предоставлена концессия американской нефтяной компании у самых границ с Советским Союзом, восточнее Каспийского моря, тоже с явным намерением ущемить интересы Советов и столкнуть их с Соединенными Штатами. Этот договор также был аннулирован в следующем году, ввиду протеста Советского Союза.

Несмотря на все это, в 1939 году иранское правительство вновь предоставило нефтяную концессию англо-голландской нефтяной компании в районе южнее Баку, тоже с явным намерением нанести ущерб интересам СССР и столкнуть СССР с Англией. Эта концессия была аннулирована лишь спустя 5 лет, также в результате протеста СССР.

Следует при этом отметить, что иранское правительство, представляя указанные выше концессии другим государствам, отказывало и продолжает отказывать в праве СССР на нефтяную концессию в Северном Иране. Все эти факты свидетельствуют о том, что правящие круги Ирана имеют враждебные намерения в отношении СССР, готовы при случае нанести ущерб интересам СССР и создать угрозу нефтяным районам Советского Азербайджана и Советского Туркменистана.

Таковы обстоятельства, которые заставляют Советский Союз быть настороженным в отношении иранских правящих кругов и которые вынуждают Советский Союз отложить отвод части советских войск из Северного Ирана» [50].

В очередной раз Молотов принял Кавама 2 марта в 18.00. До начала переговоров гость попросил Молотова не касаться в присутствии переводчика Гамида Сайяха тех вопросов, что были затронуты в беседе со Сталиным, и только заручившись обещанием Молотова пригласил в зал переводчика.

Молотов прежде всего поинтересовался, ознакомился ли Кавам с документом, врученным Садчиковым. Кавам ответил утвердительно и добавил, что на его месте каждый потерял бы веру в успех переговоров, но он надежду не теряет, так как, во-первых, он считает себя другом Молотова, а во-вторых, ни за что не вернется в Иран с пустыми руками. По нефтяному вопросу Кавам вроде бы идет навстречу Москве, но при этом заявляет, что лишь его согласия мало, надо, чтобы был согласен Меджлис.

В решении азербайджанского вопроса можно основываться только на Конституцию, а изменять Конституцию правительство не вправе. Кавам считает, что он уже предложил приемлемую форму: вывод советских войск из Ирана. Закон запрещает пребывание иностранных войск на

территории Ирана после войны. Он, Кавам, просто молит о том, чтобы советское правительство пошло навстречу его предложениям.

Затем он захотел узнать личное мнение Молотова по азербайджанскому вопросу. Молотов ответил, что это прежде всего внутреннее дело Ирана. Кавам подхватил эту мысль и заявил, что раз это внутренне дело Ирана, то он проведет референдум и созвет учредительное собрание. Молотов отметил, что азербайджанский конфликт крайне беспокоит обе стороны. Советское правительство хотело примирить конфликтующие стороны, но безуспешно, и теперь отказывается от роли миротворца. Кавам заявил: лучше бы СССР весь Иран перетянул на свою сторону, чем одну только часть. Молотов напомнил, что было время, когда Иран претендовал на Баку, Ереван, Ашхабад, и Хаками тогда входил в состав делегации, выдвинувшей такие требования, Кавам парировал, что с тех пор прошло 25 лет.

Беседа прошла жестко, но вновь безрезультатно. Кавам обещал, вернувшись в Тегеран, основательно все обдумать [51].

Некоторые авторы, в том числе и С.Алиев, считают, что эти переговоры тем не менее нельзя назвать безрезультатными, создание в дальнейшем советско-иранского нефтяного общества и было как раз их результатом. Подобное, явно ошибочное мнение, могло возникнуть лишь по той причине, что эти исследователи не были знакомы с документами и материалами переговоров. Подписанный в апреле 1946 года договор о создании советско-иранского нефтяного общества явился результатом изменения международной обстановки и усиления внешнего давления, а также нежелания СССР покидать Иран в качестве проигравшей стороны, а не чего-либо другого [52].

Попытка Кавама эс-Салтане заставить СССР вывести свои войска из Ирана до 2 марта не увенчались успехом. 2 марта он все еще оставался в Москве, а советские войска – в северных районах Ирана. Меморандум Садчикова от 28 февраля способствовал не прогрессу, а регрессу ситуации. Однако несмотря на резкие заявления Советский Союз, чтобы успокоить международное общественное мнение, сделал маленький шагок навстречу требованиям Тегерана: вечером 1 марта Московское радио объявило о решении правительства вывести войска из Мешхеда, Шахруда и Семнана. Одновременно ТАСС заявил, что советские войска в других районах Ирана останутся до выяснения положения [53].

Ознакомившись с этой информацией, Кавам 3 марта послал Молотову резкую ноту протеста, в которой говорилось: «Согласно тройственному договору, заключенному в Тегеране 29 января 1942 года между Ираном, СССР и Великобританией, вывод войск из Ирана до 2 марта 1946 года является обязательным и не подлежащим обсуждению. В соответствии с документом в указанный срок английские войска полностью выведены из

Ирана. Поэтому оставление части советских войск в некоторых районах Ирана ни в коей мере не согласуется с вышеуказанным договором и противоречит неоднократным заявлениям советского правительства о безоговорочном согласии советского правительства со всеми положениями договора. Кроме того, решение советского правительства противоречит Основному Закону Ирана, а также существующим договорным отношениям между двумя государствами.

«Принимая во внимание изложенное, я вынужден, к сожалению, от имени моего правительства выразить протест по поводу решения советского правительства и прошу вас дать соответствующее распоряжение о немедленном выводе всех советских войск из всех районов Ирана», - заключает Кавам [54].

Через день после вручения этой ноты, Кавам выступил с новым меморандумом, в котором уверял, что советское правительство неправильно поняло его отношение к созданию ирано-советского смешанного общества. Он писал, что и во время переговоров ставилось условие: если советское правительство пойдет на немедленный вывод войск, то по возвращении в Тегеран у него будет достаточно времени, чтобы согласовать все условия создания этого общества и получить согласие парламента [55]. Право предоставления концессий является суверенным правом независимого государства, требующим утверждения парламента. Если в течение полувека, еще до конституционного режима в Иране, при тогдашних условиях и предоставлялись какие-либо концессии, то это не повод считать, что сегодня СССР поставлен в дискриминируемое положение.

Что же касается азербайджанского вопроса, то Кавам вновь повторил свои старые мысли: «...Я искренне намерен осуществить все реформы, которые пожелает население этой провинции, если только они не противоречат законам страны. Однако необходимо, чтобы при моральной поддержке советского правительства эти реформы были бы осуществлены без внутренних беспорядков, в атмосфере мира и порядка».

Официальной реакции Москвы на заявление Кавама не последовало. Но из проекта ответа иранскому правительству на его протест от 3 марта и дополнений к советским меморандумам от 25 и 28 февраля следовало, что основанием для возможного соглашения советское правительство считало: стабилизацию положения в Иранском Азербайджане посредством переговоров Тегерана с азербайджанскими лидерами, изменение отношения иранских властей к СССР и решение вопроса о «северной» иранской нефти [56]. Естественно, что возможные в случае вывода советских войск вооруженные столкновения в Иранском Азербайджане между отрядами народного ополчения и подразделениями иранской армии, а также остававшаяся без должной охраны граница Ирана с Турцией –

охраняли советские войска – тревожили Москву. Тем не менее, учитывая всю сложность мотивов советского руководства, нельзя не признать тот факт, что затягивание сроков вывода советских войск с территории Северного Ирана использовалось также в целях давления на иранское правительство.

Таким образом, и в меморандуме от 4 марта Кавам упорно настаивал на скорейшем выводе советских войск из Ирана. Говоря об упомянутых Советами заявлениях Самсама ос-Салтане и ноте Мошавера ол-Мамалек, Кавам утверждал, что «эти государственные деятели боролись против политики русского царизма в отношении Ирана. И эти документы, актуальные 27 лет назад, сегодня не могут служить основанием для присутствия советских войск в Иране» [57].

4 марта Кавам имел беседу с Временным поверенным в делах США в Москве Дж.Кеннаном. Позже Кеннан докладывал госсекретарю США, что Кавам попал в сложное положение, т.к. в Москве он не встретил взаимопонимания. Кавам сказал Кеннану, что вечером в последний раз встретится со Сталиным, а завтра постарается вернуться в Тегеран и пожаловался на грубость Сталина. Он поставил Кеннана в известность, что направил ноту протеста в Наркоминдел по поводу задержки Советской Армии в Иране, и спросил о возможных действиях США по этому поводу. Кеннан ознакомился с копией этой ноты. Кавама интересовало, на какие действия США Иран может рассчитывать в случае недостижения соглашения с русскими. Кеннан ответил, что США серьезно относятся к своим обязанностям члена ООН. Если этот вопрос будет вновь поднят Ираном или другой страной перед Советом Безопасности, то Соединенные Штаты пойдут до конца в деле решения этой проблемы в соответствии с Уставом ООН. В то же время Кеннан выразил уверенность, что в последней беседе позиция Сталина изменится в благоприятную сторону, и в этом случае он просил Кавама информировать его. Но Кавам был настроен пессимистично и считал излишним далее оставаться в Москве [58].

5 марта премьер-министр Ирана вручил наркому иностранных дел СССР еще две ноты. В них сообщалось об активизации Советов в Гиляне и выражалось беспокойство по этому поводу. Кавам никак не мог объяснить тот факт, что накануне ожидавшейся эвакуации советских войск из Ирана из Баку в направлении Бендершаха направляется корабль с военнослужащими [59]. Это были последние документы московских переговоров.

В тот же день посол Ирана в Вашингтоне Гусейн Ала поставил в известность об этих нотах Бирнса и попросил оказать содействие в деле вывода советских войск.

Переговоры в целом прошли безрезультатно. Ни по одному вопросу не было достигнуто соглашение. Новый премьер, избранный при содействии Советского Союза, вынужден был возвращаться ни с чем. Но в последний момент луч надежды сверкнул, и обнадежил Кавама лично Сталин.

В тот день вечером Сталин дал прием в честь иранской делегации, на котором Кавам пожаловался генералиссимусу на то, что переговоры с Молотовым завершились безрезультатно. На это Сталин, усмехнувшись, сказал: «Теперь ты хорошо понимаешь мое положение. Меня считают очень жестким человеком, но Молотов в нашей группе самый жесткий. Конечно, я постараюсь быть посредником между вами. Уверен, что мой посол, прибыв в Тегеран, принесет вам несколько хороших вестей» [60]. Эти слова Сталина вселили надежду в Кавама, и, действительно, вскоре его упования отчасти реализовались. Так, редактор газеты «Иране Ма» Джахангир Тафаззули по поводу приема у Сталина писал: «До выезда из Москвы в Иран глава нашей делегации Кавам сообщил нам, что генералиссимус Сталин приглашает нас на прием к себе в Кремль. Мы начали вести подготовку к этой встрече. В 5 часов вечера 5 марта из иранского посольства в Москве отправились в Кремль к Сталину. На территории Кремля на каждом шагу нас дружелюбно встречали и приветствовали русские офицеры. Все собрались в зале, где должен происходить прием. Через некоторое время в зал вошли Сталин, Молотов, Микоян и другие. Генералиссимус Сталин приветствовал нашу делегацию и своих соратников. Иранская делегация увидела в нем совершенно спокойного и благородного человека. Самым характерным в его поведении было то, что Сталин обращался со своими маршалами, как отец, и, одновременно, как товарищ». Газета «Иране Ма» детально описала весь прием, отмечая, что Сталин и Кавам несколько раз разговаривали тет-а-тет, а также передала разговоры членов иранской делегации с начальником Генштаба Советской Армии Алексеем Антоновым, с маршалом Семеном Буденным и другими [61]. На приеме, данном И.Сталиным в честь Кавама 5 марта, А.Вышинский имел беседу с членами иранской делегации Дорри и Шафагом. Об этом он письменно сообщил В.Молотову, отметив, что Шафаг сожалеет о безрезультатности московских переговоров, но выступает против предоставления автономии Иранскому Азербайджану. Он считает, что это нарушит территориальную целостность страны и нанесет ей экономический ущерб. Вышинский писал, что он возразил Шафагу, и в качестве примера привел Советский Союз, в котором национальные республики пользуются широкими правами, а СССР от этого не становится слабее, а только крепнет [62].

2 марта советские войска все еще оставались в Иране, и это усугубляло международную напряженность. Советско-американское противостояние становилось все явственнее. Не дождавшись результатов от Кавама,

госсекретарь Дж.Бирнс 5 марта направил Советскому Союзу ноту, краткое содержание которой было таково: «Несмотря на протесты иранского правительства, на пункт 5-й Англо-советско-иранского договора от 29 января 1942 года, заявления советского правительства от 29 ноября (о выводе войск не позднее 6 месяцев после капитуляции Японии), Советский Союз и после 2 марта продолжает держать войска в Иране. Американское правительство дало согласие на обсуждение этого вопроса в Совете Безопасности ООН, о чем ставит в известность советскую сторону. Соединенные Штаты верят, что советское правительство выполнит взятые на себя обязательства». 6 марта Дж.Кеннан вручил ноту с требованием вывода советских войск наркому В.Молотову [63]. В тот же день Кеннан ознакомил Кавама с нотой государственного департамента, но не увидел должной реакции. Во время этой встречи в американском посольстве Кавам ознакомил Кеннана с последним вариантом советско-иранского официального заявления, представленного советской стороной, но еще не одобренного иранской делегацией. В этом заявлении были общие фразы о дружбе и братстве, а также сообщалось о назначении советского посла в Тегеран [64].

После недолгих раздумий Кавам подписал советско-иранское официальное заявление о результатах двухнедельных бесплодных переговоров, и 7 марта иранская делегация отправилась в Баку. В аэропорту Кавам выступил с кратким заявлением: «Покидаю Москву с надеждой на то, что все недоразумения будут разрешены в скором времени, дружба наша будет крепнуть и между нами воцарится желаемое дружеское взаимопонимание».

В Баку иранскую делегацию встречали наркоминдел Азербайджанской ССР М.Алиев. В тот же день вечером гости слушали оперу «Лейли и Меджнун». В антрактах за чашкой чая гости интересовались достижениями Советского Азербайджана в области культуры, искусства, промышленности, спрашивали о количестве высших учебных заведений, средних школ, об Академии наук. Основное внимание их, и в особенности Кавама, было сосредоточено на деятельности и развитии нефтяной промышленности, в частности вопросах производительности труда, экономической обеспеченности рабочих и их культурно-бытовых условий.

9 марта из-за неблагоприятных погодных условий делегация не смогла вылететь в Тегеран. В этот день вся делегация, а также М.Алиев были приглашены к генеральному консулу Ирана Меджиди на чашку чая. Генконсул информировал Кавама о ликвидации в Баку Управления уполномоченного Наркоминдела СССР, объяснив, что в дальнейшем консульство будет непосредственно связано с народным комиссаром иностранных дел Азербайджанской ССР. Кавам выразил свое одобрение.

Во время беседы член иранской миссии доктор Шафаг заявил, что Ирану требуется мощная поддержка, опора в лице большого и сильного государства. По его мнению, самой надежной в этом отношении опорой может быть СССР. Советский Союз вообще и Советский Азербайджан, в частности, должны установить культурные и прочие связи не только с Иранским Азербайджаном, но и со всем Ираном и его народом.

Вечером Кавам и сопровождавшие его лица посетили Азербайджанскую государственную филармонию, где состоялся концерт азербайджанской музыки. Наркоминдел М.Алиев докладывал, что за весь период пребывания делегации в Баку как со стороны отдельных ее членов, так и со стороны самого Кавама не было никаких высказываний по поводу московских переговоров [65]. Утром 10 марта иранская миссия отбыла в Тегеран.

ИРАНСКИЙ АЗЕРБАЙДЖАН – «ЯБЛОКО РАЗДОРА» ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (МАРТ 1946 ГОДА)

И вот наступил март 1946 г., ознаменовавшийся осложнением ситуации в Южном Азербайджане и во всем мире. Взаимное сотрудничество сменилось взаимными обвинениями, историческое партнерство превратилось в историческое соперничество и противостояние двух общественных устройств, двух идеологий стало реальностью. Началась более чем полувековая эра холодной войны, 45 лет державшая мир в состоянии страха. Роберт Россоу, занимавший в те дни пост консула США в Тебризе, десять лет спустя в журнале «Мидл Ист» («Средний Восток») опубликовал статью «Битва за Азербайджан – 1946», которая начиналась словами: «Можно с уверенностью сказать, что холодная война началась 4 марта 1946 года. В этот день 15 советских бронетанковых бригад вошли в азербайджанскую провинцию на северо-западе Ирана и от ирано-турецкой границы стали продвигаться к центру. Еще одна армия, в таком же количестве и качестве, из Болгарии направилась к европейским границам Турции. Движение тяжелой бронетехники сопровождалось дипломатическим давлением на Анкару и Тегеран, а также беспорядками в Греции, Азербайджане, Иранском Курдистане.

Можно выделить две фазы советского наступления. Первая фаза предполагала захват Турции, выход на берега Средиземного моря, к Суэцкому каналу, нефтяным запасам Персидского залива и сближение с Индией. В случае срыва этого плана Советы приступали ко второй фазе, избрав мишенью Иран. В любом случае в течение девятимесячной кампании планировалось полностью оккупировать Южный Азербайджан. Битва за Азербайджан сопровождалась захватом высоты Ванкер, Балл Рана, берега Марны, осуществившимися без единого выстрела. Эти события до сих пор остаются наименее понятными и исследованными в истории холодной войны. Несмотря на то, что основные исторические факты и события

известны, стратегические и тактические тонкости вопроса все еще не разработаны» [1].

2 марта 1946 года ознаменовалось важным событием в истории международных отношений. Иногда его называют знаменательным днем. Именно 2 марта сотрудничеству трех великих держав был положен конец. В этот день Советский Союз, следуя международным обязательствам, должен был вывести войска из Ирана. Однако ТАСС сообщил, что СССР выведет войска только из Мешхеда, Шахруда и Семнана, а в других районах войска останутся вплоть до полного выяснения ситуации.

Как отмечал Р.Россоу, 2 марта приближалось, а в стане советских войск не было никакого движения, и люди, и лошади в ту ночь спокойно спали. Однако 3 марта советские войска неожиданно стали покидать Тебриз. В первые часы находящийся в Тебризе дипкорпус был в растерянности и не понимал, что происходит. Было лишь ясно, что войска в полной военной выкладке движутся, но не в сторону советской границы. Следящий за развитием событий Россоу направил госсекретарю США тревожную и совершенно секретную телеграмму: «Советская тяжелая техника в количестве 450 грузовиков 3 марта отбыла из Тебриза в направлении Тегерана. Двигавшиеся в этом же направлении 20 танков и 100 грузовиков достигли Бостанабада. Две артиллерийские батареи с полным боекомплектом вышли сегодня из Тебриза в Маранд. Неизвестно, свернут ли они на Хой, Резайе, Маку или Джульфу. Из Махабада передают, что на днях курды начнут военные действия на турецком направлении. Два дня назад разведка донесла о наличии советских кавалерийских частей на границе с Ираком и о 9 танках, двигавшихся к перекрестку дорог у Мараги». В то же время Россоу докладывал Бирнсу о том, что начиная с 3 марта от советских границ к Тебризу движутся войска [2].

О прибытии в Тебриз новых советских войск тегеранские власти узнали поздно. Они планировали занять иранскими войсками казармы, которые должна была покинуть 2 марта Советская армия, создавали шпионские центры для наблюдения за крупными азербайджанскими городами. На почте Зенджана было перехвачено письмо «полковника № 639», адресованное в Тегеран. В конверте был чистый лист бумаги. Специальная обработка выявила тайнопись следующего содержания: «Благополучно прибыл в Зенджан, никто меня не узнал. Я очень умело маскировался. Положение в Зенджане невыносимое, населению угрожает голодная смерть. Разбойники-демократы мучают население, издеваются над ним. Они подвергли обыску дома некоторых ханов и все, что там было ценное, разграбили. От купцов и лиц других профессий требуют больших налогов. Позавчера из Миане в Зенджан прибыл большой отряд вооруженных демократов. Однако все они не стоят одного тегеранского

солдата. Внутреннее положение Демократической партии очень непрочно. Достаточно иметь небольшой отряд вооруженных людей, чтобы уничтожить всю эту партию. Ждем ваших указаний. Полковник 639» [3]. Автор письма установлен не был.

3 марта из Тегерана транспортный отдел министерства почт и телеграфа Ирана направил телеграфом на зенджанскую почту запрос с просьбой сообщить о возможности посадки самолетов в Зенджане. В тот же день военное министерство из Тегерана пыталось по телеграфу связаться с военным министерством Азербайджана или же непосредственно с телеграфистом, работавшим у Пишевари, но получило отказ. Тогда запросили у телеграфиста почты, уходят ли русские войска из Тебриза, были ли в городе демонстрации. Телеграфист ответил, что без разрешения демократического правительства он им ничего ответить не может. Сообщение о том, что советские войска остаются на севере Ирана, успокоило население Южного Азербайджана.

Пока премьер-министр Ирана находился в Москве, в Южный Азербайджан поступила дополнительная советская техника, и это побудило демократов сделать еще более радикальные шаги. 4 марта в Тебриз по железной дороге доставили еще 46 танков «Т-34». Дипломатические, военные, разведывательные органы США и Великобритании активно собирали сведения о новой технике, фотографировали танки и самолеты еще на платформах и посылали информацию в Вашингтон, Лондон и Тегеран. Начиная с 26 февраля денежные ассигнования в адрес американского консульства увеличились в пять раз. Например, в марте Россоу получил 240 тысяч риалов, тогда как обычно получал 50 тысяч. Комиссар госбезопасности С.Емельянов считал, что резкое увеличение ассигнований связано с увеличением объема разведывательной работы. Разведданные, добытые советскими спецслужбами, в свою очередь, доставлялись Сталину и Молотову [4].

В первые дни марта в Тебризе распространился слух, что иранское правительство намеревается напасть на Азербайджан со стороны Тикантепе и Зенджана, для чего собраны большие силы в Солтанабаде, Хамадане и Биджаре. И даже указывалась численность войск в Саггызе - 30 тысяч человек.

4 марта в Махаббаде «Курдская республика» по указанию Советского Союза объявила об автономии курдов, живущих в южной части Турции. Грузинская Советская Республика официально заявила о своих претензиях на северо-восточные территории Турции, включая Трабзонский залив и черноморское побережье. При наличии мощных советских армейских группировок на двух флангах Турции дипломатическое давление на Анкару приобрело жесткий характер. В первые дни марта требования о предоставлении привилегий в проливах Босфор и Дарданеллы, передаче

Карса и Ардагана Советскому Союзу звучали уже в форме угроз и шантажа.

4 марта президент США Г.Трумэн принял госсекретаря Дж.Бирнса с целью обсудить политику СССР в отношении Ирана и Турции, а также в азербайджанском вопросе. Он уполномочил Бирнса написать Сталину письмо, чтобы прояснить ситуацию. Бирнс послал ноту, которая через день была вручена в Москве. Советская сторона официально не ответила на эту ноту, но назвала Трумэна главным организатором начавшегося давления на Советский Союз. В связи с этим Трумэн заметил, что, оказывается, когда русские не хотят видеть друзей сильными, они возобновляют старые, потерявшие значение игры [5].

5 марта экс-премьер Великобритании Черчилль произнес в Вестминстерском колледже города Фултон (штат Миссури) речь, которая прояснила многие вопросы. Черчилль предложил всеми силами беречь монополию Запада на ядерное оружие. Он говорил: «Известие о создании атомного оружия, сосредоточение в руках Америки технологии и сырья не тревожат сон ни одного человека нигде в мире. Я так думаю, что если бы ситуация изменилась и это страшное известие пришло бы из какой-либо коммунистической или новой фашистской страны, мы бы не могли спать спокойно». Он предлагал противопоставить коммунистической экспансии союз англосаксов, т.е. в первую очередь США и Великобритании. Он заявил: «На земли, еще недавно светившиеся радостью победы союзников, набежала тень. Никто не знает, что собираются делать Советская Россия и ее международная коммунистическая организация в ближайшем будущем и до каких границ могут дойти их захватнические устремления, если вообще имеются такие границы». Анализируя сложившуюся в мире ситуацию, Черчилль пришел к такому выводу: «Начиная от Штеттина на Балтийском море и до Триеста на Адриатическом море над Европой опущен железный занавес. Все сокровища древних государств Центральной и Восточной Европы хранятся по ту сторону этого занавеса. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София – все эти знаменитые города и проживающее в них население попали в сферу влияния Советов, и в той или иной степени подчиняются Советам и находятся под усиливающимся контролем Москвы. Турция и Иран под давлением московского правительства и тяжестью претензий к ним, пришли в страшное волнение». В заключение фултонской речи Черчилль так резюмировал свою мысль: «Я не верю, что Советская Россия хочет войны. Она хочет сорвать плоды победы и, безраздельно пользуясь своей силой, широко распространять свои теории... Больше всего на свете русские любят силу и меньше всего уважают военную слабость. Поэтому наша старая теория о равновесии сил уже неудовлетворительна. Мы не можем уповать на бессмысленное преимущество в силе, так как может

появиться причина испытать его в деле» [6]. Консул Россоу в статье «Битва за Азербайджан – 1946» справедливо отмечал, что на момент фултонской речи Черчилля Чехословакия еще не сдалась, Берлин еще не был в блокаде, оставалось еще много времени до изменения Китая и суда над шпионами. И даже термин «железный занавес» был употреблен Черчиллем внутри азербайджанского вопроса».

Газета «Правда» отреагировала на фултонскую речь Черчилля редакционной статьей «Черчилль бряцает оружием», и спокойно относящийся к подобным выступлениям И.Сталин ответил на вопросы корреспондента «Правды». Сталин отметил, что эта речь – опасный шаг, и цель его посеять зерна раздора между союзниками и осложнить их сотрудничество. Рассматривая мировое коммунистическое движение как закономерный процесс, Сталин напомнил, что политика Черчилля, организовавшего после Первой мировой войны «поход 14 государств» на Советскую Россию, потерпела полный провал. «Я не знаю, удастся или нет господину Черчиллю и его друзьям организовать после Второй мировой войны новый военный поход на Восточную Европу. Однако, если им это удастся, а это вряд ли, так как миллионы простых людей стоят на страже дела мира, – тогда с точностью можно сказать, что как и 26 лет назад они будут вновь разбиты» [7]. Руководствуясь этой концепцией, Советский Союз не обратил должного внимания на врученную Дж.Кеннаном лично В.Молотову ноту, хотя госсекретарь Дж.Бирнс сообщал, что США не могут относиться безучастно к азербайджанскому кризису [8].

В начале марта 1946 года наблюдалось осложнение международной ситуации не только в политической и дипломатической, но и военной сфере. 6 марта командующий Прибалтийским военным округом Иван Баграмян с группой высокопоставленных советских командиров прибыл в Тебриз. Одновременно командующий Советской южной группой маршал Федор Толбухин был направлен в Болгарию для руководства военными частями, сконцентрированными на европейских границах Турции. Консул Россоу в секретном донесении Бирнсу от 6 марта писал: «Советские военные соединения днем и ночью продолжают прибывать. Генерал армии Баграмян прибыл в Тебриз и принял командование над советскими войсками в Азербайджане. Говорят, что Баграмян является специалистом танковой войны. У предыдущего командующего, генерала Глинского, не было большого опыта. Дорога Тегеран - Тебриз проложена для невоенных видов транспорта. Советские войска двигаются в направлении Тегерана. Относительно крупные части азербайджанской армии двигаются в том же направлении. Посылаются войсковые части из Тебриза и России в направлении Махабад - Курдистан. Наблюдаются захватнические действия курдской армии, действующей в направлении Махабад - Резайе и на турецкой границе. Все указывает на то, что советские соединения

готовятся к крупным военным действиям». На следующий день в совершенно секретном донесении в Вашингтон Росоу заявлял, что не может равнодушно смотреть на действия советских войск. «20 средних танков, 20 бронемашин и 40 грузовиков вышли на Тегеран, 12 танков – на Махабад. Сегодня утром по железной дороге прибыли 12 средних танков. Сейчас Тебриз превращен в военный лагерь. Улицы забиты краснозвездными солдатами, советской техникой, кавалерией, пехотой и офицерами, в необходимых местах Советы установили посты. Меня отказываются ставить в известность об этом». Взволнованный консул предупредил госдепартамент, что необходимо принять срочные меры [9].

Позднее Росоу писал, что за этот период из Советского Союза прибыли по крайней мере 500 танков, необходимое оборудование и запчасти, а также 15 бригад. Эти силы были разделены на три штурмовые и одну запасную части [10].

Как только эти сведения достигли Вашингтона, госсекретарь Бирнс отбросил все сомнения и твердо определился в своем отношении к СССР. 7 марта он собрал расширенное совещание с участием своего заместителя Дина Ачесона и других высокопоставленных официальных лиц государственного департамента. На заседании в центре всеобщего внимания была карта Азербайджана, испещренная линиями, которые создавали иллюзию продвижения советских войск к Турции, Ираку, Тегерану и нефтяным запасам Южного Ирана. Объясняя это тревожное положение, Бирнс с трагическим пафосом восклицал: «Теперь мы вынуждены будем отдать им обе нефтяные бочки» [11].

На следующий день под руководством Ачесона обсуждение иранского вопроса в госдепартаменте было продолжено. В ходе прений эксперт-советолог Чарльз Бохлен заявил: «Если учесть, что у Америки нет возможности воздействовать на советские войска в Иране, что у США нет никаких военных сил в этом регионе, нам не остается ничего другого, как только напугать соперника». [12]. Это предложение Ч.Бохлена было принято аналитиками Белого дома. 8 марта Дж.Бирнс направил В.Молотову ноту, которая по сравнению с нотой двухдневной давности была несравнимо жестче. В ней говорилось: «Вашингтонское правительство проинформировано о действиях Советов в Иране и о продвижении советской техники и военного снаряжения из Тебриза в направлении Тегерана и Турции... США хотели бы знать, почему Советы, вместо того чтобы выйти из Ирана, вводят туда дополнительные войска?» Правительство США требовало от советского руководства объяснить причины происходящих в Южном Азербайджане событий [13].

Пока Кавам находился в СССР, госсекретарь Бирнс через посла Мюррея сообщил тегеранскому правительству, что во время встречи с Кеннаном премьер-министр интересовался статусом Совета Безопасности

ООН. Госсекретарь сообщил, что Совет Безопасности временно приостановил свою деятельность в Лондоне, но неофициально согласовано, что очередное заседание состоится 21 марта в Нью-Йорке. Однако Бирнс напомнил, что в случае необходимости Совет Безопасности может собраться в любое время. В то же время 8 марта Бирнс через временного поверенного в делах Британии в Вашингтоне Гольмана направил своему коллеге Бевину запрос: «Если мы не получим удовлетворительного ответа на ноту от 6 марта и советское правительство в противовес желанию иранского правительства будет продолжать держать свои войска в Иране, поднимет ли наше правительство незамедлительно этот вопрос в Совете Безопасности? Присоединится ли Соединенное Королевство как третий участник Декларации об уважении территориальной целостности Ирана к США в постановке этого вопроса перед Советом Безопасности?» [14].

Несмотря на жесткую позицию Бирнса и неудачу московских переговоров, Кавам предпочитал в переговорах с СССР быть предельно осторожным. Он сомневался в целесообразности вынесения вопроса на Совет Безопасности до приезда нового советского посла в Тегеран. Эти сомнения подтвердил и советник иранского посольства в Вашингтоне А.Дефтери в беседе с заместителем директора управления Ближнего Востока и Африки госдепа Джорджем Алленом. Доктор Дефтери сообщил, что, по инструкции премьер-министра Кавама, иранское посольство должно внимательно изучить вопрос до вынесения его на Совет Безопасности и учесть, что после прибытия нового посла в Тегеран переговоры будут продолжены. Дж.Аллен допускал, что тегеранские переговоры могут создать новые возможности для иранского правительства.

Острота событий первой декады марта в Южном Азербайджане привела государственный департамент США в состояние сильного замешательства. Тревожные телеграммы, получаемые из американского консульства в Тебризе, еще больше запутывали ситуацию. Президент Трумэн уже дал секретный приказ командующим сухопутными, морскими и воздушными силами привести войска в полную боевую готовность [15]. Этот приказ впервые проявился в заявлении командующего военноморскими силами США о том, что авианосец «Миссури» получил приказ доставить в Стамбул тело скончавшегося в Вашингтоне посла Турции.

Военная подготовка СССР в Азербайджане, политико-дипломатические заявления США по этому поводу, секретные решения военного характера создали самую острую конфликтную ситуацию со времен Второй мировой войны. М.Дж.Багиров сообщил Сталину и Молотову, что в последние дни у английского консула в Тебризе Уолла происходят почти ежедневные совещания с американским и турецким

консулами. Сотрудники дипкорпуса старались лично убедиться в достоверности развединформации. М.Дж.Багиров писал: «Английский консул Уоол мобилизовал всю свою агентуру для сбора сведений о численности и родах советских войск, уходящих из гор. Тебриза, а, главным образом, прибывающих в Тебриз. Не ограничиваясь этим, сам консул и его работники посещают места разгрузки наших воинских эшелонов. 10 марта, когда на станции Тебриз стоял прибывший из Советского Союза эшелон с танками, Уолл и вице-консул Ланг, подъехав к станции, пытались сфотографировать эшелон, но, заметив наших работников, отъехали от станции и продолжали из автомашин фотографировать с расстояния. 11 марта Уоол и Ланг снова появились на станции Тебриз, где стоял эшелон с нашими самолетами». Срочно была дана команда советскому военному руководству в Тебризе и начальнику управления железной дороги подавать к станции и разгружать эшелоны с советской военной техникой только в ночное время.

Дабы следить за поставками советских военных грузов в Южный Азербайджан, Америка участила разведполеты над зоной расположения советских войск. С высоты 300-500 метров американские самолеты собирали информацию. Советские военпреды в Иране немедленно доложили об этом Генштабу в Москве и предложили, чтобы посольство СССР заявило решительный протест в связи с полетами американских самолетов над диспозицией советских войск [16].

В середине марта консул Россоу также посетил станции железной дороги. В 6 км от Тебриза при попытке приблизиться к советскому артиллерийскому складу консул, находившийся в машине с американским флагом, был схвачен и доставлен в военную комендатуру. В письме госсекретарю консул жаловался на грубость и угрозы [17].

Возвращение 10 марта Кавама из Москвы фактически с пустыми руками, поступление в Южный Азербайджан тяжелой военной техники, оружия и снаряжений, проведение экстренных заседаний в государственном департаменте США, направление двух американских нот в Москву и, наконец, усиление азербайджанского Национального правительства способствовали сильнейшему беспокойству в Тегеране. Выступления С.Дж.Пишевари, направленные против центрального правительства, вызывали раздражение и страх. В столице Ирана царила паника [18]. Старания Кавама рассеять беспокойство не приносили результата. 13 марта сторонники Сеида Зияеддина устроили в Тегеране большую демонстрацию. В первом ряду демонстрантов шел Халили – главный редактор газеты «Эгдам», отличавшийся жесткими антисоветскими публикациями. Они несли лозунги с требованием вывода советских войск из Ирана и выступали с речами против СССР. 24-летний

профсоюзный активист Шабастафи попытался помешать выступлению Халили, но был застрелен из пистолета.

В первой половине дня 10 марта Мухаммед Реза шах принял посла США Мюррея и заявил ему о возможности пророссийского восстания в Тегеране. В тот же день Кавам, вернувшийся из Баку, прямо с аэродрома отправился к шаху, чтобы доложить о результатах московского вояжа, а в 5 часов вечера принял посла Мюррея в своем доме. Причем он попросил посла держать в секрете даже от шаха эту 2,5-часовую беседу. Мюррей показал Каваму копии американских нот Советскому Союзу и заявил, что если советские войска против желания Ирана не будут выведены и Иран поднимет этот вопрос в Совете Безопасности ООН, правительство Соединенных Штатов поддержит Иран. Кавам спросил: «Если Советский Союз, невзирая на наши протесты, будет продолжать держать войска в Иране, что могут сделать США и Британия?» Мюррей уклонился от прямого и ответа. Затем Кавам дал подробный отчет о ходе московских переговоров. Мюррей писал: «Когда я напомнил Каваму о слухах про его московский вояж, он воздел руки к небу и поклялся, что все сказанное им правда. Премьер сказал, что он боялся спровоцировать русских, но намекнул, что на переговорах были затронуты некоторые серьезные вопросы». Когда в конце беседы Мюррей спросил у Кавама о его намерениях, тот ответил, что собирается направить послу в Вашингтоне Гусейну Ала отчет о переговорах в Москве, и попросил Мюррея переслать этот отчет дипломатической почтой. По поводу Совета Безопасности Кавам ничего конкретного не сказал [19].

11 марта Кавам явился в Меджлис. В этот день завершались полномочия Меджлиса 14-го созыва. Некоторые депутаты пытались продлить срок своих полномочий, но Кавам этого не допустил. Премьер выступил с краткой речью, сообщил об окончании депутатских полномочий и распустил Меджлис. Таким образом он получил возможность осуществлять любые мероприятия без вмешательства парламента.

Еженедельный журнал «Ханданиха» в своем 30-м номере в связи с роспуском парламента опубликовал интересный коллаж: на обложке были изображены центральные ворота, запертые на замок, с надписью «закрыто». Перед воротами кричит и размахивает руками женщина, олицетворяющая Иран. По одну сторону от ворот изображен плачущий экс-председатель Меджлиса Табатабаи, по другую – плачущий в три ручья Сеид Зияеддин [20]. Через несколько дней после роспуска Меджлиса Кавам приказал арестовать Сеида Зияеддина, а также удалил от дел одного из ведущих деятелей правительства Хакимумльюлька и начальника генерального штаба генерала Гасана Арфу. На одной из пресс-конференций премьер заявил, что арест Зияеддина продиктован его

собственными соображениями, а не является результатом давления из-за рубежа. Он объяснил этот акт дестабилизирующими действиями Сеида Зияеддина, представляющими угрозу внутренней безопасности Ирана.

Через два дня после роспуска Меджлиса Кавам вновь принял Мюррея и обещал, что через пару-тройку дней даст распоряжение Г.Ала вынести жалобу Ирана на обсуждение Совета Безопасности. Он сообщил, что вначале поднимет вопрос в Совете Безопасности, а уже потом сообщит об этом в советское посольство, объяснив свои действия тем, что Советский Союз нарушает свои обязательства. Кавам спросил у Мюррея: «Что бы вы сделали на моем месте, если бы советские войска под предлогом защиты русских граждан захватили Тегеран?» Посол сообщил госсекретарю, что эти же слова говорил ему шах после встречи с советским послом.

14 марта временный поверенный в делах СССР в Тегеране А.Якубов встретился с Кавамом. Во время беседы он дал понять, что у советского правительства есть информация о том, что Иран собирается обратиться в Совет Безопасности с жалобой на СССР. Он предупредил, что это обращение дорого обойдется Ирану и посоветовал от имени советского правительства не делать рискованных шагов. Когда Кавам объяснил необходимость подобных действий юридическими обязательствами, советский представитель указал на необходимость подождать, пока Совет Безопасности сам не потребует отчета по этому вопросу.

После состоявшейся беседы премьер тайно послал своего эмиссара в посольства США и Британии. Он хотел знать, какие шаги ему рекомендуют предпринять и что предпримут правительства США и Великобритании в случае, если советская опасность станет реальностью. От Бирнса и Бевина пришли указания в тегеранское посольство о том, что Каваму следует внушить, будто у него нет других путей, кроме как обратиться в Совет Безопасности [21].

В тот же день, 14 марта, М.Дж.Багиров встретился в Джульфе с лидерами Национального правительства – С.Дж.Пишевари, М.А.Шабустари и С.Джавидом. Здесь Багиров впервые сообщил лидерам демократов, что в связи с создавшейся международной обстановкой советские войска могут покинуть Северный Иран. На встрече были обсуждены вопросы усиления обороноспособности Азербайджана и ускорения формирования частей народной армии. Багирову было примерно известно, с какими предложениями новый посол И.Садчиков направляется в Тегеран. Поэтому встреча 14 марта преследовала цель подготовить руководителей Национального правительства к предстоящим тяжелым испытаниям. Багиров старался, чтобы в случае вывода советских войск национальная армия была готова к боям. Он послал Сталину обширный отчет о состоянии азербайджанской Национальной армии на 15 марта. Очевидно, эти сведения нужны были советскому руководству,

чтобы обдумать, на какие уступки Тегерану можно пойти. М.Дж.Багиров писал, что артиллерия укомплектована рядовыми полностью, офицерами на 25%, сержантами на 19,3%. Части обеспечены 16 тяжелыми, 46 легкими пушками и тремя боекомплектами. Артиллерия обеспечена тягловой силой на 20%, до 20 марта получит еще 50 автомашин. Судя по справке маршала артиллерии Яковлева, необходимое оборудование и запчасти, взрыввещества, приборы наблюдения и прицельные приспособления находятся уже в пути и первого апреля будут доставлены в Тебриз. Пехотная бригада укомплектована рядовыми на 97,7%, офицерами на 23%, сержантами на 10,7%. Бригаде переданы 6 иранских танков, 4 миномета, 54 тяжелых пулемета, 190 легких пулеметов, 1457 автоматов, 1203 винтовки, 1603 карабина, 880 пистолетов и 2.180.600 патронов разного калибра. Штат бригады установлен в 7700 человек. Вместе с силами, не входящими в бригаду, численность азербайджанской Народной армии к 1 апреля будет составлять 9827 человек. До 20 апреля из этого числа будут отобраны 200 человек для обучения в Кировабадской пехотной школе, в том числе 25 человек – в Кировабадской школе военной авиации, 45 человек – на артиллерийских курсах Бакинского военного округа. Багиров просил Сталина включить этих южноазербайджанцев в штатное расписание Советской Армии. Для передачи азербайджанской Народной армии в Бакинский военный округ были присланы 24 танка марки «Винкерс П», 132 миномета, 200 одноконных артиллерийских упряжей, 3 комплекта артснарядов [22].

В разгар военной подготовки в Южном Азербайджане и подвоза в Тебриз тяжелой боевой техники 15 марта ТАСС выступил с заявлением, опровергавшим все эти факты. В заявлении отмечалось: «Американская пресса опубликовала заявление Государственного департамента США о том, что советские войсковые соединения двигаются на Тегеран и вдоль западных границ Ирана. ТАСС уполномочен заявить, что все это не соответствует действительности». В связи с тем, что публикаций по иранской политике Советского Союза в зарубежной, особенно американской и английской, прессе становилось все больше, газета «Известия» начиная с 14 марта опубликовала три больших статьи Н.Алексеева под общим заголовком «Иранский вопрос». Первая статья называлась «Захватнические планы иранских реакционеров». В ней шла речь о требованиях, выдвинутых иранской делегацией на Парижской мирной конференции 1919 года в отношении южных территорий бывшей Российской империи. Известно, что Иран желал включить в свой состав территорию Кавказа южнее Дербента, земли Туркестана южнее Амударьи и превратить Каспий в иранское море. «Известия» писали, что Хакими, возглавлявший иранское правительство с января 1945-го до февраля 1946 года и осложнявший ирано-советские отношения, в 1919 году входил в

правительство Самсама ос-Салтане и был одним из вдохновителей захвата Советского Кавказа, Баку и Советского Закавказья. Все это требует от Советского Союза бдительности и необходимости внимательно следить за действиями иранских правящих кругов и их внешнеполитическими планами [23].

Вторая статья Алексеева называлась «Иностранные концессии в Иране». По мнению автора, Россия отказалась 26 февраля 1921 года от царских привилегий на месторождения нефти, железную дорогу и др. лишь с тем условием, что иранское правительство не передаст «эти привилегии в собственность, распоряжение и пользование какой-либо третьей стране или ее гражданам». В статье указывалось, что за последние 25 лет Иран неоднократно пытался нарушить это обязательство. В качестве примера приводились случаи с американской «Стандарт ойл» на севере Ирана в ноябре 1921 года, с американской корпорацией «Синклер» в 1923 году, предоставление 500.000 кв.км корпорации «Делавер» на востоке и северо-востоке Ирана в 1937 году, а в 1939 году – голландской «Алгемеен Эксплоратсие Мачапай». В статье наибольшее внимание уделялось анализу деятельности Англо-иранской нефтяной компании, добывшей в 1945 году 17 млн. тонн нефти и сохранившей нефтяную монополию при содействии иранских правящих кругов. Н.Алексеев писал: «Иранские государственные деятели заявляют, что концессия Англо-иранской нефтяной компании была предоставлена давно, еще в «доконституционный период» и что в настоящее время Иран отказывается в концессиях иностранным фирмам. Но это утверждение не выдерживает ни малейшей критики. Во-первых, новый концессионный договор с Англо-иранской нефтяной компанией был подписан в 1933 году на основе и доньне существующей иранской Конституции. Во-вторых, правительство и Меджлис Ирана охотно предоставляли нефтяные и рудные концессии иностранным компаниям и в самый последний период, вплоть до 1944 года. На протяжении 1944 года иранское правительство вело переговоры с представителями американских и английских фирм о предоставлении им новых нефтяных и рудных концессий в Иране, причем в принципе иранское правительство соглашалось на предоставление им этих концессий.

Таким образом, иранские правящие круги не пожелали считаться с интересами Советского Союза в данном вопросе и поставили Советский Союз в положение дискриминируемой стороны» [24].

Третья статья называлась «Вторая мировая война и политика иранских реакционеров» и была написана в еще более непримиримом тоне. Здесь приводились многочисленные факты сотрудничества иранских правительственных кругов с Германией в годы Второй мировой войны. Здесь переплетались быль и небыль о деятельности германских фирм,

фашистских политических кругов, службы безопасности третьего рейха в Иране. По поводу азербайджанского вопроса газета «Известия» писала: «Особого подъема демократическое движение достигло в Иранском Азербайджане, население которого в течение длительного периода подвергалось не только политическому, но и национальному угнетению, жестоким репрессиям и гонениям. Поэтому в Азербайджане движение за реформы вылилось в борьбу за национальную автономию в рамках иранского государства и уже привело к осуществлению ряда национально-демократических преобразований в соответствии с коренными интересами местного азербайджанского населения.

Совершенно очевидно, что продолжение политики реакционных кругов в Иране может привести лишь к дальнейшему обострению положения в стране» [25].

Тем временем Верховный Совет СССР 16 марта опубликовал основные направления пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства на 1946 - 1950 годы. Статьи расходов на тяжелую и военную промышленность, на развитие вооруженных сил, предусмотренные на ближайшие пять лет и принятые в качестве государственного закона, указывали на начало нового этапа мировой гонки вооружений. Председатель Государственной плановой комиссии СССР Н.А.Вознесенский, докладывая о четвертой пятилетке, сказал: «Без быстрого восстановления тяжелой индустрии нельзя закрепить технико-экономическую независимость страны. Опоздать в этом деле – значит потерять те материальные предпосылки, которые обеспечили нам в период Отечественной войны военную, экономическую и политическую победу... Нашей задачей является дальнейшее повышение обороноспособности СССР и оснащение вооруженных сил Советского Союза новейшей военной техникой... Не нужно забывать, что монополистический капитализм способен рождать новых агрессоров... Необходимо укреплять вооруженные силы Советского Союза, неустанно заботиться об оснащении их современной новейшей техникой и о дальнейшем укреплении военно-экономической мощи советского государства».

Эти слова, сказанные в верховном законодательном органе СССР, привели к новому витку напряженности и противостояния. В принятом 18 марта Верховным Советом СССР законе о четвертом пятилетнем плане говорилось: «Обеспечить дальнейшее повышение обороноспособности СССР и оснащение вооруженных сил новейшей боевой техникой» [26].

В тот же день, 18 марта, новый посол Советского Союза в Иране Садчиков прибыл из Баку в Тегеран. Подготовленные новые предложения, содержавшие уступки в вопросах вывода советских войск, нефтяных концессий, а также связанных с Азербайджаном, были обсуждены в Баку с Багировым. Политические круги США и Великобритании старались,

чтобы до начала переговоров между Садчиковым и Кавамом иранский вопрос был вынесен на Совет Безопасности. Несмотря на нерешительность Кавама, Дж.Бирнс и Э.Бевин добились этого. 18 марта генеральный секретарь ООН Трюгве Ли принял посла Гусейна Ала, который в соответствии с полученными инструкциями вручил генсеку ООН обращение Ирана и просьбу вынести на обсуждение в Совете Безопасности вопрос о возникших ирано-советских противоречиях. Ссылаясь на §1 статьи 35 Устава ООН, Иран просил внести свой вопрос в повестку дня заседания Совета Безопасности, а также распространить текст своего обращения среди членов Совета Безопасности [27].

По обращению Г.Ала Совет Безопасности назначил слушания на 25 марта. Генсек ООН распространил текст жалобы среди членов Совета. Первыми отреагировали на это обращение представители СССР, США и Великобритании. Назначенный представителем СССР при ООН советский посол в Вашингтоне Андрей Громыко написал 19 марта Трюгве Ли: «Я прошу от имени правительства СССР предпринять шаги к тому, чтобы перенести заседание Совета Безопасности с 25 марта на 10 апреля. Для советского правительства весьма неожиданна эта жалоба Ирана в то время как идут переговоры между Ираном и СССР. Учитывая неготовность Советского Союза к обсуждению этого вопроса в Совете Безопасности, советское правительство предлагает провести заседание Совета Безопасности 10 апреля». Однако представитель США Э.Стеттиниус с подачи Дж.Бирнса в своем письме Т.Ли счел нецелесообразным переносить дату заседания. Он писал: «Получил ваше письмо от 19 марта по поводу обращения Ирана. По инструкции моего правительства, обращение Ирана должно быть учтено. В соответствии с резолюцией Совета Безопасности от 30 января следует потребовать рапорт о проведенных между сторонами переговорах» [28]. В свою очередь, британское министерство иностранных дел дало указание своему washingtonскому послу в случае, если Россия не согласится на проведение заседания Совета Безопасности 25 марта, следует провести заседание без ее представителя. Англия считала, что целью Советского Союза было, затягивая обсуждение вопроса, обеспечить свои интересы в Иране. Госсекретарь Дж.Бирнс был согласен с англичанами. Президент Трумэн на пресс-конференции 21 марта подтвердил эту позицию США. Он еще раз заявил о твердом намерении США рассмотреть иранский вопрос на Совете Безопасности ООН [29]. Таким образом, под давлением США и Великобритании жалоба Ирана на Советский Союз была включена в повестку дня Совета Безопасности ООН.

20 марта премьер-министр Ирана Ахмед Кавам принял нового посла СССР в Тегеране Ивана Садчикова. Встреча проходила тайно, но директор Национального банка Ирана Эбтихадж информировал посла Мюррея о

ходе переговоров. В частности, Садчиков сообщил Каваму, что еще в Баку узнал об обращении Ирана в Совет Безопасности и очень сожалеет об этом. Посол был уверен, что его приезд в Тегеран будет воспринят именно как продолжение московских переговоров. В свою очередь, Кавам заявил, что задержка советских войск в Иране после 2 марта связывает ему руки и не дает возможности продолжать переговоры. Садчиков отметил, что во время московских переговоров Иран не сделал в сторону СССР ни одного жеста доброй воли, особенно в вопросе нефти, чем очень обидел Сталина. Кавам обосновал свои действия тем, что ничего не мог сделать в период запрета Меджлиса на все виды концессий, и заметил, что если Советский Союз заставит его преступить закон, то ему останется только подать в отставку, и вряд ли следующий премьер-министр будет к Москве более благосклонен, чем он. Этот ответ премьера заставил Садчикова задуматься. Кавам сообщил советскому послу, что видит перед собой два пути: или подать в отставку, или обратиться в Совет Безопасности. При этом он, как всегда, заверил, что остается сторонником улучшения советско-иранских отношений [30].

22 марта Кавам встретился с послом США. Вновь последовала просьба о полной секретности темы их беседы. Мюррей сообщил о просьбе А.Громько отложить заседание Совета Безопасности и об официальном заявлении президента Трумэна о невозможности переноса даты заседания. Хотя посол и старался разговорить Кавама, но премьер был все еще под впечатлением бурных переговоров с Садчиковым. Кавам спросил: «Если бы вы были на моем месте, что бы вы ответили на предложение советского посла вывести войска взамен предоставления СССР нефтяной концессии в Северном Иране?» Мюррей сказал, что он может ответить лишь как частное лицо и добавил, что следует очень осторожно относиться к письменным договорам или обмену письмами между Ираном и СССР. Посол высказал мнение, что Советский Союз не выполняет серьезные международные договоры, и только простофиля может поверить, что он будет соблюдать ограниченный двусторонний договор. Поэтому, если Ирану удастся в Совете Безопасности заставить СССР назвать точную дату вывода своих войск, это будет гораздо более сильным аргументом в руках Ирана. В то же время Мюррей советовал во имя интересов Ирана держать двери открытыми для СССР.

В своем отчете госсекретарю Мюррей так резюмировал беседу с Кавамом: «Кавам остерегается, что, если Совет Безопасности, осудив СССР, потребует вывода войск, русские озлобятся и различными способами будут нагнетать напряженность в Иране, создавая все новые поводы для беспокойства и опасения, а ООН не сможет оказать Ирану адекватную помощь. Опытный политик Кавам считает, что давно уже пора договориться с СССР о нефти в Северном Иране. Он верит, что в будущем

любой Меджлис санкционирует решение о предоставлении СССР концессии и что эта концессия неизбежна. Он очень осторожно готовит этот план, чтобы выставить его как условие вывода войск». Одновременно посол предупреждал госсекретаря, что если шах не сможет отговорить Кавама, то последнему удастся договориться с Садчиковым об условиях вывода войск не позднее 6 недель после установленного срока [31].

В то время как Кавам испытывал сильнейшее беспокойство в связи с советской угрозой Тегерану, в Вашингтоне посол Г.Ала выступил 21 марта с протестом по поводу обращения А.Громыко. Посол сообщал, что недопустимо более откладывать вывод советских войск из Ирана, т.к. это еще более усугубляет кризисную ситуацию в стране, а в дальнейшем может нанести вред национальным интересам Ирана. Заявление президента Трумэна от 21 марта еще более окрылило посла Ирана. Наконец, 22 марта А.Громыко заявил журналистам, что позиции СССР в этом вопросе незыблемы; по его словам, заседание Совета Безопасности ООН должно быть отложено именно в интересах Ирана, ибо поспешность в этом вопросе может осложнить ситуацию. В Москве, несмотря на заявление для печати советского представителя, предпочли не сообщать в газетах об обращении Ирана в Совет Безопасности ООН и всех последовавших за этим событиях. 22 марта Дж.Кеннан писал из Москвы в Вашингтон: «Хочу привлечь внимание департамента к тому, что прошло уже несколько дней с момента обращения Ирана в Совет Безопасности, но это известие ни прямо, ни косвенно не попало в советскую печать. Также не попала в печать просьба о переносе даты заседания. В эти дни ничего не написано о переговорах между двумя странами. В целом советская общественность не в курсе того, что Советский Союз своими действиями создал в Иране кризисную ситуацию» [32].

Проанализировав последние рапорты из Тегерана, госдепартамент обвинил Мюррея в подталкивании Кавама к предоставлению Советам концессии в обмен на вывод войск, а также в том, что он дал совет держать двери открытыми для СССР. От Мюррея потребовали объяснений, он оправдывался тем, что ему трудно вести переговоры, не имея четких инструкций департамента. В принципе, он смог убедить премьер-министра отступить от планов, кажущихся ему удачными, но не уверен, что в результате сложившейся затем ситуации ООН и США смогут защитить Иран. Мюррей выразил уверенность, что вывод советских войск крайне необходим и только в этом случае можно будет сохранить советско-иранские дружеские связи. По его мнению, вызвавшая много шума победа над Советским Союзом в Совете Безопасности может обернуться неадекватными последствиями: или вывод войск так и не будет осуществлен, или этот дипломатический реванш лишь унизит русских, и тогда они отыграются на Иране.

Кавам отмечает, сообщил Мюррей, что между СССР и Ираном весьма протяженная граница, и если войска покинут Иран вынужденно, Советы будут иметь достаточно возможностей для осуществления диверсий в Северном Иране. Возможно, что именно об этом предостерегал премьер-министр через Абульгасана Эбтихаджа, который сказал во время нашей беседы, что Иран не может вечно просить Совет Безопасности защитить его от могучего соседа. Кавам считает, и, может быть, это верная мысль, что Ирану следует все же уступить нефтяные концессии России. Если это правильная позиция, то она поможет решить этот столь щекотливый вопрос. Если Советы смогут заполучить концессию в Иране, то они, естественно, проникнут в страну, но это, однако, не означает тактическое или потенциальное поражение США в нефтяном вопросе, т.к. шансы Штатов получить нефтяные концессии в этом районе нереальны. И даже если США получают такую возможность, то транспортировка нефти, с экономической точки зрения, будет абсолютно невыгодна. Премьер очень хорошо представляет себе опасность укрепления России в этом районе и старается свести ее к минимуму, а потому готовит соглашение со все возможной тщательностью. План Кавама подготовлен в лучших персидских традициях, то есть предполагается предпринять обходной маневр и добиться своего хитростью. Кавам получил истинно восточное воспитание, и весьма возможно, что аргументы, приводимые американским дипломатом, не действуют на него. Но это не означает, что аргументы и факты, используемые официальным Вашингтоном, также не дадут должного эффекта. По мнению Мюррея, он не мог возражать против единственно удовлетворяющего всех в это сложное время варианта, и, решив эту проблему, ООН и США могли бы заняться другими, более важными вопросами.

После пространных объяснений Мюррей писал: «Можно прийти к выводу: чтобы защитить свои права, Иран должен дать взятку. Как это ни прискорбно, я не считаю этот путь неправильным. Не исключено, что большинство иранцев сочтут данное решение верным и приемлемым. Эбтихадж упорно твердит, что если Каваму удастся осуществить свой план, это даст надежду многим малым народам, живущим в зоне влияния русских. Если план успешно осуществится, то образуется фундамент для улучшения советско-иранских отношений. С другой стороны, мы не можем гарантировать защиту Ирана от всех опасностей. Я даже сказал бы, что это соглашение будет в известной мере победой США и ООН, так как Америка сможет с помощью резолюций ООН умерить аппетиты России. Иранцы понимают, что вывод советских войск может осуществиться только с помощью США, и поэтому благодарны нам» [33].

Обращение Ирана в Совет Безопасности, довольно прохладная обстановка на переговорах Кавама с Садчиковым, продолжающиеся

поставки боевой техники в Южный Азербайджан нагнетали в Тегеране нервную обстановку. Уже ходили слухи, что не только зажиточные горожане, но даже шах и премьер собираются покинуть столицу. Не исключалась возможность захвата Тегерана русскими. Теперь Кавам и шах каждый свой шаг сверяли с мнением Америки. Мюррей писал госсекретарю: «Весьма вероятно, что они будут советоваться с нами - уезжать или не уезжать из столицы. Сейчас иранское правительство столкнулось с серьезной потенциальной угрозой. Если шах и правительство, невзирая на советскую угрозу, останутся в столице, то департаменту стоило бы подумать о средствах защиты этого правительства от советского давления. Жду ваших указаний по поводу вывода правительства из столицы. Считает ли департамент нужным сопроводить правительство сотрудниками посольства? Я считаю, что мы не должны прерывать связь с шахом и премьером».

23 марта посол в Тегеране получил от Бирнса инструкции, что Госдепартамент оставляет на усмотрение Мюррея - советовать или нет шаху и Каваму покидать Тегеран. Вместе с тем рекомендовалось шаху и Каваму не покидать Тегеран даже в случае некоторой угрозы и растущего беспокойства. В случае если шах решит переехать в другой город Ирана, то разрешалось секретарю посольства сопровождать его. Если же шах покинет Тегеран в поисках убежища, то сопровождать его не стоит. В любом случае, Мюррею предоставлялась полная свобода действий в зависимости от обстановки [34].

23 марта Ахмед Кавам устроил пресс-конференцию, на которой заявил, что перенос заседания Совета Безопасности на одну-две недели – не такое сложное дело. Стало известно, что Кавам поручил послу Ала не возражать против переноса даты заседания. Причем Кавам подчеркивал, что Ала действовал подобным образом без всяких на то полномочий. По его мнению, после объявления своей позиции президентом Трумэнном иранскому послу не было необходимости выступать с возражениями. Уже чувствовалось, что Кавам готов принять условия СССР. Он надеялся решить вопрос без вмешательства Совета Безопасности.

24 марта утром посол США встретился с Кавамом и выразил удивление по поводу умаления им роли Совета Безопасности ООН на вчерашней пресс-конференции. Когда премьер сослался на неточности перевода, Мюррей заставил его в этот же день созвать новую пресс-конференцию и внести необходимые уточнения, а чтобы не было новых ошибок при переводе, посол дал премьеру своего переводчика. На этой второй пресс-конференции Кавам заявил, что он направил послу Ала новые инструкции. Он подтвердил, что не снимет вопрос с повестки дня Совета Безопасности ООН до тех пор, пока не будет достигнуто взаимоприемлемое соглашение с Советским Союзом. Посол Мюррей

сообщал госсекретарю: «Кавам верит, что Советы не уйдут из Ирана, пока не получат концессии. Он не уточнил, когда будут проведены об этом переговоры с Садчиковым, но было ясно, что для этого осталось очень мало времени. Я вчера ночью встретился с шахом и понял, что он одобряет решение Кавама» [35].

24 марта стало поворотным пунктом в развитии событий. С 21 марта все шло очень бурно и противоречиво. Утром 24 марта И.Садчиков встретился с Кавамом и вручил ему письменные предложения по азербайджанскому вопросу, а по нефтяной концессии сделал устные предложения. Сделанные Садчиковым предложения по урегулированию азербайджанского вопроса, по его мнению, компромиссные и один к одному совпадают с предложениями, сделанными В.Молотовым Каваму 25 февраля. На этот раз Кавам отреагировал сдержанно, сказав, что предложения нуждаются в изучении с точки зрения соответствия иранской Конституции [36]. Иван Садчиков писал Багирову: «Трудно предвидеть окончательное решение иранцев, но возможно, что они примут наши предложения в качестве основы для соглашения» [37]. Что касается нефтяной концессии, то соответствующая карта была передана Садчиковым премьер-министру.

На этой же встрече Кавам сообщил Садчикову, что дал распоряжение своему послу Х.Ала поставить в известность Совет Безопасности о продолжающемся и после 2 марта пребывании советских войск в Иране. Но в заявлении Х.Ала речь шла о вмешательстве советских представителей во внутренние дела Ирана, и советская сторона была недовольна такой постановкой вопроса [38].

Происходившее в Вашингтоне и Нью-Йорке в связи с выводом Советских войск из Ирана и азербайджанским кризисом с 20 марта приняло драматический характер. Консул Р.Россоу позднее справедливо писал, что американские представители во главе с госсекретарем Бирнсом пытались защитить права Ирана настойчивее, чем сам Иран. 21 марта корреспондент газеты «Манчестер Гардиан» Филипп Прайс в связи с иранским вопросом представил британским парламентариям интересный меморандум. Он предложил, чтобы Британия и Америка взяли обязательство не требовать нефтяных концессий на севере Ирана, а Советский Союз, соответственно, обязался не требовать концессий в Южном Иране. Далее Прайс предлагал иранскому правительству признать как состоявшийся факт автономии Азербайджана, а Британии – гарантировать сохранение этого режима, используя свой авторитет. Одновременно Россия должна отказаться от вмешательства во внутренние дела Ирана и признать его суверенные права в любой части страны и обещать признать суверенитет Ирана над Азербайджаном [39].

Неожиданное решение о выводе войск из Ирана, принятое 24 марта Советским Союзом, уже полвека служит темой для дискуссий ученых и политиков. Многие связывают это с ультиматумом, якобы посланным Трумэном Сталину то ли 21, то ли 23 марта, текст которого до сих пор не найден. Другие же считают, что данное решение является результатом миротворчества. В 50-е - 60-е годы сам Трумэн и его команда высказывали противоречивые мнения о мартовских событиях в Азербайджане. Наиболее показательна в этом плане опубликованная в 1954 году работа Насруллы Фатеми «Нефтяная дипломатия», посвященная дипломатии Ирана, и особенно ее глава «Иранский вопрос перед Советом Безопасности: ультиматум Трумэна Сталину». Н.Фатеми писал: «Трумэн послал Сталину ультиматум 21 марта, в котором заявил, что если в срок от одной до шести недель советские войска не будут эвакуированы, то США вновь вернуться в Иран» [40]. Фатеми не раскрывает источника этой информации. На следующей странице, ссылаясь на интервью Трумэна, Фатеми подчеркивает четко выраженную им мысль, что, если русские добровольно не покинут Иран, американские войска вернуться, чтобы вывести их отсюда.

Эта версия Н.Фатеми подтверждалась в 1968 году в книге Майкла Шихана: «Иран: сила интересов и политики США – 1941-1954». М.Шихан также подчеркивает «наличие ультиматума от 21 марта 1946 года» и что в основе решения об эвакуации Советов из Азербайджана лежит «реальная причина» [41]. Историк иранской дипломатии Джордж Ленчковски в 1972 году посвятил этому вопросу специальную статью. Хотя он и не употребляет термин «ультиматум», но считает военную угрозу со стороны США основной причиной эвакуации войск СССР [42]. Считающийся ведущим историком США Артур М.Шлезингер в 70-х годах ввел идею ультиматума в национальные исследования. По его мнению, протест Трумэна заставил Советский Союз изменить политику и завершить вывод войск в мае [43].

Гарри Трумэн впервые подтвердил наличие ультиматума еще при жизни Сталина, на пресс-конференции 24 апреля 1952 года. Однако на просьбу опубликовать документ Трумэн ответил отказом, заметив, что никакого «ультиматума» не было, и употребив этот термин, он допустил техническую ошибку [44]. На это заявление Трумэна последовала жесткая отповедь с советской стороны. 29 апреля ТАСС заявил, что «ультиматум» Трумэна реанимирован лишь для того, чтобы разжечь военную истерию в Соединенных Штатах. Гарри Трумэн вновь вернулся к этому вопросу лишь через четыре года, при написании своих мемуаров. Дав оценку ноте от 6 марта 1946 года, он далее пишет: «Я сказал Бирнсу, чтобы он направил письмо премьеру Сталину. 24 марта Москва объявила, что все русские войска незамедлительно будут выведены из Ирана» [45]. В своей статье,

опубликованной в «Нью-Йорк Таймс» в 1957 году, Трумэн сообщал: «Я понимал, что Сталину известно о моем приказе командующим наземными, морскими и воздушными силами быть в полной боевой готовности. Тогда Сталин сделал то, что и должен был сделать: он вывел свои войска из Ирана» [46]. В своем последнем заявлении по этому поводу Трумэн отмечал: «Когда Сталин отказался вывести войска в установленное время, я известил его, что в этом случае я сам приплыву в Персидский залив» [47].

По поводу существования ультиматума следует отметить, что ни бывший посол в Москве А.Гарриман, ни исполняющий обязанности посла Дж.Кеннан, ни заместитель директора управления Ближнего Востока государственного департамента Дж.Аллен, ни сам госсекретарь Дж.Бирнс, ни Ален Даллес не припоминают существование такого документа. В мемуарах Трумэна упоминается, что когда он поручал Бирнсу написать Сталину, что «если он не выйдет, мы сами придем», в кабинете находился также адмирал Уильям Д.Лихи. Сохранились дневники адмирала, которые он вел в годы пребывания в Белом доме. Там есть и запись, посвященная иранскому кризису. В ней указано, что письмо было отправлено через три недели после 2 марта. Филипп Розенберг считает, что это произошло 23 марта [48]. Герберт Дракс, основываясь на своем интервью с Трумэном, предполагает, что это было 21 марта [49].

Анализируя процесс принятия Трумэном решения направить ультиматум, Джеймс Сорп пришел к выводу, что, судя по воспоминаниям, это произошло в промежутке между 6-24 марта, и Трумэн никогда не называл ультиматум «маловажной нотой» [50]. По мнению автора, это все же не ультиматум. Нельзя называть ультиматумом любое послание в адрес Советов. По мнению Сорпа, разговоры об «ультиматуме» муссируются в американской историографии для создания мифа о могуществе США.

В 1987 году была опубликована большая статья Куросса Самии, который считал, что после ноты от 6 марта в Москву были направлены письмо с угрозой и мартовское послание, повлиявшие на решение Сталина.

Джордж Аллен, бывший в марте 1946 года заместителем начальника управления Ближнего Востока, позднее вспоминал, что такое письмо было, и приписывал его авторство Бирнсу и Алену Даллесу [51].

Оценивая в целом многолетний спор в научных и политических кругах США по поводу этой проблемы, следует отметить, что опубликованная Куроссом Самии в 1987 году в журнале «Исследования Среднего Востока» статья «Трумэн против Сталина в Иране: фабула трех разных писем» отличается от других тем, что умозаключения в ней подтверждены источниками, богатыми и разнообразными, события имеют сравнительный анализ, подход к ним носит научный характер. В этих спорах упоминается

и прием Трумэнном 23 марта нового посла США в Москве генерала Уолтера Биделла Смита. Несомненно, что на этой встрече обсуждался азербайджанский вопрос. Утверждая кандидатуру Смита, президент сказал: «Доведите до сведения Сталина: я всегда помогал ему, так как считал его человеком слова. Оставление войск в Иране после 2 марта перевернуло это мое мнение» [52]. Однако до передачи Смитом письма Трумэна Сталину было еще десять дней, т.к. он 24 марта отправился в Москву и лишь 4 апреля был принят Сталиным.

После вступления советских войск в Афганистан в 1979 году вновь вспомнили о решительном шаге Трумэна при решении азербайджанской проблемы в 1946 году. Сенатор Генри Джексон в январе 1980 года опубликовал заявления Трумэна в журнале «Тайм» под заглавием «Прекрасные дни прошлого». По его версии, во время азербайджанского кризиса в 1946 году Трумэн вызвал к себе посла СССР в США Андрея Громыко и заявил, что если в течение 48 часов Красная Армия не покинет Иран, то США применят против СССР атомную бомбу [53]. Видимо, обращение к опыту 1946 года произошло от необходимости искать выход из афганского кризиса. В конце 1980 года американские историки Барри Блечман и Дуглас Харт написали статью «Афганистан и его иранский аналог 1946 года», в которой отрицали версию атомного шантажа, приведенную журналом «Тайм». По их мнению, эпизод с ультиматумом довольно темен. Никто не знает, был ультиматум или нет. Бирнс умалчивает об этом в своих мемуарах. Разные авторы и историки также не говорят ничего конкретного. Не найдено ничего в архивах госдепартамента и министерства обороны. Поэтому можно прийти к выводу, что в кризисные дни 1946 года не было никакого ультиматума. Не было и военной угрозы со стороны США, и, несмотря на то, что Советы все же выполнили требования США, они сделали это не в 48 часов, а лишь к концу мая [54]. По нашему мнению, Барри Блечман и Дуглас Харт в своей статье не смогли проникнуть в суть событий. Это относится и к статье Джеймса Сорпа. Эти авторы упрощают проблему, отдают предпочтение, облегчая ее интерпретацию. Это неверно, поскольку подоплека событий гораздо более глубока и серьезна.

Почему же, в таком случае, советские войска ушли из Ирана, когда все так удачно складывалось для СССР? Какие факты и доказательства можно добавить в многолетний спор вокруг азербайджанской проблемы? Какая необходимость заставила Советскую Армию, почти весь март получающую тяжелую технику и стоявшую в 40 км от Тегерана, столь неожиданно покинуть Южный Азербайджан?

Уже отмечалось, что слухи о возможном бегстве шаха из столицы обсуждались даже в дипломатических кругах. Еще не был дан ответ на предложения Садчикова по азербайджанскому вопросу и по нефтяным

концессиям, сделанные Каваму утром 24 марта. Конечно, можно предположить, что Сталин, отдав приказ о срочной эвакуации, хотел поставить в тупик политические круги США и Великобритании и сделать беспредметным заседание Совета Безопасности 26 марта. Однако Сталин не строил большую политику на сюрпризах. Хорошо знакомый с проблемой бывший консул Россоу в статье «Битва за Азербайджан – 1946» справедливо пишет: «Почему русские вдруг покинули Азербайджан, оставив свои цели недостижимыми? Никто не сможет точно ответить на этот вопрос, пока не будут обнародованы протоколы советского Политбюро».

Действительно, протоколы Политбюро пока не открыты, однако анализ ряда секретных документов того времени может прояснить некоторые вопросы. Например, 24 марта в 13.40 И.Сталин и начальник Генштаба Советской Армии А.Антонов направили командующему войсками Бакинского военного округа И.Масленникову, командующему войсками 4-й армии Лучинскому (копия – М.Дж.Багирову) приказ №2167/68:

«1. Приступить к выводу всех войск, учреждений и складов 4-й армии из Ирана для занятия мест постоянной дислокации на территории Бакинского военного округа.

2. Вывод войск начать 24 марта и полностью его закончить не позднее 30 апреля – 10 мая сего года.

Гарнизон Кереджа вывести не позднее 20 часов сегодня 24 марта.

68-ю ГСД собрать в районе Сари, Бендершах для последующей перевозки морем. Автотранспорт дивизии отправить своим ходом по дороге через Решт.

В первую очередь вывести войска из районов Казвина, Решта, Зенджана и из областей Горгана и Сари.

Из Казвина уйти не позднее 5 апреля.

1-ю Гвардейскую мехдивизию (Руссиянова) выводить в последнюю очередь.

3. Вывод войск производить организованно, спокойно, без шума и особой торопливости.

Командирам и политорганам организовать проводы уходящих советских войск местным населением.

Из имеющихся запасов продовольствия часть продовольствия раздать местному населению.

4. О плане и порядке вывода войск доложить в Генштаб 25 марта с.г.

О ходе вывода доносить ежедневно к 24.00.

Заявку на перевозку морем представить в Генштаб 26 марта» [55].

26 марта ТАСС заявил о выводе советских войск. В заявлении говорилось: «Отвод находящихся в Иране советских войск из районов Мешхеда, Шахруда, Семиана, начатый 2 марта 1946 года, уже закончен.

По договоренности с иранским правительством эвакуация остальных советских войск началась 24 марта. Советское командование в Иране рассчитывает, что полная эвакуация советских войск из Ирана может быть закончена в течение пяти-шести недель, если не произойдет чего-либо непредвиденного».

Излишне напоминать, что иранская сторона представления не имела о договоренности, на которую ссылались советское телеграфное агентство. Можно предположить, что это экстренное решение было принято под давлением, устным или письменным, Вашингтона. Возможно, могли ли бы пролить свет на развитие событий пока еще засекреченные послания А.Громыко из США. Известный политик и дипломат, бывший госсекретарь Генри Киссинджер в опубликованном в 1994 году крупном труде «Дипломатия» пишет: «Весной 1946 года Трумэн перешел к жесткой политике и преуспел, потребовав от Советов ухода из Иранского Азербайджана... Как только Сталин оказывался перед лицом возможности возникновения военного конфликта с Америкой, он неизменно шел на попятный. Он сделал это в 1946 году, когда Трумэн потребовал вывода советских войск из Иранского Азербайджана, и он покончил с блокадой Берлина 1948 - 1949 годов прежде, чем она перешла в активные военные действия». Близка к этой сентенции позиция участника этих событий, азербайджанского историка И.Новрузова [56].

В НКВД СССР прекрасно понимали бесперспективность сталинской тактики грубого силового давления на Иран и Турцию. Например, М.Литвинов сообщал о беседе с вновь назначенным послом США У.Смитом в Москве 10 апреля 1946 года следующее: «Американцы все больше и больше спрашивают себя, каковы цели СССР и как далеко он стремится идти. В его поведении много загадочного, и это внушает тревогу. Посол как военный вполне понимает, что нам нужна безопасность, что нам нужны дружественные правительства в соседних странах, что нам нужна нефть и что мы имеем не меньше прав на иранскую нефть, чем Англия и США. Можно, однако, одобрять наши цели, но осуждать наши методы. Мы могли бы получить иранскую нефть, не прибегая к таким сильным средствам, как нарушение договора, вмешательство во внутренние дела и т.п.». Далее М.Литвинов отмечал: «Есть две возможности: либо наши страны будут сотрудничать, понимая друг друга, либо же будет разграничение Запада и Востока, что означает гонку вооружений, постоянные конфликты и, возможно, худшие последствия. Американцы хотели бы избежать этого второго пути, но они могут сделать это без нашей помощи» [57].

О беседе с послом У.Смитом на эту же тему доложили 28 марта глава военной администрации в Германии В.Д.Соколовский и исполняющий обязанности политического советника администрации В.С.Семенов.

Новый посол был в свое время начальником штаба Американских экспедиционных войск, а потому разговаривал с советскими военными более открыто. Вспоминая свою беседу с Г.Трумэном накануне отправки в Советский Союз, У.Смит говорил, что президент просил его довести до сведения Москвы следующее: «США готовы пойти навстречу интересам СССР, может быть, даже в большей степени, чем Москва, в свою очередь, идет навстречу интересам США. Но он, Трумэн, хотел бы только, чтобы СССР, осуществляя свои планы по обеспечению безопасности, не давал США под зад коленом».

Говоря дальше от своего имени, Смит заметил, что он вполне понимает желание СССР получать нефть из Ирана, поскольку Англия, Франция и США фактически уже давно имеют в Иране обеспеченные возможности в этом отношении и пользуются ими. Об этом вполне можно было договориться, не прибегая к аргументации силой, т.е. соглашением, заключенным после вывода советских войск из Ирана. США вовсе не возражают против стремления СССР обеспечить свою безопасность, и противоречия возникают только в связи с теми методами, которые при этом используются советской стороной.

У.Смит высказал серьезную озабоченность американского общества тем, что Сталин и другие советские лидеры в своих предвыборных речах при анализе противоречий отдали приоритет идеологическим мотивам. Он также подчеркнул, что не понимает опасений СССР в ситуации, когда Америка сокращает свою армию, чтобы рассчитаться с внутренними долгами, выводит свои войска из зарубежных стран и готова сотрудничать с Советским Союзом. По мнению посла, общественность США не видит логики в организованном Советами дополнительном призыве на военную службу. Все это дополняет осложнение отношений с Ираном, Турцией и другими странами. Все это породило в Америке чувство тревоги и неуверенность в эффективности ООН – организации, на которую США возлагали большие надежды [58]. Как только секретный текст беседы с У.Смитом был получен из Берлина, копии этого документа были разосланы И.Сталину, Л.Берия, Г.Маленкову, А.Микояну, А.Жданову, А.Вышинскому, В.Деканозову.

Заявление Советского Союза о выводе войск из Азербайджана не смогло оказать значительного влияния на ход обсуждения иранской проблемы в Совете Безопасности ООН. Заседание началось 25 марта в Нью-Йорке под председательством представителя Китая Го Тай-Ци. Госсекретарь Бирнс зачитал письмо президента Трумэна, в котором тот благодарил Организацию Объединенных Наций за то, что для ее штаб-квартиры избрана американская земля, и тем самым оказано уважение Соединенным Штатам. В письме была рекомендация «вместе работать, как вместе воевали».

В связи с началом работы Совета Безопасности ООН Совет Министров СССР назначил Чрезвычайного и Полномочного Посла А.А.Громыко постоянным представителем СССР при Совете Безопасности ООН. В день открытия заседания Совета Безопасности ООН президент агентства «Юнайтед Пресс» Х.Бейли обнародовал ответы на его вопросы председателя Совета Министров СССР И.Сталина, который, в частности, заявил: «Что касается вывода советских войск из Ирана, то, как известно, этот вопрос положительно решен путем переговоров между иранским и советским правительствами». Чтобы оказать воздействие на Совет Безопасности, ТАСС широко распространил заявление Кавама эс-Салтане, в котором он признавал, что и без сессии Совета Безопасности могут быть разрешены споры между Ираном и Россией, и нет большой разницы, пройдет ли заседание 25 марта или на 14 дней позже. И если вывод войск и решение других проблем в скором времени не осуществляются, тогда иранский вопрос может быть внесен в повестку дня Совета Безопасности. На вопрос генерального секретаря ООН Т.Ли по поводу обращения посла Ирана Г.Ала, Кавам ответил, что это письмо отправлено без согласования с правительством Ирана, и уверил, что Г.Ала даны указания впредь так не поступать. Кавам подчеркнул, что вывод советских войск – очень важный вопрос и все остальные вопросы зависят от его решения. Даже азербайджанская проблема по сравнению с ним менее важная. Как только будет достигнута договоренность о выводе войск из Ирана, эта проблема также будет решена путем переговоров. Кавам эс-Салтане отметил ложность информации о вводе дополнительных советских войск в Иран после 2 марта [59]. Конечно, Кавам осознанно искажал факты, преследуя свои соображения и свои цели.

В 7 часов вечера 24 марта И.Садчиков довел до сведения Кавама решение советского правительства о выводе войск из Ирана. Второй документ, врученный послом премьер-министру, касался вопроса нефтяной концессии, третий документ был посвящен азербайджанскому вопросу. Советы предлагали трансформировать премьер-министра Азербайджана в генерал-губернатора, министров – в управляющих, а Милли Меджлис – в провинциальный энджумен.

В 10 часов вечера Садчиков по телефону сообщил Каваму о только что полученной из Москвы телеграмме, в которой запрашивалась информация об аресте Сеида Зияеддина. Он также добавил, что по требованию Ирана начался вывод советских войск из Кереджа и Казвина.

Посол Мюррей сообщил Бирнсу, что Кавам не намерен принимать предложение СССР по азербайджанскому вопросу, а собирается выйти на прямые переговоры с азербайджанским «правительством». В то же время посол добавил, что Кавам не изменил прежних инструкций послу Ала по поводу обсуждения в Совете Безопасности. Мюррей считал, что Кавам,

прежде чем двигаться в этом направлении, будет выжидать и наблюдать, как Советы выполняют данные обещания [60].

Заседание Совета Безопасности 26 марта целиком было посвящено вопросу включать или не включать иранский кризис в повестку дня. Выступивший первым советский представитель А.Громыко предложил вопрос в повестку дня не включать. Он сказал: «Я хочу начать свое выступление с заявления. Советско-иранские межправительственные переговоры завершились соглашением об эвакуации. Теперь уже известно, что вывод советских войск начался 2 марта. Что касается оставшихся в отдельных районах Ирана войск, то хочу отметить, что, в соответствии с подписанным договором, вывод этих войск начался 24 марта, т.е. 2 дня назад, и, если не возникнет непредвиденных обстоятельств, эвакуация, весьма вероятно, завершится в течение 5-6 недель. На лондонской сессии Совета Безопасности 30 января было принято решение урегулировать советско-иранское противоречие только путем двусторонних переговоров. Выполняя это решение, были проведены переговоры между двумя правительствами. И переговоры завершились успешно, как я сейчас это отметил. Поэтому включение этого вопроса в повестку Совета Безопасности противоречит не только современному положению дел, но и решению январской сессии Совета Безопасности. Учитывая эти обстоятельства, я предлагаю вопрос, поднятый иранским послом 18 марта, сегодня в повестку не включать». Однако представитель США Бирнс, возражая Громыко, заявил, что не поддерживает его предложение об изменении повестки дня по той причине, что иранское правительство через своего представителя привлекло внимание Совета Безопасности к конфликту между Ираном и СССР, представляющему угрозу для всего мира. В письме иранского представителя указывается, что информационные агентства и вооруженные силы СССР все еще вмешиваются во внутренние дела Ирана. Сегодня представитель СССР заявляет, что подписано соглашение. Если эта информация правдива, то советское правительство должно представить этот документ, подписанный совместно с иранским правительством. Только после этого можно требовать прекращения обсуждения этого вопроса [61]. Представитель Великобритании Кадоган поддержал Дж.Бирнса.

Поскольку слушания 26 марта приняли весьма жестокий характер, некоторые наблюдатели посчитали, что СССР может покинуть Совет Безопасности и даже выйти из ООН вообще. Во время перерыва Т.Ли намекнул членам Совета Безопасности об этом. Одновременно во время обеденного перерыва Громыко заявил Э.Стеттиниусу, что охотно примет участие в открытии сессии Совета Безопасности, однако если американцы вновь потребуют до 10 апреля внести иранский вопрос в повестку дня, то он участвовать в работе сессии уже не сможет. Громыко спросил,

изменили ли США свою позицию, или по-прежнему упорствуют. Стеттиниус заявил, что эта позиция состоит в немедленном рассмотрении иранского вопроса, и добавил, что может помочь Громыко устроить небольшой перерыв в обсуждении данной проблемы. Громыко ответил, что «не нуждается ни в какой помощи». После длительных обсуждений была создана комиссия из представителей СССР, США и Франции. Однако в комиссии не было единства мнений.

27 марта во время повторного обсуждения повестки дня страсти разгорелись с новой силой. Представитель Египта предложил вызвать представителя Ирана и узнать его мнение по поводу переноса даты заседания, только после этого Совет Безопасности может принять окончательное решение. Представители США и Великобритании, обеспокоенные поставкой в Иран новых советских вооружений, поддержали эту идею. Попав в затруднительное положение, А.Громыко 27 марта выступил в Совете Безопасности с длинной речью, пытаясь выиграть время и отложить обсуждение. В сильном волнении он подчеркнул: «Сталин уже высказался по этому поводу, и я повторю, что со 2 марта дополнительные войска в Иран не вводились». Бывший американский консул в Тебризе писал, что, когда эти слова Громыко звучали из репродуктора, установленного на крыше консульства, 18 бронемашин как раз доставили грузы, которые солдаты переносили в сторону танкового парка.

27 марта Громыко сделал драматический жест – покинул заседание Совета Безопасности именно в момент обсуждения азербайджанского вопроса, когда Бирнс охарактеризовал советскую политику в Иране как империалистическую [62]. Прежде чем покинуть заседание, Громыко сообщил о причинах невозможности дальнейшего участия Советского Союза в работе ООН. После того как Громыко и три других советских делегата покинули зал заседаний, туда был приглашен непосредственный организатор этого «мероприятия» – посол Г.Ала. Он сообщил, что ни официально, ни конфиденциально ничего не знает о советско-иранском договоре, что переговоры в Москве на самом высоком уровне окончились безрезультатно из-за неприемлемых требований русских. Ала изъявил готовность немедленно приступить к обсуждению вопроса. Он также добавил, что не получал никаких инструкций о переносе даты обсуждений, и настаивает на том, что промедление может повредить делу мира, т.к. советская сторона выступает с предложениями, наносящими ущерб суверенитету Ирана.

Кавам по ходу прений и официально заявлял, что согласен на перенос обсуждения, и обвинял посла Ала в том, что тот действует «без ведома» правительства, но в то же время он пересылал американцам информацию о ходе переговоров с Советами. Исполняющий обязанности госсекретаря

Дин Ачесон просил посла в Тегеране Мюррея поблагодарить Кавама за информацию о переговорах с советским послом, а также заверить его, что эта информация останется секретной [63]. Кавам очень боялся, что эти секретные материалы попадут в распоряжение Советов. Поэтому он настойчиво требовал от политических кругов США и от посла Ала не использовать в обсуждениях и не ссылаться на его информацию. Он опасался, что это может привести к противостоянию с советским правительством.

Дин Ачесон писал Кеннану в Москву, что между США и Кавамом налажены негласные связи, основанные на взаимном доверии. «Мы постараемся, чтобы Совет Безопасности изыскал конструктивные пути для решения иранского вопроса, и не допустим, чтобы Иран принимал решения под чужим давлением. Таким образом мы хотим предотвратить согласие иранского правительства на неравноправный договор под угрозой русской армии. Мы будем настаивать на безоговорочном выводе советских войск из Ирана».

29 марта внимательно следивший за ходом ирано-советских переговоров Мюррей вновь встретился с Кавамом, который сделал подробный отчет о содержании переговоров, а также рассказал о том, что днем раньше передал советскому посольству три документа: о выводе советских войск, о нефтяной концессии и об азербайджанском вопросе. Эти предложения были обсуждены на заседании Кабинета министров 27 марта, причем Кавам торопил министров принять решение по ним срочно. Правительство решило, что не следует связывать азербайджанский вопрос с пребыванием советских войск, и обсуждать его нужно только после вывода войск. Тем не менее было решено заранее подготовить предложения, для выработки которых образовали комиссию в составе министра юстиции А.Сепакхоби, министра путей сообщения генерала М.Фируза, министра финансов М.Баята. Председателем комиссии назначили министра торговли и промышленности Сепехра. В выработанных комиссией и переданных через Кавама советскому посольству предложениях по азербайджанскому вопросу указывалось:

1. Руководители отделов сельского хозяйства, торговли и промышленности, местного транспорта, просвещения, здравоохранения и полиции, а также органов суда и прокуратуры и финансовые контролеры назначаются провинциальными и областными энджуменами, а официальные приказы о них, согласно существующему положению, издаются центральным правительством.

2. Право назначения генерал-губернатора с согласия провинциального энджумена будет принадлежать центральному правительству, назначение командного состава военных сил и жандармерии будет также производиться им.

3. Официальным языком Азербайджана, подобно остальным районам Ирана, является персидский, а для преподавания в школах и пользования в судебных органах, помимо персидского, будет применяться также азербайджанский язык.

4. При определении налоговых поступлений и бюджетных ассигнований страны в отношении Азербайджана правительство будет иметь в виду необходимость благоустройства городов, улучшения народного образования, здравоохранения и прочее.

5. Деятельность демократических организаций в Азербайджане, профсоюзов и прочих является свободной, подобно другим районам.

6. Численность депутатов от Азербайджана будет увеличена в соответствии с действительным количеством населения этой провинции.

По нефтяному вопросу комиссия предложила, чтобы 50% акций совместного Советско-иранского общества по разведке и разработке нефтеносных районов Северного Ирана принадлежали иранской стороне, 50% - советской стороне, и прибыль будет делиться соответственно. Первоначальными границами земель, предназначенных для разведки, будут границы, которые указаны на карте, переданной советской стороне на переговорах 24 марта, за исключением части Западного Азербайджана, центром которого является Резайе. Вложения иранской стороны – это нефтеносные земли, вложения же советской стороны – это оборудование, зарплата специалистов и рабочих и всякого рода прочие затраты. Срок деятельности общества определялся в 50 лет. Охрана районов разведки и добычи нефти будет производиться исключительно органами безопасности Ирана. Проект договора и условия будут представлены в Меджлис на утверждение в течение трех месяцев со дня официального начала его работы [64].

На вопрос агента советских спецслужб, близкого к правительственным кругам Ирана, почему исключается часть территории Западного Ирана, Кавам ответил, что он не хочет раздражать англичан, заинтересованных в западных границах Ирана, главным образом, потому, что они опасаются укрепления советского влияния в районах добычи мосульской нефти.

Министр государственной безопасности С.Емельянов писал М.Дж.Багирову: «По мнению нашего стажера, при известной настойчивости с нашей стороны Кавам согласится предоставить всю требуемую территорию». Одновременно министр сообщал, что министр промышленности Сепехр и Кавам удивлены резкостью выступления Ала на заседании Совета Безопасности. Ала якобы нарушает инструкции, и они предполагают, что он подпал под влияние англичан» [65]. Видимо, Ахмед Кавам был осведомлен о том, на кого работает этот агент. Кавам предоставил послу США обширную информацию о переданных в советское посольство документах. После ознакомления с предложениями

по азербайджанскому вопросу посол Мюррей пожелал уяснить, ставит ли Кавам русских просто в известность о сути своих предложений или же просит их посредничества. В ходе переговоров Кавам заявил американскому послу: «Я дал знать русским, что, если мои предложения не будут приняты, не состоится и нефтяной договор». Для уточнения позиций Мюррей спросил: «Если премьер подпишет договор с Советами, заберет ли он свою жалобу из Совета Безопасности ООН?» На это Кавам ответил, что инструктирует Ала таким образом, чтобы вопрос оставался под контролем Совета Безопасности до тех пор, пока последний русский солдат не покинет Иран [66].

Заседания Совета Безопасности 28 - 29 марта опять прошли в острой полемике. Госсекретарь Бирнс и представитель США в ООН Э.Стеттиниус, представитель Ирана Г.Ала и другие активно участвовали в дискуссии. Ала заявил, что его полномочия очень широки, и он должен действовать на благо Ирана. Он объявил, что пока советские войска остаются в Иране, никаких реальных переговоров между двумя странами быть не может. Следуя инструкции премьер-министра, Ала призывал Совет Безопасности активно содействовать безоговорочному выводу советских войск из Ирана. По предложению Бирнса генеральному секретарю ООН Т.Ли было поручено потребовать от СССР и Ирана подробную информацию для обсуждения на заседании ООН 3 апреля в 11.00 [67].

Решение советского правительства о выводе войск из Ирана вызвало серьезное беспокойство в Азербайджане. В ряде других районов Ирана, вовлеченных в сферу советской пропаганды, сомнения сменились откровенным недоверием Советам. Антианглийская пропаганда, развернувшаяся на юге Ирана среди бахтияров, гашкайцев и других племен, стала абсолютно бездейственной. В марте 1946 года А.Камбахш, посетивший Фирузабад по решению ЦК Иранской Народной партии, встретился с Насир ханом Гашкаем. Насир хан заявил, что желание мести за казненного англичанами отца никогда его не покинет. Однако он не верит Советскому Союзу и считает невозможным переориентацию южных племен, помнящих о действиях Советов во время Гилянской революции, на Советский Союз. Насир хан добавил, что если СССР выведет свои войска из Ирана и откажется от азербайджанского движения, то остатки веры в Москву превратятся в ничто [68].

Для разъяснения сложившейся ситуации 28 марта М.Дж.Багиров встретился в советской Джульфе с Пишевари, Шабустари и доктором Джавидом. В соответствии с указанием Сталина Багиров разъяснил им создавшуюся обстановку, посоветовал не настаивать на сохранении существующего положения в Иранском Азербайджане и рекомендовал в основу соглашения с тегеранским правительством положить те предложения, которые изложены в письме посла Садчикова Каваму от 24

марта. Это предложение произвело на лидеров демократов тяжелое впечатление. Они заявили, что за период существования Демократической партии и Национального правительства дали народу много обещаний, часть из которых уже претворена в жизнь. Теперь же отказываться от своих слов очень трудно.

Отчитываясь перед Сталиным об этой встрече, Багиров писал: «Каваму они не верят, прекрасно знают, что все свои обещания и даже письменные соглашения о правах азербайджанского народа он постепенно ликвидирует, ссылаясь на иранскую Конституцию. Иранских вооруженных сил они не боятся, но уверены, что Кавам, путем подкупов, опираясь на реакционное купечество, помещиков и духовенство, будет разжигать внутри Азербайджана гражданскую войну и поощрять межнациональную резню между курдами и азербайджанцами. В этом ему помогут в первую очередь англичане.

Единственной реальной гарантией сохранения хотя бы минимальных прав для азербайджанского народа они считают посредничество Советского Союза» [69].

Ввиду создавшегося тяжелого финансового положения и необходимости быстрого завершения формирования своих вооруженных сил демократы попросили Багирова помочь им деньгами, хотя бы в размере 5 млн. туманов, выделить 100 грузовых автомашин, для организации пограничной службы и создания внутренних войск направить 20 инструкторов-азербайджанцев, передать некоторое количество медикаментов для нужд Национальной армии. Багиров уверял Сталина, что эту просьбу необходимо удовлетворить [70].

За несколько дней до окончания советско-иранских переговоров в Тегеране, в конце марта, Сталин затребовал справку о состоянии азербайджанской Национальной армии. В обширном документе, подготовленном Багировым и Масленниковым, были приведены сведения об управлении, структуре, расположении, численности, вооружении и обеспеченности, а также о потребностях азербайджанского народного ополчения [71].

Вечером 30 марта посол Садчиков заявил Каваму, что советская сторона может принять его проект решения азербайджанского вопроса за основу при переговорах с азербайджанцами. При этом Садчиков вновь подтвердил требования СССР по нефтяному вопросу. Присутствовавший при этой беседе сотрудник посольства Ашуров, сообщая о нервной, двуличной и беспринципной политике Кавама, отмечал, что на все требования советского посла он отвечал одной фразой: «Мы выясним мнение Кабинета министров».

В тот же день с 20.00 до 24.00 состоялось заседание кабинета с участием всех министров. Манучехр Игбал и Баят высказались за то,

чтобы не спешить с принятием решения пока не выяснится результат обсуждения иранского вопроса в Совете Безопасности. Против них выступил Ахмед Али Сепехр. После долгих обсуждений кабинет согласился принять советские требования о территории под совместную нефтяную компанию без изменений. Министры настаивали на паритетных началах при распределении акций. По предложению министра торговли и промышленности было решено акции поделить поровну, а прибыль – 51% СССР, 49% - Ирану. Правительство возражало против официального подтверждения шахом иранских предложений, объясняя это тем, что такой шаг усилит власть шаха и принизит авторитет кабинета. На самом же деле это было сделано для того, чтобы в случае, если будущий парламент попытается отменить решение правительства Кавама, шах не был бы обязан поддерживать этот договор. Советский агент, входящий в иранский кабинет, докладывал, что для всех иранских министров характерна одинаковая политика: при помощи Совета Безопасности оказать давление на Советы и вырвать возможно больше привилегий. Агент советовал советскому послу усилить давление на премьера и не сегодня-завтра добиться подписания договора [72].

В последний день марта американский посол Мюррей сообщил о выводе советских войск из Северного Ирана, за исключением Азербайджана. Он писал: «Кередж и, можно сказать, Казвин освобождены. Поступают сведения о выводе войск из Фирузгуха, Шахи и Бабола. Наблюдается передвижение войск по дороге из Казвина в Пехлеви» [73]. Это возвращались войска Советского Союза, проигравшего первую битву холодной войны, начавшейся в Южном Азербайджане и более полувека державшей в напряжении весь мир. А Сталин планировал нефтью смыть пятно позора этого поражения.

ПРИОРИТЕТ НЕФТЯНОЙ ПОЛИТИКИ СССР В ИРАНЕ

В конце марта – начале апреля 1946 года вывод советских войск из Ирана стал реальностью. В это время ситуация на советско-иранских переговорах в Тегеране менялась с каждым часом. Позиции обеих сторон постепенно сближались. Отложенное слушание иранского вопроса в СБ ООН должно было возобновиться 3 апреля. События развивались стремительно. После встречи с М.Дж.Багировым в конце марта Пишевари ясно осознал надвигающуюся опасность. Весь Азербайджан находился в сильнейшем волнении, а премьер-министр испытал тяжкое потрясение.

Советские и иранские средства информации объявляли о все новых населенных пунктах, оставленных советскими войсками. В конце марта были освобождены Кередж, Зенджан, Баболсар, Бабол, Ношахр. Первого апреля советские войска покинули Шахи и Мияне, а второго апреля – город Ашраф. В тот же день В.Молотов по телефону дал указание М.Дж.Багирову подготовить Пишевари к возможной встрече и переговорам с представителями тегеранского правительства, а советским представителям в Тебризе - постараться найти с ним общий язык [1].

В соответствии с рекомендациями, М.Дж.Багиров поручил М.Ибрагимову, А.Атакишиеву и Г.Гасанову начать работу в этом ракурсе. Багиров напомнил им, что мирное решение азербайджанского вопроса при выполнении известных условий ставит перед руководителями демократов и Национальным правительством, а также бакинской «тройкой» ряд важных задач. Багиров предупредил, что дальнейшая судьба азербайджанского движения будет зависеть от организаторского таланта лидеров партии демократов и руководителей Национального правительства. По мнению Багирова, в пропагандистской работе следовало особо уделить внимание укреплению Демократической партии. Багиров напомнил о важности исправления левацких ошибок, мобилизации всех сил на поддержку Национального правительства, сохранения в любой

форме присутствия специалистов из Советского Азербайджана и их помощь Национальному правительству, продолжения материальной и организационной помощи со стороны Советского Азербайджана. М.Дж.Багиров отмечал, что теперь руководителям Национального правительства придется работать в совершенно другой обстановке. Формально власть будет принадлежать иранскому правительству, командующий войсками будет назначаться также им. Однако остается ряд благоприятных условий. К ним относятся деятельность АДП и профсоюзной организации, существование боеспособных войск, моральная поддержка со стороны Советского Союза и высокий национальный настрой самого народа. Багиров считал, что вооруженный народ по своим морально-волевым качествам в несколько раз превосходит тегеранские войска, а в боевом отношении доказал, что организовчал лучше войск и жандармерии. Лидер Советского Азербайджана наставлял бакинскую «тройку»: «Правда, вас там не будет, наших войск там не будет. Им самим придется держать экзамен, самостоятельно, без вашей повседневной практической помощи. Следовательно, к агитационным, организационным, административным способностям, которые они проявляли, должны добавить способность маневрировать в новых условиях, проявлять больше политической гибкости, суметь поставить свои вооруженные силы в такие условия, чтобы правительство, его органы не знали об их существовании, но в то же время чтобы всегда эти вооруженные силы были бы начеку, в готовности ко всяким неожиданностям, т.е. все вооруженные силы, насчитывающие десятки тысяч, от открытого, легального положения должны перейти на нелегальное положение. К этому надо готовиться сейчас же». Багиров писал: «Во всем этом деле особую ответственность несете вы. Короткое время, которое вы там еще пробудете, вы должны использовать на то, чтобы после окончательного ухода наших войск и вашего отъезда все было сохранено: и партия, и профсоюзы, и единство азербайджанского народа» [2].

Третьего апреля М.Дж.Багиров направил Глинскому, Атакишиеву, Гасанову и Зейналову срочное сообщение: «Надо предупредить Пишевари и через него других руководителей Национального правительства, что тегеранское правительство само к ним обратится с предложением вести переговоры об условиях взаимных уступок, причем местом переговоров они называют город Кередж. Это лишний раз говорит о том, что тегеранское правительство вынуждено считаться с азербайджанцами и не намерено особенно обострять отношения, тем паче открывать боевые действия. Следовательно, Национальному правительству надо держаться с достоинством, до самого конца выдержать, никаких послаблений в своих мероприятиях не делать. Это одновременно говорит о том, что вооруженные силы Национального правительства должны крепко стоять

на тех позициях, где они сейчас находятся, и никого не пропускать после ухода Красной Армии из представителей тегеранского правительства, будет ли это представитель жандармерии, полиции или войсковых частей, без особого разрешения самого Национального правительства. А разрешение Национального правительства, само собой разумеется, будет только после того, как переговоры будут завершены и будет подписано соглашение» [3].

Стенограмму рекомендаций М.Дж.Багирова по поводу предстоящих переговоров с тегеранским правительством в Тебриз доставили М.Ибрагимов и замминистра госбезопасности генерал А.Керимов. Дополнительные указания Багирова пришли по военному телеграфу 3 апреля. В ночь с 4 на 5 апреля М.Ибрагимов, Г.Гасанов, А.Атакишиев, А.Керимов встретились с Пишевари и ознакомили его с советскими предложениями, уже согласованными с тегеранским правительством. М.Ибрагимов зачитал привезенную стенограмму указаний Багирова о дальнейших действиях Национального правительства в связи с создавшейся обстановкой. Выслушав предложения советской стороны, Пишевари с горечью произнес: «Ознакомившись с этим документом, я вспомнил о событиях в Гиляне в 1920 году. Тогда наших товарищей-революционеров обманули, и тогдашняя реакция начала постепенно против них репрессии, и, наконец, в результате преследования революционеры уехали в другие страны. Так же получится и сейчас».

Ясно осознавая складывающуюся ситуацию, Пишевари пытался объяснить советским представителям, что произойдет в дальнейшем: «Существующее правительство во главе с Кавамом обманывает вас. Как только вы уйдете, он сейчас же начнет расправляться с переселенцами из Советского Союза, а их сотни тысяч, затем со всеми демократическими силами и их руководителями. В этом прежде всего активное участие примет реакционно настроенная часть помещиков и ханов, которых временное правительство и отряды федаинов преследовали, конфисковывали их имущество, убивали. Родственники последних будут творить суд над демократами и их семьями и расправляться так, что история не забудет страшного кровопролития... Представьте себе, что Красная Армия уйдет, а вместе с ней и вы уйдете и оставите нас в таком положении; жандармерия, полиция и правительство Кавама расправятся с нами, не оставив ни одного демократа, и восстановят прежний режим Реза шаха.

Пойти на уступки правительству Кавама - это значит отказаться от наших целей и убеждений и, наконец, от проделанной нами громадной работы в Иране. Мне это очень тяжело. Я этого сделать не смогу...

Еще в ходе нашей работы, в начальный период развития демократического движения и образования Национального правительства

я в некоторых моментах начинал сомневаться в ваших действиях, т.е. в том, будете ли вы до конца оказывать нам помощь в проводимой работе, а сейчас тем более и вовсе вам не верю. Повторяю: я вам больше не верю.

С вашего согласия мы начали осуществлять среди бедных крестьян Иранского Азербайджана земельную реформу, многим роздали землю помещиков и ханов, и даже вчера, когда я был в Мараге, по этому вопросу опять-таки дал новое указание, чтобы скорей завершили распределение земель... После всего этого как я могу, при каких условиях и с какой совестью обращаться к людям и говорить, чтобы полученную землю вернули обратно?» [4].

Затем, обращаясь к советским представителям, Пишевари сказал: «Вы поймите, я не о себе пекусь, не свою шкуру собираюсь спасти, я защищаю интересы азербайджанского народа. Советское правительство и вы недостаточно хорошо знаете руководителей иранского шахского правительства. Оно сегодня идет советскому правительству на некоторые мизерные уступки, а завтра, уверяю вас, откажется от них, и начнется преследование всего азербайджанского народа, прежде всего принимавших участие в демократическом движении. И эти люди, а их сотни тысяч, вынуждены будут со своими семьями, детьми, женами бежать за границу, в Советский Азербайджан, чтобы спастись. А я знаю, ваши же пограничники их остановят, арестуют или предложат вернуться обратно...

После ухода Красной Армии шахское правительство неизбежно будет преследовать, как, впрочем, не днями, не месяцами, а годами, используя любые коварные методы. Все равно нам умирать, так разрешите нам умереть с честью. Пусть всему миру станет известно, что азербайджанский народ, в частности, ее Демократическая партия и Национальное правительство погибли не от трусости, а в сражении, в тяжелой борьбе с иранским шахским правительством за свое освобождение. И поэтому нам надо, чтобы после ухода Красной Армии вы были в стороне, не вмешивались во внутренние дела Ирана. Мы поднимем население сел и городов и с помощью федаинов и наших вооруженных сил будем защищать азербайджанскую территорию от наступления шахской реакции. Будем вести борьбу до последнего человека, на это доблестные азербайджанцы готовы. Или разрешите нам мобилизовать все свои силы, связаться со всеми демократическими группами всего Ирана, пойти на Тегеран, свергнуть шахское правительство и установить во всем Иране демократическое правительство. Тогда перед нами, азербайджанцами, откроются огромные перспективы для создания новой жизни и процветания азербайджанского народа.

С другой стороны, если согласиться с предложением правительства Кавама эс-Салтане, которого я знаю как двурушника лучше вас всех, то в удобный момент он уничтожит все демократическое движение в

Азербайджане. В этом случае проиграет не только азербайджанский народ, но и советское правительство, влияние которого, что само собой разумеется, будет потеряно не только на Иран, но и на странах Ближнего Востока. Такая уступка Каваму, о какой идет речь в стенограмме, разве приемлема для советского правительства? По-моему, такой уступкой СССР наносит себе колоссальный урон. Если мы согласимся на такое предложение, то, уверяю вас, реакционные элементы поднимут весь иранский народ и будут вести пропаганду против Советского Союза, в адрес которого выдвинут тысячу всяческих обвинений. Громадному авторитету, который имеет советское правительство в настоящее время в Иране, будет нанесен удар, и потом СССР трудно будет завоевать симпатии иранского народа, потому что ни его пропаганде, ни его силе иранский народ верить больше не будет. Разве это выгодно вам и нам?»

После такого бурного выступления Пишевари немного успокоился. Генерал А.Атакишиев пытался смягчить обстановку. Желая сменить направление беседы, Атакишиев спросил: «Если Кавам эс-Салтане сам обратится к вам для переговоров, разве вы откажетесь от этого, будет ли смысл отказываться?» На это Пишевари ответил, что не откажется от переговоров, однако, следуя установленным законам, он должен получить на это полномочия от Меджлиса: «Я должен поставить этот вопрос перед Меджлисом, просить у него полномочий создать комиссию и направить на переговоры. Местом для переговоров можно выбрать Тебриз, в крайнем случае - г.Миане. Это надо, во-первых, сделать потому, чтобы азербайджанский народ знал, что Кавам переговоры ведет именно на азербайджанской территории и в азербайджанском городе, а, во-вторых, это обстоятельство повлияет и на самого Кавама эс-Салтане, который может пойти на некоторые уступки. На переговорах должны присутствовать председатель Меджлиса Шабустари, министр внутренних дел доктор Джавид и руководитель Демократической партии Падеган и я, а также обязательно ваш представитель, для консультации.

Если наши переговоры не дадут положительных результатов и тегеранское правительство попытается вновь захватить азербайджанскую территорию вооруженным путем, а с вашей стороны вновь будут указания решать конфликт мирным путем, идя на уступки иранскому правительству, то опять-таки мне и остальным руководителям Демократической партии трудно будет осуществить эти ваши предложения.

Может быть, нам в таком случае выделить из состава Национального правительства и Демократической партии новых представителей и возложить на них обязанности вести переговоры с Кавамом эс-Салтане, а нам, уже известным руководителям, разрешить выехать из страны если не в Советский Союз, то куда-нибудь, хотя бы в Болгарию. Одновременно

разрешить около 2000 семьям активистов демократического движения выехать в Советский Союз».

Далее, обращаясь к присутствующим, Пишевари сказал с печальной улыбкой: «Я знаю и глубоко убежден, что вы, сидящие здесь, и лично тов. Багиров являетесь сторонниками силовой защиты азербайджанского Национального правительства и ни в коем случае не позволите принизить его авторитет и самостоятельность, потому что это правительство мы с вами создавали вместе. Но нынешняя ситуация в мире и в связи с ней политика советского правительства диктуют необходимость некоторых уступок вновь образованному правительству Кавама эс-Салтане. Завтра вы уедете, а я останусь здесь. Я обещал народу, я поднял народ, он меня знает, как же я могу перед угрозой Кавама эс-Салтане и реакционных сил молчать и жертвовать сотнями тысяч азербайджанцев. Мне трудно, мне очень тяжело. Я еще раз заявляю, что этого сделать не могу. Пусть все, кто хотят, уедут, куда хотят, а я останусь здесь и, не жале сил и жизни, буду защищать интересы, судьбу Азербайджана и умру на полях сражений».

На вопрос А.Атакишиева: «Хотелось бы узнать точно, в случае если переговоры будут протекать в духе, позволяющем разрешить дело мирным путем, на какие уступки можете пойти?» Пишевари по пунктам изложил следующее:

- а) признание автономии Азербайджана в форме энджумена;
- б) разрешение свои войска и свой командный состав, но с подчинением, как все иранские войска, генеральному штабу; в необходимых случаях войска Азербайджана также будут защищать Иран от внешних врагов, но их нельзя использовать против иранских племен, решение внутренних проблем;
- в) оставить за Азербайджаном право обеспечения внутреннего порядка собственной полицией, без присылки из Тегерана жандармерии и прочих вооруженных сил;
- г) делопроизводство в Азербайджане вести на азербайджанском языке, а переписку с Тегераном - на фарсидском языке;
- д) обучение в школах до 3-го класса вести на азербайджанском языке, а с 3-го класса ввести дополнительно и фарсидский язык;
- е) государственные земли оставить за крестьянами, а распределенные среди крестьян помещичьи земли оплатить за счет государства, с последующей постепенной уплатой крестьянами стоимости этих земель государству;
- ж) признание Тегераном законными всех проведенных до сих пор Национальным правительством реформ, не возбуждать уголовного преследования по иранским законам в отношении демократов;
- з) увеличить количество депутатов от Азербайджана в иранском Меджлисе в соответствии с численностью населения Азербайджана;

и) запретить возвращение в Азербайджан лиц, выдворенных как противники демократического развития [5].

Представители Советского Азербайджана попросили Пишевари все высказанное им изложить на бумаге. Однако он категорически отказался, заявив, что у него такое состояние, что он не может держать перо, и поэтому просил, чтобы отчет составили и направили в Баку сами бакинцы. Причем он просил не сообщать Багирову о проявленных им нервозности и смятения. В тот же вечер А.Атакишиев составил отчет о переговорах с Пишевари и срочно переслал Багирову. Было решено встретиться повторно с участием Шабустари и Падегана 5 апреля.

5 апреля М.Дж.Багиров отчет о встрече с Пишевари и его предложениях направил Сталину и Молотову. Он писал: «Пишевари вновь заявляет, что все намерения Кавама направлены на ликвидацию демократического движения и в целом всего до сих пор завоеванного азербайджанским народом. В заключение он заявил, что будет выполнять все наши указания, саботировать их не будет, но не скрывает, что в данном случае он будет исполнителем указаний, а в душе он с этим не согласен» [6].

Вечером 4 апреля стало известно, что Пишевари без консультаций с бакинской «тройкой» вызвал в Тебриз члена фракции «Туде» иранского Меджлиса и руководителя Народной партии Абдулсамеда Камбахша. Об этом факте Багиров сообщил в Москву и даже вспомнил, что, когда создавалась АДП, Камбахш был среди приглашенных в Баку. Однако из-за отрицательного отношения к Демократической партии и азербайджанскому национальному движению Камбахш не был допущен к процессам в Южном Азербайджане. Мать Камбахша была родом из династии Каджаров, т.е. азербайджанка, а отец - персом. Военное и общеполитическое образование он получил в Москве. Багиров писал Сталину: «Вызов его без нашего ведома со стороны Пишевари для нас совершенно непонятен».

Бакинской «тройке» были даны указания, учитывая подавленное состояние Пишевари и его нервозность, не нажимать на него и не настаивать, чтобы он обязательно написал о своих предложениях. Было рекомендовано всем принять меры к постепенной подготовке Пишевари и остальных руководителей, убеждая их в необходимости и правильности в данный момент идти на максимальные уступки в предстоящих переговорах с тегеранским правительством. В связи с неожиданным приглашением Камбахша, к которому Пишевари всегда относился отрицательно, следовало выяснить истинную причину визита в отдельности и у Пишевари, и у Камбахша. Приезд Камбахша в Тебриз и его контакты были взяты под наблюдение советских спецслужб. Багиров писал своим сотрудникам в Тебризе: «В самой вежливой, дружеской и

спокойной форме убедите Пишевари и его товарищей, и отдельно Камбахша, что какие бы то ни было мероприятия с их стороны, не согласованные с нами, могут привести к совершенно нежелательным и отрицательным последствиям. Без учета создавшейся международной обстановки их выступление в какой бы то ни было форме равносильно авантюре и заранее обречено на провал» [7]. Одновременно Багиров сообщил М.Ибрагимову, что хочет встретиться с Пишевари и Камбахшем в советской Джульфе 6 апреля ночью или, в крайнем случае, 7-го вечером.

4 апреля состоялась встреча Пишевари и Камбахша, который рассказал премьеру о положении в Тегеране, об отношении ЦК Народной партии к правительству Кавама, о планах и задачах Народной партии в связи с неизбежным наступлением реакции после ухода советских войск. Камбахш сообщил, что весь состав ЦК Народной партии настроен оппозиционно к Каваму и считает его коварным и хитрым врагом демократии. Однако ЦК, исходя из международной политики Советского Союза, внешне проявляет лояльность к правительству Кавама. По мнению ЦК, после ухода советских войск из Ирана Кавам последовательно будет проводить политику удушения демократического движения во всем Иране, и в первую очередь на Севере. ЦК Народной партии считает, что Кавам вначале будет очищать от народников Тегеран как свой тыл, а затем без замедления предпримет наступление на Азербайджан и другие северные провинции Ирана. ЦК Народной партии придерживался мнения, что для предотвращения разгрома демократического движения как в Азербайджане, так и в других провинциях Ирана целесообразно наметить план совместных выступлений, по которому Азербайджан, не ожидая удара после ухода советских войск, должен сам перейти к активным действиям. Одновременно с Азербайджаном ЦК Народной партии организует восстание в Тегеране, Казвине и других северных провинциях. Камбахш считал, что для этого существует определенные предпосылки и что прогрессивные круги Тегерана во главе с ЦК Народной партии разделяют стремление азербайджанцев отстаивать свои национальные интересы. Камбахш был уверен, что правительство Тегерана не в состоянии будет устоять против объединенных сил азербайджанских демократов и «народников». Однако если прогрессивные силы откажутся от активных действий, то тем самым дадут возможность Каваму закрепиться и упустят из-под контроля благоприятную обстановку, а следовательно, и инициативу. Пишевари разделял взгляды Камбахша по многим вопросам и подчеркнул, что если Тегеран будет посягать на отвоєванные права и свободы Азербайджана, то население будет вынужден защищаться [8].

В первые дни апреля Национальное правительство усилило контроль над дипломатическим корпусом, действующим в Тебризе. 2 апреля

азербайджанское управление таможи наложило запрет на продажу американской одежды, обуви и трикотажных изделий. Ввезенные до 8 марта американские товары могли быть допущены на рынок только после уплаты 50%-ной пошлины. После этой даты все товары признавались контрабандой и подлежали конфискации. Были наложены определенные ограничения и на деятельность консула Р.Россоу, фактически он теперь не мог выехать за пределы Тебриза. В своем рапорте госдепу консул жаловался, что не может посещать другие районы Азербайджана - ему это запрещено. Он просил наделить его особыми полномочиями, чтобы воздействовать на советские учреждения, мешающие ему работать. Когда возникла необходимость посетить Махабад, а советский генеральный консул не мог определить, входит или не входит этот город в американский консульский округ, то Россоу запретили поездку туда. Консул жаловался, что не может никак влиять на ход событий [9]. Этот рапорт Р.Россоу отправил в тот день, когда иранский вопрос вновь был вынесен на обсуждение в Совет Безопасности ООН.

3 апреля состоялось заседание Совета Безопасности ООН, на котором заслушивались отчеты СССР и Ирана. А.Громько не участвовал в заседании. Председатель Совета Безопасности доктор Го Тай-Ци пригласил на заседание посла Ирана Г.Ала. Премьер Кавам письменно подтвердил полномочия иранского посла [10]. Затем председатель Совета Безопасности зачитал письмо генерального секретаря Т.Ли советской и иранской делегациям от 29 марта и их ответные послания. Громько писал: «Советско-иранские межправительственные переговоры привели к соглашению о выводе советских войск из Ирана. Вывод войск начался 24 марта и завершится через полтора месяца. Об этом я официально заявил Совету Безопасности 26 марта. Таким образом, вопрос о выводе советских войск из Ирана, поднятый иранской стороной 18 марта, благополучно разрешен в результате переговоров советского и иранского правительств. Что касается других вопросов, то они не связаны с выводом советских войск» [11]. Как видим, в письме А.Громько от 3 апреля по сравнению с предыдущим письмом отсутствуют оставляющие лазейку слова: «...если не будет непредвиденных обстоятельств».

Ответ иранского представителя значительно отличался от позиции Громько. Ала отмечал, что переговоры пока не дали положительного результата и советские органы через официальные и военные каналы продолжают вмешиваться во внутренние дела Ирана. Посол заявил: «24 марта, за день до заседания Совета Безопасности, советский посол в Иране сообщил премьер-министру, что если не будет непредвиденных событий, то советские войска уйдут из Ирана в течение 5-6 недель. Однако через 3 дня, при очередной беседе с премьером, советский посол сказал, что если будет достигнуто согласие по нефтяной концессии и проблеме

автономизации Азербайджана, то нет причин для беспокойства и повода для непредвиденных событий» [12].

После оглашения ответов госсекретарь США Бирнс заявил, что не собирается участвовать в обсуждениях до всестороннего анализа ответов обеих сторон. Когда у Ала спросили, есть ли у него какие-либо предложения, тот ответил, что его страна не желает, чтобы на Советы оказывалось давление, но вместе с тем, советские делегаты должны отказаться от мысли о «непредвиденных событиях» и пообещать Совету Безопасности, что войска без всяких условий выйдут до 6 мая. Одновременно Ала предложил оставить этот вопрос в повестке Совета Безопасности ООН для обсуждения в случае необходимости.

4 апреля было достигнуто временное соглашение по иранскому вопросу. В представленной Бирнсом резолюции, принятой девятью голосами при одном воздержавшемся (Австралия), говорилось, что Совет Безопасности особо отмечает и доверяет гарантиям СССР, что вывод войск уже начался и завершится в течение 5-6 недель, при этом СБ признает, что вывод советских войск из Ирана не может завершиться в короткое время. Но объявление Советского Союза об этом уже говорит о желании вывести войска. Резолюция оставляла Совету Безопасности возможность в случае задержки вывода войск потребовать от СССР объяснений. Бирнс предлагал, чтобы дальнейшие сведения поступали через представителей СССР и Ирана. Это предложение поддержали представители Египта, Великобритании, Польши, Мексики и Франции. Иранский представитель Ала, следуя инструкциям своего правительства, также поддержал все эти предложения [13].

Резкие выступления Ала в Совете Безопасности и его поддержка антисоветских выпадов США весьма разгневали советского посла И.Садчикова. По взаимной договоренности представители обеих стран в ООН должны были официально заверить Совет Безопасности, что вывод войск идет безоговорочно и что какое-либо обсуждение этого вопроса бессмысленно. Советский посол жаловался, что Кавам в Иране говорит одно, а через представителя в Нью-Йорке – другое. Хотя Кавам и сетовался на своеволие посла Ала, однако считал сохранение вопроса в повестке дня своим запасным вариантом.

Практически 3 апреля на советско-иранских переговорах была достигнута принципиальная договоренность по вопросам вывода войск, предоставления нефтяной концессии и Южному Азербайджану. Кавам старался не подписывать каких-либо документов по азербайджанскому вопросу и, желая избежать советского вмешательства в эту проблему, сохранял его в подвешанном состоянии. Ночью 3 апреля тексты договоренностей были уточнены Садчиковым и Кавамом. Советский посол дал слово, что по телефону заручится согласием Москвы и 4 апреля будет

подписано совместное коммюнике. В последний момент, чтобы положить конец сомнениям советской стороны, Кавам в письме от 4 апреля заявил о принятии всех предложений СССР по созданию нефтяной компании. Он писал: «Господин посол! В дополнение к состоявшимся между нами устным переговорам имею честь сообщить вам, что правительство его величества шахин-шаха Ирана согласно с тем, чтобы правительства Ирана и Советского Союза создали смешанное советско-иранское общество по разведке и эксплуатации нефтяных месторождений в Северном Иране на следующих основных условиях:

в течение первых 25 лет деятельности общества 49% акций будет принадлежать иранской стороне, 51% - советской стороне; в течение вторых 25 лет 50% акций будет принадлежать иранской стороне и 50% акций – советской стороне... Границы первоначальной территории общества, предназначенной для производства изыскательских работ, будут теми, которые обозначены на карте, переданной мне вами во время беседы 24 марта с.г., за исключением части территории Западного Азербайджана, расположенной западнее линии, идущей от точки пересечения границ СССР, Турции и Ирана и дальше на юг по восточному берегу озера Резайе, вплоть до города Миандоаб, как это обозначено дополнительно на упомянутой выше карте 4 апреля 1946 года» [14].

В тот же день И.Садчиков выразил Каваму письменное согласие по поводу его предложения [15]. Он отметил, что советское правительство согласно с основными условиями. Американский консул Россоу писал по поводу создания смешанного нефтяного общества: «Концессии такого типа нужны не потому, что Советский Союз нуждается в нефти, а потому, чтобы иметь возможность время от времени оказывать давление на иранское руководство. На этом этапе главной целью было контролировать Иран на уровне Кабинета министров. А главной целью были сам Кавам и царевич Мюзаффар Фируз из рода Гарагоюнлу Каджаров, отец которого был свергнут нынешним шахом» [16].

4 апреля, когда премьер Кавам и посол Садчиков обменивались письмами, председатель Совета Министров СССР И.Сталин принимал вновь назначенного посла США Уолтера Смита. Посол вручил Сталину письмо президента Г.Трумэна и затронул ситуацию в Иране. Сталин заявил У.Смиту: «Вы не понимаете нашего положения в вопросах нефти и Ирана... Бакинские нефтяные залежи – наш главный источник нефти. Они близки к иранской границе и открыты для опасности. Берия и другие говорят мне, что саботажники, и даже один человек с коробкой спичек, могут причинить нам большой ущерб. Мы не можем подвергать риску наш нефтяной источник».

Изучив письмо, привезенное Смитом из Вашингтона, руководство дало команду Садчикову продолжать переговоры в Тегеране, одновременно

дожидаясь последних указаний Москвы. Кавам и Садчиков провели бессонную ночь 4 апреля [17]. Наконец, глубокой ночью из Москвы пришел положительный ответ - СССР согласился с предложениями Ирана.

5 апреля в 3 часа утра состоялся обмен письмами между Кавамом и Садчиковым по поводу создания нефтяной компании, вывода в полуторамесячный срок советских войск (начиная с 24 марта) и путей разрешения азербайджанского вопроса. Несмотря на то, что под всеми документами стояла дата 4 апреля, все проекты советского посольства были приняты Кавамом и его министрами. Только по азербайджанскому вопросу была сделана маленькая поправка: в Азербайджане разрешалось преподавать азербайджанский язык в пяти начальных классах, а ранее договаривались о четырех классах [18].

Хотя иранское правительство настаивало, чтобы официальным языком в этой провинции являлся персидский, а не азербайджанский, разрешая вести делопроизводство на двух языках, оно, вместе с тем, обещало свободу деятельности демократических и профсоюзных организаций в Иранском Азербайджане, обязывалось не применять репрессий в отношении населения и лидеров национально-освободительного движения, соглашалось увеличить количество депутатских мест в иранском Меджлисе в соответствии с численностью населения провинции [19]. Таким образом, одно из основных требований Демократической партии Азербайджана было учтено. Правда, как и в случае с нефтяным советско-иранским обществом, все откладывалось до утверждения на законодательной сессии Меджлиса 15-го созыва.

В семистраничной справке, подготовленной МИД СССР по результатам московского вояжа Кавама и переговоров в Москве и Тегеране в феврале-апреле 1946 года, указывалось, что в процессе тегеранских переговоров в ночь с 4 на 5 апреля был подписан окончательный вариант советско-иранского договора после его предварительного обсуждения в Кабинете министров [20].

После подписания соответствующих документов стороны официально сообщили о советско-иранских переговорах. В коммюнике говорилось: «Переговоры, начатые премьер-министром Ирана в Москве с руководителями правительства Союза Советских Социалистических Республик и продолженные в Тегеране после прибытия советского посла, привели 15 фарвардана 1325 года, что соответствует 4 апреля 1946 года, к полной договоренности по всем вопросам, а именно:

части Красной армии с 24 марта 1946 года возвращаются, т.е. с воскресенья 4 фарвардана 1325 года эвакуируются со всей территории Ирана в течение полуторамесячного срока;

договор о создании смешанного ирано-советского нефтяного общества и его условия будут представлены на утверждение Меджлиса 15 созыва до истечения семимесячного срока, считая с 24 марта сего года;

По вопросу об Азербайджане, поскольку это является внутренним делом Ирана, между правительством и населением Азербайджана будет найден мирный путь для проведения реформ в соответствии с существующими законами и в духе благожелательного отношения к азербайджанскому населению» [21].

8 апреля 1946 года шах Ирана устно подтвердил послу СССР в Иране согласие Иранского правительства на создание смешанного советско-иранского нефтяного общества [22].

В тот же день по поводу вывода советских войск Кавам писал И.Садчикову, что надеется на вывод всех войск в течение полутора месяцев, начиная с 24 марта [23].

Сотрудник советского посольства Ашуров немедленно телеграфировал в Баку о ходе переговоров и о содержании подписанных документов.

Получив первые сообщения из Тегерана, М.Дж.Багиров информировал бакинскую «тройку» в Тебризе: «Мы будем полными хозяевами в советско-иранском смешанном нефтяном обществе и будем иметь несколько тысяч человек в качестве рабочих и работников из своих людей. Ясное дело, что мы будем брать их из числа азербайджанцев. В специальном письме, подписанном Кавамом, он взял на себя обязательство гарантировать полную свободу и неприкосновенность личности всех организаторов, руководителей движения, никого не подвергать наказанию. На этом этапе то, что мы выторговали, и то, что сам Пишевари может еще в переговорах с Кавамом выторговать, – для азербайджанского народа будет неплохо. Пишевари ставил вопрос об обучении в первых трех классах на азербайджанском языке, мы добились согласия Кавама на пять классов. Теперь сам Пишевари должен настаивать на том, чтобы в шести классах велось преподавание на азербайджанском языке. Надо Пишевари сказать, чтобы он не унывал. Никто, ни Кавам, ни кто-либо другой, не посмеет что-нибудь с ними сделать. Вопрос о помощи деньгами для содержания войск в размере 5 миллионов туманов надо уточнить с Москвой» [24].

В 4 часа дня 5 апреля состоялась беседа с участием Пишевари, Шабустари, Падегана, Джавида, со стороны южноазербайджанских демократов и М.Ибрагимова, Г.Гасанова, А.Атакишиева и А.Керимова - с советской стороны. Еще не приступая к теме обсуждения, доктор Джавид стал рассказывать, что он слышал по радио о переговорах, происходивших между послом СССР в Тегеране Садчиковым и Кавамом, где якобы обсуждался вопрос Иранского Азербайджана, который намерены разрешить в рамках конституции Ирана. Все сидящие внимательно

выслушали это сообщение и стали высказывать свое мнение. М.Ибрагимов сказал: «В настоящее время политическое положение в мире очень сложное, и поэтому наравне с укреплением вашего Национального правительства вам нужно подумать о будущем, если даже нужно кое в чем изменить свою политику. Дело в том, что правительство Кавама эс-Салтане после ухода Красной армии может обратиться к вам с предложением вступить с ним в переговоры. Во избежание кровопролития и в пользу нашего общего дела в нужный момент вы должны пойти на некоторые уступки правительству Кавама». Ибрагимова прервал председатель Меджлиса Шабустари, который сказал: «С происходящими в Иране событиями мы тоже знакомы, в особенности хорошо знаем нынешнее правительство Тегерана и его руководителей. Вы - наши кровные братья, и мы вас предупреждаем о том, что обещания Кавама эс-Салтане предоставить нефтяную концессию Советскому Союзу являются обманом. И доказательством этому служит то, что он именно этот вопрос оставляет на утверждение в Меджлисе через 7 месяцев, а, как вам известно, в течение 7 месяцев могут произойти новые события, не исключено, что появится новое правительство, которое может отказаться от предоставления СССР нефтяных месторождений. Поэтому обращаюсь к вам и заявляю: не верьте обещаниям Кавама, мы не сделаем ему никаких уступок. Просим вас поддержать нас до конца в деле защиты интересов азербайджанского народа, надеемся только на вас. Имеющееся у нас оружие мы никогда и ни в коем случае не сложим. Одновременно будем стараться не проливать крови азербайджанского народа, но если на нас нападут, то будем драться до последней капли крови».

Выступивший следом Падеган полностью поддержал Шабустари. Затем слово взял доктор Джавид. Он отметил, что если речь идет о том, чтобы, не проливая крови, все вопросы разрешать мирным путем, то в конечном итоге все равно прольется крови в 10 раз больше, чем предполагается. Сегодня Кавам заверяет, что все вопросы разрешатся мирным путем, но после ухода Красной Армии всячески будет стараться уничтожить Национальное правительство. Джавид заявил, что готов в критический момент вместе с доблестными федаинами идти в партизаны, но никогда не согласится подчиниться реакционному правительству. «Вы хорошо знаете, что если только Англия не придет на помощь правительству Кавама, то мы располагаем достаточной силой для того, чтобы напасть на Тегеран, свергнуть существующую власть и установить демократическое правительство. Таким образом азербайджанский народ окончательно освободится от всех угроз. Это мы можем совершить».

Пишевари хладнокровно выслушал всех выступавших, в том числе и Атакишиева, который тактично старался убедить всех присутствовавших в том, что именно сложившееся положение требует изменить отношение и

политику Национального правительства к иранскому правительству и к этому надо постепенно готовиться. В этот момент Пишевари прервал Атакишиева, заявив: «Я лично от переговоров с правительством Кавама эс-Салтане не отказываюсь, но должен вам сказать, что именно сейчас тегеранское правительство и отдельные крупные помещики и ханы усиленно готовятся к нападению на азербайджанское Национальное правительство, поэтому мы не можем распустить наши вооруженные силы... Нам надо сохранить все наши войска, беречь их и готовиться к будущей борьбе с реакционерами. Мы совершим большую ошибку, если, вступая в переговоры с Кавамом, быстро пойдем на уступки ему... В этом случае наш авторитет и азербайджанского народа будет окончательно потерян, никто не будет нам верить и никто за нами не пойдет».

Пишевари стал выяснять у бакинской «тройки», на какие конкретно уступки они советуют идти на переговорах. А.Атакишиев и М.Ибрагимов не ответили на этот вопрос, но посоветовали, если потребуется, идти на максимальные уступки тегеранскому правительству. Пишевари удрученно заметил, что затем Кавам с помощью крупных взяток и интриг натравит на Азербайджан всех вооруженных курдов Махабада и тогда трудно будет выйти из создавшегося положения. «Независимо от вашего конкретного предложения и желания тегеранского правительства, я буду настаивать на том, чтобы мы имели на своей территории собственные вооруженные силы, федаинов, назмие, свои границы и внутренний правопорядок, которые охраняли бы наши вооруженные силы. Мои товарищи согласны со мной» [25].

7 апреля в советской Джульфе И.Дж.Багиров имел обстоятельную беседу с Пишевари. Туда же был приглашен Камбахш, но он присоединился лишь в конце. Пишевари заявил, что он понимает остроту обстановки и что Демократическая партия и Национальное правительство всячески будут стараться не давать никакого повода для новых провокаций против Советского Союза. На что Багиров спросил, почему тогда пригласили из Тегерана Камбахша. Пишевари ответил, что он и его товарищи убеждены, что Кавам и компания готовят крупные провокации и массовую резню не только в Азербайджане, но и в других провинциях Ирана, как только советские войска уйдут из Северного Ирана, и это мнение разделяют как руководители Народной партии, так и ее провинциальные организации. Поэтому демократы, пока есть возможность, вынуждены связаться с другими прогрессивными кругами и группировками в Иране для обмена мнениями.

К концу беседы об азербайджанских делах подъехал Камбахш, который подтвердил, что тегеранская реакция под непосредственным руководством англичан и американцев готовит крупные провокации и не остановится перед кровопролитием. Далее Камбахш заявил, что арест

Сеида Зияедина, а, возможно, в дальнейшем и еще кое-кого из видных реакционеров, есть лишь очередная уловка для общественного мнения. Выслушав информацию, Багиров вновь предупредил своих собеседников, чтобы они были осторожны не давали никакого повода для провокаций [26].

Основываясь на результатах переговоров в Джульфе и полученной от бакинской «тройки» информации, М.Дж.Багиров подготовил и направил в Москву предложения, учитывающие изменившуюся обстановку в Иране. Отмечалось, что эти предложения согласованы с руководством Демократической партии – Пишевари, Шабустари, Падеганом. В документе учитывались два варианта: возможное согласие или несогласие правительства Кавама на переговоры. В первом случае, если переговоры состоятся и будет достигнуто соглашение, по мнению Багирова, Азербайджанская демократическая партия должна существовать легально и свою работу вести открыто. Основное внимание партия должна уделять укреплению своих рядов и в контакте с Народной партией и другими демократическими организациями Ирана развернуть кампанию за созыв Учредительного собрания всего Ирана и пересмотр существующей Конституции в сторону ее демократизации. По этому вопросу уже имеется договоренность между ЦК АДП и ЦК Народной партии - «Туде». Вместе с тем Багиров отмечал: «Поскольку нет реальных гарантий, что правительство Кавама не применит репрессий к нынешним руководителям демократического движения в Иранском Азербайджане, считали бы необходимым иметь нелегальную группу этой партии, которая руководила бы и направляла работу легального ЦК партии. Кроме этого, при ЦК АДП и областных организациях целесообразно иметь нелегально боевые вооруженные группы, используя их для контрудара против проводимых иранскими правящими и реакционными элементами репрессий. Наряду с этим считаю целесообразным иметь в Иранском Азербайджане одного советского руководящего работника, который нелегально оказывал бы всемерную поддержку и помощь в работе АДП. В целях большей конспирации можно направить в Иранский Азербайджан такого работника, которого на месте, кроме двух-трех человек из руководства ЦК АДП, никто не знает».

Багиров докладывал также, что Пишевари, Шабустари и Падеган заявили о невозможности оставаться в руководстве АДП после ожидаемых серьезных уступок Каваму. Они объясняли это тем, что под их руководством был осуществлен насильственный захват власти в Азербайджане, проведен ряд мероприятий, направленных против иранских законов, в частности, раздел государственных и некоторых помещичьих земель, расстрел и казнь отдельных реакционных помещиков и других элементов, санкционировалось расходование государственных средств и

имущества без разрешения иранского правительства на нужды Азербайджана. Кроме того, они в своих выступлениях и документах заверяли азербайджанский народ, что добьются автономии, но не сумели этого сделать. Поэтому лидеры демократов предлагают после окончания переговоров созвать пленум ЦК партии и избрать новое руководство из лиц, которые в меньшей мере участвовали в этом. Одновременно они поставили вопрос о том, чтобы в случае тяжелой обстановки часть актива АДП, человек 200 с семьями, наиболее проявивших себя в борьбе с реакционными элементами, была вывезена в Советский Союз. Некоторым участникам демократического движения в Азербайджане, особенно из числа ранее высланных из Советского Азербайджана как ираноподданных, предоставить советское гражданство.

М.Дж.Багиров предлагал все тяжелое вооружение – пушки, станковые пулеметы – вывезти в Советский Союз, чтобы иностранные представители в Иране не располагали доказательствами о советской помощи оружием демократическому движению в Азербайджане. Легкое оружие – ручные пулеметы, винтовки, автоматы, револьверы и боеприпасы к ним - оставить у местных жителей, которые проверены в борьбе с реакционными элементами. У лиц, проявляющих нерешительность, это оружие отобрать. Багиров считал необходимым сохранение азербайджанской Национальной армии при условии ее подчинения генеральному штабу. Если же иранское правительство с этим не согласится, то армию все же следует распустить, оружие изъять. Сдать иранским властям такое же количество оружия, какое было отобрано в декабре 1945 года при разоружении иранских гарнизонов, остальное отправить в Советский Союз. Организованные и находящиеся на казарменном положении отряды феодалов распустить с оружием по домам, сохранив их как нелегальную вооруженную силу на случай необходимости. Багиров писал в Москву: «В случае, если Кавам не пожелает вести переговоры и попытается немедленно после ухода советских войск ввести свои войска и подавить демократическое движение в Азербайджане, Пишевари, Шабустари и Падеган просят разрешить им организовать сопротивление вооруженными силами».

По мнению руководства Советского Азербайджана, советские дипломатические, консульские, торговые и культурные учреждения должны быть полностью сохранены. Дом культуры, больница и советская школа в Тебризе должны функционировать. Багиров отмечал, что советская средняя школа с базисным азербайджанским языком должна сохраниться, но если иранское правительство будет против, ее нужно сформировать по принципу английских и американских миссионерских школ, функционирующих в разных частях Ирана. Таким образом можно будет готовить местные азербайджанские кадры. Например, окончившие советскую среднюю школу в Тебризе смогут приехать в Советский Союз и

учиться в вузах. Трикотажную фабрику в Тебризе целесообразно передать ЦК Демократической партии, оформив это фиктивным документом о покупке ее группой купцов-демократов. Это было бы солидной материальной поддержкой Демократической партии. В конце послания М.Дж.Багиров писал: «Пишевари, Шабустари и Падеган просят о следующем: если Кавам решит вести с ними переговоры, то чтобы они велись на территории Иранского Азербайджана и до окончательного вывода советских войск из Ирана» [27].

Успешное завершение переговоров в Тегеране Кавам эс-Салтане в своей телеграмме Сталину назвал началом нового этапа в советско-иранских отношениях. В ответной телеграмме И.Сталин писал: «Ваше превосходительство! Позвольте выразить вам мою искреннюю благодарность за проявление дружеских чувств в вашей телеграмме по поводу успешного завершения переговоров, в которых вы играли видную роль. Я верю, что договор, заключенный между Ираном и СССР, будет способствовать развитию и укреплению дружбы и сотрудничества между народами наших стран» [28].

После заключения договора советский представитель в ООН А.Громько 6 апреля обратился в Совет Безопасности с письмом, в котором говорилось: «24 марта начался вывод советских войск из Ирана, и этот процесс завершится в течение шести недель. Поэтому нет оснований рассматривать иранский вопрос в Совете Безопасности... Решение Совета Безопасности от 4 апреля о продолжении обсуждений неправомерно, незаконно и противоречит Уставу ООН. Соответственно, советское правительство требует вынести этот вопрос из повестки дня Совета Безопасности» [29]. В связи с этим обращением Громько госсекретарь США дал указание Э.Стеттиниусу активно противостоять попыткам вывести иранский вопрос из-под контроля Совета Безопасности. Бирнс писал, что нет никаких оснований отменять резолюцию от 4 апреля. США надеются, что советские войска до 6 мая выйдут из Ирана, и тогда не будет необходимости заслушивать вопрос на Совет Безопасности, но только 6 мая это станет окончательно ясно. Пока же войска полностью не вышли, обращение Ирана остается в силе [30].

В ответ на письмо А.Громько иранский представитель Ала 9 апреля обратился к генеральному секретарю ООН Т.Ли. Он писал: «Я уполномочен заявить, что Иран продолжает оставаться на позициях, которые он занимал на Совете Безопасности 4 апреля 1946 года. Мое правительство желает, чтобы иранский вопрос оставался в повестке Совета Безопасности и резолюция от 4 апреля 1946 года выполнялась».

10 апреля Кавам при очередной встрече заявил Мюррену, что не давал Ала никаких новых инструкций по поводу сохранения иранского вопроса в повестке Совета Безопасности и даже не думает об этом. Он предпочитает

оставить этот вопрос в повестке. Однако Кавам опасался, что Советы вскоре потребуют присоединиться к их требованию о снятии вопроса. Премьер предупредил американского посла, что, если СССР будет его подталкивать, он сначала потребует, чтобы ему доказали, что это не вызовет опасных последствий; однако если Советы будут настаивать, он все же предложит Совету Безопасности снять вопрос с повестки. Однако осторожный Кавам поинтересовался у Мюррея, может ли он повторно включить вопрос в повестку, если ситуация вновь осложнится. Разъяснения через Мюррея дал Бирнс: Совет Безопасности – постоянно действующий орган, однако стоит Каваму напомнить, что две недели назад обращение Ирана к Совету Безопасности попало в повестку только после вмешательства США и ряда других членов Совета Безопасности. Если Иран, после настоятельных просьб о включении своего вопроса в повестку, будет затем настаивать на его снятии, это создаст впечатление о несерьезности позиции Ирана. Есть опасения, что в конце концов Иран потеряет расположение всего мира [31].

11 апреля в 7 часов вечера второй секретарь американского посольства в Тегеране Джон Джерниган встретился с Кавамом и передал ему рекомендации Бирнса. Казавшийся расстроенным премьер-министр объяснил, что час назад встречался с советским послом. Садчиков заявил ему, что сохранение иранского вопроса в повестке Совета Безопасности и настойчивость Ирана в данном случае являются оскорбительными для СССР и что Советы этого не потерпят. Садчиков также добавил, что позиция Ирана есть демонстрация недоверия гарантиям Советского Союза и это испортит отношения между двумя правительствами. Не выдержав напора посла, Кавам обещал, что пошлет соответствующую телеграмму Г.Ала. Джерниган посоветовал Каваму не торопиться, так как здесь кроется опасность потерять поддержку ООН, возможная ошибка может привести к тому, что Иран останется один на один перед советской угрозой. Премьер согласился с этим аргументом, но повторял, что не может уклониться от выполнения требования СССР. Посол Мюррей сообщал госсекретарю: «Он чувствует, что положение сложное. Если Кавам сейчас выступит против Советов, то все его достижения пойдут насмарку. В то же время Россия может прервать экономические переговоры и сделать невозможными готовящиеся переговоры с азербайджанцами. После часового обсуждения Кавам попросил, чтобы посол Ирана в Вашингтоне получил возможность объяснить вам ситуацию и то, перед какой дилеммой он стоит. Просил также чтобы США урегулировали состояние дел, и Иран избежал критики по поводу отзыва своего вопроса с повестки Совета Безопасности. Он надеется, что вы поймете его положение и, в случае необходимости будете готовы прийти

на помощь Ирану. Кавам поприветствовал новые инструкции Г.Ала в ожидании ответа от вас» [32].

После возвращения Пишевари из Джульфы, 8 апреля, британский и американский консулы по телефону выразили желание попасть к нему на прием. На 10-е число – утром британскому консулу, вечером американскому – были назначены аудиенции.

9 апреля Пишевари посетили прибывший из Тегерана по поручению руководителя ЦК Народной партии Ф.Кешаверза его брат, Джамшид Кешаверз, и руководитель профсоюзов Мазандарана Ибрагимзаде. Первый интересовался, кто послал А.Камбахша в Тебриз и предстоящими переговорами с тегеранским правительством. На его предложение участвовать в этих переговорах Пишевари ответил положительно. А госпожа Ибрагимзаде уверила Пишевари в готовности мазандаранских профсоюзов помочь азербайджанским демократам.

В условленное время английский консул в Тебризе Уолл посетил Пишевари. В начале беседы Уолл заявил, что на днях работники министерства внутренних дел произвели обыск английского подданного, по национальности армянина, ехавшего из Тебриза в Тегеран, и отобрали золотые и серебряные вещи. Уолл просил эти вещи вернуть. Пишевари в ответ сообщил Уоллу о наличии постановления Милли Меджлиса, запрещающего вывоз золотой и серебряной валюты из Азербайджана, но обещал проверить этот факт и, если отобранные ценности не подпадают под действие постановления, вернуть их хозяину.

Далее Уолл сообщил, что к нему из Тегерана часто приезжают дипкурьеры, которых русские знали и пропускали на контрольных пунктах без проверки секретных документов. Ввиду того, что сейчас на контрольных пунктах стоят люди Национального правительства, Уолл просил Пишевари дать указание контрольным пунктам в соответствии с законом о неприкосновенности дипломатических работников пропускать английских дипкурьеров без обыска. Пишевари ответил, что на контрольных пунктах стоят федаины, которые часто меняются. Поэтому консулу необходимо в каждом случае прибытия дипкурьеров сообщать Национальному правительству, чтобы оно давало соответствующие указания об их пропуске. Затем консул вкратце обменялся с Пишевари мнением о создавшейся ситуации [33].

Встреча с американским консулом началась нервно. Консул Россоу сразу заявил, что в Азербайджане нарушены порядок и спокойствие. Пишевари, возмущенный таким беспардонным заявлением, спросил, какими фактами тот располагает. Россоу ответил, что на днях он был в ресторане и к нему подошел один из местных с револьвером и сказал: «Когда мы выгоним отсюда этих англосаксов?»

Пишевари заметил, что, очевидно, это сделал противник Национального правительства с провокационной целью и что консулу следовало немедленно сообщить о случившемся полиции для установления личности этого человека и привлечения его к ответственности. Что касается порядка в Азербайджане, то всем известно, что он практически образцовый. Можно оставлять магазины открытыми и ничего не случится. Если бы Азербайджан питал ненависть к американцам, то об этом бы открыто заявляли на собраниях и митингах.

Россоу просил также разъяснить, почему не разрешают привозить в Азербайджан для продажи американскую одежду. Пишевари ответил, что завоз таких товаров ущемляет интересы кустарной промышленности. И добавил, что зато Национальное правительство с большим удовольствием приобрело бы сто «виллисов» и любое количество автопокрышек.

Далее Россоу интересовался тем, как будут складываться отношения Азербайджана с Тегераном после заключения соглашения между СССР и Ираном. Пишевари ответил, что азербайджанский народ свои требования и свое отношение к иранскому правительству изложил в декларации народного собрания, которая в свое время была направлена официальным лицам Ирана, а также вручена иностранным консулам. Национальному правительству нечего к этому добавить.

В конце беседы Пишевари заявил, что если бы американский народ был правдиво информирован о событиях в Азербайджане, то он поддержал бы законные и естественные требования азербайджанского народа [34].

События в апреле 1846-го развивались очень непросто и противоречиво. Американский консул никак не мог объяснить поспешный вывод советских войск. Почему русские свернули, что называется, с полпути? В конце концов Россоу пришел к следующему выводу: «Ясно, что советское руководство ошиблось в расчетах. Конечно, аппетиты русских на Ближнем Востоке имеют давние исторические корни, и этот вопрос обсуждался еще на переговорах с нацистами. Теперь США вывели свои войска с этой территории, а Британия держит символические силы на берегах Средиземного моря. Советским поползновениям в этом регионе противостоит только Турция. В случае ее поражения на Ближнем Востоке не осталось бы ни одного народа, способного на сопротивление. Русские обладали большим военным перевесом как внутри Ирана, так и на флангах Турции. Они считали, что чем больше у них сил, тем легче будет проникать в эти государства и подчинять их российскому влиянию. Это было ясно. Они понимали, что народы США и Англии сыты по горло войной, и хотели, воспользовавшись этим, получить выгоды от установившегося мира. Хотя Советы и не желали новой мировой войны, однако они были не прочь воспользоваться занятостью Запада и получить определенную свободу действий. Советы ошиблись в двух вопросах. Во-

первых, турки и иранцы не испугались демонстраций силы и ответили мобилизацией всех своих сил. Во-вторых, Запад отреагировал на действия Советов, причем реакция была весьма внушительной. Советские лидеры не могли понять, что США и западный мир не могут закрывать глаза на действия СССР в таком стратегически важном районе земного шара. Кроме того, весь мир запротестовал против нового шумного конфликта. Советские ноты получили жесткий отпор в Турции, а США настоятельно посоветовали СССР пересмотреть свою позицию. Советские лидеры поняли, что затеянная ими игра не столь безопасна, и сменили тактику. В результате они оставили свои позиции» [35].

Советско-иранские переговоры, завершившиеся 5 апреля подписанием договора, превратились в главную тему в иранской прессе. Были опубликованы совместное советско-иранское коммюнике и текст письма Кавама об смешанного совместного нефтяного общества. Началась большая газетная кампания, в которой «левая» пресса хвалила политику Советов, сторонники Кавама защищали его, нейтральная печать старалась просто подробно информировать население. Орган Народной партии газета «Рахбар» 7 апреля писала: «В результате ошибочной политики Саида и Садра – реакционных лидеров Меджлиса 14-го созва, нефтяной вопрос был главной преградой для установления дружественных отношений двух народов. Теперь это недоразумение разрешилось и к удовлетворению Советов, и с соблюдением интересов Ирана». Газета «Неджате Иран» в номере от 9 апреля отмечала, что создание Советско-иранского совместного нефтяного общества является историческим событием, и объясняла это главным принципом советской внешней политики – налаживать прямые связи с малочисленными народами. Газета «Дария» - орган близкой Каваму партии «Азади» - свой анализ совместного коммюнике назвала «Тучи разойдутся». Газета писала: «Можно сказать, что теперь убраны главные препоны с пути дружбы двух народов, двух стран» [36]. 9 апреля газеты «Омид» и «Ахен» опубликовали материалы, признающие справедливыми требования Советов о нефтяной концессии в Южном Азербайджане. Газета «Атеш» в номере от 18 апреля описывала серьезную тревогу в деловых кругах Лондона, вызванную нефтяным договором. По мнению газеты, деловые люди Англии опасались, что в будущем иранское правительство может потребовать пересмотра неравноправных условий Англо-иранской нефтяной компании [37].

Откровенно англофильская газета «Сетаре» в номере за 9 апреля оценивала образование Советско-иранского нефтяного общества как серьезный политический и экономический шаг правительства Кавама. По мнению газеты, с политической точки зрения этот договор снимает все недоразумения между Советами и Ираном, а с экономической –

способствует превращению севера страны в промышленный район. Одновременно «Сетаре» предлагала привлечь и американские доллары в сферу добычи иранской нефти. Газета выражала уверенность, что Кавам не упустит этой возможности [38].

И действительно, Кавам неоднократно напоминал американскому послу о возможности предоставления американским компаниям нефтяных концессий в Белуджистане. Однако официальная Америка опасалась, что в этом случае общественное мнение может связать ее жесткое требование вывода советских войск с нефтяными интересами, и это нанесет имиджу США моральный урон. Госсекретарь Бирнс писал Мюррею 8 апреля: «Как было объявлено 24 марта, может возникнуть такое мнение, будто наши последние действия в Совете Безопасности вызваны нашим интересом к иранской нефти. Нас очень беспокоит возможность таких кривотолков. В телеграмме от 24 марта мы отмечали, что какой-либо интерес Америки к белуджистанской нефти не должен ставиться в один ряд с проблемой вывода советских войск. Мы не желаем никаких переговоров ни на официальном уровне, ни с американскими нефтяными компаниями о реализации нефтяных проектов до тех пор, пока советские войска не будут выведены. Объясните нашу позицию находящимся в Иране представителям американских нефтяных компаний» [39].

Но были и газеты, настороженно отнесшиеся к Советско-иранскому нефтяному обществу. Газета «Касра» в номере от 9 апреля опубликовала ряд замечаний к тексту письма Кавама послу Садчикову. В статье, например, указывалось на необходимость уточнить территориальные границы деятельности компании и настоять, чтобы обслуживающий персонал состоял из иранцев. Газета также считала, что завод и нефтяные установки после окончания срока контракта должны быть безвозмездно переданы иранскому правительству. По мнению «Касра», недостаточно ясно было и то, как будут решаться спорные проблемы, каковы размеры вложенных капиталов, кто будет осуществлять прокладку нефтепроводов, очистку добытой нефти и др. Длительный срок договора газета также расценивала отрицательно.

Некоторые издания даже считали, что после окончания советской оккупации, после избавления Азербайджана от иностранных войск, Иран, подписав с Советами нефтяной договор, столкнулся с новой проблемой, чреватой очередным кризисом [40].

Как можно было заключать договор с Россией, писал ряд газет, если все еще в силе запрещающий закон, принятый Меджлисом 14-го созыва. Заместитель премьер-министра Музаффар Фируз, отвечая на этот выпад, объяснял, что в данном случае речь идет не о концессии для иностранцев, а о совместном предприятии [41].

Пока Тегеран находился под впечатлением заключенного договора, в Тебризе продолжалось строительство новой жизни. В первые дни нового (по иранскому календарю) года – 9 апреля 1946 года был принят новый бюджет, доходная часть которого составляла 64.060.000 туменов, а расходная – 63.856.972 туменов. Министерству просвещения выделили 6.020.320 туменов, дополнительно выделили 4 миллиона туменов на открытие новых школ, вечерних курсов, улучшение материальной базы университета. На организацию здравоохранения направлялось более 5 миллионов туменов. На ремонт и прокладку шоссе и железных дорог, телеграфные провода бюджет выделил Министерству почт, телеграфа и дорог 9 миллионов туменов [42].

Через несколько дней после принятия бюджета, 11 апреля, Милли Меджлис принял закон о взаимоотношениях крестьян с помещиками, а 14 апреля в Тебризе состоялся конгресс крестьян, получивших землю. На конгрессе присутствовало до 600 делегатов из разных районов Азербайджана. С докладом о принципах распределения земли и о помощи беднякам выступил министр земледелия Мехташ. К крестьянским делегатам обратились также премьер Пишевари и председатель Меджлиса Шабустари. Пишевари отметил, что 90% населения Азербайджана составляют крестьяне, поэтому естественно, что забота о крестьянах – главная задача Национального правительства. Распределение государственных земель и земель реакционных помещиков – первый шаг в этом направлении. В будущем планируется через сельскохозяйственный банк помогать не только беднякам, но и середнякам. Премьер обещал: «Пока живет и здравствует Национальное правительство, вы можете не сомневаться в том, что оно будет помогать крестьянам. Ибо крестьяне – наша опора. Они составляют основное ядро отряда федаинов и останутся защитниками Национального правительства и в будущем». Конгресс принял резолюцию, в которой крестьяне целиком одобрили политику правительства и обязывались защищать его до последней капли крови [43].

В середине апреля, накануне новых обсуждений в Совете Безопасности ООН, СССР потребовал от Кавама отозвать свое обращение. Посол Садчиков открыто шантажировал Кавама тем, что он остался у власти только благодаря помощи Советов. 13 апреля Садчиков настоятельно потребовал, чтобы Кавам дал соответствующее указание Г.Ала. В ответ Кавам запросил у Москвы гарантии того, что вывод советских войск осуществится до 6 мая. 14 апреля советское правительство официально представило требуемые гарантии [44]. По мнению американского историка Куросса Сами, советское заявление от 24 марта, советско-иранское соглашение от 4 апреля, согласие России на эвакуацию войск 14 апреля, вне сомнения, связаны с жестким нажимом правительства Трумэна [45].

16 апреля, по ходу обсуждения письма А.Громыко, генеральный секретарь ООН Трюгве Ли сообщил председателю Совета Безопасности Го Тай-Ци об отзыве Ираном своей жалобы. Однако обсуждения в Совете Безопасности на этом не закончились. Представители ряда стран: США - Стеттиниус, Англии - Кадоган, Бразилии - Вельосо, Австралии - Ходжсон и другие выступили за продолжение обсуждения иранского вопроса. Журнал «Тайм» в номере 16 от 22 апреля 1946 г. писал по этому поводу: «Не дожидаясь вывода Красной Армии 6 мая, тегеранское правительство обратилось в Совет Безопасности с заявлением, что Иран полностью доверяет советскому правительству и поэтому отзывает свою жалобу». Под руководством Эдварда Р.Стеттиниуса представители разных стран поочередно встречались с Громыко и убеждали его в том, что Совет Безопасности не может каждый раз менять свои решения, если жалобщик вдруг говорит: «Все хорошо». Польша, естественно, вторила России. А вот заявление французского представителя Генри Бонена: «Это может стать первым примером лишения права маленькой нации забирать свою жалобу на большую нацию», неожиданно в какой-то мере примирило оппонентов с Советами. Но не все коллеги Бонена не согласились с ним. Обычно глуховатый и негромкий голос Громыко во время третьего выступления превратился в гневный рык. Рассердившись, он заявил, что этот иранский вопрос стал самой большой бессмыслицей, когда-либо обсуждавшейся ООН. Лицо обычно спокойного британца- Алекса Кадогана раскраснелось от волнения. Он заявил, что иранский вопрос разрешится простым докладом 6 мая и что «если бы Россия не оттягивала сроки обсуждения, всего этого не было бы». После заседания представитель Бразилии Педро Леао Вельосо, подойдя к Громыко в баре, похвалился: «Знаете, а я учу русский язык». «О, нет. вы учитесь только голосовать против России!», - парировал Громыко.

Газета «Правда», комментируя обсуждения в ООН, писала, что организаторы кампании не постеснялись выставить себя перед всем миром «большими иранцами, чем сами иранцы». 24 апреля А.Громыко заявил, что он более не будет участвовать в обсуждениях по Ирану.

Между тем вывод советских войск продолжался. После Кереджа, Миане, Зенджана и Казвина, 15 апреля они оставили Ардебиль. В Тебризе, Миандоабе, Бендершахе и Пехлеви войска пока оставались в полном составе. Кавам стремился по мере вывода советских войск расквартировывать на границах Азербайджана и в его южных городах иранские вооруженные силы. С этой целью 3 тысячи солдат, привезенных в Тегеран из Шираза, Ахваза и Исфагана, 15 апреля были направлены в Казвин. Одновременно для привлечения населения на свою сторону правительство срочно отправило в Казвин 19 машин с продуктами, а также 4 танка - для демонстрации силы. По распределению генштаба командир

Хамаданской дивизии генерал Пюрзанд прибыл в Казвин. Прибывшие подразделения расположились в четырех километрах от города, в бывшем американском военном городке под названием «Сталинград». Уход советских и появление иранских войск, конечно же, самым устрашающим образом воздействовали на местное население. Только в Ардебиле более 24 тысяч жителей провинции обратились к советскому вице-консулу с просьбой предоставить им советское гражданство и разрешить переезд в СССР. Вслед за советскими войсками 30 семей переехало из Казвина в Тебриз [46].

Офицеры иранской армии в гражданской одежде и с поддельными документами проникали в города Азербайджана. Активизировались и внутренние реакционные силы. По ночам на стенах домов расклеивались прокламации с призывом бойкотировать мероприятия Национального правительства и мобилизацию в ряды Народной армии. Среди населения Тебриза ходили слухи, что Советы покидают Иран под сильным давлением США и Англии. Определенные круги, связанные с центральным правительством, ранее обеспокоенные возможностью отделения Азербайджана от Ирана, теперь, после вывода советских войск, стали опасаться возможных вооруженных столкновений между Азербайджаном и Тегераном. Их тревога была обусловлена тем, что азербайджанские демократы могут не согласиться на разрешение вопроса в рамках иранской Конституции, и это неминуемо приведет к вооруженным столкновениям. Тегеранские же официальные круги в обстановке усиливающихся слухов, сомнений и разброда хотели испытать стойкость Национального правительства.

Командир марагинской бригады генерал Азими послал шифrogramму военному министру Дж.Кавиану о том, что 17 апреля иранская пехота и конница численностью до 800 человек атаковали посты феодалов в селах Галабурун и Инджа на дороге между Тикантепе и Саингала. На следующий день атаки иранской армии продолжались до самого вечера. Феодалы героически отстаивали свои позиции. За четыре дня они потеряли до 15 человек убитыми и ранеными.

Пишешвари был обеспокоен угрожающей активностью иранской армии. Он справедливо считал, что в районе боевых действий для воссоздания прежнего порядка надо предпринять срочные меры, в противном случае иранская армия продвинется до Мараги и создаст угрозу Тебризу. По его прямому указанию для пресечения наступления иранских войск Национальное правительство направило в район боев дополнительные отряды феодалов, пушки, оружие и боеприпасы. Иранская реакция, спровоцировав Народную армию на ответные меры использовала это как повод для расширения военных действий против Азербайджана. 20 апреля на заседании правительства военный министр Ахмеди представил этот

инцидент как нападение демократов на иранские войска. Он предложил обсудить телеграмму, полученную из района столкновений, а также принять решение о подавлении соединений азербайджанцев. Кавам э-Салтане выступил против, он предложил сначала все изучить.

Советские спецслужбы имели другую информацию: якобы столкновением между иранскими войсками и демократами пытались воспользоваться шах и его окружение – военные Ахмеди, Яздан Панах, министры Игбал, Сепехр, Баят – для смещения Кавама. В любом случае, Национальное правительство сумело нейтрализовать эту провокацию. В Инджа, Галабуруне, Мианбулаге была восстановлена власть Национального правительства. Иранская армия потеряла 8 человек убитыми, большое количество солдат и офицеров попали в плен.

В связи с этими драматическими событиями М.Дж.Багиров писал Сталину и Молотову: «Нам кажется, что этими действиями Кавам, с одной стороны, хочет проверить обороноспособность Национального правительства, а с другой – воодушевить реакционные силы и вызвать беспорядки внутри Азербайджана. Пишевари просит разрешить ему, если обстановка потребует, продолжить организованное сопротивление иранским войскам силами батальонов народного ополчения» [47].

Багиров, несомненно, был сторонником именно такого решения. Он считал, что отношения азербайджанцев с тегеранским правительством будут зависеть от того, насколько надежно они организуют оборону. Если они будут сильны, то добьются многого, если же разбегутся – ничего не достигнут. Тегеранское правительство будет разговаривать с ними лишь после того, как пошлет несколько сот жандармов. «Если они будут разбиты, тогда скажут: «Уважаемый Пишевари», тогда и Кавам будет разговаривать по-другому. Если перед этими жандармами и солдатами Кавама демократы разбегутся, тогда Кавам с Пишевари вообще разговаривать не будет» [48].

За несколько дней до описанных выше событий советский посол И.Садчиков по заданию Министерства иностранных дел предложил Каваму опубликовать текст согласованного договора по азербайджанскому вопросу. Кавам, хоть и обещал, однако медлил с публикацией. 21 апреля Садчиков вновь напомнил премьер-министру о его обещании.

Как только пришло сообщение о поражении под Тикантепе, иранский кабинет министров принял решение срочно опубликовать подготовленные по азербайджанскому вопросу предложения. Советский агент в иранском правительстве выразил большое сомнение, что решение было принято единогласно, т.к. в неофициальных беседах министры Амир Ахмеди и Муртазагулу Баят неоднократно высказывали недовольство соглашением от 4 апреля. Они считали, что этот договор есть уступка азербайджанцам и что он нарушает Конституцию [49]. Таким образом, решение

правительства было озвучено 21 апреля по Тегеранскому радио. В тот же день избранный от Тебриза депутат бывшего иранского Меджлиса, член иранской делегации на переговорах с Азербайджаном Фатали Ипекчиан прибыл в Тебриз для согласования места и времени переговоров.

ВЫВОД СОВЕТСКИХ ВОЙСК: ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП

Последняя декада апреля 1946 г. была насыщена политическими событиями. Противостояние тегеранского руководства и Национального правительства Азербайджана постепенно трансформировалось в переговорный процесс. Сомнения в предусмотренных договором сроках эвакуации войск отошли на задний план. Пора колебаний и сомнений осталась позади. Как только было объявлено решение иранского правительства по азербайджанскому вопросу, советские танки и бронетехника, покидая военные базы, двинулись к северной границе. Избранный для переговоров с Азербайджаном член иранской делегации Фатали Ипекчиан 21 апреля прибыл в Тебриз. Этот старожил Тебриза был купцом средней руки, имел среднее образование и при царе учился в русской школе. До 1930 года его отец считался доверенным клиентом советского торгпредства и частенько посещал с деловыми визитами Москву, Баку, Тбилиси и другие города СССР. В 1943 году Ф.Ипекчиан был избран депутатом от Тебриза иранского Меджлиса 14-го созыва. Усматривая в его избрании руку Москвы, в Меджлисе попытались чинить препятствия при вручении ему мандата. Его имя нередко появлялось в прессе в ряду имен других азербайджанцев, особенно в связи с ростом демократического движения в регионе. Осенью 1945 года он дал согласие баллотироваться в азербайджанский Милли меджлис, в связи с чем центральная пресса незамедлительно организовала клеветническую кампанию, инкриминируя ему ни больше ни меньше как измену Родине и требуя покинуть иранский парламент.

Как только Ф.Ипекчиан прибыл в Тебриз, С.Дж.Пишевари послал к нему доверенного человека с просьбой избежать неофициальных встреч во избежание кривотолков. Ипекчиан в сопровождении курьера направился к Пишевари и вкратце изложил ему свое мнение по поводу тех или иных событий. В частности, он сообщил, что, узнав по радио о событиях в

Тикантепе, он встретился с вице-премьером М.Фирузом, а затем и с А.Кавамом, которые уверяли его, что все произошло без санкции правительства и они обязательно примут надлежащие меры. Уходя Ипекчиан предупредил, что 22 апреля обязательно посетит кабинет министров для проведения официальных переговоров [1].

Вечером 21 апреля по тегеранскому радио было озвучено решение Кавама по азербайджанскому вопросу, 22 апреля этот текст опубликовала газета «Эттелаат», а через день и все остальные иранские газеты. В отличие от Хакими, который называл демократов «бунтовщиками», «изменниками» и призывал утихомирить их силой оружия, Кавам подошел к проблеме весьма дипломатично. Хотя иностранные корреспонденты и пытались выудить у него сведения о закулисных интригах государственной политики, Кавам ограничился кратким, без каких-либо подробностей ответом: он считает, что азербайджанский вопрос – сугубо внутреннее дело Ирана, и надеется, что сможет решить его в интересах страны; он не сторонник отправки армии в Азербайджан и подавления возникшего там народного движения с помощью оружия [2]. Заигрывая и с шахом, и с Советским Союзом, и с США и Великобританией, манипулируя общественным мнением, 70-летний Мирза Ахмед Кавам эс-Салтане весной 1946 года затеял самую масштабную и авантюрную партию в своей политической карьере. Россоу впоследствии справедливо и образно заметил: «Кавам сам был сплошной загадкой» [3]. Многим его решение по азербайджанскому вопросу, опубликованное в газете «Эттелаат», также казалось весьма неопределенным. В нем, в частности, говорилось: «Нынешнее правительство (иранское – Дж.Г.) с момента своего образования оказывает особую заботу и внимание азербайджанскому вопросу, а также проявляет большой интерес к проведению реформ в этой провинции, изучив пожелания своих уважаемых граждан. Кабинет министров призывает своих дорогих сограждан к единству и братству, чтобы исполнительная власть могла осуществить пожелания населения в рамках законов». Документ, принятый с целью разрешить азербайджанский кризис мирным путем, содержал ряд определенных уступок центрального правительства Тебризу: «В соответствии с принципами статей 29, 90, 92 и 93, добавленных в Конституцию, в законе, принятом в месяце раббиадгани 1325 года (т.е. мае-июне 1907 года), утвержденные в отношении провинциальных и областных энджуменов права для Иранского Азербайджана раскрываются и утверждаются следующим образом:

1. Руководители отделов сельского хозяйства, торговли и промышленности, транспорта, просвещения, здравоохранения и полиции, а также органов суда и прокуратуры, фининспектор назначаются провинциальными и областными энджуменами, а официальные приказы об

их деятельности издаются правительством на основании существующих правил.

2. С согласия провинциальных энджуменов право назначать генерал-губернатора предоставляется правительству, и командный состав вооруженных сил и жандармерии также назначается правительством.

3. Как и в других районах Ирана, в Азербайджане официальным языком будет фарси, в местных учреждениях и в судопроизводстве документация ведется на фарси и азербайджанском (тюркском) языках, с первого по пятый классы начальной школы занятия ведутся на азербайджанском языке.

4. При определении налоговой политики и бюджетного обеспечения страны правительство должно учитывать затраты на благоустройство азербайджанских городов, развитие народного образования и здравоохранения.

5. Как и в других районах Ирана, допускается свободная деятельность демократических организаций, профессиональных союзов и др.

6. К азербайджанскому населению и деятелям демократического движения Азербайджана не будут применяться репрессивные меры за участие в этом движении.

7. Разрешается привести в соответствие число жителей и число депутатов от провинции. Меджлису будет сделано соответствующее предложение в начале сессии 15-го созыва. После утверждения в Меджлисе будут проведены довыборы дополнительного числа депутатов.

С целью урегулирования создавшегося в Иране положения, правительство намерено осуществить указанные выше намерения» [4].

В течение последующих дней начиная с 25 апреля заявление правительства по азербайджанскому вопросу стало главной темой тегеранских газет. Просоветски настроенные издания высоко оценивали решения иранского руководства. Самым главным, по их мнению, было то, что тегеранское правительство признавало народное движение в Азербайджане как демократическое. «Иране Ма» пафосно писала: «Тегеран протянул руку дружбы нашим братьям-азербайджанцам. Мы надеемся, что они не отвергнут эту руку и вместе с братьями-иранцами пойдут вперед к благополучной и счастливой жизни». Касаясь характера азербайджанского движения, газета отмечала его значимую роль в демократизации всего Ирана. По мнению газеты «Кейхан», если Иран не может приблизить к себе Азербайджан, то сам должен двигаться в его сторону. Провинциальным и областным энджуменам страны должны быть предоставлены более широкие права и свобода действий. Ратуя за то же, другие издания поднимали и вопрос о земле.

Стараясь ослабить прессинг этих требований, Кавам 23 апреля вынужден был объявить: все, что делается для Азербайджана в настоящем

и будет сделано в будущем, опирается на Конституцию и другие действующие законы страны. Вопрос распространения на другие регионы более широких прав провинциальных и областных энджуменов будет рассматриваться. Что касается распределения земель, то это возможно в случае с государственными землями; что же касается раздела земель, находящихся в частной собственности, то здесь возникает противоречие с Конституцией и принципами ислама. Правительство изучает пути улучшения положения крестьян. Уже состоялось заседание специальной комиссии по этому вопросу. После всестороннего его изучения правительство примет действенные меры [5].

Наряду с публикациями в поддержку Кавама в левых и проправительственных газетах правая и оппозиционная пресса обрушилась на него с острой критикой. Газета «Кесра» в номере от 24 апреля писала: «Во-первых, Конституция не предусматривает предоставления столь широких прав органам местного самоуправления. Правительство не имеет права трактовать законы как угодно. Права, данные энджуменам, исключают правление центрального правительства в Азербайджане. Даже войсковое командование и жандармерия не может проводить на местах линию правительства, и даже местная полиция может арестовать этих командиров. Преподавание на азербайджанском языке в начальных классах недопустимо. Все азербайджанцы – иранцы. По этой логике в Хузистане должны преподавать на арабском, а в Курдистане – на курдском». Газета «Кушеш» в номере от 25 апреля заявляла примерно то же самое. По ее мнению, если предполагаемая автономия будет предоставлена Азербайджану и другим провинциям, то государство преобразуется в федеральную структуру.

Вспоминая и на Западе, усмотрев в решении иранского правительства уступки не столько Азербайджану, сколько СССР. В издающемся в Тегеране англоязычном бюллетене «Дейли Ньюс» была опубликована 24 апреля статья депутата британского парламента от консерваторов, бригадного генерала Энтони Хеда, главной мыслью которой было ни в коем случае не допустить захвата Азербайджана русскими; туда должна быть направлена комиссия ООН для противодействия влиянию Советов. Хед считал исключение иранского вопроса из повестки дня Совета Безопасности началом больших невзгод. Он писал: «Если в Азербайджане установится русское правление, это станет многозначимым началом выдавливания Англии со Среднего Востока» [6].

Совершающий совместно с А.Хедом вояж по Ирану депутат-лейборист Майкл Фуд заявлял, что русские хотят сохранить в Азербайджане «правлящую силу» и планируют сохранить свой контроль над предстоящими выборами в Иране.

После объявления о начале переговоров с Азербайджаном журнал «Тайм» писал: «Русские в Иране закручивают гайки. Правительство Кавама пляшет под их музыку, подвергая зарубежных корреспондентов цензуре, оказывая давление на правую прессу. Осуждено так много правых лидеров, что и лидеры центристов боятся за судьбу предстоящих выборов». Вместе с тем, по мнению журнала «Тайм», Запад все еще надеется, что тегеранское правительство избежит роли марионетки в руках Советов. В связи с чем, высокопоставленные официальные лица в Вашингтоне с удовлетворением отмечают, что позиция Совета Безопасности сильно осложнила попытку Москвы подчинить своему влиянию весь Иран [7].

Утром 22 апреля премьер-министр С.Дж.Пишевари принял прибывшего из Тегерана Ф.Ипекчиана, который заявил, что уполномочен Кавамом для ведения переговоров о мире. Он сообщил, что в Тегеране для переговоров с Национальным правительством создана делегация в составе заместителя премьер-министра по политическим вопросам Мюзаффара Фируза, Муваррихидола Сепехра, Мосташарудовле Садыка, Фармана Фарманиана, Мамеда Вели Мирза и его, Ф.Ипекчиана. Поэтому он просит, чтобы Пишевари также создал соответствующую делегацию от своего кабинета. Пишевари обещал обсудить это в Милли меджлисе. Далее разговор принял неофициальный характер, и Ипекчиан позволил себе весьма откровенно высказать собственные суждения. Так, он считал, что если вооруженные силы Азербайджана будут распущены, то гарантии центрального правительства вряд ли окажутся реальными. По его мнению, до начала новой сессии иранского парламента Национальная армия и федаины должны быть сохранены. Более того, он подчеркнул, что роспуск азербайджанской армии ставит под сомнение выполнение нефтяного договора с русскими. Азербайджанские вооруженные силы являются главным гарантом успешного утверждения договора в Меджлисе. Когда Пишевари спросил, что думает по этому поводу сам Кавам, Ипекчиан ответил, что по существу он ничего сказать не может, но полагает, что в случае расторжения договора между Ираном и СССР премьера могут сместить. Касаясь состава комиссии, Ипекчиан заметил, что Мосташарудовле является сторонником Азербайджана, а Сепехру он лично не доверяет. Затем Ипекчиан счел нужным отметить, что в Тегеране число сторонников демократического движения увеличилось и надо укреплять это движение, а Джафара Кавиана надо оставить на посту руководителя вооруженных сил Азербайджана [8].

После встречи с Пишевари в тот же день Ф.Ипекчиан посетил советского генконсула в Тебризе Красных и вице-консула Н.Кулиева, причем Н.Кулиеву наедине он поведал, что перед приездом встречался в Тегеране с Садчиковым и обменялся с ним мнениями. Уже известно, что

имеется письменное соглашение между премьером Кавамом и советским послом. Делегация, которая предложена иранским правительством для ведения переговоров, по существу обязана лишь формально утвердить это соглашение. В соответствии с ним, в Азербайджане не должны существовать Меджлис и Национальное правительство, что же касается остальных требований демократов, то они будут выполнены в определенной мере. Поэтому Ипекчиан и прибыл раньше других в Тебриз, чтобы предупредить Пишевари о некоторых нюансах предстоящих переговоров.

Главное, неустанно повторял на всех встречах Ипекчиан, что демократы должны настаивать, чтобы национальные войска в Азербайджане не были распущены, а сохранились в нынешнем качестве - с подчинением не Тегерану, а Тебризу - в течение хотя бы 7-8 месяцев, т.е. до новых выборов в Меджлис 15-го созыва. Ипекчиан считал, что азербайджанские руководители, проявив настойчивость, сумеют сохранить за собой командование войсками. Правда, он предупреждал, что это требование наверняка встретит резкое возражение Кавама, но тем не менее демократы должны настаивать на своем и требовать, чтобы командование азербайджанских войск было возложено на военного министра Национального правительства Кавиана, с подчинением его только местной власти. Со своей стороны Ипекчиан обещал, что приложит все усилия, чтобы комиссия приняла это требование. Он не сомневался, что от положительного разрешения данного вопроса зависит выполнение Ираном остальных обещаний, предусмотренных советско-иранским соглашением, при этом свое требование по сохранению руководства войсками азербайджанские переговорщики могут аргументировать тем, что пока всемерно доверяют обещаниям Тегерана.

А вот что касается жандармерии, то, по мнению Ипекчиана, ее следует ликвидировать, так как население ненавидит ее, ассоциируя с прежними карательными операциями. Вместо жандармерии можно согласиться на создание другого полицейского органа для поддержания общественного порядка, но с новым названием. Вооруженные отряды нового органа должны состоять из феодалов, а во главе его нужно добиваться назначения одного из руководителей демократов.

Ипекчиан сообщил, что местом переговоров выбран город Кередж. Он предложил Пишевари лично возглавить делегацию Азербайджана, чтобы обеспечить эффективность переговоров. Ипекчиан к тому же добавил, что диалог надо начать и закончить до ухода советских войск из Ирана, ибо их пребывание в стране в известной мере может повлиять на ход переговоров в пользу Азербайджана.

Наконец, Ипекчиан предупредил, что англичане и американцы пытаются взять под контроль выборы в Меджлис 15-го созыва и провести туда

своих людей. Если они добьются этого, то в Иране установится самый реакционный режим и все достижения Азербайджана, в том числе и совместный нефтяной проект, потеряют всякий смысл. Поэтому до выяснения ситуации Азербайджан не должен соглашаться на передачу командования своей армии Тегерану [9].

Вечером 22 апреля состоялось заседание Национального правительства, целью которого было обсудить предстоящие переговоры с Тегераном. За два часа до этого бакинская «тройка» и лидеры демократов во главе с Пишевари рассмотрели предложения Ипекчиана. Было решено в состав делегации рекомендовать секретаря ЦК АДП С.Падегана, министра внутренних дел С.Джавида, генерального прокурора Ф.Ибрагими, члена президиума Меджлиса, лояльного к демократам купца Садыха Дильмагани, заместителя премьер-министра Джаханшахлу, представителя курдов Мамед Усейн хана Сейф Гази. Острая дискуссия возникла по поводу места проведения переговоров. Пишевари и другие лидеры весьма скептически отнеслись к предложению Тегерана сделать им Кередж. Это означало, что все будет так, как того хочет центр, а азербайджанцы будут вынуждены лишь соглашаться с заранее принятыми решениями. Пишевари был чрезвычайно недоволен поведением Садчикова, который, не считаясь с мнением азербайджанцев, дал согласие на Кередж как на место встречи сторон. Пишевари с горечью заметил, что с самого начала было ясно, что демократы должны действовать в строгом соответствии с рекомендациями советских органов, т.е., руководствуясь соображениями и политикой СССР и самого Садчикова, но почему нельзя сделать так, чтобы азербайджанцы с самого начала не оказались на положении заранее подчиненных Тегерану. Поддержав своего премьера, все единодушно решили добиваться, чтобы вести переговоры или в Азербайджане, или, в крайнем случае, в Тегеране, но никак не в Кередже. Если Кавам назвал Кередж, чтобы быть поближе к своим делегатам для осуществления руководства диалогом, то ему легче будет руководить в самом Тегеране. Против Тегерана у демократов нет возражений [10].

Утром 23 апреля состоялась вторая встреча Пишевари с Ипекчианом. Пишевари объявил о решении Национального правительства проводить переговоры в Тегеране. Ипекчиан одобрил это и обещал телеграфом известить Тегеран. Затем он поинтересовался причиной включения Сейфа Гази в состав азербайджанской делегации. Пишевари объяснил, что Гази включен как представитель курдов. Ипекчиан заметил, что Кавам вряд ли согласится с этой кандидатурой. Стороны согласились также не включать в делегацию представителей тебризского духовенства. Ипекчиан вновь очень настаивал на личном участии Пишевари в переговорах. Но премьер заявил, что это невозможно и объяснил, что, во-первых, имеется решение

партии и правительства о составе делегации, а во-вторых, у него высокое давление и врачи запрещают ему летать на самолете.

Естественно, разговор зашел о положении самого Кавама. По мнению Ипекчиана, Кавам окружен людьми, заинтересованными в срыве переговоров, и с шахом у него отношения плохие, но посоветовал Пишевари все же встретиться с Кавамом. Пишевари согласился с этой идеей и сказал, что встречу с Кавамом можно организовать тайно в Астаре. Но Ипекчиан отверг это предложение, заявив, что Кавам не может выехать из Тегерана. Тогда Пишевари согласился встретиться с кем-либо из доверенных людей Кавама, но в Тебризе. Ипекчиан обещал по приезде в Тегеран доложить об этом Каваму. В конце беседы Ипекчиан вновь подчеркнул необходимость сохранения нынешнего положения в Азербайджане и отстаивать престиж азербайджанского Национального правительства [11].

23 апреля Ф.Ипекчиан вновь встретился и с вице-консулом Н.Кулиевым. В первую очередь Ипекчиан изложил свое мнение о составе азербайджанской делегации. Положительно отзывавшись о Падегане и С.Джавиде, он заявил, что не знает С.Дилмагани, а в отношении Н.Джаханшахлу вообще высказался достаточно отрицательно. По его словам, Джаханшахлу пользуется нелестной репутацией в Тегеране, а Кавам его даже недолюбливает. Ипекчиан еще раз пытался доказать особую целесообразность поездки Пишевари во главе делегации от Азербайджана. По его словам, Кавам очень считается с авторитетом и положением Пишевари. Касаясь кандидатуры Сейфа Гази, Ипекчиан напомнил, что о курдах в Тегеране не было речи. Кавам не придает положению этой народности особого значения и считает, что после разрешения азербайджанского вопроса курдский вопрос разрешится сам по себе, ибо азербайджанцы сами после переговоров наведут порядок и в Азербайджане, и в Курдистане.

Ипекчиан еще раз подчеркнул важность сохранения народной армии и отрядов федаинов, а также рекомендовал привлекать в армию азербайджанских офицеров, ныне проходящих службу в разных районах Ирана, и сохранить руководство над армией азербайджанского остандара. Он обещал по этому вопросу воздействовать на других членов иранской делегации, но заметил при этом: «Правда, Кавам не дает согласия на оставление вооруженных сил в подчинении местной власти, но надеюсь, что если делегации вынесут решение, то он вынужден будет согласиться, особенно учитывая то обстоятельство, что Кавам сам нуждается в опоре и ищет ее среди азербайджанцев. Кавам возлагает на тегеранскую делегацию большие надежды и даже в последнюю нашу встречу сказал: «Как хотите договоритесь с азербайджанцами, но только прошу все сделать так, чтобы не давать повода моим противникам, которые только и ждут, чтобы

развернуть кампанию против меня и дискредитировать перед общественностью Ирана» [12].

После нескольких обсуждений в составе делегации, направляющейся в Тегеран, были произведены замены. Премьер Пишевари все-таки принял на себя руководство делегацией. Ее состав стал следующим: секретарь ЦК АДП С. Падеган, генеральный прокурор Ф.Ибрагими, член президиума Меджлиса С.Дилмагани, заместитель премьер-министра доктор Н.Джаханшахлу, представитель курдов Сейф Гази. Вали Резайе Т.Шахин был избран секретарем делегации.

Уже 24 апреля в Тебриз поступила информация о том, что иранское правительство ведет серьезную подготовку к встрече азербайджанских представителей. В тегеранском аэропорту Пишевари должен был встречать заместитель Кавама Музаффар Фируз. Для обеспечения безопасности делегации было выделено 50 жандармов и большое число полицейских в штатском.

28 апреля 15 тысяч жителей Тебриза собрались в аэропорту, чтобы проводить своих посланцев в Тегеран. Состоялся большой митинг, на котором выступили Пишевари и другие члены делегации. Вместе с азербайджанской делегацией в Тегеран вылетел и Ф.Ипекчиан, а уже 29 апреля начался первый тур переговоров.

С первых минут ни одна из сторон не желала уступать свои позиции: Иран не отступал от объявленных для региона 7 пунктов уступок, а Азербайджан отстаивал 33 пункта своих предложений, раскрытых в документе «Сохранение существующего положения в Азербайджане, укрепление и расширение основ демократии во всем Иране». Окончание двухнедельных переговоров и полный вывод советских войск из Иранского Азербайджана, можно сказать, совпали. И это, несомненно, значительно ослабило позиции азербайджанской делегации.

За день до отбытия тебризцев Багиров отправил Сталину донесение о ситуации в связи с выводом войск из Ирана. Он сообщал, что отдал приказ о возвращении 62 артиллерийских орудий, 34.854 артиллерийских снарядов, 49 станковых пулеметов, 4 млн. патронов. Винтовки, ручные пулеметы, револьверы и 3 млн. патронов остались у партизан для использования в случае необходимости. Одновременно Багиров просил санкции на следующие действия:

1. Часть актива азербайджанского демократического движения – человек 200 с семьями, наиболее проявивших себя в борьбе с реакционными элементами - в случае обострения обстановки вывезти в Советский Союз.

2. В связи с предстоящим развертыванием нефтяной разведки на севере Ирана штаты консульских и торговых организаций в Иранском Азербайджане не сокращать.

3. Сохранить советские больницы в гг. Тебризе и Реште.

4. Сохранить созданный Советами тебризский Дом культуры ВОКСа, увеличив число работников на 10-15 человек.

5. Типографское оборудование армейской газеты «За Родину» передать в распоряжение тебризского Дома культуры для организации еженедельной газеты ВОКСа, как это делают англичане и американцы.

6. Продолжать издание в Баку для Иранского Азербайджана ежемесячного общественно-политического и литературного журнала «Азербайджан».

7. Оборудованную в Тебризе стационарную вещательную радиостанцию передать местным властям города как дар Красной Армии.

8. Трикотажную фабрику, вывезенную в свое время из Баку в Тебриз, передать ЦК ДПА для материальной поддержки партии, оформив это документом продажи ее группе купцов-демократов.

9. Сохранить организованную в 1944 году в Тебризе советскую среднюю азербайджанскую школу [13].

28 апреля 1946 года во время обеда у госсекретаря США Д.Ф.Бирнса в отеле «Мерис» в Париже состоялась беседа Д.Бирнса с В.Молотовым, которую можно назвать «разбором полетов» по свежим следам. Молотов начал с того, что в последнее время, как считает Москва, действия правительства США были однозначно направлены против СССР, способствовали созданию атмосферы недоверия вокруг СССР и развертыванию международной кампании, враждебной СССР. Взять хотя бы пример с Ираном. Правительство США не пожелало отложить обсуждение иранского вопроса хотя бы на две недели, как об этом просило советское правительство. Позже Вашингтон настаивал на оставлении иранского вопроса в Совете Безопасности вопреки просьбам СССР и Ирана. Бирнс парировал, что в декабре прошлого года он изложил генералиссимусу Сталину точку зрения правительства США по иранскому кризису, предупредив, что если иранский вопрос перейдет в Организацию Объединенных Наций, США будут вынуждены выступить в защиту Ирана. И он, Бирнс, надеялся, что во избежание этого будет принято предложение по Ирану, которое сделал в то время Бевин. Если бы это предложение было тогда принято, то иранский вопрос вообще не возник бы. Поскольку же вполне разумное, по мнению американцев, предложение было в последнюю минуту отклонено советским правительством и иранский вопрос перешел в Организацию Объединенных Наций, позиция США в Совете Безопасности не должна была стать неожиданной для СССР.

И окончательно отменяя все претензии русских, Бирнс добавил: «Ссылки советского правительства на то, что Иран может представлять опасность для СССР, столь же безосновательны, сколь были бы безосновательны ссылки США на то, что Эквадор угрожает США. Что

касается иранской нефти, то еще во время Крымской конференции Стеттиниус и Иден заявили об отсутствии у США и Англии возражений против приобретения Советским Союзом нефтяных концессий в Иране. Следовательно, нежелание Советского Союза выводить войска из Ирана было вызвано стремлением советского правительства добиться от Ирана принять свои требования... Это создало у мирового общественного мнения впечатление, что СССР стремится в Иране к экспансии, так же как он осуществляет это в Европе. США вовсе не стремились оставить иранский вопрос в повестке дня Совета Безопасности. Наоборот, когда Советы сделали заявление об отводе войск из Ирана в течение шести недель, он, Бирнс, доверяя советскому правительству, предложил не обсуждать иранский вопрос до 6 мая, когда он оказался бы автоматически снятым с повестки дня, поскольку СССР выполнил бы свое обещание. Совет Безопасности согласился с этим, и иранский вопрос не обсуждался до тех пор, пока его снова не поднял сам того не желая Громько, настаивая снять его с повестки дня. Это было весьма неразумным шагом советского представителя, который тем самым воскресил рассмотрение иранской проблемы».

Молотов в ответ возразил, что советское правительство не могло принять предложение Бевина, так как не знало, как отнесется к этому Тегеран. Впоследствии оказалось, что иранское правительство и общественные круги страны отрицательно восприняли предложения Бевина. Подчеркивая неприемлемость примера Бирнса с Эквадором, Молотов заметил, что «опасность со стороны Ирана Советскому Союзу проистекает из того факта, что Иран при наличии там враждебного СССР правительства может вновь попытаться, как это было в прошлом, столкнуть лбами СССР, с одной стороны, и США и Англию – с другой» [14].

Начиная с последней недели апреля и до дня победы - 9 мая Советская Армия покидала Южный Азербайджан. В оставляемых населенных пунктах население трогательно прощалось со своими защитниками. В Ардебиле, Мараге, Резайе, Хое, Зенджане и других городах проводы были торжественными. 5 мая в Тебризе проститься с Советской Армией собрались 100 тысяч человек. Даже дипломатический корпус принял участие в этой акции. Вице-консул Р.Россоу писал по этому поводу: «Неожиданно начиная с 22 апреля советские боевые машины, танки, войска начали движение на север. 5 мая покинули и Тебриз. Однако, если быть точными, эвакуация до 6 мая, как было обещано, не завершилась» [15].

В те дни пресса США описывала «отход русских» как праздник. Вместе с тем на страницах прессы выражалось мнение, что американская общественность может проникнуться ложной мыслью, что «иранский

вопрос окончательно решен». Журнал «Тайм» писал: «Несомненным фактом является то, что Россия никогда не желала неопределенной оккупации Северного Ирана. Она хотела, первое, наличия в Тегеране правительства, прислушивающегося к ее требованиям; и второе, дотянуться до иранской нефти. Именно на выполнение этих стремлений намекал Кавам при заключении русско-иранского договора» [16].

Азербайджанские офицеры и солдаты в рядах Советской Армии, политработники и интеллигенты, командированные из Советского Азербайджана для участия в социально-политических, экономических, культурных, военных мероприятиях национального правительства, с большим сожалением покидали Иранский Азербайджан. Проходя через города и деревни они слышали обращенные к ним горькие вопросы на родном азербайджанском языке: «Не уходите, куда вы уходите?», «Почему вы покидаете нас?», «Не забывайте о нас», «До скорой встречи», и это действовало удручающе. На обещание: «Мы будем недалеко, по ту сторону Аракса», в ответ слышали горестное: «Да высохнет Аракс до самого дна». Тяжкие предчувствия азербайджанской интеллигенции ответственный редактор журнала «Азербайджан» Расул Рза выразил таким образом: «Когда мы расставались, над горой Яныг полыхали молнии. Деревья миндаля сменили свой белый наряд на зеленый атлас. Розовые цветы персиков украсили горы. Мой прекрасный друг, я доверяю тебя тебризской весне. Я видел тебя, внимающего песне проходивших колоннами федаинов. Ты был взволнован. Может быть, это чувство возбудил в тебе вечер прощания. Мой прекрасный друг, я не оставил тебя в одиночестве. Я доверил тебя теплым майским лучам утреннего солнца. Мы весь день гуляли вместе. Мы любовались караульной башней, возвышавшейся над Тебризом. Смотрели на крепость Арк. Вновь обошли весь Тебриз. Ты, внимательно посмотрев в мои глаза, полушутя-полусерьезно сказал: «Ты не похож на плачущего, ты вечно смеешься», и смахнул слезу. Мой душевный друг, разве ты не видишь слезы сквозь мою улыбку, не слышишь рыдания сквозь мой показной смех?» [17].

8 мая, в день завершения вывода советских войск, по решению ЦК АДП во всех партийных ячейках были проведены собрания, на которых лидеры Национального правительства и АДП, руководители окружных и городских органов выступали с докладами «О современном положении». Была обсуждена ситуация, которая может сложиться после вывода советских войск, ход переговоров в Тегеране и другие вопросы.

В связи с окончанием вывода Советской Армии из Иранского Азербайджана Багиров писал Сталину: «Крестьяне, рабочие, интеллигенция и все демократические элементы открыто выражали чувство сожаления по поводу эвакуации советских войск из Ирана. Эти слои населения проявляют беспокойство и тревогу за дальнейшую судьбу

демократического движения в Азербайджане... Совершенно иную оценку и иную реакцию вызвало решение советского правительства о выводе частей Красной Армии из Ирана у реакционных элементов и в проанглийских кругах... Факт вывода советских войск из Ирана ими пропагандировался как результат давления Англии и США на Советский Союз и как победа англо-американской политики. С уходом наших войск у реакционеров усилилась надежда на разгром демократических организаций и уничтожение руководителей национально-освободительного движения в Азербайджане» [18].

Журнал «Тайм» в номере 16 от 22 апреля писал: «Тегеран нуждался в помощи России, а потому представлял русофильские восстания в Азербайджане как внутреннее дело Ирана,. Но сегодня проблемы охватили весь Иран. После отхода Красной Армии правые политики и крупные землевладельцы все еще видели Кавама приспешником Советов и противодействовали ему. На побережье Каспия, в Мазандаране вооруженные банды нападали на рабочих и крестьян. Хорасанские фундаменталисты организовывались в борьбе за отмену реформ, осуществленных еще Реза шахом Пехлеви. Главной их целью было вернуть женщинам чадру, а мужчинам – бороды».

В собранных советским консульством в Тебризе секретных сведениях отмечалось, что, по слухам, циркулирующим среди населения, русские покидают Азербайджан по приказу американцев. Несмотря на то, что Советы дали азербайджанцам много оружия, теперь они вынуждены все это вывозить обратно. Многие советские офицеры, которые проживали в Азербайджане под фамилиями Ахунд-заде, Ибрагим-заде, Лятиф-заде и т.п., теперь покидают Азербайджан.

Связывая уход советских войск с Кавамом, реакционеры устраивали банкеты в его, Кавама, честь. Известный купец Мамед Рза Интизари заявил советскому агенту: «Кавам своей остроумной политикой смог обмануть руководителей такой великой державы, как Советский Союз. С таким же успехом он может обвести вокруг пальца и Пишевари. Самое важное, что русские ушли из Азербайджана, дальше все будет гладко». Некий доктор Барат, известный как реакционно настроенный деятель, говорил, что как иранец и патриот своего народа он гордится Кавамом, который своей политикой спасает Иран. «В переговорах с русскими Иран выиграл. Благодаря Каваму русские войска ушли из Ирана навсегда. Провалились все их планы в Азербайджане. Что касается нефтяного общества – то и здесь русские проиграли. Этот вопрос будет еще решаться в Меджлисе. То, что происходило в Азербайджане, затеяно кавказцами, но Кавам никогда не согласится с требованиями делегации Азербайджана. В ближайшем будущем правительство Пишевари исчезнет». Купец Мешади Таги Мианали заявил: «Как видите, Кавам разыграл с Советским Союзом такую

партию, какую даже Черчилль не смог сыграть с СССР. Кавам с таким же успехом обыграет Пишевари» [19]. Это были недвусмысленные намеки на провал демократов на переговорах.

Однако в то время как советские войска уходили из Азербайджана, переговоры Тегерана и Тебриза еще не завершились. Вся общественность Азербайджана, Ирана и представители великих держав в столице внимательно следили за поединком между Ахмед Кавамом и Сеид-Джафаром Пишевари. США придавали особое значение событиям в Иране, и поэтому в апреле на место посла в Тегеране Мюррея, чья дипломатическая миссия была завершена, был назначен молодой, сильный и перспективный дипломат, заместитель директора управления Ближнего Востока и Африки государственного департамента Джордж Аллен. 11 мая он приступил к исполнению своих обязанностей. На Аллена было возложено укрепление заметно ослабленных американских позиций на Среднем Востоке. В период войны была создана небольшая специальная группа американских дипломатов, осведомленных о наращивании вмешательства США на всем Ближнем Востоке. Джордж Аллен был одним из самых подающих надежды среди них. В последние годы он работал под руководством Лоя Хендерсона в отделе Ближнего Востока. Аллен разделял мнение своего начальства о том, что цели СССР представляют угрозу интересам США в этом регионе. На мартовском заседании Совета Безопасности при назначении Аллена помощником госсекретаря Бирнса, Хендерсон лично продемонстрировал свое доверие к нему. Бирнс использовал всю свою энергию и возможности для того, чтобы Аллен мог проявить себя при руководстве посольством в Тегеране [20]. В конце апреля – начале мая деятельностью американского дипломатического представительства в Тегеране временно руководил советник посольства Ворд. Именно Ворд посылал в государственный департамент и государственному секретарю информацию о ходе переговоров между Кавамом и Пишевари.

Избранные для переговоров с Пишевари Сепехр, М.Фируз, Мусташари Довла, Ланкарани, Фарман Фарманиан и Ипекчиан 29 апреля потребовали гарантий для переговоров с азербайджанцами. После некоторых раздумий Кавам дал такие гарантии. С азербайджанской стороны в переговорах участвовали Пишевари, С.Падеган, доктор Джаханшахлу, Ф.Ибрагими, С.Дилмагани и Сейф Гази.

В тот же день в 16.00 иранская комиссия встретилась с Пишевари. Первая беседа носила общий характер, но иранцы с порога заявили, что в азербайджанском вопросе нельзя выходить за рамки объявленного коммюнике. Это сразу же показало бесперспективность переговоров. Было решено работать с 16.00 до 20.00. Комиссия попросила Пишевари выдвинуть свои требования. Однако тот пока не спешил.

В тот же вечер, в 20.00, Музаффар Фируз и Сепехр тайно встретились с Пишевари. Фируз сразу подчеркнул, что их не интересуют общие разговоры, они хотят знать конкретные требования. На что Пишевари заявил, что не может согласиться с изменением существующего положения в Азербайджане и не позволит, чтобы в созданной им армии командовал ставленник сына Реза шаха: «Мы теперь сильны и не можем позволить перечеркнуть достигнутое». Фируз ответил, что он более чем кто-либо согласен с Сеид-Джафаром, но сейчас он представляет правительство и возможности его ограничены. Пока преимущество азербайджанцев только в физической силе, и они забывают о международной поддержке, оказываемой Каваму. Пишевари заметил, что они знают о международном влиянии Кавама, и только поэтому они здесь. Фируз напомнил, что если переговоры зайдут в тупик, Кавам вынужден будет уйти в отставку. Азербайджанский премьер изъявил готовность помочь Каваму. Фируз опять спросил, каково основное требование азербайджанцев. Пишевари заявил, что для азербайджанских демократов безразлично, как будут называться учреждения, им важно сохранить достигнутое, а самое главное – армия должна подчиняться местной власти и генеральный штаб должен быть внутри армейского командования, а не в Тегеране. Пишевари добавил еще три требования, и М.Фируз обещал уговорить Кавама. В конце этой неофициальной беседы Фируз предложил заключить тайное соглашение между Кавамом и Пишевари с целью коренной перестройки политического режима в Иране. Пишевари обещал подумать над этим [21].

Наконец Пишевари вручил комиссии требования азербайджанской делегации, состоящие из 30 статей. 30 апреля Кавам принял Пишевари. Вначале он задал несколько вопросов, касающихся взаимоотношений Демпартии и Народной партии. Пишевари дипломатично объяснил, что в Народной партии есть много честных людей, но ее руководство допустило ряд серьезных политических просчетов, однако, если Кавам не возражает, он готов с целью объединения всех демократических сил начать переговоры с лидерами Народной партии. Кавам лицемерно заметил, что в данный момент единство демократических сил служит как интересам государства, так и интересам его правительства. Пишевари ответил, что сделает все, зависящее от него, чтобы защитить престиж как правительства, так и лично самого Кавама. Здесь же Пишевари объявил, что в связи с выводом советских войск он должен быть в Тебризе и после 4 марта уже не может оставаться в Тегеране. Кавам выразил надежду, что до тех пор переговоры завершатся.

После ухода азербайджанского лидера между Кавамом и М.Фирузом состоялся примечательный обмен мнениями. Кавам сказал, что хочет удовлетворить просьбу Пишевари о сохранении структуры

азербайджанской армии, чтобы противопоставить эту силу интригам шахского двора и англичан. Фируз посоветовал как можно быстрее подготовить проект такого постановления и вынести вопрос на обсуждение кабинета министров. Любое другое решение будет способствовать отдалению Азербайджана, считал он. Фируз настаивал решить вопрос как можно скорее, чтобы не дать членам кабинета возможности с кем-либо посоветоваться. «Надо уже этой ночью заключить договор с Пишевари, шах узнает об этом на следующий день, но будет уже поздно». По их негласному плану, Фируз должен был в 7.00 утра по радио сообщить о решении правительства как о свершившемся факте. Но Кавам так и не смог получить от советского посла ясного ответа: поддержат ли его Советы, если он выступит против шаха и сил реакции. Фируз советовал, чтобы левая пресса требовала сохранения азербайджанской армии, чтобы газеты выступили с жесткой критикой шаха, публиковались разоблачительные материалы о деятельности бывшего английского посла Булларда и его агентуры. Эти издания можно затем формально и демонстративно закрыть, а спустя некоторое время вновь открыть. Тем самым будет выиграно время [22].

В начавшихся в Тегеране переговорах представители Азербайджана предлагали признать созданное 3 сентября 1945 г. в Азербайджане прогрессивное движение демократическим, прогрессивным и являющимся залогом истинного суверенитета Ирана. В представленном демократами документе говорилось: «Азербайджан, включающий 3-й и 4-й останы и область Хамса (Зенджан), в форме автономного управления находится в составе Ирана, и столицей его является Тебриз».

Во время первых обсуждений правительство Кавама эс-Салтане настаивало на том, чтобы не выходить за рамки семи статей своего заявления [23]. Но кабинет министров, обсуждавший 4 мая предложения азербайджанских представителей, пришел к выводу о невозможности их принять.

После нескольких встреч с иранской делегацией и лично Кавамом, Пишевари понял, что его обманывают и что советское посольство в этой игре активно участвует. Возмущенный происходящим, он решил уклониться от дальнейших переговоров и, не подписывая никаких документов, вернуться в Тебриз. Посол И.Садчиков, внимательно следивший за действиями Пишевари, 4 мая сообщал в МИД СССР и в Баку, М.Дж.Багирову, следующее: «Считаю своей обязанностью информировать вас о некоторых странных заявлениях Пишевари, непоследовательности его позиции в переговорах и не вполне достойном поведении. В первую нашу встречу я справился о состоянии его здоровья. Он ответил, что чувствует себя явно больным, испытывая сильные головные боли и боли в желудке. На мой вопрос, на какой основе он

думает вести переговоры с иранцами, он ответил, что вообще не хочет вести с ними переговоры, ибо рассуждения все равно ни к чему не приведут». Далее Пишевари заявил: «Я приехал сюда не по своей воле, меня заставили сюда приехать. Зачем это сделали? Зачем нужно было позорить меня перед азербайджанским народом и унижать перед реакционером Кавамом? Кавама я не люблю, не доверяю ему, он обманет нас и обманет вас - нефти не получите. Весь азербайджанский народ ненавидит Кавама, а меня заставили приехать к нему. Зачем? В начале подняли на небеса, а теперь бросаете в колодезь, за что? Что плохого я сделал Советскому Союзу? Всю жизнь служил ему, сидел в тюрьмах, а теперь вынудили меня приехать сюда, чтобы своими руками подписать позорное соглашение. Я предлагал товарищу Багирову, чтобы я подал в отставку. Пришли бы другие, более удобные, а я бы вообще уехал из Азербайджана... Я сохранил бы авторитет, уважение, а теперь меня отдали в лапы реакционеров, которые арестуют нас всех. А я ведь тоже человек, у меня есть семья, я, наконец, болен».

Советский дипломат, пытаясь успокоить Пишевари, заверял, что его приезд нужен прежде всего для блага и пользы азербайджанского народа. Но Пишевари не поддавался на прекрасноречивые разглагольствования: «Почему нас заставляют идти на уступки Тегерану, ведь мы не побеждены, у нас есть силы. Пусть мне разрешат, я захвачу Тегеран». Садчиков поинтересовался, какими силами он располагает. Пишевари ответил, что имеет 10 тысяч регулярного войска и около 15 тысяч федаинов. На вопрос, имеются ли танки, самолеты, он горько заметил, что имел танки и орудия, но теперь у него их отняли. Посол заявил, что с такими силами и средствами захватить Тегеран не удастся, ибо у иранского правительства мощные вооруженные силы. Ну что ж, сказал Пишевари, «если суждено, мы умрем, за свободу можно и умереть».

Дословно цитируя разговор, И.Садчиков пишет: «Я указал ему, что это вопрос бесцельного кровопролития и что де-факто реакция уничтожит те достижения азербайджанцев, которые еще можно сохранить, а самое главное, вооруженное столкновение между иранцами и азербайджанцами в нынешних условиях неизбежно привело бы к новой мировой войне, ибо союзная контрольная комиссия стала бы поддерживать иранцев, а мы – азербайджанцев. «А вы не помогайте нам, мы будем бороться своими силами», - воскликнул Пишевари. Мне пришлось долго и упорно объяснять ему, что мы исчерпали все средства поддержки азербайджанцев, что остается только одно средство – война, а на это мы пойти не можем» [24].

Несмотря на оптимистический тон интервью, которое дал газете «Эттелаат» 6 мая руководитель иранской делегации, министр промышленности и торговли Сепехр, в котором речь шла об

урегулировании вопроса в ближайшие два-три дня, переговоры шли отнюдь не гладко. Начиная с первых дней левая пресса Тегерана – «Рахбар», «Зафар», «Иране Ма», «Неджате Иран», «Башар», «Эстеглал», «Дад» и другие издания встали на сторону позиции делегации Азербайджана, часто печатали фотографии Пишевари. В самом начале переговоров органы печати выдвигали четыре требования к премьер-министру Каваму. В них отмечалось: «Реформы, претворенные в жизнь в Азербайджане, а также аграрные преобразования должны сохраниться и распространиться на весь Иран; произвести чистки в государственном аппарате, армии и жандармерии, срочно уволить иностранных консультантов в жандармерии, в частности американского полковника Шварцкопфа; признать азербайджанскую армию и ее ныне действующее командование; дать право азербайджанцам самим назначать командный состав в армии и жандармерии» [25].

Однако такие правые газеты как «Хавер», «Кушеш», «Атеш», «Михан», «Тегране Мосоввар», «Касра», «Джедал» на своих страницах выступали не только против выдвижения условий, но и вообще против переговоров с Пишевари и его делегацией. Адресованные Каваму требования они обобщили следующим образом: «Отказаться от права внутреннего самоуправления в Азербайджане и некоторых других провинциях Ирана; ликвидировать аграрные реформы в Азербайджане, т.к. они противоречат святым законам частной собственности и исламской религии; отменить пункт 6 декларации от 22 апреля, который обещает неприкосновенность участникам демократического движения и деятелям азербайджанской демократии; лица, нарушающие закон и восстающие против закона и своих соотечественников, должны быть наказаны; отменить пункт 3 декларации об азербайджанском языке; срочно отправить иранскую армию в Азербайджан вместо эвакуированной советской армии». Газета «Атеш» 4 мая писала: «Премьер-министр в вопросе азербайджанского языка пошел на большие уступки. Сейчас народ опасается, что в этот раз он, назначив Пишевари вали округа, тем самым сделает Азербайджану большой подарок». Газета «Мехре Иран» считала, что обсуждаемое соглашение носит межгосударственный характер и не укладывается в представление о территориальной целостности Ирана [26].

7 мая С.Дж.Пишевари направил Национальному правительству, на имя доктора Джавида, телеграмму с информацией о ходе тегеранских переговоров. Он просил Джавида, чтобы М.Дж.Багиров вмешался, повлиял на ход диалога. В завуалированной форме Пишевари сообщал, что Кавам хочет затянуть переговоры, а это навредит демократам: «Передайте Киши (Хозяину – т.е. М.Дж.Багирову – Дж.Г.), что мы без ведома родственников (т.е. представителей Советского Союза – Дж.Г.) ничего не делаем. Кавам по поводу армии, остандарлык (генерал-губернаторство) и земель не хочет

идти на уступки. Он хочет, чтобы мы армию сдали правительству, а федаинов (партизан) передали в распоряжение жандармских офицеров. Он не хочет слушать о нашем национальном Меджлисе и правительстве. Наше положение в высшей степени неясно. Вы передайте Киши, чтобы он предпринял меры к быстрейшему разрешению вопроса. Если так будет продолжаться, мы в конце концов окажемся в очень затруднительном положении» [27].

В начале мая, передавая посольству США сведения о ходе переговоров, Кавам сообщил, что беседы с Пишевари пока не дали никаких результатов. На последней встрече с представителями Азербайджана Кавам сообщил Пишевари, что он никак не может выйти за рамки декларации из семи пунктов, которая является основой для соглашения с Азербайджаном. Об этом же Кавам 7 мая сообщил послу Садчикову. Он заявил, что если не добьется прогресса в переговорах с азербайджанской делегацией, то подаст в отставку. Садчиков же выразил надежду, что Кавам все же не будет просить отставки, т.к. является опытным политиком, сделавшим первые, причем довольно тактичные шаги в решении этого вопроса. Русский дипломат остерегал Кавама: «Новый премьер-министр, не став продолжать начатую Кавамом политику, может довести до вооруженного столкновения, и в результате этого Иран станет ареной для международных конфликтов». Кавам срочно сообщил американцам, что несмотря на то, что советский посол вместо «гражданская война» осторожно употребил термин «международные конфликты», он считает, что посол все же имел в виду первое.

При встрече с новым послом США в Тегеране Джорджем Алленом Кавам пытался убедить его, что с шахом проблем больше, чем с Пишевари. Кавам уверял американца, что момент соглашения с Пишевари близок и отметил, что назначение вали в Тебризе напрямую из Тегерана и готовность Пишевари выбрать на пост командира азербайджанской армии одну из пяти предложенных кандидатур офицеров иранской армии дают на это основания. Что касается финансового вопроса, то Пишевари настаивает на учреждении должности главного финансового директора Азербайджана, но Кавам считает возможным решить этот вопрос иначе. Премьер-министр не скрыл от посла США, что шах возражает против этих предложений и настаивает на вводе трех бригад (5-6 тысяч солдат) иранской армии в Азербайджан и размещении их (по одной) в Тебризе, Резайе и Ардебиле. Кавам же, опасавшийся возможности перехода к противнику недовольных шахским режимом и симпатизирующих азербайджанскому движению военнотружущих, был уверен в безуспешности подобной акции. Сознвая нешуточную мощь армии Азербайджана, он боялся, что иранская армия потерпит поражение. Премьер пытался убедить американского посла в том, что наилучший выход из положения - это возвращение Азербайджана

в правовое поле Ирана посредством переговоров, то есть мирным путем. А шах как верховный главнокомандующий настаивал на насильственном захвате этой провинции. Кавам даже вынужден был просить Дж.Аллена, чтобы во время его встречи с шахом, которая должна была состояться в ближайшее время, посоветовать ему придерживаться мирной позиции. В ответ на вопрос Дж.Аллена, являются ли переговоры между Тебризом и Тегераном внутренним делом Ирана, Кавам заявил, что это отнюдь не так. Незвизрая на поддержку, оказываемую русскими обеим сторонам для достижения согласия, если дело дойдет до вооруженного противостояния, СССР станет помогать Азербайджану. Аллен поинтересовался также количеством вооруженных советских посланников из числа гражданского населения, оставшихся в северных провинциях Ирана. Премьер ответил, что уточнить их число не представляется возможным. Однако добавил, что он уверен, что таких людей в Азербайджане много, но в остальных четырех провинциях их нет. Он также заметил, что они хорошо вооружены и являются «не «простыми людьми, а офицерами». Уходившие русские войска увезли свое оружие и боеприпасы, хотя, впрочем, не было особой нужды оставлять его, так как они уже давно основательно вооружили Азербайджан [28].

Приступивший к исполнению своих обязанностей 11 мая посол США Джордж Аллен послал госсекретарю свой первый официальный отчет о тегеранских переговорах. Он писал: «Пищевари и азербайджанская делегация все еще находятся здесь, но Кавам ничего не сказал о том, есть ли какой-нибудь прогресс в переговорах. В целом политика шаха отличается от политики Кавама большей кровожадностью. Однако то, что Кавам занял примиренческую позицию в отношении Азербайджана, может привести к длительному существованию азербайджанской армии. Кавам считает, что путем мирного вмешательства тегеранскому правительству удастся постепенно приобрести контроль над этой армией, а шах сторонник более жестких и прямолинейных методов. Возможно, если Кавам убедится в бесполезности переговоров с азербайджанской делегацией, его позиция сблизится с позицией шаха. Если это произойдет и встанет вопрос о вооруженном вторжении, то СССР прямым либо косвенным путем окажет поддержку Азербайджану, и я предполагаю, что в этот раз Иран обратится в Совет Безопасности с новой жалобой на СССР» [29].

10 мая азербайджанская делегация предложила новый проект соглашения, состоящий из 15 статей, что сразу усложнило ход переговоров. Иранская сторона однозначно заявила о его неприемлемости. Некоторое время спустя издающийся в США еженедельник «Тайм» напишет: «На прошлой неделе внезапное повышение требований, предъявленных тегеранскому правительству со стороны лидера

Азербайджана Джафара Пишевари, привело к срыву переговоров между тегеранским правительством и поддерживаемым русскими провинциальным правительством Азербайджана. Созданное русскими Тебризское радио передало: «Мы готовы сражаться» [30]. В том же номере «Тайм» напечатана фотография С.Дж.Пишевари в военной форме, сидящего в автомобиле.

Анализ взглядов политических кругов и материалов прессы показывает, что теперь уже американцы гипертрофировали заинтересованность Советского Союза в Южном Азербайджане. Они и представить себе не могли, с какой готовностью СССР сейчас, когда уже прозвучали первые аккорды холодной войны, уйдет из Азербайджана. Однако едва приступившему к работе в Тегеране Аллену нужно было быстро решать, что делать с Кавамом. Предыдущему послу Мюррею пришлось согласиться с теми уступками, которые Кавам сделал левым силам и Советам. Вначале Аллен хотел, как и его предшественник, занять сдержанную позицию. Но арест Кавамом сторонников Британии склонил его к решению заставить премьер-министра свернуть с принятого им левого курса [31].

Вместе с тем ни вновь прибывший в Тегеран Аллен, ни политические круги США и Британии не обладали достаточной информацией о письмах М.Дж.Багирова Сталину, в которых сообщалось о возникших противоречиях между лидерами Национального правительства и Советами, несогласии Пишевари с Москвой по многим вопросам, утрате доверия к советской политике, углублении противоречий на переговорах, проводимых с бакинской «тройкой» в Тебризе и с М.Дж.Багировым - в Джульфе. Теперь Советы не только отказались от мысли защищать Южный Азербайджан, но и начали вывозить ранее предоставленное оружие и бронетехнику.

На тот момент М.Дж.Багиров все еще оставался основным координатором вынужденной политики Советов, осуществляемой ими в Иранском Азербайджане. И.Сталин был несколько встревожен открытыми заявлениями С.Дж.Пишевари по некоторым вопросам, напоминаниями о гилянских событиях, недвусмысленными высказываниями о том, что советские руководители обманули азербайджанских демократов, прозвучавшими во время мартовско-апрельских переговоров. После завершения вывода советских войск из Азербайджана 8 мая он обратился к С.Дж.Пишевари с личным письмом. Сталин писал:

«Товарищу Пишевари.

Мне кажется, что вы неправильно оцениваете сложившуюся обстановку как внутри Ирана, так и в международном разрезе.

Первое. Вы хотите добиться всех революционных требований Азербайджана теперь же. Но нынешняя обстановка исключает

возможность осуществления такой программы. Ленин выдвигал коренные революционные требования как практические требования, подчеркиваю, как практические требования лишь при наличии сильного революционного кризиса внутри страны, углубленного неудачной войной с внешним врагом. Так было в 1905 году во время неудачной войны с Японией. Так было в 1917 году во время неудачной войны с Германией. Вы хотите в данном случае подражать Ленину. Это очень хорошо и похвально. Но обстановка в Иране теперь совершенно другая. В Иране нет теперь глубокого революционного кризиса. В Иране мало рабочих, и они плохо организованы. Иранское крестьянство не проявляет пока серьезной активности. Иран не ведет сейчас войны с внешним врагом, которая могла бы ослабить реакционные круги Ирана в виде неудачи в войне. Следовательно, в Иране нет такой обстановки, которая позволяла бы проводить тактику Ленина в 1905 и 1917 годах.

Второе. Конечно, вы могли бы рассчитывать на успех в деле борьбы за революционные требования азербайджанского народа, если бы советские войска продолжали оставаться в Иране. Но мы не могли их оставлять дальше в Иране, главным образом потому, что наличие советских войск в Иране подрывало основы нашей освободительной политики в Европе и Азии. Англичане и американцы говорили нам, что если советские войска могут оставаться в Иране, то почему английские войска не могут оставаться в Египте, Сирии, Индонезии, Греции, а также американские войска – в Китае, Исландии, Дании. Поэтому мы решили вывести войска из Ирана и Китая, чтобы вырвать из рук англичан и американцев это оружие, развязать освободительное движение в колониях и там сделать свою освободительную политику более обоснованной и эффективной. Вы, как революционер, конечно, поймете, что мы не могли иначе поступить.

Третье. Учитывая сказанное, можно прийти к следующему выводу насчет положения в Иране. В Иране нет глубокого революционного кризиса. В Иране нет состояния войны с внешними врагами, следовательно, нет и неудач в войне, которые бы ослабляли реакцию и обостряли кризис. Пока советские войска находились в Иране, вы имели возможность развернуть борьбу в Азербайджане и организовать широкое демократическое движение с далеко идущими требованиями. Но наши войска должны были уйти и ушли из Ирана. Что же мы теперь имеем в Иране? Мы имеем конфликт правительства Кавама с англофильскими кругами в Иране, представляющими наиболее реакционные элементы Ирана. Каким бы реакционером ни был в прошлом Кавам, он вынужден теперь в интересах самозащиты и защиты своего правительства пойти на некоторые демократические реформы и искать опору среди демократических элементов Ирана. Какова должна быть наша тактика при этих условиях? Я думаю, что мы должны использовать этот конфликт для

того, чтобы вырвать у Кавама уступки, оказать ему поддержку, изолировать англофилов и создать там некоторый базис для дальнейшей демократизации Ирана. Из этого положения и исходят все наши советы вам. Конечно, можно принять и другую тактику: плюнуть на все, порвать с Кавамом и обеспечить тем победу англофильских реакционеров. Но это была бы не тактика, а глупость. Это было бы по сути дела изменой делу азербайджанского народа и иранской демократии.

Четвертое. Вы, оказывается, говорите, что мы вознесли вас сначала до небес, а потом бросили в пропасть и опозорили вас. Если это верно, то это вызывает у нас удивление. Что же на самом деле произошло? Мы применили здесь обычный революционный прием, известный каждому революционеру. Чтобы обеспечить себе в такой обстановке, как обстановка в Иране, завоевание известного минимума требований движения, нужно движению разбежаться вперед, уйти дальше минимальных требований и создать угрозу для правительства, создать возможность уступок со стороны правительства. Не разбежавшись далеко вперед, вы не имели бы возможности в нынешней обстановке Ирана добиться тех требований, на которые вынуждено идти теперь правительство Кавама. Таков закон революционного движения. Ни о каком позоре для вас не может быть и речи. Очень странно, если вы думаете, что мы допустили бы вас до позора. Наоборот, если вы поведете себя разумно и добьетесь при нашей моральной поддержке тех требований, которые легализуют в основном нынешнее фактическое положение Азербайджана, то вас будут благословлять и азербайджанцы, и Иран как пионера прогрессивно-демократического движения на Среднем Востоке.

И.Сталин» [32].

Из-за отсутствия прогресса в переговорах Кавам уже хотел было прервать их, однако вдруг изменил свое решение и 9 мая предложил М.Фирузу встретиться с Пишевари и подготовить новый проект возможного соглашения. В тот же день Пишевари и Фируз составили проект коммюнике, в котором, кроме уже известных 7 пунктов, возникли и другие предложения, более выражающие интересы азербайджанцев. Этот проект был согласован и с советским послом.

Фируз представил коммюнике и Каваму, но тот ответил, что нет необходимости рассматривать этот документ. 10 мая премьер срочно созвал кабинет, и Фируз отчитался о ходе переговоров и достигнутых договоренностях. По мере того как Фируз зачитывал проект соглашения, Кавам, не прерывая докладчика, всем своим видом и жестами давал понять министрам, что он никак не ждал подобного и Фируз его безмерно удивил. Министры не дали Фирузу дочитать документ до конца. Они заявили, что Фируз добивается расчленения Ирана на отдельные области, что вошел в сговор с мятежником Пишевари и действует во вред шаху. Практически

все министры были единодушны. Подводя итог собрания, Кавам не только не защитил Фируза, но, напротив, назвал его проект неожиданным и заявил, что кабинет министров ни в коем случае не может одобрить подобный документ. Он предложил принять такую резолюцию: иранское правительство не считает возможным продолжать переговоры с Пишевари и предлагает азербайджанской делегации, вернувшись в Тебриз, объяснить населению, что правительство не может нарушить существующие законы и отказывается выполнять незаконные требования азербайджанцев.

Обсуждение вопроса, а также предложение Кавама в протокол заседания занесены не были, но министры настаивали на том, чтобы их решение немедленно было обнародовано по радио и в печати. Кавам от этого воздержался и отправил Фируза к советскому послу с сообщением, что «кабинет министров не находит возможным принять требования азербайджанской делегации и настаивает на завершении переговоров принятием коммюнике Кавама. Вместе с тем премьер просил посла оказать необходимое содействие, чтобы вопрос был решен в предлагаемом им духе.

В свою очередь, посол просил Фируза передать Каваму, что он сожалеет о таком решении правительства и находит его по существу провокационным, рассчитанным на то, чтобы столкнуть делегацию Пишевари с азербайджанским народом, оставить конфликт между правительством и азербайджанцами неразрешенным, что чревато военным столкновением.

Затем посол обсудил ситуацию с Пишевари, и было принято решение о немедленном возвращении делегации в Тебриз. Но Кавам еще не закончил свою игру. Вечером 12 мая он вызвал к себе народников Кешаверза, Комбахша и Искандери, которых просил уговорить Пишевари еще дня на два задержаться в Тегеране, с тем чтобы предварительно закончить переговоры. Этот вопрос еще раз обсудили Садчиков и Пишевари, «который счел более целесообразным выехать в Тебриз» [33].

Прибывший из Тегерана в Тебриз утром 13 мая премьер-министр азербайджанского правительства С.Дж.Пишевари ознакомился с письмом И.Сталина, и получил второй, после неудачи на тегеранских переговорах, сокрушительный удар. Однако население Тебриза испытывало гордость за своего лидера, который не пошел на уступки центральному правительству и вел упорную борьбу за сохранение достигнутых Азербайджаном завоеваний. Ранним утром 13 мая весь город вышел встречать премьер-министра. Обе стороны аллеи Саттархана, по которой проезжала машина С.Дж.Пишевари, были заполнены народом, его осыпали цветами. Такая бурная поддержка населения стойкости азербайджанской делегации на переговорах породила у тегеранских чиновников новые опасения.

После того как азербайджанские делегаты вернулись в Тебриз, Кавам сообщил Дж.Аллену о том, что руководимая Пишевари делегация и сам азербайджанский лидер возмущены безрезультатностью переговоров. Премьер добавил, что лично к нему у азербайджанцев претензий нет. Советский посол Садчиков заявил Каваму, что он обеспокоен тем, что провал переговоров может привести к «железу и крови». Кавам считал, что советский посол оказывает давление не на азербайджанскую делегацию, а именно на него, но он не знал, какое давление советские официальные лица оказывали на азербайджанских представителей. Дж.Аллен посоветовал Каваму сделать официальное заявление об итогах переговоров. Однако премьер, сомневаясь в целесообразности этого, считал, что подобное заявление может стать новым поводом для недовольства азербайджанцев и приведет к усилению их пропаганды в северных провинциях и даже в самом Тегеране. Кавам добавил, что в ответ на такое заявление, правительство Азербайджана может объявить о своем отказе от продолжения переговоров с ним. Но в конце концов он согласился сделать официальное заявление и заметил, что ждет от азербайджанской стороны ответных ходов [34].

Тем же вечером 13 мая Кавам эс-Салтане выступил по тегеранскому радио с очень осторожным заявлением о переговорах с азербайджанскими делегатами. Он заявил: «Поскольку весь народ наблюдает за ходом переговоров, чтобы наконец прояснить создавшуюся ситуацию, считаю необходимым сообщить о результатах, достигнутых в ходе 15-дневных обсуждений. Люди, приехавшие в Тегеран в качестве представителей азербайджанского населения, видели, что я приложил все усилия для решения вопроса благоприятным образом и мирным путем. После опубликования декларации от 21 апреля 1946 года, состоявшей из 7 статей, многие круги общества выразили свое недовольство и оценили мою позицию как выходящую за рамки действующего законодательства. Несмотря на то, что я верю в добрые намерения азербайджанских делегатов, подводя итоги переговоров, проводившихся в последние 15 дней, я, к сожалению, должен отметить, что выполнение некоторых из выдвинутых требований выходит за пределы моих полномочий и 7 статей, предложенных правительством. Именно по этой причине до изыскания путей решения проблемы обсуждения были приостановлены и азербайджанская делегация вернулась в Тебриз. Противоречия между требованиями делегатов азербайджанского населения и законными полномочиями правительства и 7 статьями состоят в следующем:

1. Согласно статье 2 декларации правительства только ему принадлежит право назначать генерал-губернатора Азербайджана после проведения консультаций с энджуменом (Советом) провинции. Однако представители азербайджанского народа настаивают на том, чтобы

правительство осуществляло это право не после консультаций с энджуменом провинции, а по его, энджумена, предложению.

2. В соответствии с декларацией от 21 апреля 1946 года командиры армии и жандармерии назначаются правительством. Но азербайджанские делегаты считают, что назначение этих командиров должно утверждаться правительством на основании представления энджумена провинции.

3. Раздача крестьянам государственного имущества и земли, осуществленная во время недавних событий, должна быть утверждена только Меджлисом, что также выходит за пределы законных полномочий правительства.

Вышеперечисленные и некоторые другие статьи были обсуждены. Но так как право принимать решения принадлежит Меджлису, делегаты азербайджанского населения вернулись обратно в Тебриз. Они доложат о положении дел своим коллегам и получают от них инструкции. Я стал свидетелем доброй воли и патриотизма представителей азербайджанского населения, именно тех основных качеств, которые необходимы для вывода народа из кризиса. Надеюсь, что именно благодаря этому, законные обязанности правительства будут приняты во внимание, а имеющиеся трудности разрешены» [35].

Заявление Кавама, прозвучавшее вечером по радио, 14 мая было опубликовано практически всеми тегеранскими газетами и вызвало крайне противоположные отклики.

На следующий день после возвращения в Азербайджан Пишевари подробно информировал свое правительство, партию и народ об итогах тегеранских переговоров. В 9 часов вечера 14 мая Тебризское радио ознакомило население с докладом лидера Национального правительства Южного Азербайджана о тегеранских переговорах, прозвучавшим на конференции, созванной в государственном театре. Конференция открылась исполнением национального гимна. Когда было названо имя Пишевари, в зале раздались аплодисменты и возгласы «ура». Пишевари рассказал, что для решения конфликта между Тегераном и Тебризом на мирной основе была сформирована делегация от Национального правительства, которой жители Тегерана устроили горячий прием. Он отметил: «Когда мы въезжали в Тегеран, толпы людей скандировали: «Да здравствует Азербайджанское Национальное правительство!», «Да здравствуют азербайджанские борцы за свободу!» Сообщая о встрече с Кавамом эс-Салтане, Пишевари сказал: «Кавам эс-Салтане все время говорил о законных основаниях, пытаюсь скрыть истинную суть вещей. Мы заявляли, что прибыли не из Америки. Мы живем в Иране, мы видим все своими глазами, нас нельзя обмануть, азербайджанский народ сумеет защитить добытую в борьбе волю и доверяет своему Национальному правительству. Наши требования справедливы, дайте нам самоуправление.

Тегеранское правительство наши предложения не приняло. Оно хочет прислать своих командиров для наших жандармов и народной армии. Тегеранское руководство хочет вновь вернуть азербайджанский народ в положение рабов. Мы не согласились и вернулись обратно. Пусть все знают, что нам от их правительства ничего не нужно. Мы имеем сейчас все, что хотели. Трогать Азербайджан – значит играть с огнем. Мы не сторонники кровопролития, но если захотят лишить нас наших прав, то все - от младенцев до стариков - готовы защищать свободу своей кровью и жизнью».

Пишевари отметил, что само существование жандармерии незаконно, и эту незаконную силу в Азербайджан не пустят. Кроме того, в Тегеране делегации пытались внушить, что верховное главнокомандование и ряд политических организаций не согласны с требованиями азербайджанцев. Но если обратиться к Конституции и указанным в ней правам главнокомандующего, станет ясно, что он, при согласии Меджлиса, имеет лишь право объявить войну. Вмешательство же главнокомандующего во все другие дела противоречит Конституции. «Кавам должен понять, что мир изменился, и в Иране ситуация изменилась, нельзя управлять страной по законам прошлого века», - подчеркнул Пишевари. Он выразил сожаление, что Кавам, вопреки всякой логике, пытался объединить азербайджанский вопрос с выборами и нефтяными коллизиями. Несмотря ни на что надежда на решение проблемы путем переговоров еще есть, но азербайджанский народ не пойдет на большие, чем сейчас уступки», - завершил Пишевари свое выступление [36]. Конференция приняла по докладу Пишевари следующее решение: «Мы согласны со всем сказанным главой нашего Национального правительства Пишевари и надеемся, что тегеранские переговоры завершатся мирным договором. Если же тегеранское правительство захочет вновь ввергнуть азербайджанский народ в рабство, мы все как один готовы к защите своей свободы до последней капли крови» [37].

Несмотря на лояльные по отношению к центральной власти заявления азербайджанских демократов и усилия премьер-министра Ирана пропасть между двумя сторонами была глубже, чем казалось и возможности для маневра были ограничены. Основной причиной этого для Кавама было давление, оказываемое на него антилевыми силами и их сторонниками, а также реакцией. А Пишевари, в свою очередь, находился под постоянным влиянием революционной риторики, претензий и обещаний. Кроме того, понять основные цели Кавама и предугадать его дальнейшие шаги было далеко не легко. Спустя несколько дней после заключения негласного соглашения между Кавамом и Садчиковым высокопоставленный чиновник министерства иностранных дел Ирана Фейзуллах Набиль сообщил британскому послу, что правительство действительно собирается

захватить Зенджан и, взяв демократический режим Азербайджана в окружение, любыми средствами ослабить его. Нет сомнений, что с помощью подобных спекулятивных заявлений Набиль выражал намерение тегеранского правительства вовлечь англичан в решение проблемы, и наверняка он выполнял инструкции Кавама, возглавлявшего в то время министерство иностранных дел. Тем же путем Кавам секретно проинформировал о своей поддержке операций Зульфугари против демократов. Посредством различных эмиссаров он заверил английского посла, что его правительство не допустит каких-либо действий, наносящих ущерб интересам Британии. А с другой стороны, он не только демонстрировал свою доброжелательность по отношению к русским, но и, видимо, некоторое время сам был убежден в необходимости удовлетворения их требований. Как и прочие сторонники политики «положительного баланса», он считал, что русские занимают менее выгодное положение в сравнении с владеющими в Иране нефтяными концессиями британцами и наладившими посредством различных миссий тесные контакты с правительством американцами. Фируз также возлагал надежды на эту двойственную и весьма противоречивую политику и поэтому не имел ни малейших претензий к намерению Кавама разрешить русским участвовать в разработке северных нефтяных месторождений на долевых условиях с Ираном.

По свидетельству некоторых современников, Кавам умел мастерски убеждать в своей искренности и скрывать свои истинные цели. Это позволяло ему в соответствии с обстановкой быстро менять свои намерения. После всяческого выражения своего доверия русским ему удалось наладить тесное сотрудничество с левыми. Однако именно это умение лавировать порой подводило его. Например, после возвращения азербайджанской делегации в Тебриз он так хорошо сыграл роль безмерно опечаленного этим человека, что британские чиновники и иранские политики разводили руками по поводу неопределенности его дальнейшего политического курса. По словам Арамеша, члена кабинета Кавама, он не информировал о своих планах даже шаха. Кавам как-то поделился с Арамешем, что, учитывая излишнее восхищение шаха британцами, не считает его осторожным и дипломатичным правителем и потому ничего не сообщал ему о подспудных аспектах политики в отношении Азербайджана. Британцы же, естественно, были довольны провалом переговоров [38].

Заявление Кавама и доклад Пишевари об итогах переговоров превратились в главную тему для прессы. Близкие к Советам левые газеты, отмечая миролюбивый характер заявления Кавама, писали, что азербайджанские делегаты пошли на очень большие уступки - отказались от национальной автономии, Милли меджлиса и правительства. По

мнению левой прессы, азербайджанские делегаты якобы полностью развеяли заявления иранской реакции о том, что «азербайджанское сепаратистское движение направлено на отделение от Ирана». В то же время доказывалось, что ссылка правительства на Конституцию не является справедливой, так как требования азербайджанцев соответствовали духу Основного закона и принципам демократии, а проводимые ими реформы, будучи связаны с новой исторической обстановкой, учитывали интересы всего иранского народа. Продемократическая печать откровенно требовала: «Если Кавам желает разрешить вопрос Азербайджана мирным путем, то он должен немедленно очистить правительство от реакционеров, реорганизовать свой кабинет». Газета «Иране Ма» в своем номере от 14 мая писала, что общественность страны, ожидавшая от переговоров реальных результатов, из-за возвращения азербайджанских делегатов в Тебриз испытывает разочарование. События в Азербайджане нужно рассматривать такими, как они есть. В Азербайджане произошло народное восстание. В подобных обстоятельствах осуществляемые реформы соответствуют целям и задачам переворота, и есть надежда, что пути к обеспечению интересов всего иранского народа и достижению взаимного согласия могут быть найдены. Газета «Рахбар», орган Иранской народной партии, считала, что в стране создано «тайное правительство», которое заслало своих агентов в нынешний кабинет, и нужно немедленно избавиться от этой «власти внутри себя» [39]. А газета «Дад» писала: «Как видно из информации правительства, лидеры Демократической партии придерживаются центристских позиций и рассматривают Азербайджан как часть Ирана. По нашему мнению, если бы правительство Кавама с самого начала не попало под влияние различных элементов прежних режимов и выступило сторонником осуществления радикальных реформ, то переговоры с Азербайджаном прошли бы в более выгодных условиях» [40]. В номере от 15 мая газета «Фарман» напечатала большую статью под названием «Война с Азербайджаном». В ней говорилось о циркулирующих слухах в отношении ввода войск в Азербайджан. Доклад Пишевари произвел настолько сильное впечатление на Тегеран, что даже такие газеты, как «Иран», «Зандеги», «Сетаре» и пр., некогда публиковавшие многочисленные статьи, осуждающие демократическое движение Азербайджана, не только приветствовали идеи Пишевари о целостности Ирана, но и признали необходимость осуществления коренных преобразований всего общества.

В то же время было немало изданий, обвинявших в срыве переговоров азербайджанских делегатов. «Кушеш», «Мехре Иран», «Хавер», «Касра», «Тегране Мосаввер» и другие опубликовали ряд статей в этом ракурсе. По мнению «Кушеш», требования азербайджанцев означают ликвидацию

всякого контроля со стороны центра над Азербайджаном и его фактическое отделение от Ирана. Газета требовала отказа азербайджанцев от их программы. В свою очередь, «Хавер» отмечала, что выборы Меджлиса 15-го созыва не могут быть проведены до разрешения проблемы Азербайджана. По ее мнению, пока еще не до конца ясно, покинули ли советские войска территорию Ирана полностью. Весьма возможно, что тысячи иностранных солдат в форме армии Пишевари сейчас находятся в Азербайджане и никто не может это проверить. В целом весь номер «Хавер» от 15 мая был полон обвинений в адрес мятежной провинции. «Тегране Мосаввер», жестко критикуя требования азербайджанских делегатов и обвиняя демократическое движение в связях с иностранцами, от имени азербайджанского народа требовала от Кавама оградить их от произвола вооруженных бунтовщиков. Газета писала: «Если Кавам поймет, что не может справиться с бунтовщиками, то он должен немедленно обратиться к Совету Безопасности для получения необходимой помощи» [41]. Срыв переговоров резко осложнил обстановку и способствовал всевозможным слухам. Так, печатный орган сейидистов газета «Арзу» распространила среди населения Тегерана листовку под названием «Азербайджан объявил войну Ирану», в связи с чем правительство запретило издание этой газеты.

Осложнение ситуации в стране и появление у противников курса правительства повода для начала атаки на него было причиной возросшего беспокойства Кавама. Он прекрасно понимал, что безуспешность переговоров с азербайджанскими делегатами и потеря покровительства Советского Союза будут ему дорого стоить. Противники Кавама стали распространять слухи о том, что из-за ошибочной политики он якобы подает в отставку. В такой обстановке, как считал премьер-министр, разумно пойти на некоторые уступки Азербайджану. Без сомнения, в принятии Кавамом такого решения немалую роль сыграли рекомендации Садчикова. 15 мая Кавам эс-Салтане поделился своими соображениями с послом США Дж.Алленом. В тот же день Аллен написал госсекретарю следующее: «Сегодня Кавам поделился со мной своими мыслями о том, что тегеранское правительство должно пойти на некоторые уступки Азербайджану. В частности, он говорил о главнокомандующем азербайджанской армии и генерал-губернаторе. Он полагает, что Тегеран должен пойти на уступки Пишевари в этих двух вопросах, для того чтобы предотвратить отделение Азербайджана от Ирана и объявление им независимости. По мнению Кавама, в противном случае власть трона может ослабнуть, и тогда в других провинциях Ирана и даже в самом Тегеране могут начаться подобные движения против сюзерена. Кавам сообщил, что шах, вмешавшись в ход последних переговоров, возразил против предоставления Азербайджану каких-либо уступок, выходящих за

рамки ранее объявленной семистатейной программы. Кавам считает, что в своем выступлении по радио прошлым вечером Пишевари, говоря, что «основной причиной безуспешности переговоров было влияние на них со стороны безответственных людей», намекал на шаха, хотя он не говорил Пишевари о вмешательстве шаха в переговоры. Пишевари сам сделал этот вывод. Я с подозрением отношусь к последнему утверждению Кавама. Очевидно, что Кавам пытался хорошо выглядеть в глазах Азербайджана и левых элементов. Поэтому он, хотя и не обвиняя правителя открыто, объяснил Пишевари, что если бы не оппозиция в лице шаха, он мог бы пойти навстречу азербайджанцам. Кавам попросил меня объяснить шаху целесообразность предоставления определенных уступок Азербайджану, если он хочет сохранить целостность Ирана и трон. Вне зависимости от того, являются ли высказанные по этому поводу идеи Кавама верными или нет, я полагаю, что было бы неправильным давать советы по этому вопросу. Я выскажу свое мнение только в том случае, если шах сам попросит меня сделать это. Прошу государственный департамент сообщить мне о своих взглядах на этот вопрос. Кавам со всей серьезностью отметил, что отказ пойти на уступки Азербайджану может привести к войне между Ираном и СССР. Мне кажется, что основной целью Кавама в этом заявлении и словах о царствовании является выдвигание аргумента в пользу уступок Азербайджану» [42].

В то же время письмо Сталина Пишевари показывает, что весной 1946 года, невзирая на откровенно проиранскую политику США в ООН, советские государственные деятели продолжали воспринимать Англию в качестве своего главного соперника на Ближнем и Среднем Востоке. Однако к осени 1946 года в разведывательных и аналитических материалах, поступавших в ЦК ВКП(б), стала нарастать информация об ослаблении позиций Англии и возрастании американского влияния. Более того, в этих материалах высказывалось предположение, что именно американское посольство в Тегеране, тщательно изучив ситуацию в Иранском Азербайджане и возможность военного вмешательства СССР, подсказало Каваму подходящий момент для введения правительственных войск в Северный Иран и снабдило его военной техникой [43].

В данных сообщениях находила отражение реальная ситуация на Ближнем и Среднем Востоке. Иранский кризис привел к необратимым геополитическим изменениям в этом регионе: традиционное место Великобритании постепенно занимали США. Следующий конфликт в регионе между СССР, Англией и США в связи с турецким вопросом проходил под знаком заметного обострения советско-американских отношений и вызвал к жизни «доктрину Трумэна», корни которой лежали в иранском опыте [44].

В целом у американцев не было единого мнения по иранскому вопросу. К примеру, Роберт Россоу предполагал, что Советы не только возьмут контроль над Азербайджаном и Курдистаном в свои руки, но и будут оказывать влияние на тегеранское правительство. Это его мнение отражало особенности быстро крепнувшей и ставшей провозвестником эпохи начала холодной войны точки зрения американцев на иранские события. В отличие от шаха Россоу не считал, что Советы отступили из-за неприкрытых намерений и решимости Соединенных Штатов. Напротив, американские официальные лица прекрасно видели геополитические преимущества СССР в Иране. Лишь несколько лет спустя мысль о том, что причиной подобного поведения СССР была жесткая позиция США, стала главенствующей. Джордж Аллен тогда шел напролом. Позднее он стал считаться героем первых лет холодной войны и творцом доктрины, утверждающей, что СССР слабее Америки.

Политика США, направленная на достижение договоренностей с иранским руководством, имела успех. В 1946 году шах открыто заявил о своем желании наладить тесные контакты с США, однако лишь семь лет спустя эти связи установились. Действуя наперекор СССР, Кавам хотел рискнуть в пользу его главного противника - США. В скором времени между шахом и Кавамом развернулась борьба за влияние на политику Америки в азербайджанском вопросе. Самым острым моментом было сохранение жалобы Ирана в повестке дня Совета Безопасности ООН. Здесь шах одержал первую победу. Затем он посредством Г.Ала добился согласия госдепартамента США оказать поддержку своему предложению о командировании в Иран британской инспекционной комиссии. Кавам же, опасавшийся, что это нарушит достигнутые с Советами соглашения, был решительно за снятие вопроса с повестки дня Совета Безопасности. Аллен сообщал в Вашингтон: «Если Ала не найдет более убедительные доказательства в поддержку обвинений Советов во вмешательстве, то нам не следует заходить слишком далеко в этом вопросе» [45].

В то же время 21 мая А.Кавам проинформировал представителя Ирана при ООН Г.Ала о том, что инспекционная комиссия, направленная в Азербайджан неделю назад, при изучении ситуации в Тебризе, Маранде, Джульфе, Хойе, Салмасы, Маку, Резайе и Миандообе не обнаружила каких-либо фактов присутствия советских войск, вооружений, либо транспортных средств. В телеграмме говорилось, что советские войска покинули Азербайджан 6 мая [46]. Несмотря на уход Советов из Ирана, США отдавали предпочтение сохранению вопроса Азербайджана в повестке дня Совета Безопасности. Г.Ала заявил представителю США Э.Стеттиниусу, что советский посол в Тегеране принял участие в ирано-азербайджанских переговорах и поддержал Пишевари. По мнению Ала, в словах российского дипломата о «железе и крови» таилась угроза Каваму и

требование принять условия Пишевари. Посол Ала выразил надежду, что в свете этих обстоятельств Совет Безопасности окажет поддержку Ирану.

В Нью-Йорке не сомневались, что несмотря на официальный вывод русских войск из Ирана нынешняя организованность азербайджанской армии достигнута благодаря внедрению в нее советских военнослужащих, а также вооружению и обучению гражданского населения. Е.Стеттиниус разъяснил, что, по мнению правительства США, ситуация в Азербайджане на сегодняшний день дает основания Совету Безопасности вмешаться. Он также отметил, что сохранение иранского вопроса в сфере полномочий Совета Безопасности будет легитимным даже если от тегеранского правительства будет получен официальный рапорт о полном выводе советских войск. Избранный 17 мая председателем Совета Безопасности Александр Паруди правомерно поинтересовался, может ли иранский вопрос оставаться в рамках полномочий Совета Безопасности, если обе стороны заявят об урегулировании проблемы. В ответ на это представитель США заявил, что в их распоряжении имеются рапорты, свидетельствующие о присутствии в Азербайджане советских граждан и о внедрении советских солдат в азербайджанскую армию. Стеттиниус также отметил не последнюю роль советского посла в переговорах между Пишевари и Кавамом.

21 мая госсекретарь Дж.Бирнс проинструктировал Э.Стеттиниуса, что, учитывая советско-иранские проблемы и связанные с этим сложности, а также противоречивость информации, содержащейся в различных рапортах о положении в Северном Иране, в частности в Азербайджане, американское правительство считает, что снятие иранского вопроса с повестки дня Совета Безопасности может быть расценено как несостоятельность этого международного органа. До последнего времени иранское правительство не могло представить какой-либо удовлетворительный рапорт об Азербайджане. Только сейчас Иран представил такой документ, который к тому же является половинчатым и охватывает только одну часть провинции Азербайджан [47].

Близкий к политическим кругам еженедельник «Тайм» рассказывал своим читателям об обсуждении азербайджанского вопроса в Совете Безопасности в середине мая следующим образом: «На прошлой неделе Совет Безопасности получил рапорт из Тегерана, сообщавший о выводе Красной Армии из Азербайджана. Посол Ирана Ала поинтересовался, насколько обоснованы выводы инспекционной комиссии, направленной его правительством в Азербайджан. Польский посол Оскар Ланг спросил у Ала: «Разве комиссия проводила инспекцию с борта самолета с помощью телескопа?» На что Ала ответил: «Не знаю, как насчет телескопа или микроскопа, но я знаю одно, туда они полетели, на советском военном самолете». Даже сам Ланг присоединился к раздававшемуся после этих слов

смеху. Но никто не стал смеяться, когда Ала рассказал о том, как действующий в качестве «дружественного посредника» советский посол Иван Садчиков настаивал на выполнении требований азербайджанских автономистов. Ала тихо добавил: «Насколько я понимаю, это вмешательство». Стеттиниус сказал: «Теперь я, как никогда прежде, верю в то, что было бы ошибочно снимать этот вопрос с повестки дня...». Совет согласился с тем, что поддерживаемые русскими демократы продолжают удерживать Азербайджан в своих руках [48].

Несмотря на заявление о продолжении российского вмешательства во внутренние дела Ирана, сделанное Г.Ала в Совете Безопасности 22 мая, США, опасавшиеся окончательного разрыва отношений с Россией, согласились одобрить информацию, свидетельствующую об отсутствии каких-либо советских войск или вооружений в Азербайджане, представленную Кавамом 20 мая. Совет Безопасности принял рапорт Кавама и прекратил обсуждение вопроса. Таким образом ООН преодолела свой первый большой кризис [49].

25 мая посол в Тегеране Дж.Аллен отправил госсекретарю Дж.Бирнсу обширный отчет о положении в Иране. В нем говорилось: «С большой уверенностью могу предположить, что, за небольшим исключением, в Иране не осталось советских солдат в униформе. С другой стороны, в Азербайджане слишком много советских граждан, имеющих хорошую военную подготовку, но кажущихся гражданскими лицами. Я старался выяснить их точное число, но очень мало людей, которые хотели бы высказать предположения по этому поводу. Прибывший сегодня из Тебриза вице-консул Духер полагает, что в Тебризе находится 2500 советских граждан. Из-за принадлежности этих людей к тюркской национальности они могут выдавать себя также за иранцев. По слухам, ему известно о нахождении в Тебризе 150 русских из европейской части России и, по его словам, если в их число входят сотрудники советского консульства и официальные представители, то эта цифра слишком занижена. Тебриз является самым большим центром советской активности.

Что касается вопроса вмешательства, то большинство советских граждан одеты в форму азербайджанской армии и занимают ключевые должности. Капитан Гагарин говорит, что по дороге в Тебриз его остановил светловолосый солдат в мундире азербайджанской армии, который не мог ни писать, ни читать ни на каком языке, кроме русского. Однако этот случай не дает оснований полагать, что число таких людей в Азербайджане велико. Советское вмешательство в какой-либо другом виде, кроме вышеуказанного, очень трудно обнаружить. Особенно затрудняет дело наше незнание того, что входит в состав термина «вмешательство». Пишевари и советский консул в Тебризе очень часто встречаются, особенно в кризисных ситуациях. Очевидно, что Пишевари

во многом руководствуется его советами, тем не менее я думаю, что советские чиновники вряд ли считают целесообразным использовать угрозы либо давление. Группа Пишевари все время стремится получить больше советской помощи, чем она получала всегда. Говоря о советской активности в Тегеране, следует отметить, что, судя по всему, рассмотрение этого вопроса в Совете Безопасности стало причиной смягчения позиции СССР. Непредсказуемое поведение Кавама, а особенно заявления Ала, поставили советского посла в безвыходное положение, и он подозревает, что Кавам сам поручил Ала выступить с этой позиции. Однако Кавам все отрицает.

Основная цель Фируза, играющего в советские игры, это собирать силы против шаха и отомстить ему. Кавам же еще тогда, когда советские войска были здесь и русские оказывали на него жесткое давление, не поступал в соответствии с их наставлениями, не отдавая им предпочтение перед моими рекомендациями. Кавам считает, что он играет тонкую игру с левыми и Советами, целью которой является установление контроля над правительством и избрание подконтрольного ему Меджлиса. Наверное, Кавам планирует выступить против левых в более удобное время, может быть, месяцев через шесть. В настоящий момент правительство Ирана и большая часть населения не станут приветствовать направление инспекционной комиссии Совета Безопасности. Но Кавам положительно оценивает оказываемую ему Советом Безопасности ощутимую поддержку, и в случае, если переговоры с Азербайджаном пойдут плохо, то, вероятно, он примет эту инспекцию или же будет использовать ее как угрозу» [50].

Безрезультатность переговоров тегеранского правительства с представителями Азербайджана усилила беспокойство всех мировых общественных кругов, имеющих отношение к азербайджанскому вопросу. Дж.Бирнс в Вашингтоне, Э.Бевин в Лондоне, И.Сталин и В.Молотов в Москве, М.Дж.Багиров в Баку пристально следили за дальнейшим развитием событий. А в Тебризе, действуя в обстановке удручающей неопределенности, искали выход из сложного положения. 18 мая Кавам с целью ответа на нападки, обрушившиеся на него, выступил по тегеранскому радио. В его заявлении говорилось: «Благодаря моей заботе и верной политике произошел поворот в советско-иранских отношениях, между нами зародилось взаимопонимание... Искренне желая мирного урегулирования азербайджанского вопроса, я приступил к переговорам с представителями Азербайджана и увидел, что они также желают разрешения дела благоприятным образом. И хотя полная договоренность до сих пор не достигнута, я уверен в том, что благодаря правильно выбранному курсу азербайджанский вопрос, волнующий весь народ, будет разрешен...

Преступные действия группы насильно навязанных народу депутатов привела страну к катастрофе. Они абсолютно необоснованно лишили Пишевари депутатского мандата, посеяли в стране семена вражды и ненависти; они ничего не сделали для благосостояния народа, зато преследовали свои интересы, посещали иностранные представительства и плели интриги...

Сейчас я стараюсь укрепить отношения со всеми странами, особенно с СССР, сохранить баланс во внешней политике Ирана, и как только будет решен вопрос Азербайджана, обещаю начать осуществление широкомасштабных реформ для повышения благосостояния населения, используя для этого прогрессивные силы общества. А те, кто будут мешать мне в осуществлении этих реформ, будут уничтожены как вредные насекомые» [51].

Заявление А.Кавама совпало по времени с телеграммой высокопоставленного сотрудника МИД СССР М.Силина Багирову и телефонным разговором руководителя Советского Азербайджана с Пишевари, что объясняется определенной обеспокоенностью Советов. М.Силин в своем послании предупреждал, чтобы со стороны советских представителей, в том числе и бакинской «тройки» не поступало в адрес Национального правительства никаких документов, письменных распоряжений или наставлений. Одновременно МИД СССР советовал позаботиться о вывозе архива Национального правительства. В связи с этой телеграммой член бакинской «тройки» генерал А.Атакишиев писал 20 мая: «Никаких бумаг и переписок и вообще письменных документов, исходивших от советских представителей и, в частности от «тройки», в делах Национального правительства Азербайджана нет и не должно быть, так как все указания и советы представителям Национального правительства принципиально всегда давались в устном порядке. Что же касается архива секретного делопроизводства Демократической партии и других правительственных учреждений Иранского Азербайджана, то накануне отъезда азербайджанской делегации в Тегеран, мы («тройка») в порядке профилактики от возможных неожиданностей, намечая с Пишевари все подготовительные мероприятия, посоветовали ему на случай осложнений вывезти в Союз с нашей помощью и архив Национального правительства» [52].

Эта явная встревоженность и стремление замести следы основывались на том, что, по разведанным советских спецслужб, иранские войска постепенно окружали Азербайджан с направлений Саингала, Саггыз, Сардашт, Мияне, Зенджан, Гилян. Все говорило за то, что под руководством нового начальника генштаба генерала Джаханбани создается «азербайджанский фронт». Столкновения 18 мая в районе Саингала выявили расхождения между декларируемой политикой правительства и

планами генштаба. В тот же вечер Тебризское радио объявило, что тегеранские войска на протяжении 150 миль курдистанской границы атаковали Азербайджан. День спустя премьер Пишевари объявил, что Азербайджан находится накануне войны [53].

20 мая в беседе с редактором газеты «Кейхан» Кавам выразил серьезную озабоченность столкновением между правительственными войсками и азербайджанской армией. Он отметил, что продолжает отстаивать принципы мирных отношений с населением Азербайджана. Еще до прихода к власти он настаивал, чтобы войсковые части в Азербайджане и прилегающих районах не выходили за пределы своего расположения. Кавам заявил, что направил телеграммы командирам и ряду чиновников, чтобы они в районе столкновений совместно с азербайджанскими представителями наблюдали за режимом перемирия. А сам он сожалеет о случившемся и остается сторонником миролюбивой политики, газетчиков же просит не поднимать большого шума из-за этого конфликта [54].

21 мая тегеранские газеты опубликовали текст телеграммы Кавама к Пишевари. Сюда же Кавам включил и телеграмму военного министра генерала Ахмеди командующему 4-й армией, расположенной в Курдистане. Генерал Ахмеди писал: «Я неоднократно отмечал, что высокоуважаемый глава правительства стоит на позициях мирного решения азербайджанского вопроса. Необходимо, отказавшись от всех атакующих действий, сосредоточиться только на обороне. Еще раз подчеркиваю: нарушение этого приказа повлечет серьезную ответственность с привлечением к военно-полевому суду. Для расследования инцидента премьер-министр срочно направляет на место событий комиссию» [55].

21 мая Багиров в телефонном разговоре с Пишевари обсудил ход событий. В первую очередь обсудили три телеграммы, которые Пишевари по просьбе Багирова отправил Каваму, советскому послу в Тегеране и самому Багирову. Одобрив результаты телеграфного общения Пишевари с Кавамом, Багиров сказал: «Эти документы сейчас находятся у меня под рукой. Я их читал и они мне очень понравились. Содержание этих телеграмм показывает, что в Тегеране дела идут по-другому и Кавам не хочет портить свои отношения с вами...». Анализируя политику А.Кавама, Багиров предполагал, что, возможно, он, проводя двойственную политику, хочет угодить «и нам, и нашим «друзьям». Но, видно, дело зашло так далеко, что он не сумеет продолжать вести двойную игру. Он должен окончательно выбрать одну из сторон, снять маску и «показать свою действительную политическую физиономию». Далее Багиров, обращаясь к Пишевари, сказал: «Джафар, нет никакого сомнения, что Кавам в первую очередь думает о своем имуществе и состоянии. Он свое богатство любит

больше, чем Имама, Пророка, тебя и меня. Он хочет сохранить его. Понимаешь ли это? Он не настоящий социалист и не может быть социалистом, но в душе, возможно, близок к нам. Он хочет, взяв власть в свои руки, сохранить свое состояние. Он также хорошо понимает, что многое зависит и от соседа, поэтому он вынужден идти на соглашение. Но видно, что его недолюбливают, у них имеются свои люди. Его (шаха) супругу англичане держат у себя умышленно как заложницу, как принято при торговле» [56]. Багиров просил Пишевари: «Не надо задевать Кавама. Поручи, чтобы и в печати ничего направленного против него не помещали. Ты слушал его выступление по радио от 18 числа? Многие газеты считают, что необходимо оказать помощь и поддержку Каваму для осуществления им своих обещаний. Он сам ждет помощи в этом от всех стран. Мы тоже должны ему помочь. Я во имя нашего братства прошу тебя сделать это... Знай, что наш великий и мудрый вождь каждодневно лично занимается всеми этими вопросами. За два часа до нашего разговора с тобой, в тот день, когда я болел, он сам позвонил мне и сказал поручить тебе, чтобы закончить с этим вопросом (соглашение с центральным правительством – Дж.Г.)» [57].

Посол Садчиков сообщил Багирову, что в Тебриз прибудет тегеранская комиссия для продолжения переговоров. Одновременно он сообщил иранскому правительству, что еще до отъезда комиссии он получит ее предложений. По его мнению, в этом случае вместо пустых переговоров за один-два дня можно было бы решить вопрос. Багиров, в свою очередь, информировал Пишевари, что комиссия заблаговременно представит свои предложения Садчикову, Садчиков передаст их Багирову, а тот – Пишевари.

24 мая иранское правительство представило Садчикову проект новых предложений. К первому пункту предложений от 21 апреля было сделано дополнение: глава финансового учреждения также назначается по представлению провинциального энджумена и утверждается правительством. Вторая статья была дана в следующей редакции: «Управитель Азербайджана будет назначаться утверждением правительства предложения областного энджумена Азербайджана». В связи с преподаванием на азербайджанском языке дополнительно указывалось, что после 5-го класса по программе Министерства образования занятия будут проходить на азербайджанском и фарсидском языках. Крошечные уступки предусматривались в распределении местных доходов, форсировании строительства железной дороги Тебриз - Мияне, условиях выборов в Меджлис 15-го созыва, превращении отрядов федаинов в жандармерию. Что касается земель, распределенных в результате демократического движения среди крестьян, то отмечалось, что в отношении государственных земель - халисе, поскольку правительство в

принципе согласно с раздачей халисе крестьянам по всему Ирану, оно обязуется при первой же возможности внести законопроект об этом на утверждение Меджлиса. Садчиков сделал на полях проекта ряд пометок, основной целью которых было примирение сторон [58].

28 мая, после обсуждения предложений Кавама и уточнений Садчикова, азербайджанская сторона, в свою очередь, направила предложения советскому послу в Тегеране, Каваму и М.Дж.Багирову. По сравнению с прежними требованиями, рассмотренными 10 мая в Тегеране, по новому проекту ощущалось, что демократы настроены уже не так категорично и готовы отступить от многого [59]. Давление Советов, несомненно, ослабило волю Пишевари. К концу мая активность советских инструкторов в Иранском Азербайджане заметно поубавилась. Вице-консул Р.Россоу писал: «27 мая на заседании кабинета министров Пишевари сказал, что пора подчиниться центральному правительству, в противном случае США и другие страны воспользуются азербайджанским конфликтом в борьбе против нашего большого друга и союзника – России. Когда некоторые министры заявили, что с новой армией можно противостоять иранцам, Пишевари ответил, что если США и Британия вмешаются в войну, нашему союзнику будет нелегко, а это означает и наш конец» [60].

Тем не менее в первые дни июня в телеграмме на имя госсекретаря США, описывая политическое положение в Азербайджане, Россоу приходит к выводу, что контроль Советского Союза над этим регионом все еще силен. 5 июня он писал: «Вмешательство Советов в дела азербайджанского правительства и Демократической партии не ослабело. В настоящее время это вмешательство выражено в политическом руководстве на самом высоком уровне, инструктаже, в назначении на стратегически важные должности выходцев из Советского Азербайджана и контроле над политической безопасностью. Сотрудники госбезопасности в форме офицеров азербайджанской армии или гражданской одежде фланируют по улицам. Их можно опознать по сноскому русскому языку и характерным северно-русским признакам. Но большинство среди них все же советские кавказцы. Все наблюдатели отмечают, что число железнодорожников, одетых в форму военного образца, выросло в три раза. Но причины этого неизвестны. В народе утвердилось мнение, что это советские агенты. Во всех рапортах, основанных на анализе официальных источников, указывается, что СССР ориентирует азербайджанское правительство на достижение соглашения с Тегераном. Азербайджанское правительство и Советский Союз в решении проблемы перешли к политике обороны. Совпадение по времени этих перемен с рапортами АДП и азербайджанского правительства, а также атакой азербайджанской прессы на США говорит о том, что это следствие жесткой линии США в

Совете Безопасности и адекватной позиции мировой прессы. Здесь все уверены, что именно США ослабили азербайджанскую политику СССР, и поэтому растет озлобленность к США, поэтому в тебризской прессе царят антиамериканские настроения, пропагандируется благотворность деятельности Национального правительства и усиленно подчеркивается, что азербайджанская проблема – это «внутренний вопрос». Пропаганда избрала откровенно непримиримую линию поведения» [61].

Газета «Азербайджан», отражающая официальную позицию Национального правительства, начала широкую кампанию против США. В противовес политике бывшего президента Ф.Рузвельта действия вновь избранного Г.Трумэна жестко критиковались. Вести об антиамериканских публикациях дошли до Вашингтона. Журнал «Тайм» писал по этому поводу: «Народу азербайджанской провинции, под руководством Советов объявившей свою независимость от Ирана, на прошлой неделе рассказали, как должны одеваться свободные люди. Издающаяся в Тебризе газета «Азербайджан» высмеяла использование ношенной одежды, присылаемой из США. Это не было благотворительностью - товары скупили иранские купцы и отправили в Иран для продажи. Газета хвалила Ф.Рузвельта и его политику «ленд-лиза», а политику Трумэна ругала. В статье говорится: «Новая линия США направлена на монополизацию Америкой мировой торговли, заполучение американцами права продавать нам свое использованное платье возмутительно. Наш народ, завоевавший демократические свободы, должен не только отказаться от подобной одежды, но и рассматривать торговцев таким товаром в качестве тормоза развитию нашей промышленности. Все должны стараться использовать продукцию местного производства, чтобы наш народ остался в стороне от мирового экономического кризиса. Повторяем, азербайджанцы брезгут и не будут надевать чужую использованную одежду» [62].

5 июня Садчиков направил телеграфом в Москву, Тебриз и Баку проект согласованного договора об урегулировании азербайджанского вопроса. Проект состоял из 15 статей, по поводу которых советский посол писал, что считает предложения иранского правительства приемлемыми. Так, до созыва нового Меджлиса, который должен будет рассмотреть окончательный статус Азербайджана и пересмотреть закон об административном делении страны, эти предложения позволяют сохранить фактически сложившееся положение. Будущее же страны будет зависеть исключительно от соотношения демократических и реакционных сил в Меджлисе. Учитывая неблагоприятный внутренний расклад в Иране, посол предлагал не медлить с переговорами. Одновременно он предупреждал, что противники соглашения попытаются воспользоваться создавшейся зыбкой ситуацией. Они будут запугивать шаха и Кавама тем, что Советы только ждут удобного случая, чтобы отторгнуть Азербайджан.

И для оформления нефтяного договора также необходимо завершение переговоров в короткие сроки. Без этого иранское правительство не объявит начало избирательной кампании в Меджлис. Внутреннее положение страны позволяет надеяться, что новый состав парламента будет не хуже старого. Иранское правительство сделало гораздо больше поправок и уступок к декларации от 22 марта, чем ожидалось. Садчиков рекомендовал азербайджанской стороне принять новый проект иранского правительства, подписать соглашение и договориться с Кавамом о совместной борьбе за демократический состав будущего парламента [63]. Представленный Садчиковым проект представлял собой по сути предложения азербайджанского правительства от 28 мая, в которые Кавам и Фируз внесли небольшие исправления. Ряд историков считает действия советской стороны, направленные на интенсификацию переговоров Тебриза и Тегерана, ее стремлением ускорить выборы в Меджлис. Советский Союз старался посредством парламента как можно скорее закрепить уступки, сделанные Кавамом. Именно этим объясняются его усилия примирить Азербайджан и центральное правительство. По достижении этой цели Азербайджан как автономная область Ирана мог бы делегировать в Меджлис достаточное количество депутатов, которые, вместе с другими сторонниками СССР оказавшись в большинстве, лоббировали бы утверждение нефтяного проекта [64].

1 июня 1946 года заместитель министра иностранных дел СССР В.Деканозов принял специального поверенного иранского кабинета Саяха, который заявил, что «в это трудное для правительства Кавама время устойчивость иранского правительства зависит от прочности его внешнеполитического положения и в первую очередь от доверия к нему советского правительства».

В.Деканозов ответил, что правительству Кавама и лично Каваму советское правительство такое доверие оказывает. Об этом известно и самому Каваму и это было подтверждено рядом фактов. Согласившись с этим, Саях заявил, что сейчас перед правительством Кавама стоят следующие важнейшие проблемы: 1) азербайджанский вопрос; 2) земельная реформа; 3) выборы в Меджлис. Он добавил, что уже заканчиваются переговоры о новом статусе Азербайджана. Что же касается парламентских выборов, то новый Меджлис должен принять закон о нефти с учетом предложения советского правительства. В конце беседы Х.Саях еще раз подчеркнул, что «в осуществлении больших задач внутренней политики, стоящих перед правительством Кавама, большую роль должно сыграть доверие к Каваму советского правительства. Кавам очень рассчитывает на это» [65].

Проект договора, согласованный с Кавамом и Садчиковым, М.Дж.Багиров обсудил с В.Молотовым, после чего 8 июня 1946 года в

городе Нахичевани встретился с руководителями Азербайджанского Национального правительства С.Дж.Пишевари, М.А.Шабустари, С.Джавидом и С.Падеганом. Ознакомившись с изменениями, внесенными Кавамом и Фирузом в проект соглашения, предложенного азербайджанцами, Пишевари и его товарищи единодушно выразили свое удовлетворение и согласились подписать такое соглашение. Они возражали лишь против изменения пункта 9 - о границах, где Кавам исключил провинцию Зенджан из состава Иранского Азербайджана. Пункт 9 проекта прежде гласил: «Принимая во внимание национальный язык и другие особенности азербайджанского народа, в азербайджанскую область войдут бывшие 3-й и 4-й останы и провинция Зенджан». Однако Кавам считал включение Зенджана явным нарушением закона об административном делении страны. Лидеры же демократов заявляли, что все без исключения население Зенджана является азербайджанским и в народном движении принимало самое активное участие, разделяя вместе со всеми тяжесть борьбы с тегеранской реакцией. В результате обмена мнениями вокруг этого пункта все согласились не затягивать больше процесс и во что бы то ни стало завершить переговоры, не отказываясь в то же время от попыток отстоять пункт 9 без поправок перед тегеранской комиссией или Меджлисом 15-го созыва.

На этой встрече азербайджанские лидеры просили добиться от Кавама принципиального согласия и обещания, чтобы при выборе кандидатур в депутаты Меджлиса Тегеран не рекомендовал бы лиц, не проживающих в Азербайджане, как это практиковалось раньше, и дал бы возможность азербайджанцам самим выдвинуть людей из числа испытанных демократов. Кроме того, было решено расширить контакты с Народной партией «Туде» и добиться через советское посольство обновления руководства ЦК партии, рекомендовать Камбахша или Кешаверза на посты ее руководителей. Отмечалось также, что было бы целесообразно добиться, чтобы в состав ЦК Народной партии были введены азербайджанцы.

Все также согласились с тем, чтобы немедленно после окончания переговоров вывезти из Тебриза в Советский Союз на хранение ценный архив Демократической партии и Национального правительства. Учитывая необходимость укрепления Демократической партии Азербайджана опытными кадрами, было решено отправить в Баку группу проверенных партийных работников для соответствующей их подготовки и обучения.

Предвидя в дальнейшем более сложную обстановку, требующую особой осторожности и вдумчивости в проводимых мероприятиях, Багиров рекомендовал Пишевари решения по всем принципиальным вопросам принимать после предварительного обсуждения и согласования с присутствовавшими на встрече лицами [66].

Придя к принципиальному согласию по поводу выдвигаемых условий, 10 июня заместитель премьера Музаффар Фируз, заместитель министра путей сообщения Абульгасан Садеги и Мусавизаде направились в Тебриз. Гамид Резави, Нерахи, Мустафа Фердад были включены в состав делегации в качестве журналистов и секретарей. Кроме политической делегации в Азербайджан отправилась и военные - генерал Хедаят и полковник Алави. После двухдневных переговоров 13 июня в 19.30 было подписано «Соглашение между государственными и азербайджанскими представителями». В нем указывалось: «В результате переговоров между иранским правительством и азербайджанскими представителями, а также принимая во внимание Декларацию из 7 пунктов от 22 апреля 1946 года, стороны согласились, чтобы нижеследующие пункты разъяснили и завершили Декларацию и были своевременно претворены в жизнь:

1. В пункт 1 правительственной декларации включена нижеприведенная фраза: «Начальник финансового отдела также назначается по представлению провинциального энджумена и утверждается правительством».

2. В связи с тем, что в правительственной декларации предусмотрено, что «управитель Азербайджана будет назначаться после утверждения правительством предложения областного энджумена Азербайджана», для осуществления этого пункта министр внутренних дел будет выбирать одну кандидатуру из нескольких, представленных провинциальным энджуменом, и рекомендовать ее для утверждения правительством.

3. Учитывая перемены, происшедшие в Азербайджане за последнее время, правительство будет считать выборный орган, каким является Азербайджанский Национальный Меджлис, в качестве азербайджанского провинциального энджумена. После начала работы Меджлиса 15-го созыва и утверждения им представленного правительством закона о провинциальных и областных энджуменах на основании этого акта немедленно начнутся выборы в азербайджанский провинциальный энджумен.

4. Будет создана комиссия из представителей азербайджанского провинциального энджумена и иранского правительства для решения судьбы войсковых частей, образованных путем призыва в армию населения в ходе азербайджанского движения, а также судьбы командиров этих войсковых частей. Комиссия в кратчайшие сроки должна представить на утверждение свои предложения.

5. По части финансов достигнуто соглашение, что Азербайджан 75% своих доходов будет направлять на покрытие собственных нужд, а 25% - в государственную казну.

6. Правительство Ирана согласно в ближайшее время приступить к строительству железной дороги Мияне - Тебриз. На строительство в

первую очередь будут привлекаться азербайджанские специалисты и рабочие.

7. Из добровольческих отрядов федаинов будет формироваться жандармерия. Будет создана комиссия из представителей правительства и азербайджанского энджумена, которая на местах будет заниматься этим, а также назначением командиров частей. Комиссия должна представить на утверждение свои рекомендации.

8. В отношении государственных земель, поделенных между крестьянами в ходе азербайджанского демократического движения, а также ввиду того, что правительство в основном согласно с идеей раздачи государственных земель во всем Иране, оно не возражает против факта раздачи земель в Азербайджане. Проект соответствующего закона будет представлен на утверждение Меджлиса. Что касается других видов земельной собственности, поделенной между крестьянами, то соответствующая комиссия из представителей энджумена и правительства будет оценивать ущерб, нанесенный помещикам, определять размер денежной или равноценной землей компенсации. Комиссия должна представить свои предложения для утверждения.

9. Правительство согласно представить на утверждение Меджлиса 15-го созыва проект нового избирательного закона, основанного на принципах свободы и демократии, с всеобщим (с участием женщин), равным, тайным голосованием. Правительство также согласно представить на утверждение Меджлиса проект закона, устанавливающего численность депутатов от Азербайджана и других провинций пропорционально численности населения. После утверждения этого закона будут проведены довыборы депутатов в Меджлис.

10. Третий и четвертый останы Ирана будут составлять территорию Азербайджана. (В третий остан входят города Тебриз и Ардебиль, в четвертый – Хой, Резайе, Мехабад, Марага, Биджар).

11. Для ускорения прогрессивных мероприятий в Азербайджане правительство идет на образование исполнительного Совета, образованного из управителя Азербайджана, руководителей провинциальных учреждений и президиума провинциального энджумена. Этот совет будет работать под контролем энджумена.

12. Ввиду того, что в пункте 3 правительственной Декларации от 22 апреля 1946 года о средних и высших школах допущены разночтения, в него добавляется следующая фраза: «В средних и высших школах образование ведется на двух языках – фарсидском и азербайджанском на основании программ министерства образования; эти программы с учетом местных условий будут дорабатываться и составляться на основе демократизма и в соответствии с новыми прогрессивными принципами.

13. Правительство согласно на распространение приведенных в соглашении прав и на курдов, проживающих в Азербайджане. В соответствии с пунктом 3 правительственной декларации занятия в курдских школах до 5-го класса будут проходить на их родном языке.

14. Правительство намерено представить в Меджлис 15-го созыва проект закона о выборах в городские мэрии. Этот закон будет применяться во всем Иране и основываться на принципах всеобщего, тайного, самостоятельного, равного избирательного права. После принятия этого закона в городах Азербайджана и всего Ирана будут проведены выборы во все мэрии. До принятия этого закона и проведения новых выборов существующие ныне советы городских управлений должны продолжить свою деятельность.

15. Настоящий договор составлен в двух экземплярах и вступает в силу после утверждения правительством и азербайджанским провинциальным энджуменом.

Подписи: Музаффар Фируз, Сеид Джафар Пишевари
Тебриз, 13 июня 1946 года» [67].

Многие исследователи этого драматичного периода истории Ирана единодушны во мнении, что акт подписания ирано-азербайджанского договора – результат нешуточного нажима Советского Союза. Этот состоящий из 15 пунктов договор прежде всего соответствовал интересам СССР. Свои цели преследовал и Кавам. Он всегда старался увязать переговоры с выборами в Меджлис. В этой взаимосвязи было два важных момента. Первый: советскому послу давали понять, что если русские заинтересованы в скорейшем созыве Меджлиса, который будет рассматривать нефтяной контракт, то надо поторопить азербайджанцев. Второй: центральное правительство, как и в других областях Ирана, в Азербайджане также будет контролировать ход выборов в Меджлис [68].

14 июня президиум Меджлиса Азербайджана, а 17 июня иранское правительство утвердили подписанный сторонами договор. Помимо этого документа заместитель Кавама по политическим вопросам Музаффар Фируз вручил Пишевари письменное заверение по поводу провинции Зенджан (Хамса), в котором определялось, что федаины из азербайджанцев, направленные в Хамсу со служебным заданием, должны вернуться на свои места в Азербайджан и на основании пункта 7 соглашения по усмотрению создаваемой комиссии будут зачислены в состав жандармерии для несения службы; федаины из числа жителей Хамсы, которые помогали демократическому движению в Азербайджане, будут ограждены от всякого преследования, и правительство намерено по мере надобности использовать их в жандармерии г. Хамса. Ввиду того, что со стороны господ Зульфугари, Аслахадар-баши и Яминлашгари по отношению к демократическому движению Азербайджана были допущены

провокационные выпады, повлекшие вооруженные столкновения, правительство в целях сохранения спокойствия и порядка, а также предотвращения всяких новых подстрекательств дает указание местным работникам запретить вышеуказанным трем лицам возвращение и пребывание в Зенджане (Хамса) до окончательного определения положения этой области [69].

После подписания договора глава иранской делегации М.Фируз 13 июня выступил по Тебризскому радио. Он резко критиковал политику предыдущего правительства и иранский Меджлис и заявил, что их порочная политика привела страну на грань гражданской войны. Он назвал Кавама символом иранского национализма и констатировал крах политики реакционных кругов, пытавшихся обратить азербайджанский кризис в международный конфликт. Те, кто хотел решить азербайджанский вопрос силовым путем, ведущим к братоубийственной войне, осрамились перед всем обществом. Реакционеры должны понять, что правительство Кавама опирается на свободолюбивые силы. Свое выступление Фируз завершил пафосно: «На деле доказано, что Азербайджан был и остается неотъемлемой частью Ирана. Никто и ничто не в состоянии отторгнуть героических и верных сынов Азербайджана от матери-Родины» [70].

13 июня по Тебризскому радио передавались заявление и речь Пишевари, который объявил, что народ Азербайджана добился большой исторической победы: провозглашенные 3 сентября 1945 года цели были достигнуты практически без кровопролития. Подписанное соглашение имеет большое значение не только для Азербайджана, но и для всего Ирана. Был сделан первый шаг к справедливому распределению земли, полувековая борьба иранских патриотов увенчалась значимой победой. Государство признало необходимость нового избирательного закона, обеспечивающего демократию и свободу волеизъявления. Иранские женщины, лишённые социальных прав, теперь могут избирать и быть избранными. Особое достижение - официальный статус азербайджанского языка. Теперь азербайджанцы будут получать образование на родном языке, а в учреждениях будут служить подготовленные в Азербайджане кадры. Пишевари заявил: «Если бы господин Кавам эс-Салтане за всю свою жизнь более ничего не сделал, одно это соглашение завоевало бы ему место в сердцах азербайджанцев. Одним этим поступком Кавам внес свое имя в списки особо почитаемых друзей Азербайджана». По поводу многочисленных слухов, муссирующихся вокруг договора, Пишевари заметил, что эти сплетни сеют реакционеры, утверждающие, что Кавам, желая удержать у власти свой кабинет, переметнулся к демократам и преклонил колени перед Азербайджаном. «Не стоит обращать внимания на эти измышления. Здесь нет победителей и никто не предавал Азербайджан» [71]. «Со дня подписания этого соглашения в истории

азербайджанского народа началась новая эпоха», - провозгласил азербайджанский лидер в своем заявлении.

Вице-консул США в Тебризе Р.Россоу квалифицировал подписанное соглашение как признание суверенитета Азербайджана и отметил, что этим документом заложена основа «путем дальнейших переговоров решать вопросы двусторонних отношений. Тем не менее бунтовщики сохранили войска, контроль над территорией, одним словом, де-факто сохранили независимость» [72].

Посол США в Тегеране Дж.Аллен 13 июня в срочном сообщении госдепартаменту и госсекретарю Бирнсу так прокомментировал заключенное соглашение: «Судя по тексту, 7 статей документа от 22 апреля приняты абсолютно, и это соглашение является простым представлением тех же статей. По условиям соглашения, иранское правительство признало Азербайджанский Милли меджлис в качестве провинциального энджумена... Анализ соглашения от 13 июня между тегеранским и тебризским правительствами показывает, что уровень благорасположения к Каваму, на который он рассчитывал благодаря посреднической деятельности Фируза, оказался гораздо ниже ожидаемого. Кое-как удастся выдать подписание соглашения за победу Кавама. Единственный козырь Кавама, это то, что удастся сохранить целостность Ирана без гражданской войны. Однако не исключено, что скорее Азербайджан захватит весь Иран, чем Иран вернет Азербайджан. Так, Азербайджанская демократическая партия продолжает держать все под своим контролем; демократы в Азербайджане и партия «Туде» в остальном Иране проявляют активную деятельность. Обе эти партии дисциплинированы, сторонники тоталитаризма и Советов, т.е. типично коммунистические партии. Из них та, которая действует в Азербайджане, наиболее сильна, ибо обладает вооруженными силами, неприкосновенными по Тебризскому соглашению. Истинное значение этого соглашения проявится в том, каким образом оно будет реализовано. Кавам, несомненно, думает, что, занимая позицию миротворца и друга азербайджанских лидеров, он сможет постепенно взять этих лидеров под свой контроль [73].

Текст Тебризского соглашения был опубликован 15-16 июня в тегеранских газетах. Во второй половине июня это событие превратилось в основную тему обсуждений. Публикации в прессе показывают, что в иранском обществе преобладали три главных мнения: левые - «Рахбар», «Зафар», «Мардом», «Неджате Иран», «Иране Ма», «Дад» и другие газеты отмечали соглашение 13 июня как важную победу азербайджанских демократов и требовали распространения демократических реформ на весь Иран. Считая Кавама главным виновником события, они называли его «руководителем и отцом иранского народа». Правые и независимые газеты

- «Мехре Иран», «Кейхан», «Эттелаат», «Сетаре», «Иран», «Гияме Иран», а также правительственные издания тоже считали это соглашение успехом Кавама. Употребляемые ранее в отношении азербайджанцев определения «бунтовщики», «предатели» исчезли из их публикаций. «Мехре Иран» писала: «Азербайджанский вопрос решился положительно, в пользу свободы. Уже не слышно слов «автономия», «азербайджанское правительство». Соглашение успокоило общественность Ирана». «Кейхан» также положительно оценивала соглашение, с удовлетворением отмечая пункт 3 о провинциальном энджумене и пункт 5 о выделении 75% доходов на местные нужды [74]. «Эттелаат», опубликовав полный текст соглашения, отметила, что теперь многое зависит от реализации этого документа, и в первую очередь от лидеров АДП. «Во всяком случае, мы надеемся и молим Бога, чтобы этот акт правительства Кавама послужил на благо страны», - писала газета, не преминув добавить: «Мы также надеемся, что у тюркоязычных азербайджанцев не будет причин забывать язык Саади и Хафиза» [75].

Вместе с тем газеты «Кушеш», «Михан», «Азад», «Тегране Мосаввар» развернули реакционную кампанию против премьера Кавама. Эти издания даже не опубликовали текст соглашения. «Михан» патетически вопрошала: «Почему правительство заключает договор с азербайджанцами? Разве они из другого государства? Надо отрубить руку Даракшани, с которого все началось. Пока иранская армия не вошла в Азербайджан, всегда будет существовать опасность его отделения. Пока иранская армия не вошла в Азербайджан, мы не можем говорить, что иностранные войска оттуда вышли». А газета «Азад» считала, что азербайджанское движение началось с провокаций одного-двух наемников с целью отторгнуть его от Ирана. После прихода Кавама к власти все ожидали, что правительство для подавления восстания направит в Азербайджан войска.

16 июня 1946 года это же издание опубликовало обращение партии «Эстеглал», содержащее резкую критику Тебризского соглашения. «Эстеглал» требовала ликвидировать это соглашение, примерно наказать «врагов отечества», виновных в гибели иранских солдат. «Награждение изменников в честь заключения последнего соглашения между азербайджанскими демократами и делегатами иранского правительства служит плохим примером для иранской истории. Это черное пятно на правительстве и черный день для народа», - говорилось в обращении.

«Эстеглал» предвещала тяжелые последствия этого договора для премьера и его кабинета, и требовала отказаться от «порочного» курса. Эта партия считала, что покончить с азербайджанским вопросом нужно путем ввода правительственных войск, установления контроля над территорией и границами Азербайджана, жестокого подавления «бунтовщиков и

изменников Родины». Это обращение «Эстеглал» было переведено референтом советского посольства в Тегеране М.Эфендиевым и отправлено в министерства иностранных дел СССР и Азербайджана.

16 июня М.Фируз сделал в правительстве доклад о разрешении азербайджанского кризиса. Он доложил, что в целом мирное разрешение проблемы является результатом доброй воли руководителей азербайджанской провинции и отсутствия у них сепаратистских тенденций.

Оппонируя Фирузу резко выступили Баят, Ахмеди и Бахар, заявившие, что по существу азербайджанский конфликт не погашен, так как Азербайджан не уступил ни в одном вопросе и все осталось по-прежнему. Затем выступил Сепехр, бросивший: «Можно ли называть разрешением азербайджанского вопроса принятие всех требований азербайджанцев. Если Кавам так считает, то он глубоко ошибается».

Вынужденный защищаться, Кавам ответил, что выступавшие, несомненно, осознав громадное значение разрешения этой проблемы, видимо, все же не поняли до сих пор, какие угрозы нависли над Ираном. В итоге несмотря на то, что почти все выступления звучали на повышенных тонах, министры признали разрешение азербайджанского вопроса успешным.

После заседания правительства Кавам рекомендовал Фирузу немедленно сообщить обо всем шаху. 17 июня М.Фируз доложил шаху о ходе разрешения азербайджанского кризиса. В заключение он позволил себе рекомендовать правителю ограничить свое вмешательство во внутренние дела страны, передав решение военных вопросов целиком правительству и тем самым сняв с себя ответственность в этой сложной обстановке. Мухаммад Реза поблагодарил Фируза за службу и заверил его, что со своей стороны готов всецело поддержать Кавама, но, к сожалению, третьи лица часто стараются сохранить как у него, так и у Кавама впечатление, что они действуют друг против друга. Позднее Фируз сказал, однако, советскому агенту, что далеко не убежден в искренности заявления шаха, так как ему точно известно от полицейского чина, который одновременно является осведомителем шаха, что 14 июня по поручению Мухаммеда Реза Пехлеви бывший депутат Фаррох посетил американского посла Аллена вместе с этим полицейским чином, знающим английский язык, и заявил Аллену следующее: «Шах желает знать, может ли он рассчитывать на поддержку американцев, если при необходимости предпримет жесткие меры против Кавама, вплоть до того, что уберет его». Опытный дипломат Аллен ответил: «Не все в политике Кавама пока нам нравится. Но передайте шаху, что, конечно, американцы имеют свои интересы в Иране, однако открыто вмешиваться в борьбу двора с правительством не будут» [76].

14 июня азербайджанский Милли Меджлис начал свою деятельность в качестве провинциального энджумена. Его последняя, третья сессия объявила о роспуске Милли Меджлиса. 16 июня премьер-министр С.Дж.Пишевари обратился к энджумену с просьбой освободить его от государственных обязанностей. Энджумен удовлетворил его просьбу и вынес благодарность за успешную деятельность против реакции и за торжество демократии. Отныне Пишевари продолжал свою работу только в качестве председателя АДП.

На первом же заседании энджумена было принято обращение к министерству внутренних дел Ирана с просьбой разрешить Национальному банку отпустить Азербайджану 23 миллиона риалов на текущие расходы. Министерство согласилось выделить пока 8 млн. риалов, а Национальному банку было дано указание восстановить работу азербайджанского филиала.

В соответствии с соглашением от 13 июня, как только Азербайджанское Национальное правительство прекратило свою деятельность, бывший министр внутренних дел доктор С.Джавид стал генерал-губернатором Азербайджана, бывший министр сельского хозяйства доктор Мехташ - губернатором Тебриза, бывший вице-премьер доктор Джаханшахлу - ректором Азербайджанского университета. Ф.Ибрагимов остался в должности прокурора.

Первым шагом нового органа управления были арест и семичасовое задержание четверых сотрудников американского посольства, без разрешения пробравшихся в Тебриз. Этот случай серьезно обеспокоил госдепартамент. Заместитель госсекретаря Дин Ачесон писал послу Аллену: «Мы хотели бы знать, послали вы или нет протест иранскому правительству по поводу инцидента 21 июня в Тебризе. Государственный департамент очень обеспокоен этим, так как этот случай показывает, насколько укрепились в Азербайджане тоталитарные методы советской армии. Мы думаем, что иранскому правительству следует направить жесткий протест с требованием расследовать этот инцидент и доложить, какие меры принимает правительство в отношении лиц, допустивших подобный поступок и что оно собирается сделать, чтобы не допустить подобное впредь. Наше мнение должно быть посредством департамента доведено и до сведения иранского посла, с тем чтобы он заострил внимание своего министерства иностранных дел на этом вопросе» [77].

20 июня особый уполномоченный представитель иранского посольства Х.Саях встретился с замминистра иностранных дел СССР С.Лозовским. На время тяжелой болезни посла М.Ахи работой посольства в основном руководил Х.Саях. В ходе беседы С.Лозовский с удовлетворением отметил положительное, по его мнению, решение вопроса Иранского Азербайджана. На что Саях не преминул заметить, что «положительное

разрешение этого вопроса играет тем большую роль, что это главный вопрос советско-иранских отношений», и теперь можно надеяться, что скоро будет назначена дата выборов в новый парламент. «Во всяком случае, парламент должен быть созван до октября, ввиду того, что в октябре истекает 7 месяцев с момента подписания соглашения между Ираном и Советским Союзом о том, что иранский парламент должен утвердить законопроект о предоставлении концессии Советскому Союзу в семимесячный срок» [78].

7 июля новоявленный генерал-губернатор Азербайджана доктор Джавид был принят Мухаммед Реза шахом во дворце Саадабад. Шах одобрил кандидатуру доктора Джавида без обсуждений и заверил, что он всегда был сторонником демократии и передовых идей. Во время встречи шах проявил интерес к азербайджанскому движению. Он дал указание выделить в распоряжение доктора Джавида один миллион туменов для улучшения водоснабжения Тебриза [79]. И еще Пехлеви подарил автомобиль лично новому генерал-губернатору.

24 июля 1946 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение в целях повышения уровня подготовки партийных кадров пригласить в Баку на партийную учебу 20 членов АДП. Решение гласило: «Разрешить ЦК ВКП(б) Азербайджана принять в Баку для переподготовки 20 членов демократической партии Иранского Азербайджана и пропустить их через границу в упрощенном порядке» [80].

Таким образом в июне 1946 года завершилась полугодовая эпопея, связанная с деятельностью азербайджанского Милли Меджлиса и Азербайджанского Национального правительства. Далее начинался период полушагов, неуверенности и сомнений, период перехода к оборонительной тактике, завершившийся поражением азербайджанских демократов.

ПОБЕДА СТРАТЕГИИ США

После заключения договора с Азербайджаном перед Кавамом встала новая задача – сформировать подконтрольный себе Меджлис. Выборы в иранский парламент 15-го созыва должны были проходить с 11 октября по 12 декабря 1945 года, т.е. 21 Азера они должны были завершиться. Однако избирательная кампания была отложена, и с марта 1946 года, после роспуска депутатов 14-го созыва, Иран остался без парламента. В конце июня правительство объявило о проведении выборов в ближайшие месяцы, и политические партии начали активно готовиться к ним: формировались межпартийные блоки, создавались новые партии. В конце июня Иранская народная партия и партия «Иран» заключили союз «Объединенный фронт демократических партий». В совместной декларации союза говорилось: «Объединенный фронт демократических партий» будет бороться против реакционных элементов, наемных агентов империализма и противников реформ, врагов свободы и прогресса иранского народа до полного их поражения». В декларации также говорилось, что «Объединенный фронт демократических партий» будет стараться развивать дружественные отношения иранского правительства со всеми правительствами, уважающими демократические устремления иранского народа. Наконец, в декларации указывалось на необходимость сотрудничества со всеми демократическими партиями, организациями, газетами.

Практически одновременно с заявлением о сроках выборов – 29 июня 1946 года премьер Кавам эс-Салтане, выступая по радио, объявил о создании своей партии – Иранской демократической партии. Кавам подверг резкой критике внешнюю политику предшествующих правительств и охарактеризовал вывод иностранных войск с территории Ирана как важное достижение своего правительства. Заключение договора с Азербайджаном также было оценено как важный шаг на пути к единству страны. По мнению Кавама, решение этих двух проблем создавало в

стране благоприятные условия для начала демократических реформ. Премьер действительно уже приступил к некоторым реформам: было принято рабочее законодательство, вынесена на обсуждение проблема распределения земель. Начиная реформы, Кавам в то же время старался уберечь свой политический имидж от критики левацкой и радикальной пропаганды. Именно эту цель преследовала разработка рабочего законодательства. Стремясь выглядеть демократом в глазах левых и Советского Союза, Кавам отменил запреты на деятельность левых, закрывал газеты правого и центристского толка. Как верно подметил в беседе с британским послом доктор Манучехр Игбал, сторонник шаха, занимавший пост министра здравоохранения в кабинете Кавама, предполагается, что эти реформы являются средством укрепления позиций самого правительства и используются против нападков сторонников Пишевари в Тегеране и Тебризе [1].

Новая партия не случайно была названа Кавамом «демократической». Это было сделано в пику АДП. Партия Кавама должна была оттеснить «Туде», демонстрировавшую свою приверженность прогрессивным идеям и интересам низших слоев общества. Программа новой партии была не менее радикальной, чем программа «Туде». Партия Кавама обещала для всего Ирана то же, что азербайджанские демократы требовали для Азербайджана. Тем самым делалась попытка вытеснить лидеров АДП с политической арены. Создание Иранской демократической партии позволяло, используя должность Кавама, привлечь в ее ряды будущих депутатов и с их помощью поддерживать власть в новом Меджлисе. Таким образом Кавам пытался сформировать собственный политический клан, чтобы противопоставить его угрозам как внутри страны, так и извне [2].

Кавам заявлял, что весь народ Ирана ждет от него реформ, и он обещает, опираясь на свободолюбивых граждан, завершить коренные преобразования, при этом его политика будет удовлетворять интересы абсолютного большинства населения страны.

Программа Иранской демократической партии (ИДП) предусматривала реальную независимость государства, территориальную целостность и обеспечение суверенитета, расширение политических, социальных, экономических и юридических прав и свобод на фоне неуклонного развития демократии. В программе новой партии нашли отражение и требования крестьян. В ней также говорилось о необходимости установления прогрессивной налоговой системы, принципов справедливости в вопросах собственности, развития промышленности и расширения торговли, перестройки судебной системы и органов безопасности, проведении срочных реформ в области здравоохранения и образования и т.п. Платформа ИДП была более похожа на

правительственную программу, чем на партийную. Ее полный текст на русском языке был направлен в первые дни июля в МИД СССР.

В середине июля был утвержден устав ИДП. В срочном порядке в летней резиденции МИД Ирана были организованы краткосрочные партийные курсы. 20 июля при участии Кавама, Музаффара Фируза и других учредителей партии первым 316 выпускникам курсов торжественно вручили дипломы. В тот же день была утверждена структура партии. Кавам возглавил ее, Фируз стал его заместителем. В состав ЦК ИДП вошли Фарман Фарманиан, замминистра дорог Садеги, исполнявший после ареста Сепехра обязанности министра промышленности и торговли Арамеш, редактор газеты «Неджате Иран» Форузеш, редактор газеты «Дад» Амиди Нури, редактор газеты «Дария» Арсанджани, несколько помещиков и генерал-губернатор Кермана. По мнению прессы, близкой к Каваму и Фирузу, новая партия должна была стать национальной партией Ирана [3].

Вице-консул Р.Россоу отмечал, что создаваемая Кавамом партия должна была противостоять самой сильной и хорошо организованной в Иране партии - «Туде». Однако несмотря на удачное начало попытка Кавама выглядела авантюристичной [4]. Созданием ИДП Кавам начал очередную большую игру, в итоге которой не исключалось устранение династии Пехлеви. Спецслужбы Советского Азербайджана предполагали, что Кавам, создав Демократическую партию Ирана, преследует цель одержать победу на предстоящих выборах в Меджлис 15-го созыва, прийти к личной диктатуре, повторив период истории страны, аналогичный приходу к власти Реза шаха [5]. Руководители партии «Туде» сразу выразили готовность на парламентских выборах сотрудничать с созданной Кавамом партией. Табари, один из лидеров «Туде», в беседе с заведующим ближневосточным отделом МИД СССР С.Сычевым в конце июля заявил о готовности Народной партии идти на выборы совместно с партией Кавама. Однако Табари заметил, что если Кавам не даст согласия, «Туде» может составить блок с Азербайджанской демократической партией. На самом же деле слухи о возможности объединения в блок «Туде» и АДП распускались с целью оказания давления на Кавама. Табари весьма корректно сказал С.Сычеву, что с согласия Кавама большинство в партии «Туде» готово блокироваться с ИДП [6].

После заключения июньского договора Советский Союз отслеживал каждый шаг Ахмеда Кавама и Джафара Пишевари. Несмотря на громкие заявления и поспешные действия Кавама, его политика не вызывала у советской стороны особого доверия. Чувствовалось, что эта политика направлена на удушение азербайджанского демократического движения. Аресты Сеида Зияеддина, генерала Арфа, министра торговли и промышленности Сепехра не помешали усилению реакции, действовавшей

с благословения Кавама. Были арестованы лидеры Народной партии в Гиляне, Мазандаране и Луристане, руками иностранцев была подавлена забастовка на нефтяных предприятиях в Абадане.

Кавам, обещавший начать практические действия как только будет ратифицирован договор с Азербайджаном, пока не предпринимал никаких шагов в этом направлении. Не были урегулированы вопросы азербайджанской армии, жандармерии и банка. Нерешенность этих проблем означала, что центр не выделял средств, необходимых для создания азербайджанской армии, а это вело к ее ослаблению. По распоряжению начальника генштаба генерала Размара в Азербайджан направлялись преданные правительству офицеры, в то время как офицеры, сочувствовавшие демократам, увольнялись со службы. Как и предыдущие кабинеты, Кавам продолжал политику экономической блокады Азербайджана. Он настаивал на закрытии Национального банка в Тебризе, усиливал давление на Азербайджан, чтобы заставить его принять и другие требования Тегерана. Одновременно от Казвина до Астары вдоль всей границы Азербайджана укреплялись иранские гарнизоны. Все эти действия преследовали цель запугать население вилайета, получить преимущество при очередных переговорах об армии, жандармерии и банке.

В Азербайджане планам Кавама препятствовали АДП, провинциальный энджумен, Национальная армия и партизаны. АДП оставалась главной политической силой, контролировавшей Азербайджан. После заключения июньского соглашения укреплению партии уделялось особое внимание. Летом 1946 года число членов партии перевалило за 200 тысяч [7]. Порядок в стране и на границе поддерживался отрядами федаинов. Экономический кризис и давление Тегерана не сломили их волю. Напротив, число партизанских отрядов росло, а их ряды крепили.

Советский Союз держал под контролем все процессы в Иранском Азербайджане. По указанию Москвы все выступления и речи Пишевари, содержание тебризских газет и радиопередач немедленно передавались руководству СССР. Каждая строка выступления Пишевари анализировалась в советском консульстве, по поводу любой фразы, касавшейся центрального правительства, составлялся рапорт в МИД СССР. Сообщения советских дипломатических учреждений, в чем-либо обвинявшие Пишевари, Багиров считал безосновательными. 5 июля он писал Сталину: «В выступлениях и заявлениях Пишевари после подписания соглашения с иранским правительством мы не находим никаких резких фраз или двусмысленных намеков по адресу центрального правительства. Тем не менее наши консульские работники, видимо, плохо зная азербайджанский и фарсидский языки, часто придирчиво относятся к отдельным фразам в выступлениях и заявлениях Пишевари и неправильно

информируют МИД СССР. В результате из министерства поступают указания сделать предупреждение Пишевари, потребовать от него объяснений по поводу смысла той или иной фразы в выступлении или речи. Это отрицательно сказывается как на настроении Пишевари, так и на настроениях его ближайших товарищей. В то же время англичане и американцы за последнее время в Иранском Азербайджане усилили свою наглую провокационную работу против нас и открытую поддержку всех реакционных групп и организаций, готовящихся к выборам в Меджлис.

Сомнительно выглядит в отношении Азербайджана и поведение Кавама: через нашего посла Кавам просил уговорить руководителя курдов Кази Магомед на поездку в Тегеран для встречи с ним... Кавам старается во что бы то ни стало спровоцировать курдов против азербайджанцев» [8].

Действительно, иранские политические круги и тегеранская пресса, заявляя «азербайджанцы – герои», «азербайджанцы смелые и решительные», «азербайджанцы дали Ирану надежду», вводили в заблуждение советских дипломатов, ничего не делая для реализации достигнутых соглашений. Осознавая истинные намерения Кавама, Пишевари говорил: «По решению Меджлиса немедленно после вывода иностранных войск должны были начаться выборы в Меджлис 15-го созыва. Кроме того, пока не решен наш вопрос об армии и федаинах. Государственные деятели затягивают это дело, оставляя его на потом. Мы заявили о своем доверии Каваму, но если так будет продолжаться, беспокойство народа будет расти, и это не принесет пользы делу. Тегеран должен открыть глаза и объективно осознать ситуацию. Мы искренне относимся к свободолюбивым иранцам, их успехи – это наши успехи. Но у нас есть и свои интересы, о них нельзя забывать» [9].

Июльский визит иранской шахини – сестры-близнеца шаха Ашраф Пехлеви в Советский Союз также сыграл не последнюю роль в ужесточении отношения советского руководства к лидерам Азербайджана. Интересно, что именно в это время с визитом в Москву направилась и жена госсекретаря Бирнса. В ходе визита Ашраф Пехлеви встречалась 3 июля с заместителем министра иностранных дел С.А.Лозовским, а 20 июля была принята И.Сталиным. В этом приеме участвовал и В.Молотов. В ходе визита генерал И.Шафай от имени Ашраф Пехлеви вручил сотруднику МИД СССР Ф.Молочкову подарки для Сталина: золотой портсигар, ковер и вышитый на холсте портрет генералиссимуса [10]. А.Пехлеви и сопровождавшие ее председатель общества «Шири Хуршид» доктор И.Марзбан, генерал И.Шафай посетили Москву, Ленинград, Киев, Харьков, Сталинград и Баку. По указу президиума Верховного Совета СССР 21 июля А.Пехлеви была награждена орденом Трудового Красного Знамени за активную деятельность по сбору средств в Иране для советских сирот, потерявших родителей в годы Второй мировой войны. По

возвращении на родину шахиня провела пресс-конференцию во дворце Саадабад, на которой сделала заявление о своем пребывании в СССР. В частности, она сказала: «Генералиссимус Сталин относится к иранскому народу с большим уважением и доброжелательностью, и в целом все советское руководство относится с уважением к малым народам и заботится об их правах и независимости» [11].

Когда 3 августа на приеме у Мухаммед Реза шаха советский посол И.Садчиков вручил ему письмо от И.Сталина, шах выразил благодарность советскому руководству и лично И.Сталину за внимание к его сестре во время поездки по Советскому Союзу. Посол ответил, что это естественно, иначе и не могло быть, что СССР всегда искренне желал дружбы с Ираном. И добавил, что «многие в Иране предубежденно относились к СССР, опасаясь, что Советский Союз будет вмешиваться во внутренние дела Ирана с целью установления удобного ему режима. Но теперь, к счастью, эти предубеждения и предрассудки рассеиваются, и все больше людей в Иране убеждаются в том, что внешняя политика Советского Союза состоит в невмешательстве во внутренние дела других стран и в уважении прав других народов».

Шах заявил, что он всегда, исходя из интересов своей страны, придерживался мнения, что Иран должен жить в дружбе со своим соседом – Советским Союзом. Поскольку в письме И.Сталина шла речь о правительствах, шах счел нужным сказать то, что он до сих пор никому не говорил, а именно, что он лично своим вмешательством добился ухода трех кабинетов – Саеда, Садра и Хакими. Это ему удалось сделать несмотря на трудности военного времени. Теперь же, когда война закончилась, он дает гарантию в том, что в Иране к власти больше не придут правительства, которые могли бы еще раз навредить дружбе, существующей между двумя странами. Вместе с тем он заметил, что в Иране, конечно, есть недалёковидные люди, допускающие ошибки, но подобные ошибки допускаются и со стороны отдельных советских представителей.

По словам шаха, И.Сталин якобы говорил его сестре, что он, Мухаммед Реза, может обращаться к нему с имеющимися вопросами напрямую. Но поскольку посол находится здесь, то он не видит необходимости обращаться непосредственно в Москву. И.Садчиков дипломатично ответил, что если у шаха будет желание обратиться именно к Сталину, то посол будет добрым посредником [12].

Летом 1946 года начался третий тур переговоров между центральным правительством и Азербайджаном. Провожая азербайджанскую делегацию в Тегеран, Пишевари выступил перед собравшимися с кратким заявлением. Он отметил, что Национальное правительство требует выделения средств для продолжения преобразований. Эти средства нужны и для содержания

отрядов федаинов. Кроме того, делегаты должны наладить контакты с прогрессивными деятелями в Тегеране. Наконец, важнейшая задача – возродить деятельность Меджлиса. Предложение азербайджанского народа известно: Конституция страны несовершенна и нуждается в исправлении. Обратившись к делегатам – Джавиду, Шабустари, Падегану - Пишевари сказал: «Вы объясните Тегерану, что наша борьба была не за смену вали (губернатор), мы боролись за осуществление чаяний народа» [13].

Кавам загодя предупредил американцев, что на днях ожидает прибытие азербайджанской делегации. Он заявил, что решил сразу же выяснить главное намерение тебризского правительства: остается или не остается Азербайджан составной частью Ирана, и обещал, что будет жестко отстаивать свою позицию, а если переговоры завершатся безрезультатно, намерен силой подчинить Азербайджан. Дж. Аллен по этому поводу писал госсекретарю: «Он не решается пролить кровь иранцев. Однако в случае использования силы его больше всего пугает, что СССР обеспечит Азербайджан оружием, танками, самолетами, деньгами и людьми в гражданском, выдаваемыми за добровольцев. Он спросил у меня, чем сможет ООН помочь Ирану. Я предложил Каваму в случае срыва переговоров с Азербайджаном объявить всему миру, что переговоры прервались из-за того, что тебризское правительство отказывается признать Азербайджан составной частью Ирана. Это высветит деятельность Кавама как борца за целостность Ирана. Кавам может привести множество доказательств того, что азербайджанская группа не выполняет большую часть июньского договора. Впервые со времени моего приезда сюда я видел Кавама столь решительным. Он заявил, что, несомненно, азербайджанская группа и советская пресса будут называть его фашистом и реакционером, но он готов к этому. До сегодняшнего дня Кавам относился к Азербайджану и «Туде» слишком мягко, и причиной этого была неуверенность в силе иранской армии. Но теперь он рассчитывает на иранскую армию и поэтому не боится за последствия своих действий. При том условии, конечно, что СССР останется нейтральным» [14].

В ходе тегеранских переговоров с первых же дней возникли трудности. Хотя было получено согласие на то, что формирующаяся в Зенджане жандармерия будет на 50% состоять из федаинов-азербайджанцев, ни один из офицеров-федаинов на службу принят не был. Кроме того, вначале Кавам согласился признать военные звания, присвоенные Национальным правительством, однако теперь соглашался повысить звания офицеров, служивших демократам, лишь на одну ступень. С таким решением правительства азербайджанские офицеры не соглашались и грозились выйти в отставку. Кавам все валил на шаха. Он заявил, что шах

отказывается утвердить военные звания, данные Национальным правительством. Военный министр генерал Ахмеди старался доказать, что возникшее на юге Ирана движение есть результат азербайджанских событий и уступок Азербайджану. Он требовал предоставить ему свободу действий, чтобы положить конец всяким переговорам с Азербайджаном. В свою очередь и начальник генштаба генерал Размара доказывал обоснованность требований азербайджанских делегатов, особенно военного характера. В переговорах чаще всего споры возникали вокруг правомочности центрального правительства использовать азербайджанские войска за пределами Азербайджана. Азербайджанская делегация на это не соглашалась.

При обсуждении финансовых вопросов иранское правительство выразило протест по поводу существования отдельного Азербайджанского банка. Вместе с тем, правительство отказывалось обслуживать банковские операции азербайджанских купцов. Министр финансов Хажир требовал не предоставлять Азербайджану дополнительных привилегий при расходовании местных доходов. Он подчеркивал, что для него, как министра финансов, все провинции одинаковы. Генерал-губернатор Азербайджана Джавид – чиновник центрального правительства, а потому Азербайджан, как и другие провинции, должен выполнять указания правительства.

Кавам упрекал азербайджанских делегатов в том, что и после подписания соглашения в Азербайджане продолжается распределение помещичьих земель. Он и его заместитель Фируз показывали Джавиду письменное распоряжение зенджанского руководителя о распределении земель, принадлежащих Фарману Фарманиану. При этом Кавам отметил, что азербайджанцы все еще вмешиваются в дела Зенджана. Продукты, направляемые из Азербайджана в Тегеран, задерживаются в Зенджане, а с товаров, направляемых из центра в Азербайджан, берут налог. Кроме того, в Тегеран приходят документы на бланках со штампом Азербайджанского Национального правительства, что тоже нервирует руководство в Тегеране. Свою лепту в осложнение переговоров вносят и критические высказывания по Тебризскому радио.

Азербайджанский провинциальный энджумен без участия Шабустари принял закон, предусматривавший смертную казнь за укрывательство продуктов питания. Тегеранские власти считают это нарушением прав центральных органов. Джавид жаловался советскому послу в Тегеране, что эти действия Пишевари осложняют ведение переговоров с центральным правительством [15].

День за днем тянулся третий этап переговоров Кавама с азербайджанскими лидерами, и практически безрезультатно. Тегеран считал, что военные требования Азербайджана неприемлемы. Начальник

штаба генерал Размара отмечал, что набор в армию кочевников приведет к развалу иранской армии. Все попытки Музаффера Фируза найти общий язык с азербайджанской делегацией остались тщетными. Во всяком случае, в Тегеране не было достигнуто никаких соглашений, и это наглядно демонстрировало бесплодность очередных переговоров Кавама с азербайджанскими лидерами.

Одновременно с переговорами Кавам предпринял ряд мер, чтобы успокоить Советский Союз и партию «Туде». Эти меры должны были имитировать реализацию внутренних реформ. Некоторые историки считают, что корни этих действий следует искать не в стремлении Кавама нивелировать прогрессивное влияние партии «Туде» и азербайджанских демократов, а в том давлении, которое оказывало на него советское правительство. Направление реформ было настоятельно указано Сталиным во время московского вояжа Кавама, и после его возвращения в Тегеран советский посол неоднократно и требовательно напоминал об этом. Стремление Кавама внушить советской стороне иллюзию демократизации страны подкреплялось и конкретными шагами. Например, были созданы Высший рабочий совет, Высший экономический совет, начались реформы в армии и жандармерии [16].

А 1 августа 1946 года Кавам сделал неожиданный для многих жест. В состав нового кабинета, представленного шаху, он ввел трех видных лидеров «Туде»: Ираджа Искендери - министром торговли и промышленности, Феридуна Кешаверза - министром просвещения, Муртаза Йезди - министром здравоохранения. В начале августа посол Аллен докладывал госсекретарю: «Последние события, связанные с формированием правительства, уже два месяца планировались Кавамом. После заключения июньского соглашения с Пишевари Кавам заявил, что может ввести в кабинет одного или двух представителей партии «Туде» и одного представителя от Азербайджана. Молниеносно осуществив этот план, он вверг в изумление и кабинет, и шаха, и всю страну. Пока от Тебриза в правительство никто не вошел, однако очень скоро Пишевари или кто-нибудь из его соратников может получить портфель министра. Я уверен, что перестановки в правительстве обусловлены идеей Кавама, что придерживать партию «Туде» внутри правительства гораздо лучше, чем вне правительства. Таким образом он хочет включить организацию «Туде» в свою политическую игру».

Однако вице-консул Россоу считал, что Кавам уже потерял контроль над ходом событий. В Азербайджане первый этап борьбы завершился созданием партии «Туде». На втором этапе произошло организационное оформление азербайджанских демократов, которые первоначально выступали против «Туде», чем завоевали себе массу сторонников. Третий период (Тегеран теперь вступает в него) характеризуется объединением

сил «Туде» и азербайджанских демократов. В результате правительство оказалось в руках людей, организованных, финансируемых и поддерживаемых Советским Союзом. Россоу считал, что незамедлительное подпадание остальной части Ирана под власть Советов уже неотвратимо, и Кавам, что бы он ни делал, выйти из этого положения уже не сможет. Сходство событий азербайджанских с событиями тегеранскими прослеживается четко. Но есть и особенности, судя по которым можно считать, что еще не все потеряно. Я так думаю, что положение нестабильно, но не безнадежно» [17].

Объясняя официальным лицам Америки свои действия по обновлению кабинета, Кавам отмечал, что это его последняя попытка успокоить русских. Обеспокоенная поступком Кавама Британия предложила Вашингтону, объединившись, вернуть Кавама на антирусские позиции. Но Аллен не согласился с этой идеей. По его совету и госдепартамент не принял этого предложения. У Аллена сложилось впечатление, что Британия готова согласиться с тем, что в Азербайджане воцарится верный Советскому Союзу режим, а Иран де-факто расколется на части [18]. Информация, поступавшая из Тебриза, позволяла американцам утвердиться в этой мысли. Так, при встрече американского консула с английским Уолл отметил растущий международный авторитет русских и, соответственно, рост симпатий к ним. Он подчеркнул, что англосаксы в настоящее время проводят политику, отталкивающую людей. По мнению британского консула, они должны создавать видимость, будто являются сторонниками независимости и свободы малых народов. Уолл считал необходимым защищать отдельные народы, стремящиеся объединиться в противостоянии к русской политике. В то же время он советовал турецкому консулу Сарвар бею способствовать формированию у демократов мнения, будто англичане и турки являются защитниками азербайджанского демократического движения и надо стараться сблизиться с ними [19].

Аллен стал подозревать и самого Кавама в соглашательстве с азербайджанскими делегатами. Во время переговоров Кавама с азербайджанской делегацией Аллен писал госсекретарю: «Я заявил премьеру дружески, но достаточно жестко, что меня тревожат сообщения о том, будто он не придерживается данных ему инструкций о необходимости сохранения целостности Ирана. И сказал, что если эти сведения ошибочны, то я с удовольствием выслушаю его поправки. Но, по моим сведениям, он готов согласиться с азербайджанскими требованиями о сохранении без изменений азербайджанской армии и формирований федаинов под советским контролем и в тесной взаимосвязи с советской тайной полицией. Я отметил, что не может быть более быстрого и более верного пути для потери независимости Ирана, чем этот. Кавам

согласился, что требования Азербайджана носят центробежный характер, но отрицает, что давал какие-либо обещания азербайджанцам. Он сказал, что просто вынужден делать вид, будто слушает их, чтобы потом избавиться от них. Мое мнение таково, что Кавам не хочет применять других методов, кроме умиротворения, но в конце концов он применит силу». Далее Аллен добавил: «В разговоре с премьером была затронута тема нефти. По мнению Кавама, нефть стала основной целью Советов в Иране. И если Советскому Союзу удастся осуществить свои планы и относительно Азербайджана, и относительно нефти, то так и будет. Однако если придется выбирать из двух одно, то Кавам уверен, что Советы вычеркнут Азербайджан» [20].

Включение членов «Туде» в состав правительства значительно повысило ее рейтинг, а также привело к увеличению числа ее представителей в государственных и правительственных учреждениях. По выражению Р.Россоу, теперь уже мало кто верил, что удастся вырвать Иран из рук «Туде».

В августе 1946 года в Тебриз поступила информация, что Кавам подумывает предложить пост одного из министров в своем кабинете и азербайджанским демократам. Пишевари предлагал на эту должность генерал-губернатора Джавида. Советские спецслужбы считали, что таким образом Пишевари старался удалить Джавида из Тебриза. Они советовали Пишевари выдвинуть кандидатуру своего заместителя по партии С.Падегана, а Джавида оставить рядом, вернее, под своим контролем. 15 августа Багиров писал Сталину: «Хотя Джавид по своей развитости и подготовленности вполне мог бы подойти, но мы опасаемся, что у него недостаточно стойкости, чтобы не попасть под влияние Кавама и англичан». В целом после тегеранских переговоров советские руководители в ряде случаев стали относиться к Джавиду с подозрением. Багиров в письме к Сталину сообщил, что, несмотря на неоднократные указания руководству азербайджанских демократов работать дружно, продолжают сохраняться конфликтные отношения между Пишевари и генерал-губернатором Джавидом [21].

Оставляли желать лучшего и отношения между лидерами АДП и вождями курдских племен. О необходимости дружить с курдами М.Дж.Багиров неоднократно предупреждал тебризских руководителей. Так, 11 июля 1946 года Багиров писал: «Прошу гг. Пишевари, Шабустари, Джавида и Падегана все, что было нами совместно с ними обещано курдам, немедленно выполнить, а именно: отпустить 500 винтовок и к ним патронов и предназначенные через наше торгпредство взамен закупленного им табака - сахар, мануфактуру и другие товары. Это в интересах большого дела. Прошу упомянутых товарищей внимательно следить за всеми махинациями и комбинациями Кавама, Фируза, Размара и

других в отношении противопоставления курдов азербайджанцам, найти общий язык с Кази Магомедом и во что бы то ни стало не только сохранить созданное единство, но еще больше его укрепить. Передайте им и Кази Магомеду, что их судьба, их будущность, их дальнейшие успехи будут зависеть от того, насколько Кази Магомед с его ближайшими заместителями из курдских товарищей и упомянутая «четверка» будут всегда действовать в одном направлении, в одном духе, не поддаваясь никаким временным соблазнам, лжеобещаниям и всяким другим хитрым махинациям Кавама, Фируза, Размара и их покровителей» [22]. 17 июля Багиров пишет: «Кази Магомеду нечего больше сидеть в Тебризе и заниматься торговыми и коммерческими сделками, для этого пусть он выделит своего представителя. Объясните ему, что ему нельзя больше выезжать из своей резиденции и никому нельзя перепоручать свои права. Всех более или менее подозрительных под разными предлогами пусть он разошлет далеко от решающих центров. Он очень доверчивый человек, и его могут подвести» [23].

26 июля 1946 года Багиров вновь возвращается к курдскому вопросу. В письме С.Емельянову он пишет: «Видимо, что-то нехорошее происходит среди курдов. Отчасти в этом виноваты сами азербайджанцы, которых мы неоднократно просили поделиться с ними отпускаемыми им средствами, имеющимися у них материалами, принятыми от правительственных учреждений, деньгами, продовольствием и т.д. Этим путем они могли бы закрепить созданное у них настроение, но они этого не сделали, продолжая внешне всячески добиваться у Кази Магомеда и его группы расположения к азербайджанцам, создания дружбы и тесного контакта. Надо советовать азербайджанцам, чтобы они начали переговоры и установили непосредственный контакт и связь, приняли бы на службу и других руководителей курдов, которые не особенно хорошо расположены к Кази Магомеду, но в то же время они могут быть на время полезными для создания спокойного положения» [24].

11 сентября 1946 года Багиров вновь обращается к тебризской «четверке»: «За последнее время Кази Магомед выдвигал перед вами ряд существенных вопросов, вытекающих из создавшегося положения в Азербайджанском Курдистане. Положительное разрешение их, по-моему, безусловно было бы направлено на укрепление взаимоотношений азербайджанского и курдского народа. Тем не менее предложения Кази Магомеда не встречают с вашей стороны надлежащего реагирования и, к сожалению, остаются пока не урегулированными.

Предложение Кази Магомеда о развертывании мехабадского полка в бригаду с включением в ее состав азербайджанской дивизии способствует укреплению ваших сил, необходимых для защиты интересов как Курдистана, так и Азербайджана.

Курды испытывают большие материальные нужды, и при этих условиях они же обязаны обеспечить необходимые бытовые условия для двух тысяч иракских курдов, пришедших к ним на помощь и активно принимающих участие в борьбе против общего врага.

Необходимо удовлетворить просьбу Кази Магомеда о предоставлении села Таги-Абад для размещения барзанских курдов.

Надо также удовлетворить просьбу Кази Магомеда об увеличении числа курдских депутатов в Меджлисе. Я не вижу ничего ущемляющего права и интересы азербайджанцев.

Я не знаю, выслушивала ли «четверка» доводы Кази Магомеда и приняла ли какое-либо конкретное решение, но советую вам, что было бы нормальным и полезным для общего дела, если бы «четверка» усилила свой контакт с курдами в порядке делового осуществления соглашения, заключенного азербайджанцами и курдами, и это создало бы впечатление у курдов, что азербайджанцы их не игнорируют и не пренебрегают их обращениями по тем или иным вопросам.

Это не значит, что без разбора все претензии курдов надо принимать и выполнять. Но я сторонник того, чтобы в порядке взаимопонимания поднимаемые вопросы либо курдами, либо вами своевременно подвергались нужному обсуждению и разрешались.

Я знаю, что и азербайджанцы, и особенно курды переживают большие экономические трудности, но их нужно преодолевать в дружбе. Взаимная помощь в этом случае необходима. Надо сделать все возможное, чтобы курды не отрывались от азербайджанцев, в противном случае они могут быть использованы против Азербайджана. С братским приветом. СТАРШИЙ» [25].

18 октября 1946 года Багиров опять подчеркивает тезис о дружбе с курдами: «Дорогой товарищ Пишевари! В дополнение к моим предупреждениям о готовности на случай выступлений реакционных сил против демократического Азербайджана, считаю необходимым сообщить, что именно сейчас со дня на день надо ожидать таких выступлений. Поэтому надо все привести в полную боевую готовность без шумихи и паники.

Одним из главных шансов успеха вашего дела будет дружба с курдами. Поэтому предупредите об этом Кази Магомеда и Молла Мустафу. Чем можете, помогите им.

20 октября (воскресенье) вечером буду вас встречать. Было бы очень хорошо, если бы кто-нибудь из азербайджанской делегации, вернувшейся из Тегерана, был с вами. Особенно мне хочется встретиться с генералом Гуламом Яхьей. С приветом, ваш Багиров» [26].

До поры натянутость в отношениях лидеров оставалась скрытой от масс, и вся страна готовилась праздновать первую годовщину АДП. Этой

дате посвящались многочисленные статьи в прессе. В сентябрьском, девятом номере журнала «Азербайджан», издававшегося в Баку для Иранского Азербайджана, была опубликована большая статья Аваза Садыга «Славная годовщина Азербайджанской демократической партии», в которой анализировался исторический путь, пройденный партией за один год. В статье указывалось, что 21 Азера наступило спустя 3 месяца 10 дней после начала деятельности АДП. Добыв за 4 месяца независимость для народа и создав Национальное правительство, партия оставшиеся 8 месяцев посвятила созидательному труду. Первейшим делом было создание Национальной армии. В кратчайшие сроки вооруженная новейшим оружием, знакомая с новейшей военной техникой и тактикой ведения боя, Национальная армия получила поддержку федаев – гарантов революции. Вооруженные отряды стали основой независимости, они неоднократно демонстрировали свою силу в боях с внутренней и внешней реакцией» [27].

Впрочем, в письме М.Дж.Багирова Пишевари приводятся менее оптимистичные факты: «По имеющимся у меня данным, положение в войсковых частях, в особенности в Резайинском гарнизоне, весьма неблагоприятно. Отношение офицеров к солдатам грубое, имеют место избиения, дезертирство, случаи самоубийства, а также разложение со стороны офицеров, принуждающих отдельных солдат к неприличным вещам. В то же время политмассовая работа среди солдат и офицеров гарнизона не проводится. Некоторые офицеры-фарсы, перешедшие в свое время из войск иранского правительства, оказались нечестными. Среди офицеров-азербайджанцев также находятся отдельные шкурники и предатели.

Участились случаи женитьбы офицеров-фарсов на девушках-айсорках, родственники которых связаны с англичанами и лицами, враждебно настроенными к азербайджанцам. Больше того, вследствие женитьбы на девушках-айсорках офицеры-фарсы меняют мусульманскую веру на христианскую.

Такое положение в армии меня очень тревожит, а армия - это для вас все. Если с вами на сегодня и считаются иранское правительство, иностранцы и другие круги, то только лишь потому, что Вы имеете свою национальную армию. Поэтому если вы в своих делах, в своих желаниях стремитесь сделать хорошее для азербайджанского народа, то в первую очередь вы должны навести порядок в армии, иначе последствия могут быть весьма нехорошие.

Прошу вас, дорогой тов. Пишевари, лично заняться укреплением воинских частей, в первую очередь Резайинского гарнизона. Очистите гарнизон от нечестных, неустойчивых и подозрительных офицеров, в

первую очередь фарсов, которые способны ради женитьбы менять веру, усильте массово-воспитательную работу среди солдат.

Не допускайте элементов разложения среди офицерства и солдат. В ущерб остальным вопросам, пока главное внимание уделите армии. Шлю горячий братский привет. СТАРШИЙ» [28].

3 сентября в связи с годовщиной АДП в Иранском Азербайджане состоялись народные гуляния. В честь провозглашения нового этапа в борьбе за демократию в Иране 11 шахривара (2 сентября) на всех предприятиях и фабриках, в партийных комитетах и молодежных организациях прошли торжественные собрания. 12 шахривара улицы Тебриза были украшены флагами и коврами. На Национальной площади состоялся парад. Перед трибуной группами прошли женщины, рабочие, школьники, федаи, части Национальной армии. Праздничный парад длился более двух часов. Председатель ЦК АДП Пишевари и другие лидеры приветствовали народ с трибуны. Днем в городском театре состоялось торжественное заседание партийных, государственных и общественных организаций. Выступивший с речью Пишевари был встречен бурными аплодисментами.

В восемь часов вечера Пишевари дал прием в резиденции ЦК АДП. В приветственной речи Пишевари заявил: «Мы теперь не только в Иране, но и на всем Ближнем Востоке считаемся знаменосцами демократии. Мы не присвоили это звание. Это оценка, данная нашему движению наиболее последовательными политиками-демократами. Это гордое имя мы завоевали самоотверженной борьбой. Эту гордость нам дарит 12 шахривара, т.е. день создания партии. Герои этой славной даты в течение года, полного борьбы, были готовы жить для победы или умереть с честью, и шли впереди народных масс на политическом, экономическом, военном, дипломатическом и организационном фронтах с высоко поднятой головой. Сейчас наш народ возглавляют честные люди. Самый большой результат шахривара именно в этом. Нация без лидеров и руководителей не добьется цели. Нация без организации, которой она доверяет, не может быть свободной».

Накануне годовичного юбилея АДП М.Дж.Багиров просил Москву разрешить 10 юношам из Иранского Азербайджана поступить в вузы Азербайджанской ССР. 10 сентября 1946 года Политбюро положительно отреагировало на эту просьбу. В решении было сказано: «1. Разрешить въезд в СССР десяти юношам азербайджанцам, подданным Ирана, для поступления в высшие учебные заведения Азербайджанской ССР. 2. Поручить Совету Министров Азербайджанской ССР распределить этих юношей в высшие учебные заведения республики и создать необходимые для их учебы материальные условия» [29].

В первые дни сентября иранское правительство взяло на вооружение тактику давления на Азербайджан, провоцирования региональных столкновений. Войсковые части, расположенные в Казвине, двинулись в направлении Казвин - Решт к реке Юзбаши и заняли боевые позиции в Никуе, Юзбашичае и Такистане.

Находившийся в Тегеране генерал-губернатор по совету посла Садчикова 22 сентября встретился с Кавамом и завел разговор о сложившейся ситуации, а также попросил ускорить ход переговоров. Кавам очень холодно принял Джавида и не дал ясных ответов. Он упрекнул губернатора: «Происходящие события являются результатом ваших дел. Из Зенджана Советский Союз вывозит пшеницу. В Азербайджане сохранились переодетые советские солдаты». Джавид отверг провокационные обвинения и ушел от Кавама, не добившись ответа на свои вопросы. На следующий день губернатор Азербайджана встретился с советским послом и рассказал о своей беседе с Кавамом [30]. Сообщая об этой встрече Сталину, Багиров отмечал, что на юге Ирана происходят серьезные события, однако генштаб Ирана держит основные военные силы на севере, вокруг Азербайджана, и раздает оружие силам реакции. Уже в день встречи Джавида с Кавамом вооруженная группировка, созданная в деревне Камарли, атаковала позиции демократов, однако потеряла 40 человек и отступила. Багиров отмечал, что в карманах некоторых убитых были найдены членские билеты Демократической партии Кавама. Создается впечатление, что спровоцированные англичанами события на юге Ирана произошли не без участия Кавама. Кажется, что это происходит с одной целью: задержать выборы в парламент и оказать давление на Азербайджан [31].

Почувствовав намерение Кавама затянуть процесс выборов в Меджлис, Москва через посла Садчикова потребовала от Кавама указать точную дату их проведения. Кавам ответил, что выборы невозможны, пока не решится азербайджанский вопрос. Ряд историков отмечает, что для получения нефтяной концессии Советы были вынуждены позволить Тегерану влиять на Азербайджан. Кавам встречался с Садчиковым и советовался с Алленом. Он хотел доказать американцам, что может быть жестким с повстанцами, даже если придется прибегнуть к оружию. А Московское радио угрожало иранской армии возможным вмешательством советских войск. Как и во внутренней политике, во внешней Кавам также оставался между двух огней [32].

В конце сентября, при очередной встрече с Алленом, Кавам сказал, что миротворческая тактика в отношении Азербайджана оказалась бесплодной и провоцирует другие провинции страны также выдвигать невыполнимые требования. Премьер заверил, что его политика подчинена задаче сохранения суверенитета Ирана. Аллен сообщал в Вашингтон, что Кавам

боятся обвинений в клятвопреступлении и фашизме. Даже Тегеран находится под угрозой беспорядков, ожидаемых от партии «Туде» [33].

Новой проблемой для Кавама стали ширящиеся изо дня в день выступления подконтрольных англичанам племен на юге Ирана. Восставшие племена требовали таких же реформ, какие были обещаны азербайджанским демократам, а также изгнания министров-тудеистов и не имеющих достаточной профессиональной подготовки офицеров. Несмотря на определенную работу советских агентов среди кашкайцев, последние, сговорившись с бахтиярами, стали требовать вывода из кабинета членов партии «Туде», тудеистов из госучреждений в Фарсе и предоставления автономии южным провинциям, населенным кашкайцами. В ответ на отказ Кавама удовлетворить эти требования 23 сентября были захвачены бухты в Персидском заливе и осажден Шираз. Это было настоящее восстание. Священнослужители юга Ирана также поддерживали кашкайцев. Для восстановления порядка на юге во главе 2000 солдат был послан генерал Захиди, который в годы войны сотрудничал с кашкайцами. Но все оказалось безрезультатным. Некоторые левые советовали Каваму послать в район беспорядков азербайджанскую армию или же создать против мятежных племен группы «национальных партизан». Но это были нереальные советы, и Кавам их не принял. Ничуть не сомневаясь в причастности Британии к событиям в Хузистане, Кавам угрожал пожаловаться в Совет Безопасности, но американский посол его отговорил. В первых числах октября Кавам заявил послу, что собирается произвести изменения в своей политике, направленные в первую очередь против левых. И добавил, что если получит экономическую и финансовую поддержку США, то сделает это более уверенно [34].

Кавам считал, что выступления южных племен – кашкайцев и бахтияров против центрального правительства организовывали англичане. Еще 18 июля 1946 года, принимая советского посла, он сообщил, что два английских военных корабля вошли в Персидский залив, но попросил, чтобы эта информация не попала в «Правду». В свою очередь, И.Садчиков обещал, что сведения, передаваемые Кавамом об англичанах, останутся между послом и премьером. По словам Кавама, он заявил английскому послу, что не видит никаких оснований для пребывания британских военных кораблей в заливе. Правительство Ирана приняло необходимые меры для охраны порядка в Хузистане, забастовка прекратилась и на юге воцарилось спокойствие. Приход кораблей может только взбудоражить общественность.

Садчиков спросил, почему Кавам не считает нужным довести до сведения общественности факт ввода английских военных кораблей в Персидский залив. Это привлекло бы внимание всего передового общественного мнения мира и связало бы англичанам руки в будущем.

Садчиков заявил, что действия англичан в данном случае представляют собой грубую попытку ущемить национальный суверенитет Ирана, применить военную силу для получения определенных политических уступок со стороны Ирана. Кавам ответил, что он уже дал телеграмму иранским послам в Лондоне и Вашингтоне, а также просил английского посла убрать военные корабли [35]. Уходя, И.Садчиков настоятельно посоветовал ни в коем случае не смириться с тем, что англичане обращаются с Ираном, как со своей колонией. Кавам обещал подумать.

12 сентября, принимая И.Садчикова, Кавам вновь затронул эти вопросы. Он сказал, что сообщит некоторую информацию, но с условием, что все это останется в секрете. Премьер рассказал, что иранское правительство послало войска в Хузистан и приняло меры к наведению там порядка. Англичане делают вид, что довольны, но для нормальной работы нефтяной компании условий пока нет. Далее Кавам сообщил строго секретную информацию: один из руководителей бахтиар сказал Каваму, что англичане привлекли на свою сторону руководителей бахтиарских племен и предлагают им выступить против центрального правительства, требуя себе таких же прав, какие предоставлены Азербайджану. Вождей заверили, что они будут иметь всемерную поддержку со стороны англичан и получают достаточное количество оружия. Кавам уверен, что аналогичная работа проводится и среди кашкайцев, и других племен юга, что оружие на юг Ирана поступало и продолжает поступать.

В доказательство своих слов Кавам достал письмо вождя Абольгасема Бахтиари из рода Ильхани, который сообщал премьеру, что англичане подкупили и военных в столице; предполагается, что после выступления бахтиар, кашкайцев и других племен на юге выступят и военные в центре [36].

Затем Кавам завел речь о трудностях, связанных с партией «Туде», и лишь затем перешел к азербайджанскому вопросу. Он заверял, что за время пребывания азербайджанской делегации в Тегеране он принимал все меры к тому, чтобы не вызвать недовольства со стороны делегатов. Однако в это же время в самом Тебризе Пишевари как по радио, так и в местной прессе заявляет, что если требования азербайджанцев не будут удовлетворены, то Азербайджан объявит о своей независимости. Пишевари, считает Кавам, говоря о независимости, не думает, как будет жить независимый Азербайджан, который не имеет достаточных средств для существования, и без помощи центра будет прозябать в нищете.

Посол спросил премьера, соответствует ли действительности слухи о таком заявлении Пишевари. Кавам ответил, что об этом передавало Тебризское радио. Остановившись на требованиях азербайджанцев, Кавам сказал, что по договору 75% доходов Азербайджана остаются на месте, а

25% поступают в распоряжение центрального правительства. Однако центральное правительство до сего времени не получило ни копейки в счет этих 25%. Мало того, азербайджанцы не только оставляют у себя 75%, но просят оплатить им все расходы на содержание армии, что составит около 15 млн. туменов в год, и на содержание охраны (жандармерии), что составит около 5 млн. туменов в год. Кроме того, они требуют на строительство железной дороги Миане-Тебриз около 20 млн. туменов и на строительство шоссейных дорог - около 10 млн. туменов. В общей сложности они требуют около 50 млн. туменов в год. Но у правительства нет таких денег. Азербайджанцы требуют также, чтобы иранское правительство отпускало для азербайджанской армии все вооружение и снаряжение, но при этом заявляют, что их армия не должна использоваться за пределами Азербайджана. При этом они настаивают, чтобы командующий войсками был назначен самими азербайджанцами.

Далее Кавам подтвердил, что правительство признало те преобразования, которые произошли в Азербайджане к моменту подписания соглашения. Однако азербайджанцы на этом не остановились и до сих пор продолжают конфискацию помещичьих имений. Кавам просил Садчикова посоветовать азербайджанцам вести более умеренную линию, чтобы наконец решить азербайджанский вопрос и не давать англичанам повод к использованию его в своих целях. Садчиков ответил, что он, со своей стороны, помогает премьеру, и сослался на слова В.М.Молотова, сказанные им в Париже Сепакбоди: «В отношении севера Кавам может быть спокоен, что там будет все в порядке» [37].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что именно благодаря поддержке СССР летом 1946 года Иран попал на Парижскую мирную конференцию. Еще 4 июля 1946 года Кавам в письме Садчикову выразил желание участвовать в работе конференции, а примерно через месяц в другом письме он поднял вопрос о компенсации ущерба, нанесенного Ирану в результате войны с Германией. С письмом примерно такого же содержания 7 августа Х.Саях в Москве обратился к Деканозову. В обращении Деканозова к Сталину от 25 августа отмечалось, что, учитывая отношение Советского Союза к правительству Кавама, на его просьбу можно ответить положительно [38]. Советскому послу в Тегеране было поручено передать Каваму, что советские представители в Париже готовы поддержать пожелание иранского правительства [39].

21 августа советский посол в Париже А.Богомолов по поручению А.Вышинского принял посла Ирана в Париже Рахнемани, который выразил сердечную благодарность В.Молотову и А.Вышинскому от имени министра Сепакбоди и его заместителя А.Энтезами за благоприятные рекомендации для приглашения Ирана на Парижскую мирную конференцию. А.Богомолов ответил, что в отличие от других стран СССР

является бескорыстным другом Ирана. Рахнемани с этим согласился, отметив, что нынешнее иранское правительство понимает необходимость дружбы с СССР [40].

В то же время посол Ирана в Вашингтоне Г.Ала пытался убедить Бирнса, что сейчас не время проводить выборы. Он напомнил, что Азербайджан все еще находится вне сферы влияния центра, а южные племена восстали против вмешательства русских в дела Ирана, и при этом СССР оказывает на Кавама сильное давление, торопя с проведением выборов. Посол был уверен, что выборы при нынешних обстоятельствах укрепят позиции русских на севере Ирана и позволят им установить контроль над всей страной. Кроме того, у него есть сведения, что проведение избирательной кампании до восстановления власти центрального правительства в Азербайджане поставит под удар независимость и суверенитет Ирана. Посол Ала заявил, что в настоящий момент Азербайджан находится под контролем демократов-руссофилов и центральное правительство здесь фактически потеряло свое влияние. В дополнение к этим проблемам южная часть Ирана также охвачена народными волнениями [41].

Осенью 1946 года правительство Трумэна внесло коррективы в политику Америки на Среднем Востоке. Директор управления Востока госдепа США Лой Хендерсон выразил опасения по поводу угрозы превращения Ирана в доминион Советского Союза. В октябре он заявил об этом следующее: «Иран превращается в советский доминион. Такой ход событий противоречит интересам США». Он предупреждал, что, «если не сможем очень серьезно и конкретными акциями убедить Иран в своей поддержке, иранский народ и правительство так падут духом, что не будут способны противостоять советскому давлению». Он имел в виду предоставление Ирану кредитов от «Экспорт-импорт банка» или же военной помощи в случае обращения Ирана с такой просьбой. Координационный комитет государственного, военного и морского департаментов через Совет национальной безопасности затребовал у Объединенного генштаба анализ стратегической важности Ирана. На этот запрос поступил следующий ответ: «Территория Ирана представляет стратегический интерес для США. США должны пресечь гражданские беспорядки в Иране. В противном случае сильные соседние государства могут вмешаться в иранские дела, и это поставит под удар экономические интересы Ирана в Персидском заливе» [42].

Дипломатические миссии в Тебризе внимательно изучали ситуацию, создавшуюся в середине октября. Назначенный в Азербайджан новый британский консул Карс был принят 17 октября Пишевари. В первую очередь консула интересовали следующие вопросы: проведение реформ в Азербайджане, распространение здесь западной цивилизации, причины антианглийской пропаганды, отношения с курдами, урегулирование

спорных вопросов между работодателями и работниками, отношение азербайджанских лидеров к событиям на юге Ирана, структура внешней торговли, наличие нефти в Азербайджане, будет ли поставлен нефтяной вопрос на обсуждение нового Меджлиса, последние новости с тегеранских переговоров, вопрос Зенджана и т.д. Пишевари ответил практически на все вопросы нового консула. Он сообщил о ходе земельной реформы в Азербайджане, о предоставлении избирательного права женщинам; о том, что без применения достижений западной цивилизации невозможен прогресс в стране; о том, что и в Англии ведется антиазербайджанская пропаганда; о достаточно благоприятных отношениях с курдами; что хотел бы видеть в результате восстания на юге не восстановление феодальных порядков, а торжество демократических реформ. В то же время он честно признался, что ничего определенного не может сказать о наличии нефти в Азербайджане и о нефтяной политике будущего Меджлиса. Во время беседы Карс спросил: «Намерены ли вы строить аэродромы для использования в целях развития торговли? Здесь имеются хорошие возможности для этого». Пишевари ответил, что это в компетенции центрального правительства [43].

Британский консул не случайно задал этот вопрос. Одной из концессий, желаемых Советским Союзом, было строительство аэропорта и возможность контролировать воздушные линии в Северном Иране. Для этого Иран должен был выделить пригодный участок земли. Заместитель госсекретаря Дин Ачесон писал послу Аллену: «Считаю, что эта «премия» от иранского правительства (имеется в виду 50% для русских в совместном с Ираном предприятии по обслуживанию воздушных путей в Северном Иране) есть фактически передача Северного Ирана в сферу советского влияния. В такой компании все техническое обеспечение и контроль будут в руках Советов. Таким образом они обеспечат себе монополию над самым важным средством транспорта и связи на севере Ирана и обойдут всех своих противников» [44].

На заседании кабинета, посвященном этому вопросу, только четыре человека из нетудеистов проголосовали против концессии. Через 2 часа после принятия отрицательного решения вооруженные люди из советского посольства оказали на министров давление, угрожая в случае дальнейшего противодействия расправиться с их семьями. Однако последовала неожиданная для русских реакция. Очень скоро об этом стало известно шаху, который, ссылаясь на то, что Кавам не может приструнить русских, потребовал его отставки. Россоу пишет, что Кавам, пытаясь реабилитировать себя, умолял шаха простить его и через близких шаха людей просил дать ему возможность сформировать новое правительство. Мухаммед Реза согласился на это, выдвинув следующие условия: «Кавам должен удалить из правительства тудеистов и избавиться от Музаффара

Фируза; вплотную заняться организацией Иранской демократической партии и на декабрьских выборах составить достойную конкуренцию партии «Туде»; прекратить переговоры с азербайджанскими бунтовщиками и восстановить суверенитет Ирана в этой провинции». Кавам согласился со всеми условиями, кроме удаления Фируза. Вопрос Фируза решился довольно просто: его направили послом в Москву [45].

Еще до объявления состава правительства посол Аллен сообщал госсекретарю: «Не верю, чтобы партия «Туде» спокойно восприняла это решение Кавама. Правда, этой реакции придется ждать несколько дней, а может быть, и несколько недель. Но нет сомнений, что они сделают попытку организовать массовые демонстрации, а в результате возникнут серьезные народные волнения. Чтобы предотвратить вооруженное столкновение с Азербайджаном, Каваму придется мобилизовать все силы. Незирая на его имидж миротворца, реакция Советов, весьма возможно, будет мощной... Мухаммед Реза очень сердит, и он заявил Каваму, чтобы между ним и Фирузом не было никаких контактов. Шах заявил, что хочет видеть Фируза либо в тюрьме, либо немедленно за пределами страны. Кавам предложил послать его в Москву. Шах согласился с условием, что это произойдет немедленно. Затем шах и Кавам рассмотрели список кандидатов в новый кабинет министров и решили в целях предотвращения массовых митингов партии «Туде» 24 часа держать этот вопрос в секрете. Однако очень скоро Кавам выложил все Фирузу, а тот – советскому послу. Садчиков немедленно потребовал встречи с Кавамом, и в ту же ночь (17 октября) они встретились. Разговаривая с Кавамом на высоких тонах, ему удалось запугать Кавама настолько, что наутро Кавам явился к шаху и заявил: если произойдут изменения в кабинете, то возникнут серьезные основания для вступления советских войск в страну. Шах ответил, что он не верит во вторжение советских войск в Иран, и если даже так, то он все равно решительно настроен в пользу перемен и будет просить ООН оказать ему помощь в пресечении этой агрессии. После этого они решили немедленно объявить о перекройке кабинета» [46].

19 октября был объявлен новый состав правительства, где не было тудеистов и в котором Ахмед Кавам наряду с постом премьер-министра получил портфели министров внутренних и иностранных дел. Таким образом Кавам покончил с сомнениями и окончательно определил свой политический курс. Естественно, этот новый курс был своеобразным приглашением для британцев и американцев вмешаться. Британский посол Ле Роджтел быстро среагировал и заверил Кавама в поддержке англичан. Он охарактеризовал изменения в кабинете как «знак того, что фарсидский национальный дух еще жив». А американский посол назвал этот шаг «поворотным пунктом в истории Ирана». В то же время и шах остался доволен заменой министров-тудеистов и отправкой Фируза в качестве

посла в Москву. Но Мухаммед Реза вдруг забеспокоился, что англичане и американцы, придя в восторг от нового курса Кавама, начнут поддерживать именно его и забудут о важной роли, которую сам шах сыграл в последних событиях. Поэтому, встретившись с американским послом, он заявил, что является инициатором этих действий. Британцы и американцы были готовы поддержать и Кавама, и шаха. Но опасавшийся активизации сторонников шаха и нуждающийся в компенсации за отказ русским и левым, Кавам усилил свои происки в борьбе за доверие и поддержку англосаксов. С этой целью он обновил договора с американскими инструкторами иранской жандармерии, освободил из-под стражи генерала Арфу и близких ему лиц.

Советский посол гневно отреагировал на эти события и обвинил Кавама в тайном сговоре с британцами [47]. Теперь советские спецслужбы приступили к сбору компромата на Кавама. Например, в Москву сообщили, что Кавам недавно купил в Ширазе деревню за 170 тысяч туменов, а также он через своего управляющего Исмаил хана различными путями уклонился от выполнения закона «О монополиях», перепродал 5000 тонн риса и выиграл на этом 100 тысяч туменов. На днях при рождении своего ребенка 70-летний премьер дал акушерке 2000 туменов и т.д. [48].

На следующий после смены кабинета день азербайджанская делегация, потратившая два месяца на переговоры, вернулась в Тебриз. До этого Кавам сообщал британскому послу, что Саламулла Джавид и Али Шабустари «согласны на сотрудничество», но Пишевари не позволяет им идти на уступки. В связи с отъездом азербайджанской делегации из Тегерана госсекретарь Бирнс запрашивал Аллена: «Азербайджанцы прервали переговоры с центральным правительством и вернулись в Тебриз. Как, по-вашему, можно ли это расценивать как согласие Кавама на сохранение Азербайджана под контролем Советов и на восстановление там власти Ирана?» В ответ Аллен в конце октября направил госсекретарю обширный отчет о возможных результатах грядущих выборов. Он писал: «Два дня назад Кавам заявил британскому послу, что направит в Азербайджан наблюдателей для контроля за ходом выборов. Если они заметят признаки некорректности, то депутаты от Азербайджана не переступят порога Меджлиса. Британский посол считает это нецелесообразным, т.к. после выборов Кавам испытает мощный прессинг по поводу азербайджанских депутатов и не устоит. Ле Роджтел просил английские власти настоятельно обратиться к шаху, чтобы выборы проводились только в подконтрольных Тегерану частях Ирана. Он признает, что если это предложение осуществится, то возможно отделение Азербайджана. Однако он более боится такой ситуации в Меджлисе, когда азербайджанские депутаты смогут выступать по общеиранским вопросам.

И поэтому считает более приемлемым отделение Азербайджана от Ирана. Я согласен с мнением Кавама, что трудно сдержать азербайджанских депутатов вне Меджлиса. Но о невозможности сохранения целостности Ирана пока говорить не могу» [49].

После срыва переговоров с Азербайджаном и прекращения отношений между Кавамом и партией «Туде» шеф ближневосточного управления государственного департамента Хендерсон с еще большей решимостью настаивал на увеличении экономических и военных расходов США в Иране. Наконец госдеп внял его рекомендациям, и 28 октября Бирнс дал указание о продаже Ирану оружия на сумму 10 млн. долларов. Однако для Кавама, осложнившего свои отношения с Советским Союзом, этого было недостаточно. Кавам хотел твердо знать: если произойдет нападение на Азербайджан и СССР вновь вмешается, что предпримут Штаты? Но Аллен по этому вопросу конкретных обещаний дать не мог, а говорил лишь о мировом общественном мнении, об ООН, о принципах внешней политики США. Вместе с тем готовность США послать оружие воодушевила шаха и Кавама на радикальное решение азербайджанской проблемы [50].

После возвращения азербайджанской делегации из Тегерана, 20 октября М.Дж.Багиров встретился в Нахичевани с Пишевари, его заместителем и участником переговоров в Тегеране С.Падеганом, командующим отрядами федаинов генералом Гуламом Яхъей. Были всесторонне обсуждены политическая, финансово-экономическая, военная ситуация в Южном Азербайджане и его отношения с Тегераном. Пишевари считал, что, учитывая сложившуюся сложную и опасную для Иранского Азербайджана обстановку, следует в первую очередь укрепить его военное положение. Англичане и иранская реакция во главе с Кавамом не хотят мириться с фактом существования независимого Азербайджана, и если демократы стремятся устоять перед этой силой, то надо усилить свою обороноспособность. В связи с этим Пишевари заявил, что если реакция перейдет к активным действиям и начнет военный поход на Азербайджан, то демократы в теперешнем состоянии не смогут устоять. Это объясняется отсутствием нужного вооружения, инструкторов, так как среди федаинов нет умеющих обращаться с артиллерией.

Пишевари считал, что нападение произойдет с двух направлений: со стороны Зенджана и со стороны Мараги. В Зенджане позиции демократов находятся на равнине, и там нет естественных оборонительных рубежей. Но самый кратчайший путь в Тебриз лежит со стороны Мараги. Исторически так сложилось, что опасность Тебризу угрожала всегда с этой стороны. Пишевари сообщил, что курды из племени барзани во главе с Мола Мустафой готовы оказать помощь демократам и выставить 3000 человек, но у них всего 1500 винтовок.

Пишевари также рассказал о незавидном финансовом положении страны, отметив, что для укрепления правопорядка и на вооружение армии нужно еще 20 миллионов туменов [51]. Багирову была представлена большая справка о финансовом положении Иранского Азербайджана и использовании годового бюджета [52]. Тогда же Багиров попросил в кратчайшие сроки подготовить и послать ему справку о состоянии азербайджанской армии и ее нуждах, о положении на границе между Ираном и Азербайджаном.

Затем С.Падеган поведал о тегеранских переговорах. Он отметил, что в первые дни все вопросы были согласованы с Кавамом, но затем постепенно, путем затягивания решения вопросов, азербайджанскую делегацию продержали в Тегеране 50 дней. Становилось все яснее, что Кавам постепенно отрывается от данных обещаний и стремится к ликвидации демократического движения в Азербайджане. Несомненно, основной причиной отставки 17 октября было стремление воспрепятствовать входу демократов в Меджлис. Падеган считал, что никого из них не допустят в новый Меджлис. Обращаясь к Багирову он сказал: «Теперь все зависит от вас. Наше положение зависит от политики Советов. Если вы позволите, мы начнем работать по своему усмотрению». Затем Падеган охарактеризовал членов нового иранского правительства [53]. Генерал Гулам Яхья доложил о боеспособности федаинов, о положении в Зенджане и других проблемах.

Об этой встрече Багиров писал 22 октября Сталину: «Они информировали о положении в Иранском Азербайджане, о том, что, по их мнению, можно дальше ожидать от тегеранского проанглийского правительства, и просили оказать им необходимую помощь на случай военного нападения. По их заявлению, настроение населения в Азербайджане в основном положительное. Авторитет и влияние Азербайджанской демократической партии крепнут и усиливаются. В связи с продолжением раздачи земли, среди крестьян наблюдается большое воодушевление. Армия, в особенности партизаны, ведет себя хорошо и не вызывает никаких сомнений... В то же время на границе Азербайджана сконцентрированы большие силы иранской армии. Создано большое количество крупных бандгрупп, руководимых иранскими офицерами и английскими разведчиками. Почти каждый день на том или другом участке эти банды вооруженными нападениями прощупывают силы азербайджанцев. Внутри Азербайджана проанглийские реакционные элементы и сами англичане ведут активную работу по разложению населения. С целью создания паники, распространяют слухи о неминуемой войне на территории Азербайджана, предлагая населению заблаговременно уехать из Азербайджана. В связи с последними событиями в Тегеране, Пишевари и его товарищи считают, что выборы в

меджлис будут оттянуты до тех пор, пока не будут окончательно парализованы демократические силы в Иране, пока не будет ликвидирован азербайджанский вопрос. Причем, по их мнению, азербайджанский вопрос тегеранское правительство может ликвидировать двояко: или открытым вооруженным наступлением, или же подписанием фальшивого соглашения, дабы иметь возможность ввести войска в Азербайджан и захватить в свои руки руководство гарнизонами и жандармерией... Что касается вооруженного наступления, то население, безусловно, будет сопротивляться. Необходимо только в этом случае оказать им дополнительную помощь вооружением. О размере помощи обещали сообщить в течение двух дней» [54].

Одновременно Багиров написал послу Садчикову. Он обратил его внимание на то, что в Азербайджане ходят слухи о неминуемом столкновении СССР и Англии, и что именно Азербайджан станет полем этой битвы. Сообщалось также, что якобы центральное правительство готовится к наступлению на Азербайджан, поэтому наблюдается переселение из Тебриза в Тегеран не только помещиков, купцов и зажиточных граждан, но также и малоимущих. Багиров информировал, что Пишевари получил указание усилить агитационную работу среди населения и разоблачать провокаторов [55].

22 октября Пишевари подготовил и отправил в Баку обширную справку о боеспособности азербайджанской армии и ее нуждах. По его мнению, центральное правительство для достижения цели собиралось в первом же наступлении использовать весь свой боевой потенциал, чтобы сразу добиться решающей победы. В связи с этим Пишевари отмечал, что тегеранское правительство на границах Азербайджана сосредоточило: в районе Казвина – 5000, в Курдистане – 12500, в Реште-Гиляне – 2000 солдат и офицеров. Кроме этих сил, в Тегеране имеется десятитысячный резерв, который в кратчайший срок может быть переброшен на границу. По мнению Пишевари, в боевых действиях ожидается участие и 5000 жандармов. Такую же силу могла мобилизовать и местная реакция. По подсчетам лидера демократов выходило, что Тегеран может выставить против Азербайджана до 40 тысяч солдат, на вооружении которых 2000 автоматов, 1200 легких и тяжелых пулеметов, 70 минометов, 104 пушки, 35 средних и легких танков, 20 бронемашин, 50 боевых самолетов. Что касается азербайджанской армии, Пишевари указывал, что личный состав азербайджанской дивизии составляет всего 10520 человек, в отряды федаинов входят 7763 человека. Кроме них, есть надежда на помощь 5000 курдов.

Однако американский консул Духер, хорошо знакомый с положением в Азербайджане и Курдистане, несколько иначе информировал Кавама относительно курдов. Он отмечал, что курдские лидеры, особенно Аммар

хан и один из лидеров западных курдов Кази Магомед, решительно выступают против коммунистов. После того как Советы не оказали им обещанной помощи, обиженные, они готовы объединиться с центральным правительством против Азербайджана, однако с тем условием, что Тегеран будет согласовывать с ними военные операции и пообещает в дальнейшем не прибегать к политике репрессий по отношению к курдам [56].

В письме Пишевари также указывалось, что азербайджанская армия нуждается в военных поставках в количестве 4000 автоматах, 300 легких и 380 тяжелых пулеметах, 65 минометах, 112 орудий, в том числе противотанковых, 500 противотанковых ружьях, 4000 грузовиках, 68 зенитных орудиях и т.д. [57].

В другом письме, написанном 22 октября вице-консулом Н.Кулиевым, речь шла о социально-экономических, финансовых и материальных нуждах Азербайджана. В этом письме Багирову сообщалось, что Тегеран не отпускает средств на содержание армии и жандармерии. Кулиев докладывал, что теперь азербайджанское правительство не в состоянии найти средства даже на содержание государственного аппарата. По сообщениям, поступающим от командования национальной армии и из отрядов феодалов, продовольствия не хватит и на десять дней. Поэтому Пишевари поднял вопрос о необходимости выделения Азербайджану 20 млн. туменов для приведения армии в состояние готовности и проведения мероприятий по отражению иранской армии. Н.Кулиев писал, что если бы тегеранские переговоры завершились для Азербайджана успешно, всех этих проблем не было. Однако итоги далеки от ожидаемых результатов, поэтому азербайджанцы должны быть готовы ко всяким неожиданностям. В ожидании скорой зимы, в условиях отсутствия местных ресурсов Пишевари просил доставить 150 тысяч метров полотна, 10 тысяч телогреек, 1500 квадратных метров оконных стекол для казарм. Н.Кулиев отмечал, что в данный момент в Азербайджане тиражом в 25 тысяч экземпляров издаются 7 газет и 3 журнала. Сложившаяся ситуация требует активизировать пропагандистскую и разъяснительную работу, используя прессу. Однако запас бумаги иссяк. Пишевари просит отпустить им 50 тонн бумаги. Этого хватит на четыре месяца [58].

Несколько позже советский вице-консул в Тебризе Б.Сеидзаде направил М.Дж.Багирову обширную справку «О финансовом положении в Иранском Азербайджане». В ней всесторонне анализировались выполнение госбюджета, финансовая политика правительства, финансовое обеспечение реформ и т.п. [59].

Основываясь на письме Пишевари, Багиров 25 октября направил Сталину письмо о нуждах азербайджанской армии. В конце своего послания Багиров отмечал, что для организации оборонительных работ и оказания практической помощи с соблюдением полнейшей секретности в

Тебриз следует направить военного советника с тремя обученными помощниками из офицеров-азербайджанцев [60].

В связи с угрожающей обстановкой вокруг Иранского Азербайджана осенью 1946 года Багиров затребовал информацию о состоянии морально-политической и учебно-боевой подготовки курсантов Бакинского пехотного училища, прибывших на учебу из Южного Азербайджана. В училище с апреля обучался 251 человек, в том числе 4 офицера, выделенные в специальный батальон. Все занятия с ними проходили на азербайджанском языке. По указанию Багирова заместитель председателя Совета Министров Азербайджанской ССР Азизбеков, министр внутренних дел Якубов, министр госбезопасности Емельянов, член военного совета 4-й армии генерал-майор Руссов и другие подготовили справку о дополнительных нуждах батальона [61].

После совместного обращения М.Дж.Багирова и Т.Кулиева Совет Министров СССР 14 ноября 1946 года выделил 3.967.706 рублей на нужды идеологической и культурно-просветительской работы в Южном Азербайджане [62]. Однако средства на вооружение и технику, на военные расходы не предусматривались.

Изгнание из правительства министров – членов партии «Туде» явилось для Азербайджана и СССР сигналом об изменении отношения к ним. В первом же выступлении после формирования нового кабинета Кавам пожаловался на последние передачи Московского радио и объявил, что такие действия «противоречат принципам взаимной дружбы и невмешательства во внутренние дела Ирана». 28 октября премьер выступил по Тегеранскому радио с большой предвыборной речью, в которой объявил, что несмотря на многочисленные слухи об откладывании выборов в Меджлис он намерен провести выборы в декабре.

В первые дни ноября Дж.Аллен свел Кавама с американским консулом в Тебризе Герхардом Духером. Кавам дотошно выспрашивал о положении в Тебризе и задал консулу много вопросов о правительстве и азербайджанских лидерах. В этой беседе Кавам заявил, что в течение десяти дней захватит Зенджан, пусть даже силой. Аллен заверил Кавама, что США не отступятся от своего решения поддержать территориальную целостность Ирана, несмотря на то, что есть предложения согласиться с отделением Азербайджана от Ирана, лишь бы «коммунистический яд» не просочился дальше по всему Ирану. Кавам заявил послу, что для восстановления своей власти в Зенджане он использует все средства. Аллен ответил, что одного Зенджана недостаточно, но это будет хотя бы началом. Кавам уточнил, что рассчитывает продвигаться постепенно.

Американская миссия, прибывшая в начале ноября из Тебриза в Тегеран, сообщала, что в Тебризе идет мобилизация сил, а на зенджанском фронте строятся укрепления и окопы [63].

29 октября Кавам направил губернатору Азербайджана письмо, в котором говорилось: «В результате соглашения по поводу армии решено, что генерал Алави, генерал Панахиян и полковник Хидаят назначаются, соответственно, командиром дивизии, заместителем командира дивизии, начальником штаба и направляются в Тебриз. Вам поручается разработать вопрос организации азербайджанской дивизии и обеспечения ее подразделений командирами и в течение двух недель направить предложения в военное министерство. Что касается охранных отрядов, в этом отношении также принято решение, что начальник этих отрядов и командиры различных полков в провинции будут назначаться из центра, а их заместители назначаются провинциальным энджуменом и утверждаются вами. Бюджет этих отрядов будет на 2/3 обеспечиваться центром, а остальное из местных доходов. Достигнута договоренность, что после сдачи Зенджана в течение 15 дней туда будут направлены войска из Азербайджана для охраны порядка в Сардеште. Охрана порядка будет поручена только силам полиции. Достигнута договоренность, что после сдачи Зенджана в течение 20 дней иранские войска выйдут из Такаба и в этом районе управляющий, начальник полиции, начальник охранных отрядов будут избраны из чиновников министерства внутренних дел по предложению азербайджанского управления полиции».

Как видно из этого письма премьера, правительство ясно давало понять, что не собирается содержать никакие воинские и жандармские части в Азербайджане и даже обещает вывести тегеранские части из Сардешта и Такаба. Вместе с тем следует отметить, что это письмо, предусматривавшее охрану порядка и безопасности только силами азербайджанских частей, премьер-министр написал после 6 октября, т.е. после объявления шахом начала предвыборной гонки, а по поводу выборов в письме никаких условий не выдвигается.

Представители Южного Азербайджана настаивали на заключении соглашения, поскольку были уверены в том, что реакция сможет заставить иранское правительство, особенно накануне выборов в Меджлис, отказаться от заключения договора. Ибо если бы охрану правопорядка в Азербайджане поручили иранской армии и жандармским частям, было бы легко заставить правительство отказаться от заключения соглашения. Дальнейший ход событий показал обоснованность опасений азербайджанской стороны.

В соответствии с соглашением между иранским правительством и азербайджанскими представителями части азербайджанской армии и отряды федаинов 13 ноября были выведены из Зенджана. Таким образом, центральное правительство перехватило инициативу. Вначале тегеранская печать пыталась сформировать соответствующее общественное мнение, описывая «зверства» демократов в Зенджане. «Иране Ма» и «Рахбар»

публиковали сообщения своих корреспондентов в Зенджане, которые рассказывали, как реакционные газеты добывают «жареные» факты о «зверствах» демократов. В телеграмме корреспондента газеты «Рахбар» сообщалось, что сотрудники правых газет берут интервью только у агентов Зульфигари, а также у отца бывшего шефа полиции Зенджана. Агенты Зульфигари избивали рабочих и грозились растоптать не только Азербайджан, но и весь Кавказ. По заявлению корреспондента газеты «Рахбар», ему запрещали давать правдивую информацию о положении в Зенджане, поэтому он посылал сообщения по почте. Корреспондент «Иране Ма» подтвердил слова своего коллеги. Например, репортер реакционной газеты «Атеш», еще находясь в Казвине, сообщил в Тегеран, что в Зенджане уничтожены все портреты шаха. Корреспонденты реакционных газет еще до приезда в Зенджан послали отчеты в полторы тысячи строк о «зверствах» демократов. Один из корреспондентов умудрился взять информацию у пассажиров, направлявшихся из Мешхеда в Зенджан. Несмотря на возражения, что они еще не были в Зенджане, газетчик пытался хоть что-нибудь выудить о «зверствах» демократов, записал имена и паспортные данные попутчиков.

Двухтысячный вооруженный отряд Зульфигари вступил в Зенджан. Войска оккупировали город и область. Несмотря на заверения правительства реакционные помещики привели с собой вооруженные банды, что способствовало резне и грабегам. Газета «Азербайджан» в нескольких номерах публиковала сообщения о митингах протеста, проведенных в Миане, Резайе, Салмесе, Маку, Миандоабе и других городах. Священнослужители, купцы, помещики, феодалы, представители Демократической партии и все слои населения выразили возмущение действиями реакции и готовность защищать свободу и независимость.

Вступление иранских войск в Зенджан и творимые там бесчинства вызвали серьезную тревогу не только в городах Иранского Азербайджана, но и в Баку. Об этом красноречиво свидетельствует обращение М.Дж.Багирова к Пишевари, Шабустари, Джавиду, Падегану, Гуламу Яхье в самом начале этих событий – 14 ноября. Он писал: «Уважаемые товарищи! Считаю своим долгом обратить ваше внимание на то, что в настоящее время создалась исключительно тяжелая и напряженная обстановка вокруг Азербайджана, какой на всем протяжении демократического движения в Азербайджане не было. Иранская военщина и реакционные круги усиленно готовят создание вооруженных конфликтов на границах Азербайджана и используют все внутренние реакционно настроенные элементы для восстановления прежнего положения в Азербайджане. Чтобы быть готовыми ко всяким неожиданностям и организованно дать отпор врагу, в первую очередь требуется исключительная спаянность и дружба между вами – руководителями.

Учтите серьезность создавшегося положения, не забывайте жертв, понесенных азербайджанским народом за свои завоевания. Учтите, что иранская реакция не остановится перед физическим истреблением лучших сынов и дочерей азербайджанского народа. Во имя спасения достигнутых завоеваний и во избежание новых кровопролитий и жертв, как никогда, прежде всего и раньше всего и в первую очередь требуется ваша договоренность между собой. Ваше единство, ваша сплоченность, спаянность, опираясь на которые азербайджанский народ может отстоять свою честь и свободу. Никогда история и азербайджанский народ и его будущие поколения вам не простят, если из-за взаимной недоговоренности вы ослабите силы сопротивления азербайджанского народа. Поймите, что сейчас решается судьба народа и вопрос ваших личных взаимоотношений должен быть отброшен в сторону и все должно быть подчинено интересам общего дела. Курды сейчас могут играть двойную роль - и в вашу пользу, и против вас. Это зависит от вас, от вашего единства и вашего отношения к курдам, от вашего умения приблизить их к себе. Жду вашего совместного ответа. С братским приветом» [64]. Беспокойство Багирова было не напрасным. Истинная причина послания М.Дж.Багирова крылась в том, что по мере осложнения ситуации ухудшились и отношения между лидерами АДП. В первую очередь это касалось отношений между Шабустари, Джавидом и Пишевари. С.Дж.Пишевари требовал от них большей работы, но их полномочия не позволяли им осуществлять все задуманное Пишевари, и это его возмущало.

В связи с таким положением доктор Джавид 10 ноября встретился с вице-консулом Кулиевым. Джавид попросил сообщить М.Дж.Багирову, что напряженность в отношениях с Пишевари не позволяет ему далее оставаться на посту вали области. Джавид сказал, что ко всем близким к нему людям, и даже к тем, с кем он просто здороваётся, Пишевари относится подозрительно, всеми способами терроризирует их, увольняет с работы, и безвинные партийцы от этого страдают. К тому же Пишевари заявил, что Джавид в Тегеране продался Каваму и не защищал интересов азербайджанцев. Однако известно, что в Тегеране Джавид и шагу не мог ступить без согласования с советским послом и сотрудником посольства Али Алиевым. Среди партактива Пишевари хочет создать мнение, что Джавид – человек Кавама и не защищает интересы Азербайджана. 9 ноября Пишевари открыто поставил этот вопрос на партактиве. Джавид заявил: «Он вызвал из районов подчиненных мне чиновников и других на пленум ЦК партии... По вопросам ЦК Демпартии он свои действия ни с кем не согласовывает... На днях Пишевари нанес оскорбление генералу Кавияну. Тот подал в областной энджумен заявление об отставке, в котором пишет, что диктатура Пишевари превосходит деспотизм Реза

шаха. Мы с Шабустари уговорили Кавияна забрать свое заявление об отставке».

Далее Джавид заявил: «Я, генерал-губернатор, тоже имел большие возможности для игнорирования Пишевари, но этого не делаю, так как это было бы направлено на игнорирование и подрыв престижа Демократической партии, а Пишевари, злоупотребляя моим искренним отношением к нему, всячески старается меня игнорировать и дискредитировать. Поэтому единственным выходом из создавшегося положения считаю свой уход в отставку».

После ухода доктора Джавида, в тот же день, к Кулиеву явился Падеган. Он рассказал об инциденте между Пишевари и Джавидом, происшедшем 9 ноября на собрании актива, на почве того, что Пишевари несправедливо обвинил Джавида в неблагонадежности. По словам Падегана, «Пишевари действительно создает невыносимые условия как для Джавида, так и для других лиц, состоящих в руководстве. Но они воздерживаются от открытых действий исключительно ради уважения к Старшему (М.Дж.Багирову – Дж.Г.)». Падеган от своего имени и от имени Шабустари просил о сложившихся нездоровых и опасных взаимоотношениях довести до сведения Старшего с просьбой дать им совет, как выйти из положения [65].

Вице-консул Кулиев 14 ноября зачитал письмо Багирова в присутствии Джавида, Шабустари, Падегана, Бирии и Пишевари. Из поименованных в письме лиц отсутствовал только Гулам Яхья Данешян - он был в Зенджане. Обсуждение письма длилось 5 часов. Все руководство АДП заявило, что готово выполнять любые указания М.Дж.Багирова, «отметив при этом исключительную сложность работы с Пишевари. Джавид, Шабустари, Падеган и Бирия в присутствии Пишевари отмечали, что «1) Пишевари вообще не терпит коллегиальности в работе, игнорирует товарищей; 2) в присутствии рядовых работников и даже на публичных собраниях проявляет нетактичность в отношении сподвижников; 3) вмешивается в несущественные мелочи в работе отдельных организаций, чем создает недоверие и безответственность. Шабустари заявил: «Я могу уважать Пишевари как лидера, но слугой его стать не могу» [66].

По целому ряду вопросов возникли трения между Пишевари, Джавидом и другими руководителями, и это недопонимание углублялось с каждым днем. Между тем посол Садчиков и консул Красных направляли иранскому правительству и в Москву много недостоверной информации, порочащей Пишевари. С началом выборов в Меджлис Садчиков стал выдвигать кандидатуры лидеров ЦК Иранской народной партии в депутаты от Азербайджана, и это вызвало возражения Пишевари. М.Дж.Багиров считал доводы Пишевари убедительными, но убеждал Пишевари ради сохранения единства демократических сил поддерживать

связь с Народной партией. И Пишевари, и Багиров были согласны с кандидатурами А.Камбахша, Р.Руста, Ф.Ипекчиана, Н.Джаханшахлы. Советское посольство в Тегеране настаивало также на выдвижении кандидатуре Арташеса Ованесяна в депутаты Меджлиса от партии «Туде». По этому поводу Багиров писал: «Мы его кандидатуру ни в коем случае не рекомендовали бы выдвигать от Азербайджана, так как он неприязненно относится к азербайджанским демократам и известен в Азербайджане как организатор разных провокаций. Выдвижение его кандидатуры может скомпрометировать ЦК Демократической партии Азербайджана». Тем не менее М.Дж.Багиров разделял принципы интернационализма, а потому писал: «Если необходимо будет выдвинуть в Азербайджане кандидатуру из числа армян, то я думаю, что вы найдете в Азербайджане достаточно проверенных и зарекомендовавших себя армян-демократов» [67].

Багиров не мог смириться с безразличием, которое проявляли к Пишевари советские учреждения. Он не считал такое отношение случайным и чувствовал стремление определенных кругов плести интриги вокруг Пишевари. Багиров понимал, что англичане и американцы активизировали свою агентуру, заранее внедренную в ряды АДП. Но он считал, что у этой проблемы есть и другая, более опасная сторона. Багиров писал Ибрагимову, Кулиеву и Атакишиеву: «Среди самих демократов есть подкупленные люди. У меня усиливается подозрение в отношении некоторых людей, в частности наших работников (имеются в виду некоторые работники советского посольства – Дж.Г.), я не буду называть их фамилии, я думаю, что вы понимаете. Если вы вспомните события вначале, по поводу Будагяна, то приехавший сотрудник (имеется в виду сотрудник посольства Ованесян – Дж.Г.) допрашивал его и т.д. Видимо, и здесь какая-то работа идет». Багиров уже не скрывал подозрений по поводу Джавида. Он отмечал, что своим пребыванием в АДП Джавид не принес пользы, он окончательно договорился если не с Фирузом и Кавамом, то с народниками. Он был в народниках, был в партии «Адалят». Багиров, будучи председателем ЧК, обнаружил материал о том, что лидеры партии «Адалят» братья Агазаде были связаны с англичанами. Руководитель Советского Азербайджана справедливо считал, что советские сотрудники не поняли того, что англичане не только ведут подготовку вооруженного вмешательства в азербайджанские дела, но прилагают усилия по торпедированию изнутри азербайджанского движения, они знают, что это будет более эффективно и менее хлопотно для них.

Однако подозрения Багирова в отношении Джавида хоть и не рассеялись в дальнейшем, но документально подтверждены не были.

В отношении партии «Туде» Багиров писал: «Народники прекрасно знают, что не Пишевари хочет мстить народникам, а народники хотят

мстить азербайджанским демократам за то, что они откололись. Всеми силами они стараются внести разложение, не понимая, что, в конце концов, поражение Демократической партии приведет к полному поражению и ликвидации самой народной партии». Далее Багиров отмечал, что, несомненно, народники сговорились с Джавидом и Падеганом. Это мнение Багирова основывалось на противоречиях, возникших между Джавидом и Пишевари. В создании такой нервной обстановки в Азербайджане Багиров винил советских сотрудников в Иране. Он писал: «Теперь наши люди не только недопоняли всего того, что происходит, но и способны англичане и эта иранская продажная реакция, но, наоборот, они еще больше подбивают к конфликтам азербайджанцев. А ведь кто бы ни пришел к ним из жуликов, разведчиков с жалобой на Пишевари, сейчас принимают их и тут же пишут Каваму и выражают свое недовольство им. Это подталкивает их делать наскоки на Пишевари. Наши люди не только ничего не сделали для того, чтобы, по крайней мере, чем-нибудь помочь в этой части, они, не поняв всего этого, с первого дня этого движения все, что можно сказать отрицательного по адресу Пишевари, не только писали нам, в Москву, но и нужным и ненужным людям говорили об этом. И это доходило до Пишевари. Если бы не знали о настроениях Красных и других, разве там осмелились бы ставить вопрос: мы или он? Поэтому я прошу вас вытащить все материалы о поведении народников в первые же дни демократического движения, потом историю с Будаганом, Ованесяном, потом взять переписку Садчикова. Временами он сам говорил, что без Пишевари ничего нельзя сделать. Что получается? Садчиков, посольство, Красных хотят приказывать и чтобы Пишевари безапелляционно выполнял. С Джавидом все списки, которые Садчиков писал, безусловно согласованы, с Падеганом, с Шабустари, а с Пишевари - нет. Он, конечно, чувствует, что консульство, посольство действуют за его спиной, он ничего об их поведении не говорит, но хочет дать понять, что без меня договариваетесь, а в народе я все же более авторитетен, чем кто бы то ни был».

В отношении политической, моральной честности Пишевари Багиров никогда не сомневался. Он доверял этому способному, культурному, образованному человеку, осознавал, что условия, обстановка сделали имя Пишевари знаменем движения, и советское посольство должно изменить свое отношение к нему. Поэтому он просил Кулиева, Атакишиева и Ибрагимова подготовить соответствующие материалы, с тем чтобы в кратчайшие сроки довести их до сведения Москвы [68].

М.Дж.Багиров ошибочно полагал, что отрицательное отношение к Пишевари исходит не из Москвы, а является самодеятельностью посольства в Тегеране. Поэтому он просил своих людей собрать факты против посла Садчикова и консула Красных. Багиров еще не знал, что

отрицательное отношение к Пишевари исходило от московского руководства, от МИД. Как отмечал американский историк Марк Гамильтон Лайтл, Москва уже считала Пишевари лишним грузом, а его труд – не стоящим выделки [69].

16 октября Багиров дал новое указание бакинской «тройке» - обеспечить безопасность Пишевари. Он писал: «При всех крупных недостатках Пишевари (неуживчивость, упрямство, тщеславие, вспыльчивость, нервозность и др.) на сегодня, при создавшейся обстановке, он больше чем кто бы то ни был из азербайджанцев нужен там для общей пользы. Это, видимо, враги очень хорошо поняли и всеми силами стараются убрать Пишевари... Джавид, в особенности после приезда из Тегерана, играет главную роль в создании недовольства вокруг Пишевари. Прощупайте – не приехал ли он со специальным заданием. Джавида надо просить и в то же время предупредить, что он лично отвечает за дружную работу и за жизнь Пишевари. В таком же духе поговорите с Шабустари, Падеганом, Гуламом Яхьей и другими видными азербайджанцами. Что касается Пишевари, то надо предупредить его о необходимости соблюдать исключительную бдительность и осторожность в отношении охраны и т.п.» [70].

Здесь самое время сказать несколько слов о личных взаимоотношениях, сложившихся между М.Дж.Багировым и С.Дж.Пишевари. Большое количество стенографических записей их телефонных разговоров, архивные документы, описывающие их личные встречи, ярко свидетельствуют об искренней симпатии двух лидеров друг к другу. Багиров уважал в Пишевари организаторский талант, силу духа, патриотизм. Он неоднократно давал указание оберегать Пишевари, называя его «символом национального движения». Поэтому грустно читать ничем не подтверждаемые инсинуации, например, Михаила Крутихина, о том, что «Багиров попросту избил Пишевари кулаками в своем кабинете» [71].

Наконец, давно ожидавшиеся трудные времена наступили. 21 ноября 1946 года премьер Ахмед Кавам объявил, что для обеспечения порядка во время выборов, назначенных на 7 декабря, во всех без исключения областях страны будут размещены силы безопасности. В заявлении подчеркивалось, что во время выборов в Меджлис правительство намерено при необходимости направить во все избирательные пункты жандармов, а при острой необходимости и войска. В тот же день заявление Кавама телеграммой было доставлено губернатору Азербайджана Саламуллаху Джавиду.

ПРОВАЛ СТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ИРАНском АЗЕРБАЙДЖАНЕ

После подписания соглашения 13 июня Ахмед Кавам в течение семи месяцев выжидал, чтобы выбрать наиболее благоприятный момент для массовой атаки на Азербайджан. Этот период он использовал, чтобы ослабить азербайджанскую армию, собрать о ней информацию, внедрить своих агентов в Азербайджан, инспирировать в провинции экономические трудности, а главное, заручиться гарантиями поддержки Великобритании и США в противостоянии советской угрозе. Опубликованное 21 ноября в тегеранских газетах заявление Кавама дало толчок началу мощной антиазербайджанской пропагандистской кампании в иранской прессе. Газета «Этталаат», наравне с опубликованием заявления премьер-министра, напечатала на первой полосе статью, порочащую азербайджанских демократов. В ней говорится о «целесообразности направления на избирательные пункты достаточного количества полицейских сил, а в случае необходимости даже армейских частей». Складывалось впечатление, что тегеранские газеты устроили соревнование по количеству доводов за отправку войск и жандармов в Южный Азербайджан. Особенно преуспели в этом «Кейхан» и «Мехре Иран». Премьер-министр своими выступлениями и интервью пытался сформировать мнение, что он, якобы, не собирается лишать азербайджанцев приобретенных ими национально-демократических свобод, а правительство, принимая решение о вводе войск в Иранский Азербайджан, имеет целью лишь поддержание правопорядка во время выборов. Однако события, происходившие в возвращенном в эти же дни под контроль тегеранских охранных служб Зенджане, свидетельствовали совсем о другом.

Еще до ввода правительственных войск в Зенджан шах Мухаммед Реза дал указание об изучении структуры, количественного и кадрового состава вооруженных сил азербайджанских демократов с помощью сочувствующих Тегерану людей. По итогам этого исследования были

подготовлены доклад и карта с указанием дислокации азербайджанских частей. Согласно докладу, представленному иранскими спецслужбами, в вооруженных силах Азербайджана царил моральный упадок. В то же время в докладе содержалось предупреждение о том, что ситуация в Азербайджане может привести к серьезным последствиям не только для этой провинции, но и для целостности всего Ирана. На совещании, проведенном в шахском дворце с участием шаха, премьер-министра, министра обороны и начальника штаба, был разработан военный план по захвату Азербайджана. Оккупация Зенджана была первым этапом плана «чрезвычайных и действенных мер по освобождению Азербайджана и всего северного региона». Кавам и шах продолжали ошибочно полагать, что Советы с целью предотвращения оккупации Ираном всего Азербайджана, окажут азербайджанцам еще большую помощь, чем прежде [1]. Однако они были полны решимости реализовать свой план.

24 ноября американский посол в Тегеране Дж.Аллен писал госсекретарю: «Сегодня Кавам сообщил мне о своем окончательном решении послать силы безопасности в Азербайджан. Он сказал, что если тамошнее правительство окажет сопротивление (а он полагает, что оно его окажет), то он обратится за помощью к Совету Безопасности. В ответ на один из моих вопросов Кавам предположил, что для мобилизации сил и информирования руководителей потребуется две или три недели. Он планирует обратиться к Совету Безопасности в дни начала боев. Я отметил, что Совет Безопасности занимается проблемами, угрожающими международной безопасности. Кавам заявил, что знает об этом и в случае начала боевых действий в Северном Иране он проинформирует Совет Безопасности о том, что здесь сложилась обстановка, угрожающая международному миру. Я специально спросил его о том, намеревается ли он уведомить Верховный меджлис об этих своих действиях, направленных на восстановление суверенитета Ирана в Азербайджане. Ответив на это отрицательно, он повторил, что обратится к Совету Безопасности» [2].

21 ноября, после получения телеграммы Кавама, адресованной губернатору Азербайджана, Пишевари, Шабустари, Джавид и Падеган, обсуждая заявление премьер-министра, пришли к выводу, что если не допустить вступления частей иранской армии в Азербайджан, то Кавам под предлогом невозможности осуществления контроля за выборами первым делом приостановит их проведение в Азербайджане. «Четверка» не сомневалась, что контроль за выборами – всего лишь предлог, конечной целью Кавама является оккупация Азербайджана, устрашение населения и ликвидация всех демократических завоеваний. После зенджанских событий усиливались слухи, что вслед за Зенджаном правительство очистит от демократов весь Азербайджан. Сам Кавам, выступая в Кередже после возвращения из Гиляна, заявил, что он в скором времени решит

вопрос Азербайджана. После взятия Зенджана шах лично прилетел туда и, встретившись в аэропорту с начальником штаба Гаджиали Размара, приказал командирам двигаться в направлении Азербайджана. В завершение длинной речи он воззвал к офицерам, чтобы ради освобождения Азербайджана они немедленно и всей мощью перешли в наступление, иначе сделать это потом будет очень сложно, либо вовсе невозможно. «Поэтому мы приказываем нашим силам безопасности напасть на Азербайджан, подавить всяческое сопротивление и освободить наших граждан от засилья деспотизма» [3].

Руководители Азербайджана не без основания полагали, что чем больше уступок они сделают Каваму, тем больше требований он предъявит в дальнейшем. И «четверка» выразила решительный протест против ввода войск в Азербайджан. По их мнению, правительство, согласно Конституции, не имеет права вводить войска в провинцию в связи с выборами. В частности, армия ни коим образом не должна вмешиваться в избирательную кампанию. Во-вторых, если Кавам под предлогом охраны правопорядка во время выборов так стремится использовать армию, то он может воспользоваться имеющимися в Азербайджане армией, полицией и жандармерией. Тем более, что командный состав азербайджанской армии назначается Тегераном. В-третьих, решение правительства об отправке в Азербайджан армии противоречит соглашению, заключенному между Азербайджаном и Тегераном. Руководствуясь этими доводами, «четверка» постановила, чтобы доктор Джавид, как губернатор Азербайджана, направил Каваму телеграмму, уведомляющую об ошибочности такого решения и невозможности ввода войск в Азербайджан, так как это противоречит и имеющемуся соглашению, и закону. В телеграмме должно быть подчеркнуто, что установленные в Азербайджане демократические порядки не только не препятствуют проведению выборов, но, напротив, создают для них благоприятные условия. На случай, если Кавам, несмотря на это послание, будет настаивать на вводе войск в Азербайджан, «четверка» приняла решение об оказании сопротивления с целью не допустить направленные Тегераном войска в Азербайджан. А если правительство, все же отказавшись от ввода войск в Азербайджан, отменит здесь выборы в иранский Меджлис, то азербайджанцы считали необходимым объявить о созыве в Тебризе общеиранского меджлиса, альтернативного тегеранскому Меджлису. По их мнению, демократы могли бы получить поддержку свободолюбивых людей всего Ирана. Если же созыв общеиранского меджлиса в Тебризе по тем или иным причинам будет невозможен, то азербайджанцы должны были восстановить свой Милли Меджлис. Было принято решение начать жесткую кампанию в прессе против правительства Кавама и разоблачить его замыслы. В результате обсуждений «четверка» пришла к выводу о необходимости еще

раз довести до сведения М.Дж.Багирова информацию о наличии вооруженных сил численностью более двадцати тысяч человек и об уверенности в победе в случае вооруженного столкновения с Тегераном [4].

После этих дискуссий в Тебризе губернатор Азербайджана Джавид послал Каваму телеграмму, в которой спрашивал, будет ли иранская армия направлена в Азербайджан. В телеграмме от 24 ноября, адресованной губернатору Азербайджана, Кавам сообщал о том, что правительство Ирана с целью «обеспечения правопорядка» во время проведения выборов в Меджлис приняло решение о вводе своих войск в Иранский Азербайджан. В тот же день телеграмма Кавама была опубликована в газете «Эттелаат».

Открытое объявление Кавамом своих планов вызвало резкую реакцию азербайджанских демократов, особенно Пишевари. Он грозился распространить независимость, завоеванную Азербайджаном, на весь Иран, разогнать преступное тегеранское правительство и заменить его Национальным правительством. После обнародования окончательного решения Тегерана Сеид Джафар Пишевари в статье под названием «Куда и зачем они идут», напечатанной в 68-м номере газеты «Азербайджан», предупреждал, что если Кавам эс-Салтане, в нарушение принятой им резолюции, отдаст приказ о нападении на Азербайджан, то он натолкнется на ожесточенное сопротивление федаинов и Национальной армии. Пишевари напоминал тегеранскому правительству: «Мы хотели решить свои проблемы простым путем в рамках закона. Нам казалось, что руководители Ирана уже прозрели. Нам представлялось, что гул нашего движения пробудил ото сна правящие круги Ирана и они осознали ошибочность своей политики. Но так как Кавам продолжает следовать этим порочным путем, то мы готовы ко всему». Сама газета резюмировала: «Ну и пусть! Может быть, наконец, будут услышаны молитвы угнетенных. Наступает долгожданный день мести, которой так желает народ Ирана. Если Кавам хочет этого из-за прихоти реакционных кругов, то пусть так и будет. Пусть эта славная страница истории начнется именем Азербайджанской демократической партии».

Готовясь к вводу войск в Азербайджан, Кавам составил обращение к ООН и 24 ноября попросил посла Дж.Аллена, чтобы США поддержали это обращение. 27 ноября в ответ на вопрос газеты «Эттелаат» о вводе правительственных войск в Азербайджан, посол США заявил, что сохранение суверенитета и территориальной целостности Ирана - не только один из принципов трехсторонней декларации, но и цель политики США. В частности, он сказал: «Объявление правительства Ирана о своем желании направить силы безопасности для обеспечения правопорядка во

время выборов в какой-либо части Ирана кажется мне совершенно нормальным, окончательным и верным решением» [5].

Сразу же после заявления американского дипломата советский посол И.Садчиков, потребовав встречи с Кавамом, проинформировал его о том, что, как свидетельствуют полученные им из Москвы инструкции, его правительство считает ввод иранских войск в Азербайджан нежелательным, так как это создаст сложности «как внутри Азербайджана, так и на советско-иранской границе». Советский посол, звонивший несколько раз Каваму и шаху, заявил, что подобные действия на южных рубежах СССР недопустимы. Во время одного из таких телефонных разговоров посол сказал Каваму, что если он будет и дальше так действовать, то СССР предпримет необходимые меры уже лично против него. Кавам попросил посла США немедленно узнать реакцию его правительства на идею предать огласке слова советского посла в Совете Безопасности. Он также добавил, что Иран обязан информировать Совет Безопасности обо всех проявлениях, несущих угрозу международному миру. Кавам подчеркнул, что не требует от Совета ничего особенного. Просто он сообщит о ситуации и будет ждать, предпримет ли СБ какие-либо контрмеры или нет. Премьер-министр заверил посла, что не пошлет ответ советскому послу до тех пор, пока не получит от США каких-либо известий по этому вопросу. Он попросил США по возможности обозначить свою позицию в течение 24 часов. В то же время британский посол Джон Ле Роджтел, встретившись с Кавамом, обсуждал с ним возможность предварительного уведомления Совета Безопасности о намерении ввести войска в Азербайджан [6].

В это время госсекретарь США Дж.Бирнс и министр иностранных дел Великобритании Э.Бевин, принимавшие участие в 3-м заседании Совета министров иностранных дел в Нью-Йорке, сочли возможным передать генеральному секретарю ООН письмо Кавама о намерении ввести войска в Азербайджан, в котором говорилось и об угрозах советского посла. Э.Бевин проинструктировал британского посла в Тегеране, чтобы Кавам заполучил от советского посла изложенную в письменном виде позицию СССР в отношении Азербайджана, а затем направил ему письменный ответ для того, чтобы затем правительство Ирана могло опубликовать здесь обе ноты. Посол Дж.Аллен писал госсекретарю, что эта устная «рекомендация», не для них, конечно, но для Ирана носит характер приказа, и Иран не может не придать ей значения. Кавам должен либо принять ее и отказаться от ввода войск в Иранский Азербайджан, либо возразить, но в этом случае ему понадобится поддержка всего мира. В итоге к концу ноября США определились со своей позицией. В инструкции, направленной американскому послу в Тегеране из Госдепартамента за подписью Дина Ачесона, говорилось: «Объявите Каваму о том, что его

желание проинформировать Совет Безопасности о положении в Иране может быть оправдано. Если он будет делать это, то пусть затронет следующие аспекты: а) о попытке иранского правительства восстановить свою власть в Азербайджане мирным путем и ее провале; б) о желании правительства послать войска в Азербайджан для установления порядка и обеспечения проведения выборов; в) о принятии этого решения, несмотря на угрозы советского посла; г) данное обращение носит характер доклада для последующего вынесения вопроса на рассмотрение Совета Безопасности, является вынужденным и сделано с надеждой на то, что Совет Безопасности рассмотрит этот вопрос и примет во внимание ситуацию в Азербайджане».

Сразу после получения инструкции из Вашингтона, 2 декабря, Кавам встретился с послом США для обсуждения положения в Азербайджане. В подробном отчете об этой встрече Дж.Аллен писал: «В конце встречи Кавам сообщил о намерении проинструктировать своего представителя при ООН по поводу представления генеральному секретарю ноты о положении в Азербайджане и информирования Совета Безопасности. Он заявил о своем желании следовать аспектам, предложенным госдепартаментом. Наверное, он в своем уведомлении будет использовать мягкие выражения в отношении Советского Союза. Но он сказал, что направит Совету ноту об общем положении. Кавам не скрыл, что, главное, ему хотелось бы знать о реакции американского правительства на существующую ситуацию и его рекомендации по поводу того, что следует предпринять для сохранения независимости Ирана, хотя он предвидит те нелицеприятные вопросы, которые будут заданы в ответном письме госдепартамента. В ходе дискуссии Кавам заявил, что не хочет принуждать нас к чему-либо, связанному с вводом войск в Азербайджан, так как он все равно примет это решение. Однако, несмотря на это, он был бы рад получить нашу поддержку» [7].

В сложившейся напряженной ситуации печатные органы «Туде» сообщали о том, что ввод войск в Азербайджан угрожает южным рубежам СССР и, в соответствии с договором от 1921 года, Красная Армия может вернуться на иранскую землю. А посол Ирана в СССР М.Фируз, передавая предупреждение Москвы посредством личного послания, утверждал, что последствия подобных действий Ирана могут иметь катастрофический характер. Отвечая на письмо Фируза и предупреждение Садчикова, Кавам заявил, что Азербайджан является частью Ирана и это никоим образом не касается Советов. А если это не так, то «чем раньше этот вопрос будет разъяснен всему миру, тем лучше...» [8].

После назначения М.Фируза послом в СССР, перед его отъездом советское посольство в Тегеране устроило прием в его честь. В разгар банкета И.Садчиков спросил у Фируза: ранее он говорил, что Кавам

готовит личное послание Сталину, принес ли его Фируз. Тот ответил, что Кавам ничего не передавал в письменном виде, а устно просил заверить, что он, Кавам, для улучшения отношений с СССР сделал все возможное. А вот СССР, обещавший широкую экономическую помощь, своего слова не сдержал. Поэтому премьер поручил Фирузу провести переговоры об экономической помощи Ирану. И.Садчиков тут же парировал, что Советский Союз такого обещания не давал. На переговорах с Кавамом в Москве обсуждались азербайджанский и нефтяной вопросы, а также сроки вывода советских войск из Ирана, но о советской экономической помощи речь не шла. Наедине с советским послом Фируз сказал, что премьер-министра теперь не узнать, его как будто подменили. И.Садчиков добавил, что в поведении Кавама наблюдаются сильные перемены: изменился, перестал советоваться, перестал делиться внутренней информацией, дает ложные обещания и сообщает ложные сведения. Посол отметил, что эти перемены в Каваме он начал наблюдать за три-четыре недели до формирования нового кабинета [9].

В середине ноября, после приезда в Москву, М.Фируз встретился с В.Деканозовым, Я.Маликом, С.Сычевым.

19 ноября на переговорах с В.Деканозовым Фируз пожаловался на усиление реакции в Иране, которую поддерживают англичане и шах. Он добавил, что реакционные элементы в Иране используют в своей пропаганде отсутствие развернутых торговых связей и неурегулированность взаимных расчетов между СССР и Ираном, и предложил начать переговоры для заключения нового торгового соглашения, организации товарооборота на новой основе и урегулирования взаиморасчетов. Деканозов ответил, что «имеется важный и пока не решенный вопрос о нефти, поэтому едва ли министерство внешней торговли будет обсуждать новый крупный вопрос, не закончив вопроса о нефти. Срок для решения нефтяного вопроса давно истек. На основании обмена письмами от 4 апреля с.г. между премьер-министром Кавамом и послом Садчиковым нефтяной вопрос должен был быть решен в течение семи месяцев, начиная с 24 марта, т.е. не позднее 24 октября с.г. Однако иранское правительство не выполнило своих обещаний, и нефтяной вопрос, имеющий важное народнохозяйственное значение для Ирана, до сих пор остался нерешенным. Общественное мнение Советского Союза обеспокоено невыполнением иранским правительством своих обещаний и справедливо ожидает его скорого разрешения».

Фируз ответил, что нефтяной вопрос не должен беспокоить советскую сторону. Он обязательно будет решен в положительном плане. Иранское правительство выполнило свои обязательства для решения этого вопроса и сейчас дело только за Меджлисом, который, несомненно, утвердит предложение правительства. Деканозов возразил: «Нельзя сказать, что

иранское правительство выполнило свои функции в этом деле, оно обязано довести его до конца» [10].

27 ноября М.Фируз встретился с С.Сычевым. Фируз с порога стал жаловаться, что реакционеры в Иране мешают развитию советско-иранских отношений. Сычев ответил, что «решающей силой в Иране является премьер-министр Кавам и его демократическая партия. Они имеют все возможности определять по своему усмотрению внутреннюю и внешнюю политику». Фируз сказал, что «это не совсем так. Кавам не имеет сейчас прежней силы». И добавил, что он «неоднократно указывал Каваму на необходимость прибрать к рукам армию. Кавам не решился на этот шаг...» Он, Фируз, все время указывал Каваму, что азербайджанцы являются его опорой, он предлагал Каваму оставить азербайджанцев на время выборов в покое, чтобы они избрали своих депутатов. Он не думает, что Кавам лично является сторонником ухудшения отношений с азербайджанцами, но сейчас он невольно действует в ногу с военщиной. Фируз телеграфировал Каваму, что нельзя допустить, чтобы азербайджанский вопрос вновь получил международный резонанс [11].

29 ноября М.Фируз встретился с Я.Маликом. Визит носил протокольный характер. Посол опять разглагольствовал, что иранский народ с большой симпатией относится к советскому и не стоит обращать внимания на сложности, которые своими интригами создают реакционные элементы. Фируз подчеркнул, что «иранский народ понял, что Советский Союз будет всегда способствовать делу социальному прогрессу в Иране» [12].

28 ноября заместитель министра иностранных дел СССР В.Г.Деканозов направил в Баку шифрограмму, содержание которой в тот же день было доведено до сведения тебризских руководителей. В шифрограмме рекомендовалось выразить через Джавида протест Каваму по поводу попытки ввести войска в Азербайджан, поскольку это противоречит соглашению правительства с представителями Азербайджана, в частности, письму Кавама от 29 октября. Необходимо заявить Каваму, что население Иранского Азербайджана во избежание осложнений настаивает на соблюдении соглашений, достигнутых между иранским правительством и представителями Иранского Азербайджана, и на вынесении этого соглашения на рассмотрение ближайшего заседания Меджлиса, как это было предусмотрено в основном соглашении от 13 июня 1946 года. Предупредить Кавама, что в Азербайджане имеется достаточно и жандармерии, и войсковых частей, во главе которых, в соответствии с имеющимися соглашениями, правительство может поставить своих командиров из Тегерана. Предложить Каваму, чтобы для наблюдения за ходом выборов в Иранский Азербайджан была прислана специальная правительственная комиссия с участием представителей общественности и

прессе. В духе вышеизложенного тебризской печати и радио следует провести кампанию против намерений иранского правительства ввести войска в Азербайджан [13]. В шифрограмме Деканозова не было ни намека на какую-либо эффективную помощь. Для осуществления указанных мероприятий не было особой необходимости в советах МИДа. Все это стало ясно лидерам Азербайджана еще 23 ноября.

26 ноября министр обороны Ирана Амир Ахмеди имел беседу с советником советского посольства Н.Ивановым, в которой коснулся ряда интересных моментов. Он сказал, что Кавам проведет выборы в том случае, если удастся направить армию из Тегерана в Азербайджан. Генерал подчеркнул, что азербайджанские демократы с этим не согласны и это может привести к военному противостоянию в стране. А.Ахмеди весьма откровенно сообщил Н.Иванову, что в нефтяном вопросе надо договариваться напрямую с иранцами, а не привлекать третьих лиц. Н.Иванов считал, что Ахмеди таким образом хотел сказать, что Советский Союз пытается использовать азербайджанское демократическое движение как средство давления.

Ахмеди сообщил, что советовал Каваму вернуться в Москву и уладить все дела. Если было дано обещание по нефти, то надо выполнить его до конца. А главное, подчеркнул генерал, что, если бы он был премьер-министром, он бы поступил именно так. Ахмеди сообщил, что у него нормальные отношения с премьером, но проговорился, что Кавам ему не доверяет. Кавам подозревает, что Ахмеди метит в премьеры. Генерал и сам подтвердил, что, если он станет премьером, если СССР ему поверит, он решит все вопросы с соблюдением интересов Советского Союза и Ирана [14].

27 ноября Ахмед Кавам в телеграмме, адресованной губернатору Азербайджана, еще раз подтвердил решимость правительства Ирана направить войска в Тебриз. Вечером 30 ноября тебризское радио передало ответ председателя энджумена Азербайджана Шабустари на последнюю телеграмму премьер-министра. В этой телеграмме Кавам настаивал на вводе иранских войск в Азербайджан. В ответе Шабустари говорилось, что намерения Кавама эс-Салтане и выражения, в каких они были изложены, удивили членов губернского энджумена. Премьер-министру Ирана известно, что азербайджанский энджумен и лидеры демократического движения благожелательно отнеслись к предложению нормализовать взаимоотношения. Несмотря на препятствия, создаваемые реакционными кругами Тегерана, представители азербайджанского народа выполнили главную и большую часть соглашения еще до истечения назначенного срока. Роспуск Национального правительства, превращение Милли Меджлиса в губернский энджумен, назначение губернатора, сдача Зенджана, перечисление государственных доходов в Национальный банк –

все это свидетельствует об искренности и миролюбии губернского энджумена и руководителей демократического движения Азербайджана, старающихся предотвратить возникновение смуты, братоубийства и гражданской войны. Резкие перемены в позиции Кавама потрясли народ Азербайджана. Недавний ввод войск в Зенджан и совершение известных преступлений на глазах у жандармерии и вооруженных сил свидетельствуют изменении отношения к Азербайджану Кавама эс-Салтане требует ввести войска в Тебриз, в то время как в некоторых южных провинциях безопасность населения не обеспечивается, а в Азербайджане, напротив, соблюдается правопорядок. В соответствии с соглашением азербайджанская дивизия была включена в состав иранской армии и имеет гарнизоны во всех крупных городах. Во исполнение того же соглашения в Тебризе было создано управление жандармерии. Здесь есть полиция, а руководители полицейских управлений назначены центром. Значит, ввод войск станет причиной смуты и окончательно испортит отношения с Ираном. В противном случае можно сделать вывод о том, что Кавам, попав под влияние реакционеров, хочет начать гражданскую войну и с помощью военной силы уничтожить то движение, которое сам же назвал демократическим. «Ваше превосходительство желает лишить азербайджанский народ возможности послать своих депутатов в Меджлис, навязать азербайджанскому народу избрание в Меджлис реакционеров, способных аннулировать соглашение, и таким образом задушить демократическое движение в Азербайджане», - делали вывод демократы.

Кавама спрашивали, какая статья Конституции дает премьер-министру право назначать в избирательную комиссию членов своей партии и заявлять о том, что правительство использует свое влияние для того, чтобы эти члены партии стали депутатами меджлиса. Премьер-министру хорошо известно, что ввод войск в Азербайджан будет означать объявление войны демократическому режиму. В конце ответного послания говорилось: «Если ваше превосходительство имеет добрые намерения, то в соответствии с 37-й статьей Закона о выборах может послать инспекторов для наблюдения за ходом выборов, а также дать распоряжение, чтобы представители прессы имели возможность вести наблюдения в любом районе. По мнению энджумена Азербайджана, ввод войск под каким-либо предлогом противоречит соглашению от 13 июня. Энджумен решительно выступает против этого. Мы уверены, что ваше превосходительство не будет настаивать на нанесении ущерба мирным взаимоотношениям и взаимопониманию» [15].

Следует отметить, что И.Садчиков в своей шифрограмме М.Дж.Багирову от 30 ноября об обстановке в Азербайджане охарактеризовал ситуацию как крайне критическую.

В ответ на рекомендации М.Дж.Багирова и МИД СССР Пишевари, Шабустари, Джавид и Падеган совместно направили в Баку 1 декабря большое письмо, в котором акцентировали внимание на том, что они в целях мирного разрешения всех проблем пошли на колоссальные уступки иранскому правительству. Несмотря на это Кавам после десятимесячной волокиты нарушил заключенное соглашение и имеет явное намерение отнять силой оружия оставшиеся мизерные права азербайджанцев. Он не хочет допустить ни одного представителя Азербайджана в Меджлис, а если теперь и согласится на это, то выдвинет еще более жесткие претензии и потребует казни всех тех, кто участвовал в демократическом движении. Азербайджанские лидеры не сомневаются в подобном исходе, и зверские расправы, чинимые в Зенджане над демократами, их женами и детьми, - доказательство обоснованности этих опасений. Далее в письме следовала информация об иранской армии, ее технике, вооружении, пунктах сосредоточения. Лидеры демократов писали: «Сейчас для нас стоит вопрос жизни или смерти – нас хотят уничтожить. Мы это видим своими глазами, а раз так, то мы предпочитаем честную смерть. Правда, сил у нас мало, вооружение весьма ограничено, но население питает огромное доверие к нашей партии, а народ у нас смелый и героический. Мы будем защищать свою судьбу изо всех сил, а если нас вынудят, то уйдем в горы, продолжая партизанскую борьбу. У нас все – старики и дети, парни и девушки, женщины и мужчины - готовы к борьбе. Народ настроен решительно, также высок боевой дух у фedaинов и Национальной армии». Азербайджанские лидеры сообщали, что почти безоружны перед вооруженными до зубов силами реакции. Все новые отряды крестьян, трудящихся и интеллигенции обращаются с просьбой послать их на поле боя, но их нечем вооружить. Всего в Азербайджане и Курдистане имеются 4 пушки без снарядов и 2 миномета без мин. Далее они писали: «В этом отношении мы крайне нуждаемся в вашей помощи. Наши фedaины рвутся в бой против танков с дубинкой и кулаками, но этого, увы, недостаточно. Веря в глубокую искренность и заботу о нашей свободе лично с вашей стороны и со стороны народа Северного Азербайджана, мы обращаемся к вам с просьбой помочь оружием. С его помощью мы, опираясь на наш народ и его любовь к свободе, уничтожим войска реакционного правительства и отбросим их до Тегерана. Если нам удастся нанести им сильный удар на одном или двух участках, то все они разбегутся или начнут группами сдаваться в плен. Мы просим вашей помощи, и она должна быть оказана нам как можно скорее. Без оружия мы обессилим, и народ, видя это, может пасть духом. В настоящее время у нас нет другого пути, кроме борьбы. Ныне на устах каждого азербайджанца нет другого лозунга, кроме «Умереть, но не отступить». Сегодня нашим девизом является «Или жить свободно, или умереть гордо». Даже в самых отдаленных

уголках страны крестьяне, обращаясь к нам, спрашивают: «Неужели наши братья по ту сторону Аракса не дадут нам оружия и не окажут нам помощи? Неужели на глазах великого советского государства кровопийца Кавам, подобно хищнику, будет убивать нас?» [16].

Тебризские лидеры просили Багирова доставить это письмо Сталину. Следуя данной просьбе, 2 декабря Багиров переправил письмо Сталину. Практически одновременно советский консул в Южном Азербайджане информировал в МИД СССР о высоком боевом духе местного населения.

2 декабря Багиров сообщил Сталину о необходимости отправки в Тебриз офицеров и курсантов, обучавшихся в Баку. Он предложил из этого контингента создать в Нахичевани группы истребителей танков и артиллеристов. Они будут обеспечены трофейными немецкими фаустпатронами, минометами и пушками [17]. По приказу Сталина эти группы могли быть направлены в Иранский Азербайджан.

Советские лидеры, все еще надеявшиеся на разрешение проблемы мирным путем и не верившие в возможность открытого наступления Кавама на Азербайджан, поручили послу в Тегеране еще раз встретиться с премьер-министром. Во время переговоров, проходивших в первые дни декабря, русский посол вновь передавал «дружеские советы» советского руководства. Садчиков напомнил Каваму о данном им обещании рассмотреть вопрос в кабинете министров и заметил, что он уже устал ожидать решения правительства. Посол заметил, что в случае перехода центрального правительства к действиям будут возникать «волнения», на которые СССР не сможет «взирать равнодушно». Если в соглашении, заключенном между представителями Азербайджана и центральным правительством, есть какие-либо упушения, то нужно устранить их путем «дружеских бесед» с представителями Азербайджана. В противном случае вдоль всей советской границы могут возникнуть «вооруженные столкновения» и «партизанские войны». Советский посол также добавил, что потерпевшие поражение войска азербайджанской Национальной армии могут перейти через границу в СССР и создать там «проблему». Кавам ответил, что главной причиной задержки решения кабинета министров являются пятничные выходные и выезд некоторых министров в Зенджан. Он также сообщил, что в связи с проведением выборов принято решение о размещении войск по всей территории Ирана, и Азербайджан не будет исключением. Тем не менее Кавам поблагодарил советского посла за «дружеский совет», но подчеркнул, что он несет личную ответственность перед Ираном и иранскими законами и никакое давление не сможет отвратить его от ввода войск в Азербайджан, что объясняется тем, что Тегеран не собирается атаковать какую-либо провинцию, а просто желает обеспечить контроль над проведением выборов. Советский посол предложил послать в Азербайджан либералов и представителей прессы для

наблюдения за выборами. Затем, напомнив Каваму о посреднической миссии СССР во время первоначальных переговоров между центральным правительством и Азербайджаном, заявил, что СССР не может «безучастно относиться к угрозам, разрастающимся вдоль его границ». В ответ на это Кавам заявил, что предлагаемая комиссия не сможет гарантировать проведение выборов в соответствии с законом. Азербайджан является частью Ирана, и такое могущественное государство как Советский Союз не следует чего-либо опасаться. Советское правительство способно защитить свои границы и должно предоставить Ирану свободу в решении его внутренних вопросов. В заключение посол объявил, что выполнил миссию, на которую был уполномочен своей страной, и более ничего не добавить не может, но повторил, что если Кавам не прислушается к рекомендациям Советов и предпримет действия против Азербайджана, то советское правительство «еще раз пересмотрит свою позицию лично в отношении него». Кавам парировал, что если это запугивание и если он вследствие этого откажется от своих планов, то его сменит новый премьер-министр, который будет действовать точно так же, потому что это не его личное решение, а выражение общественного мнения Ирана.

Проинформировав Г.Ала о своей беседе с советским послом, Кавам попросил его отправить уже подготовленный доклад в ООН и как можно скорее выяснить произведенное им впечатление [18].

Из переговоров посла Садчикова и Кавама становится ясно, что поначалу Министерство иностранных дел СССР не было согласно с решением Тегерана о вводе войск в Азербайджан. По указанию МИД посольство дважды в очень жесткой форме довело до сведения Кавама, что СССР считает крайне нежелательным ввод войск в Азербайджан, но он не изменил своего решения.

3 декабря азербайджанские лидеры сообщили советскому консулу в Тебризе, что Кавам окончательно занял враждебную позицию по отношению к Азербайджану и намерен всеми возможными средствами уничтожить новую власть. Пишевари и ряд лидеров считали, что необходимо нанести превентивный удар и нарушить планы противника. В связи с этим Багиров в ночь на 4 декабря послал Пишевари срочную телеграмму: «Я совершенно согласен с вашими выводами, понимаю настроение и озабоченность. Но еще раз напоминаю, чтобы вы не были инициаторами первого наступления на иранскую армию. Иранская и мировая реакция, а также тегеранские вояки хотят добиться именно этого. Поэтому не давайте повода своим врагам. Сегодня с вами солидарны все прогрессивные силы Ирана, все демократы в мире. Примите во внимание, что для защиты вашего правого дела с нашей стороны делается и будет делаться все возможное. Обратите особое внимание на укрепление своих позиций и сил, на пропагандистскую и воспитательную работу» [19].

После проведения всех подготовительных мероприятий в 7 часов утра 4 декабря иранская армия начала наступление на Азербайджан. Через три часа Тебризское радио распространило сообщение о том, что правительственные войска, несмотря на поддержку танков, орудий и минометов, не смогли продвинуться вглубь Азербайджана. В связи с наступлением иранской армии центральный комитет АДП выступил с обращением к азербайджанскому народу. В этом обращении партия призывала народ на защиту своей Родины и свободы.

После начала военных действий самолеты иранской армии разбрасывали с воздуха листовки, призывавшие население Азербайджана свергнуть демократический режим. В связи с началом наступления иранское правительство направило советскому посольству ноту, в которой заверяло, что эти действия совершаются исключительно с целью обеспечения контроля над выборами и никоим образом не повлияют на советско-иранские экономические соглашения. Те же, кто предполагал, что осложнение ситуации приведет к военному вторжению Советов в Иран, обнаружили, что московская печать комментирует кризис в Азербайджане как абсолютно внутреннее дело Ирана.

Как только тегеранские войска перешли в наступление на Азербайджан, представитель Ирана в Совете Безопасности Г.Ала по указанию Кавама 5 декабря передал заранее подготовленный рапорт под названием «О текущей обстановке в провинции Азербайджан» председателю СБ Х.В.Джонсону. В рапорте говорилось: «В связи с ранее представленными в Совет Безопасности жалобами о вмешательстве во внутренние дела Ирана мое правительство поручило мне представить вам настоящий рапорт. Должен напомнить, что из-за этого вмешательства центральному правительству не удалось установить контроль над провинцией Азербайджан. К сожалению, попытки центрального правительства устранить последствия этого вмешательства мирным путем не увенчались успехом, власть в этой провинции не была восстановлена.

Выборы в Меджлис, являющийся нашим национальным законодательным органом, были назначены на 7 декабря. Для обеспечения соблюдения избирательных процедур было принято решение о вводе войск во все провинции страны. Лица, управляющие делами в Азербайджане, выразили свой протест против ввода правительственных войск в эту провинцию. Советский посол в Тегеране, выполняя поручение своего правительства, дружески посоветовал нам, чтобы правительство отказалось от этой мысли, иначе в этой провинции и на ирано-российской границе могут произойти волнения. Естественно, что, в соответствии с суверенными правами, обеспечение объективных выборов в Азербайджане, как и во всех других провинциях Ирана, является обязанностью моего правительства. С этой целью правительственные

войска должны быть размещены в Азербайджане. Мы надеемся, что эти действия не будут расценены в провинции как прикрытие для враждебных происков. Но если они будут восприняты в качестве таковых, то я не сомневаюсь, что мое правительство будет способно восстановить закон и порядок» [20].

Затрагивая тему переговоров в ООН и ситуацию вокруг Азербайджана, журнал «Тайм» писал в эти дни следующее: «Несмотря на серьезность своих интересов и значимость целей на Среднем Востоке, Россия не смогла отреагировать на ввод Тегераном войск в Азербайджан для наблюдения за выборами и восстановления своей власти. Это событие стало первой явной победой ООН в ее борьбе за мир. Ровно год назад натренированная Кремлем команда азербайджанских политиков объявила о «независимости» граничащего с Советами Азербайджана. В мае прошлого года колесо фортуны тегеранского правительства достигло своей самой нижней точки. В то время громогласный антирусский сигнал правительства, озвученный посредством посла в Вашингтоне Гусейна Алаи, в конечном счете, протест Совета Безопасности вынудили Красную Армию покинуть Иран. Но пессимисты отмечали, что «красное» влияние, осуществляемое посредством прокоммунистической партии «Туде», все еще сильно в Тегеране; они сомневались в том, что правительство Ахмеда Кавама достаточно свободно, чтобы восстановить суверенитет над Азербайджаном. Несколько недель назад, когда Кавам объявил о том, что иранское правительство пошлет в эту провинцию войска, лысый краснолицый посол Москвы в Иране Иван Садчиков в жесткой форме возразил против этого. Кавам не отступил... Генеральный штаб Ирана приступил к реализации оперативного плана по захвату Азербайджана. На прошлой неделе радио Тебриза (столица Азербайджана) призвало население к неповиновению: «Мы приказали нашей армии остановить войска Кавама любой ценой...» [21].

4 декабря посол США в Тегеране сделал новое заявление, в котором разъяснил, что считает Азербайджан частью Ирана и не может понять, почему перемещение войск из одной части страны в другую вызывает беспокойство России. Через два дня заместитель госсекретаря Дин Ачесон предупредил Россию о том, чтобы она не предпринимала каких-либо действий в отношении Ирана. В свою очередь, президент Трумэн поручил госдепартаменту предупредить Россию о том, что правительство США не останется безучастным к какому-либо вмешательству в дела Азербайджана [22].

5 декабря вице-консул в Тебризе Н.Кулиев направил в Баку информацию о военном и политическом положении в Южном Азербайджане, сложившемся в связи с наступлением иранской армии. Он сообщал, что иранская армия, выступившая из Зенджана в направлении Мияне, была

остановлена. Первый бой продолжался 12 часов. Иранская армия использует танки, полевую артиллерию и минометы. После первых боев отряды федаинов отошли на свои основные оборонительные позиции. Основные силы азербайджанцев сосредоточены в районе Гафланкюх. Командир группы Мияне Гулам Яхья направил Пишевари телеграмму, в которой просит прислать тяжелые пулеметы и опытных офицеров. В другой телеграмме Гулам Яхья проинформировал о начале наступления иранской армии в направлении Халхала. Было принято решение о создании комитета обороны под руководством Пишевари и в составе Шабустари, Кази Мухаммеда, Гулама Яхьи, Панахияна и Падегана. В Тебризе было объявлено военное положение. Крестьяне со всех уголков Азербайджана обращаются к АДП с просьбой дать им оружие и отправить на фронт. В Тебризе началась запись в добровольческий отряд. Сразу же записалось 600 человек. Пишевари вновь обратился к Советскому Союзу с просьбой о военной помощи.

В тот же день на основе полученной из Тебриза информации М.Дж.Багиров отправил Сталину телеграмму. После описания положения Багиров сообщал о том, что крестьяне со всех районов Азербайджана обращаются к ЦК Демократической партии с просьбой вооружить их. Но из-за отсутствия оружия руководство оставляет эти обращения без ответа. Руководство Азербайджанской демократической партии вновь просит предоставить хотя бы минимальную помощь. Не получив из Москвы положительного ответа, вечером 5 декабря М.Дж.Багиров направил срочную телеграмму Сталину с просьбой принять его в связи с положением в Южном Азербайджане [23].

После ввода войск в Азербайджан иранский посол М.Фируз посетил начальника управления МИД СССР М.Силина с целью прозондировать отношение к этому Москвы. Вначале он завел речь о второстепенных вопросах, например, о допуске иранского представителя Энтезама в Восточную Германию, о разрешении на покупку советского автомобиля для иранского консульства в Баку, о бытовых проблемах иранских студентов в Баку и т.п. Затем Фируз заметил, что его вопросы исчерпаны, но уходить не собирался. Наступило неловкое молчание. Силин писал в своем отчете: «Не оставалось сомнений, что Фируз хотел, чтобы его вызвали на разговор. Тогда я спросил его, что он может сказать о положении (в Иране – Дж.Г.) и не думает ли он, что все это предпринимается с целью ухудшения ирано-советских отношений. Фируз ответил, что всегда был сторонником мирного разрешения азербайджанского вопроса, все время предупреждал Кавама не допускать кровопролития, которое может привести к гражданской войне. «Я послал ему несколько телеграмм такого характера, - утверждал Фируз. - Но он меня не послушался. Сейчас, когда посылка войск в Азербайджан стала

фактом, я вижу следующую возможность для мирного разрешения вопроса: иранское правительство вступает в переговоры с азербайджанцами, и они договариваются послать в Азербайджан войска численностью в 200-300 человек. Этот акт будет символическим. Это небольшое количество солдат не будет представлять угрозы для азербайджанцев. Такое предложение я послал Каваму два-три дня тому назад, после того как убедился в том, что Кавам твердо решил послать войска в Азербайджан».

На вопрос Силина, является ли его предложение официальным, Фируз поспешил заявить, что это его личная идея и говорит он о ней в частном порядке, по секрету.

Затем М.Фируз спросил, что думает И.Садчиков по этому поводу и есть ли у него предложения. М.Силин ответил, что «имеется соглашение по азербайджанскому вопросу, которое следует выполнять. Так как по просьбе Кавама мы были посредниками в переговорах с азербайджанской делегацией, то, естественно, являемся заинтересованными в мирном разрешении азербайджанского вопроса».

Когда М.Фируз вновь высказал свое предложение об отправке в Азербайджан ограниченного контингента иранских войск, Силин ответил, что «это дело внутреннее, иранское правительство может создать комиссию и рассмотреть имеющиеся предложения».

В отчете М.Силина об этой встрече есть следующее примечание: «Разумеется, Фируз приходил не для того, чтобы разрешить вопросы, поставленные им в начале беседы... Основная цель его посещения – нащупать, какое впечатление произвел на нас ввод иранских войск в Азербайджан, наше настроение, а главное - как мы отнесемся к предложению о посылке в Азербайджан 200-300 солдат иранской армии. Следует обратить внимание на полное совпадение предложения, сделанного генералом Ахмеди в Тегеране неделю назад сотрудникам нашего посольства, с предложением М.Фируза, до которого он якобы сам додумался... Похоже на то, что Фируз получил директиву от Кавама неофициальным путем узнать, как мы отнесемся к этому предложению «мирного разрешения азербайджанского вопроса» [24].

Эти переговоры показали, что Советский Союз не намерен предпринимать какие-либо серьезные шаги в связи с вступлением иранских войск в Азербайджан. Такая позиция Советов развязала Каваму руки и побудила его быть еще более решительным в своих действиях.

Несмотря на неравенство сил азербайджанские демократы твердо решили оказать сопротивление войскам Кавама. В условиях жесточайшего наступления иранской армии 7-8 декабря азербайджанская народная армия и отряды федаинов на зенджанском и мианенском фронтах, перейдя в контратаку в районе Миане и Текаб, смогли выбить правительственные

войска из селений Верхний и Нижний Рамзйар. Начались тяжелые бои в направлении Зенджан–Миане и селении Курдистан. Ожесточенные сражения шли также на линии Холасу–Марага.

После того как война приняла открытый характер, с применением большого количества живой силы и техники, лидеры Азербайджана Пишевари, Шабустари, Падеган, Джавид и Гулам Яхья 8 декабря через советское консульство обратились к Багирову: «Для азербайджанского народа остается единственный путь, заключающийся в защите своей свободы, опираясь на силу своего оружия и героизм своей молодежи. Наш народ глубоко убежден, что ни соглашения, ни договоры и телеграммы, а сила его рук и мощь его штыка являются залогом свободы». Азербайджанские лидеры подчеркивали, что никакие письма и соглашения не смогут остановить предательские замыслы Кавама.

Касаясь событий, происходящих в Иране и в мире, лидеры демократов отмечали, что азербайджанское движение обладает силой, способной на многие жертвы. Если пренебречь этой силой, то повторно воссоздать такое движение будет уже невозможно. Непонятно, почему Азербайджан должен добровольно сдаться палачам, в то время как в Греции, Индонезии и других странах угнетенные народы с оружием в руках борются за свое освобождение. «Это не только наше слово, это открыто заявляет весь наш народ и все члены нашей партии. Члены партии и народ говорят: мы не можем больше доверять бумагам и словам и верить Каваму и другим... Если мы не уничтожим реакцию вооруженной силой, то никогда политика не обернется в нашу пользу. Мы не имеем никаких гарантий и не можем обманывать себя, не можем упустить возможность, которой мы располагаем сегодня. Если мы сдадимся, то будем прокляты в анналах истории. В мире никогда никакой народ не уничтожал своей мощи собственными руками, и мы это не должны делать. Народ целыми группами обращается к нам с требованием разрешения и направления на фронт для защиты своей свободы. Это говорит о патриотизме нашего народа».

В письме выражалась надежда на скорое разрешение двух вопросов: во-первых, пока границы с СССР еще открыты и существует Национальная армия, прислать некоторое количество оружия. Демократы обещали тайно доставить это оружие своим войскам. Они просили содействовать в развертывании на всей территории Ирана освободительного и массового народного движения, способного свергнуть реакционное правительство и образовать демократическое. Во-вторых, лидеры национального движения Южного Азербайджана настаивали на признании советской стороной их права на образование независимого государства. «Раз Кавам, а также англичане и американцы, говорят о том, что азербайджанский вопрос является внутренним делом, то и мы говорим

то же самое. Пусть во время их наступления на Азербайджан наши федаины раздавят их, и мы тогда скажем, что азербайджанский вопрос является внутренним делом, и потому мы решаем его самостоятельно».

В заключительной части письма вновь подчеркивалось, что весь азербайджанский народ возлагает надежды на оружие, и эти надежды связаны только с помощью СССР [25].

Однако несмотря на неоднократные обращения и демократических лидеров, и М.Дж.Багирова, советское руководство ответило, что, кроме моральной поддержки, ничем помочь не может [26].

Существуют разные версии по поводу подобной позиции СССР. По мнению Фахраддина Азими, заключение соглашения Кавам–Садчиков было первым признаком того, что русские рассчитывают на значительные уступки. И они использовали демократов для получения необходимых уступок от иранского правительства, а потом, оказывая на них давление, потребовали придерживаться рамок соглашений с правительством. Демократы, понимавшие, что Советский Союз дистанцируется от них, испытали моральный удар и впоследствии потерпели поражение [27].

Марк Гамильтон Лайтл, посвятивший большую монографию американо-иранскому сотрудничеству во время войны и в первые годы холодной войны, правомерно вопрошал: где были советские войсковые соединения, когда возникли сложности в Азербайджане? Куда девались «Туде» и коммунистические провокаторы? Почему не было предпринято никаких экономических санкций? Несмотря на наихудший ход событий, СССР не осуществил никаких акций против Ирана. Предположения о консенсусе в разворачивающейся холодной войне были явно нереальными. Почему Советы бросили правительства, могущие стать для них опорой на Ближнем Востоке? Бездействие России развеяло надежды на вероятность осуществления угроз против Кавама и тегеранского правительства. Возможно, что за бездействием Советов скрывался еще один фактор: поражение Пишевари открывало путь к выборам, которые, свою очередь, могли способствовать решению о предоставлении СССР вожде ленных нефтяных концессий. Советы в создавшейся ситуации предпочли нефть [28].

Два американских дипломата – Джордж Аллен и посол США в Москве Уолтер Беделл Смит, непосредственно занимавшиеся Ираном, выдвигают разные версии по поводу поведения Советского Союза в этом кризисе. Если посол Смит уже давно стояли на позиции холодной войны с Советами, то в заявлениях Аллена не чувствуется такой стереотипности взглядов этой эпохи [29].

Очевидность того, что Советы не защитили азербайджанских демократов, не предприняли никаких действенных мер, кроме бессмысленных и голословных дипломатических протестов, сделала Кавама еще

более агрессивным. В своем заявлении, опубликованном 9 декабря и осуждающем азербайджанских лидеров, он назвал их действия «бунтом» и «сепаратизмом». В этом заявлении говорилось о том, что народ и правительство Ирана «любой ценой» будут принимать все возможные меры для «обеспечения территориальной целостности и права государства на управление». Кавам эс-Салтане, призвав азербайджанцев к сотрудничеству с правительственными войсками, заверял, что в случае отказа от сопротивления отношение к ним будет снисходительным. Но далее шли угрозы и предупреждение о том, что в противном случае «последствия будут тяжелыми и виноваты в этом будут сами азербайджанцы» [30]. В телеграмме к губернатору Азербайджана от 10 декабря Кавам открытым текстом писал: «Сегодня я отдал вооруженным силам центрального правительства приказ о выступлении в направлении Миане и подавлении любого сопротивления» [31].

В день, когда Кавам обратился к генерал-губернатору с предложением сдаться, азербайджанские войска, практически не оказав сопротивления, отступили к Тебризу. В три часа ночи с 10 на 11 декабря тегеранские войска вошли в Миане. Почти одновременно с этим М.Дж.Багиров писал Сталину: «За последние дни в результате наступления крупных сил иранских войск, оснащенных минометами, артиллерией, танками, поддерживаемых авиацией, отряды азербайджанцев, неся потери, в районах Марага, Миандооба и Миане отступают по направлению к Тебризу. Ожидается также наступление иранских войск в районе Астара – Ардебиль. При создавшемся положении азербайджанцы долго удержаться не смогут. Не исключена возможность, что прижатые к нашим границам азербайджанцы вынуждены будут переходить на нашу территорию. В этом случае просим вашего разрешения принять преследуемых иранскими войсками азербайджанцев и изолировать их» [32].

11 декабря ЦК АДП и Объединенный профсоюз выпустили совместное воззвание ко всем крестьянам, интеллигенции, членам партии и трудящимся с призывом подняться на борьбу с врагом. Полиция в Тебризе и в других городах начала операции по ликвидации «пятой колонны» Кавама. Принимались экстренные меры, готовились встретить наступление иранских войск и контратаковать их. Пишевари попытался изменить ситуацию. В 17.00 в присутствии генерального консула Красных, вице-консула Кулиева и Б.Сеид-заде Пишевари настаивал на продолжении борьбы. Единственный выход из создавшегося положения он видел в вооруженном сопротивлении. Он сказал: «Мы предпочитаем быть убитыми на поле боя, нежели добровольно сдаться реакции, так как настоящие мужчины будут оправданы перед своим народом и перед общественным мнением». Пишевари просил Советский Союз дать ему 8 пушек, несколько тысяч винтовок, снаряды и противотанковые ружья.

Причем ответственность за соблюдение конспирации во время переброски оружия он брал на себя. По мнению Пишевари, подобная помощь ни в коем случае не могла вызвать международные осложнения для Советского Союза, так как советских войск в Иране нет [33].

Однако в разгар мобилизационных мероприятий 11 декабря через вице-консула Н.Кулиева в адрес Пишевари, Шабустари, Джавида и Падегана поступило следующее распоряжение Сталина: «Кавам как премьер-министр имеет формальное право послать войска в любую часть Ирана, в том числе и в Азербайджан, поэтому дальнейшее вооруженное сопротивление нецелесообразно, ненужно и невыгодно. Объявите, что вы не возражаете против вступления правительственных войск в Азербайджан для соблюдения спокойствия во время выборов. Мотивируйте, что вы делаете это в интересах единства иранского народа, в интересах его свободы и независимости. Все это оформите в виде ответа на последнюю телеграмму Кавама на имя Джавида и немедленно передайте шаху и Каваму за подписями генерал-губернатора доктора Джавида и председателя энджумена Шабустари» [34].

Как только было получено это распоряжение советского руководства, тебризское консульство стало оказывать активное давление на азербайджанских лидеров с целью прекратить сопротивление и беспрепятственно пропустить иранские войска. Ссылаясь на обещания Кавама, сотрудники консульства заявляли, что правительственные войска не будут осуществлять репрессии. Лидеры АДП были вынуждены смириться, хотя советские предложения шли вразрез с их мнением: и они были уверены, что их ждут тяжелые времена.

В тот же день Азербайджанский провинциальный энджумен принял решение о прекращении сопротивления и пропуске тегеранских войск в Азербайджан; это решение за подписями Джавида и Шабустари было отправлено шаху и Каваму. Следуя этому решению, азербайджанские войска прекратили сопротивление. Сообщение об этом пришло в Баку в 4 часа дня [35].

Участовавший в этих событиях, однако ничего не знавший о секретном поручении Сталина, вице-консул США в Тебризе Р.Россоу отмечал, что Советы, предвидевшие возможные трудноразрешимые последствия военного вмешательства, ограничились моральной и дипломатической поддержкой. Из руководителей Азербайджана только Джавид и Шабустари были сторонниками капитуляции, в то время как Гулам Яхья и Бирия призывали к продолжению сопротивления. Хотя Пишевари также склонялся к мысли о сопротивлении, вел себя сдержанно.

Вначале в Тебризе был введен комендантский час, который, правда, не соблюдался. События достигли своей кульминации 11 декабря. Официальные газеты призывали народ объединиться вокруг Пишевари и

Бирии и вступить в решительную схватку. Однако к полудню обстановка изменилась. Стали распространяться слухи о том, что Джавид послал в Тегеран уведомление о капитуляции [36]. В ответ на телеграмму губернатора Азербайджана о прекращении сопротивления и приглашении прибыть в Миане для обсуждения вопроса о мирном переходе Азербайджана под юрисдикцию Ирана, Кавам, после консультаций с шахом, сообщил, что его офицеры будут обсуждать этот вопрос с Джавидом в Тебризе. Тем временем начальник Генерального штаба иранских войск отдал приказ о захвате Тебриза [37].

Необходимо отметить, что активисты АДП, рабочие Тебриза, офицеры Национальной армии Азербайджана и патриотически настроенная интеллигенция не поддержали решение провинциального энджумена. Они полагали, что оно будет иметь пагубные последствия для будущего Азербайджана. Во время обсуждений решения энджумена на тебризских фабриках и заводах звучал решительный протест населения. На собрании рабочих фабрики «Пешминэ» это постановление было названо предательским. Рабочие считали, что пусть лучше танки Кавама проедут по их трупам, но добровольной сдачи ему не видать - это позор для Азербайджана.

Руководство АДП крайне отрицательно восприняло письмо Сталина. Советские спецслужбы доносили, что несмотря на смертельную опасность лидеры АДП хотят остаться в Тебризе и продолжать работу. Получив указание из Москвы не оказывать сопротивления, партактив выразил свое возмущение тем, что Советский Союз не оказал помощи азербайджанскому народу и в тяжелую минуту бросил его на произвол судьбы [38]. Передавая письмо И.Сталина о прекращении сопротивления, советское консульство пыталось заверить руководство АДП, что в отношении демократов Кавам не станет применять репрессий. Но спецслужбы сообщали, что азербайджанцы не верят этим заверениям и заявляют о потере доверия к Каваму. Актив Демпартии и офицеры восприняли решение Москвы как капитуляцию Каваму. Некоторые лично приходили в консульство, чтобы выразить свой протест. Сотрудники консульства уговаривали их подчиниться. Соглашаясь прекратить вооруженное сопротивление, азербайджанцы предупреждали, что не останутся в Азербайджане и перейдут через границу в Советский Союз [39].

11 декабря было проведено чрезвычайное заседание руководства АДП и тебризской «четверки». Было принято решение о нецелесообразности дальнейшего нахождения Пишевари и Падегана в руководстве партии. После этого Пишевари, выступавший против уведомления Кавама о прекращении сопротивления, осознал всю бессмысленность любых дальнейших действий и понял, что он оказался в безвыходном положении.

Он, не отдавая каких-либо распоряжений, ограничился лишь организацией избрания нового руководства Центрального комитета. Мухаммед Бирия был избран временным председателем ЦК АДП, а Фирудин Ибрагими и Вилайи были утверждены его заместителями. Согласились с тем, что Джавид, Бирия и Шабустари должны остаться в Тебризе. В связи с опасениями, что при вступлении иранских войск в Тебриз жизнь Пишевари, Кавиана, Падегана, Кабири, Джаханшахлу, Гулама Яхьи, Рамити, Мухаммедванди, Мир Рагима Вилайи и Арама Затикияна может оказаться под угрозой, их пребывание в Азербайджане сочли невозможным. Консульству СССР в Тебризе было сообщено о необходимости содействия в переходе этих лиц через границу СССР в ночь с 11 на 12 декабря. М.Дж.Багиров в письме Сталину поддержал это предложение, мотивируя это тем, что все перечисленные деятели демократического движения в Азербайджане являлись организаторами разоружения армии и жандармерии, а также подавления выступлений реакционных кругов, и теперь их может ожидать жестокая расправа [40].

После избрания временного руководства АДП в 4 часа пополудни 11 декабря было распространено специальное обращение к населению, в котором разъяснялись причины подобного решения энджумена. Уже в 5 часов в Тебризе начался большой митинг: Бирия, Вилайи и другие руководители Демократической партии в своих выступлениях разъяснили значение постановления о прекращении сопротивления. В тот же вечер доктор Джавид и Шабустари провели совещание, где заявили о необходимости выполнения решения энджумена, и поручили всем руководителям оставаться на своих постах и продолжать работу. Несмотря на серьезную разъяснительную работу нового руководства АДП, отставка Пишевари и его отъезд вечером 11 декабря из Тебриза вызвали серьезные волнения и панику. Между 9 и 10 часами вечера начался массовый исход руководящих работников, активистов и даже рядовых членов Демократической партии, офицеров Национальной армии в направлении советской границы.

Оставшиеся в Тебризе Шабустари, Джавид, Бирия и Вилайи до утра поддерживали связь с советским консульством и пытались успокоить население. В отчете консульства указано, что ни один из них не покинул своего поста, несмотря на то, что в городе уже всю свирепствовала реакция. Н.Кулиев пишет: «В 3 часа ночи Джавид прислал ко мне на квартиру Садр Кази... С 8 часов утра я потерял связь с оставшимися руководителями Азербайджана» [41].

В ночь на 12 декабря у советских пограничных постов скопилось большое число людей. 12 декабря Багиров писал Сталину: «Известие о посылке телеграммы шаху и Каваму и обращение по этому поводу по радио Демократической партии Азербайджана к народу вызвали панику.

Несмотря на разъяснение и меры, принимаемые генерал-губернаторством и руководством Демократической партии, напуганные зенджанской резней участники демократического движения и часть активистов, не ограничиваясь обращением за помощью в наше консульство в Тебризе, целыми группами прибывают к нашей границе. Пока имеются только сведения из Джульфы о скоплении там нескольких сот человек, среди них женщины и дети. Трудно сказать, каково будет положение к утру и завтра на других пограничных пунктах – в Астаре, Белясуваре и т.д. За исключением известной группы с их семьями и охраной в количестве 170 человек, пока других не пропускаем. Создается очень затруднительное положение. Или нужно будет силой оружия отогнать их от границы, или же принять. Прошу вашего указания» [42].

11 декабря положение было тяжелым не только в Тебризе. Из Ардебилля М.Сарыджалинский сообщал, что в местное отделение АДП пришло распоряжение Шабустари и Бирии прекратить сопротивление правительственным войскам. Одновременно поступило указание от Пишевари командиру вооруженных партизанских отрядов и войсковых частей по Халхалской и Ардебильской губерниям полковнику Мухаммедвенду, оставив вместо себя одного из офицеров, самому выехать в Тебриз. Партизаны и регулярные войска рассматривали указание Шабустари и Бирии как предательство и требовали продолжать сопротивление правительственным войскам. Но даже не встретив поддержки, они решили не сдавать оружия. Часть их в ночь на 11 декабря перешла на советскую территорию. По настоянию советского консульства в Ардебиле остались лишь губернатор Азер Падеган и начальник полиции города Расулпур. Местные реакционеры, помещики Амир Мансур Векили, Худа Фазлали, Гахраман хан Юрдчу, Гасым хан и другие, узнав об эвакуации демократов из города, решили до прихода иранских войск расправиться с оставшимися членами Демократической партии. С утра 13 декабря в Ардебиле начались погромы и убийства демократов. Сарыджалинский отмечал, что видные вожаки и влиятельные беки шахсеванских племен Нусрет бек Алескер бек оглы, Рустам бек Ага бек оглу, Фарзулла бек Пашаи, Али хан Бахрам хан оглу, Булут бек Зохраб бек оглу, Беюк бек Муганлы и Керим хан Зенди не приняли участие в этой вакханалии насилия [43].

С целью предотвращения бесчинств реакции в 6 часов вечера 11 декабря И.Садчиков встретился с шахом. Шах, до этого беседовавший с Дж.Алленом, заверил посла США, что он не позволит советскому послу угрожать и ничто не сможет заставить его отказаться от восстановления суверенитета Ирана и предотвращения отчленения от него Азербайджана [44].

Воспользовавшись сложившимся в ночь на 12 декабря тревожным положением, реакционеры, сгруппировав вокруг себя недовольных прежней властью лиц, под утро совершили нападение на казармы Тебриза, где они разоружили солдат, практически оставшихся без командования. Утром 12 декабря в городе создалось двоевластие. Руководители Демократической партии Бирия, Шабустари и Фирудин Ибрагими вместе с небольшим отрядом вооруженных людей пытались навести порядок. В то же время богатый купец Аскер Баггал Мохсуни, крупные землевладельцы Джамшид Исфандияри, Шеггаги, Гаджимамед Гейдарзаде, купец Таги Бейтуллахи, сформировав вокруг себя вооруженные отряды из числа бывших полицейских и жандармов, предприняли попытку разгромить оставшиеся силы Демократической партии.

После прекращения сопротивления с азербайджанской стороны иранские войска не торопились вступать в большие города и административные центры. Перед регулярными войсками шли многочисленные бандитские формирования реакционных помещиков и переодетых жандармов. Тегеранская пресса и радио называли эти банды, руководимые офицерами в штатском, «патриотами Ирана». Основной задачей этих группировок было очистить Азербайджан от демократов для торжественной встречи «победоносной армии шахиншаха». В Тебризе и других крупных городах Азербайджана начались погромы. Вот как описывал положение в городе консул США в Тебризе в своем отчете госдепартаменту от 12 декабря: «Вчера в течение нескольких часов был уничтожен демократический режим, созданный год назад. К рассвету демократы уже были разбиты. Несмотря на то, что я был предупрежден о волнениях в городе, я счел необходимым появиться на людях и заверить их в обеспечении безопасности. В этом плане я не согласен с моим британским коллегой. Он считает, что в критический момент мы не должны попадаться на глаза народу. После посещения города я обзвонил оставшихся гражданских и духовных лидеров. Завидев американский флаг на капоте моей машины, люди стали радостно приветствовать меня и кричать: «Да здравствует Америка». Это были те же самые люди, которые несколько дней назад так гневно взирали на меня, будто бы хотели сказать: «А он что здесь делает?» Многие гражданские лица, вооружившись, охотятся за бывшими демократами. Время от времени случаются перестрелки... Посетил дворец губернатора. Кроме председателя совета провинции Шабустари, там никого не было. Он изо всех сил пытался сохранить контроль над ситуацией... Я сказал ему, что сделаю все, что в моих силах, для предотвращения бесчинств... Никто не знал, где находится Пишевари. Мне сказали, что на машину Бирии было совершено нападение, и его увезли в советский госпиталь... Наконец, я встретился с Джавидом. Он сообщил, что в их руках осталось очень мало сил

безопасности, и он предполагает, что иранские войска придут сегодня или завтра. Это было дурной новостью, ибо если войска не дойдут до города, к вечеру то я боюсь, что ночью могут произойти страшные события. Я сделал все, что мог. Проходя по городу, я заверял людей в их безопасности. Все остальное зависит от времени и Тегерана» [45].

13 декабря отряды погромщиков разнесли советскую школу, совершили нападение на советскую больницу, гараж «Ирансовтранс», склады торгового представительства. Чтобы положить конец погромам 13 декабря Джавид отправился на встречу с командующим правительственными войсками генералом Хашими в Бостанабад, расположенный в 63 километрах от Тебриза. Оставшееся в Тебризе руководство Азербайджанской демократической партии вынуждено было перейти на нелегальное положение. Руководителям Центрального комитета Бирии и Вилайи, председателю радиокomiteта Миркасуму Чешмазару и еще 25-30 активистам партии было предоставлено убежище в советских учреждениях в Тебризе. Сотрудники советского консульства, обсудив создавшееся положение на совещании под председательством генерального консула Красных, ранним утром 14 декабря направили свои предложения в Баку. В частности, с целью сохранения Демократической партии для будущего предлагалось, чтобы Бирия, Вилайи, Ибрагими и другие отправились в штаб иранских войск и заявили о том, что после известного решения энджумена они сложили оружие и будут заниматься политической деятельностью в рамках прав, предоставленных Конституцией Ирана. Однако в этом случае их неприкосновенность не будет гарантирована. Если их предложение там сочтут неприемлемым, консульство предлагало вывезти их в Советский Союз.

В ответ на предложение консульства М.Дж.Багиров заявил, что если на юге никто не будет руководить партией, то она развалится, а скрывшиеся лидеры рано или поздно могут быть уничтожены наемными агентами. Побег в Советский Союз в равной мере опасен: лидеры партии очень просто могут быть убиты как неопознанные нарушители границы. Багиров полагал, что лучше будет, если они отправятся к командованию иранских войск, которое и будет нести ответственность за их жизни [46]. Но последнее предложение Багирова не было принято. Происходившие в Южном Азербайджане трагические события были намного сложнее, чем их себе представлял руководитель Советского Азербайджана.

Днем 14 декабря иранские войска вошли в Тебриз. Однако грабежи и террор не прекратились, напротив, реакционные элементы еще больше распоясались. Во время встречи с Красных генерал Хашими пообещал, что безопасность советских учреждений в Тебризе будет обеспечена. Он также отметил, что уполномочен обеспечивать правопорядок во время выборов и не получал никаких других указаний.

Несмотря на эти заявления военные фактически стали хозяевами в городе. Заранее созданный военно-полевой суд приступил к деятельности. Генерал Зенгане был назначен военным губернатором Тебриза. За короткий срок он особо отличился своей свирепой жестокостью. Так, однажды он приказал бросить малолетних детей одного из демократов в печь для изготовления хлеба [47]. Теперь Тебриз напоминал огромный концентрационный лагерь. Тюремь были переполнены, камер не хватало. Чтобы освободить места для размещения все новых узников, активистов-демократов расстреливали группами. Сотни офицеров и солдат Национальной армии и феодалов были казнены по приговору военно-полевых судов. Число расстрелянных в течение нескольких дней перевалило за 3 тысячи. Каждый день в тюрьмах от голода и холода гибли десятки людей. Подвергаемые в тюрьмах невыносимым пыткам, демократы иногда сами требовали для себя расстрела.

Через два дня после входа иранских войск в Тебриз председатель провинциального энджумена Шабустари и генерал-губернатор Джавид были арестованы и отправлены в Тегеран. В тот же день одновременно были арестованы губернатор Тебриза Мехташ и оборонявший вместе с четырьмя феодалами здание ЦК АДП прокурор Азербайджана Фирудин Ибрагими. Он сражался до последнего патрона. Его стойкость и выдержка во время следствия стали легендой. На вопрос представителя военной комендатуры о том, почему он «в бытность прокурором казнил людей по указанию русских», Ибрагими резко ответил: «Все повешенные были врагами Азербайджана и приговорены решением моего Национального правительства. Национальное правительство было и будет. Я не получал никаких указаний от русских и выполнял волю моего народа и Национального правительства» [48]. Прибывший в эти дни в Марагу вице-премьер Пирния был поражен тем самообладанием, с которым генерал Кабири держался на эшафоте. Отвергнув все обвинения против себя, он изобличал политику тегеранской реакции, направленную на подавление демократического движения в Азербайджане. Генерал заявил: «Иранская реакция казнит многих честных людей, боровшихся за свободу азербайджанского народа, однако новые люди подхватят знамя этой борьбы. Повесьте и меня, но не забывайте, что я трудился на благо моего народа, и мою борьбу продолжат другие. Вы - бандиты, и ничего не добьетесь. Все равно рано или поздно свобода победит, и азербайджанский народ отомстит вам за ваши кровавые злодеяния» [49].

Группа феодалов в Тебризе, засев в школе «Фирдоуси», в течение двух суток ожесточенно сопротивлялась. Когда у них кончились патроны, они все бросились в колодезь, где и погибли, но не сдались. Пять солдат азербайджанской армии, укрывшись в башне исторической крепости Арк, в течение трех дней мужественно сопротивлялись, выкрикивая

национальные лозунги, призывая к свободе и мести. Восемнадцать офицеров Национальной армии во главе с генералом Азими и полковником Муртазави перед расстрелом кричали: «Да здравствует свобода Азербайджана!» Арестованный в Хое председатель губернского комитета АДП Ахмеди перед смертью заявил: «Никаких показаний представителям Тегерана я давать не собираюсь и их проклятые лица видеть не хочу. Мои показания вам известны. На протяжении последних двух лет я вел борьбу с изменниками и реакционерами, за свободу азербайджанского народа. В 1907 году вы, палачи, убили моего отца, активного участника движения Саттархана. Убейте меня, умолять вас не буду. Запомните, что настанет день, когда вы предстанете перед всенародным справедливым судом и будете отвечать за проливаемую кровь свободолюбивых сыновей азербайджанского народа». В Резайе Азадвану перед казнью была обещана жизнь в случае, если он откажется от борьбы. Он ответил, что «молодое деревце можно согнуть, но старое не согнется». В Миандообе казненный Гулу Субхи перед смертью громко воскликнул: «Передайте моим друзьям, что я гордо иду на смерть за свободу моего народа. Пусть берегут моего сына. Он будет нужен в дальнейшей борьбе» [50]. Уже находясь на плахе, встречая грудью штыки, сыны Азербайджана пели национальный гимн. Сотни документальных фактов подтверждают их героизм, мужество, стойкость.

Изданные Национальным правительством Азербайджана учебники на родном языке были свалены в костеры и сожжены. Обучение в школах на азербайджанском языке было запрещено. Азербайджанский университет, Национальный театр, филармония и музеи были закрыты. Установленные в период Национального правительства памятники Саттархану, Багирхану и Хиябани были снесены. Газеты на азербайджанском языке были запрещены. Начавшие издаваться на фарсидском языке газеты «Ария» и «Тебриз» приводили массу «доказательств» в защиту тезиса о том, что азербайджанцы не являются нацией.

20 декабря иранская армия полностью овладела Азербайджаном. Был установлен оккупационный режим. Тегеран праздновал победу. По мнению шаха, основными причинами разгрома азербайджанского движения были следующие: 1) неожиданно слабая военная организованность Тебриза; 2) высокий моральный дух и решительность иранского войска; 3) самое же главное, уверенность всех вовлеченных в этот конфликт сторон (Советы, Иран и Азербайджан) в том, что США окажут серьезную поддержку суверенитету Ирана. Шах выразил свое мнение по поводу того, почему, вопреки попыткам советского посла предотвратить ввод войск тегеранского правительства в Азербайджан и заявлениям в адрес шаха и Кавама о том, что СССР не останется безучастным, Советы не смогли оказать Азербайджану значимую

материальную помощь. Он объяснял это тем, что Советы, наконец, убедились, что Америка не просто пыталась запугать, а реально поддерживает любого члена ООН, столкнувшегося с угрозой агрессии.

После победы в Азербайджане большое число представителей из иранского кабинета и других официальных учреждений посетило посольство США в Тегеране. К примеру, военный министр, министр финансов, начальник Национального банка, председатель предыдущего Меджлиса и другие. Они выразили свою благодарность Соединенным Штатам за то, что «они вернули Азербайджан Ирану». 16 декабря на одном из неофициальных заседаний шах отметил огромную помощь Америки. Иранское руководство называло победу в Азербайджане «сталинградской битвой» западной демократии и «поворотным пунктом всех мировых процессов против советской агрессии» [51].

23 декабря посол США Дж.Аллен отправил обширный отчет о положении в Азербайджане госсекретарю Дж.Бирнсу. В отчете отмечалось: «Советское правительство посредством своего посла здесь и посла Ирана в Москве непрерывно пыталось предотвратить ввод войск иранского правительства в Азербайджан. Шах и Кавам полагали, что СССР окажет Азербайджану большую помощь. По этой причине первоначальный военный план иранского правительства ограничивался оккупацией Миане. Когда эта цель была бы достигнута, правительство предполагало бы немного выждать. Внезапное крушение тебризского движения было в равной степени неожиданным как для Кавама, так и для шаха и всех остальных. Сидя здесь, трудно судить о причинах того, почему Советы не увеличили размер помощи своим сторонникам в Тебризе. Факты свидетельствуют о том, что Советы с самого начала недостаточно серьезно занимались вопросом Азербайджана. Генеральный консул Советов в Тебризе вместо того, чтобы служить проводником этому режиму, демонстрировал свой контроль над ним и тем самым подрывал уважение и доверие народа к власти Пишевари, тогда как в первые дни они были... Есть предположения, что причина, по которой СССР не смог направить свои войсковые соединения на помощь Азербайджану, может состоять в занятии более масштабными вопросами внешней политики, опасении давления со стороны Совета Безопасности и мировой общественности. Общее впечатление же таково, что Совет Безопасности уберег Иран от оккупации» [52].

В июне 1947 года Политбюро обсудило вопрос «Американская пропаганда в Иране» и включило в документ о выводе советских войск из Ирана ряд интересных моментов. В нем указывалось: «Американский посол в Иране Аллен в беседе с членами ЦК народной партии допустил ряд выпадов против Советского Союза, пытаясь убедить их в том, что политика СССР якобы направлена против независимости Ирана. Извращая

всем известные факты Аллен утверждал, что советские войска эвакуировались из Ирана будто бы только в результате стараний и настояний США и что Советский Союз, якобы, добивается получения порта на Персидском заливе» [53].

Мнение посла США в СССР Смита о поражении в Азербайджане несколько отличалось от предположений Дж.Аллена. В своем письме госсекретарю от 27 декабря он изложил свою точку зрения следующим образом: «Причина подавления восстания в Азербайджане может заключаться в отказе СССР от провинции в обмен на договоренность по нефтяным вопросам с правительством Кавама. Но, как говорят шах и Кавам, мы больше верим в то, что СССР был застигнут в Азербайджане врасплох... Находящийся здесь британский министр Конселор тоже не считает падение Тебриза результатом торгов между Москвой и Тегераном. Основным фактором, ставшим причиной падения Тебриза, было то, что Тегеран, набравшийся смелости заявить о своих требованиях в Совете Безопасности, в то же время внезапно предъявил Тебризу ультиматум о сдаче. Вместо того чтобы, открыто поддержав Азербайджан, продемонстрировать всем свое участие в этом вопросе, СССР поручил это дело азербайджанским товарищам. Если бы Тебриз оказал решительное сопротивление, то СССР смог бы оказать ему помощь хотя бы посредством громкой пропагандистской кампании... Если бы вопрос решался только между СССР и Ираном, то советские войска давно были бы в Зенджане. Именно вследствие обращения Кавама к ООН СССР воздержался от противостояния с ООН и активно занимающимися этим вопросом США. Именно эти соображения предположительно являются причиной молчаливости Кремля. В настоящее время СССР, принимая во внимание многочисленные внутренние и внешние причины, не желает вступать в противостояние с США. Азербайджанская карта бита, и это есть крупный выигрыш ООН и результат ее успешной политики против СССР. Однако не стоит думать, что Кремль забудет об этом унижительном поражении. Он будет продолжать свои маневры не только во имя получения нефтяных концессий, но и ради политического и стратегического доминирования в Иране» [54].

Таким образом, в конце декабря 1946 года Совет Безопасности ООН подвел итоги по вопросу о текущем положении в провинции Азербайджан, затронутому в письме от 5 декабря 1946 года, отправленном послом Ирана в Вашингтоне на имя генерального секретаря [55]. Конфликт в Азербайджане вошел в историю как первый «разрешенный» ООН вопрос. В те же дни в статье под названием «Да здравствует Совет Безопасности», опубликованной в журнале «Тайм», говорилось, что в отличие от прежних времен благодаря своей неустанной борьбе на протяжении прошедшей

весны посол Гусейн Ала выглядел как настоящий герой Объединенных Наций [56].

20 декабря, после того как иранская армия завершила оккупацию Азербайджана, а тысячи азербайджанцев были репрессированы, расстреляны, придавлены к советской границе, госсекретарь США Дж.Бирнс писал послу в Тегеране Аллену: «Теперь, когда правительство Ирана смогло восстановить свою власть в Азербайджане, я надеюсь, что Кавам займет примирительную позицию по отношению к народу и воздержится от проведения репрессивных мер против находящихся здесь азербайджанцев, русских и курдов. Мы верим в то, что объявление всеобщего прощения и ограничение дела наказанием нескольких виновных лидеров посредством судебного процесса окажут неплохое впечатление на мировое общественное мнение и будут достойным ответом на обвинение Советами Ирана в реакционности» [57].

Однако Ахмед Кавам и Мухаммед Реза шах, следовавшие рекомендациям Дж.Бирнса во всех других случаях, решили этот вопрос по-своему. Назначенный сразу же после оккупации Азербайджана военным губернатором Тебриза полковник Батманглындж объявил, что уничтожит всех, кто поддерживал Пишевари, состоял в его партии и носил его медали [58]. В результате ничем не сдерживаемых карательных и террористических акций иранских правительственных органов за короткое время по приговору военно-полевых судов было казнено 760 человек, тысячи людей были уничтожены жандармами и «патриотами Ирана» без суда и следствия (по некоторым данным, в течение нескольких дней их число достигло 3022 – Дж.Г.), 3200 арестованных были оставлены в Азербайджане, а остальные отправлены в другие тюрьмы Ирана, 8000 человек были сосланы на юг Ирана, где погибли от голода и жажды [59].

Сколько же людей погибло в результате репрессивных мер со стороны иранской армии, вошедшей в Азербайджан в декабре 1946 года? На этот счет приводятся разные цифры. Марьям Фируз, входивший в руководство Иранской Народной партии, 10 лет спустя, 10 октября 1956 года составил для ЦК КПСС обширную справку «Политика Советского Союза в Иране», в которой указывал цифру – «минимум 30000 жителей этого района было убито». В той же справке в ряду причин поражения азербайджанских демократов М.Фируз указывал: «Однако не являлись вполне зрелым: немедленная замена офицерской формы – советской офицерской формой, перевод больших Тавризских часов на московское время и т.п.» [60].

Прорвавшиеся через границу боевые отряды Барзани насчитывали до двух тысяч бойцов, с ними находилось столько же членов их семей. Советские власти сначала интернировали курдов и поместили их в лагерь, а в 1947 году министр госбезопасности СССР В.Абакумов приказал начальнику управления МГБ П.Судоплатову провести переговоры с

Барзани и предложить ему политическое убежище с последующим временным расселением в сельских районах Узбекистана [61].

Незадолго до этих событий руководители иранских курдов-повстанцев попали в устроенную шахом ловушку: они были приглашены в Тегеран для переговоров, схвачены там и повешены. Лишь предводитель курдов Барзани избежал этой участи. Когда шах пригласил на переговоры самого Барзани, тот ответил, что приедет только в том случае, если шах пришлет членов своей семьи в качестве заложников в его штаб-квартиру. Пока проходили предварительные переговоры с правителем, Барзани перебросил большую часть своих сил в северные районы Ирана, ближе к советской границе.

СССР был заинтересован в использовании курдов в проводимой им линии по ослаблению английского и американского влияния в странах Ближнего Востока. А потому П.Судоплатов объявил Барзани, что советская сторона согласилась, чтобы Барзани и часть его офицеров прошли спецобучение в советских военных училищах и академии [62].

Барзани был достаточно умен, чтобы понять: будущее курдов зависит от того, как удастся сыграть на противоречиях между сверхдержавами, имеющими свои интересы на Ближнем Востоке... Судьбу Курдистана с точки зрения его интересов никогда не рассматривали в Кремле, как, впрочем, и в Лондоне, и Вашингтоне. И Запад, и СССР интересовало одно – доступ к нефти в странах Ближнего Востока. Сулов, которому позднее поручили заниматься курдским вопросом, обещал Барзани всестороннюю поддержку в борьбе за автономию только ради того, чтобы с помощью курдов свергнуть Нури Саида в Ираке. Американцы также обещали Барзани поддержку только потому, чтобы с его помощью свергнуть проанглийское руководство в Ираке и заменить его своими ставленниками, но в критический момент заняли выжидательную позицию, договорившись с англичанами. Судьбой курдов играли кто как мог.

В своих мемуарах П.Судоплатов вспоминает: «Абакумов запретил мне сообщать руководителю компартии Азербайджана Багирову о содержании переговоров с Барзани и особенно о согласии Сталина предоставить возможность курдским офицерам пройти подготовку в наших военных учебных заведениях. Дело в том, что Багиров стремился использовать Барзани и его людей для дестабилизации обстановки в Иранском Азербайджане. Однако в Москве полагали, что Барзани сможет сыграть более важную роль в свержении проанглийского режима в Ираке. И кроме того, что особенно важно, с помощью курдов мы могли надолго вывести из строя нефтепромыслы в Ираке (Мосул), имевшие тогда исключительно важное значение в снабжении нефтепродуктами всей англо-американской военной группировки на Ближнем Востоке и в Средиземноморье» [63].

К месту привести эпизод из воспоминаний Судоплатова, полностью демаскирующий идею «демократического Курдистана»: «Барзани пригласил меня на встречу с офицерами своего штаба. При нашем появлении человек тридцать, находившихся в комнате, вытянулись по стойке «смирно». Затем как по команде все они упали на колени и поползли к Барзани, моля позволить им поцеловать край его одежды и сапоги. Естественно, что все иллюзии насчет демократического Курдистана, которые я до тех пор мог питать, тотчас испарились. Мне было совершенно ясно, что это еще одна идеологическая инициатива, возникшая в недрах ЦК на Старой площади» [64].

Судьба искавших убежища в СССР была не менее горька. Благодаря настойчивости М.Дж.Багирова 12 декабря Москва дала разрешение на открытие пограничных пунктов в Джульфе, Худаферине, Биласуваре и Астаре, для того чтобы дать приют скопившимся у границы демократам и их семьям. В течение двух дней границу пересекли 5295 человек. 14 декабря бакинское руководство с целью обеспечения беженцев из Южного Азербайджана недельным запасом необходимых продуктов обратилось к министру вооруженных сил СССР Н.Булганину с просьбой разрешить отпуск 2000 кг сыра, 1250 кг сахара, 5250 кг мяса, 700 кг масла, 1750 кг отрубей, 8750 кг овощей, 350 кг томатной пасты. Распоряжением Совета Министров СССР министру продовольствия Мазутину было поручено отпустить Азербайджанской ССР из государственных запасов указанное количество продуктов [65].

19 декабря пограничные войска получили приказ в 17 часов закрыть пропускные пункты, а нелегально перешедших границу после этого заключать под стражу как нарушителей границы. По оперативным сводкам, с 12 по 19 декабря через пропускной пункт в Джульфе прошли 1123 человека, Худаферине – 292, Биласуваре – 538, Астаре – 3831, а всего в Советский Азербайджан перешли 5784 партийных работников, офицеров Национальной армии, федаинов и других участников Азербайджанского демократического движения. Из них партийных работников – 95 человек, учителей, врачей и писателей – 91, генералов и офицеров – 196, солдат – 678, федаинов – 1057, полицейских – 134 и т.д. Чтобы разместить прибывавших, помочь беспрепятственному пропуску людей через границу и наладить работу радио 12 партийных руководителей во главе с Пишевари временно остались в Нахичевани. У пересекших границу людей было изъято 2082 винтовки, 137 автоматов, 386 пистолетов, 111 пулеметов, 320 ручных гранат, 25 грузовиков, 30 легковых автомобилей, 5 автобусов и многое другое [66]. Однако несмотря на различные запреты спустя некоторое время часть спасшихся демократов смогла различными путями перебраться из Ирана в СССР. В их числе были некоторые известные люди, которых советское консульство переправило в Советский Союз. К 5

января 1947 года число переправившихся в СССР достигло 6318 человек. В 1954 году общее число эмигрантов из Южного Азербайджана составило 9022 человек. Начиная с 1947 года органами государственной безопасности Азербайджанской ССР было арестовано 1097 эмигрантов, нашедших убежище в СССР.

По указанию М.Дж.Багирова, перешедшие в СССР лидеры Азербайджанской демократической партии С.Дж.Пишевари, С.Падеган, Гулам Яхья, начальник генштаба Национальной армии Азербайджана генерал Панахиян, комбриг генерал Миланиян, бывший министр финансов Г.Ильхами, генерал Дж.Кавиян, начальник тайной полиции Панахи, ответственный редактор газеты «Азербайджан» Хошгинаби, ректор Азербайджанского университета Н.Джаханшахлу, председатель профсоюза работников транспорта Фейзуллазаде, известные азербайджанские поэты Али Туде, Жаля, Медина Гюльгюн, Хокума Биллури, Чавуши и другие были временно размещены на правительственных дачах в Мардакянах, остальные были расселены в Али-Байрамлах, Шемахе, Агдаме, Гяндже, Ленкорани, Бейлагане, Биласуваре, Мингечауре, Яламе и Худате.

20 декабря М.Дж.Багиров направил Сталину развернутый отчет о положении в Южном Азербайджане и работе с беженцами, в конце которого представил свои предложения:

«1. Организовать на нашей территории из руководящего состава АДП группу для дальнейшего ведения политической и организационной работы на территории Иранского Азербайджана. Для этого использовать радиостанцию «Пчела», продолжать издание журнала «Азербайджан» и организовать выпуск газеты «Азербайджан» - органа ЦК АДП; разрешить редакциям журнала и газеты «Азербайджан» периодически выпускать листовки и отдельные брошюры для распространения их среди населения Иранского Азербайджана.

2. В целях подготовки кадров для дальнейшей работы в Южном Азербайджане разрешить отобрать 30 проверенных членов Демократической партии Азербайджана для обучения их в особой группе при двухгодичной партийной школе ЦК КП(б) Азербайджана.

3. Часть генералов и офицеров направить для обучения в спецгруппы военной академии и военных училищ.

4. Курсантов-азербайджанцев, обучающихся в спецгруппах Бакинского пехотного и Кировабадского авиационного училищ, изъявивших желание принять советское подданство, разрешить оставить на службе в Советской Армии.

5. Курсантов-курдов, не желающих оставаться в Советском Союзе, отправить на родину.

6. Солдат, партизан, полицейских, рабочих, крестьян и служащих с их семьями использовать как рабочую силу в совхозах и на новостройках республики.

7. Учителей, врачей, писателей и партработников распределить в местах расселения интернированных.

8. Лиц, стремящихся вернуться в Иран, не передавать, а изолировать, оформив на них дела как на нарушителей государственной границы.

9. Изъятые оружие и боеприпасы передать Министерству внутренних дел.

10. Грузовой автотранспорт и лошадей передать тем совхозам, где будут размещены прибывшие из Иранского Азербайджана, а легковой транспорт и скот передать их владельцам.

11. Разрешить организовать снабжение руководящих работников АДП и их семей, в количестве 87 человек, по первой категории литерного снабжения советского партактива.

12. До окончательного разрешения вопроса о перешедших границу санкционировать снабжение интернированных по нормам особого списка.

13. Разрешить Совету Министров Азербайджанской ССР производить необходимые расходы на содержание и питание интернированных из бюджета республики, с последующим представлением отчетов в Совет Министров СССР» [67].

На два из этих предложений Сталин ответил отказом. В своей телеграмме он отметил, что пункты 1 и 10 перечня предложений должны звучать в следующей редакции:

«1. Впредь до особого распоряжения не разрешать политэмигрантам пользоваться на советской территории радиостанциями для передач на Иран, а также издавать журнал и газету «Азербайджан» и прочее для распространения в Иранском Азербайджане.

10. Передать иранскому правительству через иранские пограничные власти все грузовые и легковые автомашины и автобусы, прибывшие с политэмигрантами из Иранского Азербайджана» [68].

Все остальные предложения были приняты.

Следует отметить, что после разгрома движения демократов посол М.Фируз явился к М.Силину с заявлением, что 12 декабря 1946 года демократы через Джульфу перевезли 85 грузовых и 21 легковую автомашины, в том числе 25 «джипов», и их надо вернуть. Затем Фируз сообщил, что Пишевари увез с собой радиопередатчик и теперь ведет пропагандистские передачи на Иран. Посол напомнил, что по пятому пункту договора от 1921 года и четвертому пункту договора от 1927 года запрещена антииранская пропаганда с территории СССР [69]. Результатом давления иранской стороны и стало исключение И.Сталиным двух пунктов из предложений М.Дж.Багирова.

В день поражения демократического движения в Иранском Азербайджане – 12 декабря – министерство иностранных дел СССР вручило иранскому правительству ноту. Но эта нота не была связана с трагическими событиями в Азербайджане. Как и в нотах от 15 сентября, 2 и 4 октября, и в этой ноте речь шла о выполнении соглашения по советско-иранскому смешанному нефтяному обществу. В ноте советское правительство «настаивало на точном и своевременном выполнении правительством Ирана соглашения от 4 апреля 1946 года о создании смешанного советско-иранского нефтяного общества». Кавам, который долгое время избегал обсуждений на эту тему, в ответной ноте от 18 декабря заявил протест против такой постановки вопроса Советским правительством и отметил: «Как только будут подготовлены необходимые условия он представит в Меджлис договор о создании советско-иранского смешанного нефтяного общества» [70].

Поражение национального движения в Южном Азербайджане и непоследовательная, поистине коварная политика советского руководства вызвали глубокое возмущение интеллигенции Советского Азербайджана. Министерство государственной безопасности накопило большое количество секретной информации, ясно показывающей уровень разочарования наших соотечественников. Вице-президент Академии наук Азербайджанской ССР Гейдар Гусейнов говорил: «Мне только непонятно, чем вызвана такая глубокая перемена в нашем поведении. Почему мы теперь пошли на такие уступки. За какие-то два-три месяца наша внешняя политика меняется до неузнаваемости. Сейчас мы поступаем совсем не так, как в прошлом году или даже чем полгода назад». Старший научный сотрудник Института искусств АН Газанфар Али-заде заявил: «Мы погубили бедных азербайджанцев. Кавам теперь жестоко расправится с ними. К чему все это, зачем нужно было заваривать там эту кашу, а потом бросать людей на произвол судьбы? Этот акт является позором для нашего правительства». Доцент Азербайджанского государственного университета Фейзулла Касум-заде с горечью констатировал: «Очень печально завершается азербайджанская проблема. Не знаю, чем это было вызвано, неужели наше правительство дало на это свое согласие? Так или иначе, это большой позор для нас. Фактически получается, что мы предали иранских азербайджанцев. В решающий час, в критический момент мы бросили азербайджанцев и их руководителей на произвол судьбы». Поэт Осман Сарывелли заявил: «Если бы я похоронил любимого своего сына, то не страдал бы так от горя, как я страдаю от той вести, которую принесло нам радио». Декан исторического факультета Азербайджанского государственного университета Мамед Шихлы справедливо заявил: «Мы четвертый раз поднимаем иранский народ на вооруженное восстание, а в критический для них момент оставляем их без оружия и без помощи.

Гилянская революция провалилась, движение Хиябани было подавлено, восстание Лахути окончилось неудачей и, наконец, комедия в Южном Азербайджане, закончившаяся величайшей трагедией» [71].

Подобные мысли были характерны для всей интеллигенции Советского Азербайджана, ведь в национальном движении Южного Азербайджана была и доля их труда, их чаяний.

Таким оказался трагический финал политического процесса длиною в год. В справке советского консульства, озаглавленной «О событиях в Иранском Азербайджане» и направленной в Москву и Баку, отмечалось, что разгром Азербайджанского демократического движения отозвался падением авторитета СССР в Иране на долгие годы [72]. Спецслужбы сообщали, что на глазах у полицейских некоторые отчаявшиеся и возмущенные азербайджанцы прикрепляли портрет Сталина к ошейнику собаки и так прогуливались по самой оживленной улице Тебриза [73]. Независимо от того, кто были эти люди, «отец народов» получил по заслугам за ту роковую роль, которую он сыграл в судьбе азербайджанских демократов.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Азербайджанский вопрос - главная тема, поднятая в данном исследовании, - все еще не решен. А потому автор решил не подводить черту, не делать традиционное заключение, а дать своеобразное послесловие, которое может стать отправной точкой для новых исторических и политологических изысканий.

Азербайджанский или «иранский» кризис 1946 года правомерно занимает важное место не только в современной истории Ирана, но и во всем развитии холодной войны [1].

Ввод советских и английских войск в августе 1941 года в Иран способствовал возникновению напряженной военно-стратегической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, достигшей своей кульминации к началу 1946 года. Анализ событий показывает, что политика великих держав в Иране и, в частности, Иранском Азербайджане, строилась по правилам закулисного противоборства. Исследованные архивные документы раскрывают подковерную эпопею этого противостояния.

Были ли у Советов территориальные претензии к Ирану? Обнаруженные архивные документы однозначно подтверждают это. Стремление к расширению границ Советского Союза служило отправной точкой доктрины Сталина - Молотова, опирающейся прежде всего на территориальную экспансию. «Политика расширения», осуществляемая в 1939-40 гг. в Восточной Европе, была на практике опробована осенью 1941 года в Южном Азербайджане. Однако тяжелая военная ситуация на советско-германском фронте, отступление Красной Армии в первые месяцы войны отеснили азербайджанский вопрос на задний план. Договором от 29 января 1942 года о территориальной целостности Ирана, подписанным Советским Союзом, Великобританией и Ираном и подтвержденным документами Тегеранской конференции, проблема территориальной целостности Ирана была взята под международный контроль.

Конкуренция великих держав с лета 1944 года вошла в новую стадию, характеризующуюся лейтмотивом нефтяных интересов. Это была не только борьба СССР против Запада, здесь явственно ощущалась и жесткая конкуренция между США и Великобританией. Безраздельный контроль

Англии над нефтяными запасами Ближнего и Среднего Востока вызвал протест Соединенных Штатов, достаточно агрессивный и наступательный, встречающий скрытое, но жесткое сопротивление конкурента. Вместе с тем эти две могучие державы пытались блокироваться в своих действиях против третьего конкурента – СССР.

Долгожданные успехи на полях сражений возродили нефтяные аппетиты Советского Союза. Еще в марте 1944 года Сталин дал указание соответствующим органам подготовить необходимые материалы для начала переговоров о нефтеразведке и заполучения концессии в Северном Иране. В справке, подготовленной Л.Берия 16 августа 1944 года для Сталина и Молотова, отмечалось, что англичане и американцы негласно всячески препятствуют возможности получения Союзом такой концессии. Учитывая это, советское руководство дало команду на активизацию деятельности в этом направлении [2]. Результатом этого решения стала отправка с особой миссией советской делегации под руководством заместителя наркома иностранных дел С.Кавтарадзе в Тегеран в сентябре 1944 года.

Однако ход событий показал, что заполучить вожделенную концессию будет не столь легко. Возвращение Советского Союза к азербайджанскому вопросу есть не что иное, как хитроумный политический ход, призванный способствовать в нефтяном споре. Принятые Москвой в июне-июле 1945 года секретные решения дополнили нефтяные интересы СССР в Иране еще и территориальными притязаниями. Одним из факторов, обусловивших подобную тактику СССР, стала тщетность попыток мирного присоединения к англо-американскому альянсу, контролировавшему нефтяные запасы Ближнего Востока.

Население Южного Азербайджана Советы использовали как средство давления и на Иран, и на Запад. Но независимо от целей СССР, несомненно, азербайджанцы преследовали при этом свои интересы. В определенные моменты истории цели и тех, и других совпадали, что позволяло действовать сообща. Шовинистская политика режима Пехлеви в Азербайджане, запрещение родного языка, отрицание азербайджанской истории и культуры вызывали справедливое возмущение населения. Присутствие советских войск в Южном Азербайджане, освобождение политзаключенных, издание в годы войны в Тебризе и других городах газет оказало серьезное влияние на общественное мнение, создавая условия для реализации освободительных идей. Вследствие всего перечисленного в 40-х годах прошлого века Советский Азербайджан превратился в притягательный, заманчивый образ новой жизни в глазах жителей Южного Азербайджана. Несмотря на тоталитарный характер Советской власти, достижения Северного Азербайджана в области науки,

образования, культуры и экономики выглядели весьма внушительно на фоне разрухи и нищеты по ту сторону Аракса.

Привлеченные к этому процессу политработники и интеллигенция, работая в Южном Азербайджане, выполняли не только государственные задания, но и выражали чаяния единого народа, несправедливо разделенного между двумя странами и надеющегося на объединение. Надежда на Советский Союз была обусловлена тем, что часть представителей азербайджанской нации являлась гражданами этой страны. Но волею судьбы азербайджанский кризис совпал с периодом осложнений международных отношений, а потому окончился безуспешно для азербайджанского народа. Известный историк Э.Исмаилов в опубликованной в 2003 году книге «Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане. 1945-1953 гг.» справедливо отмечает: «Хотя в 1946 г. советские войска покинули Иран, а демократическая республика Южного Азербайджана была уничтожена, вспыхнувшая искра надежды на объединение всего Азербайджана, даже и в составе СССР, не могла сразу же угаснуть. Азербайджанское руководство, прежде всего М.Дж.Багиров, полагало, что напряженные отношения СССР с Ираном позволят в случае военного конфликта вновь вернуться к идее единого Азербайджана» [3].

Холодная война начала свою пагубную для всего мира поступь с Южного Азербайджана. Это один из основных выводов данного исследования. Подобное заключение подтверждается впервые введенными в научный оборот архивными документами и сравнительным анализом привлеченных научных трудов. Возможно, в будущем новые документы, в частности протоколы советской правящей элиты – Политбюро, особые папки Сталина, засекреченные материалы из архивов США и Великобритании, послужат дополнительными аргументами, подтверждающим эту мысль.

Как следствие напрашивается и вывод, что с крахом политики в Иранском Азербайджане Советский Союз проиграл первую битву в холодной войне. Позднее, на известном июньском пленуме ЦК КПСС 1957 года, Н.Хрущев заявил: «Взяли в Иране что и сделали? Ввели свои войска и стали бурить скважины на нефть. Сталин руководил этим делом, подогревал Багирова, а когда запахло порохом и надо было или воевать, или уходить, Сталин говорил: уходите, пока не поздно, и мы ушли» [4]. Впрочем, и окончание холодной войны также ознаменовалось для советской империи крахом - полным развалом.

После иранских событий советская пропаганда, ссылаясь на подписание выгодного нефтяного договора, еще пыталась выдать поражение за победу. Однако чуть спустя и в этой области СССР ждало разочарование. В течение последующих лет Советскому Союзу так и не удалось возвратиться в Иран. Соединенные Штаты надолго выбили СССР

из Ирана, заставили соперника пожертвовать своими и территориальными, и нефтяными интересами, подтвердив реальную силу Америки. Эта победа закрепила для США статус супердержавы и сыграла важную роль в процессе упрочнения их позиций в Иране. 6 октября 1947 года правительство Кавама заключило со Штатами военный договор, и иранский Меджлис вскоре ратифицировал его.

Этот договор юридически закрепил победу Америки в Иране. В ноте от 31 января 1948 года, представленной МИД Ирана, советская сторона выражала беспокойство по поводу военных приготовлений американцев в Иране, антисоветских акций и вообще политики пряника в отношении иранских правящих кругов. Советы считали все это не только противоречащим договору 1921 года, «но даже обычным нормальным отношениям между странами». В ноте от 24 марта 1948 года, врученной И.Садчиковым премьер-министру Ирана, указывалось «на несовместимость иранско-американского соглашения от 6 октября 1947 года с добрососедскими отношениями между СССР и Ираном». В ответной ноте от 1 апреля 1948 года иранское правительство расценило вышеуказанные советские ноты «как вмешательство во внутренние дела Ирана» [5].

Л.Гендерсон, бывший заведующий отделом стран Среднего Востока госдепартамента США, так сформулировал в 1950 году задачи американской политики в Иране: «В радиусе 800 км вокруг Тегерана расположена территория, на которой находится 33 млрд. баррелей нефти – почти половина мировых запасов. Мы никогда не допустим, чтобы эта территория попала в руки державы, враждебной Соединенным Штатам» [6].

Роль США в сохранении территориальной целостности Ирана порой оценивается неверно. В целом ряде научных трудов, изданных в Иране, на постсоветском пространстве и Западе, выход СССР из Южного Азербайджана связывают с дипломатическим искусством Кавама эс-Салтане. Кавам, безусловно, был искусным государственным деятелем и ловким дипломатом. Но здесь и он был бессилён. Кавам пришел к власти не как ставленник Британии, как об этом пишет ряд авторов, а как ставленник СССР. Стремясь посадить его в кресло премьера, Советы с осени 1944 года неоднократно инициировали правительственные кризисы в Тегеране и в январе 1946 года наконец, добились своего. Член иранского парламента от партии «Туде» А.Камбахш писал М.Дж.Багирову в 1947 году: «Я был против прихода Кавама к власти. Это же мнение разделяли большинство наших товарищей. Но все же наша фракция голосовала за него, и нашими голосами он пришел к власти. В данном случае мы шли навстречу желанию наших советских товарищей» [7].

Перед Кавамом, как премьер-министром, стояло несколько важных задач. Во-первых, благодаря сотрудничеству с Советским Союзом сохранить территориальную целостность и суверенитет Ирана; во-вторых, в случае усиления давления СССР путем предоставления Южному Азербайджану ограниченной автономии, а России – уступок в нефтяном вопросе отстоять кресло премьера; в-третьих, путем концентрации интересов международных сил, представленных в Иране, отстранить шаха от престола и самому воссесть на трон. Для достижения этой последней цели Кавам использовал Пишевари и азербайджанских демократов как средство давления на шаха.

Кавам пришел к власти как человек СССР, но в решающий момент предпочел опереться на Штаты, точнее, он вовремя и верно расценил возможности США в послевоенном мире.

Даже после разгрома демократического движения в Азербайджане Советский Союз не оставлял надежд на решение Кавамом нефтяного вопроса. А.Камбахш в докладной записке на имя Багирова и московских лидеров писал: «Нужно ли в связи с этими событиями вести курс на свержение Кавама? Хотя то, что сделал Кавам для разгрома демократического движения и не является продуктом исключительно его личной инициативы, огромная доля усилий в это им вложена. Несмотря ни на что, сейчас уже вести курс на его свержение поздно: демократическое движение разгромлено, остается открытым вопрос о нефти и он единственный человек, связанный в этом плане обязательством. Таким образом, нужно дать ему довести игру до конца, чтобы иметь возможность представить счет полностью и сразу. Вопрос о нефти внесет ясность в ситуацию, и в результате положительного или отрицательного его разрешения станет понятно, в какое русло направить работу по борьбе за демократические свободы» [8].

В августе 1947 года Кавам категорически отрекся от нефтяного соглашения с Советами, чем сильно повысил свой рейтинг в глазах американцев и англичан. Перед этим Кавам удалил из Москвы просоветски настроенного Фируза и назначил новым послом западника Г.Сайяха. 2 сентября 1947 года, перед отъездом, М.Фируз посетил заведующего ближневосточным отделом МИДа С.Сычева, а 4 сентября – заместителя министра иностранных дел А.Вышинского. М.Фируз откровенно сообщил, что Кавам избрал путь тесного сотрудничества с США и не даст нефти СССР. При этом М.Фируз посоветовал «не идти ни на какие уступки иранскому правительству в вопросе об условиях нефтяного соглашения, иначе мог бы пострадать международный престиж Советского Союза». Он подчеркнул, что «не случайно его освобождение от должности состоялось в момент, когда предстоит решить нефтяной вопрос». Характеризуя Кавама, Фируз отметил, что премьер изменился. У

него сейчас мысли не те, что были в прошлом году. Иначе он не стал бы снимать его, Фируза, с поста посла, прислушался бы к его мнению и считался бы с его информацией из Москвы» [9]. На встрече с А.Вышинским М.Фируз однозначно утверждал, что «теперешний реакционный Меджлис откажется ратифицировать советско-иранское нефтяное соглашение». Из его слов выходило, что с ратификацией соглашения надо подождать, пока в Иране не будет избран более прогрессивный Меджлис [10].

Предположения М.Фируза оказались верны. В своем заявлении от 28 августа 1947 года советское правительство уведомляло, что «отказ Иранского правительства внести советско-иранское соглашение от 4 апреля 1946 г. на утверждение меджлиса является нарушением этого соглашения». Отвечая 12 сентября на это послание, Кавам объяснял уклонение Ирана от исполнения соглашения тем, что меджлис еще 2 декабря 1944 года принял закон «О запрещении предоставления иностранцам нефтяных концессий» [11]. 22 октября 1947 года Меджлис объявил о денонсации советско-иранского соглашения от 4 апреля 1946 года о «северной» нефти. Меджлис объявил соглашение от 4 апреля «не имеющим силы и несуществующим», после чего Кавам в своем письме И.Садчикову от 5 ноября 1947 года вновь объяснил это решение Меджлиса наличием закона от 2 декабря 1944 года о запрещении концессий. 17 ноября Политбюро утвердило текст ноты, подготовленной МИД СССР для вручения иранскому премьеру. В тексте, в частности, указывалось: «Соглашение от 4 апреля 1946 года предусматривало, что «договор об организации указанного советско-иранского нефтяного общества, который будет заключен впоследствии согласно содержанию настоящего письма, будет представлен на утверждение, как только вновь избранный меджлис Ирана приступит к своей законодательной деятельности, во всяком случае, не позднее 7 месяцев, считая от 24 марта с.г.», т.е. не позднее 24 октября 1946 года.

В означенном соглашении имеется, таким образом, прямое обязательство Иранского правительства представить в определенный срок на утверждение меджлиса договор о создании смешанного советско-иранского нефтяного общества.

Это соглашение было нарушено Правительством Ирана, поскольку Иранское правительство отказалось заключить договор об образовании смешанного советско-иранского нефтяного общества, несмотря на то, что заключение такого договора было предусмотрено указанным соглашением.

Советское Правительство не может также пройти мимо того, что решение меджлиса о недействительности соглашения об образовании смешанного советско-иранского нефтяного общества для Северного Ирана, при условии сохранения существующей на юге Ирана английской

нефтяной концессии, является актом грубой дискриминации в отношении СССР.

На основании вышеизложенного Советское Правительство заявляет решительный протест против указанных враждебных действий Иранского Правительства в отношении Советского Союза, несовместимых с нормальными отношениями между двумя государствами, и возлагает ответственность за последствия этого на Правительство Ирана» [12].

21 ноября Политбюро приняло секретное постановление о возобновлении газеты политэмигрантов «Азербайджан» и радиостанции «Пчела», запрещенных по прямому указанию И.Сталина в январе 1947 года. Решение Политбюро гласило:

«1. Предложить ЦК компартии Азербайджана разрешить политэмигрантам Иранского Азербайджана:

а) возобновить издание газеты «Азербайджан»

б) возобновить работу радиостанции «Пчела», находящейся в г. Сальяны, ранее использовавшейся политэмигрантами.

2. Обязать ТАСС организовать систематическое получение материалов о положении в Иранском Азербайджане для использования ЦК компартии Азербайджана (т. Багировым)» [13]. Чуть позже Кавам отправился в вынужденную отставку, однако свою роль он сыграл. При первой же возможности шах постарался отомстить бывшему премьеру и поручил собрать компрометирующие материалы на Кавама, чтобы предать его суду. Материалы незамедлительно были собраны и переданы на рассмотрение Меджлиса, который, в свою очередь, направил их на заключение юридической комиссии. Однако комиссия установила, что представленные документы не дают оснований для судебного преследования [14].

25 октября 1948 года Политбюро ЦК ВКП(б) вновь обсудило напряженную ситуацию в советско-иранских отношениях. Результаты обсуждения нашли свое отражение в указаниях И.Садчикову, в частности: «Посол Садчиков должен и впредь отвечать на обращения Иранского правительства о желании улучшить отношения с СССР, что пока не будет урегулирован вопрос о выполнении советско-иранского нефтяного соглашения, до тех пор Советское правительство не сможет заняться рассмотрением иранских претензий, связанных с пребыванием советских войск в Иране... Посол Садчиков должен окольным путем (через неофициальных лиц) дать понять иранскому правительству, что если оно желает начать улучшение отношений с СССР, то Иран должен без промедления снять «иранский вопрос» с повестки дня Совета Безопасности, без чего нельзя ждать не только общего улучшения отношений между Ираном и СССР, но и серьезного расширения советско-иранских торговых отношений» [15].

Несмотря на советский прессинг, иранская сторона больше не возвращалась к вопросу о «северной» нефти. 10 марта 1949 года посол Ирана Г.Сайях в беседе с новоназначенным первым заместителем министра иностранных дел СССР А.Громыко заявил, что причиной ухудшения советско-иранских отношений явилось «советское требование о нефтяных концессиях, которое иранское правительство не могло выполнить, так как выполнение его нанесло бы серьезный ущерб независимости Ирана» [16].

Естественно, отказ от нефтяного соглашения усилил антииранскую пропаганду СССР. 26 апреля 1949 года заместитель министра иностранных дел В.Зорин писал М.Дж.Багирову: «Просим включить в очередную радиопередачу радиостанции демократов Иранского Азербайджана нижеследующую статью». В этой статье речь шла о превращении Ирана в подручного США, о вздорности попыток связать покушение на шаха с демократическим движением в Иране. В материале отмечалось: «О каком антишахском заговоре и шпионаже в Иране со стороны демократических организаций может идти речь, когда все важные должности в стране заняты американскими советниками, проникающими во все поры государственного организма Ирана. Кто же им помогает в Иране проводить политику доллара? Пусть иранский народ знает этих людей. Мы назовем их по именам. Это генерал Размара; это придворные Шукраи, Нусретян и Нурзад. Они, в интересах американских империалистов, запугивают шаха угрозой революции и толкают его на участие в антинародном заговоре» [17].

17 января 1950 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное решение, с целью расширить антиамериканскую пропаганду в Иране и привлечь к этой работе Иранскую Народную партию. Решение предусматривало осуществление следующих мероприятий:

«1. Предложить ЦК КП(б) Азербайджана (тов. Багирову) организовать передачу статей из подпольной газеты «Мардом» и материалов, освещающих демократическое движение в Иране, через радиостанцию Азербайджанской демократической партии; улучшить состав дикторов персидского языка радиостанций Баку и Азербайджанской демократической партии.

2. Поручить Комитету радиовещания при СМ СССР (тов. Краминову) расширить программу радиовещания на Иран за счет увеличения количества передач о борьбе иранского народа, о руководящей роли СССР в борьбе за мир и независимость народов, о достижениях Советского Союза и, в частности, советских республик Закавказья и Средней Азии.

3. Возложить на Комитет информации (тов. Зорина) переброску в Иран и передачу ЦК НПИ 200 экз. книги Сталина «Вопросы ленинизма» на персидском языке.

4. Рекомендовать тов. Юдину регулярно помещать в газете «За прочный мир, за народную демократию!» материалы о борьбе иранского народа и о происках американских и английских империалистов в Иране» [18].

В советской прессе конца 40-х годов, в передачах московского и бакинского радио антииранская кампания развернулась так широко, что 30 января 1950 года новый иранский министр иностранных дел Али Акпер Сияси заявил советскому послу И.Садчикову: «Каждый вечер по московской и бакинской радиостанциям передаются резкие выступления, направленные против иранского правительства и лиц, стоящих выше него. Это вызывает большое недовольство у этих лиц, и когда приходится обращаться к ним за разрешением тех или иных советско-иранских вопросов, они заявляют, что как можно заниматься этими вопросами, в то время как советские радиостанции так поносят нас» [19].

По представлению МИД СССР проблемы взаимоотношений с Ираном рассматривались в Политбюро ЦК КПСС дважды в течение 1949 года – в феврале и декабре. Оба раза были утверждены проекты предписаний послу в Иране И.Садчикову [20]. В указаниях Политбюро от 31 декабря отмечено: на предложение Ирана о расширении торговых связей следует ответить, что Советский Союз не возражает против продолжения прерванных в феврале 1949 года переговоров «при условии, если будет урегулирован вопрос о финансовых претензиях СССР к Ирану. Посол должен изложить наши претензии. Он должен, во-первых, указать на материальный ущерб, понесенный Советским Союзом в результате невыполнения иранским правительством соглашения от 4 апреля 1946 года об организации смешанного советско-иранского нефтяного общества и назвать сумму ущерба, причиненного Советскому Союзу нарушением иранцами нефтяного соглашения, выражающегося в сумме 9 млн. 760 тыс. американских долларов» [21].

После усиления влияния США в Иране и укрепления положения шаха советское руководство сделало некоторые попытки наладить отношения и с шахом Мухаммедом Реза Пехлеви.

В августе 1950 года Политбюро дало задание И.Садчикову выяснить, желает ли шах посетить Советский Союз. Садчикову предписывалось: «В связи с полученными вами сведениями о желании шаха посетить Москву, вам необходимо пока ограничиться следующим. Через тот же источник дайте знать шаху, что советское правительство стояло и стоит за улучшение ирано-советских отношений и что ухудшение этих отношений не зависело от Советского Союза. Вам следует указать, что советское правительство и лично глава советского правительства генералиссимус Сталин всегда благожелательно относились и относятся к Ирану. Если шах

стремится улучшить ирано-советские отношения, то это можно только приветствовать» [22].

В обстановке растущей напряженности в Иране Мухаммед Рза шах вновь реанимировал идею о своем визите в Москву. Начальник канцелярии шаха Нурзад заявил второму секретарю Советского посольства Кузнецову, что шах очень обеспокоен усилением англо-американской пропаганды против Советов, и что было бы желательно парализовать эту «вредную» пропаганду. Нурзад сказал, что «почему бы Советскому Правительству не пригласить к себе шаха, тем более, что он нуждается в курортном лечении в таком месте, как Кисловодск или Железноводск». Нурзад добавил, что шах с удовольствием примет приглашение Советского правительства и посетит СССР» [23].

В своем отчете в Москву И.Садчиков высказал предположение, что Нурзад говорил с сотрудником советского посольства по прямому указанию шаха, и что на следующей встрече это станет совершенно ясно. В своих телеграммах в Москву И.Садчиков настаивал на нецелесообразности оттягивания сроков визита шаха в СССР. В январе 1952 года А.Громько докладывал И.Сталину: «Это не первая попытка шаха прозондировать почву для своей поездки в СССР. В 1950 году шах предпринимал такую попытку через купца Носратяна, депутата Рафи и печать. В ответ на этот зондаж шаха т. Садчикову было дано указание (телеграмма №412 от 16. VIII. 1950 г.) пока ограничиться тем, что дать знать шаху, «что Советское Правительство стояло и стоит за улучшение ирано-советских отношений и что ухудшение этих отношений не зависит от Советского Союза», а также «указать, что Советское Правительство и лично генералиссимус Сталин всегда благожелательно относились и относятся к Ирану. Если шах стремится улучшить ирано-советские отношения, то это можно только приветствовать» [24].

По мнению И.Садчикова, если сорвется поездка шаха в СССР, то возникнет вероятность отдаления его от Советского Союза и принятия Ираном предложения Америки вступить в западный блок. И.Садчиков также считал, что не исключена возможность консультаций между шахом и М.Мосаддыком по вопросу визита в Москву. Оценивая концепцию И.Садчикова, А.Громько писал И.Сталину: «МИД СССР считает целесообразным дать тов. Садчикову указание о том, чтобы тов. Кузнецов встретился с Нурзадом и сказал ему, что, поскольку из сообщения Нурзада не ясно, действительно ли шах желает посетить СССР и если желает, то когда именно, он не мог доложить об этом послу. В той же телеграмме следует обратить внимание т. Садчикова на то, что он придает слишком большое значение сообщению Нурзада о желании шаха посетить Советский Союз и не учитывает того, что такой зондаж иранцы, очевидно, предпринимают с целью использовать его, в случае нашего

положительного отношения в своих целях» [25]. Подобный текст с малыми изменениями А.Громыко направил в В.Молотову 11 января 1952 года. В конце этого послания А.Громыко писал: «МИД СССР считает целесообразным дать т. Садчикову указание о том, чтобы т. Кузнецов встретился с Нурзадом и сказал ему, что Советское Правительство стояло и стоит за улучшение ирано-советских отношений и что, евсли бы шах выразил желание посетить Советский Союз с целью улучшения ирано-советских отношений, то по мнению Кузнецова, это могло бы встретить благоприятный отклик в Москве» [26]. На следующий день, 12 января А.Громыко вновь докладывал И.Сталину: «В интересах дела желательно было бы предварителшьно знать, какие вопросы шах желал бы обсудить в Москве» [27]. Соответственно ЦК ВКП(б) принял Постановление «Об указании послу СССР в Иране Садчикову в связи с зондажем шаха Ирана относительно поездки в Советский Союз.

Из внеочередных указаний ЦК ВКП(б) И.Садчикову в конце января 1952 года замечен отход от прежней позиции. Послу указывалось: «Вы должны считаться с тем фактом, что иранцы уже не первый раз ставят вопрос о поездке шаха в СССР, не доводя дело до каких-либо практических выводов. И теперь вопрос о поездке шаха в СССР поставлен ими, видимо, с целью использовать обсуждение этого вопроса с советскими представителями в той политической игре, которую иранцы ведут с англичанами и, особенно, с американцами. Не уклоняясь от того, чтобы выслушать иранцев и установить, каковы их действительные намерения в данный момент, Вам следует иметь в виду, что наше отношение к вопросу о поездке шаха в Москву мы можем выразить лишь в том случае, если со стороны шаха будет проявлено определенное желание поехать в СССР и об этом им будет доведено до Вашего сведения как посла» [28].

Сотрудники Советского посольства вели переговоры, параллельно с шахом, разрабатывали различные направления и с членами Иранского правительства.

22 августа 1950 года премьер-министр Хаджи Али Размара сообщил И.Садчикову, что продолжающиеся в течение 7 лет торгово-экономические переговоры с американцами не дали реальных результатов, что обуславливает необходимость торговых переговоров с СССР. «Кроме всего этого, - продолжал Размара, - я лично заинтересован в ускорении этих переговоров, коль скоро они были начаты по моей инициативе. Я не хочу скрывать от посла, что мне было бы приятно сказать своему народу не только то, что эти переговоры начаты по моей инициативе, но и показать реальные результаты». «Поэтому Размара обращается ко мне с просьбой оказать содействие в ускорении хода переговоров», - докладывал в Москву Садчиков [29].

Вместе с тем в ноябре и декабре 1950 года переговоры советского посольства в Тегеране с бывшим послом Гамидом Сайяхом также не пошли дальше обмена мнениями. Единственным положительным моментом в развитии советско-иранских отношениях в тот период стало участие заместителя министра иностранных дел СССР Гусева в церемонии по случаю дня рождения шаха [30].

От внимания Советов не ускользнул факт образования Национального фронта во главе с М. Мосаддыком и избрание его сторонников в Меджлис. В накапливаемой советским посольством информации отражался растущий ропот народа против действующих в стране компаний и политики Соединенных Штатов. Бывший посол Г. Сайях сообщил И. Садчикову, что «американцы потеряли почву под ногами. Посмотрите газеты. Все иранские газеты резко выступают против американцев. Естественно, что это вызывает беспокойство и недовольство госдепартамента» [31].

29 апреля 1951 года лидер Национального фронта М. Мосаддык был назначен премьер-министром, и это способствовало усилению антизападных, в первую очередь антиамериканских настроений в Иране.

Приход к власти Мосаддыка оказался для советской тегеранской резидентуры неожиданным, ей не удалось получить предварительную информацию на этот счет, что и послужило причиной недовольства и срочных указаний центра: «Безотлагательно и в самые короткие сроки изучите возможности использования в интересах СССР, - указывалось в письме в резидентуру, - националистически настроенных кругов Ирана, группирующихся вокруг Мосаддыка, Кашани, Багаи и других находящихся в оппозиции к шаху противников англо-американского засилья в стране» [32].

10 августа 1951 года советская резидентура подверглась жесткой критике Москвы: «Вы не сумели своевременно разобраться в нарастающем движении за национализацию нефти и использовать его в целях ослабления американского и английского влияния» [33].

10 декабря 1950 года начала свою работу советско-иранская совместная комиссия с целью утрясти взаимные финансовые претензии. В переговорах с советской стороны участвовали посол Садчиков и торговый представитель СССР в Иране Чечулин. Работой комиссии с советской стороны руководил Кузнецов. Учитывая обилие спорных моментов и бесперспективность дальнейших переговоров, после прихода к власти доктора Мосаддыка, советская делегация телеграфировала в МИД о своем желании прервать переговоры и вернуться в Москву под предлогом обсуждения со своим правительством иранских претензий. Однако ни МИД, ни министерство внешней торговли не сочли этот шаг целесообразным. 12 июля 1951 года А. Меньшиков и А. Громыко

направили И.Сталину справку следующего содержания: «МИД и МВТ исходят при этом из того, что при нынешней политической обстановке в Иране, когда иранское правительство всецело занято проведением национализации нефтяной промышленности (АИНК) и споры с Англией, любое наше предложение о прерыве советско-иранских переговоров по урегулированию взаимных финансовых претензий было бы использовано англичанами и американцами, во-первых, в целях, враждебных Советскому Союзу, и, во-вторых, для оказания еще более сильного давления на иранское правительство с тем, чтобы заставить его отказаться от осуществления закона о национализации нефтяной промышленности. Помимо этого, подобное наше предложение могло бы вызвать неблагоприятную для СССР реакцию среди иранской общественности. МИД и МВТ СССР считают, что переговоры с иранцами по урегулированию взаимных финансовых претензий следует продолжать, и что не следует проявлять инициативы в отношении их прерыва» [34].

На основании этой справки ЦК ВКП(б) утвердил указания Садчикову, Чечулину и Кузнецову, где дополнительно подчеркивалось: «До получения наших указаний, вопроса о претензии, связанной с нарушением иранцами нефтяного соглашения, не поднимайте, а ведите переговоры по остальным претензиям» [35].

Внимание на нефтяном соглашении и затратах по нему акцентировалось по той причине, что Советская сторона выставила Ирану счет на сумму 9,76 млн. долларов за срыв договора от 4 апреля 1946 года. Иранская же сторона настаивала, что эти затраты СССР понес до решения Меджлиса по этому вопросу, а потому отказывается удовлетворять этот иск. А.Вышинский, А.Зверев и М.Меньшиков 14 сентября 1951 года докладывали И.Сталину: «Наше требование о возмещении расходов, связанных с нарушениями иранцами Соглашения от 4 апреля 1946 года об учреждении советско-иранского нефтяного общества, в сумме 316,1 млн. риалов (9,76 млн. долл.) иранцы удовлетворить отказываются, заявляя, что обязательство иранского правительства по организации советско-иранского нефтяного общества было поставлено в зависимость от согласия меджлиса. Поэтому советская сторона не имела будто бы оснований производить какие бы то ни было расходы для учреждаемого общества впредь до утверждения Меджлисом соглашения о создании Общества» [36].

В этом докладе поднимался вопрос и о судьбе иранского золота весом в 11,2 тонны стоимостью в 12,6 млн. долл., а также и валюты в 8,6 млн. долларов, хранившегося на территории СССР. Сообщалось следующее: «Иранцы настаивают на передаче им золота в натуре и не соглашаются на компенсацию его стоимости товарными поставками, указывая, что золото по соглашению 1943 года является собственностью иранского государства,

находится лишь на хранении в Госбанке СССР и составляет часть золотого обеспечения иранской валюты» [37]. 29 сентября 1951 года А.Вышинский, А.Зверев и М.Меньшиков в очередном отчете на имя И.Сталина отмечали, что на завершившемся втором этапе переговоров «иранская сторона никаких серьезных дополнительных уступок не сделала» [38]. На этом основании соответствующие советские министерства выступили против подписания заключительного протокола в противовес тому, что предлагали Садчиков и Чечулин. В решении ЦК ВКП(б), направленном Садчикову, Чечулину и Кузнецову, указывалось: «Переговоры показали, что в настоящее время нет оснований рассчитывать на достижение соглашения с иранцами на приемлемой для нас основе. Что же касается ваших рассуждений относительно целесообразности некоторых уступок иранской стороне в отступление от данных вам директив, то мы считаем их неправильными и совершенно неприемлемыми. Мы не собираемся идти ни на какие уступки сверх предусмотренных этими директивами. Ввиду занятой иранцами позиции продолжение переговоров считаем нецелесообразным. Однако, прекращение переговоров надо провести в соответствующей тактичной форме» [39].

Первое время М.Мосаддык был склонен к сближению с Советами. Через Ф.Ипекчиана, который был близок и к нему, и к Советам, он пытался дать это почувствовать И.Садчикову. Но советское руководство не верило в искренность М.Мосаддыка. Ознакомившись с материалами переговоров с иранским премьером и его посредниками, Политбюро обсудило этот вопрос 26 сентября 1951 года и поручило Советскому послу в Тегеране быть осмотрительным в отношении М.Мосаддыка. В указаниях Политбюро И.Садчикову читаем: «Из Ваших бесед с Мосаддыком и его посредниками видно, что Вы всерьез принимаете разговоры Мосаддыка о его якобы стремлении договориться с нами по финансовым претензиям и улучшить отношения с Советским Союзом. Вы, видимо, не поняли того, что Мосаддык, засылая к Вам своих посредников, вроде Ипекчиана, с советами воспользоваться создавшимся у Мосаддыка положением и пойти с ним на сближение, просто шантажирует американцев и пытается использовать Вас в своей игре с англичанами и американцами» [40].

Впоследствии, в середине 50-х годов руководители Туде также признавали ошибочность советской политики в отношении М.Мосаддыка. М.Фируз по этому поводу писал: «В общем советская политика в отношении правительства доктора Мосаддыка не основывалась на полной поддержке. Если бы Советский Союз помогал его правительству, то, несомненно, что оно было бы еще более устойчивым. Правительство Мосаддыка также ожидало этого, но, к сожалению, этого не произошло» [41].

23 февраля 1952 года газета «Фарман» выступила с обвинениями в адрес советских дипломатов, которые финансировали руководителей Народной партии. В статье указывалось, что советник посольства Инояров, первый секретарь Костылев и помощник военного атташе Волкодаев «официально участвовали в руководстве финансовыми, политическими и общественными делами Народной партии». Далее в статье указывается, что в случае «если правительство решит заглазить это дело и не примет мер для высылки их из Ирана, антикоммунистические группы совершат на них покушение». По этому вопросу А.Громыко докладывал И.Сталину: «МИД СССР считает необходимым поручить тов. Садчикову посетить министра иностранных дел Каземи и обратить его внимание на провокационную выходку газеты «Фарман», потребовав привлечения к строгой ответственности ее редактора Шахенде, а также предупредить Каземи об ответственности иранского правительства за безопасность советских дипломатических работников в Иране» [42]. На этом основании ЦК ВКП(б) принял решение направить И.Садчикову новые указания [43].

За день до назначения доктора Мосаддыка премьер-министром Меджлис единогласно поддержал закон о национализации нефтяной промышленности. С того времени, вплоть до августовского переворота 1953 года правительство М.Мосаддыка вело нелегкую борьбу с Великобританией и США. Уже в августе 1951 года в сообщении советского посольства из Тегерана говорилось: «Мосаддык не оправдал надежд. Он до сих пор не смог да и вряд ли сможет добиться разрешения нефтяного вопроса, ради чего и пришел к власти... Правительство Мосаддыка падет и в том случае, если нефтяной вопрос будет разрешен, и в том случае, если он не будет разрешен» [44].

Весной 1952 года между И.Садчиковым и ближайшим сподвижником М.Мосаддыка аятоллой А.Кашани начались секретные переговоры по поводу советских закупок иранской нефти. 6 апреля 1952 года И.Садчиков встретился с Ш.Каземи - секретарем активного участника движения за национализацию нефтяной промышленности, позднее председателя иранского меджлиса А.Кашани. При этом Ш.Каземи сообщил министру иностранных дел Багиру Каземи ответы СССР по закупке иранской нефти. Кашани просил министра принять И.Садчикова и начать переговоры по продаже нефти Советскому Союзу. Б.Каземи ответил согласием. В то же время А.Кашани просил И.Садчикова при встрече с Б.Каземи подтвердить намерения СССР покупать иранскую нефть. А.Вышинский 11 апреля 1952 года информировал И.Сталина: «Кашани через своего секретаря передал И.Садчикову, чтобы в случае благополучного окончания переговоров о продаже нефти мы заверили иранское правительство, что эта покупка не будет использована как средство или повод к вмешательству во внутренние дела Ирана, и что если Иран в связи с продажей нам нефти

подвергнется внешнему нажиму, то мы не оставим его без поддержки и окажем ему необходимую финансовую помощь» [45].

После оценки этой информации из Тегерана, МИД СССР подготовил для Садчикова конспект его ответов на переговорах с Б.Каземи и направил их для утверждения в ЦК ВКП(б). В этом конспекте значилось: «Первое. Если министр иностранных дел Каземи поставит перед Вами вопрос о продаже Советскому Союзу нефти и нефтепродуктов, Вам следует дать ему ответ, аналогичный ответу, который Вы дали Кашани в соответствии с нашими указаниями в телеграмме №106 от 23 марта, заявив, что мы сочувствуем положению, в котором находится в настоящее время Иран, и готовы купить иранскую нефть, но мы хотели бы получить конкретные предложения: какая имеется в виду к продаже нефть – сырая или переработанная в нефтепродукты и в какие именно и т.д. Скажите также, что с нефтеналивным флотом мы испытываем затруднения.

По вопросу о финансовой помощи Вам следует руководствоваться ранее данными указаниями (телеграмма №74 от 9 марта), разъяснив, что этот вопрос связан с урегулированием взаимных финансовых претензий и что с советской стороны было сделано все возможное, чтобы договориться с иранским правительством по этому вопросу. Если соглашение до сих пор не состоялось, то не по вине советской стороны.

Второе. Если Каземи также затронет вопрос о заверении с нашей стороны, что закупка иранской нефти не будет использована для вмешательства во внутренние дела Ирана, то Вам следует категорически отвести обсуждение этого вопроса, заявив, что предложение о таком заверении лишено всякого основания [46].

Однако эти переговоры не дали реального результата..

Из-за бесплодности попыток вести переговоры с Советским Союзом, М.Мосаддык затем попытался получить помощь Америки в его борьбе против Англии. 21 апреля 1952 года был заключен договор о финансовой и военной помощи Ирану со стороны Америки. Советский Союз встретил это сообщение весьма негативно. После того, как 24 апреля 1952 года состоялся обмен письмами между премьер-министром М.Мосаддыком и послом США в Тегеране Л.Гендерсоном по поводу оказания американской помощи Ирану, А.Вышинский подготовил 13 мая обширную справку для И.Сталина, в которой отмечалось: «хотя в письмах Мосаддыка и Гендерсона прямо не говорится о военной помощи Соединенных Штатов Ирану», но из заявления министра путей сообщения Бушехри от 24 апреля и заявления заместителя госсекретаря США Макдермотта становится ясно, что «в обмене письмами между Мосаддыком и Гендерсоном речь шла об оказании Ирану военной помощи, с чем связано продолжение деятельности американских военных советников в Иране» [47].

20 мая 1952 года Политбюро утвердило текст ноты Советского Правительства Правительству Ирана. Текст гласил: «В связи с состоявшимися в конце апреля 1952 г. обменом письмами между Премьер-Министром Ирана г. Мосаддыком и Послом США в Иране г. Гендерсоном по вопросу об оказании Соединенными Штатами Америки так называемой помощи Ирану, Министерство Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик имеет честь сообщить Правительству Ирана следующее. Из указанного выше обмена письмами видно, что между Правительствами Ирана и США достигнуто соглашение об оказании Ирану Соединенными Штатами Америки военной и финансовой помощи, и что Правительство Ирана, в свою очередь, взяло на себя определенные обязательства военного и политического характера... Таким образом, в результате указанного выше обмена письмами и возобновления действия ирано-американского военного соглашения, Иранское Правительство ставит иранскую армию под контроль Правительства США. Тем самым иранская армия теряет характер национальной армии независимого, суверенного государства... Советское Правительство считает необходимым обратить внимание Иранского Правительства на то, что, соглашаясь на принятие так называемой американской помощи и в связи с этим беря на себя перед Соединенными Штатами определенные обязательства военного характера, Иранское Правительство фактически становится на путь содействия Правительству США в осуществлении его агрессивных планов, направленных против Советского Союза. Такого рода действия Иранского Правительства нельзя рассматривать иначе, как действия, несовместимые с положениями о добрососедских отношениях, поддержание и укрепление которых является обязанностью сторон, подписавших Советско-Иранских Договор от 26 февраля 1921 года» [48].

В ответной ноте от 2 июля 1952 года иранская сторона отмечала, что государство Иран, как член ООН, имеет обязательства наравне со всеми членами этой организации, но не брало на себя обязательств сверх того. Там же отмечалось, что правительство Мосаддыка не допускало действий, противоречащих договору от 26 февраля 1921 года, и не исповедует иной политики, кроме политики нейтралитета [49].

Впоследствии тудеисты признавали, что М.Мосаддык протянул руку США желая облегчить нужды народа. По их мнению, «Советский Союз отказался в этот ответственный момент передать ему 11 тонн золота». Это не столько поддержало бы бюджет, сколько явилось бы моральной поддержкой, и усилило бы симпатии к СССР. Однако, Советское правительство передало это золото не М.Мосаддыку, а следующему за ним правительству Ф.Захиди. В 1956 году М.Фируз писал: «при наличии той симпатии, которую доктор Мосаддык питал в отношении Америки, он уклонялся от выполнения их указаний, и даже в последний период его

правления удалил из своего кабинета американского посла, поскольку тот вмешивался в иранские дела. В результате он больше склонялся к самостоятельной политике» [50].

Когда британское правительство пыталось вынести вопрос об иранской нефти на обсуждение в Совете Безопасности ООН, правительство Мосаддыка решило выяснить мнение Советского Союза как постоянного члена Совета Безопасности и попытаться использовать его авторитет. С этой целью посол Ирана в СССР Надир Арасте 2 октября 1951 года встретился с заместителем министра иностранных дел СССР А. Богомоловым, который сообщил, что «заместитель делегата СССР в Совете Безопасности Царапкин выступил против включения в повестку дня Совета Безопасности обсуждение английской жалобы на иранское правительство по вопросу об Англо-Иранской нефтяной компании, мотивируя свою позицию тем, что рассмотрение этого вопроса Советом Безопасности явится вмешательством во внутренние дела Ирана» [51].

5 октября, во время повторной встречи, посол Арасте заявил, что он получил телеграфное указание выразить советскому правительству искреннюю благодарность иранского правительства и иранского народа за позицию СССР при обсуждении вопроса о включении английских претензий в повестку дня Совета Безопасности [52].

24 октября, встретившись с заместителем министра иностранных дел А. Вышинским, Н. Арасте заявил, что «он уполномочен МИДом Ирана от имени правительства и народа Ирана выразить благодарность правительству СССР за горячую поддержку и защиту законных прав Ирана советской делегацией при обсуждении в Совете Безопасности жалобы Англии в связи с национализацией нефтяной промышленности в Иране» [53].

Летом 1952 года Международный суд в Гааге приступил к рассмотрению британских lamentаций. И правительство Мосаддыка вновь обратилось за помощью к МИД СССР. Посол Арасте сообщил В. Зорину: «9 июня с.г. в Международном суде в Гааге начнется рассмотрение жалобы английского правительства на Иран по нефтяному вопросу. В связи с этим иранское правительство выражает беспокойство по поводу того, что член Международного суда от Советского Союза Голунский еще не прибыл в Гаагу и, по сведениям, поступившим в Тегеран, не известно, будет ли он участвовать в заседании суда по этому вопросу» [54]. В. Зорин ответил, что Голунский, к сожалению, болен, и не известно, сможет ли он приехать в Гаагу. Арасте заявил, что иранское правительство уполномочило его просить МИД СССР о том, чтобы были приняты все меры для обеспечения присутствия советского представителя в Суде. Выразив сожаление по поводу болезни Голунского и пожелав ему скорейшего выздоровления, посол вновь подчеркнул, что присутствие

советского представителя в Гааге совершенно необходимо. «Если нужно, - сказал он, - мы будем молиться за его выздоровление». В ответ В.Зорин весьма обтекаемо заявил, что позиция СССР в вопросе о борьбе иранского народа за нефть хорошо известна иранскому правительству. «Мы сочувствуем борьбе, которую ведет иранский народ, и считаем позицию Англии в этом вопросе несправедливой и незаконной» [55].

После того как 22 октября 1952 года были прерваны дипломатические отношения между Великобританией и Ираном, советская сторона стала серьезно опасаться усиления американского влияния в Иране. Поэтому во время встречи с иранским послом 29 ноября того же года заместитель министра иностранных дел Я.Малик отметил: «Когда дело идет об Иране, то США и Англия действуют сообща» [56]. Чтобы успокоить Советы, Н.Арасте решительно заявил: «Иран освободился от англичан не для того, чтобы подчиниться американцам» [57].

Осенью 1952 года МИД СССР по указанию В.Молотова подготовил директивы для советского посла в Тегеране. В директивах указывалось:

«1. Внимательно следить за положением в Иране и своевременно информировать МИД СССР по следующим основным вопросам:

а) Развитие национально-освободительного движения в стране, в частности, движения за национализацию нефтяной промышленности Ирана и ликвидацию АИНК.

б) Позиция так наз. «Национального Фронта» и др. политических партий и группировок Ирана по основным вопросам внешней и внутренней политики Ирана; разногласия внутри «Национального Фронта», в частности, между Мосаддыком и Кашани; планы и намерения правительства Мосаддыка по вопросу о нефти.

в) Позиция правящих кругов Ирана в отношении Советского Союза и, в частности, по вопросу о дальнейшей деятельности компании «Иран рыба».

г) Планы США и Англии в Иране, направленные на вовлечение Ирана во враждебный Советскому Союзу блок и на превращение его в военный плацдарм против СССР.

д) Противоречия между США и Англией в Иране.

2. По приезде в Тегеран Совпослу следует нанести протокольный визит Кашани, как председателю межджлиса, после нанесения визитов Мосаддыку и новому министру иностранных дел Фатеми.

3. Посольство в своей работе не должно предпринимать таких действий, которые могли бы быть истолкованы как поддержка Советским Союзом Кашани против Мосаддыка. Посольство должно проявлять большую осторожность в отношении посредников при осуществлении связей с Мосаддыком, Кашани и другими государственными деятелями

Ирана, имея в виду возможность подсылки к посольству замаскированных агентов враждебных Советскому Союзу государств.

4. Если Мосаддык или Кашани вновь поставят вопрос о покупке Советским Союзом иранской нефти, то на это следует ответить, что мы согласны покупать нефть у Ирана. Однако, учитывая трудности с перевозкой нефти из Персидского залива, было бы желательно, чтобы иранская нефть, предназначенная для продажи Советскому Союзу, доставлялась в иранские порты на Каспийском море» [58].

Для уяснения отношения Советов к Мосаддыку особый интерес представляют отчеты посла И.Садчикова о его переговорах с иранским премьером и членами его кабинета [59].

В первые дни 1953 года министр иностранных дел Хосейн Фатеми, принимая Садчикова, признал, что во времена Реза шаха преследовались симпатизировавшие Советскому Союзу люди. «Но теперь положение изменилось. К власти пришло правительство Мосаддыка, которое искренне и на деле является сторонником укрепления и развития дружественных отношений Ирана с Советским Союзом. Правительство Мосаддыка стремится к тому, чтобы советско-иранские отношения все время расширялись и улучшались, и не на словах, а на деле, практически, так как это соответствует желаниям и интересам обоих народов» [60]. В заключение он заявил «о желательности разрешения некоторых вопросов советско-иранских отношений, которые остаются до сих пор неурегулированными, дабы эти вопросы не усложняли отношений между нашими странами, а главное, не давали бы возможности противникам сближения Ирана с СССР использовать это в своих интересах» [61].

В разгар напряженности в Иране Арасте по поручению Мосаддыка выразил благодарность В.Молотову за сделанное им 18 июля заявление об урегулировании вопросов советско-иранских отношений. При этом Арасте отметил, что «иранское правительство готово вести переговоры по вопросам, изложенным в заявлении советского правительства». Иранский дипломат добавил при этом, что иранское правительство предлагает вести эти переговоры в Тегеране, начав их в удобное для советской стороны время, и будет ожидать ответ советского правительства на это предложение [62].

Встревоженное усилением влияния Запада, советское руководство летом 1951 года рекомендовало своему послу обсудить с иранским премьером вопрос о нейтралитете Ирана. Конкретно указывалось: «Вам необходимо для встречи с Размара в ближайшие дни найти подходящий повод – лучше всего из области вопросов, связанных с нашими торговыми переговорами с Ираном. В случае, если во время этой встречи Размара продолжит беседу по поводу нейтралитета, вы должны сказать Размара, что, по вашему мнению, предложение о нейтралитете Ирана встретит в

Москве положительное решение. В процессе дальнейшей беседы поинтересуйтесь, имеет ли Размара по этому вопросу конкретные предложения, и при положительном ответе скажите, что вы готовы ознакомиться с этими предложениями, с тем чтобы определить свое к ним отношение».

В послании особо отмечалось: «Вы должны так построить беседу по этому вопросу, чтобы у Размара не создалось впечатления о какой-либо нашей особой заинтересованности в данном вопросе» [63].

Вместе с тем следует отметить, что М. Мосаддык проявлял большую осторожность во взаимоотношениях с СССР. Его противники внутри страны вкупе с Англией и США только ждали повода, чтобы обвинить его в сотрудничестве с коммунистами. Раскрытые в 2000 году секретные материалы ЦРУ, касающиеся августовских событий 1953 года, свидетельствуют, что ЦРУ формировало отдельные группы иранцев, находящихся вне каких-либо партий, которые выступали в защиту Мосаддыка, выдавая себя за членов партии «Туде». Это позволяло обвинить Мосаддыка в сотрудничестве с коммунистами и создать ему отрицательный имидж в обществе [64].

Наконец, в полном соответствии с планом спецслужб США и Англии, 19 августа 1953 года правительство М. Мосаддыка было насильно смещено. После осени 1946 года позиции США и западных стран в Иране вторично укрепились. И такое положение длилось вплоть до свержения режима Пехлеви в 1979 году.

Следует отметить, что партия Туде не была активным участником событий 1953 года в Иране. Скопившиеся в Москве лидеры Народной партии запоздало реагировали не только на иранские, но и на другие события международной жизни. Например, 5 марта 1953 года, уже после смерти вождя, руководство Туде направило И. Сталину в Кремль телеграмму с пожеланием выздоровления и выражением любви иранского народа. В телеграмме значилось: «Болезнь любимого товарища Сталина – величайшее несчастье не только для советского народа, но и для всего прогрессивного человечества, для которого Сталин – сияющий символ лучших надежд, великий защитник мира, мудрый учитель и родной вождь. В эти тяжелые часы мы, члены Центрального Комитета Народной партии Ирана, от имени ЦК нашей партии, всех ее членов и всего иранского народа от всего сердца выражаем беспредельную веру, безграничную преданность и горячую любовь отцу и гениальному вождю и еще раз заверяем о своей глубочайшей и нерушимой солидарности с партией Ленина-Сталина.

Всей душой желаем, чтобы горячо любимый Иосиф Виссарионович преодолел болезнь на счастье и радость всех народов мира и его

драгоценная жизнь, являющаяся неисчерпаемым источником ума и счастья, продолжалась еще долгие долгие годы» [65].

Наше повествование об одном из самых драматичных периодов новой истории Ирана будет неполным, если не сказать хотя бы несколько слов о дальнейшей судьбе Азербайджанской Демократической партии, ее лидеров и о взаимоотношениях АДП с Народной партией Ирана в новых условиях.

Лидером, идейным руководителем и символом борьбы движения «21 Азера», безусловно, был С.Дж.Пишевари. Своим талантом, личными качествами, организаторскими способностями, любовью к Родине и преданностью народу он оставил неизгладимый след в истории Азербайджана. Незабываем его титанический труд в качестве руководителя Национального правительства и Азербайджанской демократической партии. Да, Пишевари располагал помощью Советского Союза, но он использовал ее, чтобы осуществить мечты азербайджанского народа о свободе Южного Азербайджана. Вместе с тем он был одним из первых политических деятелей послевоенной поры, осмелившихся открыто критиковать советское руководство, особенно после разгрома движения «21 Азера». В течение нескольких месяцев эмиграции в Баку он неоднократно напоминал советским руководителям самого высокого ранга об их прежних обещаниях. Такая критика вкупе с компроматом на Пишевари, поступившем по дипломатическим каналам из Тегерана и Тебриза, дорого обошлась азербайджанскому демократу. Чтобы его успокоить, в мае 1947 года был создан специальный секретный комитет, якобы готовивший отряды федаинов для засылки в Южный Азербайджан [66]. Отобранные этим комитетом федаины были сконцентрированы в двух пунктах – Шеки и Гаджикенте. Последнее подготовительное заседание этого комитета состоялось 23 июня 1947 года [67]. Было решено, что накануне отправки спешно созданных отрядов в Иран Пишевари встретится с ними и даст последние наставления. Вечером 3 июля близ города Гянджа, на 14-м километре трассы Евлах – Гянджа, его автомобиль попал в аварию, и через несколько часов С.Дж.Пишевари скончался в евлахской центральной районной больнице. Можно вспомнить немало случаев в послевоенной истории СССР, когда в автокатастрофах гибли известные люди, политические деятели. Например, длительное время возглавлявший Наркомат иностранных дел М.Литвинов по дороге на дачу «не вписался в крутой поворот», генеральный консул Апресов, пытавшийся советизировать Уремчи, разбился во время отпуска на горной дороге в Абхазии, при загадочных обстоятельствах погиб знаменитый актер С.Михоэлс, не оправдавший доверия советского руководства [68].

С.Дж.Пишевари не разрешили хоронить в Баку. Его тело без лишнего шума предали земле на его даче в Бузовна. Запретили даже установить надгробный камень - посадили на могиле цветы, чтобы скрыть

захоронение... Только после обращения Азербайджанской Демократической партии в марте 1960 года прах Пишевари был перезахоронен в Аллее почетного захоронения в Баку [69].

Получив известие о гибели Пишевари, сотрудники Комитета государственной безопасности Азербайджанской ССР произвели обыск в его кабинете, находившемся в помещении Союза писателей, и конфисковали все рукописи. Среди бумаг была и рукопись двухтомной «Истории демократического движения в Иранском Азербайджане», второй том которой остался незавершенным. На обоих томах имеется резолюция ответработника КГБ о том, что он ознакомился с текстом рукописи [70].

Осторожные сомнения в трагической «случайности» смерти Пишевари высказываются лишь в одном документе, направленном руководством ЦК КП Азербайджана в Москву. В этом пятистраничном послании секретарю ЦК КПСС М.Суслову от 16 августа 1954 года первый секретарь ЦК КП Азербайджана И.Мустафаев, характеризуя положение в Азербайджанской Демократической партии, пишет: «После смерти основателя АДП Пишевари, погибшего во время автомобильной катастрофы, совершившейся при весьма сомнительных обстоятельствах 3 июля 1947 года в районе города Евлах Азербайджанской ССР, для ведения политической и организационной работы среди демократов в конце 1947 года в Баку, с разрешения ЦК КПСС, был создан Комитет Азербайджанской Демократической партии» [71].

Это единственная фраза в переписке высокопоставленных партийных руководителей, где упоминаются подозрительные обстоятельства смерти Пишевари. Однако обращающая внимание на все мелочи Москва на сей раз предпочла не заметить эту достаточно смелую реплику И.Мустафаева.

В апреле 1956 года в Баку на судебном процессе М.Дж.Багирова всплыл и вопрос о гибели Пишевари. В качестве свидетеля был, в частности, допрошен председатель Евлахского районного отделения КГБ Л.Салахов, находившийся рядом с Пишевари в его последние минуты. Причастность Багирова к этой трагедии установлена не была, а так как нити теракта, вне сомнения, вели в Москву, дело замяли. Однако ответработник МГБ Азербайджанской ССР, занимавшийся расследованием причин гибели Пишевари, во время служебной командировки в Москву погиб там при невыясненных обстоятельствах.

Даже после смерти Пишевари нападки на него и его партию не прекратились. В 1950 году М.И.Иванов в своей диссертации, посвященной деятельности Иранской Коммунистической партии и защищенной в Академии общественных наук при ЦК КПСС, назвал Джавадзаде (Пишевари) врагом своего Отечества. Еще при жизни Сталина в письме на имя Г.М.Маленкова М.Дж.Багиров резко возражал против подобной постановки вопроса. Он писал, что имя Пишевари широко известно и

почитаемо в Иране и называющие его врагом могут сослужить неплохую службу для иранской реакции. Багиров считал, что подобные выпады имеют определенную цель и утверждал, что вся клеветническая кампания вокруг имени Пишевари идет с подачи партии «Туде». Он пишет: «Проводя контрреволюционную, провокаторскую деятельность, эти предатели не случайно, а совершенно преднамеренно пытались оклеветать и дискредитировать активных деятелей революционного движения в Иране, в особенности бросить тень на политическую репутацию и скомпрометировать Пишевари, омрачить светлую память о нем, живущую среди широких народных масс, с тем чтобы легче осуществить свои гнусные замыслы и цели» [72].

Не лучшим образом сложилась судьба и других соратников Пишевари, оказавшихся в Стране Советов. Политическая система, с которой они столкнулись здесь, была далека от того идеала, который им грезился по ту сторону Аракса. Свидетельством тому могут служить злоключения одного из лидеров АДП – Бирии, восстановленные по материалам официальной справки, направленной в ЦК КП Азербайджана прокурором республики и председателем КГБ при Совмине Азербайджана.

После поражения демократического движения в Южном Азербайджане в марте 1947 года с помощью органов МГБ был нелегально вывезен на самолете из Ирана в Советский Союз поэт Багир-заде (Бирия) Мамед Гулам оглу, 1914 года рождения, уроженец гор. Тебриз.

При наступлении войск центрального правительства Ирана на Южный Азербайджан и выезде некоторых руководителей Азербайджанского Демократического правительства в Советский Союз, Багир-заде был оставлен в Тебризе в качестве председателя подпольного ЦК Демократической партии. Однако в связи с жестокими гонениями на демократические элементы со стороны иранских властей ему пришлось скрыться в советской больнице в г. Тебризе, а в марте 1947 года он был переправлен в СССР.

По прибытии в гор. Баку Багир-заде был зачислен на учебу в Республиканскую партийную школу, но в конце 1947 года стал предпринимать меры к выезду в Иран, мотивируя это желанием вернуться к семье. Несмотря на сделанное предупреждение, Багир-заде 27 декабря 1947 года посетил иранского консула в Баку, которому вручил официальное заявление с просьбой обеспечить его национальным паспортом и визой для выезда в Иран. В связи с этим Багир-заде был задержан МГБ Азербайджанской ССР и находился под официальным надзором, а 11 августа 1948 года арестован и привлечен к уголовной ответственности по ст. 68 ч. I УК Азербайджанской ССР (за шпионаж).

Материалов, подтверждающих принадлежность Багир-заде к шпионской деятельности в пользу иностранной разведки, в процессе

следствия не было добыто. Тем не менее он был осужден решением от 27 ноября 1948 года Особого совещания МГБ СССР на 10 лет и направлен в ИТЛ для отбытия наказания.

Находясь в лагере, 31 декабря 1950 года Багир-заде был вторично осужден лагерным судом за проведение антисоветской агитации среди заключенных по ст. 58-10 ч. I УК РСФСР к 10 годам с погашением первого срока, а 23 августа 1951 года лагерным судом ИТЛ «Р» МВД был в третий раз осужден по ст. 74 ч. I УК РСФСР (хулиганские действия) на один год тюремного заключения с присоединением к неотбытому сроку наказания. Таким образом, Багир-заде должен был отбывать наказание до 23 августа 1961 года.

На основании решения межведомственной комиссии Верховного Совета СССР от 14 сентября 1956 года Багир-заде был досрочно освобожден из заключения для выезда на избранное место жительства, и, поскольку он изъявил желание выехать в Иран, содержался в сборном пункте на станции Потьма до получения разрешения на выезд за границу.

Узнав о предстоящем освобождении Багир-заде, ЦК Азербайджанской Демократической партии 29 сентября 1956 года возбудил ходатайство перед ЦК КП Азербайджана о принятии необходимых мер, чтобы не допустить выезд Багир-заде в Иран и создать ему необходимые условия для нормальной жизни и творческой деятельности в Союзе.

Несмотря на это Багир-заде самовольно выехал в Москву и пытался посетить иранское посольство с целью получения разрешения на выезд. В результате принятых КГБ мер посещение Багир-заде иранского посольства было предотвращено, и он в сопровождении оперативного работника был отправлен обратно в Баку, где поселился в отведенной для него квартире по улице Низами, 37, обставленной необходимой мебелью.

18 января 1957 года Багир-заде отправил в ЦК КП Азербайджана, Совет Министров и президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР письмо откровенно антисоветского характера. В этом письме он, в частности, требует закрыть школы марксизма-ленинизма; убрать памятники К.Маркса, Ф.Энгельса, Ленина и Сталина; изгнать из Азербайджана армян; открыть границы; создать все условия для свободы религии, использовать для этого специальные газеты и радиожурналы и т.д.

Как стало известно через многие годы, о поведении и мыслях Багир-заде докладывалось в отдел ЦК КПСС, руководимый Понамаревым, руководству КГБ при Совете Министров Союза ССР и в Прокуратуру СССР.

При обыске у Багир-заде было обнаружено и изъято несколько стихотворений антисоветского, националистического содержания. Так, например, в одном из стихов поэт высказывает свое резко отрицательное

отношение к марксизму-ленинизму, претензиям и проискам армян, одному из руководителей Компартии и правительства СССР. При этом он превозносит иранского шаха, заявляя о своей готовности служить ему всю жизнь.

Учитывая изложенное, дальнейшее нахождение Багир-заде (Бирия) Мамеда Гулам оглу на свободе органы госбезопасности и прокуратура сочли нецелесообразным [73].

Истинному демократу одинаково враждебны и коммунистическая диктатура, и теократия. Вернувшийся уже в 1980 году в Тебриз Бирия немедленно попал в тюрьму, откуда вышел лишь перед самой смертью. Таким образом, этот пламенный революционер и борец за свободу в общей сложности 33 года провел в неволе - сначала по одну, а затем по другую сторону Аракса.

15 декабря 1950 года из хорошо охраняемой центральной тегеранской тюрьмы «Касре Каджар» был устроен побег 10 руководителей Иранской Народной партии - «Туде» [74]. Первое, что сделали бежавшие, прибыв в Москву, это развернули борьбу против АДП. Члены ЦК Иранской Народной партии доктор Р.Радманеш, Э.Табари, Р.Руст, Ф.Касеми, Г.Фрутан в своем письме в ЦК КПСС требовали запретить АДП. Аргументировали это они вот чем: «Если не существует благоприятных условий для освобождения одной из иранских наций отдельно от других наций из-под ига империализма и иранской реакции, то в обычных условиях борьбы, согласно известному марксистскому положению о необходимости не делить пролетарское движение в одной стране по национальным признакам. Организованное единство партии в Иране намного облегчит антиимпериалистическую и антифеодальную борьбу народов...» [75]. Председатель комиссии ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями В.Григорьян в декабре 1952 года переправил письма лидеров «Туде» Багирову. М.Дж.Багиров был возмущен этими посланиями и в письме на имя Г.М.Маленкова подверг резкой критике предвзятую позицию руководителей Иранской Народной партии: «Независимо от всего отношение народников к демократическому движению в Иранском Азербайджане с самого начала было и остается отрицательным. Еще в начале создания Демократической партии в Иранском Азербайджане, в 1945 году, ЦК Народной партии Ирана был категорически против нее и занимал весьма недоброжелательную позицию, если не сказать больше, так как опасался, что Иранский Азербайджан может отойти к Советскому Союзу» [76]. Багиров доводил до сведения советского руководства, что у азербайджанских спецслужб есть достаточно компромата на лидеров «Туде». Он писал: «Наши подозрения в отношении некоторых руководителей Народной партии Ирана укрепились после известного «побега» 15 декабря 1950 года из тегеранской

центральной тюрьмы «Касре Каджар» десяти руководящих работников Народной партии Ирана. Учитывая, что вся армия, вся полиция, вся иранская разведка и чиновники фактически находятся в руках у американцев и англичан, «побег» этот, нам кажется, был организован американско-английской разведкой» [77].

Спустя две недели после отставки М.Дж.Багирова с поста первого секретаря ЦК КП Азербайджана, 31 июля ЦК КПСС отдало распоряжение приостановить нелегальное радиовещание на Иран с территории Азербайджанской ССР [78]. Однако, несмотря на многочисленные письма лидеров «Туде» с требованием ликвидировать АДП, эта партия была сохранена.

Не оставляя попыток сохранить за собой пальму первенства, Иранская Народная партия 30 ноября 1954 года вновь обратилась в ЦК КПСС с предложением присоединить АДП к партии «Туде». Но и эта попытка закончилась безуспешно. В «Справке об АДП и о положении политэмигрантов из Ирана, проживающих на территории Азербайджанской ССР» за подписью первого секретаря ЦК КП Азербайджана, подготовленной в августе 1956 года [79], сказано: «ЦК КП Азербайджана после изучения и обсуждения предложения членов ЦК Народной партии Ирана высказался против организационного слияния этих партий, доложив свои соображения по этому вопросу ЦК КПСС письмом №30-сс от 22 января 1955 г. ЦК КП Азербайджана и в настоящее время считает целесообразным сохранить самостоятельность АДП по следующим соображениям: во-первых, АДП полностью сумела сплотить под свое знамя прогрессивные силы Южного Азербайджана и однажды завоевала политическую свободу, осуществила ряд реформ в духе чаяний населения Южного Азербайджана, имеет глубокие корни в народе Южного Азербайджана и завоевала огромную симпатию трудящихся всего Ирана. Несмотря на неслыханные жестокости, чинимые иранскими властями, в результате которых демократы понесли и несут большие жертвы, народы Южного Азербайджана крепко связали свою судьбу с этой партией, готовы и впредь при наступлении подходящих исторических условий подняться на борьбу под руководством этой партии за свою свободу и национальную независимость. Во-вторых, проводимая правящими кругами Ирана политика насильственной фарсизации, отрицание ими самого существования азербайджанского народа, его языка, культуры и обычаев, проповедь о том, что «Азербайджан является неотъемлемой частью Ирана», а также учинение иранским правительством на протяжении столетий и особенно в последние пятьдесят лет бесчеловечных расправ над лучшими представителями освободительного движения народов Южного Азербайджана, жертвой которой пали народные герои Саттархан, Багирхан и другие, вызывает у народа Южного

Азербайджана глубокою ненавистью к правящим кругам Ирана, подчинивших интересы страны господству империалистов...

ЦК КП Азербайджана считает необходимым доложить ЦК КПСС и о том, что находящиеся в Москве члены ЦК Народной партии Ирана после получения отрицательного ответа руководителей АДП на свои предложения о слиянии трех партий стали различными путями вести разложеческую работу среди неустойчивых членов АДП. Через своих людей они распространяли слухи о якобы состоявшемся решении секретариата ЦК КПСС по вопросу слияния демократических партий Ирана [80].

В последующий период руководство Азербайджана не только хотело сохранить самостоятельность АДП, но и для оживления работы в Иране «где имеется пятимиллионное азербайджанское население, рассмотреть вопрос об учреждении при посольстве СССР (в Тегеране – Дж.Г.) должности советника по азербайджанским делам. Вопрос подняли перед руководством. И.Мустафаев и председатель Совета Министров республики В.Ахундов, комментируя свое решение, писали 9 декабря 1958 года: «Народная партия Ирана, которая в свою программу отказывается включить ленинское положение о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, едва ли может успешно развернуть среди азербайджанских патриотов революционную работу. Поэтому было бы целесообразным наладить связь ЦК АДП, находящийся в эмиграции, с патриотическими силами в Иранском Азербайджане. Поскольку в настоящее время в Иранском Азербайджане советские консульские органы не функционируют, то наличие направленного из Азербайджанской ССР специального работника в Посольстве могло бы в какой-то мере восполнить этот пробел и оказывать влияние на рост антиимпериалистических, демократических сил в Иранском Азербайджане. Мы тем самым могли бы укрепить позиции сочувствующих нам патриотов в Иранском Азербайджане и в нужный момент их использовать в Иране в качестве сил сопротивления проискам империализма и иранской реакции» [81].

Несмотря на всяческое противодействие АДП и руководства Советского Азербайджана, под давлением ЦК КПСС в августе 1960 года Демократическая партия, с сохранением своего названия и своего ЦК, вошла в состав Иранской Народной партии (ИНП). Однако это слияние не только не положило конец интригам внутри «Туде» и противоречиям с АДП, но, напротив, неимоверно ослабило партию, особенно накануне больших событий 70-х годов. Прибывший в 1974 году с визитом в Баку первый секретарь ЦК ИНП Иредж Искендери требовал от первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г.Алиева запретить Азербайджанскую Демократическую партию. На вопрос о причине столь неожиданной

просьбы, Искендери заявил: «Пусть в Иране узнают, что отныне АДП больше не существует». Азербайджанское руководство твердо настояло на сохранении Демократической партии. Г.Алиев справедливо считал, что АДП должна действовать в Иране под своим именем - это привлечет к партии многих [82].

Когда в 1978-1979 годах в Иране развернулась Исламская революция, выяснилось, что партия «Туде» этого абсолютно не ожидала и потому не была готова к такому повороту событий. Склоки и взаимные претензии между руководителями партии, центральный комитет которой располагался в г. Лейпциге (ГДР), удалось затушить только вмешательством ЦК КПСС. По рекомендации заведующего международным отделом ЦК КПСС В.Загладина секретарь ЦК ИНП Н.Киянури 6 января 1979 года прибыл в Баку, чтобы заручиться поддержкой руководства Советского Азербайджана и лидеров АДП в борьбе за пост генерального секретаря своей партии. В тот же день он обсудил с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Г.Алиевым положение в Иране и разброд мнений внутри партии «Туде». На первом этапе революции Н.Киянури отдавал предпочтение объединению тудеистов с Хомейни против шаха и США. ЦК КПСС поддерживал эту идею. На переговорах в Баку руководству АДП было рекомендовано на предстоящем пленуме ЦК ИНП поддержать кандидатуру Н.Киянури [83].

Советское руководство также поначалу считало, что для борьбы с шахским режимом и американским влиянием тудеисты должны сотрудничать с Хомейни, а все происходящее у южного соседа на руку СССР: «В настоящее время в Иране нет более популярного человека, чем Хомейни. Ему верят, с его портретом люди идут на смерть. Надо же понимать, что он борется не только против трона, но и против присутствия в стране американцев» [84].

Н.Киянури и его единомышленники полагали, что у Хомейни и в мыслях нет стать президентом, он останется духовным лидером, и в то же время надеялись, что он улучшит отношения с СССР. За несколько дней до прибытия Хомейни в Иран Киянури заявлял: «В целом Хомейни не ставит СССР на одну доску с США. Известно, что аятолла Талабани, аятолла Гоми и другие религиозные деятели очень конкретно высказались о Советском Союзе. Гоми, например, недавно заявил: «СССР в течение длительного времени не сделал Ирану ничего плохого. Мы считаем Советский Союз потенциальным союзником в борьбе с шахом» [85].

13 января, через неделю после бакинского вояжа Киянури, на заседании исполкома ЦК ИНП в Лейпциге по предложению председателя ЦК АДП Гулам Яхьи Данешьяна Н.Киянури был избран первым секретарем партии «Туде». XVI пленум ЦК ИНП, прошедший при активном участии советского посла в ГДР Абрасимова, завершил

организационные вопросы 27-28 февраля 1979 года и утвердил Н.Киянури на этом посту [86]. Пленум постановил обратиться к Хомейни, Базаргани и Санджабия с просьбой разрешить деятельность партии «Туде» в Иране. Дальнейший ход событий показал иллюзорность и даже абсурдность не только идеи сотрудничества с Хомейни, но и политической позиции ИНП в целом.

Спустя несколько месяцев после иранской февральской революции пришлось признать, что идеи «Туде» себя не оправдали. В июне и октябре 1979 года заведующий сектором международного отдела ЦК КПСС Н.Н.Симоненко, первый секретарь ЦК АДП А.Лахруди, секретари ЦК ИНП А.Ибрагими, Г.Сафари, встретившись в Москве, пришли к выводу: «Народная партия Ирана «Туде» в результате осуществляемой политики безоговорочной поддержки Хомейни попала в положение самоизоляции. От нее отвернулись практически все левые и демократические организации, ныне подвергающие «Туде» резкой критике. Религиозные лидеры, со своей стороны, полностью игнорируют «Туде» и, несмотря на неоднократные попытки Киянури связаться с ними, отвергают какие-либо контакты с ним» [87]. На этой же встрече Н.Симоненко посоветовал А.Лахруди приостановить процесс обращений в генконсульство Ирана с просьбами вернуться на родину. Симоненко констатировал: «По всему видно, что массовой репатриации в Иран не будет» [88]. К тому же в те дни многие оценивали режим правления Хомейни как временный, а значит, возвращение эмигрантов в страну как бы просто отсрочивается.

Не лучшим образом сложилась и судьба АДП. С начала февральской революции 1979 года в ЦК КПСС поступила информация, что в Азербайджане проживают около 19 тысяч иранских эмигрантов – членов и кандидатов в члены АДП, готовых легально и нелегально работать в Иране [89]. 29 марта 1979 года на пленуме были подтверждены последние решения «Туде». На следующий день Генконсульству Ирана в Баку было сообщено о желании 4300 политэмигрантов голосовать за исламскую республику. 31 марта членов исполнительного бюро ЦК АДП принял первый секретарь ЦК КП Азербайджана, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Г.Алиев. На встрече была всесторонне обсуждена ситуация в Иране. По поводу азербайджанского вопроса Г.Алиев сказал: «Здесь был затронут национальный вопрос, высказаны соображения об автономии Иранского Азербайджана... Важно, что процесс национального пробуждения в Иранском Азербайджане начался... После подавления национально-демократического движения в 1946 году шах Ирана провел в Иранском Азербайджане большую работу, укрепил этот район наиболее преданными ему работниками охраны САВАК. Поэтому народ не мог действовать, он был напуган, ибо не раз обжигался на волнах революционных выступлений. Мне лично кажется, что азербайджанский народ еще не

пробудился, он выжидает. Выступая в Тавризе (Тебриз – Дж.Г.), Базаргани признал, что он плохой азербайджанец: не знает родного языка. Разве это главное? Важно чувствовать свою принадлежность к народу, хранить национальную душу... С другой стороны, может быть, и хорошо, что в Иранском Азербайджане пока нет движения за автономию. Надо иметь в виду, что, подобно шаху, Хомейни и Базаргани боятся выступлений азербайджанцев. Поэтому сегодня нам нельзя их отпугивать, надо решать более близкие задачи... Путем выступлений в печати, работы среди населения необходимо продемонстрировать, что и Азербайджан хочет иметь школы на родном языке, развивать свою самобытную культуру...

Я лично считаю, что Иран мог бы развиваться как федеративное государство. Слова Телагани о том, что в течение 2500 лет азербайджанский народ был лишен своего родного языка, позволяют надеяться, что Хомейни учтет стремление людей к национальной самостоятельности» [90].

После того, как исламская революция не оправдала надежд, Советы поставили на обсуждение вопрос об усилении и даже вооружении Иранской Народной партии. Сторонник курса на сотрудничество с Хомейни Н.Киянури 1 августа 1979 года направил письмо в ЦК КПСС, в котором поставил вопрос о вооружении тудеистов. Он отметил, что в Иране растет внутренняя напряженность, и в будущем возникнет вооруженное противостояние между сторонниками демократических реформ и контрреволюцией. В этом случае при определенных условиях может разразиться гражданская война. Партия Туде серьезно готовится к этому. «Мы достали небольшое количество оружия. Мы считаем, что нам нужно принять меры для создания более значительных запасов вооружения» На основании этого обращения, 30 августа Секретариат ЦК КПСС поручил КГБ СССР и Генштабу Советской Армии (Ю.Андропову, Д.Устинову, Б.Пономареву) изучить возможность передачи тудеистам зарубежных образцов оружия. 6 июля 1980 года вышеуказанные организации обсудили этот вопрос при участии Н.Киянури. При том, что Н.Киянури предложил ряд вариантов доставки оружия по воздуху, по морю и сухопутным путем через афгано-иранскую границу, выяснилось, что партия Туде не готова обеспечить безопасность приема и размещения оружия. Ю.Андропов и Б.Пономарев писали в ЦК КПСС: «Учитывая острый политический характер вопроса, обстановку в стране и положение самой НПИ и левых сил в целом, полагали бы возможным дополнительно изучить просьбу Киянури и вернуться к ее рассмотрению несколько позже...» [91].

С тех пор в Иране многое изменилось. Исламская революция 1978-79 гг. сдала режим Пехлеви в архив истории. Но надежды на то, что Иранская исламская революция решит вопрос о национальных правах народов

Ирана, не оправдалась, а потому серьезная и крайне болезненная проблема - судьба азербайджанского народа в Иране – продолжает оставаться актуальной и ждать разумного, удовлетворяющего стороны разрешения.

ИСТОЧНИКИ

ГЛАВА I

1. О прохождении линии государственной границы между Россией, а затем СССР и Ираном за период с 1723 г. до настоящего времени. НКВД СССР, 16.07.1940 г. - Центральный Государственный Архив Азербайджанской Республики (ЦГА АР), фонд 28, опись 4, дело 2, лист 135
2. Картотека промышленных предприятий и электростанций Северного Ирана. 1940 г. – ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.6а, л.1-206
3. Указание Наркома НКВД Н.И.Ежова об арестах и выдворении иранских граждан из Азербайджана. 18.01.1938 г. – Российский Государственный Архив Новейшей истории (РГАНИ), ф.6, оп.13, д.4, л.15; Постановление ЦК ВКП(б) о принятии советского подданства подданными Ирана с приложением справки о наличии иранцев в Азербайджане. 19.01.1938 г. – Российский Государственный Архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф.17, оп.162, д.22, л.105; д.25, л.104; Сталинские депортации. 1928-1953. Под общ.ред. акад. А.Н.Яковлева – М.: 2005. с.99-101
4. Военно-географическое описание Иранского Азербайджана. – Москва, 1940 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.71, д.212, л.5
5. Техничко-экономический обзор по Южному Азербайджану. Январь, 1941 г. - Центральный Государственный Архив Политических Партий и Общественных Движений Азербайджанской Республики (ЦГАППОД АР), фонд 1, опись 89, дело 23, лист 2-216
6. М.Дж.Багиров – Сталину. Краткая справка о Южном Азербайджане. 05.03.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.18, л.33
7. Резервные списки по должностям руководящих работников, партийных, госбезопасности, наркомвнутдела и др. на заграникомандировку в Иран. 1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.33, л.1-269
8. Ю.Г.Голуб. 1941: Иранский поход Красной Армии. Взгляд сквозь годы. // «Отечественная история». 2004, №3. с.26
9. Там же
10. О.К.Березин. Неизученная кампания. Иран, август 1941-го // «Военно-исторический архив». 2004, №8. с.108-110
11. The National Security Archive of the George Washington University. Doc. 00011. 1947/06/04. ORE 19. p.4. См.:С.Лавренев, И.Попов. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. – Москва, 2005, с. 18-19

12. Малышев, Павлов, Ерофеев – М.Дж.Багирову. Докладная записка о результатах боевых операций, проведенных пограничными частями Азербайджанского округа по ликвидации пограничной охраны Ирана. 4.09.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.3, л.36,39
13. Начальник особого отдела НКВД СССР по Закавказскому Военному округу Рухадзе – М.Дж.Багирову. Специальное сообщение. 13.09.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.2, л.19
14. М.Маркарян – М.Якубову. 28.08.1941 г. - Архив Министерства национальной безопасности Азербайджанской Республики (МНБ АР), дело 120, лист 12-23
15. Телеграмма М.Дж.Багирова И.Сталину. 26.08.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.1, л.1
16. Телеграмма И.Сталина М.Дж.Багирову. 28.08.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.1, л.2
17. Нота СССР Ирану. 30.08.1941 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.4, л.88-89
18. Нота Ирана СССР. 01.09.1941 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.4, л.90-93
19. Беседа М.Дж.Багирова с командированными в Иран товарищами. 12-14.09.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.162, д.30, л.6
20. Телеграмма И.Сталина М.Дж.Багирову. 05.09.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.10, л.26
21. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.10, л.32
22. Беседа М.Дж.Багирова с командированными в Иран товарищами. 12-25.09.1941 г. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.162, д.28, л.1
23. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.162, д.28, л.14-18
24. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.162, д.28, л.19
25. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.162, д.30, л.14
26. Краткая памятная записка по Ирану. Политическо-экономическое положение и наша работа в Иране. Подготовил советник посольства СССР в Иране С.Сычев. 29.09.1944 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.2, л.55
27. Телеграмма М.Дж.Багирова Меркулову и Деканозову. 26.01.1942 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.35, л.9. Текст письма Сохейли взят из письма Багирова
28. Краткая памятная записка по Ирану. 29.09.1944 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.17, л.1
29. Письмо А.Алиева из Тавриза М.Дж.Багирову. 27.09.1941 г. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.1
30. Шифротелеграмма из Наркоминдела М.Дж.Багирову. 17.12.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.1, л.17
31. М.Дж.Багиров – А.А.Соболеву (Наркоминдел СССР). 18.12.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.1, л.32-33
32. А.Алиев – С.Кафарзаде. Список работников, командированных в Иран. 15.10.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.179, д.7, л.33-87

33. Письмо А.Алиева из Тавриза М.Дж.Багирову. 27.09.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.1
34. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.3
35. Письмо М.Дж.Багирова И.Сталину. 20.12.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.1, л.18
36. Постановление ГКО №631с. 4.09.1941. - РГАСПИ, ф.644, оп.1, д.8, л.163; Письмо А.Алиева и начальника штаба 47 армии Трифонова из Тавриза М.Дж.Багирову. 02.10.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.6, л.23. О взаимоотношениях Ирана и Германии в конце 1930-х - начале 1940 гг. более подробно см.: А.Б.Оришев. Политика нацистской Германии в Иране. Санкт-Петербург, 2005
37. Справка об иранских шахсеванах. Сентябрь, 1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.6, л.16
38. Записка по шахсеванским племенам. 29.09.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.2, л.79-81
39. Стенографическая запись беседы М.Дж.Багирова с прибывшими из Ирана вождями шахсеванских племен. Ноябрь, 1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.10, л.8
40. Письмо А.Алиева из Тавриза М.Дж.Багирову. 24.10.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.33-45
41. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.39
42. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.40
43. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.41
44. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.44
45. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.33
46. Письмо М.Дж.Багирова И.Сталину. 20.12.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.1, л.21
47. Рапорт Антонова М.Дж.Багирову. 12.12.1942 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.39, л.42
48. Письмо А.Алиева М.Дж.Багирову. 19.11.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.148
49. Вопрос родного языка в Южном Азербайджане. 20.02.1942 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.14, л.41
50. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.14, л.88-90
51. Там же
52. Письмо М.Дж.Багирова А.Алиеву, Амирасланову, Ибрагимову, Агаронову. 10.11.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.100
53. Письмо А.Алиева М.Дж.Багирову. 19.11.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.148
54. Стенографическая запись беседы М.Дж.Багирова с делегацией из Тебриза. 26.11.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.10, л.9-11

55. Письмо М.Дж.Багирова А.Алиеву, Амирасланову, Ибрагимову, Агаронову. 10.11.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.90
56. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.91-92
57. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.4, л.93
58. Там же
59. Стенографическая запись беседы М.Дж.Багирова с делегацией из Тебриза. 26.11.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.10, л.130
60. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.10, л.137-138
61. Письмо М.Дж.Багирова И.Сталину. 20.12.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.1, л.18-31
62. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.1, л.31
63. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.1, л.30
64. Телеграмма В.Деканозова М.Дж.Багирову. 17.01.1942 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.35, л.2
65. Телеграмма М.Дж.Багирова В.Деканозову. 17.01.1942 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.35, л.3
66. О.А.Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии. 1941-1945.-М.: Наука, 2004. с.53
67. Шифровка Г.Димитрова Сталину, Молотову, Берия, Маленкову. 9.12.1941 г. РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.66, л.43. Об упомянутом в шифровке Сулеймане Мирза дополнительно см.: Cosroe Chaqueri. The Russo-Caucasian Origins of the Iranian Left. Social Democracy in Modern Iran. Curzon. 2001. – p.211-213; Письмо А.Алиева С.Кафарзаде. Список работников, командированных в Иран. 15.10.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.179, д.7, л.34-35
68. Телеграмма М.Дж.Багирова А.Соболеву. 18.12.1941 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.1, л.33-34
69. Запись переговоров по прямому проводу Мегри-Баку. А.Алиев – Якубову и Малышеву. 17.01.1942 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.42, л.58, 99-100
70. Телеграмма М.Дж.Багирова И.Сталину. 07.01.1942 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.35, л.36-37
71. М.Дж.Багиров - Меркулову и Деканозову. Январь, 1942 г. -ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.38, л.27-28
72. Обзор дашнакской деятельности в Иране. Архив МНБ АР, д.862, п.2, л.829-837
73. Письмо М.Дж.Багирова в Тавриз – А.Алиеву, Р.Маркарян, Амирасланову, Агаронову, Атакишиеву. Январь, 1942 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.38, л.3
74. Письмо А.Алиева М.Дж.Багирову. 28.01.1942 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.40, л.28-35
75. Там же, л.36-37

76. Там же, л.37-40
77. И.Сталин – М.А.Форуги. 02.02.1942. – РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.847, л.5
78. Краткая памятная записка по Ирану. 29.09.1944 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.2, л.47
79. Телеграмма Л.Берия М.Дж.Багирову. 29.03.1942 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.35, л.14-15
80. Краткая памятная записка по Ирану. 29.09.1944 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.2, л.48-49
81. О.А.Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941-1945., с.209
82. Краткая памятная записка по Ирану. 29.09.1944 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.2, л.50
83. Постановление ГКО №2320сс «Об использовании Иранской военной промышленности». 18.09.1942 – РГАСПИ, ф.644, оп.2, д.94, л.14
84. Письмо М.Амирасланова М.Дж.Багирову. Встреча с послом СССР в Иране. 15.12.1942 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.38, л.53

ГЛАВА II

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф.06, оп.6, п.37, д.461, лл.16,28
2. См.: J.H.Bamberg. The History of the British Petroleum Company. Volume 2. The Anglo-Iranian years, 1928-1954. Cambridge University press, 1994. p. 242-243
3. Справка об обследовании нефтеносности Северного Ирана (Горган, Мазандаран, Гилян). 24.02.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.1,16
4. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.28-29
5. С.Марченко – С.Кавтарадзе и М.Максимову. Доклад о политико-экономическом положении консульского округа Генконсульства СССР в Тавризе за 1943 г. 05.06.1944 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.19, л.65-66
6. Там же, л.45
7. Там же, л.38-122
8. Справка о политических партиях, организациях, обществах и группах в Иране. 30.11.1944 г. Эта справка подготовлена резидентом советских спецслужб, действующим в Тебризе под псевдонимом «Буль». - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.85, л.1-7
9. Краткий политический обзор Южного Азербайджана. 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.73, л.70
10. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.73, л.73
11. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.73, л.76-77

12. Золотые страницы. – Тебриз, 1946. с.31
13. Постановление Совнаркома СССР «О мероприятиях по усилению культурной и экономической помощи населению Южного Азербайджана. 06.03.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.84, л.3-5
14. Телеграмма А.Микояна – М.Дж.Багирову. 05.03.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.84, л.11
15. Решение бюро ЦК КП Азербайджана. 20.03. 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.129, д.80, л.2-3
16. Заявление А.Багирзаде – М.Дж.Багирову. 22.10.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.220, д.49, л.45
17. Телеграмма А.Шахгельдиева – М.Дж.Багирову. 10.04.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.84, л.54
18. Решение бюро ЦК КП(б) Азербайджана. 25-29 мая 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.129, д.62, л.330
19. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.81, л.131
20. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.81, л.132-136
21. ЦГА АР, ф.411, оп.25, д.407, л.58
22. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.169, д.129, л.4
23. Генерал Руссов – М.Дж.Багирову. 05.10.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.189, д.101, л.58
24. Постановление Совнаркома СССР об открытии в Тавризе школы на азербайджанском языке. 24.06.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.79, л.7
25. Письмо Дж.Алескерова М.Дж.Багирову. 05.10.1944 г. -ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.79, л.30
26. Письмо М.Дж.Багирова И.Сталину. 14.09.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.71, л.2
27. Развед. донесение №00377. 05.05.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.74, л.16-20
28. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.81, л.137-140
29. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.80, л.31-32
30. М.Дж.Багиров – И.Сталину. 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.71, л.20
31. Декларация Сейид Зия. ТАСС, 01.01.1945 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.20, л.144
32. ЦГА АР, ф.411, оп.25, д.407, л.7
33. ЦГА АР, ф.411, оп.25, д.407, л.11-12
34. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.72, л.46-48, 55-56
35. Генерал Иванов - М.Дж.Багирову. 15.08.1944 г.ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.74, л.34
36. Письмо А.Якубова М.Дж.Багирову. 04.07.1944 г.ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.72, л.72

37. Доклад Г.Гасанова – В.Молотову и М.Дж.Багирову. Июль, 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.72, л.94
38. Г.Гасанов в Наркоминдел СССР, тов. Молотову. 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.72, л.201-205
39. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.72, л.94-96
40. Письмо М.Дж.Багирова – И.Сталину. 14.09.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.71, л.3
41. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.63, л.36-38
42. Письмо М.Дж.Багирова – И.Сталину. 14.09.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.71, л.5-14
43. Там же, л.21-22
44. О вооруженных силах Ирана. 15.07.1944 г. Документ подготовлен на основе материалов советской военной разведки. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.89, л.2
45. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.74, л.58
46. Справка-доклад о провокационной и антисоветской деятельности лиц иранского госаппарата и их агентов. 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.101, л.1-219
47. Тюленев, Багиров, Ефимов, Емельянов. Докладная записка на имя Щербакова об усилении работы среди местного населения в Иране. 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.71, л.23-27
48. М.Дж.Багиров. Правительственная телеграмма Маленкову. – РГАСПИ, ф.17, оп.127, д.500, л.31-32

ГЛАВА III

1. В.Мигунов – М.Дж.Багирову. Август, 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.180
2. «Daily News», 1944, 27 July
3. Деятельность американцев в Иране. 30.12.1944 г. Этот 18-страничный обширный материал подготовлен сотрудником советских спецслужб, действующим в Иране под псевдонимом «Форд». - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.73, л.169-170
4. В.Мигунов – М.Дж.Багирову. Об активизации американских фирм вокруг иранской нефти. Август, 1944 г. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.153-162
5. Л.Берия И.Сталину и В.Молотову. О мировой добыче и запасах нефти. О нефтяной политике США. 16.08.1944 г. - АВП РФ, ф.06, оп.6, п.37, д.461, лл.16-18. См.: С.Лавренев, И.Попов. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. Москва, 2005, с.24
6. «Тойфик», 1944, 19 июля

7. Деятельность американцев в Иране. 30.12.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.73, л.158-161
8. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.73, л.161
9. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.73, л.166
10. Там же
11. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.73, л.174
12. Нефтяная промышленность Ирана. 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.50
13. О деятельности Британской компании в Иране см.: J.H.Bamberg. The History of the British Petroleum Company. Years of British-Iranian concession. - Cambridge, 1996
14. Справка о сравнении размеров, отчисленных в пользу Иранского правительства от англо-иранской нефтяной компании и по нашему проекту концессионного договора. 08.09.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.60-61
15. «Дамавенд», 1944, 23 июля
16. «Фарда», 1944, 25 июля
17. «Иране Ма», 1944, 17 июля
18. «Дария», 1944, 17 июля
19. Конфиденциальный протокол между правительством СССР и правительством Ирана по вопросу об акционерном обществе «Кевир Хурнан лимитед». 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.44
20. В связи с иранской нефтью см.: С.Алиев. История Ирана. XX век. – М.: 2004. с.210-214
21. «Этгелаат», 1944, 20 сентября
22. Е.Дмитров, Н.Гейдаров - М.Дж.Багирову. Докладная записка о результатах поездки в Иран. 06.11.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.66
23. Отклики тегеранской прессы на пребывание в Иране Советской правительственной комиссии во главе с С.Кавтарадзе с 16 сентября по 7 октября 1944 г. 07.10.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.82, л.62
24. Е.Дмитров, Н.Гейдаров - М.Дж.Багирову. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.67
25. «Растахиз», 1944, 26 сентября
26. Концессионный договор между правительством Ирана и Объединением «Советско-иранская нефть». 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.30-43
27. Конфиденциальный протокол. 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.44-45
28. Протокол между правительством СССР и правительством Ирана. 1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.46
29. «Этгелаат», 1944, 4 октября

30. «Везифе», 1944, 3 октября
31. «Ахтар», 1944, 6 октября
32. «Растахиз», 1944, 27 сентября
33. Е.Дмитров, Н.Гейдаров - М.Дж.Багирову. Докладная записка о результатах поездки в Иран. 06.11.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.68
34. Эта статья Фернанде Шайда была включена в книгу, изданную Мелвином Леффлером и Дэвидом Пейнтером. См.: Melvin P.Leffler, David S.Painter. Origins of the Cold War. An International History. Second Edition. Routledge, New York and London, pp.93-111. Статья написана на основе архивных документов и имеет важное значение для американской историографии. Вместе с тем и в первом, и во втором изданиях допущен ряд ошибок. Например, Якубов, представленный как заместитель Наркома внутренних дел Азерб. ССР и советник советского консульства в Тебризе, на самом деле является братом министра внутренних дел Мир Теймура Якубова и временным поверенным в делах в Иране Ахадом Якубовым. (См.: Melvin P.Leffler, David S.Painter. Origins of the Cold War. P.98). Или же, на следующей странице указанной книги Ф.Шайд пишет, что переговоры с руководителями азербайджанской организации партии Туде вел председатель Совета Народных комиссаров Азерб.ССР Теймур Кулиев, в то время как переговоры вел резидент Комиссариата Государственной Безопасности Азерб.ССР в Иранском Азербайджане и вице-консул в Тебризе Нурмамед Кулиев. Fernande Scheid Raine. Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran, 1945. //Cold War History, vol.2, №1, October 2001. p.8
35. Е.Дмитров, Н.Гейдаров - М.Дж.Багирову. 06.11.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.68
36. Там же, л.69
37. «Сетаре», 1944, 22 октября
38. Е.Дмитров, Н.Гейдаров - М.Дж.Багирову. 06.11.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.70
39. Краткий обзор советско-иранских отношений (1917-1955). Архивное управление МИД СССР. Июнь 1956 г. - РГАНИ, ф.5, оп.30, д.171, л.81-82
40. Е.Дмитров, Н.Гейдаров - М.Дж.Багирову. 06.11.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.77, л.70
41. Письмо Г.Гасанова из Тавриза М.Дж.Багирову. 13.02.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.108, л.69-73
42. М.Мустафаев, Б.Сеидзаде в НКВД СССР. Информационное письмо о Макинском консульском округе. 21.11.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.92, л.2-121

43. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.92, л.65-66
44. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.92, л.14-15
45. Информационное донесение №01202. Вопросы внутреннего положения Ирана. 17.11.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.74, л.71-72
46. Информационное донесение №01241. Вопросы внутреннего положения Ирана. 29.11.1944 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.74, л.79-80
47. ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.17, л.16-17
48. «Дусте Иран», 1944, 13 декабря
49. «Раад», 1944, 20 декабря
50. ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.20, л.155
51. «Раад», 1944, 20 декабря
52. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.73, л.7
53. «Раад», 1944, 20 декабря
54. «Правда», 1945, 26 января
55. ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.20, л.179
56. А.Качалов – С.Кавтарадзе. Январь, 1945 г. - АВП РФ, ф.094, оп.31, п.351а, д.9, лл.29-30, 41-43
57. Письмо Г.Гасанова из Тавриза М.Дж.Багирову. Справка о Южном Азербайджане. 12.02.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.108, л.82
58. М.Максимов – в Наркоминдел СССР. Январь, 1945 г. - АВП РФ, ф.094, оп.31, п.351а, д.7, лл.44-46
59. Из дневника В.Молотова. Прием Иранского посла М.Ахи. 26.02.1945 г. - АВП РФ, ф.06, оп.7, п.33, д.031, лл.1-3

ГЛАВА IV

1. С.Кавтарадзе – В.Молотову. 21.03.1945 г.; С.Кавтарадзе – И.Сталину. 21.04.1945 г. - Об этом более подробно см.: АВП РФ, ф.094, оп.31, п.351а, д.3, лл.29-30, 41-43; АВП РФ, ф.094, оп.36 «б», п.3, д.357, лл.7-8,26
2. С.Сычев – С.Кавтарадзе. 07.06.1945 г. - АВП РФ, ф.094, оп.36 «б», п.3, д.357, л.8
3. Письмо Сепახбоди Максимову. 19 мая 1945 г. - АВП РФ, ф.0431, оп.1, п.8, д.50, лл.2-3; Нота Ирана к СССР. 23 мая 1944 г. - АВП РФ, ф.094, оп.31, п.351а, д.6, лл.18-19
4. Краткий обзор советско-иранских отношений (1917-1955). Архивное управление МИД СССР. Июнь 1956 г. – РГАНИ, ф.5, оп.30, д.171, л.76
5. О.А.Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941-1945., с.524-528

6. Письмо Аннагиева М.Дж.Багирову. 22.05.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.105, л.18
7. М.Алиев в Наркоминдел СССР. Справка о Северном и Южном Азербайджане. 13.02.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.108, л.1-21
8. Постановление Совнаркома СССР «Об организации Советских промышленных предприятий в Северном Иране. 10.06.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.106, л.8-10
9. Проект постановления ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана. 11.06.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.6-8
10. Постановление Государственного Комитета Оборона «О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране». 21.06.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.104, л.1
11. Там же, л.3
12. О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране. Сентябрь, 1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.104, л.103-104
13. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.101, л.96-98
14. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана. 06.07.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.4
15. Там же, л.4-5
16. Письмо М.Петрова М.Дж.Багирову. 17.07.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.107, л.59
17. Письмо Аннагиева М.Дж.Багирову. 05.08.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.105, л.12-13
18. Там же, л.15
19. «Правда», 1945, 19 августа
20. Телеграмма М.Дж.Багирова Г.Маленкову. 14.07.1945 г.ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.16
21. Мероприятия по реализации спецзаданий по Южному Азербайджану и северным провинциям Ирана. 14.07.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.9
22. Там же, л.9-10
23. Решение бюро ЦК КП(б) Азербайджана «Об издании иллюстрированного журнала для распространения в Южном Азербайджане». 28.07.1945 г. -ЦГАППОД АР, ф.1, оп.220, д.48, л.73-74
24. «Азербайджан», 1945, август №1, с.2-57
25. Письмо М.Дж.Багирова в ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрову. 24.07.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.106, л.3-5

26. Письмо Веселова М.Дж.Багирову и Егорову. 11.08.1945 г. -ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.106, л.6
27. Письмо М.Дж.Багирова И.Сталину. 06.09.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.19
28. Письмо М.Дж.Багирова В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 23.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.67
29. Тавриз, Чобану. Анализ документов показывает, что секретным советским агентом, действовавшим в Тебризе под псевдонимом «Чобан», был сотрудник Комиссариата Госбезопасности Азербайджанской ССР, вице-консул в Тебризе Н.Гулиев. -ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.95, л.59
30. Письмо М.Дж.Багирова Емельянову, Гасанову и Ибрагимову. 17.08.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.107, л.121
31. М.Максимов - В.Молотову, С.Кавтарадзе. 18.07.1945 г. -АВП РФ, ф.094, оп.31, п.351а, д.9, лл.51-53
32. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля-2 августа 1945 г.). Сборник документов. М.: 1984, с.323-324
33. Меморандум делегации Соединенного Королевства «О Персии». 21.07.1945 г. - АВП РФ, ф.0431, оп.1, п.8, д.50, лл.7-8
34. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля-2 августа 1945 г.) Сборник документов, с.155-156
35. Там же. с.443
36. М.Максимов - В.Молотову, С.Кавтарадзе. 03.08.1945 г. -АВП РФ, ф.094, оп.31, п.351а, д.8, лл.68а-68б
37. Франк К.Робертс – В.Деканозову. 31.07.1945 г. - АВП РФ, ф.0431, оп.1, п.8, д.50, л.11
38. Там же, лл.12-13
39. Там же, л.15
40. Там же, л.16
41. Из дневника А.Вышинского. Запись беседы с Иранским послом в Москве М.Ахи. 30.08.1945 г. - АВП РФ, ф.094, оп.31, п.351а, д.6, лл.31-32

ГЛАВА V

1. Беседа советника посольства СССР в Тегеране А.Якубова с начальником земельного управления 3 Остана Бозаргани. 04.08.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.91, л.171-172
2. Письмо И.Искендери в ЦК ВКП(б). 20.10.1945 г. - РГАСПИ, ф.17, оп.128, д.818, л.181-182

3. Письмо А.Ованесяна в ЦК ВКП(б). 21, 22.09 – 05.10.1945 г. - РГАСПИ, ф.17, оп.128, д.819, лл.35-84
4. Письмо Н.Алямути и Бахрами в ЦК ВКП(б). 03.10.1945 г. – РГАСПИ, ф.17, оп.128, д.819, л.89-91; д.818, л.189
5. С.Емельянов: Справка на А.Ованесяна. 16.09.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.95, л.70
6. Там же, ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.95, л.71
7. Справка по Азербайджанской демократической партии. 26.09.1945 г. Справка подготовлена резидентом «Буль». - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.95, л.165
8. Touraj Atabaki. Azerbaijan: Ethnicity and Autonomy in Twentieth-Century Iran. – London, 1993, p.84
9. А.Якубов – М.Дж.Багирову. 21.08.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.91, л.168-169
10. Краткое содержание беседы генерал-лейтенанта Глинского с главой г.Тавриза г-ном Ильхами. 16.08.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.95, л.104
11. Там же
12. Докладная записка С.Емельянова – М.Дж.Багирову «О ходе реализации мероприятий по Иранскому Азербайджану». 20.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.97, л.149
13. «Азербайджан», 1946, сентябрь, №9, с.23
14. T.Swietochowski. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. – New-York, 1995. p.142
15. Обращение Азербайджанской демократической партии. 03.09.1945 г. - Архив МНБ АР, д.278, л.143-148
16. Информационное донесение из Ардабиля. 03.09.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.91, л.137-138
17. «Азербайджан», 1945, 5 сентября
18. Там же
19. Сообщение советского резидента в Тавризе «Чобана». 08.09.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.95, л.66
20. Там же, л.67-68
21. Письмо М.Дж.Багирова – И.Сталину «О ходе реализации Постановления ГКО от 21.06.1945 г. и решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 06.07.1945 г.». 06.09.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.20-21
22. «Азербайджан», 1945, 8 сентября
23. Петров – М.Дж.Багирову. Справка о спецрасходах, связанных с Иранским Азербайджаном за 16.07.1945-23.02.1946 гг.». Февраль, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.120, л.64

24. Специальное сообщение «О реализации мероприятий инстанции по Северным областям Ирана». Сентябрь, 1945 г. - Архив МНБ АР, д.278, л.123-138
25. «Азербайджан», 1945, 5 сентября
26. Письмо М.Дж.Багирова И.Сталину. 06.09.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.22
27. Там же, л.24
28. М.Дж.Багиров – И.Сталину «О развитии сепаратистского движения в Южном Азербайджане». 28.09.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.34
29. «Буль» - «Справка по Азербайджанской демократической партии». 26.09.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.95, л.156
30. Справка о настроениях армянского населения Тавризского консульского округа в связи с появлением АДП. Подготовил ВРИД Наркома Госбезопасности Азербайджанской ССР, полковник Е.Керимов. 16.10.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.95, л.199
31. Там же, л.202
32. «Буль» - «Справка по Азербайджанской демократической партии». 26.09.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.95, л.159
33. М.Дж.Багиров – И.Сталину «О развитии сепаратистского движения в Южном Азербайджане». 28.09.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.35
34. Там же, л.36
35. «Буль» - «Справка по Азербайджанской демократической партии». 26.09.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.95, л.169
36. Справка «О мероприятиях по созданию АДП». Сентябрь, 1945 г. - Архив МНБ АР, д.279, л.5
37. М.Дж.Багиров – И.Сталину «О развитии сепаратистского движения в Южном Азербайджане». 28.09.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.38
38. Там же, л.40
39. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О Южном Азербайджане и Северном Курдистане». 8.10.1945 г. ЦГАППОД, ф.1, оп.89, д.95, л.208; Полный текст этого решения находится: РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.37, л.152-153
40. Постановление СНК СССР «О расширении торговли с Иранским Азербайджаном». 04.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.121, л.7-9
41. М.Дж.Багиров, И.Масленников – Л.Берия. 21.10.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.95, л.208-209
42. Нота иранского посольства в Москве – НКВД. 08.09.1945 г. - АВП РФ, ф.0431, оп.1, п.8, д.50, л.20

43. С.Сычев – Б.Подцероб. 10.09.1945 г. - АВП РФ, ф.0431, оп.1, п.8, д.50, л.19
44. Там же, лл.24-28
45. В.Молотов – М.Максимову. 24.10.1945 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.5, д.357 «а», л.52
46. Петров - М.Дж.Багирову. Справка о спецрасходах, связанных с Иранским Азербайджаном за 16.07.1945-23.02.1946 гг. Февраль, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.120, л.64
47. Об этом подробнее см.: М.М.Чешмазар. Образование и деятельность Азербайджанской Демократической партии, Бак, 1986. с.60-70; Touraj Atabaki. Azerbaijan: Ethnicity and Autonomy in Twentieth-Century Iran. P.108-110; ЦГАППОД АР. ф.1, с.89, д.109, л.3-13
48. С.Емельянов – М.Дж.Багирову. Проект докладной записки «О ходе реализации мероприятий по Иранскому Азербайджану». 20.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.97, л.153
49. «Азербайджан», 1945, 4 октября
50. Там же
51. М.Дж.Багиров – Атакишиеву, Гасанову, Ибрагимову. 19.10.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.98, л.4-5
52. Там же, л. 4-5
53. М.Ибрагимов – М.Дж.Багирову. 31.10.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.95, л.236
54. Там же, л.238-239
55. М.Дж.Пишевари. Избранные произведения. – Баку, 1984. (на азерб. Яз.) с.331-332
56. Постановление СНК СССР «О расширении торговли с Иранским Азербайджаном». 04.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.121, л.4
57. М.Ибрагимов, Г.Гасанов, А.Атакишиев. Итоги выборов руководящих органов АДП. 27.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.96, л.140
58. Докладная записка на имя М.Дж.Багирова. Декабрь, 1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.107, л.55
59. Справка «О ходе реализации мероприятий по Иранскому Азербайджану». Ноябрь, 1945 г. - Архив МНБ АР, д.282, л.138-140
60. Докладная записка на имя М.Дж.Багирова. Декабрь, 1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.107, л.55
61. С.Емельянов – М.Дж.Багирову. Проект докладной записки «О ходе реализации мероприятий по Иранскому Азербайджану». 20.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.97, л.165
62. А.Якубов – В.Молотову. 18.11.1945 г. - АВП РФ, ф.094, оп.36 «б», п.3, д.357, л.55
63. И.Масленников – М.Дж.Багирову. 22.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.101, л.133

64. И.Масленников – М.Дж.Багирову. 22.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.101, л.141
65. Булганин, Антонов – Сталину. 20.11.1945 г. РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.99, л.2-4
66. И.Масленников – М.Дж.Багирову. 22.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.107, л.54
67. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Об иранской газете «Седае Иран». 14.11.1945 г. - Российский государственный архив социально-политической истории, ф.17, оп.162, д.37, л.158
68. Нота МИД Ирана Советскому посольству. 17.11.1945 г. - АВП РФ, ф.06, оп.7, п.33, д.165/1, лл.6-12
69. Нота СССР – МИД Ирана. 17.11.1945 г. - АВП РФ, ф.06, оп.7, п.33, д.165/1, лл.13-14
70. Там же

ГЛАВА VI

1. М.Ибрагимов, Г.Гасанов, А.Атакишиев – М.Дж.Багирову. 20.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.96, л.30
2. Там же, л.31
3. Там же
4. Там же, л.32
5. Генерал Дерахшани. Объявление. Ноябрь, 1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.96, л.40
6. М.Ибрагимов, Г.Гасанов, А.Атакишиев – М.Дж.Багирову. 20.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.96, л.34
7. С.Емельянов – М.Дж.Багирову. Проект докладной записки «О ходе реализации мероприятий по Иранскому Азербайджану». 20.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.97, л.169
8. Там же, л.171
9. Там же
10. Там же, л.172
11. М.Ибрагимов, Г.Гасанов, А.Атакишиев. Учредительный съезд Азербайджана. 27.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.96, л.159
12. И.Масленников – М.Дж.Багирову. 23.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.101, л.148
13. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.97, л.233
14. Решение первого национального собрания Азербайджанского народа. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.111-113
15. Архив МНБ АР, д.280, л.311-314
16. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 25.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.101-102

17. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.79. М.Дж.Багиров и И.Масленников – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 29.11.1945 г. – РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.99, л.72-74; текст телеграмм М.Дж.Багирова и И.Масленникова И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову от 20-27 ноября 1945 г. См.: РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.99, лл.5-6, 9-12, 49-51, 57-61, 64-69
18. Серго Берия. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М.: Олма-пресс, 2002. с.259
19. Там же
20. М.Г.Сеидов. Общественно-политическая обстановка в Азербайджане в 1940-е – начале 1950-х годов. Рукопись книги, с.27
21. Серго Берия. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власт, с.4
22. Там же, с.260
23. В своей последней книге Дж.Л.Гаддис коротко коснулся и Советских интересов в Иране. См.: John Lewis Gaddis. The Cold War. A New History. The penquin press. New York, 2005. pp.28-29. F.R.Scheid. Stalin's Reluctant bid for Iranian Azerbaijan, 1941-1946: A View from the Azerbaijani. Archives // Paper for the Conference. "Stalin and the Cold War. 1945-1953" (September, 1999). – p.9
24. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.96, л.9
25. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 25.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.78
26. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 21.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.60-62
27. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 22.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.65
28. С.Емельянов. Справка по телеграфному сообщению Атакишиева из Тавриза. 29.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.96, л.121
29. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.101, л.160; д.90, л.144-145, 189-190
30. С.Емельянов. Справка по телеграфному сообщению Ашурова из Тегерана. 24.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.96, л.88
31. А.Якубов – М.Алиеву. Справка «Тегеранская пресса о последних событиях в Азербайджане». 25.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.6
32. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.7
33. С.Емельянов. Справка по телеграфному сообщению Ашурова из Тегерана. 24.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.96, л.89
34. А.Якубов – М.Алиеву. Справка «Тегеранская пресса о последних событиях в Азербайджане». 25.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.8
35. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.11
36. «Мехре Иран», 1945, 21 ноября

37. «Этгелаат», 1945, 21 ноября
38. «Бахтар», 1945, 21 ноября
39. «Иран», 1945, 22 ноября
40. А.Якубов – М.Алиеву. Справка «Тегеранская пресса о последних событиях в Азербайджане». 25.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.15
41. С.Емельянов. Справка по телеграфному сообщению Ашурова из Тегерана. 24.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.96, л.89-90
42. «Этгелаат», 1945, 20 ноября
43. «Саргозашт», 1945, 22 ноября
44. «Бахтар», 1945, 21 ноября
45. «Иране Ноу», 1945, 22 ноября
46. «Насиме сабах», 1945, 18 ноября
47. А.Воронин – М.Силину, М.Дж.Багирову. Тегеранская пресса о последних событиях в Северном Иране. 26.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.20
48. «Неджате Иран», 1945, 20 ноября
49. «Неджате Иран», 1945, 21 ноября
50. «Иране Ма», 1945, 20 ноября
51. «Кейхан», 1945, 22 ноября
52. С.Емельянов. Справка по телеграфному сообщению Ашурова из Тегерана. 29.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.96, л.120
53. Краткий обзор советско-иранских отношений (1917-1955 гг.). Архивное управление МИД СССР. Июнь 1956 г. РГАНИ, ф.5, оп.30, д.171, л.79
54. В.Молотов – А.Гарриману. 29.11.1945 г. - АВП РФ, ф.07, оп.10, п.31, д.412, л.96-98
55. С.Емельянов. Справка по телеграфному сообщению Атакишиева из Тавриза. 29.11.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.96, л.122
56. С.Емельянов. Справка по телеграфному сообщению Атакишиева из Тавриза. 01.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.97, л.1
57. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 03.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.145-146
58. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 04.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.149-151
59. И.Масленников – М.Дж.Багирову, С.Емельянову. 12.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.101, л.181
60. Аббасов – М.Дж.Багирову. Докладная записка. 10.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.98, л.42
61. М.Ибрагимов, Г.Гасанов, А.Атакишиев. Итоги выборов в Национальный меджлис Азербайджана. 30.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.97, л.233-234

62. Телеграмма В.Молотова М.Дж.Багирову, И.Масленникову. 05.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.137

ГЛАВА VII

1. С.Дж.Пишевари. История демократического движения в Иранском Азербайджане. Том I. Баку, 1947, с.200-201 (на правах рукописи)
2. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1945. Volume VIII. The Near East and Africa. – Wash., 1969. p.486
3. С.Емельянов. Справка по телеграфному сообщению Атакишиева из Тавриза. 09.12.1945 г. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.97, л.68
4. С.Дж.Пишевари. История демократического движения в Иранском Азербайджане. Том I, с.214-215
5. «Иране Ма», 1945, 14 декабря
6. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 10.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.197-198
7. «Известия», 1945, 11 декабря
8. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 13.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.249
9. The Iranian Ambassador (Ala) to the Secretary of State. 10.12.1945. Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.487-488
10. «Time», 1945, 17 December, p.38
11. «Current History», 1946, №54, p.164
12. The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State. 12.12.1945. Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.490-491
13. «Эттелаат», 1945, 10 декабря
14. Беседа А.Якубова с Кавам ос-Салтане. 10.12.1945 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.5, д.357 «а», л.4-6
15. Беседа А.Якубова с Г.Сайахом. 10.12.1945 г. , АВП РФ, ф.094, оп.37, п.5, д.357 «а», л.32
16. Беседа А.Якубова с американским послом Мюрреем. 10.12.1945 г. – АВП РФ, ф.094, оп.37, п.5, д.357, лл. 7-9
17. М.Ибрагимов, Г.Гасанов, А.Атакишиев – М.Дж.Багирову. 11.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.205, 216-222
18. С.Емельянов – М.Дж.Багирову. 11.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.97, л.76-77
19. Там же, л.78
20. С.Дж.Пишевари, Г.М.А.Шабустари, С.Падиган, М.Бирия, С.Джавид. Требования азербайджанского народа. 16.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.118, л.54-55
21. И.Джафарпур – ЦК АДП. 08.05.1956 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.199, л.67

22. H.Arfa. Under Five Shah's. New-York, 1965, p.347
23. См.: С.Алиев. История Ирана. XX век. – М., 2004. с.215-230
24. В Чернышев. По ту сторону Аракса. 20.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.111, л.165
25. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 12.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.240-242
26. Faramraz S.Fatemi. The USSR in Iran. New-York-London, 1980, p.89-90; G.Lenczowski. Russia and the West in Iran, 1918-1948. New-York, 1948. p.289
27. «Коммунист», 1946, 9 января
28. С.Дж.Пишевари. История демократического движения в Иранском Азербайджане. Том II, с.122-123 (на правах рукописи)
29. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 13.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.244
30. С.Дж.Пишевари. История демократического движения в Иранском Азербайджане. Том I, с.233
31. Fakhreddin Azimi. Iran: the Crisis of Democracy. – New-York, 1989, p.138
32. С.Дж.Пишевари История демократического движения в Иранском Азербайджане. Том I, с.224
33. И.Масленников – М.Дж.Багирову, С.Емельянову. 13.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.101, л.185
34. И.Масленников, Клоков – М.Дж.Багирову, С.Емельянову. 14.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.101, л.187-188
35. H.Arfa. Under Five Shah's. New-York, 1965, p.347-348
36. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 11.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.255
37. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.256
38. См.: А.У.Уодфат. The Soviet Union and Revolutionary Iran. New-York, 1984, p.17-19; Martin Sicker. The Bear and the Lion. Soviet Imperialism and Iran. – New-York-London, 1988, p.71
39. С.Дж.Пишевари. История демократического движения в Иранском Азербайджане. Том I, с.225

ГЛАВА VIII

1. А.Воронин – М.Силину, М.Дж.Багирову. Тегеранская пресса о событиях в Иранском Азербайджане и советско-иранских отношениях. 31.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.41

2. Отчет Баята на закрытом заседании Меджлиса. 14.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.109-110
3. «Фарман», 1945, 17 декабря
4. «Дария», 1945, 15 декабря
5. «Иране Ма», 1945, 17 декабря
6. А.Воронин – М.Силину, М.Дж.Багирову. Тегеранская пресса о событиях в Иранском Азербайджане и советско-иранских отношениях. 31.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.36-37
7. Содержание речи премьер-министра на заседании Меджлиса. 18.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.100-101
8. Там же, л.103-104
9. Там же, л.105; F.S.Fatemi. Op.Cit. p.91-92
10. АВП РФ, ф.0430, оп.2, п.5, д.16, лл.20,23
11. АВП РФ, ф.06, оп.7, п.33, д.466, лл.11,12
12. М.Силин – В.Молотову. 13.12.1945 г. - АВП РФ, ф.012, оп.6, п.91, д.372, л.61-62; В.Молотов – А.К.Керру. 13.12.1945 г. – РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.99, л.153
13. FRUS, 1945. v.VIII, p.488-489
14. FRUS, 1945. v.VII, p.2,3
15. Ibid. p.4
16. «Известия», 1945, 16 декабря
17. «Time», 1945, 18 December
18. The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State. 13.12.1945.Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.491
19. The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State. 13.12.1945.Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.492
20. The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State. 13.12.1945.Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.493-494
21. The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State. 15.12.1945.Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.496-497
22. James Chace. Acheson. The Secretary of State Who Created the American World. Simon Schuster, 1998, p.143
23. А.Н.Hamzavi. Persia and the Powers. An Account of Diplomatic Relations, 1941-1946. – London, New-York, Melbourne, Sydney. 1946. p.97
24. Robert Rossow. The Battle of Azerbaijan. 1946 - The «Middle East» Journal. Winter, 1956, p.18
25. «Time», 1945, 17 December. P.28-33
26. «Time», 1945, 31 December
27. Memorandum of Conversation, by the Director of the Office of Near Eastern and African Affairs (Henderson). 17.12.1945. Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.501
28. From Acheson to Harriman. 21.12.1945. FRUS, 1945, Volume VIII, p.508

29. From Vice-Consul in Tabriz (Rossow) to the Secretary of State. 27.12.1945. FRUS, 1945, Volume VIII, p.516
30. From Acheson to Harriman. 21.12.1945. FRUS, 1945, Volume VIII, p.508
31. Г.Кикнадзе – В.Молотову, Л.Берия. По вопросу грузинского населения в Иране. 04.09.1945 г. - Архив президента Грузии, ф.14, оп.19, д.209, лл.44-45
32. Г.Кикнадзе – В.Молотову, Л.Берия. К вопросу о грузинских территориях, включенных в состав Турции. 04.09.1945 г. - Архив президента Грузии. ф.14, оп.19, д.209, л.49,54,56
33. The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State. 15.12.1945. - Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.499
34. См: James F.Byrnes. Speaking Frankly. – New-York and London, 1947, p.118-121; R.J.Maddox. From War to Cold War. Boulder, London, 1989. p.164; B.L.Crayson. United States'Iranian Relations. – Wash., 1981. p.89; Faramras S. Fatemi. Op.cit., p.92-93
35. Nasrollah S. Fatemi. Oil Diplomacy Powderkeg in Iran. New-York, 1954. p.279
36. См.: R.Cottam. Iran and the United States. Pittsburgh, 1988. p.67; Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.504-505
37. The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State. 22.12.1945., Vol.VIII, p.509
38. Беседа А.Якубова с американским послом Мюрреем. 22.12.1945 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.5, д.357 «а», л.40
39. Kuross A. Samii. «Truman Against Stalin in Iran: A Tab of Three Messages». – Middle Eastern Studies, January, 1987, №1, Vol.23, p.97
40. Е.Бевин – В.Молотову и Дж.Бирнсу. 24.12.1945 г. - АВП РФ, ф.012, оп.6, п.91, д.372, лл.172-173
41. FRUS, 1945. v.II, p.771; v.VIII, p.519
42. АВП РФ, ф.0430, оп.2, п.5, д.16, л.1-2; АВП РФ, ф.094, оп.31, п.351 «а», д.3, л.23
43. АВП РФ, ф.0430, оп.1, п.1, д.1, л.240
44. Декларация Иранского посольства в Лондоне. 21.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.128-129
45. R.Bullard. The Camels Must Go. London, 1961, p.267; Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.518-519; РГАНИ, ф.5, оп.30, д.171, л.79
46. R.Donovan. Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S.Truman. 1945-1948. New-York, 1977. p.156-158
47. Е.Бевин – В.Молотову. 28.12.1945 г. - АВП РФ, ф.012, оп.6, п.91, д.372, л.181
48. Memorandum of Conversation, by the Deputy Director of the Office of Near Eastern and African Affairs (Allen). Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.514

49. Об отношении иранских и англо-американских кругов Тегерана к событиям в Азербайджане. См.: Архив МНБ АР, д.283, л.243
50. А.Воронин – М.Силину, М.Дж.Багирову. Тегеранская пресса о событиях в Иранском Азербайджане и советско-иранских отношениях. 31.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.48
51. С.Дж.Пишевари. История демократического движения в Иранском Азербайджане. Том I, С.194.

ГЛАВА IX

1. The Cambridge History of Iran. Volume 7. From Nadir Shah to the Islamic Republic. Edited by Peter Avery. Cambridge University press. Cambridge 1991. p.245
2. «The Manchester Guardian», 1946, January 24
3. М.Дж.Багиров, И.Масленников – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 18.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.272
4. М.Якубов, С.Емельянов – Атакишиеву, Ибрагимову, Гасанову, Руссову. 24.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.98, л.35
5. М.Дж.Багиров, И.Масленников – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 17.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.276
6. From Vice-Consul in Tabriz (Rossow) to the Secretary of State. 27.12.1945.Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.516
7. Содержание речи премьер-министра на заседании Меджлиса. 18.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.93, л.100-101
8. «Азербайджан», 1945, 19 декабря
9. И.Масленников – М.Дж.Багирову, С.Емельянову. 27.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.101, л.214
10. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 20.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.286
11. «Азербайджан», 1945, 23 декабря
12. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 19.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.281
13. Шифровка В.Молотова – М.Дж.Багирову. 24.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.283
14. М.Дж.Багиров – С.Кафарзаде, С.Емельянову. 31.12.1945 г.; Ибрагимов, Гасанов, Атакишиев – М.Дж.Багирову. 26.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.138, л.10-13
15. См.: М.М.Чешмазар. Образование и деятельность Азербайджанской Демократической партии, с.105; ЦГАППОД АР. ф.1, с.89, д.118, л.36-38
16. С.Дж.Пишевари. История демократического движения в Иранском Азербайджане. Том II, с.98

17. «Азербайджан», 1945, 21 декабря
18. «Азербайджан», 1945, 23 декабря
19. С.Емельянов – в Тавриз, Ибрагимову. 22.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.97, л.208
20. Об иранской прессе этого периода подробнее см.: L.P.Elwell-Sutton. The Iranian Press, 1941-1947. «Iran» - Journal of the British Institute of Persian Studies. – Volume VI, London, 1968. p.65-104; Camron Michael Amin. Selling and Saving «Mother Iran»: Gender and the Iranian Press in the 1940s.//International Journal of Middle East Studies. Vol.33, August 2001. №3. p.335-361
21. Пишевари, Шабустари, Падеган, Джавид, Бирия – М.Дж.Багирову. 23.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.110, л.42-45
22. The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State. 27.12.1945.- Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.516
23. Ашуров – Фитину, копия: тов. Емельянову для доклада т. Старшему. Политическая обстановка в Иране и мероприятия по развитию демократического движения. 20.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.17-19
24. Там же, л.29
25. Архив МНБ АР, д.285, л.52-53
26. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.187, л.75-78
27. С.Дж.Пишевари – М.Дж.Багирову. 26.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.6
28. М.Якубов, С.Емельянов. Справка о поставленных вопросах Пишевари. – Февраль, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.22
29. «Азербайджан», 1945, 23 декабря
30. М.Дж.Багиров – С.Емельянову, М.Якубову. 15.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.98, л.24-26
31. М.Дж.Багиров – С.Емельянову, М.Якубову. 31.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.98, л.46-47
32. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 25.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.294
33. Справка по вопросу обеспечения Иранского Азербайджана горючими и смазочными продуктами в связи с письмом наших представителей в Иране. 04.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.121, л.23
34. Справка о возможностях обеспечения шахсеванов промтоварами. 14.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.121, л.25-26
35. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 30.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.298-299
36. А.Якубов – М.Дж.Багирову. Справка. 25.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.3-4

37. М.Дж.Багиров – С.Емельянову, М.Якубову. 12.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.98, л.36
38. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 25.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.294-295
39. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 30.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.90, л.297
40. Foreign Relations of the U.S. 1945. Vol.VIII, p.520-521
41. «Эттелат», 1945, 31 декабря; R.Ramazani. Iran's Foreign Policy 1941-1973. University Press of Virginia, 1975, p.115-116

ГЛАВА X

1. James F.Byrnes. Speaking Frankly. – New-York and London, 1947, p.122
2. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, Wash, 1969, p.291
3. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, Wash., 1969, p.292
4. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову, Л.Берия, Г.Маленкову. 08.01.1946 г. - Архив МНБ АР, д.301, л.326-327
5. Там же, л.327-329
6. М.Ибрагимов, Г.Гасанов, А.Атакишиев. Информация из Тавриза. 08.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.11-12
7. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.11; Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.298-299
8. Robert Rossow. The Battle of the Azerbaijan, 1946. – The «Middle East», Journal, Wash. 1956, №1, p.19; Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.298
9. Архив МНБ АР, д.301, л.356
10. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.18-19, 22-24; д.124, л.43
11. Г.Кикнадзе – К.Чарквиани. «Отклики иностранной прессы на письмо грузинских академиков в редакцию газеты «Коммунист». 17.08.1946 г. - Архив Президента Грузии. ф.14, оп.20, д.253, л.61-86
12. См.: Selim Deringil. Turkish Foreign Policy During the Second World War: an «active» Neutrality. Cambridge, 1989, p.180-181. Edward Weisband. Turkish Policy. 1943-1945. Small State diplomacy and Great power politics. Princeton, 1973. p.295-318
13. Г.Кикнадзе – Л.Берия. 04.09.1945 г. - Архив Президента Грузии. ф.14, оп.19, д.209, л.49-52
14. «Азербайджан», 1945, 31 декабря
15. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.115, л.45-46
16. Р.Рза – С.Кафарзаде. 05.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.129, л.77-79
17. Дж.Хандан. Путь удачи. Баку, 1987, с.112-185; М.Абдуллаев (Вилаи). Роль демократической печати в национально-освободительном

- движении Иранского Азербайджана (1941-1946). Кандидатская диссертация. Баку, 1975; Видади Мустафаев. Национальное самосознание в Южном Азербайджане (I половина XX века). Баку, 1998, с.127; А.Али гызы. Литература Южного Азербайджана: этапы, основы, этюды. – Баку, 1998, с.9-34; L.R.Elwell-Sutton. The Iran Press. 1941-1947. p.103
18. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.120, л.23-27
 19. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.120, л.48-50
 20. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.120, л.51
 21. «Азербайджан», 1946, 9 января
 22. Справка по телеграмме тов. Вышинского о комплектовании Тавризского университета преподавателями и зав.кафедрами. 31.07.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.217-226
 23. «Азербайджан», 1946, 9 января
 24. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.115, л.64
 25. «Азербайджан», 1946, 10 января
 26. Для более полной информации см.: М.М.Чешмазар. Образование и деятельность Азербайджанской Демократической партии, с.108-110; Г.Мирзаде. Милли Меджлис Иранского Азербайджана и его законотворчество (1945-1946 гг.). Кандидатская диссертация, Баку, 1971
 27. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.115, л.65
 28. М.Дж.Багиров – С.Емельянову. 11.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.20
 29. М.Ибрагимов, Г.Гасанов, А.Атакишиев. Информация из Тавриза. 12.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.29-30
 30. Аббасов – М.Дж.Багирову. Докладная записка. 10.12.1945 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.98, л.39-41
 31. «Азербайджан», 1946, 15 января
 32. М.Дж.Багиров, И.Масленников – И.Сталину, В.Молотову. 14.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.121, л.36-38
 33. М.Дж.Багиров. Справка о потребности рабочей силы в Азербайджанской ССР. Февраль, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.120, л.77-78
 34. «Азербайджан», 1946, 16 января
 35. Пишевари, Шабустари, Падеган, Джавид, Бирия. Требования Азербайджанского народа. 16.01.1946 г. - Архив МНБ АР, д.298, л.1-10
 36. Архив МНБ АР, д.298, л.10-13
 37. Об этом подробнее см.: William Eagleton. The Kurdish Republic of 1946. – London, New-York, Toronto, 1963, p.1-137; Archre Roosevelt. The Kurdish Republic of Mahabad – The «Middle East» Journal. Volume 1, July

- 1947, №3, p.247-269; A.T.Bouscaren. Soviet policy in Iran. – Current History, May, 1952, p.272; ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.124, л.43-47
38. В.Соломин – НКВД. Январь, 1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.359 «а», д.65, л.70
39. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.126, л.60-62, 70
40. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.127, л.1-3; д.126, л.87-88
41. А.Ализаде – М.Дж.Багирову. 28.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.52
42. К.Арушанов – НКВД. - АВП РФ, ф.094, оп.31, п.353 «а», д.64, л.103-116
43. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову. Февраль, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.24-25
44. С.Емельянов. Справка о количестве отправленного в Иранский Азербайджан оружия. 23.02.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.66
45. С.Дж.Пишевари – М.Дж.Багирову. 26.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.5-9
46. Переговоры с представителями правительства Иранского Азербайджана - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.110, л.65-66
47. И.Мустафаев – ЦК КПСС. Справка об АДП и о положении политиммигрантов из Ирана, проживающих на территории Азербайджанской ССР. 03.08.1956 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.203, л.24
48. «Азербайджан», 1946, 28 января
49. В.Медведев – М.Дж.Багирову. 31.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.125, л.60
50. М.Ибрагимов, Г.Гасанов – М.Дж.Багирову. 29.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.126, л.52-53
51. Архив МНБ АР, д.285, л.4
52. См.: Yearbook of the United Nations. 1946-1947. New-York, 1947, p.326
53. F.S.Fatemi. Op.cit., p.96
54. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.305-306
55. А.Н.Hamzavi. Op.cit. p.46-47
56. Yearbook of the United Nations. 1946-1947. New-York, 1947, p.327-328; Mark Hamilton Lytle. The Origins of the Iranian-American Alliance. 1941-1953. New-York, London, 1987. p.156-157
57. Н.И.Егорова. «Иранский кризис» 1945-1946 гг. По рассекреченным архивным материалам // «Новая и новейшая история». 1994, №3, с.38
58. «Правда», 1946, 20 января
59. «Правда», 1946, 20 января
60. «Weekly Review», 1945, December 20, p.7
61. Current History, March, 1946, p.258-260

62. А.Н.Намзави. *Op.cit.* p.85-90
63. С.Дж.Пишевари. Обращение к Генеральной Ассамблее ООН. 28.01.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.124, л.35-37
64. А.Н.Намзави. *Op.cit.* p.92-98
65. «Правда», 1946, 30 января
66. Об этом более подробно см.: А.Н.Намзави. *Op.cit.* p.103-119; Martin Gilbert. *A History of the Twentieth Century. Vol.2. 1933-1951.* Harper Collins Publishers, 1998. p.735
67. *Yearbook of the United Nations. 1946-1947.* New-York, 1947, p.329

ГЛАВА XI

1. *Journal of the Royal Central Asian Society, XXXIII, 2 (April 1946), p.189*
2. *Ibid, p.189-190*
3. *Ibid, p.191*
4. *Ibid, p.197-198*
5. М.Дж.Багиров – И.Сталину, В.Молотову. 06.02. 1946 г. -Архив МНБ АР. д.301, л.391-393
6. «Правда», 1946, 10 февраля
7. Kuross A.Samii. *Op.cit.* p.97
8. Robert Donovan. *Conflict and Crisis.* New-York, 1977. p.187
9. Kuross A.Samii. *Op.cit.* p.97
10. David McCulloughn. *Truman.* – New-York, 1992. p.486
11. «Коммунист», 1946, 22 февраля
12. См.: George F.Kennan. *Memories. 1925-1950.* Boston-Toronto. P.547-559; Michael Polley. *A Biography of George F.Kennan.* – Lewiston, Queenston, Lamreter. 1990. p.29
13. By X. *The Sources of Soviet Conduct. Foreign Affairs, 1947, July. P.566-582*
14. «Азербайджан», 1946, 3 февраля
15. Списки военнослужащих, проходящих службу в Иране. 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.139, л.32
16. М.Дж.Багиров – Политбюро ЦК ВКП(б). Февраль, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.120, л.31
17. Справка о выполнении плана формирования народного ополчения по состоянию на 20 февраля 1946 г. 23.02.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.115, л.12-15
18. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.157, л.96
19. Справки, отчеты и акты на проведение специальных мероприятий в Южном Азербайджане в период с августа 1945 г. по декабрь 1946 г. 06.04.1954 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.189, л.79-103; д.120, л.63

20. И.Мустафаев – ЦК КПСС. Справка об АДП и о положении политиммигрантов из Ирана, проживающих на территории Азербайджанской ССР. 03.08.1956 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.203, л.17
21. М.Дж.Багиров – А.Микояну. Март, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.121, л.62-63
22. Телеграмма М.Дж.Багирова С.Круглову и телеграмма С.Круглова М.Дж.Багирову. 15-22.02.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.42-46
23. Справка о восстановлении радиостанции в Тавризе и организации радиовещания. Февраль, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.47-51
24. «Азербайджан», 1946, 13 февраля
25. По вопросу прихода А.Кавама к власти более подробно см. Архив МНБ АР, д.285, л.85-104
26. F.S.Fatemi. Op.cit., p.101
27. Краткая справка о советско-иранских переговорах в Москве и в Тегеране. Февраль-апрель, 1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362, д.1, л.1
28. Из дневника С.И.Сычева. Беседа советника Иранского посольства Этгесами. 02.02.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.4, л.10
29. Краткая справка о советско-иранских переговорах в Москве и в Тегеране. Февраль-апрель, 1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362, д.1, л.2
30. Краткая характеристика на премьер-министра Ирана Кавам эс-Салтане. Февраль, 1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362, д.1, лл.11-12
31. F.S.Fatemi. Op.cit., p.294; Ибрагим Новрузов. Азербайджанская карта (Иранские воспоминания). Баку, 1997. с.123-126; Ш.Тагиева. Проблема «разделенных народов», Сталин и вопрос единого Азербайджана. // «Мусават», 1998, №9, с.11
32. Из дневника В.Молотова. Прием премьер-министра Ирана Кавам эс-Салтане и членов иранской делегации. 20.02.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362, д.1, лл.19-20
33. Претензии Персии, предъявленные на мирной конференции в Париже. Март, 1919 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362, д.1, лл.101-106
34. А.Данилов и А.Пыжиков. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: 2001. с.27
35. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.350-354
36. Краткая характеристика на премьер-министра Ирана Кавам эс-Салтане. Февраль, 1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362, д.1, л.11
37. А.Данилов и А.Пыжиков. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы, с.28

38. М.Дж.Багиров, И.Масленников – И.Сталину, В.Молотову. 22.02.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.28
39. Из дневника В.Молотова. Прием премьер-министра Ирана Кавам эс-Салтане. 23.02.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362, д.1, лл.23-24
40. Там же, лл.25-27
41. Там же, лл.28-32
42. А.Данилов и А.Пыжиков. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы, с.28
43. Вручено господином Кавамом сотруднику НКВД СССР П.Зудину. 24.02.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, л.33-36
44. Из дневника В.Молотова. Прием премьер-министра Ирана Кавам эс-Салтане. 25.02.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.1, д.362, л.37
45. Вручено В.Молотовым господину Каваму. 25.02.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, лл.40-42
46. Из дневника В.Молотова. Прием премьер-министра Ирана Кавам эс-Салтане. 25.02.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.1, д.362, лл.37-38
47. Вручено господином Кавамом сотруднику НКВД СССР П.Зудину. 27.02.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, л.43-46
48. С.Дж.Пишевари. Избранные произведения. Баку, с.369, 373
49. Вручено господином Кавамом сотруднику НКВД СССР П.Зудину в дополнение 27 февраля. 27.02.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, лл.47-48
50. Вручено господину Каваму И.В.Садчиковым. 01.03.1946 г.-АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, лл.49-51
51. Из дневника В.Молотова. Прием премьер-министра Ирана Кавам эс-Салтане. 02.03.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362, д.1, л.52-56
52. С.М.Алиев. История Ирана. XX век. с.218-219. Хотя нельзя согласиться с некоторыми сентенциями автора по поводу московского вояжа Кавама, тем не менее книга С.Алиева, несомненно, серьезное достижение ирановедения последних лет. Этот труд имеет большое значение для анализа исторического пути, пройденного Ираном в XX веке, оценки поворотных моментов важнейших событий, уяснения ряда спорных проблем, научного и теоретического обобщения истории Ирана. А главное, в российском ирановедении впервые именно в этой работе С.Алиева азербайджанский вопрос получил с политической и методологической точек зрения объективное и верное освещение
53. «Известия», 1946, 2 марта
54. Вручено господином Кавамом сотруднику НКВД СССР Шпелко. 04.03.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, лл.57-58
55. Нота Кавам эс-Салтане В.Молотову. 03.03.1946 г. - АВП РФ, ф.06, оп.8, п.35, д.551, л.21
56. Там же, лл.23-26

57. Вручено господином Кавамом сотруднику НКВД СССР Шпелко. 04.03.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, л.58
58. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.337-338
59. Кавам эс-Салтане - В.Молотову. 05.03.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, лл.59-60
60. F.S.Fatemi. Op.cit., p.294
61. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.126, л.112
62. А.Вышинский – В.Молотову. 06.03.1946 г. - АВП РФ, ф.06, оп.8, п.35, д.552, л.37
63. James Chace. Acheson...p.143
64. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.343-344
65. М.Алиев М.Дж.Багирову и С.Сычеву. Отчет о пребывании премьер-министра Ирана Кавам эс-Салтане и других членов иранской делегации в г. Баку. 13.03.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.86-88; И.Новрузов. Азербайджанская карта (Иранские воспоминания). с.125

ГЛАВА XII

1. Robert Rossow. The Battle of the Azerbaijan, 1946. – The «Middle East», Journal, Winter, 1956, p.17
2. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.40
3. Справка по телеграфному сообщению Атакишиева из Тавриза. 07.03.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.68-69
4. М.Дж.Багиров и И.Масленников – И.Сталину и В.Молотову. 13.03.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.31
5. Harry S. Truman. Memories: Years of Trial and Hope. 1946-1952. – New-York, 1956, p.94-95
6. «Правда», 1946, 11 марта; Robert J. Donovan. Op.cit., p.190-191; Robert Kaiser. Cold Winter, Cold War. – New-York, 1974. p.134-137
7. «Правда», 1946, 14 марта
8. James A.Thorpe. Trumans Ultimatum to Stalin on the 1946 Azerbaijan Crisis: the Making of a Myth. – The Journal of Politics, Vol.40, 1978, p.190
9. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.342-345
10. Robert Rossow. The Battle of the Azerbaijan, 1946. – The «Middle East», Journal, Winter, 1956, p.20-21
11. James Chace. Acheson. The Secretary of State Who Created the American World. Simon Schuster, 1998, p.144
12. David McCulloughn. Truman. – New-York, 1992. p.144
13. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.348
14. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.345-346
15. Harry S. Truman. Truman Speaks. - New-York, 1960, p.71

16. М.Дж.Багиров и И.Масленников – И.Сталину и В.Молотову. 13.03.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.31; д.114, л.73
17. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.358; ЦГАППОД АР. ф.1, оп.89, д.115, л.22-23
18. Robert Rossow. The Battle of the Azerbaijan, 1946. – The «Middle East», Journal, Winter, 1956, p.22
19. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.350-354
20. «Ханданиха», 1946, 16 марта
21. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.360
22. М.Дж.Багиров – И.Сталину. 18.03.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.36-38
23. «Известия», 1946, 14 марта
24. «Известия», 1946, 16 марта
25. «Известия», 1946, 21 марта
26. «Коммунист», 1946, 23 марта
27. Yearbook of the United Nations. 1946-1947. New-York, 1947, p.329
28. Department of State Bulletin, 1946, 31 March, p.529
29. Kuross A.Samii. Op. cit. p.100
30. Краткая справка о советско-иранских переговорах в Москве и Тегеране в феврале-апреле 1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362, д.1, л.5
31. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.369-371
32. Ibid, p.372
33. Ibid, p.374-375
34. Ibid, p.376
35. Ibid, p.377-378
36. И.Садчиков – Кавам эс-Салтане. 24.03.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, лл.78-79
37. И.Садчиков – М.Дж.Багирову. 24.03.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.90-92
38. Краткая справка о советско-иранских переговорах в Москве и Тегеране в феврале-апреле 1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, л.6
39. АВП РФ, ф.012, оп.7, п.107, д.254, лл.1-2
40. N.S.Fatemi. Op.cit. p.305
41. Michal K.Sheehan. Iran: The Impact of United States Interests and Policies. 1941-1954, Brooklyn, 1968, p.32
42. G.Lenczowski. United States Support for Irans Independence and Integrity, 1945-1959. – The Annals of the American Academy of Political and Social Science, May 1972, p.45-55; The National Security Archive of the George Washington University. N.D. 770076. 25 June 1947, p.1
43. J.Blum, E.Margan, W.Rose, A.Schlesinger, K.Stampp and C. van Woodward. The National Experience. New York, 1973. p.711
44. James A.Thorpe. Op.cit. p.189

45. Harry S. Truman. *Memories of Harry S. Truman*. Vol II, p.95
46. «New York Times», 1957, 25 August
47. Harry S. Truman. *Truman Speaks*. - New-York, 1960, p.71
48. Philipp Rosenberg. *The Cheshire Ultimatum: Trumans Message to Stalin in the 1946 Azerbaijan Crisis*. – *The Journal of Politics*, Vol.41, 1979, p.936
49. Herbert Druks. *Harry S. Truman and Russians*. New York, 1966. p.125
50. James A.Thorpe. *Op.cit.* p.190
51. Kuross A.Samii. *Op. cit.* p.100. В связи с этой дискуссией один из ведущих ученых Института востоковедения РАН З.А.Арабджян опубликовал в 2002 г. в Москве статью «Давление США на СССР и достижение договоренностей о выводе советских войск из Ирана после Второй мировой войны». К сожалению, в статье нет ничего нового, автор не обратился к богатым российским архивам, а ограничился повторением уже известных суждений К.Самии, членов шахской семьи и т.п. См.: *Ислам и власть*. М., 2002, с.207-219
52. *Presidential Appointment Calendar*, March 23, 1946, HST,L; Walter Bedell Smith. *Moscow Mission*. London, 1950, pp. 15,35,38
53. «Time» Magazine, 28 January 1980, p.13
54. Barry M.Blechman and Douglas M.Hart. *Afganistan and the 1946 Iran Analogy*. – *Survival*, Vol.XXII, Nov./Dec. 1980, p.248-253
55. И.Сталин и А.Антонов – И.Масленникову и А.Лучинскому. Копию М.Дж.Багирову. 24.03.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.39
56. Henry Kissinger. *Diplomacy*. – Simon Schuster, New York, 1994, p.446, 495
57. Запись беседы зам.министра иностранных дел СССР М.Литвинова с послом США в СССР У.Б.Смитом о советско-американских отношениях. 10.04.1946 г. - АВП РФ, ф.06, оп.8, п.3, д.31, лл.12-15
58. Телефонограмма по ВЧ В.Соколовского и В.Семенова – В.Молотову о беседе с послом США в СССР У.Б.Смитом. 28.03.1946 г. - АВП РФ, ф.06, оп.8, п.45, д.761, лл.1-4
59. «Коммунист», 1946, 26 марта
60. *Foreign Relations of the U.S. 1946*. Vol.VII, p.380
61. *Department of State Bulletin*, 1946, 7 April, p.568-570
62. Robert Rossow. *The Battle of the Azerbaijan*, 1946. – *The «Middle East», Journal*, Winter, 1956, p.23; Martin McCauley. *The origins of the Cold War. 1941-1949*. London-New York, 1995. p.68
63. *Foreign Relations of the U.S. 1946*. Vol.VII, p.390
64. Кавам эс-Салтане – И.Садчикову. Об урегулировании азербайджанского вопроса. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, лл.78-79
65. Справка по телеграфному сообщению Ашурова из Тегерана. 29.03. 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.103

66. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.395
67. Yearbook of the United Nations. 1946-1947. New-York, 1947, p.331; Department of State Bulletin, 1946, 21 April, p.620
68. А.Камбахш – М.Дж.Багирову. 30.01.1947 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.163, л.38
69. М.Дж.Багиров и И.Масленников – И.Сталину. 29.03.1946 г. - Архив МНБ АР, д.301, л.427-428
70. Там же, л.429
71. М.Дж.Багиров и И.Масленников – И.Сталину. 01.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.46-50
72. Справка по телеграфному сообщению Ашурова из Тегерана. Апрель, 1946 г. - Архив МНБ АР, д.402, л.344-346
73. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.399

ГЛАВА XIII

1. М.Дж.Багиров и И.Масленников – И.Сталину и В.Молотову. 05.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.53
2. М.Дж.Багиров – Ибрагимову, Гасанову, Атакишиеву и Зейналову. 03.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.82-86
3. Там же, л.81
4. Беседа Ибрагимова, Гасанова, Атакишиева, Керимова с Пишевари, происходившая в ночь с 4-го на 5-е апреля 1946 г. - Архив МНБ АР, д.286, л.185-187
5. Там же, лл.188-193
6. М.Дж.Багиров и И.Масленников – И.Сталину и В.Молотову. 05.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.54-55
7. М.Дж.Багиров и И.Масленников – Ибрагимову, Глинскому, Атакишиеву, Гасанову и Керимову. 05.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.93
8. Справка о встрече Пишевари с Камбахшем. 06.04. 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.60-61
9. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.404
10. Department of State Bulletin, 1946, 21 April, p.657
11. Yearbook of the United Nations. 1946-1947. New-York, 1947, p.331
12. Там же
13. The United States and Iran. A Documentary History. Editors Yohan Alexander and Allan Nanes. – Maryland, 1980, p.169-170
14. Письмо Кавама Садчикову о смешанном нефтяном обществе. 04.04.1946 г. АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, лл.80-81
15. И.Садчиков – Кавам эс-Салтане. 04.04.1946г г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, лл.82-83

16. Robert Rossow. The Battle of the Azerbaijan, 1946. – The «Middle East», Journal, Winter, 1956, p.26
17. Kuross A.Samii. Op. cit. p.101; Martin Sicker. Op.cit. p.76; И.Новрузов. Азербайджанская карта (Иранские воспоминания), с.126-127
18. Письмо Кавама Садчикову по азербайджанскому вопросу. 04.04.1946 г. АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362а, д.1, лл.88-89
19. АВП РФ, ф.06, оп.7, п.34, д.544, лл.3,4
20. Краткая справка о советско-иранских переговорах в Москве и Тегеране в феврале-апреле 1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362, д.1, л.7
21. Справка по телеграфному сообщению Ашурова из Тегерана. Коммюнике о советско-иранских переговорах. 05.04.1946 г. - Архив МНБ АР, д.402, л.327-328; R.K.Ramazani. Iran Foreign Policy. 1941-1973. p.141
22. РГАНИ, ф.05, оп.30, д.171, л.83
23. Кавам эс-Салтане – И.Садчикову. 04.04.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37е, п.362, д.1, л.85
24. М.Дж.Багиров – Ибрагимову, Гасанову и Атакишиеву. Апрель, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.126-127
25. Беседа Ибрагимова, Атакишиева, Керимова с Пишевари, происходившая 5 апреля в четыре часа дня. 05.04.1946 г. - Архив МНБ АР, д.286, л.197-201
26. М.Дж.Багиров и И.Масленников – И.Сталину и В.Молотову. 12.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.68-69
27. М.Дж.Багиров и И.Масленников. Предложения. Апрель, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.231-238
28. «Известия», 1946, 9 апреля
29. Department of State Bulletin, 1946, 21 April, p.658
30. The Secretary of State to the US Representative at the United Nations (Stettinius)/8.04.1946.Foreign Relations of the U.S. 1946.Vol.VII,p.412-413
31. From Byrnes to Murray. 10.04.1946. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.416
32. The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State. 11.04.1946.Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.417. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.417
33. М.Дж.Багиров и И.Масленников – И.Сталину и В.Молотову. 12.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.70
34. Справка по телеграфному сообщению Атакишиева из Тавриза. 12.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.100-101
35. Robert Rossow. The Battle of the Azerbaijan, 1946. – The «Middle East», Journal, Winter, 1956, p.24-25

36. Комиссаров – Лозовскому. Тегеранская печать о нефтяном соглашении между СССР и Ираном. 19.05.1946 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.45, л.68-69
37. «Атеш», 1946, 18 апреля
38. «Сетаре», 1946, 9 апреля
39. The Secretary of State to the Ambassador in Iran (Murray). 08.04.1946. - Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.413
40. Sattareh Farman-Farmanian, Dona Munker. Daughter of Persia. – New York, 1992, p.169
41. Комиссаров – Лозовскому. Тегеранская печать о нефтяном соглашении между СССР и Ираном. 19.05.1946 г. ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.45, л.73
42. Пишевари и Илхами – Милли Меджлису Азербайджана. 09.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.155, л.100-103
43. Ибрагимов, Атакишиев и Гасанов. Сообщение из Тавриза. 14.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.126, л.117
44. From Murray to Byrnes. 16.04.1946. - Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.427
45. Kuross A.Samii. Op. cit. p.100
46. М.Дж.Багиров и И.Масленников – И.Сталину и В.Молотову. 22.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.76-77
47. М.Дж.Багиров и И.Масленников – И.Сталину и В.Молотову. 20.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.74-75
48. М.Дж.Багиров – М.Ибрагимову. Апрель, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.110, л.63-64
49. Телеграфное сообщение Ашурова из Тегерана. 22.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.122

ГЛАВА XIV

1. М.Дж.Багиров – И.Сталину и В.Молотову. Апрель, 1946 г. - Архив МНБ АР, д.301, л.486
2. А.Воронин – М.Силину. Отклики тегеранской прессы на решение иранского правительства по вопросу об Иранском Азербайджане. 26.04.1946 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.45, л.12
3. Robert Rossow. The Battle of the Azerbaijan, 1946. – The «Middle East», Journal, Winter, 1956, p.26
4. И.Садчиков – С.Лозовскому. Тегеранская пресса о соглашении между иранским правительством и представителями Иранского Азербайджана. 19.05.1946 гг. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.45, л.56-57

5. А.Воронин – М.Силину. Отклики тегеранской прессы на решение иранского правительства по вопросу об Иранском Азербайджане 26.04.1946 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.45, л.16
6. «Tehran Daily News», 1946, 24 April
7. «Time», 1946, 29 April, p.25
8. М.Дж.Багиров – И.Сталину и В.Молотову. Апрель, 1946 г. - Архив МНБ АР, д.301, л.487
9. А.Атакишиев. Информация из Тавриза. 22.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.124-127
10. М.Ибрагимов, Г.Гасанов и А.Атакишиев. Информация из Тавриза. 22.04.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.138-139
11. М.Дж.Багиров и И.Масленников – И.Сталину и В.Молотову. 24.04.1946 г. - Архив МНБ АР, д.302, л.504-505
12. Беседа Н.Кулиева с Ф.Ипекчианом. 23.04.1946 г. - Архив МНБ АР, д.302, л.504-505
13. М.Дж.Багиров, И.Масленников – И.Сталину. Апрель, 1946 г. - Архив МНБ АР, д.302, л.527-529
14. Запись беседы министра иностранных дел СССР В.Молотова с государственным секретарем США Дж.Бирнсом о подготовке мирных договоров на Парижской мирной конференции. 28.04.1946 г. - АВП РФ, ф.06, оп.8, п.1, д.7, лл.141-145
15. R.Rossow. Op.cit. p.24
16. «Time», 1946, 15 April, p.27
17. «Коммунист», 1946, 12 мая
18. М.Дж.Багиров, И.Масленников – И.Сталину. О настроениях в Иранском Азербайджане в связи с уходом наших войск. 13.05.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.100-102
19. Н.Кулиев. Информация из Тавриза о настроениях в гор. Тавризе. 11.05.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.156-157
20. Sir Clarmont Skrine. World War in Iran. – London, 1962, p.239; Mark Hamilton Lytle. Op.cit., p.175
21. Справка по телеграфному сообщению Ашурова из Тегерана. 30.04.1946 г. - Архив МНБ АР, д.402, лл.230-232
22. Справка по телеграфному сообщению Ашурова из Тегерана, 04.05.1946 г. Архив МНБ АР, д.402, лл.211-213
23. См.: М.М.Чешмазар. Образование и деятельность Азербайджанской Демократической партии, с.130
24. Справка по телеграфному сообщению Ашурова из Тегерана. Май, 1946 г. - Архив МНБ АР, д.402, лл.173-176
25. А.Воронин – М.Силину. Отклики тегеранской прессы на решение иранского правительства по вопросу об Иранском Азербайджане.

- 26.04.1946 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.45, л.16; о разброде мнений в иранском кабинете. См.: Архив МНБ АР, д.402, л.107-113
26. А.Воронин – С.Лозовскому. Тегеранская пресса о переговорах между иранским правительством и делегацией населения Азербайджана. 18.05.1946 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.45, л.41
27. Телеграмма Пишевари из Тегерана в Тавриз на имя доктора Джавида. 07.05.1946 г. - Архив МНБ АР, д.302, лл.563-564
28. The Charge in Iran (Ward) to the Secretary of State. 8.05.1946/ FRUS, 1946, Vol.VII, p.453-455; в отличие от американских документов советские показывают сильное давление со стороны И.Садчикова на Пишевари. См.: Архив МНБ АР, д.402, л.173-179
29. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 11.05.1945.-FRUS. 1946. Vol.VII, p.459
30. «Time», 1946, 20 May, p.25
31. Mark Hamilton Lytle. Op.cit., p.176
32. Это письмо, хранящееся в Архиве внешней политики Российской Федерации – ф.6, с.7, оп.34, д.544, л.8-9 – впервые введено в научный оборот сотрудницей РАН Натальей Егоровой в журнале «Новая и новейшая история» и в издании Центра международных исследований Вудро Вильсона. См.: Н.И.Егорова. «Иранский кризис» 1945-1946 гг.. По рассекреченным архивным материалам. // «Новая и новейшая история», 1994, №3; Natalia I. Yegorova. The «Iran Crisis» of 1945-1946: A new from the Russian Archives. Working Paper, Cold War International History Project. №15. Wash.,DC,1996,pp.23-24; См. также журнал «Гофтогу», 1998, №17, с.103-135
33. Справка по телеграфному сообщению из Тегерана. – Май, 1946 г. - Архив МНБ АР, д.402, лл.107-113
34. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.460-461
35. Декларация премьер-министра Кавам ас-Салтане о переговорах с делегацией Азербайджана. 13.05.1946 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.45, л.58-59
36. Речь Пишевари о переговорах азербайджанской делегации с иранским правительством на собрании представителей всех слоев населения Тавриза, ответственных работников Демократической партии и членов Национального правительства Иранского Азербайджана. 14.05.1946 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.45, л.60-64
37. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.120, л.178
38. Fakhreddin Azimi. Op.cit. p.149-151
39. «Рахбар», 1946, 14 мая
40. «Дад», 1946, 14 мая
41. «Техране Моссевер», 1946, 17 мая

42. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.464-465; мнение Аллена о взаимоотношениях Кавама и шаха подтверждают и документы КГБ СССР. Во время переговоров в Тегеране Кавам заявил Пишевари: «Я верю и надеюсь, что азербайджанская делегация поддержит меня, зная, что я давно стремлюсь к созданию демократического правительства во всем Иране». Пишевари заявил, что готов сделать все возможное для Кавама, однако не может согласиться с тем, чтобы армией, созданной для поддержки демократических требований, мог командовать ставленник шаха. Кавам ответил, что он согласен с Пишевари, но «что я могу сделать с этим мальчишкой (шахом), он начнет интриги, если я соглашусь с этим. Англичане также не успокоятся, будут мешать всем мероприятиям и вынудят подать в отставку». Присутствовавший при этом Музаффар Фируз заметил Каваму: «Вам нельзя забывать, что вы являетесь премьером только потому, что есть Пишевари и его армия. Если дать шаху возможность расставить в Азербайджане свою агентуру, он уберет вас как неугодного ему человека. Наше правительство должно видеть в Пишевари и в демократическом Азербайджане свои резервные силы против реакции». См.: Архив МНБ АР. д.402, л.210-211
43. РГАСПИ, ф.17, оп.128, д.1111, л.46
44. Н.И.Егорова. «Иранский кризис» 1945-1946 гг.. По рассекреченным архивным материалам. // «Новая и новейшая история», 1994, №3, с.42
45. Richard W.Cottam. Iran and United States, p.73-74
46. Department of State Bulletin, 1946, 2 June, p.942
47. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.471-472
48. «Time», 1946, 3 June, p.27
49. Thomas M.Campbell and George C.Herring. The Diaries of Edward R.Stettinius. 1943-1946. p.470
50. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.484-485
51. «Коммунист», 1946, 20 мая
52. Справка по существу телеграммы тов. Силина из Москвы. 20.05.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.188
53. «Time», 1946, 27 May, p.27
54. «Кейхан», 1946, 20 мая
55. И.Садчиков – С.Лозовскому. Тегеранская пресса о Соглашении между иранским правительством и представителями Иранского Азербайджана. 10.07.1946 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.45, л.95
56. Стенографическая запись переговоров М.Дж.Багирова с С.Дж.Пишевари по ВЧ от 21 мая 1946 г. - Архив МНБ АР, д.303, л.227-228
57. Архив МНБ АР, д.303, л.229-230

58. Справка о предложениях по Азербайджанскому вопросу. 22.04.-24.05.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.203-208
59. Проекты соглашения по Азербайджанскому вопросу. 28.05.-05.06.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.198-202
60. R.Rossow. Op.cit. p.25
61. From Vice-Consul in Tabriz (Rossow) to the Secretary of State. 05.06.1946.- FRUS. 1946. Vol.VII, pp.494-495
62. «Time», 1946, 17 June, p.27
63. С.Емельянов. Справка по телеграфному сообщению из Тегерана. 06.06.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.189-194
64. Martin Sicker. Op.cit. p.77
65. Из дневника В.Деканозова. Прием специального поверенного Иранского правительства Саяха. 01.06.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.4, лл.20-21
66. Отчет М.Дж.Багирова о встрече с руководителями Азербайджанского Национального правительства Пишевари, Шабустари, Джавидом и Падеганом. 08.06.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.79-81
67. «Азербайджан», 1946, 16 июня; ЦГАППОД АР. ф.1, с.89, д.155, л.12-17
68. Martin Sicker. Op.cit. p.77; G.Lenczowski. Op.cit. p.300; R.Ramazani. Op.cit. p.144
69. Письменное заверение М.Фируза, данное Пишевари по вопросу провинции Занджан. Июнь, 1946 г. - ЦГАППОД АР., ф.1, оп.89, д.113, л.215-216
70. «Этгелаат», 1946, 15 июня
71. «Азербайджан», 1946, 23,26 июня
72. R.Rossow. Op.cit. p.26
73. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 17.06.1946.- FRUS. 1946. Vol.VII, p.500
74. «Кейхан», 1946, 16 июня
75. «Этгелаат», 1946, 15 июня
76. Справка по телеграфному сообщению из Тегерана. 17.06.1946 г. - Архив МНБ АР. д.402, л.16-20
77. From Acheson to Allen. 27.06.1946.- FRUS. 1946. Vol.VII, p.504
78. Из дневника С.Лозовского. Прием посланника Ирана Саяха. 20.06.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.4, лл.29-30
79. И.Садчиков – С.Лозовскому. Тегеранская пресса о Соглашении между иранским правительством и представителями Иранского Азербайджана. 10.07.1946 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.28, л.101-102
80. Решение Политбюро: вопрос ЦК КП(б) Азербайджана. 24.07.1946 г. – РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.38, л.81

ГЛАВА XV

1. Fakhreddin Azimi. *Op.cit.* p.153
2. *Ibid*, p.154
3. А.Алиев – В.Деканозову. Тегеранская пресса о Демократической партии Ирана. 17.08.1946 г. - ЦГА АР, ф.28, оп.4, д.45, л.121-123
4. R.Rossow. *Op.cit.* p.27
5. С.Емельянов. Справка о положении в Иране и Иранском Азербайджане. 02.09.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.163
6. Беседа С.Сычева с Э.Табари. 31.07.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.4, л.44
7. С.Дж.Пишевари. Избранные произведения, с.413
8. М.Дж.Багиров – И.Сталину. 05.07.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.118-121
9. С.Дж.Пишевари. Избранные произведения, с.407-408
10. Встреча Ф.Молочкова с И.Шафаи. 09.07.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.4, л.36. Встреча А.Пехлеви со Сталиным длилась почти два с половиной часа. Посланец шаха и его ближайший родственник старался отговорить Сталина защищать азербайджанское правительство, пытаясь убедить его в том, что «это марионеточное государство обострит отношения между нашими странами на грядущие годы». Судя по воспоминаниям А.Пехлеви, эта встреча произвела на Сталина сильное впечатление, и он сказал: «Передайте мои наилучшие пожелания вашему брату шахиншаху и скажите, что если бы он имел десяток таких, как вы, то мог бы ни о чем не беспокоиться». См.: Ashraf Pahlavi. *Faces in a Mirrors, Memoris from Exile.* N-Y, 1980, p. 86-87
11. «Коммунист», 1946, 4 августа
12. Из дневника И.Садчикова. Беседа с шахом Ирана Мохаммед Рза Пехлеви. 03.08.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.5, лл.144-145
13. С.Дж.Пишевари. Избранные произведения, с.410-411
14. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 13.08.1946.FRUS. 1946. Vol.VII, pp.511-512
15. С.Емельянов. Заметки по отдельным вопросам, выдвигаемым в телеграммах. 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.278-280
16. R.Ramazani. *Irans Foreign Policy, 1941-1973.*, p.146-147
17. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 6.08.1946. FRUS. 1946. Vol.VII, pp.510-511
18. Richard W.Cottam. *Iran and United States*, p.75
19. С.Емельянов. Справка о положении в Иране и Иранском Азербайджане. 02.09.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.169-170

20. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 25.08.-6.09.1946. FRUS. 1946. Vol.VII, pp.512-514
21. М.Дж.Багиров – И.Сталину. 15.08.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.122-123
22. М.Дж.Багиров – Е.Керимову. Для Пишевари, Шабустари, Джавида и Падегана. 11.07.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.165а, л.12
23. М.Дж.Багиров – С.Емельянову, Чобану (Н.Кулиеву). 17.07.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.165а, л.18
24. М.Дж.Багиров – С.Емельянову. 26.07.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.165а, л.17
25. М.Дж.Багиров – Пишевари, Шабустари, Джавиду и Падегану. 11.09.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.165а, лл.1-2
26. М.Дж.Багиров – С.Дж.Пишевари. 18.10.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.165а, л.7
27. «Азербайджан», 1946, №9, с.23
28. М.Дж.Багиров – С.Дж.Пишевари. 18.10.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.165а, л.3-4
29. Решение Политбюро: Вопрос МИД СССР. 10.09.1946 г. – РГАСПИ, ф.17, оп.3, д.1062, л.5
30. С.Дж.Пишевари. Избранные произведения, с.413
31. А.Ашуров. Справка по телеграфному сообщению из Тегерана. 29.09.1946 г. -Архив МНБ АР, д.400, л.40
32. М.Дж.Багиров – И.Сталину. 27.08.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.133-134
33. Mark Hamilton Lytle. Op.cit., p.177
34. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 30.09.1946.-FRUS. 1946. Vol.VII, p.518
35. Fakhreddin Azimi. Op.cit. p.158
36. Из дневника И.Садчикова. Беседа с премьер-министром Ирана Кавам эс-Салтане. 18.07.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.5, лл.139-141
37. Там же, лл.223-226
38. Там же, лл.227-233
39. В.Деканозов – И.Сталину. 25.08.1946 г. - АВП РФ, ф.012, оп.7, п.109, д.254, л.4
40. Из дневника А.Богомолова. Беседа с иранским послом в Париже Рахнема. 22.08.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.358а, д.30, лл.22-23
41. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 25.08.-6.09.1946. FRUS. 1946. Vol.VII, pp.512-514
42. Mark Hamilton Lytle. Op.cit., p.178-179; «Soviet Foreign and Military Policy». Office of Research and Evaluation, ORE1. 23 July, 1946. p.66

43. Стенограмма беседы Пишевари с английским консулом в Тавризе Карсом. 19.10.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.86-87
44. From Acheson to Allen. 8.10.1946. FRUS, 1946. Vol.VII, p.527
45. R.Rossow. Op.cit. p.27
46. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 19-20.10.1946.- FRUS. 1946. Vol.VII, pp.537-538; в документах КГБ СССР отмечается попытка шаха, военного министра и начальника генштаба совершить покушение на Кавама с помощью британского посольства. В документе сказано: «Шах на днях имел конспиративную встречу с английским послом, которому заявил, что если англичане гарантируют ему полную поддержку, он готов издать указ об отстранении Кавама. Полагаем, что арест Кавама заговорщики намерены произвести после издания указа, на законном основании». См.: Архив МНБ АР, д.297, л.275-278
47. Fakhreddin Azimi. Op.cit. p.159-160
48. М.Мустафаев. Особые заметки. 20.10.1946 г. -ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.88-89
49. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 2.11.1946.- FRUS. 1946. Vol.VII, p.542-543
50. Mark Hamilton Lytle. Op.cit., p.179-180
51. Беседа М.Дж.Багирова с С.Дж.Пишевари. 20.10.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.91-93
52. Справка о финансовом положении в Азербайджанском остандарстве. 19.10.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.99-101
53. Беседа с С.Падеганом. 20.10.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.113-115
54. М.Дж.Багиров – И.Сталину. 22.10.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.136-137
55. М.Дж.Багиров – А.Ашурову для тов. Садчикова. Октябрь, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.228-229
56. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 8.11.1946.- FRUS. 1946. Vol.VII, p.545
57. Н.Кулиев – М.Дж.Багирову. 22.10.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.195-197
58. Н.Кулиев – М.Дж.Багирову. 22.10.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.188-189
59. Б.Сеид-заде, Мамедов. О финансовом положении Иранского Азербайджана. Октябрь, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.120, л.217-219
60. М.Дж.Багиров – И.Сталину. 25.10.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.238-240

61. Подполковник Поповский – М.Дж.Багирову. Доклад о политико-моральном состоянии 3-го батальона Бакинского Пехотного Училища. По состоянию на 8 октября 1946 г. 08.10.1946 г.; Азизбеков, Якубов, Емельянов, Руссов, Молчанов, Гаджиев, Асланов – М.Дж.Багирову. Справка о дополнительных мероприятиях по спец. батальону. 17.10.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.119, л.9-15
62. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.226-227
63. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 8.11.1946.-FRUS. 1946. Vol.VII, p.545
64. «Старший» (М.Дж.Багиров) – Чобану (Н.Кулиеву) для ознакомления Пишевари, Шабустари, Джавиду, Падегану, Данешиан и др. 14.11.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.123-124
65. Н.Кулиев. Справка по телеграфному сообщению из Тавриза. 10.11.1946 г. - Архив МНБ АР, д.401, лл.303-305
66. Н.Кулиев. Справка по телеграфному сообщению из Тавриза. 14.11.1946 г. - Архив МНБ АР, д.401, лл.288-289
67. М.Дж.Багиров – Чобану (Н.Кулиеву) для ознакомления Пишевари. Ноябрь, 1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.119-120
68. М.Дж.Багиров. Обстановка в Иранском Азербайджане. 16.11.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.113, л.230-233; дополнительный материал о разногласиях между Пишевари и другими тебризскими лидерами см.: Архив МНБ АР, д.401, л.288, 290-291, 303-305
69. Mark Hamilton Lytle. Op.cit., p.180
70. М.Дж.Багиров. Для гг. Н.Кулиева, А.Атакишиева и М.Ибрагимова. 16.11.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.127
71. М.Крутихин. Иранские очерки. Часть IV. Азербайджанская авантюра, или Как Москва вторично продала иранских коммунистов. // <http://www.rusenergy.com/politics/a10112001.htm>

ГЛАВА XVI

1. R.Ramazani. Irans Foreign Policy, 1941-1973., p.151
2. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 24.11.1946.-FRUS. 1946. Vol.VII, p.547
3. R.Ramazani. Irans Foreign Policy, 1941-1973., p.151
4. «Чобан» (Н.Кулиев) – «Старшему» (М.Дж.Багирову). Информация из Тавриза. 23.11.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.114, л.209-211
5. «Эттелаат», 1946, 28 ноября
6. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 29.11.1946.-FRUS. 1946. Vol.VII, p.549
7. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 1-3.12.1946.-FRUS. 1946. Vol.VII, pp.551-553

8. Fakhreddin Azimi. Op.cit. p.161
9. Из дневника И.Садчикова. Беседа с М.Фирузом. 12.11.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.5, лл.318-322
10. Из дневника В.Деканозова. Прием иранского посла Мозаффар Фируза. 19.11.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.4, лл.62-64
11. Прием иранского посла Мозаффар Фируза тов. Сычевым. 27.11.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.4, лл.65-67
12. Из дневника Я.Малика. Прием иранского посла Мозаффар Фируза. 29.11.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.4, л.74
13. М.Дж.Багиров – Н.Кулиеву. Немедленно передать четверке (Пишевари, Шабустари, Падегану и Джавиду). 28.11.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.117, л.129-130
14. Н.Иванов – В.Деканозову. 26.11.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.5, лл.363-364
15. «Коммунист», 1946, 7 декабря; T.Swietochowski. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. – New-York, 1995. p.160
16. Пишевари, Шабустари, Джавид и Падеган – М.Дж.Багирову. 01.12.1946 г. - Архив МНБ АР, д.401, л.254-257
17. Телеграмма М.Дж.Багирова – И.Сталину. 02.12.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.146
18. Memorandum of Telephone Conversation, by the Director of the Office of Near Eastern and African Affairs (Henderson). 7.12.1946. FRUS., Vol.VII, pp.556-557
19. М.Дж.Багиров – С.Дж.Пишевари. 04.12.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.117,131
20. Yearbook of the United Nations. 1946-1947. New-York, 1947, p.335-336
21. «Time», 1946, December 23, p.25
22. N.S.Fatemi. Op.cit., p.322
23. Телеграмма М.Дж.Багирова – И.Сталину. 05.12.1946 г. -ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.147-152
24. Из дневника М.Силина. Беседа с иранским послом Мозаффар Фирузом. 06.12.1946 г. - АВП РФ, ф.094, оп.37, п.357а, д.4, лл.75-79
25. Пишевари, Шабустари, Джавид, Падеган, Данешиан – М.Дж.Багирову. 08.12.1946 г. - Архив МНБ АР, д.401, л.179-186
26. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 12.12.1946.- FRUS. 1946. Vol.VII, p.561
27. Fakhreddin Azimi. Op.cit. p.163
28. Mark Hamilton Lytle. Op.cit., p.180
29. Richard W.Cottam. Iran and United States, p.76-77
30. «Эттелаат», 1946, 9 декабря
31. Там же, 10 декабря

32. Телеграмма М.Дж.Багирова – И.Сталину. 11.12.1946 г. -ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.153
33. Н.Кулиев – С.Емельянову. Справка по телеграфному сообщению из Тавриза. 11.12.1946 г. - Архив МНБ АР, д.401, лл.234-238
34. Телеграмма М.Дж.Багирова – И.Сталину. 11.12.1946 г. -ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.154
35. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.157, л.105
36. R.Rossow. Op.cit. p.30
37. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 12.12.1946.-FRUS. 1946. Vol.VII, p.560
38. Н.Кулиев – С.Емельянову. Справка по телеграфному сообщению из Тавриза. 11.12.1946 г. -Архив МНБ АР, д.401, л.161-162
39. Н.Кулиев – С.Емельянову. Справка по телеграфному сообщению из Тавриза. 12.12.1946 г. - Архив МНБ АР, д.401, лл.94-95
40. Н.Кулиев – С.Емельянову. Справка по телеграфному сообщению из Тавриза. 11.12.1946 г. - Архив МНБ АР, д.401, л.166
41. Справка по телеграфному сообщению из Тавриза. 12.12.1946 г. - Архив МНБ АР, д.401, л.150
42. Телеграмма М.Дж.Багирова – И.Сталину. 12.12.1946 г. -ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.156
43. М.Сарджалинский - М.Дж.Багирову. 30.01.1947 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.157, л.59,66
44. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 12.12.1946.-FRUS. 1946. Vol.VII, p.560
45. From Vice-Consul at Tabriz (Rossow) to the Secretary of State. 12.12.1946. FRUS, 1946, Volume VII, pp. 561-562
46. М.Дж.Багиров – И.Сталину. 14.12.1946 г. -ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.112, л.159-160
47. Вл.Медведцев (Очевидец). Кровавые дела иранской реакции (письмо из Тавриза). 18.01.1947 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.160, л.16
48. Н.Кулиев – С.Емельянову. Справка по телеграфному сообщению из Тавриза. Декабрь, 1946 г. - Архив МНБ АР, д.401, л.86
49. С.Емельянов – М.Дж.Багирову. Справка о бесчинствах и зверствах, чинимых иранской реакцией над демократами и прогрессивными людьми в Иранском Азербайджане, антисоветских проявлениях, выпадах и вражеской деятельности англо-американцев. 12.02.1947 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.157, л.162
50. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.157, лл. 161-162
51. Foreign Relations of the U.S. 1946. Vol.VII, p.562-563
52. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 23.12.1946.-FRUS. 1946. Vol.VII, pp.564-565

53. П.Романов – Т.Шуклину «Об американской пропаганде в Иране». 27.06.1947 г. РГАСПИ, ф.17, оп.128, д.1129, л.30
54. The Ambassador in Iran (Smith) to the Secretary of State. 27.12.1946.- FRUS. 1946. Vol.VII, pp.566-567
55. Department of State Bulletin, 1946, 29 Decemer, p.1172
56. «Time», 1946, 23 December, p.25
57. The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 20.12.1946.- FRUS. 1946. Vol.VII, pp.563-564
58. С.Емельянов – М.Дж.Багирову. Справка по телеграфному сообщению из Тавриза. 19.01.1947 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.157, л.35
59. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.203, л.20; д.116, л.35-36; д.158, л.18
60. РГАНИ, ф.5, оп.30, д.171, л.122-123
61. Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. – М.: «Гея», 1997. с.308
62. Там же, с.309
63. Там же, с. 309-310
64. Там же, с.311
65. И.Масленников, Ефимов – Н.Булганину, М.Дж.Багирову. 14.12.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.116, л.11-12,24
66. М.Дж.Багиров, И.Масленников – И.Сталину. 20.12.1946 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.156, л.2
67. Об эмигрантах из Южного (Иранского) Азербайджана. 15.04.1954 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.156, лл.3-5
68. Решение Политбюро ВКП(б) от 15 января 1947 г. О политэмигрантах из Иранского Азербайджана. - РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.38, л.143-144
69. Из дневника М.Силина. Прием иранского посла Мозаффар Фируза. 13.01.1947 г. - АВП РФ, ф.094, оп.38, п.363, д.4, л.1
70. РГАНИ, ф.5, оп.30, д.171, л.83-84
71. Справка об откликах интеллигенции города Баку в связи с событиями в Иранском Азербайджане. - Архив МНБ АР, д.462, лл.104-111
72. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.157, л.123
73. Н.Кулиев. Справка по телеграфному сообщению из Тавриза. 06.01.1947 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.157, л.3

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

1. Fawcett Louise L'Estrange. Iran and the Cold War: the Azerbaijan crisis of 1946. Cambridge University Press, 1992. p.177
2. V.Zubok, C.Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Harvard University Press. 1996, p.121
3. Эльдар Исмаилов. Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане. 1945-1953. - Баку, 2003, с.276

4. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. – М.: 1998. с.532
5. РГАНИ, ф.5, оп.30, д.171, л.86-87
6. Очерки истории российской внешней разведки. Т.5. – М.: 2003. с.365
7. А.Камбахш – М.Дж.Багирову. 30.01.1947 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.163, л.39
8. Там же
9. Беседа С.Сычева с послом Ирана в Москве Мозаффар Фирузом. 02.09.1947 г. - АВП РФ, ф.094, оп.38, п.363, д.4, лл.58-59
10. Из дневника А.Вышинского. Прием иранского посла М.Фируза. 04.09.1947 г. - АВП РФ, ф.094, оп.38, п.363, д.4, л.63
11. РГАНИ, ф.5, оп.30, д.171, л.84
12. Решение Политбюро. Вопрос Молотова (об Иране). Утверждение текста ноты И.Садчикова премьер-министру Ирана. 17.11. 1947 г. РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.38, л.220-222
13. Решение Политбюро. Вопрос ЦК КП(б) Азербайджана. 21.11. 1947 г. РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.37, л.1
14. Запись беседы И.Садчикова с бывшим послом Ирана в Москве Гамидом Сайяхом. 01.11.1950 г. - АВП РФ, ф.094, оп.52, п.381, д.7, л.70
15. Решение Политбюро об Иране. 25.10.1948 г. РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.39, л.107
16. Из дневника А.Громыко. Прием иранского посла Г.Сайяха. 10.03.1949 г. - АВП РФ, ф.094, оп.48, п.374, д.6, л.10
17. В.Зорин – М.Дж.Багирову. 26.04.1949 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.35, д.129, л.39
18. Решение Политбюро об улучшении пропаганды на Иран. 17.01.1950 г. РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.43, л.10
19. Из дневника И.Садчикова. Беседа с министром иностранных дел Ирана Али Акбар Сияси. 30.01.1950 г. - АВП РФ, ф.094, оп.52, п.381, д.7, л.4
20. Решение Политбюро ЦК ВКП(б). Указания послу СССР в Иране. 19.02.1949 г. - РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.40, л.95; л.43; л.78-79
21. Решение Политбюро ЦК ВКП(б). Указания послу СССР в Иране. 31.12.1949 г. - РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.43, л.78
22. Решение Политбюро ЦК ВКП(б). Указания тов. Садчикову. 15.08.1950 г. - РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.44, л.52
23. А.Громыко – И.Сталину. Январь, 1952 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.31
24. Там же, лл. 31-32
25. Там же, л. 33
26. А.Громыко – В.Молотову. 11.01.1952 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.39

27. А.Громыко – И.Сталину. 12.01.1952 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.45
28. Постановление ЦК ВКП(б). Об указании послу СССР в Иране И.Садчикову. Январь, 1952 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.55
29. Из дневника И.Садчикова. Беседа с премьер-министром Ирана Хаджи Али Размара. 22.08.1950 г. -АВП РФ, ф.094, оп.52, п.381, д.7, л.20
30. Из дневника И.Садчикова. Беседа с бывшим послом Ирана в Москве Сайяхом. 29.11.1950 г. -АВП РФ, ф.094, оп.52, п.381, д.7, л.75
31. Там же, л.79
32. Очерки истории российской внешней разведки. Т.5, с.373
33. Там же, л.79
34. А.Меньшиков и А.Громыко – И.Сталину. 12.07.1951 г. – РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.6-7
35. Постановление ЦК ВКП(б) «Об утверждении указания тт. Садчикову, Чечулину и Кузнецову. Июль, 1951 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.9
36. А.Вышинский, А.Зверев, М.Меньшиков – И.Сталину. 14.09.1951 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.11
37. Там же, л.10
38. А.Вышинский, А.Зверев, М.Меньшиков – И.Сталину. 29.09.1951 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.21
39. Постановление ЦК ВКП(б) «Об утверждении указания тт. Садчикову и Чечулину. Сентябрь, 1951 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.25
40. Решение Политбюро об указаниях Садчикову в связи с его беседами с Мосаддыком и Ипекчианом. 25.10.1951 г. РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.46, л.195-196
41. РГАНИ, ф.5, оп.30, д.171, л.127-128
42. А.Громыко – И.Сталину. Февраль, 1952 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.57-58
43. Постановление ЦК ВКП(б) «Об указании послу СССР в Иране». - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.60
44. Из дневника И.Садчикова. Из беседы с бывшим послом Ирана в Москве Гамидом Сайяхом. 16.08.1951 г. - АВП РФ, ф.094, оп.55, п.388, д.8, л.36
45. А.Вышинский – И.Сталину. 11.04.1952 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.95
46. Постановление ЦК ВКП(б) «Об указании послу СССР в Иране». Апрель, 1952 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.98
47. А.Вышинский – И.Сталину. 13.05.1952 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.101

48. Решение Политбюро об утверждении текста ноты Советского Правительства Правительству Ирана. 20.05.1952 г. РГАСПИ, ф.17, оп.3, д.1094, л.168-169
49. Текст ноты, врученной т. Г.Пушкину послом Ирана Арасте при беседе. 2.07.1952 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, лл.110-111
50. РГАНИ, ф.5, оп.30, д.171, л.128-139
51. Из дневника А.Вышинского. Прием иранского посла Надира Арасте. 24.10.1951 г. АВП РФ, ф.094, оп.55, п.388, д.6, л.5
52. Из дневника А.Богомолова. Запись беседы с иранским послом Надиром Арасте. 05.10.1951 г. - АВП РФ, ф.094, оп.55, п.388, д.6, л.8
53. Из дневника А.Вышинского. Прием иранского посла Надира Арасте. 24.10.1951 г. - АВП РФ, ф.094, оп.55, п.388, д.6, л.10
54. Из дневника В.Зорина. Прием иранского посла в Москве Надира Арасте. 19.05.1952 г. - АВП РФ, ф.094, оп.60, п.395, д.5, л.8
55. Там же
56. Из дневника Я.Малика. Прием иранского посла Надира Арасте. 29.11.1952 г. - АВП РФ, ф.094, оп.60, п.395, д.5, л.19
57. Там же, л.20
58. Г.Пушкин – В.Молотову. Проект указаний послу СССР в Иране И.Садчикову. 15.10.1952 г. - РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.1219, л.126-127
59. АВП РФ, ф.094, оп.60, п.395, д.7, л.6-22, 25-27, 30-38, 40-43, 54-61; ф.094, оп.55, п.388, д.8, лл.14-26, 36-46
60. Из дневника И.Садчикова. Запись беседы с министром иностранных дел Хосейном Фатемии. 07.01.1953 г. - АВП РФ, ф.094, оп.55, п.388, д.8, л.2-3
61. Там же, л.3
62. Из дневника В.Молотова. Прием иранского посла в СССР Надира Арасте. 29.07.1953 г. - АВП РФ, ф.094, оп.65, п.403, д.6, л.18
63. Решения Политбюро ЦК ВКП(б). Утвердить проект ответа т. Садчикову на телеграмму №40-43 по вопросу о нейтралитете Ирана. 03.02. 1951 г. - РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.45, л.159
64. The New York Times, 2000, April 16; Iran and the Great Powers, 1951-1953. A Selection of declassified Documents from American Archives. – Washington, 2001; Mohammad Mosaddeq and the 1953 Coup in Iran /Ed. By M.J.Gasiorowski and M.Byrne – New York, 2004; Francis Gavin. Politics, Power, and U.S. Policy in Iran, 1950-1953. – Journal of Cold War Studies, 1999, Volume 1, Issue 1, p.1-48; Mary Ann Heiss. Empire and Nationhood: The United States, Great Britain, and Iranian oil. 1950-1954. New York: Columbia, 1997. См.: С.Алиев. История Ирана XX века, с.250-296

65. Р.Радменеш, Э.Табари, Ф.Кешаверз, М.Бограти, А.Касеми, Г.Фрутан, А.Амир-хизи, А.Ованесьян – ЦК КПСС. 05.03.1953 г. - РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.1485, л.40
66. Протокол №1. На заседаниях «семерки» от 26 и 29-го мая 1947 года. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.162, л.1-4
67. Протокол заседания «семерки» от 23 июня 1947 года. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.162, л.9-18
68. См.: В.Бережков. Рядом со Сталиным. – М.: 1999. с.381-385
69. Г.Я.Данешиан, Р.Гази – ЦК КП Азербайджана. 18.12.1959 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.205, л.64-65
70. Акт о конфискации рукописи книги С.Дж.Пишевари «История демократического движения Иранского Азербайджана». Июль, 1947 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.149, л.1
71. И.Мустафаев – М.Суслову. 16.08.1954 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.187, л.177
72. М.Дж.Багиров – Г.Маленкову. 11.01.1953 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.187, л.92
73. Записки об иранском поэте Багир-заде (Бирия). 1957 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.203, лл.118-124
74. Информация о побеге из тюрьмы 10 руководителей Народной партии Ирана. 02.01.1953 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.187, л.1-5
75. Радманеш, Табари, Кешаверз, Бограти, Касеми, Фрутан, Руста, Амир-Хизи, Ованесян – ЦК КПСС. 1952 г. -ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.187, л.67-68
76. М.Дж.Багиров – Г.Маленкову. 30.12.1952 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.187, л.89-90
77. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.187, л.83
78. М.Т.Якубов – Н.Хрущеву. 21.08.1953 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.187, л.95
79. И.Мустафаев – ЦК КПСС. Справка об Азербайджанской демократической партии и о положении политэмигрантов из Ирана, проживающих на территории Азербайджанской ССР. 03.08.1956 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.203, л.12-31
80. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.203, л.25-26
81. Постановление ЦК КП Азербайджана и Совета Министров Азербайджанской ССР. 9.12.1958 г. ЦГАППОД АР, ф.1, оп.45, д.141, л.112-114
82. Запись беседы Г.А.Алиева с членами Исполбюро ЦК АДП. 31.03.1979 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.213, л.112,121
83. Запись беседы кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г.А.Алиева с членом Исполбюро ЦК

- НПИ, председателем ЦК АДП Г.Я.Данешианом. 03.01.1979 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.213, лл.14-30
84. Там же, л.28
85. Запись беседы кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г.А.Алиева с членом Исполбюро ЦК НПИ, секретарем ЦК НПИ Нуретдином Киянури. 06.01.1979 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.213, л.35
86. О заседании Исполбюро ЦК НПИ, состоявшемся 13 января 1979г года - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.213, лл.51-59
87. Информация о ходе проведения XVI пленума ЦК НПИ. 20.03.1979 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.213, л.81
88. Э.Джебраилов – Г.Алиеву. 09.07.1979 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.212, л.44
89. Н.Ахундов – Г.Алиеву. 24.01.1980 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.212, лл.83-86
90. Запись беседы Г.Алиева с членами Исполбюро ЦК АДП. 31.03.1979 г. - ЦГАППОД АР, ф.1, оп.89, д.213, лл.120-124
91. Ю.Андропов и Б.Пономарев о просьбе первого секретаря ЦК НПИ Н.Киянури. 6.07.1980 г. РГАНИ, ф.89, п.32, д.10, л.1-6

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев (Вилаи) М. Роль демократической печати в национально - освободительном движении Иранского Азербайджана (1941-1946). Кандидатская диссертация. Баку, 1975.
- Абдуразаков Б. Происки английского и американского империализма в Иране (1941-1947). Ташкент, 1959.
- Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925-1941. М.: 1971.
- Алексеев Л. Советский Союз и Иран. М.: 1963.
- Алиев С.М. Нефть и общественно - политическое развитие Иране в XX в. М.: 1985.
- Алиев С.М. История Ирана. XX век. – М.: 2004.
- Али Кызы А. Литература Южного Азербайджана: этапы, основы, этюды. Баку, 1998.
- Аминзаде А. Борьба народной партии Ирана и Азербайджанской демократической партии за национальную независимость на современном этапе. Кандидатская диссертация. Баку, 1957.
- Арабаджян З.А. Иран: противостояние империям (1918-1941).М.: 1996.
- Арабаджян З.А. Давление США на СССР и достижение договоренностей о выводе советских войск из Ирана после II мировой войны.- В кн. Иран: ислам и власть. М.: 2002.
- Батурин Ю. Досье разведчика: опыт реконструкции судьбы. М.: 2005
- Башкиров А. Экспансия английских империалистов в Иране (1941-1953 гг.).М.: 1954.
- Безыменский Л.А.. Визит В.М.Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. в свете новых документов. // «Новая и новейшая история». 1995, № 6.
- Березин О.К. Неизученная кампания. Иран, август 1941-го. // «Военно-исторический архив». 2004, №8.
- Бережков В.М. В то время в Иране. // «Азия и Африка сегодня». 1984, № 11.
- Бережков В. Рядом со Сталиным. М.: 1999.
- Берия Серго. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М.: 2002.
- Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля-2 августа 1945 г.) Сборник документов. М.: 1984.

- Борисов А.Ю. Посол Громыко и послевоенное урегулирование. М.: 2000.
- Бугай Н.Ф. 30-е годы: о депортации иранцев из Азербайджана в Казахстан.-Восток, 1994, № 6.
- Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945-1955 гг.). Том I-II.М.: 2005.
- Гасанлы Дж. Южный Азербайджан: начало холодной войны. Баку, 2003.
- Гасанлы Дж. Советская политика в Иранском Азербайджане, 1941-1946.Первый кризис холодной войны. // «Вертикали истории». 2003, № 5.
- Голуб Ю.Г. 1941: Иранский поход Красной Армии. Взгляд сквозь годы. // «Отечественная история». 2004, №3.
- Горьков Ю.. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941-1945). М.: 2002.
- Гулиев А. Из истории национально - освободительного и демократического движения в Южном Азербайджане (1941-1946 гг.). // «Труды Института истории философии АН Азерб. ССР». т.17. Баку, 1954. (на азерб.яз.)
- Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: 2001.
- Дастгюшаде Ф.Экономические мероприятия национального правительства в Иранском Азербайджане (1941-1946 гг.). Кандидатская диссертация, Баку, 1964.
- Девелли-Маммад А.Формирование и деятельность национального правительства в Южном Азербайджане (1945-1946 гг.). Кандидатская диссертация, Баку, 1967.
- Директива И.В.Сталина В.М.Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. Новая и новейшая история, 1995, № 4.
- Дэвис Д.Э. и Трани Ю.П. Первая холодная война: Наследие Вудро Вильсона в советско- американских отношениях. М.: 2002.
- Егорова Н.И.. «Иранский кризис» 1945-1946 гг. По рассекреченным архивным материалам. // «Новая и новейшая история». 1994, № 3.
- Егорова Н.И.. «Иранский кризис» 1945-1946 гг.: взгляд из российских архивов. Сб. статей: Холодная война. Новые подходы. Новые документы. Отв. ред. М. М. Наринский. М.: 1995.
- Егорова Н.И. Истоки советско – американского соперничества в Иране и Турции.1944-1945 гг.- В кн.Американский ежегодник, 1997. М.: 1997.
- Егорова Н.И. Формирование концепции Национальных интересов США на Ближнем и Среднем Востоке, 1944-1946. США и внешний мир. Материалы IV научной конференции ассоциации изучения США, М.: 1997.

- Зорин Л.И. Особое задание. // « Вопросы истории». 1985, № 3.
- Зорин Л.И. Особое задание. М.: 1987.
- Зубок В.М. и Печатнов В.О. Отечественная историография «холодной войны»: некоторые итоги десятилетия. // «Отечественная история». 2003, № 4.
- Ибрагимов И. Участие женщин в национально – освободительном движении народа Иранского Азербайджана. Кандидатская диссертация, Баку, 1965.
- Ибрагимов М.А. О демократическом движении Южном Азербайджане в 1945-1946 гг. Баку, 1948.
- Ибрагимов М.А. Правда об Иранском Азербайджане. Баку, 1949.
- Иванов М. Новейшая история Ирана. М.: 1952.
- Исмаилов Эльдар. Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане. 1945-1953. Баку, 2003.
- Иран: ислам и власть. Отв. Ред. Н.М.Мамедова и Мехди Санаи. М.: 2002.
- История Ирана. Отв.Ред. М.С. Иванов. М.: 1997.
- Кеннан Джордж. Дипломатия второй мировой войны глазами американского посла СССР Джорджа Кеннана. М.: 2002.
- Кендли-Херисчи Г. Развитие южно-азербайджанской литературы в 1941-1946 гг. Баку, 1956.
- Киссинджер Генри. Дипломатия. М.: 1997.
- Комиссаров Д.С. Иран: взгляд в тревожное прошлое. Оружием слова: Статьи и воспоминания советских востоковедов. 1941-1945. М.: 1985.
- Крутихин М. Иранские очерки. Часть четвертая. Азербайджанская авантюра или как Москва вторично предала иранских коммунистов.// <http://www.rusenergy.com/politics/a10112001.htm>
- Лавренев С. и Попов И. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: 2005
- Лазарев М. СССР и Курдистан. // « Азия и Африка сегодня». 1995, № 4.
- Мамедов К. Создание Южно - Азербайджанского народно– демократического государства (1945-1946 гг.).- Кандидатская диссертация, М.: 1950.
- Мамулия Г. Грузия в первые годы холодной войны (неизвестные страницы Иранского и Турецкого кризиса 1945-1947 гг.). // «Вертикали истории». 2003, № 5.
- Мирзаде Г.. Милли Меджлис Иранского Азербайджана и его законотворчество (1945-1946 гг.).- Кандидатская диссертация, Баку, 1971.
- Мустафаев Видади. Национальное самосознание в Южном Азербайджане (I половина XX века). Баку, 1998

- Молотов, Маленков, Каганович 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А.Н.Яковлева. М.: 1998.
- Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 г.), М.: 1978.
- Мусави Ш. Тактика народной партии Ирана в демократическом антиимпериалистическом движении трудящихся Ирана в 1941 - 1949 гг.).- Кандидатская диссертация. Баку, 1960.
- Наджафов Д.Г. К вопросу о генезисе холодной войны.- Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива. Сб. ст. Отв. Ред. Н.И.Егорова, А.О.Чубарьян. М.: 2003.
- Насибзаде Н. Азербайджанский вопрос в Иране (60-70 годы XX века). Баку, 1997.
- Новрузов Ибрагим. Азербайджанская карта (Иранские воспоминания). Баку, 1997.
- Оришев А.Б. Политика нацистской Германии в Иране. СПб, 2005.
- Орлов Е.А.Россия и Иран в XX веке (основные этапы взаимоотношений). - В кн. Иран: ислам и власть. М.: 2002.
- Орлов Е.А. Внешняя политика Ирана после второй мировой войны. М.: 1975.
- Орлов А.. Тайная битва сверхдержав. М.: 2000.
- Очерки истории Российской внешней разведки. Т.5, М.: 2003.
- Парвизпур Б.Х. Советско-иранские отношения в годы второй мировой войны.Тбилиси, 1978.
- Пелипась М.Я. Экспансионистская политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке в 1947-1952 гг. Томск,1989.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., т. I, М.: 1957.
- Печатнов В.О. От союза - к вражде (советско – американские отношения в 1945-1946 гг.).- Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива. Сб. ст. Отв. Ред. Н.И.Егорова, А.О.Чубарьян. М.: 2003.
- Печатнов В.О.Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.Документальные очерки. М.: 2006.
- Пишевари М.Дж. Избранные произведения. – Баку, 1965. (на азерб. яз.)
- Пишевари М.Дж. Избранные произведения. – Баку, 1984. (на азерб. яз.)
- Пишевари С.Дж. История демократического движения в Иранском Азербайджане. Том I-II. Баку, 1947. (на правах рукописи, на азерб. яз.)
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) повестки дня заседаний. Том III. 1940-1952. М.: 2001.

- Попов М.В. Американский империализм в Иране в годы второй мировой войны. М.: 1956.
- Рагимли А. Национально-демократического движения в Южном Азербайджане. Баку, 2003.
- Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941-1945.-М.: 2004.
- Рустамова-Тохида С. Восточная политика Коминтерна и Иран. 1919-1943. Баку, 2001 (на азерб. яз.)
- Сахаров А.Н.. Война и Советская дипломатия: 1939-1945 гг. // «Вопросы истории». 1995, № 7.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941-1945: Сб. документов. Т.4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.), М.: 1984.
- Иран в XX в. М.: 1985.
- Советско-американские отношения. 1945-1948. Под ред. Г.Н.Севостьянова. (Россия. XX век. Документы), М.: 2004.
- Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945-1985). Отв. ред. М.М. Наринский. М.: 1995.
- Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М.: 1946.
- Соцков Лев. Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. М.: 2003.
- СССР и холодная война. Под. Ред. В.С. Лельчука и Е.И.Пивовара. М.: 1995.
- Сталинские депортации. 1928-1953. Под общ. Ред. акад. А.Н.Яковлева, М.: 2005.
- Сталин и холодная война. Отв. ред. А.О.Чубарьян. М.: 1998.
- Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. Отв. ред. А.О.Чубарьян. М.: 1999.
- Стамболцян А.Г. Внутренняя политика правительства национальной буржуазии Ирана (1951-1953). Ереван, 1984.
- Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.:1996.
- Тагиева Ш, Рагимли А, Байрамзаде С. Южный Азербайджан. Баку, 2000.
- Тегеран. Ялта. Потсдам. Сб. документов. М.: 1967.
- Султанов М. Политические партии и группировки в Северном Иране. Баку, 1943.
- Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании (28 ноября-1 декабря 1943 г.) М.:1984.

- Тюленева Н.И. Тени прошлого. // «Военно-исторический архив». № 5, Май 2003.
- Фейс Герберт. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М.: 2003.
- Хандан Дж. Путь удачи. Баку, 1987.
- Холодная война. Новые подходы. Новые документы. Отв.ред. М.М.Наринский. М.: 1995.
- Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. Кн. I-II. Отв. ред. Н.И.Егорова, А.О.Чубарьян. М.: 2003.
- Черчилль У. Вторая мировая война. Том 3, Минск, 2003.
- Чешмазар М.М.. Образование и деятельность Азербайджанской Демократической партии. – Баку, 1986,
- Чубарьян А.О.Новая история «холодной войны». // «Новая и новейшая история». 1994, № 6.
- Чуев Ф.И.. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: 1991.
- Чуев Ф.И.. Молотов: полудержавный властелин. М., 2000.
- Шамиде А.И. Рабочее и профсоюзное движение в Иране под руководством Народной партии Ирана (1941-1946). Кандидатская диссертация, Баку, 1958.
- Шамиде А.И. Рабочее и профсоюзное движение в Иране после Второй мировой войны, 1946-1953 гг. Баку, 1965.
- Abrahamian Ervand. Iran Between two Revolution. Princeton, 1982.
- Abrahamian Ervand. The 1953 Coup in Iran.- Science and Society 65,no.2 (summer 2001).
- Acheson Dean. Present at the Creation. New York, 1969.
- Anderson H. Terry. The United States, Great Britain, and the Cold War, 1944-1947. University of Missouri Press, 1981.
- Arfa Hassan. Under Five Shahs. New York, 1965.
- Atabaki Touraj. Azerbaijan: Ethnicity and Autonomy in Twentieth-Century Iran. – London, 1993.
- Bamberg J.H.. The History of the British Petroleum Company. Volume 2. The Anglo-Iranian years, 1928-1954. Cambridge University press, 1994.
- Barry M. Blechman and Stephen S. Kaplan. Force without War. Washington D.C.: Brookings, 1978.
- Barry M. Blechman and Douglas M.Hart. Afghanistan and the 1946 Iran Analogy. – Survival, Vol .XXII, Nov./Dec. 1980.
- Behrooz Maziar. Tudeh Factionalism and the 1953 Coup in Iran.- International Journal of Middle East Studies. Vol.33, №3, August 2001.
- Bill James A. The Eagle and the Lion: The Tragedy of American-Iranian Relations. New Haven: Yale University Press, 1988.
- Bill James and Roger Louis, eds. Musaddiq, Iranian Nationalism, and Oil. Austin: University of Texas Press, 1988.

Blum J., Margan E., Rose W; Schlesinger A., Stamp K; and Woodward van C. *The National Experience*. New York, 1973.

Bohlen Charles E. *Witness to History, 1929-1969*. New York: W, W. Norton, 1973.

Bouscaren Anthony T. *Soviet Policy in Iran*. – *Current History*, May, 1952.

Byrnes F. James. *Speaking Frankly*. – New-York and London: Harper and Brothers, 1947.

Byrnes F. James. *All in One Life-time*. New York: Harper and Brothers, 1958.

By X. (George F. Kennan). *The Sources of Soviet Conduct*.- *Foreign Affairs*, no.4, July 1947.

Bullard Sir Reader. *Behind the Oil Dispute in Iran*.- *Foreign Affairs*, vol.31,no.3, April 1953.

Bullard Sir Reader. *The Camels Must Go*. London, 1961.

Bullock Alan. *Ernest Bevin: Foreign Secretary*. London: Heinemann, 1983.

Camron Michael Amin. *Selling and Saving «Mother Iran»: Gender and the Iranian Press in the 1940s*.- *International Journal of Middle East Studies*. Vol.33, August 2001. №3.

Chace James. *Acheson: The Secretary of State Who Created the American World*. New York: Simon Schuster, 1998.

Chaqueri Cosroe. *The Russo-Caucasian Origins of the Iranian Left. Social Democracy in Modern Iran*. Curzon. 2001.

Curzon N. George. *Persia and the Persian Question*. New York: Barnes and Noble, vol.2, 1966.

Deringil Selim. *Turkish Foreign Policy During the Second World War: an «active» Neutrality*. Cambridge, 1989

Cottam R.. *Iran and the United States*. Pittsburgh, 1988.

Crayson Benson L. *United States' Iranian Relations*. – Wash., 1981.

Doenecke D. Justin. *Revisionists, Oil and Cold War Diplomacy*.- *Iranian Studies* 3, winter 1970.

Donovan R.. *Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman. 1945-1948*. New-York, 1977.

Douglas O. William. *Strange Lands and Friendly People*. New York: Harper and Brothers, 1951.

Druks Herbert. *Harry S. Truman and The Russians*. New York: Robert Speller and Sons, 1966.

Elwell-Sutton L.P. *Political Parties in Iran*.- *The Middle East Journal*, vol.3,no.1, winter 1949.

Elwell-Sutton L.P. *The Iranian Press, 1941-1947*. «Iran» - *Journal of the British Institute of Persian Studies*. – Volume VI, London, 1968.

Eagleton William. *The Kurdish Republic of 1946*. – London, New-York, Toronto, 1963.

Fatemi S.Faramraz. *The USSR in Iran*. New-York-London, 1980.

Fatemi S.Nasrollah. *Oil Diplomacy Powderkeg in Iran*. New-York, 1954.

Fawcett Louise L'Estrange. *Iran and the Cold War: the Azerbaijan crisis of 1946*. Cambridge University Press, 1992.

Feis Herbert. *From Trust to Terror: The Onset of the Cold War, 1945-1950*. New York, 1970.

Foreign Relations of the United States. *Diplomatic Papers 1945*. Volume VIII. *The Near East and Africa*. Washington D.C., 1969.

Foreign Relations of the United States. *Diplomatic Papers 1946*. Volume VII. *The Near East and Africa*. Washington D.C., 1969.

Gaddis John Lewis. *The Cold War .A New History*. The Penguin Press. New York, 2005.

Gaddis John Lewis. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947*. New York, Columbia Univ.Press, 1972.

Gasiorowski Mark. *The 1953 Coup d'Etat in Iran.- International Journal of Middle East Studies*. Vol.19, № 3, August 1987.

Gasiorowski Mark. *Trying to Revisit the 1953 Coup in Iran: The CIA's Response to a Freedom of Information Act Request.-Society for Historians of American Foreign relations Newsletter* 29, no.3, Sept.1998.

Gavin Francis. *Politics, Power, and U.S. Policy in Iran, 1950-1953.-Journal of Cold War Studies*, vol.1, no. 1, winter 1999.

Gilbert Martin. *A History of the Twentieth Century*. Vol.2. 1933-1951. Harper Collins Publishers, 1998.

Goode James. *The United States and Iran: In the Shadow of Musaddiq*. New York, St. Martin's Press, 1997.

Grosnell F. Harold. *Truman's Crises: A Political Biography of Harry S. Truman*. Westport, Conn.: Greenwood, 1980.

Hamzavi A.H. *Persia and the Powers. An Account of Diplomatic Relations, 1941-1946*. – London, New-York, Melbourne, Sydney. 1946.

Hanna L. Paul. *The Middle East in the Post-War World.- Current History*, January 1946.

Hasanli Jamil. *Southern Azerbaijan 1945: Turning Point in the History .- Caspian Crossroads* , vol.4, Issue 4, 1999.

Hasanli Jamil. *South Azerbaijan the Seen of the First Cold War Engagement Between the USSR and the United State.-Caspian Crossroads*, vol.5, Issue 3, 2001.

Hasanli Jamil. *February 1946: Qavam as-Saltanah's Moscow Visit.- Caspian Crossroads*, vol.6, Issue 3, 2003.

Hasanli Jamil. *At the Dawn of the Cold War: The Soviet –American Crisis over Iranian Azerbaijan, 1941-1946*. Rowman and

Littlefield Publishers, INC. Lanham -Boulder- New York-Toronto-Oxford, 2006.

Heiss Mary Ann. *Empire and Nationhood: The United States, Great Britain, and Iranian oil. 1950-1954.* New York: Columbia, 1997.

Heravi Mehdi. *Iranian- American Diplomacy.* New York: Brooklyn, 1969.

Kaiser Robert. *Cold Winter, Cold War. –* New-York: Stein and Day, 1974.

Kennan F.George. *Memories. 1925-1950.* Boston-Toronto.

Kissinger Henry. *Diplomacy. –* Simon Schuster, New York, 1994

Kuniholm B.R. *The Origins of the Cold War in the Near East: Great power Conflict and diplomacy in Iran, Turkey, and Greece.* Princeton, 1980.

Kuhns Woodrow J., ed. *Assessing in Soviet Threat: The Early Cold War Years .*Washington D.C.:Center for the Study of Intelligence,CIA,1997.

Kuross A. Samii. «Truman Against Stalin in Iran: A Tab of Three Messages». – *Middle Eastern Studies*, January, 1987, №1, Vol.23

Lytle Mark Hamilton. *The Origins of the Iranian-American Alliance. 1941-1953.* New-York, London, 1987.

Leffler P. Melvin and Painter S. David. *Origins of the Cold War. An International History. Second Edition.* Routledge. New York and London.2005.

Lenczowski George.*The Communist Movement in Iran.-The Middle East Journal*, vol.1,no.1,January 1947.

Lenczowski George .*Russia and the West in Iran, 1918-1948.A Study in Big- Power Rivalry.* Cornell University Press, Ithaca, new York, 1949.

Lenczowski George. *United States Support for Iran’s Independence and Integrity, 1945-1959. – The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, May 1972

Loius Roger Wm. *The British Empire in the Middle East, 1945-1951 .*Oxford: Oxford Univ.Press,1984.

Maddox R.J.. *From War to Cold War.* Boulder, London, 1989.

Martin Sicker. *The Bear and the Lion. Soviet Imperialism and Iran. –* New-York-London, 1988

McCauley Martin. *The origins of the Cold War. 1941-1949.* London-New York, 1995

McCullough David. *Truman. –* New-York, 1992.

McFarland L. Stephen. *A Peripheral View of the Origins of the Cold War: The Crisis in Iran,1941-1947.- Diplomatic History*, vol.4,no. 4, 1980.

McGhee George. *Envoy to the Middle World: Adventures in Diplomacy.* New York, Harper and Row, 1983.

Menken Jules. *Britain and the Persian Question.-The National Review*,vol.126, January 1946.

- Messer L. Robert. *The End of an Alliance: James F. Byrnes, Truman and the Origins of the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982.
- Millspaugh C. Arthur. *Americans in Persia*. Washington D.C.: Brookings Institution, 1946.
- Mohammad Mosaddeq and the 1953 Coup in Iran /Ed. By M.J.Gasiorowski and M.Byrne – New York, 2004.
- Nissman David. *The Soviet Union and Iranian Azerbaijan: The Use of Nationalism for Political Penetration*. Westview, 1987.
- Nissman David. *The Two Azerbaijans: A Common Past and A Common Future.- Caspian Crossroads, Issue 2, Spring 1995*.
- Offner Arnold. *Another Such Victory: President Truman and the Cold War, 1945-1953..* Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press, 2002.
- Pahlavi Ashraf. *Faces in thr Mirror*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980.
- Pahlavi Mohammad Reza. *Shahanshah of Iran. Mission for my Country*. London , 1960.
- Pahlavi Mohammad Reza. *Answer to History* .New York, 1980.
- Painter D.S. *Oil and the American Century: The Political Economy of US Foreign Oil Policy, 1941-1954*. Baltimore, MD: John Hopkins University Press, 1986.
- Pfau Rechard. *Containment in Iran, 1946: The Shift to an Active Policy.- Diplomatic History, vol,1,no.4, 1977*.
- Polley Michael. *A Biography of George F. Kennan*. Lewiston, Queenstown, Lamerter, 1990.
- Ramazani K. Rouhollah. *Iran's Foreign Policy 1941-1973*. University Press of Virginia, 1975.
- Ramazani K. Rouhollah. *The Autonomous Republics of Azerbaijan and Kurdish People's Republic: Their Rise and Falls'.-The Anatomy of Communist Takeovers*. Ed. by Thomas T. Hammond. Yale University Press, 1975.
- Roosevelt Archie. *The Kurdish Republic of Mahabad – The Middle East Journal, volume 1, July 1947, № 3*.
- Roosevelt Kermit. *Countercoup: The Struggle for the Control of Iran*. New York: McGraw-Hill, 1979.
- Rosenberg Philipp. *The Cheshire Ultimatum: Truman's Message to Stalin in the 1946 Azerbaijan Crisis. – The Journal of Politics, Vol.41, 1979*
- Rossow Robert. *The Battle of Azerbaijan.1946 - The Middle East Journal,vol.10, no.1,winter 1956*.
- Sattareh Farman-Farmanian, Dona Munker. *Daughter of Persia. – New York, 1992*.

Scheid Fernande Raine. Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran, 1945.-Cold War History, vol.2, №1, October 2001.

Scheid Fernande Raine. Stalin's Reluctant bid for Iranian Azerbaijan, 1941-1946: A View from the Azerbaijani Archives. - Paper for the Conference. "Stalin and the Cold War. 1945-1953", September, 1999.

Scheid Fernande Raine. The Iranian Crisis of 1946 and the origins of Cold War.- Leffler P. Melvin and Painter S. David. Origins of the Cold War. An International History. Second Edition. Routledge. New York and London,2005.

Sheehan K. Michael. Iran: The Impact of United States Interests and Policies. 1941-1954, Brooklyn, 1968.

Skrine Sir Clarmont. World War in Iran. – London, 1962.

Smith Walter Bedell. Moscow Mission. London, 1950.

Smith Walter Bedell. My Three Years in Moscow. Philadelphia and New York, 1949.

Swietochowski T.. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. – New-York, 1995.

Talmadge D.W. The U.N.O.'S First Test.- Current History, March 1946.

The Cambridge History of Iran. Volume 7. From Nadir Shah to the Islamic Republic. Edited by Peter Avery, Galvin Hambly and Charles Melville, Cambridge University Press, Cambridge, 1991.

Thorpe A.James. Truman's Ultimatum to Stalin on the 1946 Azerbaijan Crisis: the Making of a Myth. – The Journal of Politics, Vol.40, 1978

The United States and Iran. A Documentary History. Editors Yohan Alexander and Allan Nanes. – Maryland, 1980

Truman S. Harry. Memories: Years of Trial and Hope. 1946-1952. – New-York, 1956.

Weisband Edward. Turkish Policy. 1943-1945. Small State diplomacy and Great power politics. Princeton, 1973.

Wagnen Van Richard. The Iranian Case 1946. New York: Carnegie Endowment for Peace,1952.

Yearbook of the United Nations. 1946-1947. New York, 1947.

Yegorova I. Natalia. The «Iran Crisis» of 1945-1946: A new from the Russian Archives. Working Paper, Cold War International History Project, № 15. Washington D.C., 1996.

Yodfat A.Y. The Soviet Union and Revolutionary Iran. New York, 1984.

Young Cuyler T. The Race Between Russia and Reform in Iran.- Foreign Affairs, no.2, January 1950.

Young Cuyler T. Iran in Continuing Crisis.-Foreign Affairs, no.2, January 1962.

СССР – ТУРЦИЯ: От нейтралитета к холодной войне. 1939 – 1953 гг.

Готовится к изданию книга доктора исторических наук, профессора Дж. Гасанлы. Это вторая изданная в России книга из серии, посвященной холодной войне на Среднем Востоке. Она представляет собой комплексное исследование советской политики, способствовавшей возникновению в этом регионе конфронтации между державами – победителями во Второй Мировой войне. В книге рассмотрены перипетии советско-турецких отношений в годы войны и первые послевоенные годы, их решающие этапы и поворотные пункты. Базируясь на вновь открывшихся архивных документах, автор воссоздает интересную и реальную историческую панораму политической ситуации конца Второй Мировой войны. Он описывает процесс перерастания турецкого кризиса в один из очагов холодной войны. Профессор Дж. Гасанлы также отражает роль руководства Армянской и Грузинской Советских республик как послушных и активных участников сталинских интриг на Среднем Востоке и Южном Кавказе.

На основании ранее неизвестных документов из архивов США, России, Турции, Армении, Грузии и Азербайджана в книге показано как «умело» и настойчиво советские лидеры превращали в противника миролюбивую и дружественную СССР Турцию. Это способствовало формированию в сознании миллионов советских граждан образа Турции как врага.

Книга предназначена для специалистов в области истории международных отношений, студентов гуманитарных вузов и широкого круга читателей, интересующихся историей нашего недавнего прошлого.

На обложке:

Карта Южного Азербайджана, подготовленная в декабре 1944 г. Генеральным Штабом Красной Армии. Один экземпляр этой карты был отправлен Первому секретарю ЦК КП (б) Азербайджана М.Дж. Багирову с грифом «совершенно секретно», который хранится в Государственным архиве политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики (ГАППОД АР)

Фото: И.В. Сталин, Мохаммед Реза Пехлеви и М.В. Молотов. Тегеран, декабрь 1943 г.

Джамиль ГАСАНЛЫ

СССР – ИРАН: Азербайджанский кризис и начало холодной войны 1941 - 1946

Компьютерная верстка – Р. Акперов
Художественное оформление – Н. Семенова
Корректор – Н. Рустамова

Подписано в печать
Формат 60 X 90 1/16. Бумага офсетная №1
Тираж 2 000
Заказ

Отпечатано
в ОАО ПФ «Красный пролетарий».
Москва, ул. Краснопролетарская, 16
Тел.: +7 (495) 973-90-53; 973-98-53
E-mail: info@pf-kp.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК